



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

### **Usage guidelines**

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

### **About Google Book Search**

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



M



M



M



M



M



M



**ИСТОРИЯ**  
**ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.**

# **ИСТОРИЯ**

# **ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

**ОТЪ НАЧАЛА ЕЯ ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.**

**ЛЕВОНА КОНДРАТОВИЧА**

**(ВЛАДИСЛАВА СЫРОКОМЛИ).**

**ТОМЪ II.**

**ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО**

**О. КУЗЬМИНСКАГО.**

**МОСКВА.**

**ВЪ ТИПОГРАФИИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.**

**1862.**



**ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ**

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ  
узаконенное число экземпляровъ. Москва. Ноября 2 дня, 1861 года.**

**Ценсоръ *И. Росковшанко.***

## VI. ЛЕГКАЯ ПРОЗА.

**САТИРИЧЕСКІЕ ЛИСТКИ. — ПОВѢСТЬ И РОМАНЪ. — СОЧИНЕНІЯ ПРАВСТВЕННЫЯ И ПРАВООПИСАТЕЛЬНЫЯ. — ПУТЕШЕСТВІЯ ПОЛЯКОВЪ ВЪ ДРУГІЯ СТРАНЫ И ЧУЖЕЗЕМЦЕВЪ ВЪ ПОЛЬШУ.**

Переходъ отъ поэзіи къ точнымъ наукамъ составляетъ легкая проза, не имѣющая чисто-ученаго значенія, предназначенная для чтенія популярнаго съ цѣлю соединить пользу съ удовольствіемъ, образовать нравы, или дѣйствовать на общество въ извѣстномъ данномъ направленіи. Въ эпоху Ягеллоновъ намъ остается исчислить нѣсколько книгъ, какъ польскихъ, такъ и латинскихъ (потому-что большинство у насъ читало по-латыни).

Сюда прежде всего принадлежать критическіе листки, пасквили, писанные прозою, и вся такъ-называемая брошюрная литература, которая въ нашей эпохѣ еще довольно бѣдна, но въ эпоху Вазовъ возрасла до огромнаго числа книгъ и сдѣлалась почти тѣмъ, чѣмъ теперь стали наши газеты. Партіи религіозныя и политическія пользовались этимъ оружіемъ для поддержанія своихъ началъ и изложенія своихъ враговъ. До сихъ поръ нѣтъ еще собранія этой богатой отрасли нашей письменности, проливающей столько свѣта на исторію и обычаи Польши.

Здѣсь мы должны вспомнить о знаменитомъ пасквилѣ доминиканца Яна Фалькемберга на Ягелло и Поляковъ; въ немъ монахъ обѣщаетъ царство небесное тому, кто рѣшится истребить Поляковъ и ихъ короля. Этотъ пасквиль на Константскомъ соборѣ въ 1418 надѣлалъ много шума; папа Мартинъ V, нерасположенный къ Полякамъ, безнаказанно пропустилъ это дѣло и приказалъ молчать польскимъ посланъ, которые протестовали противъ него; но отцы собора, какъ свидѣтельствуетъ Длугошъ, соболѣзновали о томъ неумѣренномъ тонѣ, въ которомъ одинъ монахъ позволилъ себѣ отзываться о лучшемъ королѣ, приверженцѣ христіанской религіи.

Какой-то безименный авторъ на латинскомъ же языкѣ въ родѣ басни написалъ преострую сатиру на четвертый бракъ Ягелло съ Пилецкою.

Андрей Кржыцкій написалъ колкія *Diaeta asiatica* на Петровскій сеймъ 1535 года, бывшій въ присутствіи короля. Между прочимъ онъ тамъ осмѣиваетъ Петра Горынского, царедворца Боны.

Кленовичъ писалъ противъ іезуитовъ, Папроцкій чернилъ Яна Замойскаго и т. д.

Польскій *романъ и повѣсть*, предназначавшіеся у насъ для общенароднаго чтенія людей, не знавшихъ языка латинскаго, обязаны своимъ происхожденіемъ не народнымъ потребностямъ, а простой спекуляціи книгопродавцевъ. Въ одно время съ распространеніемъ книгопечатанія пытались-было ввести у насъ средневѣковый рыцарскій романъ, но какъ онъ не соотвѣтствовалъ духу народа, то могло появиться едва лишь нѣсколько образцевъ.

Вѣнсскій типографъ Геронимъ Вѣторъ, привлеченный славою Академіи и умственнымъ движеніемъ въ Польшѣ, перенесъ въ Краковъ свою типографію и, изготовивъ поль-

скій пріютъ, сталъ заботиться о томъ, чтобы выдать что-нибудь «забавное» (krotofilnego), болѣе интересное для народа. Для этой цѣли онъ употребилъ бакалавра *Яна изъ Кошицека*, который съ латинскаго переводилъ для него легкія сочиненія, бывшія въ ходу за границей. Первымъ трудомъ этого рода былъ переводъ очень древней легенды о Соломонѣ и Мархолтѣ подъ заглавіемъ: *Разговоры, которые велъ царь Соломонъ мудрый съ грубымъ Мархолтомъ* (1524 г.). Это первая печатная книга на польскомъ языкѣ; она украшена гравюрами. Цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что разумъ скрывается часто и подъ грубою наружностью и что, повтому, презираемое всѣми дитя народа очень часто принуждено бываетъ для личной своей безопасности прикрывать свое природное остроуміе грубымъ покровомъ дикости.

Мудрый Соломонъ, воссѣдавшій на престолѣ Давидовомъ, увидалъ челоуѣка съ Востока, по имени Мархолта, и его жену. Наружность Мархолта была отвратительно-грязная; но когда царь израильскій хотѣлъ узнать отъ него: кто онъ таковъ, и когда простякъ сталъ говорить съ нимъ простонародными пословицами и поговорками, мудрый Соломонъ, не смотря на то, что не затруднился въ отвѣтахъ и не щадилъ затѣйливыхъ иносказаній, чувствовалъ себя побѣжденнымъ. Стиль, языкъ и остроты этой книги грубы и чрезвычайно наивны. Притчи Соломона, которыя авторъ влагаетъ ему въ уста, заимствованы изъ книгъ Соломона, а поговорки Мархолта взяты изъ устъ простаго народа. Нѣкоторыя изъ нихъ очень удачны; напримѣръ. —

Тен піёрвіѣй гад poczyna, któru zle spiéwa <sup>1</sup>.

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Тотъ охотно начинаетъ первый, кто дурно поетъ.»

Który człowiek plewami sieje swoją rolę,  
Taki nędzę będzie żał i swoją niewolę<sup>1</sup>.

Z tym kot rad mieszka we zgodzie,  
Kto mu da lizać po brodzie.

· Niejednako śpięwa syty z tym, któremu się jeść chce.

Второе сочинение, переведенное Бошычкомъ и изданное издвигениемъ Вѣтора, есть: *Прекрасное и забавное сказаніе о Понціанъ, римскомъ императоръ, какъ онъ отдалъ сына своего Діоклетіана на обученіе семи мудрецамъ*. Быть-можетъ, тому же автору и издателю принадлежить: *Различіе между счастьемъ и добродѣтелью въ исторіи обв одномъ юношѣ* (1524).

Но Вѣторъ, вѣроятно, замѣтилъ, что въ Польшѣ, волнующей религиозными спорами, повѣсть не дѣлаетъ большихъ успѣховъ, а потому бросилъ ее и принялся издавать сочиненія аскетическія.

Были у насъ и романы (но всегда только въ переводѣ), какъ-то: *Знаменитая исторія о Гризелль Силлурской*, заимствованная изъ Боккаччіо, въ которой Вальтеръ, маркграфъ салуцскій, подвергаетъ ужаснымъ, неслыханнымъ испытаніямъ свою жену, чтобъ удостовѣриться въ ея любви. Были также: *Исторія о Мазеллонъ и Фортунатъ*; *Исторія о безобразной Вдовѣ*, *о Барессолъ*; *Забавная исторія о Купцѣ, который съ друзьями бился обв закладъ за вѣрность своей жены*. Но всё эти романтическія и забавныя (какъ утверждали сочинители) исторіи, не переходя въ просвѣщенные слои общества, приводили въ слезы, или смѣшили, однихъ только добродушныхъ мѣщановъ, или мелкопомѣстныхъ шляхтянокъ.

<sup>1</sup> Переводъ. «Кто плевелами засѣваетъ свою пашню, тотъ пожнетъ нужду и горе.»

«Съ тѣмъ кошка живетъ въ мирѣ, кто позволитъ ей лизать свою бороду.»

«Не въ одинъ годъ кость сытый съ тѣмъ, кому хочется вѣтъ.»

Высшимъ значеніемъ литературнымъ и большею извѣстностію пользовались *нравственныя сочиненія* этой эпохи; а для насъ отдаленныхъ потомковъ того времени важнѣе другихъ *нравоописательныя сочиненія*. Рассмотримъ нѣсколько книгъ, написанныхъ въ обоихъ этихъ родахъ.

Патріархъ польскихъ писателей Николай Рей изъ Нагловиць написалъ: *Зерцало или изображеніе, въ которомъ всѣ состоянія могутъ легко увидѣть свои дѣла, какъ въ зеркаль* (1567). Эта драгоценная книга представляетъ жизнь честнаго человѣка, при чемъ авторъ въ трехъ книгахъ, подраздѣляющихся на особыя главы, изображаетъ три періода человѣческой жизни и каждому возрасту даетъ соотвѣственные ему наставленія. Въ отношеніи къ языку это сочиненіе очень замѣчательно: въ немъ мы слѣдимъ за образованіемъ польской рѣчи; по отношенію къ тогдашнимъ нравамъ, авторъ переноситъ насъ на сцену шестнадцатаго вѣка: мы видимъ домашнюю жизнь нашихъ предковъ такъ наглядно, какъ будто бы все это движеніе происходило тутъ же предъ нашими глазами. Юношеству совѣтуетъ онъ предаваться труду, чтенію и упражненіямъ въ рыцарскихъ играхъ, копьемъ попадать въ шапку, или перстень, а потомъ въ избранныхъ обществахъ приучаться къ разговорамъ и приличнымъ шуткамъ; даже танецъ и лютню онъ рекомендуетъ юношѣ, какъ необходимое развлеченіе. Во всемъ совѣтуетъ держаться умѣренности. Вотъ прекрасная картина нравовъ нашихъ предковъ: «Святые предки наши мало знали алебастровъ, мраморовъ, золота, серебра и пестрыхъ обоевъ. Цвѣтки и благовонныя травы были у нихъ обоями; шатерь, или шалашъ изъ хворосту — вотъ ихъ мраморъ и алебастры; хлѣбъ, испеченный на огнѣ, кусокъ жареной баранины — вотъ ихъ блюда; вѣрная любовь, доброжелательная услужливость, справедливость, богобоязненность, умѣрен-

ность—вотъ всѣ ихъ украшенія и всѣ драгоцѣнности». Поэтически говоритъ онъ объ истинѣ, утверждая, что она для всѣхъ добродѣтелей тоже, что майскій дождь для возникающей растительности. Говоря о дружбѣ, онъ употребляетъ особенный родъ сравненія: «Предупредительность и услужливость въ дружбѣ тоже, что салатъ къ жаркому изъ вепря». Рисуетъ образъ друга: «Боже упаси отъ всякаго несчастія, но въ случаѣ нападенія на одного, другой уже стоитъ съ оружіемъ (szagyszupesh). Случится ли какая-нибудь болѣзнь, другой бѣжитъ уже за докторомъ и, гдѣ можетъ, ищетъ помощи. А если услышитъ одинъ, что другаго зовутъ куда-нибудь въ судъ, хотя бы его тамъ и не было, онъ сейчасъ подастъ аппелляцію и будетъ просить отсрочки. Случится ли какое-нибудь безпокойство, или опасность, ты имѣешь какъ будто бы три руки: и добро и зло все пополамъ».

Удачно изображаетъ также добрую и дурную сторону Поляковъ. «Смотри: гдѣ есть королевство, подобное нашему въ славѣ и знаменитости, или есть ли хоть одно изъ окрестныхъ королевствъ, которое бы не потребовало отъ него или какой-нибудь помощи, или какого-нибудь изъ естественныхъ произведеній?.. А все потому, что хотя въ другихъ странахъ и болѣе золота, серебра, пряностей, шелковыхъ тканей и другихъ предметовъ, но вѣдь все же это чуть не даромъ переходитъ къ намъ. Но такихъ людей, такихъ добродѣтелей, такихъ обычаевъ, такого мужества—какой народъ во всемъ этомъ можетъ сравниться съ нашимъ народомъ?... Счастливѣйшимъ называютъ то войско, въ которомъ выдали Поляковъ...

«Если же, обернувши картину, взглянешь и на другую сторону: есть ли гдѣ-нибудь царство болѣе слабое, бессильное и болѣе равнодушное къ своимъ дѣламъ и нуждамъ, чѣмъ это славное и знаменитое королевство наше? Есть ли у насъ хоть

какое-нибудь определенное постановление, кромѣ суетныхъ и пустыхъ призывовъ (wici) на случай, если бы на насъ внезапно напалъ непріятель, чтобы мы что-нибудь съ нимъ дѣлали?.. Взгляни на эти людскіе наряды, уборы, обычаи, наружности; бродятъ толпы молодыхъ людей, которые, кажется, какъ львы, могли бы, по словамъ древней поговорки, и *съ чертомъ бороться*; а если встрѣтится какое-нибудь неважное замѣшательство, они бѣгутъ, ищутъ и не находятъ себѣ убѣжища. Тѣ же, которымъ это и было бы прилично, выглядываютъ изъ-за стѣнъ и за мило спрашиваютъ другъ у друга новостей. Стоять замки... стоять опустѣлыя стѣны; въ нихъ водятся волки и кабаны, и мы бережемъ ихъ, кажется, единственно для охраненія бастіоновъ отъ нашихъ враговъ».

Прекрасны картины сельскаго домохозяйства и внутренняго убранства домовъ честныхъ шляхтичей, «гдѣ приготовлены вкусныя яства», а вокругъ столовъ «блажать ребятишки (błazenkowie kuglują)» и т. д.

Рядомъ съ Реемъ мы привыкли всегда встрѣчать имя Яна Кохановскаго. Прозаическое сочиненіе послѣдняго: *Изложеніе добродѣтели*, заключаетъ въ себѣ много прекрасныхъ и удачныхъ сужденій. Выпишемъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«Слово: добродѣтель, заключаетъ въ себѣ очень многое. Прежде всего мудрость, которая научаетъ насъ чего искать и чего беречься; потомъ справедливость, которая повелѣваетъ воздавать каждому должное; въ-третьихъ величіе духа, которое основывается на презрѣніи земныхъ благъ; въ-четвертыхъ скромность какъ въ словахъ, такъ и въ поступкахъ. А отъ этихъ четырехъ добродѣтелей, какъ отъ четырехъ источниковъ, истекаетъ много другихъ добродѣтелей, исправляющихъ нравы человѣчества».



«Двѣ вещи облагораживаютъ человѣка: нравъ и разумъ. Но если ты долженъ выбрать что-нибудь одно изъ двухъ, то бери лучше добродѣтель, чѣмъ ученость, потому-что ученость безъ добродѣтели—это мечъ въ рукахъ безумца: она вредитъ и себѣ, и другимъ.

«Если случится что-нибудь съ пріятелемъ, помни, что это лучший случай доказать, другъ ты ему, или нѣтъ... тогда прилично тебѣ на зло фортуны, которая такъ непостоянна, твердо держаться твоего друга» и т. д.

Эразмъ Гличнеръ, евангелическій пасторъ въ Гродзискѣ и Бродницахъ, издалъ въ 1558 г. *Книги о воспитаніи дѣтей* (*Ksyażki o wychowaniu dzyeci*). Это полный трактатъ о воспитаніи дѣтяти съ минуты его рожденія до вступленія въ свѣтъ. По мнѣнію автора, ребенка, вскормленнаго молокомъ матери, а не наемной кормилицы, не должно слишкомъ баловать, не наряжать «пышно и нарядно, но шить ему шальвары и казакинчикъ», потомъ отдавать на обученіе, но подъ строгій надзоръ, чтобъ оно «не было похоже на тѣхъ, которые, живя въ школахъ, или коллегіяхъ, мало занимаются науками, а больше ходятъ по корчмамъ, обзрѣвая домъ за домомъ, гдѣ лучше вино, или пиво». Юноша, отданный въ школу, долженъ имѣть добраго гувернера; по окончаніи курса ученія не нужно принуждать его къ выбору состоянія, но предоставить это собственному влеченію юноши. Во времена автора, званіе духовное открывало путь къ первостепеннымъ достоинствамъ. Гличнеръ порицаетъ тѣхъ родителей, которые изъ своихъ расчетовъ облачаютъ сына въ священническую одежду. «Ты ведешь его къ священству, хотя сынъ твой не чувствуетъ въ себѣ ни малѣйшаго призванія къ этому сану. Пускай лучше сынъ твой, батюшка, возьметъ плугъ и косу и, женившись, работаетъ дома, откармливая быковъ, и лучше пусть будетъ добрымъ

хлѣбопашцемъ, нежели злымъ, какъ говорятъ Поляки, попомъ.» Совѣтуетъ женить сына около тридцати лѣтъ, а сыну при выборѣ жены болѣе смотрѣть на добродѣтель и доброту сердца, чѣмъ на красоту, или богатство... Сочиненіе Гличнера, забытое и пренебрегаемое, быть-можетъ, потому, что протестантскаго автора, достойно занять мѣсто на ряду съ первыми произведеніями польской прозы.

Въ книгамъ правоописательнымъ моральнаго содержанія принадлежитъ знаменитый *Царедворецъ* Луки Горницкаго (въ тип. Вѣржебенты, Брак. 1566). Вотъ содержаніе этой книги. У Грековъ была поговорка: «живи такъ, чтобы никто и не зналъ того, что ты живешь въ мірѣ». Горницкій, не раздѣляя этого мнѣнія, напротивъ убѣжденъ въ томъ, что мудрецу «не прилично подобно глупцамъ быть мертвымъ при жизни»; поэтому онъ рѣшается написать сочиненіе, которое бы оставило по немъ воспоминаніе, «а польскому народу оказало услугу». «Я рѣшился, говоритъ онъ, создать польскаго царедворца, заимствовавъ его изъ книгъ *графа Бальчера Кастильона*».

Самуилъ Мацеіевскій приказалъ построить надъ рѣкою Прондникомъ, въ окрестностяхъ Кракова, домъ въ италіанскомъ вкусѣ, главнымъ образомъ «для того, чтобы въ такомъ прекрасномъ мѣстѣ, каковы окрестности Кракова, имѣть уголокъ, гдѣ бы можно было угощать людей постороннихъ и посланниковъ великихъ королей... Такимъ образомъ онъ, подобно второму Сократу, окружалъ себя почтенными учеными и избранными людьми, не жалѣя издержекъ и стараній, привлекая таковыхъ къ себѣ и сзывая богатыми денежными ссудами, такъ, что дворъ его былъ нѣкоторымъ образомъ рыцарскою школою людей, съ которыми онъ жилъ не какъ господинъ съ своими слугами, а какъ отецъ съ дѣтьми... А такъ какъ онъ постоянно жилъ при дворѣ, то

и приставали къ нему всѣ лучшіе изъ царедворцевъ; тамъ всегда было чего послушать и каждому человѣку представлялось открытое поле показать то, что онъ узналъ въ обществѣ тѣхъ избранныхъ людей, которыхъ тамъ было всегда много...» Эти-то разговоры тогдашняго высшаго общества въ Польшѣ и рѣшился передать авторъ. На сколько онъ буквально переводилъ Валтассара Кастильона, на сколько измѣнилъ его и принаровилъ къ нравамъ своего отечества—вотъ вопросъ, заслуживающій сравненія съ оригиналомъ и достойный того, чтобы кто-нибудь имъ занялся. Мы же, съ своей стороны, приведемъ здѣсь нѣсколько мыслей изъ Царедворца, въ которыхъ, какъ намъ кажется, авторъ имѣлъ въ виду не столько дворъ, окружающій магната, сколько министровъ королевскаго двора.

....«Я понимаю это такъ: музыка, пиры, танцы, игра и другія увеселенія — все это какъ бы цвѣтъ; одно только расположеніе государя къ добру и уклоненіе отъ зла составляютъ истинный плодъ общества придворныхъ... И придворный можетъ спасти своего господина и не допустить до того, чтобы счастье могло запятнать его. Ибо изъ множества заблужденій, которыя мы видимъ въ господахъ намъ современныхъ, самыя важнѣйшія: невѣжество и непоумѣрная самоувѣренность, а корень этихъ двухъ золъ не что иное, какъ только обманъ тѣхъ людей, которые вводятъ господъ въ такое о себѣ мнѣніе.

...«У господъ всего менѣе такихъ людей, которые бы говорили имъ правду и напоминали о добрыхъ дѣлахъ. Это потому, что никого изъ враговъ любовь не можетъ расположить принять на себя этотъ трудъ; напротивъ, каждый радуется тому, если господинъ живетъ какъ можно постыднѣе; для нихъ лучше, если онъ даже никогда не исправится. Если бы кто-нибудь изъ друзей и желалъ прямо замѣтить что-нибудь гос-

подину и похулить его поступки, то онъ воздерживается, зная, что за это онъ можетъ быть скоро наказанъ... Лыстець, желая изъ всего извлекать пользу, и дѣлаетъ, и говоритъ то, чѣмъ бы онъ могъ понравиться господину; всего же обыкновеннѣе говоритъ ложь, которая доводитъ господина до того, что онъ не только дѣяній своихъ родоначальниковъ, но и самъ себя перестаетъ знать... Вскруживъ себѣ голову довольствомъ, плавая и почти утопая въ роскоши, они очень обманываются тѣмъ... что непомѣрно надѣваются отъ этихъ пустяковъ и впадаютъ въ самообольщеніе, почему не хотятъ слушать ни совѣта, ни чьего въ мірѣ мнѣнія. А къ этому подобно прибавить еще и то, что царствовать они почитаютъ дѣломъ очень легкимъ, что для этого не нужно никакой другой науки, или упражненій, кромѣ власти и силы. Поэтому-то они и обращаютъ всё старанія къ тому, чтобы вполне сохранить это могущество... Потому, утвердивши все это въ своемъ умѣ и прельщаясь великою самоувѣренностію, они возносятся до удивительной гордости и стараются поддержать ее своимъ надутымъ видомъ, строгостию, великолѣпіемъ, одеждою, золотомъ, драгоценными камнями; къ тому же все время скрываются въ своихъ покояхъ, думая, что этимъ они пріобрѣтаютъ какое-то уваженіе и славу у людей, дабы они принимали ихъ чуть-чуть не за Бога. Но, по моему мнѣнію, эти властелины въ сказанномъ отношеніи суть просто гробы, помѣщенные въ стѣнѣ, потому-что снаружи ничего не можетъ быть прекраснѣе ихъ: вездѣ чистый мраморъ, или мѣдъ, форма, работа, цѣлостъ человѣческихъ членовъ, отдѣланныхъ чуть ли не лучше, нежели какъ они были при жизни; а если бы кто заглянулъ внутрь ихъ, то нѣтъ тамъ ничего кромѣ сирада, земли, праха и гнилыхъ костей. Я скажу еще и то, что эти господа находятся въ большей опасности, нежели гробы, потому-

что гробы всегда такъ хорошо вдѣланы въ стѣну, на такомъ прочномъ основаніи, изнутри такъ прикрѣплены желѣзомъ, что вынестъ и разбитъ не могутъ; господа же, не имѣя ни основанія подъ собою, ни укрѣпленія внутри себя, по причинѣ той тяжести и вѣса, которые они на себѣ носятъ, непремѣнно должны обрушиться и пасть...» и т. д.

Въ этомъ отдѣлѣ мы должны еще упомянуть и о латинскихъ сочиненіяхъ—Шимона Марицкаго: *Обв'училищахъ* (de Scholis etc. Краковъ, въ тип. Шарфенберга), Яна изъ Заблота Рамулта: *Нѣчто о воспитаніи шляхетскаго юношества* (Compendiaria instituendorum nobilium liberorum ratio, 1576), и о польскихъ: Рейнгарда Лорыхія (Loguchiusza): *О добромъ правленіи и воспитаніи*, переведенное Станиславомъ Кошутцимъ (1555); *О друзьяхъ*, соч. Андрея Машуцкаго (въ Добромилѣ между 1530 и 1540 годомъ); Яна Грушинскаго: *Обв обязанностихъ хорошаго общества* (1581).

«Царедворецъ» Горницкаго составляетъ переходъ отъ сочиненій чисто нравственныхъ къ *разсужденіямъ политическимъ*. Въ Польшѣ, гдѣ весь народъ участвовалъ въ дѣлѣ правленія, много было политическихъ разсужденій, писанныхъ для всѣхъ доступно, энергически и сильно. Первое между ними мѣсто занимаетъ сочиненіе знаменитаго протестанта Андрея Фрыца Модржевскаго: *«De republica emendata»* (1551); спустя 26 лѣтъ послѣ своего появленія оно переведено на польскій языкъ *Випрїяномъ Базиликомъ* подъ заглавіемъ: *Обв исправленіи республики* (1577.) Приведемъ содержаніе этой замѣчательной книги, сокращая только выраженія автора, его же собственными словами, для того, чтобы показать, какъ ясно понималъ Модржевскій недостатки своего правительства и потребности народа.

Въ ветушеніи авторъ опредѣляетъ республику. «Это—говорить онъ—союзъ людей, хорошо сложенный, состоящій изъ различныхъ сословій, направленный къ доброй счастливой жизни. Республика—это какъ бы тѣло, въ которомъ ни одинъ членъ не служитъ самъ себѣ, но глаза и руки и ноги и всѣ другіе члены какъ будто бы вмѣстѣ о себѣ пекутся и власть свою употребляютъ такъ, чтобы въ добромъ состояніи было и все тѣло; а когда оно благоденствуетъ, то и члены не знаютъ никакой обиды... а какъ членъ, оторванный отъ тѣла, не живетъ уже и недостойнъ того, чтобы называть его собственнымъ его именемъ, такъ и ни одинъ гражданинъ не можетъ и не долженъ жить внѣ республики...»

Обозрѣвши различныя формы правленія, онъ говоритъ: «Но самую лучшею считаютъ такую республику, которая сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ три способа, гдѣ власть королей всѣмъ управляетъ, лицамъ сановитымъ раздаютъ важнѣйшія должности, а всѣмъ равно можно стремиться къ славѣ, надъ всѣми законъ имѣетъ одинаковую власть.»

Авторъ дѣлитъ свой трудъ на пять книгъ: первая предметомъ своимъ имѣетъ *обычаи*, вторая *законодательство*, третья разсуждаетъ *о войнѣ*, четвертая (эту часть Киприанъ Базиликъ пропустилъ какъ щекотливую) *о вѣроисповѣданіи и боюслуженіи*, последняя объ *училищахъ*. Книга о нравахъ начинается воспитаніемъ дѣтей.

«Пусть родители въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей берутъ въ примѣръ тотъ поступокъ Христа, когда Онъ сказалъ: Не препятствуйте дѣтямъ приходить ко Мнѣ!... и цѣлуя возлагалъ на нихъ руки и благословлялъ. Пусть же родители постараются обучить дѣтей своихъ тѣмъ наукамъ, изъ которыхъ бы они вдругъ еще въ младенствѣ могли познать добро и зло... а болѣе всего, чтобы воздерживали ихъ

отъ роскоши, потому-что гдѣ она господствуетъ, тамъ не можетъ утвердиться добродѣтель. Нужно также, чтобы приучали ихъ къ умѣренности въ пищѣ, которая не должна быть изысканна и воспалять внутренностей, потому-что этотъ возрастъ и безъ того горитъ врожденнымъ ему жаромъ: не нужно поэтому огня пригладывать къ огню. Также пускай приучаютъ ихъ къ перенесенію холода и жара и къ жесткому ложу... чтобы мальчики и дѣвушки не проводили юныхъ лѣтъ своихъ въ праздности, но чтобы отбирали отъ нихъ заданные имъ уроки рукодѣлія... Могутъ они также не возбранять дѣтямъ ѣздить верхомъ и заниматься другими пѣшеходными забавами, т. е. прогулками, или какимъ-нибудь прыганьемъ, или бросаніемъ камней, или игрою въ мячъ и другими подобными играми, только бы они все это дѣлали съ умѣренностію. Также нужно учить мальчиковъ тому, какъ они должны держать себя въ отношеніе къ другимъ, чѣмъ они обязаны родителямъ, сосѣдямъ, республикѣ.. Нужно также дѣтямъ указывать Христа... водить ихъ въ храмъ на проповѣди, чтобы познавали они обряды богослуженія. Родители, замѣтивъ и оцѣнивъ разумъ ихъ и юное остроуміе, пускай упражняютъ его въ такихъ наукахъ, или ремеслахъ, къ которымъ влекла бы ихъ сама природа... Вошло въ обычай, что родители, желая видѣть дѣтей своихъ чѣмъ-нибудь прославленными, отсылаютъ ихъ во дворъ; но не всегда это бываетъ полезно юношѣ... Теперь придворные убиваютъ время въ игрѣ въ кости, въ волокитствѣ, пирахъ и попойкахъ; не только ручная работа теперь у нихъ въ презрѣніи, но знать даже свободныя науки кажется имъ дѣломъ слишкомъ деревенскимъ.»

Съ X-ой главы (1 кн.) предметъ приобретаетъ болѣе занимательности: авторъ переходитъ къ образу отечественнаго правленія... «У Поляковъ великое имѣетъ значеніе сосло-

віе шляхетское, высылающее изъ каждаго уѣзда на сеймъ своихъ депутатовъ, безъ согласія которыхъ никакіе уставы не могутъ имѣть силы; они тщательно должны наблюдать за тѣмъ, чтобы республика не потерпѣла какого-нибудь ущерба: я самъ видѣлъ, какъ это дѣлали, и дай Боже чтобы продолжалось такъ и во вѣки. Но случается иногда замѣтить, что они излишне любятъ свое сословіе, защищаютъ болѣе свои права, чѣмъ республику... Много также зависитъ и отъ того, чтобы стулъ сенаторскій былъ устроенъ, какъ можно лучше. Кромѣ сената, который собирается только для дѣлъ большей важности, королю прилично имѣть еще подлѣ себя нѣсколько лицъ, съ которыми бы онъ обо всемъ совѣщался; таковыя должны быть вѣрными и украшаться молчаніемъ... Мужи совѣта должны быть внимательны и осторожны; ни одинъ изъ нихъ да не ищетъ корысти, да не увлекается любовію, или ненавистію. Ибо сердце, пылающее любовію, или ненавистію, не способно познавать правду. Вѣрному сенатору подобаетъ внимать правдивымъ совѣтамъ другихъ и по ненависти, которую бы онъ питалъ къ нимъ, не отвергать ихъ совѣтовъ; а есть и такіе, которые отвергаютъ чужой голосъ потому только, что стыдятся повторять то же самое, что по истинѣ смѣшно и низко». Авторъ переходитъ къ власти исполнительной.

«Безотлагательная обязанность старость состоитъ въ томъ, чтобы дома хранить миръ между людьми, давать отпоръ внезапному вторженію непріятелей, исполнять приказы и опредѣленія королей и судей. Но сажъ я видѣлъ, какое неправосудіе царствуетъ въ городахъ и замкахъ, подобно тому какъ въ лѣсу, гдѣ нѣтъ начальника. О по истинѣ, милостивые, почтенные, высокородные господа! вы слишкомъ нерадивы ко вреду отечества, а потому и достойны вы наказанія... Мнѣ кажется, что въ республикѣ не-



обходимо установленіе, которое бы наблюдало за нравственностію. У Римлянъ и Грековъ были таковыя. У нихъ государственнѣй мужъ и шляхтичъ, жены и весь народъ, должны были исполнять свои обязанности: иначе они подвергались наказанію. Супружества также имѣли своихъ стражей. Хорошо было бы также, чтобы надзиратели на рынкахъ и ярмаркахъ внимательно слѣдили за тѣмъ, что продаютъ, какъ и по какой цѣнѣ, чтобы цѣны на все назначались по цѣнѣ на хлѣбъ; также слѣдуетъ уничтожить тотъ обычай по которому одинъ скупаеть во всемъ государствѣ извѣстнаго рода товаръ для того, чтобы потомъ самому продавать его, потому-что на этихъ розахъ одинъ богатѣеть, а многіе доходятъ до убожества. Общественныя зданія и дома также должны имѣть своихъ надсмотрщиковъ, которые берегли бы ихъ отъ огня и разрушенія. Въ благоустроенной республикѣ долженъ также быть чиновникъ, который бы строго наказывалъ пьяницъ и празднолюбцевъ, запрещалъ бы расточительность, развратъ, пиры и азартныя игры и никому не позволялъ бы оставаться празднымъ... Есть люди истинно бѣдные, которымъ не достаетъ силъ и пропитанія: таковыя должны быть призриваемы; но тѣ, которые нищенствуютъ по улицамъ, сочиняя себѣ какую-нибудь немочь или болѣзнь, если они туземцы и могутъ трудиться, пускай принуждаютъ ихъ къ работѣ; если же пришельцы, то пускай отсылаютъ ихъ въ свои города... Пусть будетъ установлено учрежденіе, которое бы призирало бѣдныхъ и добросовѣстно распоряжалось бы тѣмъ, что будетъ назначено на ихъ нужды... Истинная благотворительность и состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать добро тому, кто ничѣмъ не можетъ вознаградить за оное.

«Пускай войдетъ въ обычай, чтобы при раздачѣ должностей обращалось самое большее вниманіе на добродѣтель. Ко-

роль пускай не вдается въ обманъ этимъ, дыму подобнымъ гербомъ древнихъ предковъ, или фамилій; пускай напередъ испытаетъ онъ разумъ и природу того, кого хочетъ возвысить; пускай послушаетъ его рѣчей въ совѣтѣ, или въ судахъ; пусть испытаетъ его совѣты, узнаетъ его дѣла на полѣ ратномъ, или дома... Многіе думаютъ, что при раздачѣ должностей прежде всего нужно смотрѣть на благородство и честь дома, а не на достоинство; нужно поправить эту ошибку... Есть нѣкоторыя достоинства, въ которыхъ сословія прямо наследуютъ отъ своихъ отцевъ, какъ-то: распоряжаются тѣми людьми, которые были закрѣплены за ихъ родителями, и это постановленіе у насъ чрезвычайно жестоко, потому-что поселянину запрещено жаловаться на своего помѣщика, если бы онъ даже получалъ самую великую обиду... И то нужно было бы завести, чтобы надзиратели производили слѣдствія о помѣщикахъ и жестокихъ наказывали... Законъ Магометовъ запрещаетъ почитать рабомъ кого-нибудь той же вѣры. А мы, христіане, которые исповѣдуемъ истинную вѣру въ Бога, не стыдимся имѣть у себя христіанъ рабами... Помѣщики отнимаютъ у своихъ поселянъ землю, собственность, а въ иныхъ уѣздахъ продаютъ ихъ, какъ скоть... Каждый сердится, если мы, обращаясь къ нему, говоримъ какъ къ нему одному; мы уже почти потеряли употребленіе этого слова: *ты*; обращаясь къ кому-нибудь одному, нужно рѣчь свою располагать такъ, какъ будто бы говорилось о многихъ. Другіе не довольствуются отиѣною числа, если ты не измѣнишь лица. Отселѣ-то и вытекаетъ множество этихъ: *wielmożności* (высокородіе), *jasności* (свѣтлость), *miłości* (милость), *miłości-wania* (тоже), *wielebności* (преподобіе), *świętobliwości* (преосвященства). Смѣшномъ по истинѣ этотъ обычай; къ этому присоединилось еще обыкновеніе набивать всю нашу

рѣчь гасzeniem (благоизволеніемъ), или waszmościami (сударь), каждому поручать себя и свои услуги».

Во второй книгѣ: *О Законахъ* (о Prawach), Модржевскій высказалъ не мало прекрасныхъ мыслей; приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ. «Всѣ законы должны быть справедливы и направлены къ общему благу, ибо кто радъ такому врачевству, которое исцѣляетъ одну часть тѣла, а другой вредить? Такъ въ нашей республикѣ есть законъ, по которому если бы человѣкъ простаго сословія убилъ шляхтича, или жестоко его ранилъ, то подвергается смерти, а шляхтичъ (за убіеніе поселяннина) можетъ выкупиться деньгами... Каждое важное насиліе, а въ особенности челоуѣкоубійство, должно быть наказано смертію. Какое безчеловѣчіе такъ мало цѣнить жизнь поселяннъ, безъ услугъ которыхъ мы вовсе не можемъ обойтись!.. Но насъ не трогаютъ несчастія обыкновенныхъ людей, не трогаютъ насъ кровь людей невинно избиваемыхъ... нужно бояться кары небесной, какой-нибудь ужасной бури, которая бы съ корнемъ не уничтожила всѣхъ насъ, и дома, и народы, и наконецъ самое имя Польши».

Подаетъ проектъ новаго судопроизводства.

«И то нужно установить, чтобы не всѣ дѣла принадлежали королю и сейму, но чтобы были и другія главные судилища, ибо мы видимъ, что король никонимъ образомъ не можетъ управиться съ такимъ множествомъ подсудимыхъ; сеймъ сзывается только на одинъ разъ, а между тѣмъ люди терпятъ столь разнообразныя притѣсненія отъ своихъ враговъ. Пускай бы въ главнѣйшихъ городахъ былъ судъ, состоящій *напримѣръ* изъ девяти юристовъ: трехъ изъ духовнаго званія, трехъ изъ дворянства и трехъ изъ городскихъ обывателей; пускай бы по числу лицъ онъ на-

звался Судомъ или Палатою Девяти; пускай бы они постоянно засѣдали въ судѣ, кромѣ праздниковъ, поры жатвы и сейма. Срокъ разбирательства и рѣшенія каждаго дѣла, пускай бы былъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Пускай бы они имѣли право окончательно рѣшать всѣ дѣла безъ дальнѣйшихъ апелляцій. Пускай бы никто не дерзалъ прекословить ихъ приговору, развѣ въ случаѣ какого-нибудь новаго, неслыханнаго дѣла. Тогда бы только судьи допускали апелляціи къ королю и сейму, а рѣшеніе короля было бы уже для нихъ закономъ на будущее время. Пускай бы республика обдумала всѣ ихъ потребности; а городъ удобный для учрежденія подобныхъ судовъ, былъ бы Краковъ, или Петровъ, потому именно, что оба они лежатъ на равномъ разстояніи отъ всѣхъ почти уѣздовъ...»

Читатели да позволяютъ намъ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе. Мысль Фрыча Морджевскаго о *Палатѣ Девяти*, высказанную имъ въ 1551 году, развилъ и привелъ въ исполненіе Стефанъ Баторій, учреждая въ 1578, т. е. 27 лѣтъ спустя, *Государственный Трибуналъ* (Tribunal koronny). Намъ такъ и кажется, что Замойскій, которому, какъ извѣстно, принадлежитъ первая мысль о Трибуналѣ, почерпнулъ ее изъ книги Фрыча Морджевскаго. Для доказательства сличимъ проектъ Фрыча съ уставомъ Трибунала.

Морджевскій не говоритъ, должна ли *Палата Девяти* судить по назначенію короля, или отъ народа; Баторій сдѣлалъ прекрасную уступку отъ прасъ королевскихъ, дозволивъ гражданамъ самимъ и изъ собственной среды своей избирать трибунальныхъ чиновниковъ.

Морджевскій хочетъ, чтобы *Палата Девяти* слагалась изъ депутатовъ отъ духовенства, шляхты и мѣщанъ; Баторій устанавливаетъ, чтобы трибунальные депутаты избирались по одному или по два изъ шляхты каждаго воеводства, а

духовенство изъ каждой кафедрѣ епископской высылало опредѣленное число депутатовъ. Мѣщане не были состояніемъ въ конституціонномъ смыслѣ этого слова, а потому имъ и не было даровано это право.

Модржевскій предполагаетъ мѣстомъ засѣданій Трибунала назначить Петровъ, или Краковъ; Стефанъ Баторій, чтобы удовлетворить великопольскимъ и малопольскимъ провинціямъ, назначаетъ города Петровъ и Люблинъ, въ которыхъ должны судить трибунальные чиновники по полугодію ежегодно въ каждомъ городѣ.

Модржевскій желаетъ, чтобы на Палату Девяти не было апелляцій, развѣ къ одному королю, и то въ чрезвычайныхъ только случаяхъ: этотъ проектъ исполненъ во всей своей силѣ. Баторій въ Уставѣ Трибунала говоритъ: «Если обѣ стороны будутъ имѣть равное число голосовъ, то дѣло переносится къ намъ, къ королю... Также, если бы въ дѣлахъ человѣческихъ явилось что-нибудь новое, на что въ статутѣ не было бы и намека, тогда такое дѣло отлагается до сейма для исправленія».

На тѣхъ же основаніяхъ въ 1584 году учрежденъ Литовскій Трибуналъ.

Возвратимся къ дальнѣйшему обзору сочиненія Модржевскаго: *Объ исправленіи республики*. Третья книга трактуетъ о войнѣ.

«У насъ какъ скоро появятся малѣйшіе слухи о войнѣ, какое своеволие съ тѣмъ вмѣстѣ возникаетъ между шляхтою, которая отправляется на эту войну! Еще прежде чѣмъ непріятель вступить въ отечественную землю, она уже успѣетъ надѣлать людямъ множество обидъ, и увѣзжаетъ, унося съ собою плачь и общее нарѣканіе. О! здѣсь необходимо было бы другое установленіе; часто я о немъ думаю... Было бы хорошо, если бы вовсе не настояла необходимость

вести войну; потому лучше бы всего поддерживать миръ со всѣми прочими государствами, миръ постоянный и неизмѣнный безъ коварствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда быть въ готовности къ войнѣ и отпору. Пускай границы наши будутъ опоясаны солдатами и другими средствами къ оборонѣ: это испугаетъ Татаръ, которые, слыша, что воины наши стоятъ на границахъ, не стали бы воевать нашихъ земель. Пускай пограничные замки будутъ крѣпко построены и снабжены припасами; пускай дѣти закаленные будутъ искусны въ дѣлахъ рыцарства; пускай были бы заведены для этого и особаго рода училища; пускай бы на всякій случай назначено было время, къ которому все рыцарство съѣзжалось бы въ опредѣленные мѣста, съ оружіемъ и лошадьми, со всѣми снарядами, словно на войну. Пускай также заботятся они объ обученіи своихъ лошадей, ибо отъ этого не мало зависитъ... Солдатамъ нужно вести такую жизнь, которая бы обнаруживала въ нихъ страхъ Божій и любовь къ чести, потому-что кто осмѣлится стать въ строю воинскомъ, если его будетъ терзать его совѣсть? не только врагъ, но и шумъ древесныхъ листьевъ будетъ его беспокоить. Когда войско соберется въ лагерь, очень вредно оставлять воиновъ въ праздности; пускай вожди занимаютъ ихъ играми, маневрами, рыцарскими упражненіями, чтобы они не коснѣли въ лѣности... Для другихъ потребностей, какъ во время мира, такъ и войны, пускай бы основанъ былъ общественный банкъ. Всѣ богатые на первый годъ пусть бы сложили половину своихъ годовыхъ расходовъ, а въ остальные годы пускай бы каждый давалъ двадцатую часть своихъ доходовъ. Кто вступаетъ въ какую-нибудь должность, духовную, или свѣтскую, или получаетъ помѣстья въ вѣчную собственность отъ короля и республики, тотъ цѣлый годовой доходъ долженъ внести въ казну; а поселяне, мнѣ ка-

жется, должны быть уволены отъ всѣхъ податей, потому что они и безъ того платятъ помѣщикамъ ежегодные оброки и трудятся на нихъ каждый день. Основана была бы такия образомъ общественная казна; пѣни, взимаемыя за преступленія, также обогащали бы ее; пусть бы она хранилась въ Краковскомъ, или Петровскомъ замкѣ, пускай были бы три мужа, которые бы берегли ее: одинъ отъ Великой Польши, другой отъ Малой, третій отъ короля. О! какая польза простяла бы отъ этого казнѣ: была бы одна грудь, одна тѣтва на каждаго непріятеля республики; она могла бы удовлетворять изъ этой казны и другимъ своимъ потребностямъ; а если бы она не нуждалась въ этихъ деньгахъ, тогда граждане свои, могли бы брать изъ нея себѣ въ долгъ столько, на сколько это можетъ представить залога и поручительства. А тотъ, кто одолжаетъ, пускай бы обязывался давать пять или четыре злотыхъ отъ ста, каковыми деньгами умножалась бы казна; но слѣдовало бы дѣлать хорошія условія для каждой суммы, отпускаемой въ долгъ».

Въ четвертой книгѣ: *Объ училищѣ*, въ особенности обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мысли:

«Школьное состояніе, какъ самое лучшее для и людей наиболѣе полезное, всѣми мѣрами должно быть охраняемо отъ превратности сужденій и разврата нѣкоторыхъ людей нашего вѣка, которые, желая одного только богатства и блеска, предоставляютъ науки и весь этотъ механизмъ ученія дюжиннымъ людямъ...»

«Духовные должны платить и обезпечивать школьныя потребности, такъ какъ самыя имена ихъ должностей и санъ ими занимаемый, показываютъ, что они предназначены упражняться въ наукахъ и распространять ихъ, а имущества ихъ служить дѣлу благотворительности и т. д.»

Теперь намъ слѣдуетъ говорить о политическихъ сочиненіяхъ *Станислава Оржеховскаго*, того священника, который вступилъ въ бракъ, того знаменитаго оратора, котораго современники называли латинскимъ Демосееномъ и польскимъ Цицерономъ. На поприщѣ религиозныхъ споровъ онъ состязался нѣкогда съ Фрычемъ Модржевскимъ: потому намъ невольно приходитъ желаніе сравнить характеры этихъ двухъ великихъ писателей польскихъ.

Оба они были глубоко учеными людьми своего времени, оба люди мыслящіе и начитанные; но Модржевскій по преимуществу былъ уменъ, Оржеховскій по преимуществу страстенъ. Модржевскій, смотря окомъ мудреца на предметы вѣры и отечества, холодно, логически требуетъ исправленія; Оржеховскій быстрымъ движеніемъ ока обнимаетъ предметъ, все остальное угадываетъ какъ бы поэтическимъ инстинктомъ и вдругъ, молніеносно бросаясь въ борьбу, горько высказываетъ то, что, по его мнѣнію, требуетъ исправленія. Модржевскій спокойно излагаетъ свои мысли, ожидая покажѣсть стеченіе обстоятельствъ, размышленіе и опытъ соотечественниковъ не приведетъ ихъ въ исполненіе; Оржеховскій досадуетъ, терзается, онъ хотѣлъ бы видѣть мысль свою вдругъ исполненною, и прежде совершаетъ дѣйствіе, а потомъ уже умиствуетъ для оправданія своего поступка. Модржевскій, хотя и протестантъ, однакожъ полонъ духа примиренія, пишетъ *Sylvae* для соединенія различныхъ сектъ христіанскихъ и ѣдетъ къ папѣ Павлу IV, чтобы исходатайствовать у него пять пунктовъ уступокъ церкви Польской; Оржеховскій, священникъ и католикъ, нарушаетъ основной законъ римскаго духовенства, женится и гордо препирается съ Юліемъ III. Модржевскій исповѣдуетъ вѣру протестантскую, такъ какъ она согласуется съ его совѣстію и болѣе гармонируетъ съ холодною сурово-



стію ума, привыкшаго помышлять объ исправленіи всего того, что ему кажется несообразнымъ; Оржеховскій, слишкомъ пылкій для того, чтобы вздыхать объ узахъ семейныхъ, вступаетъ въ бракъ для того только, чтобы поставить на своемъ, не перестаетъ быть священникомъ и католикомъ потому только, что стычки протестанта съ католиками кажутся ему дѣломъ слишкомъ обыкновеннымъ, для него нужна сфера особенная, положеніе исключительное, нужны животворные предметы для спора. Проникнутый убѣжденіями католическими, онъ ратуетъ противъ протестантовъ, какъ ревностный приверженецъ Рима, но борется и съ польскими епископами, какъ защитникъ реформы. Дзіадускій, Кромеръ, Станкаръ, Стадницкій или Модржевскій, всѣхъ ихъ онъ считалъ годными для себя противниками, лишь бы ему видѣть себя ратоборцемъ; потому что, чувствуя въ себѣ потребность борьбы, онъ долженъ былъ все жечь какъ огонь—иначе онъ не могъ существовать. Модржевскій свято исповѣдуетъ тѣ истины, которыя онъ принялъ, Оржеховскій судорожно бросается то на право, то на лѣво, измѣняетъ убѣжденія, ему тѣсно въ кругу принятыхъ понятій. Безпокойному духу вездѣ дурно, онъ сегодня съ жаромъ нападаетъ на то, предъ чѣмъ вчера преклонялъ колѣна.

Разсмотримъ вкратцѣ жизнь и политическія сочиненія Оржеховскаго.

Родившись въ 1513 г. въ окрестностяхъ Перемишля на Руси (въ нынѣшней Галиціи), онъ на четырнадцатомъ году былъ въ Вѣнѣ и изучалъ древніе языки. Изъ Вѣны отправился въ Виттенбергъ — колыбель протестантизма, и тамъ въ обществѣ первѣйшихъ умовъ религіозной реформы, Лютера, Меланхтона, Цвингли и Карштадта, въ немъ началъ ослабѣвать духъ католическаго правовѣрія. Потомъ онъ уѣхалъ въ Падую и Римъ, гдѣ, занимаясь науками до

1541 г., былъ посвященъ въ священника. Папа, видя огромныя способности Оржеховскаго, желая съ молодыхъ лѣтъ возвести его на первѣйшія церковныя степени, и сдѣлать столбомъ поколебавшагося польскаго католицизма, наименовалъ его архидіакономъ и кафедральнымъ деканомъ Перемышля, кромѣ того онъ имѣлъ приходъ въ Побѣдницѣ, выхлопотанный для него отцомъ, когда онъ былъ еще ребенкомъ.

Въ Римѣ, гдѣ онъ видѣлъ католицизмъ во всемъ его величіи, гдѣ былъ въ обществѣ съ первѣйшими іерархами вѣры, Оржеховскій впалъ въ другую крайность—фанатизмъ. Но его неестественный жаръ остылъ, когда онъ сошелся съ кардиналомъ Контарини, который, будучи ревностнымъ католикомъ, требовалъ однако отъ римской церкви извѣстнаго рода уступокъ и преобразованій. Эти разнородныя впечатлѣнія, встрѣчи съ людьми разнородныхъ убѣжденій, начали колебать молодой, гибкій, огненный характеръ Оржеховскаго, начали дѣйствовать на его умъ, любопытный, и жаждавшій новаго. Не отдавая себѣ точнаго отчета во всѣхъ своихъ чувствованіяхъ и впечатлѣніяхъ, захваченныхъ имъ на двухъ противоположныхъ полюсахъ тогдашнихъ мнѣній, онъ хотѣлъ примирить одни съ другими, не какъ холодный мыслитель, но какъ юный безумецъ. Религіознымъ его ученіемъ (говоря по настоящему) остался *католицизмъ, примѣненный къ духу вѣка*.

Въ такомъ расположеніи духа онъ возвратился въ Польшу, гдѣ въ эту пору настала минута великаго умственнаго движенія относительно вѣры, гдѣ политическая свобода выработала себѣ свободу слова и книгопечатанія. Оржеховскій, побуждаемый чувствомъ юношескаго сердца, или (что правдоподобнѣе) желая вызвать щекотливый споръ, написалъ латинскую рѣчь *противъ безбрачія священниковъ* (*Oratio*

contra coelibatum). Колеблющееся въ религиозныхъ убѣжденіяхъ, русско-латинское вѣроисповѣданіе, разрѣшавшее вступленіе въ бракъ священнослужителямъ, показался наиболѣе вѣрнымъ, среднимъ пунктомъ, между протестантскою свободою и правовѣріемъ римскимъ. Не переходя открыто къ этому исповѣданію, онъ былъ его приверженцемъ, и разрѣшая сомнѣнія своей совѣсти, онъ жилъ въ невольной связи съ Анною Запарцянкою, и дѣтей своихъ отъ этой связи, крестилъ подъ своимъ собственнымъ именемъ. Для него было особенно важно сдѣлать гласнымъ принятое имъ правило, что *католическій священникъ можетъ не быть безбрачнымъ*. У Ореховскаго дѣйствіемъ подтверждалась мысль. Здѣсь началась борьба между нимъ и перемышльскимъ епископомъ, то за догматъ безбрачія, то за мѣста и приходы, которые онъ безпрестанно перемѣнялъ. Церковная кафедра и полемическія письма образовали въ немъ то краснорѣчіе, которымъ онъ владѣлъ во всю свою жизнь. Подвижной мысли Ореховскаго слишкомъ тѣсно было въ границахъ религиозныхъ споровъ, и въ 1543 году онъ выступаетъ на поприще политическаго писателя съ латинскою рѣчью: *Oratio qua Polanos equites hortatur ad bellum contra Turcas*, которую Янушовскій перевелъ подъ заглавіемъ: *О движеніи польской земли противъ Турокъ*; но дѣла религиозныя снова отвлекли его перо на поприще религиозной полемики.

Въ эту эпоху жизни, Ореховскій, увлеченный правилами русскаго исповѣданія, издалъ на латинскомъ языкѣ разсужденіе *О крещеніи русскихъ* (Baptizma Ruthenorum 1544 г.), нападалъ на лютеранъ, и какъ ревностнѣйшій католикъ издалъ *Защитеніе Христовой церкви* (Ecclesiae Christi contra M. Luterum defensio 1546 г.).

Въ слѣдующемъ, 1547 году, Оржеховскій, призванный передъ судъ епископовъ за развратную жизнь, приверженность къ русскому исповѣданію и сочиненіе о безбрачій священниковъ, смиренно, торжественно отрекся отъ своихъ заблужденій, а о книгѣ утверждалъ, что она издана по мимо его воли.

«То — говоритъ онъ — что я писалъ, послано было мною изъ Руси въ Краковъ, къ Мартину Кромеру въ руки друга моего Якова Пржмылускаго, съ просьбою, чтобы Кромеръ, посоветовавшись съ умными людьми, въ которыхъ нѣтъ недостатка въ Краковѣ, пересмотрѣлъ эту рѣчь, сдѣлалъ о ней свое заключеніе, и не иначе издалъ, какъ съ моего согласія. Но вышло иначе: черезъ нѣсколько дней по присылкѣ въ Краковъ, рѣчь эта съ такою быстротою разошлась по рукамъ, что вскорѣ читали ее не только въ Краковѣ, но во всей Польшѣ, Пруссіи и цѣлой Руси, гдѣ она была принято съ неслыханнымъ энтузіазмомъ».

Буря утихла на время; Оржеховскій, примирившись съ епископомъ, сдѣланъ былъ кафедральнымъ оффиціаломъ и написалъ *Разсужденіе противъ клеветы* (*Diatriba contra calumniam* 1548 г.), гдѣ онъ нападаетъ на епископа Тарлу, который предалъ было его проклятію и преслѣдовалъ вооруженною силою, и превозноситъ Павла Дзіадускаго.— Это продолжалось недолго.

Въ томъ же (1548) году, онъ произнесъ прекрасную латинскую рѣчь на смерть Сигизмунда I.

Юнаго Сигизмунда Августа, онъ привѣтствовалъ не слишкомъ лестнымъ латинскимъ сочиненіемъ подъ заглавіемъ: *Вѣрный подданный о королевскомъ постановленіи и заботливости о добромъ управленіи подданными* (*Fidelis subditus de institutione regia, et cura probe regendi subditos* 1549).

Оржеховскій энергически изображаетъ поступки добраго короля, живыми красками характеризуетъ придворныхъ льстецовъ, изнѣженность двора выставляетъ какъ бѣдствіе отечества, и потому совѣтуетъ королю менѣе проживать въ Краковѣ и Вильнѣ, этихъ притокахъ празднои роскоши, а по приѣзду прежнихъ монарховъ чаще посѣщать свое государство. «Лихомца, говоритъ Оржеховскій, тяпеть въ городъ, юриста къ трибуналу, земледѣлецъ предпочитаетъ село, а ты «король долженъ выбрать себѣ жилище по своему призванію».

Кажется, въ этой же эпохѣ относится, сочиненіе Оржеховскаго *Idea apocaliptyca*, которое переведено Влинскимъ подъ заглавіемъ: *Сонъ на яву, или видѣніе въ котормъ наружностію смятенной и умщенной республики, тутъ же является способъ къ ея исправленію*. (*Sen na jawie, albo widowiskow którém postawą zamieszaniéj i uciemieżonej Rzeczypospolity, tudziez naprawienia jej sposób okazuje się*) Это примѣчаніе о состояніи государства и горькія, но вѣрныя предсказанія о его будущности:

Іосифъ Максимиліанъ Оссолинскій, извѣстный своими изслѣдованіями о нѣкоторыхъ польскихъ писателяхъ, слѣдуя мнѣнію и доказаннымъ имъ догадкамъ Авраама Петцеля, приписываетъ это послѣднее сочиненіе, извѣстное вообще подъ именемъ Оржеховскаго, Яну Деветрію Соликовскому; догадки эти подтверждаются тѣмъ обстоятельствомъ, что сочиненіе это отдано въ печать не самимъ Оржеховскимъ, но его наследниками, менѣе быть-можетъ знавшими дѣла. Кроме того въ рукописяхъ Краковской бібліотеки найденъ экземпляръ упомянутой *Идеи* съ подписью Соликовскаго и посвященное Сигизмунду Августу, которое дышетъ юношескою скромностію, совершенно отличною отъ того могучаго стиля, по которому такъ легко узнаются сочиненія Оржеховскаго.

Въ 1550 году Оржеховскій снова накликалъ на себя бурю; преслѣдуемый епископами за неправовѣрные убѣжденія, онъ сбросилъ съ себя церковный санъ, обвинилъ епископовъ на сеймѣ, и въ слѣдующемъ году женился на Магдалинѣ Сциборовой Хелмской, не оставляя однакоже католицизма и духовнаго званія. Павелъ Дзіадускій, епископъ перемышльскій, предалъ его проклятію и присудилъ къ лишенію чести и имущества; но, благодаря покровительству польскихъ вельможъ, исповѣдавшихъ протестанство, Оржеховскій нашелъ себѣ безопасное убѣжище. Не имѣя возможности исходатайствовать у мѣстнаго духовенства законное подтвержденіе своего союза, онъ писалъ просьбу къ Юлію III, чтобъ онъ утвердилъ его силою своей апостольской власти (*Supplicatio Stan: Okrzyzyc Orichowii ad Julium III, P. M. de approbando matrimonio a seinito, 1551 г.*). Можно было подумать, что Оржеховскій униженно просить престола св. Петра о подтвержденіи его брака какъ милости, или въ видѣ исключенія. Нѣтъ, нисколько! Для Оржеховскаго нужно было то правило, что священникъ можетъ жениться, нужнѣе быть можетъ чѣмъ самая жена. Онъ доказываетъ законность своего поступка, осмѣиваетъ и издѣвается надъ правиломъ безбрачія, чернитъ безбрачное духовенство, пренебрегаетъ апостольскимъ престоломъ. Можно также думать, что это былъ разрывъ съ католичествомъ, — совсѣмъ нѣтъ! На Петровскомъ соборѣ Оржеховскій приноситъ торжественное покаяніе, читаетъ исповѣданіе вѣры, получаетъ разрѣшеніе, возвращается къ духовнымъ обязанностямъ, но не оставляетъ жены.

Въ эту эпоху онъ писалъ *Польскія лѣтописи* (*Annales Poloniae*) и двѣ рѣчи противъ Турокъ (*Orationes il de bello contra Turcas 1551.*). О первомъ изъ этихъ сочиненій, переведенномъ Валинскимъ мы скажемъ въ ряду ис-

ториковъ, другія переведены Яномъ Якушовскимъ, подъ заглавіемъ: *Ськира на Турокъ* (*Oksza na Turki*), здѣсь онъ убѣждаетъ короля и рыцарство въ необходимости воевать съ Турками.

Около 1560 года Оржеховскій является въ повомъ свѣтѣ. Женатый католическій священникъ, черпающій свои идеи изъ началъ протестантизма, онъ вступаетъ въ упорную борьбу съ протестантами. Въ этому времени относятся его сочиненія: *Разсказъ о будущемъ паденіи Польши, по причинѣ Лютеровой ереси* (*Opowiadanie upadku przyszlego polskiego, dla kacerstwa sacramentarskiego 1560*), *Chymera seu de pinesta Francisci Stancari Regno Poloniae secta* (Химера или о пагубной для Польскаго королевства сектѣ Франциска Станкара 1563 г.); *Fricius de Majestate sedis Apostolicae* (Споръ съ Фрычемъ объ авторитетѣ Апостольскаго престола); *De dignitate Sacerdotali* (Рѣчь на Варшавскомъ сеймѣ 1561 г.); письмо къ Николаю Радзивилу и т. д. Устно спорилъ онъ съ Станкаромъ и Модржевскимъ въ Перемышлѣ, Вольборжѣ, Варшавѣ, Журовицахъ.

Соскучивъ религіозными спорами, Оржеховскій берется за сочиненія политическія, въ которыхъ мы замѣчаемъ вѣрный взглядъ на вещи, рѣзкость въ выраженіяхъ, горячность заглушающую разумъ, и смѣлость въ изреченіи правды, которую удалось ему замѣтить. Перечислимъ эти сочиненія:

*Quincunx, to jest obrazecъ польской короны* (*Quincunx, to jest wzór korony polskiej, 1564 г.*). Это польскій разговоръ, въ которомъ авторъ выводитъ на сцену паписта, евангелиста и себя самого. Выставивъ самыя странныя начала, онъ логически поддерживаетъ ихъ, говоритъ о польскихъ сеймахъ, о королевской власти, о подданныхъ.

Превознося до небесъ польское духовенство, съ которымъ онъ имѣлъ столько кровавыхъ схватокъ, онъ утверждаетъ, что званіе это такъ высоко, что безъ него непремѣнно должны были бы упасть и свѣтское званіе и политическая свобода; впрочемъ хвалить самъ себя, оправдывается какъ можетъ, и остается, по своимъ словамъ, всегда вѣренъ своему духовному призванію.

Передъ Петрковскимъ сеймомъ 1562 года, также въ формѣ разговора паписта съ евангелистомъ онъ написалъ *Разговоръ объ исполненіи польской короны* (*Dialog około Ekequiscueu polskiej korony*, по-польски), въ которомъ въ семи главахъ онъ доказываетъ, что сеймъ не можетъ состояться, что надъ нимъ тяготѣетъ пролятіе Божіе, объясняетъ пути истиннаго политическаго исправленія, что оно должно начаться отъ духовенства, говорить о защитѣ государства, о власти королей и судовъ. Иногда смѣло вооружается противъ недостатковъ своего отечества, *напр.*: когда говоритъ о раздѣленіи общественныхъ классовъ въ одномъ и томъ же государствѣ, но всегда слишкомъ страстно привязанный къ своимъ убѣжденіямъ, Оржеховскій подобно тому, какъ прежде раздражалъ духовенство, такъ теперь вооружалъ противъ себя шляхту; повсюду преслѣдовали его горькіе упреки и неумолимые сарказмы. Возражали ему (и довольно основательно), что «онъ заблуждается въ своихъ политическихъ предположеніяхъ, что заключенія его повтому ложны». Его перу принадлежитъ: *Политика польской республики* (*Polityka Rzeczypospolitej Polskiej*), ему приписываютъ также *Отвѣтъ русскаго рыцарства, на ульдномъ вишненскомъ сеймѣ* (*Odpowiedź rycerstwa ruskiego na sejmiku powiatowym wisznieńskim 1566 г.*).



Между нимъ и Гозиємъ шла переписка о власти папъ. Последнее письмо Гозиа: *de loco et auctoritate Romani Pontificis etc.* (О мѣстѣ и власти римскаго первосвященника въ церкви Христовой и на соборахъ), не было уже получено имъ, потому что Оржеховскій въ 1566 году потерявъ супругу, въ концѣ того же года окончилъ свою бурную и тернистую жизнь.

Справедливо сказалъ о немъ Крашевскій (Studja): «Оржеховскій въ жизни и сочиненіяхъ былъ страннымъ явленіемъ религиознымъ и политическимъ; онъ держится середины, но такъ, что вооружаетъ противъ себя обѣ стороны, между которыми онъ занимаетъ средину». И дѣйствительно на поприщѣ религиозномъ онъ вооружилъ противъ себя католиковъ и протестантовъ, на поприщѣ политическомъ—магнатовъ и шляхту. Его рыцарская отвага на поприщѣ литературномъ, его блестящій даръ слова, его битвы оставили одно только воспоминаніе. Но выросли ль хоть какіе-нибудь плоды для отечества изъ сѣмянъ той мысли, которую онъ бросалъ такъ настойчиво?! Жаль великаго генія!

Къ сочиненіямъ популярно-историческимъ принадлежать три брошюры *Бартоша Папроцкаго*, составляющія одно цѣлое, а именно:

1) *Бороль* (Koról, Krakow въ тип. Мат. Гарвольчина 1578, посвященное Андрею Тенчинскому), переводъ съ латинскаго сочиненія какого то Испанца; это будто бы «изображеніе добраго короля.»

2) *Гетманъ* (Краковъ въ тип. Зибенейхера 1578, посвященъ Самуэлу Зборовскому). Это коллекція извлеченій, изъ книгъ стратегическаго содержанія, какія удавались читать Папроцкому, о войнѣ, объ аванпостахъ, о перенесеніи театра войны въ землю непріятельскую, о собираніи продовольствія. Въ ней говорится, какъ избѣжать засады не-

аріятеля, какъ узнать о состояніи войска по расположенію лагера; дозволяется въ случаѣ нужды умерщвлять военнопленныхъ и т. д. Напроцкій, самъ не будучи воиномъ, и вовсе неспособный къ посту верховнаго предводителя, черпаетъ свой предметъ изъ Оссіандра.

3) *Сенаторъ* (Краковъ въ тин. Гарвольчика 1579, посвященное фамиліи Зборовскихъ), есть сочиненіе Испанца Церіоля, переведенное на латинскій языкъ Варшевицкимъ. Напроцкій перевелъ его на польскій. Здѣсь онъ изображаетъ качества сенатора, требуетъ отъ него многосторонняго образованія, и знанія всѣхъ почти европейскихъ языковъ. Возрастъ, соотвѣтственный его сану, назначаетъ отъ 40 до 80 лѣтъ.

Выше стоитъ по своимъ достоинствамъ сочиненіе *Вавжинца Гослицкаго* въ томъ же родѣ. *De optimo Senatore* (О лучшемъ сенаторѣ 1568 года, въ Венеціи). Гослицкій былъ человекъ съ прекрасными дарованіями, по дѣламъ государства онъ ѣздилъ въ другія страны и по смерти Стефана Баторія писалъ условія конвента для Сигизмунда III.

Янъ Кохановскій въ своихъ *предсказаніяхъ*, выступаетъ, какъ писатель углубляющійся въ формы отечественнаго правленія; хотя мы должны сознаться, что этихъ предсказаній и предсказателей объ угрожающей будущности государства, котораго политическая свобода постоянно увеличивалась, въ Польшѣ было слишкомъ много, и не всѣ они доказываютъ, чтобы предсказатели были хорошо знакомы съ состояніемъ государства.

*Андрей Цьсьльскій* писалъ: *О защитѣ государства и о воздаваніи справедливости* (O obronie królewstwa i wymiarze sprawiedliwości — De defensione regni et administratione justitiae 1572 года.). Знаменитый реформаторъ *Андрей Волянъ* — *О политической свободѣ* (de li-

bertate politica seu civili 1582 г.). Августинъ Ротундусъ Мѣлецкій: *О достоинствѣ Польскаго духовенства* (De dignitate ordinis Ecclesiastici R. P. 1583 года) и т. д.

Наконецъ къ роду легкой прозы принадлежать еще *Путешествія* какъ *Поляковъ по иностраннымъ государствамъ и отечеству*, такъ и *иностранцевъ по Польшу*. Въ эпоху Пястовъ мы остановились на путешествіи Венедикта Поляка и Яна де Плано Карпино въ Татарію.

Въ вѣкахъ четырнадцатомъ, пятнадцатомъ и шестнадцатомъ Поляки путешествовали по цѣлой Европѣ и Азій. Путешествіе въ Германію и Италію было необходимымъ продолженіемъ старательнаго воспитанія тогдашняго юношества; путешествія польскаго духовенства въ Римъ были необходимымъ слѣдствіемъ католическихъ сношеній съ папою, путешествія молодыхъ рыцарей имѣющія цѣль приучить ихъ къ битвамъ южной и западной Европы, уводили ихъ, какъ, напр., Генчинскаго или Тарновскаго даже въ Испанію; благочестивыя путешествія въ Святую землю, посольскія отправленія въ различныя государства, торговыя путешествія, и путешествія безъцѣли для одного только удовольствія хорошо знакомы Поляковъ съ чужими краями, но описаній этихъ путешествій, чрезвычайно мало въ сравненіи съ числомъ путешественниковъ. Иностранцы опять съ цѣлями политическими, учеными и торговыми часто посѣщали нашу цвѣтущую республику, и быть можетъ лучше чѣмъ теперь знали славянскую народность, но и чужихъ реляцій о нашемъ отечествѣ тоже очень не много.

Исчислимъ теперь эти путешествія сначала польскія, а потомъ иностранныя.

Пропуская тѣ намеки, которые иногда попадаются о путешествіяхъ Выша епископа Брагов. 1409 г., Якова изъ Рокшиць 1474 г., Якова изъ Выганова 1453 г., Михаила изъ

Вѣлюня, скончав. 1487 года на островѣ Родосѣ, Дантышка и другихъ, совершенныя въ Святую землю, вспомнимъ здѣсь прежде всего о путешествіи нашего *историка Яна Длугоша*, которое онъ совершилъ въ Палестину до 1471 года. Отправляясь въ путь, онъ далъ обѣщаніе Збигневу Олесницкому присылать ему съ дороги описаніе своего путешествія. Или онъ не исполнилъ своего обѣщанія, или его письма не дошли до насъ, но мы имѣемъ только одно изъ нихъ, писанное имъ при самомъ отъѣздѣ изъ Рима, которое и приводимъ здѣсь въ польскомъ переводѣ.

«Пишу къ тебѣ просвѣщенный мужъ въ минуту отъѣзда въ Іерусалимъ.—Хотя я въ настоящее время очень занятъ приготовленіями къ путешествію, но не могу однакоже не писать къ тебѣ, который всегда былъ помощникомъ и посредникомъ во всѣхъ моихъ дѣлахъ, тѣмъ болѣе, что я не знаю, угодно ли будетъ судьбѣ возвратить меня къ вамъ, или навсегда раздѣлить съ вами. — Никакое дѣло или занятіе не въ состояніи оторвать отъ тебя моей вѣрной мысли и пера, тебѣ посвященнаго. Исполняя мое обѣщаніе, данное при прощаніи Вашему Преподобію, я писалъ уже то съ дороги, то изъ здѣшняго города, отдавая отчетъ о нашемъ путешествіи и его приключеніяхъ. Не зная дошли ли мои письма, я повторялъ то, что писалъ прежде, чтобы такимъ образомъ исполнить свое обѣщаніе. Постоянно встрѣчались намъ только благопріятныя приключенія: мы не испытали никакого безпокойства, непріятности или страданія. — Ласково принятыя епископами—Стригоньскимъ и Явреньскимъ, въ добромъ здоровьи мы прибыли въ *Новый городъ*, въ Австріи (Нейштадтъ). Здѣсь жилъ императоръ въ дни мясопустной недѣли, но преданный пиршествамъ и увеселеніямъ, онъ пропустилъ день, который былъ намъ назначенъ. Ему донесли о насъ, что

изъ Польши прибыли знаменитые мужи, славные въ своемъ отечествѣ своими трудами и благоразуміемъ. Нашъ Маргъ Бонифій былъ виноеникомъ этого дѣла, потому что онъ разсѣвалъ повсюду, что между нами находится посредникъ мира, недавно заключеннаго между Искрою и правителями Венгріи; насъ позвали къ императору, приказывая явиться какъ можно скорѣе. Всѣ были объаты страхомъ. Всѣми силами я старался уничтожить ихъ опасенія, убѣждая ихъ быть спокойными; нѣкоторые не хотѣли даже идти къ императору, поэтому я долженъ былъ принять на себя эту обязанность, и оказался отважнѣе двухъ докторовъ богословія, и одного каноническаго права. Окончивъ наши совѣщанія, мы явились къ императору, и были приняты имъ очень ласково. Предполагая, что онъ не довольно хорошо знаетъ латинскій языкъ, я сталъ говорить съ нимъ на нашемъ обыкновенномъ языкѣ. Но спохватившись вскорѣ, я началъ говорить по-латынѣ, вратцѣ отдавая честь его добродѣтелямъ и роду, который по матери онъ ведетъ изъ Польши, благодарилъ его за милость, которую онъ оказалъ удостоившее насъ своего приема и просилъ его обезпечить безопасность нашего путешествія; въ отвѣтъ своемъ, императоръ привѣтствовалъ каждого изъ насъ, и не довольствуясь однимъ отвѣтомъ, заговаривалъ по нѣскольку разъ, почему я долженъ былъ объясняться съ нимъ также нѣсколько разъ, потомъ представилъ намъ сына своего Альбрехта, будущаго короля римскаго, юношу умнаго и прекраснаго лицомъ, обѣщалъ также представить намъ и брата, если онъ выйдетъ. При этомъ свиданіи былъ мужъ великаго ума и благоразумія, Терчестенскій епископъ Эней (Смльвій, сдѣлавшійся потомъ папою Піемъ II), одинъ изъ первѣйшихъ писателей настоящаго вѣка, прославившій дворъ императора блестящимъ латинскимъ краснорѣчіемъ, вслѣдствіе чего онъ

пользуется здѣсь большимъ уваженіемъ. Я отправился къ нему виѣсть съ моими товарищами, не за какимъ-нибудь дѣломъ, но потому что у меня было къ нему письмо отъ моего начальника, Краковскаго кардинала, и нѣкоторые подарки. Я исполнилъ данное мнѣ порученіе, но онъ не столько бытъ можетъ обрадованъ богатому и благородному подарку, сколько письму, потому что носилъ его въ императорскую канцелярію, и въ совѣтъ государя, и читая тамъ письмо нашего кардинала, удивлялся тому, что изъ нашей дикой страны получаетъ столь краснорѣчивыя рѣчи. Онъ говорилъ Нѣмцамъ: смотрите, господа Нѣмцы, обладающіе теперь Римскою Имперією, какое высокое и прекрасное письмо я получилъ; не знаю даже, въ состояніи ли буду достойно отвѣчать на него. Потомъ онъ прибавилъ: что въ Польшѣ есть прекрасные умы для слова и дѣйствія, а здѣсь въ цѣлой Германіи не найти ни одного человѣка, который бы такъ прекрасно владѣлъ перомъ. Говоря такимъ образомъ, онъ льстилъ гордости одного народа, и унижалъ другой. Къмъ всего приличнѣе гордиться намъ, какъ не тобою, который болѣе заботится о славѣ отечества, чѣмъ о своей собственной, который одинъ служитъ украшеніемъ отечества.»

«Въ Римѣ я ничего не дѣлалъ, кромѣ того, что въ продолженіе цѣлыхъ 18 дней, въ которые слѣдовало бы мнѣ приготовляться къ торжеству юбилея, я уговаривалъ Ласоцкаго, чтобы онъ не плылъ противъ теченія, и не искалъ себѣ Куявскаго епископства, такъ какъ это можетъ не нравиться королю. Однако я не подѣйствовалъ на его убѣжденіе;—онъ смѣялся надъ моими доказательствами, утверждая, что мѣсто это прямо принадлежитъ ему и по его образованію и по праву. Надѣюсь, что королевскіе послы, которыхъ я повстрѣчалъ въ Падуѣ, своею властію и благоразуміемъ приведутъ къ окончанію это дѣло. Я исполнилъ то,

что общагь,—меня безпокоитъ неудачный оборотъ дѣла, которое Ваше Преподобіе мнѣ поручили, и тѣмъ только утѣшаю себя, что неудачи преслѣдуютъ великихъ мужей. Святъ тотъ, кто нигдѣ не можетъ укрыться, кто вездѣ свѣтитъ и сіяетъ.

«Венгріи разрѣшенъ юбилей,—безъ сомнѣнія дозволить совершить его и въ нашемъ отечествѣ, если позаботится объ этомъ, мой начальникъ, достопочтенный кардиналъ. Товарищи моего путешествія, схоластикъ Плоцкій, и Петръ Цѣсля, П. Гржымала, магистръ Павелъ и другіе уже удалились отсюда. Прощаніе съ ними растрогало меня до слезъ. Я съ цѣлію исполнить пламенное мое желаніе—видѣть землю освященную страданіями Спасителя и другими священными событіями, отпываю тотчасъ же, какъ запасусь всѣми необходимыми для этого предметами; и если Богъ позволитъ, возвращусь назадъ въ половинѣ сентября. Мои товарищи, съ которыми я отправляюсь въ море: ревностный поклонникъ твой: Янъ Эльготъ докторъ права (dekretow), Скотъ изъ Кракова, мой землякъ, и Бидно, краковскіе викаріи, сердечно привѣтствуютъ Ваше Преподобіе. До сихъ поръ я не нахожу никого болѣе изъ соотечественниковъ, желающихъ пуститься въ море, иностранцевъ же множество находится на кораблѣ. Благоволи удостойте отеческаго покровительства тѣ дѣла, которыя сообщить тебѣ мой братъ... и т. д.»

Далѣе въ важномъ для насъ описаніи путешествій относится письмо къ папѣ о Татарахъ того Филиппа Каллимаха, который подавалъ Яну Альбрехту совѣты, пагубные для польской свободы.

Будучи отправляеиъ Казиміромъ Ягелло и Яномъ Альбрехтомъ посломъ въ различныя страны, Каллимахъ между прочимъ въ 1475 и 1499 годахъ былъ въ Турціи и Кон-

стантинополѣ. Быстрымъ взглядомъ обнишая страны, нѣ проходимыя, онъ составилъ для папы Иннокентія VIII мемуары о Туркахъ, подъ заглавіемъ: *De bello inferendo Turcis Oratio* (Рѣчь о необходимости войны съ Турками).

Здѣсь прежде всего онъ обращаетъ вниманіе на то, что правовѣрная Польша имѣетъ возможность и желаніе вести войну съ магометанами. Съ Татарами труднѣе управиться по причинѣ ихъ варварской тактики, но Турокъ Поляки всего легче могутъ сокрушить. Турецкія владѣнія соприкасаются польской границѣ,—торговый и богатый Адриано-поль, а тамъ удободоступный Царьградъ.

Черезъ десять дней пути отъ границы польской можно быть въ Босфорѣ еракійскомъ, а черезъ восемь, идя на югъ— въ Адриано-поль. Предпринять ли плаваніе по Днѣстру или Серету, все равно; обѣ рѣки принадлежатъ Польшѣ, обѣ обилуютъ достаткомъ дерева на мосты и лодки. Дорога вездѣ удобна; нѣтъ болотъ и тряскихъ мѣстъ; черезъ Балканы ведутъ двѣ дороги, обѣ доступныя и удобныя, а тамъ простирается прекрасная Фессалія.

Народонаселеніе Турціи, говоритъ Каллимахъ, очень небольшое. Я прошелъ не малую часть ихъ страны, потому что въ Царьградъ я ѣхалъ берегомъ нижней Фракіи и Мизіи, и возвращался среднею Фракіею до самой Македоніи; и однакоже нигдѣ не встрѣчалъ укрѣпленнаго города, вездѣ пустота и развалины. Людей такъ мало, что при видѣ чело-вѣка они смотрятъ на него, какъ на какую-нибудь рѣдкость. Глядя на нихъ, я удивлялся малочисленности, а еще болѣе бѣдности этого народа, который кажется живетъ въ темницахъ, а не въ домахъ. Они такъ унылы, блѣдны и тощи, что кажется скорѣе заслуживаютъ состраданія, нежели войны. Едва ли лучше и въ Константинополѣ, тамъ больше народа, но и тотъ покрытъ грязнымъ рубищемъ и



очень бѣденъ. Турецкая Имперія держится не многочисленностію вооруженной силы, но преувеличенныѣмъ понятіемъ христіанскихъ державъ о ея могуществѣ.

Другое подобное сочиненіе Каллимаха, это *Книга о проектѣ союза Венеціанъ съ Персами и Татарами противъ Турокъ* (Libellus de his, quae a Venetis tentata sunt, Persis ac Tataris contra Turcos movendis). Это сочиненіе, написанное подъ вліяніемъ совѣтовъ польскихъ пановъ, доказываетъ невозможность такого союза. Какъ житель Польши, имѣющій поѣтому болѣе свѣдѣній о Татарахъ, Каллимахъ объясняетъ Венеціанамъ, что общее названіе Татаръ принадлежитъ огромному монгольскому племени, которое занимаетъ Азію и Европу, и что еще неизвѣстно отъ кого нужно ожидать помощи. Азіатцы не бываютъ въ Европѣ, но борются сами съ собою; Крыицы только изрѣдка появляются въ морѣ, а средніе между ними блуждаютъ здѣсь и тамъ. Каллимахъ описываетъ образъ веденія войны и жизни всѣхъ этихъ трехъ племенъ. Однакоже во всякомъ случаѣ отъ среднихъ и европейскихъ Татаръ скорѣе можно ожидать помощи; первыхъ, сейчасъ же совѣтуетъ подговаривать, другіе не иначе могутъ проникнуть въ Турцію, какъ только чрезъ Польшу, но цѣлостъ христіанской державы, не дозволяетъ намъ пропускать вооруженную толпу чрезъ польскія земли. Каллимахъ представляетъ Венеціанцамъ не выгоды и опасность вступленія въ союзъ съ Татарами, совѣтуетъ имъ лучше помирить Нѣмцевъ съ Венграми, и убѣждать обѣ стороны идти на Турокъ. Поляки безъ сомнѣнія пристанутъ къ этой лигѣ.

*Анзельмъ Полякъ*, монахъ бернардинскаго ордена посѣщалъ Палестину въ 1507 и 1508 годахъ, и былъ пенитенціаріемъ и въ Іерусалимѣ при храмѣ гроба Господня. Латинское описаніе путешествія Анзельма, составленное имъ са-

мишь, запечатлѣно благочестивою простотою, и ясно говорить о томъ, что оно сочиненіе Поляка, который вездѣ видит свое отечество, его рѣки, города и храмы. О рѣкѣ Иорданѣ, онъ говоритъ, что «шириною похожа она на Варту.» О городѣ Эбронѣ — «что это древнѣйшій городъ Филистимлянъ и такой же пространнѣй, какъ городъ Сондечъ; пространство считаетъ на польскія и русскія мили. Онъ вѣритъ не только въ библейскія чудеса, но и въ благочестивыя, хотя не всегда достойныя вѣры, сказанія. Путешествіе Анзельма переведено къмъ-то на польскій языкъ въ 1595 году, подъ заглавіемъ: *Истинное описаніе путешествія по св. земли* (Peregrynasya prawdziwego opisania ziemi s. i t. d.).

Также довольно любопытно *Путешествіе Николая Христофора Радзивилла въ 1582 г.*, состоящее изъ четырехъ писемъ. Николай Христофоръ сынъ ревностнаго кальвиниста Николая Чернаго, основатель ординаціи Нѣсвижской и іезуитовъ былъ воспитанъ въ вѣрѣ своего отца, которую отецъ умирая заповѣдалъ хранить ему со всевозможнымъ тщаніемъ, но по смерти родителя, увлеченный доказательствами іезуитовъ, онъ перешелъ на лоно католицизма, и излечившись отъ тяжелой раны въ голову, полученной имъ изъ ружья подъ Псковомъ, далъ обѣтъ Богу совершить святое путешествіе, въ которое онъ отправился въ 1582, а возвратился 1584 года.

Это описаніе путешествія, раздѣленное какъ мы сказали, на четыре части, старательно и подробно составленное, не можетъ однакоже назваться важнымъ въ отношеніи къ наукѣ. Радзивиллъ рассказываетъ свои приключенія на святыхъ мѣстахъ, описываетъ предметы, которые не только теперь, но и тогда не могли быть для Поляковъ новы-

ми; если же гдѣ нибудь встрѣтится ему что-нибудь научное, то онъ отсылаетъ къ философамъ и физикамъ, словомъ, это путешествующій вельможа. Сторона христіанская въ этомъ описаніи болѣе насъ привлекаетъ, хотя и здѣсь видѣнъ человекъ, на котораго іезуиты имѣли вліяніе. Въ первомъ его письмѣ описывается путешествіе его до острова Кипра, во второмъ отъ Кипра до Іерусалима, въ третьемъ наиболѣе любопытномъ, говоритъ о Египтѣ, въ послѣднемъ описывается возвращеніе назадъ. Какъ бы то ни было, наша литература имѣетъ два только подобныя описанія путешествія въ Іерусалимъ: *Путешествіе* Радзивилла и современное намъ *путешествіе* (Pielgrzymka) Св. Головинскаго; польскіе писатели должны бы сдѣлать между ними сравненіе. Радзивиллъ писалъ свои письма по-польски, Тома Третеръ перевелъ ихъ 1602 году на языкъ латинскій, а Андрей Варгоцкій, переводя Третера, снова перевелъ на польскій языкъ. Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ этого перевода:

*Изъ 2 письма. Прибытіе въ Іерусалимъ и храмъ гроба Господня.*

... «За полтора часа до захожденія солнца пришелъ мы въ Іерусалимъ, и по обычаю остановились apud portam Piscium, или у Рыбныхъ воротъ; нѣкоторые изъ нашихъ янычаръ, вошедши Дамасскими воротами, дали знать о нашемъ прибытіи, и мы также послали перваго янычара сказать о себѣ. Услышавши это, къ намъ пришли отцы бернардинцы, отецъ Христофоръ изъ Тридента, родомъ викарій (потому что отецъ Angelus stella, отправился было въ Константинополь по дѣламъ церковнымъ, и возвращаясь домой, скончался въ армянской землѣ) и отецъ Янъ Флорентинецъ, которые, поздоровавшись съ нами, ожидали показѣсть придутъ Турки и осмотрятъ наши чемоданы изъ опа-

сенія, чтобы мы не ввели съ собою какихъ-нибудь товаровъ. Взявъ наше оружіе (которое позволяется носить только въ дорогѣ), тѣже Турки проводили насъ до воротъ монастыря *Jancti Salvatoris*. Вошедши въ храмъ, и преклонивъ колѣна мы вмѣстѣ съ монахами пѣли *Te Deum laudamus*, благодаря Бога за столь великое благодѣяніе, что онъ благоволялъ здоровыми и невредимыми довести насъ до этихъ мѣстъ, гдѣ стояли его Святѣйшія ноги, когда онъ совершалъ дѣло нашего спасенія. Потомъ по обычаю назначили конюшню (келію) каждому изъ путешественниковъ и принесли ужинъ.»

«Рано по обычаю мы слушали литургію, а послѣ обѣда отправились въ домъ кадія, гдѣ писецъ записывалъ имена наши и нашихъ отцовъ. Сдѣлавши это, выше упомянутые монахи отъ каждаго изъ насъ отсчитали по одиннадцати чекиновъ (составить это 22 золотыхъ польскихъ 2 руб. 30 коп. сер.) по два чекина за входъ въ городъ и по девяти чекиновъ за свободный доступъ къ гробу Господню. Червонцы золотые вѣсили, а простую монету, если кто не имѣлъ золота, брали не взвѣшивая, такъ какъ она уже знакома (зовутъ ее саниъ). Повара моего здѣсь приняли за монаха, и взяли съ него только пять чекиновъ, такъ какъ сами монахи никогда не платятъ, развѣ кто-нибудь изъ мирянъ за нихъ уплатить; то моему человѣку, такъ какъ онъ былъ въ рясѣ, вѣрно было поклониться, что онъ дѣйствительно монахъ, но онъ не осмѣливаясь этого исполнить, вмѣсто того поднялъ руку къ небу, говоря, нѣтъ, что Турки приняли за знакъ утвержденія и истинной присяги, и оставили его въ покоѣ; почему обманувъ ихъ, пять другихъ чекиновъ, которые онъ былъ обязанъ дать имъ, оставилъ себѣ. Со мною было двое переводчиковъ: одинъ старый Яковъ, котораго я взялъ изъ кипрскихъ соляныхъ

мѣсть, вызвавъ изъ Фамагусты, а другой, молодой Сиріанинъ изъ Триполя, обонхъ по обычаю впустили безъ всякой подати. Возвращаясь изъ дому кадія, и проходя не подалеку отъ храма, мы остановились предъ его воротами и благодарили Бога, потомъ вошедши въ церковь, и взявъ то, что намъ было нужно на ночь, отправились къ вечернѣ. Въ самыхъ дверяхъ храма, тѣмъ, которые ихъ отпираютъ, мы опять должны были дать по нѣскольку майдыновъ, каждый изъ нихъ равняется нашему грошу. Вступивши въ храмъ, мы направились прямо къ часовнѣ гроба Господня, и скоро отпавивъ богослуженіе, перешли въ часовню *Apparitionis*, или Явленія (потому что Христосъ на этомъ мѣстѣ прежде всего благоволилъ явиться своей матери, возставъ отъ мертвыхъ). Здѣсь монахи служили вечерню (ихъ было пять священниковъ, и восемь другихъ), а потомъ былъ крестный ходъ съ хоругвями, на которомъ мы, странники, шли попарно, съ горящими свѣчами въ рукахъ. Первая стая была у малаго алтаря, гдѣ находится часть столба (каменный пурпурнаго цвѣта, часть его я привезъ въ Нѣсвижскій храмъ), при которомъ предавали истязаніямъ нашего Господа. Первый гимнъ собственно приличный этому мѣсту, пѣли вмѣстѣ съ антифонами. За тѣмъ слѣдовало поученіе, въ которомъ проповѣдникъ исчислялъ всѣ благодѣянія, явленныя на этомъ мѣстѣ; настойчиво и сильно побуждалъ къ благодарности за нихъ. Тотъ же обрядъ соблюдался потомъ и на всѣхъ стаяхъ; отецъ Янъ Флорентинскій, человекъ ученый и краснорѣчивый говорилъ тоже поучительныя слова. О томъ, что каждая нація въ этомъ храмѣ имѣетъ свою часовню или моленную, сказано будетъ ниже; *Apparitionis* или часовня Явленія принадлежитъ католикамъ, имѣетъ полное отпущеніе грѣховъ, какъ и престолъ ея, гдѣ находится этотъ выше упомянутый столпъ. Отседѣ процессія шла въ придѣлъ заключе-

нія, въ которомъ били Господа, и держали до тѣхъ поръ, пока не былъ приготовленъ крестъ. Это не большое, тѣсное, темное пространство, ниоткуда не получающее свѣта, изсѣчено въ скалѣ. По видимому здѣсь заключались преступники, такъ какъ ихъ казнили на Голгоѣ, или было жилище садовника или сторожа сада, находящагося неподалеку отсюда и принадлежащій Иосифу Аримаеѣскому, какъ гласитъ Евангеліе. Эта молеельня или придѣлъ принадлежитъ Грекамъ, имѣетъ семь лѣтъ отпущенія грѣховъ, и столько же *quadragenas*. За нею слѣдуетъ престолъ св. Лонгина, который копьемъ ударилъ въ бокъ Іисуса, но у него не останавливаются, потому что онъ не принадлежитъ никакой націи. Потомъ мы пошли къ престолу, на мѣстѣ котораго войны бросали жребій объ одеждѣ Господней, и тамъ была стація; онъ принадлежитъ Армянамъ, имѣетъ на семь лѣтъ отпущеніе грѣховъ, и столько же *quadragenas*. Потомъ процессія направилась къ часовнѣ, находящейся на томъ мѣстѣ, гдѣ равноапостольная Елена обрѣла животворящій крестъ. Мы спускались туда болѣе чѣмъ на тридцать ступеней, на половинѣ, по лѣвую руку находится молеельня или придѣлъ св. Елены. Въ этой часовнѣ, обрѣтенія честнаго креста, находится великій престолъ католиковъ, имѣющій полное отпущеніе, влѣво отъ него находится другой, меньшій, принадлежащій Грекамъ; возвращаясь по правой сторонѣ, мы вступили въ придѣлъ св. Елены, который пользуется большимъ уваженіемъ въ храмѣ іерусалимскомъ; бываетъ крестный ходъ въ эту часовню, и дается совершенное отпущеніе. По истинѣ, всякій кто былъ въ Святой землѣ, признаетъ великое благочестіе этой Царицы, и честь ей принадлежащую, потому что въ одной только Палестинѣ она воздвигла до тридцати храмовъ, часть которыхъ лежитъ теперь въ развалинахъ и только стѣны показы-

вають съ какими великолѣпіемъ они были построены, а часть существуетъ до сихъ поръ, и очень щедро и богато убрана. Когда она, уже по обрѣтеніи животворящаго креста, возвращалась домой, и изъ одного города не видно было другаго, то на мѣстахъ возвышенныхъ и на гробахъ идущихъ въ морѣ, повелѣла ставить высокія башни и жечь на нихъ огни радости и веселія; такихъ башенъ очень много въ финикійской Сиріи. Столь великою радостію проникнута была эта дивно святая Царица отъ обрѣтенія честнаго древа животворящаго креста, на которомъ Господь благоволилъ совершить наше спасеніе и искупленіе. Молебня ея находится въ рукахъ Армянъ. Подвигаясь далѣе, когда мы вступили въ храмъ, процессія остановилась предъ олтаремъ, подъ которымъ находится колонна Імргорегіи, столбъ позора и поруганія (изъ сѣраго мрамора, кубическій, низкій), на которомъ сидѣлъ Господь предъ судилищемъ Пилатовымъ, тамъ его короновали и ругались надъ нимъ, св. Елена перенесла этотъ столбъ сюда, онъ имѣетъ семь лѣтъ отпущенія грѣховъ, и столько же quadrigenas. Часовню эту держатъ Абиссинцы или Копты, которые считаютъ своимъ королемъ Якова пресвитера или Попіана, и которымъ здѣсь подають милостыню ради крайней ихъ нищеты. Ходятъ они, въ простыхъ льняныхъ одеждахъ, удивительно изнуряють свою плоть, молятся всегда на колѣнахъ, читають св. Писаніе (для большей пристойности). Мяса они никогда не ѣдятъ, рыбу рѣдко, потому что ея здѣсь нѣтъ, а если случается, то употребляютъ ее въ воскресенъе, вторникъ и четвергъ и то когда не бываетъ поста. По обычаю своему ходятъ безъ шапокъ, волосы носятъ длинные, распущенные по плечамъ. Росту они высокаго, худощавы, головы не больше дѣтскихъ, лице ихъ изображаетъ простоту и добросердечіе.

«Отсюда поднимаясь на нѣсколько ступеней на самую вершину Голгофы, обходимъ то мѣсто, гдѣ былъ водруженъ крестъ Господень, и спѣшимъ туда, гдѣ былъ распятъ нашъ Спаситель. На этомъ мѣстѣ находятся два престола (съ совершеннымъ отпущеніемъ) большой и на лѣво меньшей, оба принадлежать католикамъ; между ними находится мраморная доска различныхъ цвѣтовъ, указывающая мѣсто распятія. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда Спаситель былъ распятъ, крестъ былъ водруженъ въ скалѣ, мѣсто это возвышается на полтора аршина, отверстіе изсѣченное въ скалѣ имѣетъ аршинъ въ глубину и полторы пядени въ ширину, края его обложены листьями желтой мѣди съ греческою надписью, неудобною для чтенія по своей древности. По обѣимъ сторонамъ этого отверстія находятся два другія, въ которыхъ стояли кресты разбойниковъ; они меньше и не такъ глубоки, теперь въ нихъ вставлены простыя деревца. Распятые разбойники, висѣли на своихъ крестахъ на разстояніи четырехъ локтей отъ креста Спасителя, теперь же мѣсто одного изъ разбойниковъ удалено на пять локтей, потому что во время землетрясенія и распаденія камней (какъ свидѣтельствуется Евангеліе) оно отодвинулось далѣе на одинъ локоть. Глубины расцѣлины этого камня, нельзя видѣть, въ ширину она имѣетъ три четверти локтя. Георгіане, живущіе у Чернаго моря, владѣютъ этимъ священнымъ мѣстомъ, отправляютъ здѣсь свое богослуженіе, и имѣютъ совершенное отпущеніе. Нѣкоторые говорятъ, что они суть Петыгорцы (Pietuhorcy), но я не буду утверждать этого, не зная историковъ.

«На стѣнѣ висятъ какіе-то полотняные обои древней работы, на которыхъ вышито распятіе. За крестомъ находится церковная стѣна, еще далѣе за нею часовня Абиссинцевъ, имѣющая семь лѣтъ отпущенія и столько же quadra-



ген; гдѣ какъ разсказываютъ, Авраамъ хотѣлъ принести въ жертву сына своего Исаака; гдѣ Исаакъ преклонилъ колѣна, тамъ положена разноцвѣтная мраморная плита, въ полтора аршина квадратныхъ; это мѣсто не считается *inter Sanctuaria*. Здѣсь живутъ Абиссинцы постоянно въ продолженіи трехъ лѣтъ, а потомъ на ихъ мѣсто присылаютъ другихъ: это случается тогда, когда они (впрочемъ очень рѣдко) въ мирѣ съ Турками. Процессія не ходитъ въ эту часовню, мы посѣтили ее третьяго дня.»

Радзивилломъ и оканчиваются описанія путешествій Поляками нашей эпохи. Просмотримъ теперь рядъ путешествій по нашему отечеству, и описанія Польши Поляками.

Прежде всего мы должны привести здѣсь отрывокъ, принявшаго наше подданство *Филиппа Каллимаха*, который въ выше упомянутомъ нами письмѣ къ папѣ Иннокентію VIII, такъ говоритъ о Польшѣ:

«Польша на взглядъ кажется странною богатою, населенною и сильною, и наружность эта согласна съ дѣйствительностію. Это обширная, почти безконечная равнина, простирается между Днѣпромъ, Днѣстромъ, Одеромъ, отъ Балтійскаго до Чернаго моря, и имѣетъ границы не только этого королевства, но и всей человѣческой природы; потому именно, что тутъ собраны народы со всѣхъ концовъ міра.

«Въ ней есть столько лошадей и оружія, что Поляки могутъ дать отпоръ несмѣтному множеству Татаръ и останется еще довольно войска для войны съ Венграми и Чехами. Почти невозможно подробно описать ея богатства, потому что въ иныхъ краяхъ съ трудомъ добываютъ немного золота и серебра изъ самихъ внутренностей земли, но сюда привозятъ его Англичане, Шотландцы, Датчане, Шведы, Фризы и всѣ народы живущіе близъ океана, отъ Гибралтара до Зунда,

потому что какъ вамъ конечно не безъизвѣстно, нѣкоторые изъ этихъ странъ, какъ Голландія и Фландрiя ишьютъ сукна и полотна, Испанiя вино и масло, Англія и Шотландiя изобилуютъ рогатымъ скотомъ и овцами, такъ что множество его выходитъ въ другія страны; но въ пшеницѣ и другихъ хлѣбахъ они нуждаются, потому что ее недостаетъ для всѣхъ жителей. Такъ какъ всѣ другія страны вывозятъ изъ Польши не только хлѣбъ, но дерево и смолу, необходимые для построенiя кораблей, на которыхъ сплавляется этотъ хлѣбъ, кошениль, медъ и воскъ, которыми облуетъ сѣверь, разноцвѣтные и разнородные мѣха такъ для украшенiя, какъ и для защищенiя отъ холода, то нельзя сомнѣваться, что въ Польшу, доставляющую столько предметовъ для прокормленiя и удобствъ множества другихъ государствъ, по необходимости должно входить и оставаться очень много денегъ.»

Географическое описанiе Польши, сдѣланное историкомъ *Длушошемъ*, и помѣщенное въ началѣ его хроники подъ заглавiемъ *Chorographia regni Poloniae*, очень вѣрно знакомитъ Поляковъ съ ихъ страню. Еще лучше подобное же описанiе *Матвея Мъховита Tractatus de duobus Sarmatis* (1521 г.), а самое лучшее есть описанiе *Кромера: Polonia sive de situ Populis, Moribus*. Драгоцѣнны также въ этомъ отношенiи и достойны вниманiя труды Красинскаго *Polonia*, Стрыйковскаго *Sarmatia Europa* и Сарницкаго *Descriptio reteris et novae Poloniae*.

*Михаило* Литовець, одинъ изъ комиссаровъ, высланныхъ сеймомъ въ 1544 г. для описанiя замковъ на Литвѣ и Украинѣ, кромѣ того человекъ бывалый, оставилъ намъ сочиненiе о нравахъ Татаръ, Литовцевъ и Москвичей (*De Moribus Tartarorum Lithuanorum et Moschorum*), которое дошло до насъ въ десяти отрывкахъ. Свѣдѣнiя, сообщае-

ныи ииъ о чужихъ государствахъ, менѣе любопытны; о Литвѣ же очень важны. Онъ сравниваетъ своихъ соотечественниковъ съ Татарами и Москвичами, и въ каждомъ такомъ сравненіи находитъ недостатки, отъ которыхъ совѣтуетъ своимъ землякамъ исправиться. Въ этомъ именно описаніи недостатковъ и заключается характеристика края. Потомковъ храбрыхъ Литовцевъ онъ упрекаетъ въ страсти къ пьянству, въ несправедливости ихъ судей, грабящихъ народъ за *пересуды*, въ порабощеніи народа, въ измѣненности нравовъ, упрекаетъ женщинъ въ незаботливости о домашнемъ хозяйствѣ.

*Янъ Ласицкій* написалъ разсужденіе *О Жмудскихъ богахъ* (O Bogach Zmudzinow), которое въ 1823 году переведено Львомъ Рогальскимъ; оно написано въ послѣднихъ годахъ нашей эпохи. Бросишь на него взглядъ.

Жмудъ имѣетъ видъ треугольника между Нѣманомъ и Лиоляндскою рѣкою Гелингсгау. Обращенная къ сѣверу, она лѣтомъ имѣетъ ночь короткую, за то днемъ четыре часа такихъ жаровъ, что земледѣльцы не могутъ заниматься полевыми работами. Поля Жмуди плодородны, но народъ лѣнивъ; пашутъ землю деревянными сохами. Жмудъ обилуетъ бѣлымъ медомъ, молокомъ, масломъ, жители употребляютъ въ питье пиво изъ ячменя, зажиточные пьютъ его изъ роговъ тура въ богатой оправѣ. Это поколѣніе людей рослыхъ, смѣлыхъ, воинственныхъ и долголѣтнихъ.

Приняли святое крещеніе въ 1387 г.; здѣсь авторъ разсказываетъ извѣстную намъ исторію обращенія Жмуди.

Мужчины занимаются скотоводствомъ, которое идетъ у нихъ очень успѣшно, а женщины выдѣлываютъ ленъ, который поступаетъ въ Ригу, Кенигсбергъ и оттуда въ Голландію.

На Жмуди нѣтъ укрѣпленныхъ замковъ, мало городовъ и селеній, люди разсѣяны по лѣсамъ и полямъ. Хижины ихъ тѣсны и грязны, въ нихъ обыкновенно помѣщаются лю-

ди и домашнія животныя вмѣстѣ. Мясо они солятъ въ боченкахъ и продаютъ мореплавателямъ. Телѣги у нихъ деревянныя, не кованныя, сирипучія.

Дѣвушка не прежде выходитъ замужъ пока не выдѣластъ себѣ нѣсколько корзинъ бѣлья на свадебныя подарки; это занятіе продолжается до 25 и 30 лѣтъ; красота и приданое, вещи у нихъ второстепенныя; возрастъ и здоровье занимаютъ первое мѣсто у всѣхъ, ищущихъ себѣ супруги. Дѣвушки у пояса носятъ колокольчики, а ночью не выходятъ иначе, какъ съ фонаремъ. Вообще же обычаи ихъ сносны. Къ начальнику крестьянскаго міра, который называется цивуномъ, Жмудягъ приходитъ не иначе, какъ съ подарками.

Въ дѣлѣ образованія Жмуди, оказалъ важныя услуги въ царствованіе Сигизмунда Августа Яковъ Ласковскій, который и сообщалъ автору свѣдѣнія объ этой землѣ. Онъ измѣрилъ до 40,000 полей, назначая каждому хлѣбопашцу по три улоки земли (90 десятинъ), приказалъ истреблять лѣса къ великому неудовольствію туземцевъ, которые думали, что въ лѣсахъ живутъ боги, и однакоже охотно обрывали кору съ деревьевъ, думая, что за нею скрываются духи, непріязненные для пѣтуховъ и гусей. Эта черта послужила автору переходомъ къ жмудской мифологіи. Исчислимъ здѣсь рядъ боговъ: *Пергрубъ* охранялъ растительность, *Оккопиръ* былъ богомъ неба и земли, *Атрымъ* богъ моря, *Гардетенъ* (Gardoeten) богъ мореплавателей, *Потримъ* — рѣкъ и озеръ, *Пильситъ* богъ богатства, *Пергрубъ* богъ весны, *Паръа* — грома, *Поклюсъ* — ада, *Аускута* богиня здравія, *Маркополь* покровительствовалъ аристократіи. Естественно, что авторъ, нисколько не возвышающійся надъ понятіями своего времени, боговъ жмудскихъ считаетъ діаволами. Онъ описываетъ жертву въ честь Пергруба, прино-

снью жрецовъ, который назывался *Вуршайтенъ* (*Wurshaiten*), жертвы предъ началомъ и послѣ окончанія жгвы, говоритъ о домашнихъ духахъ, о суевѣрїяхъ и жертвоприношенїяхъ богамъ второстепеннымъ. Все это намъ извѣстно.

Онъ описываетъ свое сочиненіе описанїемъ свадьбы и погребенїя на Жмуди, и обычая ставить на гробахъ умершихъ пищу и питїе, будто бы для ихъ душъ. Авторъ естественно считаетъ это какимъ-то дїавольскимъ дѣломъ, и приводитъ цитаты изъ блаж. Августина, возстававшаго противъ этого обычая. Поэтому замѣтимъ, что такъ какъ бл. Августинъ видѣлъ подобный же обычай на югѣ, то онъ не есть чисто-литовскій или жмудскій.

Таково было состояніе Жмуди въ управленіе Баторїа.

Бернардъ Ваповскій описалъ Ливонїю, а Мартинъ Броневскій землю перекопскихъ Татаръ Молдавію (*Moldavia*) и Валахію (*Woloszczuznę*).

Въ эпоху, когда цѣлые города и округа измѣняли свои религіозныя убѣжденїя, послѣдователи различныхъ вѣръ разсылали своихъ ревизоровъ, чтобы увѣриться въ томъ, какъ стоитъ въ православїи тотъ или другой округъ. Въ этомъ родѣ у насъ есть путешествїе кальвиниста *Феофила Турловскаго* по Литвѣ и воеводствѣ Сендомирскомъ, и католическаго свящ. Венедикта Гербеста по землямъ Галицкой Руси. Пройдемъ это послѣднее путешествїе вѣстѣ съ авторомъ, по его письму къ Львовскому кастеляну Станиславу Гербурту.

Авторъ прежде всего прїѣзжаетъ въ Калишъ, но товарища своего будущаго путешествїя находитъ больнымъ, вскорѣ однакоже лихорадка, или какъ ее называютъ у насъ на Руси *тѣтка* (сіотка), оставляетъ больного, съ которымъ Гербестъ отправляется въ Краковъ. Тамъ ему попадаетъ

въ руки письмо Виленскихъ кальвинистовъ, скорбящихъ о томъ, что арианское ученіе начинаетъ распространяться между швейцарскими братіями; авторъ исчисляеть еретическія обряды арианъ. Выпишемъ тѣ изъ нихъ, которые должны были причинить умноженіе или паденіе этой секты. Увеличеніе, потому что они заключили въ себѣ идею христіанскаго равенства, упадокъ, потому что подобныя начала не могли еще привиться ни въ Польшѣ, ни во времена шестнадцатаго вѣка. «Подданные, пишетъ Гербестъ съ негодованіемъ, адресуясь къ господамъ и правительству, употребляютъ титулъ братства, направляютъ свои старанія къ суровенію состояній и къ униженію чиновъ, за столомъ крестьянинъ сидитъ на одномъ стулѣ вѣстѣ съ своимъ господиномъ. Въ Вильнѣ говорили даже о томъ, допускать ли къ святому причастію тѣхъ, которые не освобождаютъ своихъ рабовъ».

Изъ Кракова они уѣхали въ Бржозово, помѣстье Перемышльскаго епископа Гербурта, а отсюда въ Перемышль, гдѣ нашли Оржеховскаго занятаго книгою св. Іеронима; то былъ уже угасающій воинъ оканчивающій свою бурную жизнь. Изъ Перемышля чрезъ Саль и Самборжъ, авторъ перѣхалъ въ Львовъ, гдѣ съ радостію замѣтилъ, что городскіе жители обратились къ католицизму. Посѣщалъ армянскую церковь, и при этомъ выписываетъ исторію армянскаго исповѣданія, и его догматы ни въ чемъ не отличные отъ догматовъ католическихъ. Потомъ былъ въ русской церкви, разговаривалъ съ священникомъ, убѣждая его къ покорности папѣ; но священникъ искусно увернулся отъ щекотливаго предложенія, отвѣчая съ смиреніемъ, что дѣло это зависитъ отъ его начальства, отъ отца владыки и Константинопольскаго патріарха. На обратномъ пути изъ Львова, путешественники посѣтили *Лысую Гору*. Въ Калишѣ нашли смя-

теніе евреевъ, возникшее отъ того, что Еврей ударилъ католическаго проповѣдника. Говорить о необходимости обращать Евреевъ. Прекрасна христіанская мысль Гербеста объ этомъ предметѣ. «Мы лучше бы желали пріобрѣсть ихъ душу, чѣмъ «срать отъ нихъ червонное золото, корицу и перецъ. Я говорю это по любви, не съ злымъ умысломъ, потому что «какъ не люблю я грѣха въ себѣ самомъ, такъ и въ ближнихъ моихъ.»

Изъ Калиша авторъ вернулся въ Познань, откуда и писалъ свое письмо.

*Путешествія иностранцевъ по Польшѣ* были очень многочисленны; въ нашу эпоху мы знаемъ нѣсколько описаній такихъ путешествій. Приступая къ правильному ихъ исчисленію, мы должны вспомнить о путешествіи Француза *Жильберта де Ланпоу*, на которое пролилъ новый свѣтъ знаменитый авторъ *двухъ библиографическихъ книгъ*. Г. Ланпоу, кавалеръ золотаго руна (Messire Guillebert de Lannoy chevalier de la Toison d'or) авантюристъ, послѣ битвъ и приключеній въ Англій, Св. землѣ, Испаніи и Франціи въ 1413 году прибылъ въ Пруссію, чтобы защищать дѣло крестоносцевъ противъ невѣрныхъ, т. е. Литвы. Онъ явился къ гроемейстеру Генриху де Плауенъ въ Мариенбургъ, но такъ какъ время войны еще не наступило, то пользуясь свободнымъ временемъ, онъ посѣтилъ короля датскаго. Послѣ своего возвращенія гостепріимно принятый в. магистромъ, вмѣстѣ съ нимъ онъ посѣтилъ прусскіе города; но такъ какъ Г. Плауенъ вскорѣ лишился своей должности, то нашъ блуждающій рыцарь направилъ путь въ Ливонію. Великій магистръ ордена меченосцевъ, котораго онъ нашелъ въ Римѣ, не зная видно, что ему дѣлать съ этимъ любителемъ приключеній, убѣдилъ его отправиться въ Великій Новгородъ. Рыцарь послушался совѣта, и про-

ѣхать черезъ Венденъ, Вольдемаръ и Виттенштейнъ, гдѣ были укрѣпленные командорскіе замки, перенравился черезъ Нарву, граничившей между Ливоніей и Новгородской республикой, а тамъ сѣвши въ сани, внезапно очутился въ Новгородѣ.

О Новгородѣ онъ пишетъ, что это прекрасный и обширный городъ, окруженный лѣсами и болотами, при рѣкѣ Волховѣ (Volosso), въ немъ есть каменные башни и валы, плетенные изъ хворосту и осыпанные землею. Тамъ нашелъ онъ правленіе республиканское (*seigneurie de commune*), бывшее въ рукахъ епископа и богатѣйшихъ гражданъ. Въ Новгородѣ вмѣсто монеты употребляютъ серебряныя полоски, куньи и бѣличьи головки. Въ городѣ есть рынокъ, гдѣ продаютъ и покупаютъ женъ. Мужчины носятъ по одной плетеной косѣ, а женщины по двѣ такихъ же. De Lapponou прожилъ въ Новгородѣ десять дней, епископъ угощалъ его хлѣбомъ, мясомъ, рыбами, масломъ, пивомъ и медомъ; но не смотря на такое богатство кухни, рыцарь нашъ испугался сѣвернаго холода и изъ Новгорода уѣхалъ въ Псковъ, но и здѣсь оставался не долго и переѣхавъ на саняхъ рукавъ озера Пейпусъ, возвратился черезъ Дерптъ въ Вольдемаръ и Венденъ. Тамъ вѣроятно онъ раздумалъ, что вмѣсто того, чтобы воевать съ невѣрными Литовцами, гораздо будетъ выгоднѣе познакомиться съ Литовскимъ богатыремъ Витольдомъ, и такъ онъ отправился къ нему на саняхъ по льду озера въ королевскій дворецъ, гдѣ обыкновенно пребывалъ Витольдъ; но въ эту пору Витольдъ былъ въ Вильнѣ, и нашъ рыцарь направилъ туда свой путь.

Въ Вильнѣ онъ видѣлъ замокъ, расположенный на высокой песчаной горѣ, окруженный камнями, землею и валомъ, а внутри построенный изъ дерева; у подошвы горы протекаетъ рѣка Вилія. Въ городѣ немного каменныхъ зданій,



нѣкоторые только костюмы построены изъ кирпича. Добродушный Французъ вѣрилъ, что крестоносцы обратили Литву въ христіанство. Литовцы въ эту эпоху (1413) носили волосы, распущенные по плечамъ, а Литвинки одѣвались какъ женщины Пикардін.

Но и здѣсь онъ не нашелъ Витольда, поэтому, сдѣлавъ визиты двумъ сестрамъ его супруги, возвратился въ Пруссію. Въ Трокахъ онъ видѣлъ убогое мѣстечко и два укрѣпленные замка. Витольдъ находился въ Позурахъ (?) на охотѣ. Не долго гостилъ здѣсь, de Лаппоу, и чрезъ Ковно возвратился въ Пруссію, откуда послалъ просить Ягелло дать ему охранную грамоту, для прибытія къ нему. Ягелло не отказалъ; Французъ нашелъ его въ Калишѣ, и здѣсь при польскомъ дворѣ провелъ праздникъ пасхи.

Подъ конвоемъ какой назначилъ ему Ягелло, de Лаппоу изъ Калиша, чрезъ Бреславъ и Свидницу прибылъ въ Богемію въ Прагу; но по причинѣ гусситскихъ войнъ не хотѣлъ углубляться во внутренность страны.

De Лаппоу былъ потомъ въ заключеніи въ Англіи, раненъ въ битвѣ подъ Азенкуромъ, въ 1419 году былъ посланъ въ Англію, а въ слѣдующемъ году былъ при осадѣ Mogleau и Melun.

Въ 1421 году онъ снова явился въ нашихъ странахъ, но уже какъ рыцарь, отправляющійся въ Іерусалимъ, и обремененный посольскою властію отъ королей Франціи и Англіи. Цѣлю его путешествія было военное обозрѣніе Палестины, родъ почетнаго шпіонства, потому что король англійскій Генрихъ V хотѣлъ предпринять походъ для возвращенія гроба Господня. De Лаппоу вѣрющія грамоты и подарки отъ королей вручилъ прусскому магистру, и оставивши тамъ своего сопутника Agregy-de-Nem, при великомъ магистрѣ, самъ отправился къ польскому королю, который въ то

время охотился на Руси, въ мѣстности называвшейся Озимны. Король съ любовію принялъ посла, приносившаго ему миръ отъ Англій и Франціи (хотя Англія и Франція очень мало его интересовали), приказалъ устроить для него жилище изъ зеленыхъ вѣтвей и листьевъ, и просилъ его участвовать въ охотѣ на медвѣдей. При отъѣздѣ, богато одаривъ его лошадьми, мѣхами и деньгами, король далъ ему рекомендательное письмо къ султану. Великолѣпно принятый въ Львовѣ и Белжи, въ Кременцѣ онъ представлялся Витольду. Мы слышали, что Ягелло косвеннымъ образомъ поддерживалъ гусситовъ, а въ ту пору Витольдъ договаривался съ гусситами. De Laprou, желая дать почувствовать Витольду, какъ неприлично ему вести эти переговоры, не хотѣлъ взять отъ великаго князя денежныхъ даровъ, но не отказался однакоже принять мѣха и собольи шубы, сбрую, татарское оружіе и золотыя цѣпи, какъ отъ князя, такъ и отъ шляхетства. Черезъ Каменецъ-Подольскъ, находящійся въ прекрасномъ мѣстоположеніи (*merveilleusement assise*), de Laprou переѣхалъ въ Молдавію и Валлахію, гдѣ отъ князя Александра узнаеть о смерти султана и о волненіяхъ по поводу войнъ Грековъ съ Турками. Послѣ различныхъ приключеній, ограбленный разбойниками въ Монкастрѣ, онъ направился въ Крымъ, сѣлъ тамъ на венеціанскій корабль и прибылъ въ Константинополь.

Не станемъ далѣе описывать этого путешествія, какъ уже не интереснаго для нашего отечества.

*Эней Сильвій* (папа Пій II, смонч. 1465 г.) описывалъ Литву и Польшу, по рассказамъ Іеронима Прагскаго; это описаніе, вовсе не похожее на наше отечество, находится въ его космографіи. *Амеросій Контарини* венеціанскій посолъ въ Персію, проѣзжалъ туда чрезъ Польшу въ 1474, а возвращался въ 1477 году. Контарини нашелъ въ Тро-

кахъ Казимира Ягелло, потомъ гостилъ у того же короля въ Люблинѣ, гдѣ онъ видѣлъ четырехъ польскихъ королевичей и имѣлъ случай познакомиться съ ихъ наставникомъ, Яномъ Длугошемъ. Путешествія Контарини переведены Нѣщевичемъ и помѣщены въ собраніи достопамятностей древней Польши.

*Сигизмундъ Герберштейнъ*, будучи въ 1517 году посломъ нѣмецкаго императора въ Москвѣ и Польшѣ, въ сочиненіи: *Записки Московскихъ событій* (Commentarii rerum Moscoviticarum), описалъ Литву такъ, какъ онъ ее видѣлъ. Онъ говоритъ о князѣ Михаилѣ Глинскомъ, о животныхъ, зубрѣ и лосѣ и т. д.

*Захарій Феррери*, апостольскій нунцій при Сигизмундѣ I, описалъ свое путешествіе въ Вильно, которое онъ предпринялъ какъ для примиренія Сигизмунда съ его племянникомъ Альбрехтомъ Прусскимъ, такъ и для поклоненія гробу св. Казимира, чтобы на мѣстѣ узнать о его жизни и чудесахъ. Выпишемъ здѣсь то, что онъ говоритъ о Вильнѣ и Литвѣ.

«Вильно,—это городъ лежащій въ глубинѣ сѣверной Сармаціи, отъ прусскаго города Торна, гдѣ мы были въ то время, онъ отстоитъ на пространствѣ пятидесяти миль, страна суровая, холодная и ужасная, въ которой рѣдко бываетъ лѣто. На всѣ стороны тянутся равнины, лѣса, болота и озера; народъ однакоже красивъ, продовольствія достаточно; различные товары привозятся сюда изъ германскаго океана, Сарматскаго и Чернаго моря, изъ Арменіи и Татаріи (особенно изъ Таврическаго Херсонеса), кромѣ того изъ Эракии и почти всей Греціи и Мизіи. Поля здѣсь пространны, вина не извѣстны, плодовъ очень мало; но за то много сильныхъ лошадей, и тѣхъ мелкихъ животныхъ, которыя доставляютъ драгоценные мѣха для украшенія

платья и защищенія себя отъ холода, соболей и другихъ бѣлыхъ мѣховъ, которые привозятъ Армяне; много также зубровъ, лосей, оленей, медвѣдей и кабановъ».

Другой папскій нунцій кардиналъ *Францискъ Коммендони* въ письмахъ къ св. Карлу Баромею (*Baromeusza*) сообщаетъ много любопытныхъ извѣстій о дворѣ Сигизмунда Августа, о различномъ расположеніи умовъ въ отношеніи религіозномъ и политическомъ. Граціани, спутникъ и биографъ Коммендони, описывалъ тѣ мѣстности, чрезъ которыя проѣзжалъ кардиналъ. Прежде всего онъ рассказываетъ о пребываніи нунція при дворѣ прусскаго князя Альбрехта въ Кенигсбергѣ, гдѣ они видѣли богатый звѣринецъ, потомъ берега Балтійскаго моря и собраніе янтаря, затѣмъ русскія земли, гдѣ сообразно характеру и назначенію лицъ, обращаетъ особенное вниманіе на православіе и религіозные обряды Армянъ и Русскихъ. Любопытны его описанія земель подольскихъ и украинскихъ. Есть здѣсь и правда и сказки, но то и другое тѣмъ для насъ драгоцѣннѣе, что собрано на мѣстѣ. Видѣли они какъ соль кристаллизуется на днѣ озеръ, какъ пчелы складываютъ въ землю медъ и воскъ, какъ сваленныя сосны цѣлыми массами каменѣютъ (*petrificuja*), какъ ласточки зимуютъ въ водѣ. Коммендони совѣтовалъ Сигизмунду Августу основать укрѣпленный городъ при устьѣ Днѣстра, и по Днѣпру, сплавать къ морю различныя произведенія Польши, теперь уже бесполезныя. Венеціане, земляки Коммендони, моремъ заходили бы въ эту пристань, и земли польскія приобрѣтали бы огромныя выгоды, и денежныя и умственныя, чрезъ свои сношенія съ образованными народами. Эта мысль, принятая Сигизмундомъ Августомъ, не встрѣтила сопротивленія со стороны Турокъ, къ которымъ обращались съ

просьбою, но разбилась о скалы и съѣла на мѣлахъ, которыя нашелъ на Днѣстрѣ русскій воевода.

Потеряны *Реляціи о Польшѣ* (*Relazione di Polonia*) другого нунція Липпомана отъ 1575 г. и *Яна Гуарки*, знаменитаго итальянскаго поэта; *Посольство въ Польшу* (*Legatio Polonica*), который облеченъ былъ поэтъ въ 1576 г. княземъ Феррарскимъ къ Стефану Баторію.

Французы по поводу избранія Генриха Валуа на польскій престолъ, лучше знакомые съ нашимъ краемъ описывали подобно d'Amboise, Польшу въ отношеніи географическаго положенія, связей съ сосѣдями, правъ и обычаевъ. (*La description du Royaume de Pologne et des pays adjacens avec ses statuts, constitutions moeurs etc.* 1573 г.).

Не всѣ изъ этихъ описаній были въ пользу нашего отечества, потому что не всѣ путешественники умѣли смотрѣть на эту страну съ надлежащей точки зрѣнія. Мы говорили уже о спорѣ Деспорта съ Кохановскимъ; скажемъ еще, что тотъ Иснанецъ Ройзій (*Rojzyusz*), который такъ долго питался въ Польшѣ нашимъ хлѣбомъ и нашею мыслию. Богъ знаетъ что говорить о Литвѣ, съ досады на то, что въ гостинницахъ, въ которыхъ ему приходилось останавливаться, онъ долженъ былъ спать на твердой скамьѣ, на соломенномъ ложѣ и въ черной избѣ.

Съ такой только точки зрѣнія смотрѣли иностранцы на наше отечество. Не болѣе справедливо и негодованіе Конрада Цельтеса, о которомъ мы упоминали выше.

Впрочемъ Нѣмцы, лучше знакомые съ Польшею, были болѣе справедливы къ намъ. Многіе изъ нихъ пріѣзжали поглядѣть нашему Кракову, и нашимъ солянымъ копанъ Велички. Такъ: *Виллихъ Прусакъ* въ 1543 году написалъ *Наблюденіе надъ соляными копанъ Кракова* (*de Salinis*

Кракoviaŋis observatio). *Иoахимъ Вадіанъ* Швейцарецъ, комментируя Помпонія Мелу, описалъ Польшу, а вмѣстѣ съ тѣмъ соляныя копи Вѣличчи и Бохнѣи. *Яковъ Фалькенбургъ*, *Адамъ Шретеръ*, *Вавржинецъ Корвинъ*, *Гуннадъ Венгерецъ*, и другіе, латинскими стихами описывали Польшу въ выраженіяхъ болѣе или менѣе лестныхъ для нашего отечества. Англичанинъ *Антоній Іонкинсонъ*, говоря о Татарахъ и Россіи, вспомнилъ и о Польшѣ, и т. д.

## VII. ЦЕРКОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

КАТОЛИЦИЗМЪ ВЪ ПОЛЬШѢ, ДИССИДЕНТЫ И ИХЪ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ, ЦЕРКОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ ВѢРОИСПОВѢДАНІЯХЪ: КАТОЛИЧЕСКОМЪ, КАЛЬВИНСКОМЪ, ЛЮТЕРАНСКОМЪ, ВОГЕМОСКИХЪ БРАТЬЕВЪ И ГРЕЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ. РЕЛИГИОЗНЫЕ СПОРЫ.

Католическая вѣра, введенная въ Польшу Мечиславомъ I, а въ Литву Владиславомъ Ягелло, такъ сильно привилась къ Полякамъ, такъ хорошо соотвѣтствовала духу ихъ общественныхъ потребностей, что вдругъ сдѣлалась стражемъ правъ и обычаевъ, какъ благодѣтельная посредница между народомъ и властію. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе мудрованій Запада, утверждающихъ, что церковь католическая, основанная на авторитетѣ и подчиненная ему, освящаетъ всякаго рода іерархію, основанную на правѣ сильного; что она, требуя слѣпой и покорной вѣры, не благопріятствуетъ всякаго рода успѣхамъ; что начала свои она стѣснила желѣзною буквою, изъ-за которой нѣтъ возможности проникнуть въ духъ христіанства. Но это мнѣніе преувеличено, — лучшимъ тому доказательствомъ служить Польша, гдѣ безъ со-

и нѣнія, сильно билось сердце политической жизни народа, и католицизмъ не только не стѣснялъ этого бѣненія, но напротивъ приносилъ еще благодѣтельные плоды, полные спасительныхъ послѣдствій. Вѣра католическая принесла намъ латинское образованіе (polog), а съ нимъ вмѣстѣ и древне-римскія понятія объ отношеніяхъ власти къ обществу, соединила Литву съ Польшею, обуздавала неумѣренные порывы народной свободы, могущей иногда нарушать общественный порядокъ; одна только вѣра могла умѣрять и удержать въ неприкосновенности совѣтъ неопредѣленные отношенія между шляхтичемъ и престоломъ, шляхтичемъ и крестьяниномъ; на вѣрѣ основывалась добродѣтель нашихъ женъ и наша рыцарская честность; вѣра наконецъ блюла святость клятвеннаго договора избраннаго короля съ народомъ (*pacta conventa*), совѣтъ какъ государственныхъ совѣтниковъ, такъ и земскихъ пословъ.

Съ другой стороны, духъ польскаго законодательства и обычаевъ, въ свою очередь неоднократно смягчалъ излишнюю строгость церковныхъ постановленій; такъ, напр., въ началахъ католицизма не было духа снисхожденія къ свободѣ совѣсти, но онъ существовалъ въ коренныхъ законахъ государства, по которымъ каждому можно было дѣлать то, что гармонировало съ его совѣстію, не принося вреда обществу. Въ католическихъ правилахъ было проклятiе и исключеніе изъ общества еретиковъ, но по законамъ ихъ нельзя было исключать изъ сената, изъ посольской избы, изъ круга лицъ служащихъ, потому что каждый прежде всего былъ гражданиномъ своего отечества. Такимъ образомъ католицизмъ умѣряемый мѣстными обычаями, и съ своей стороны оказывающій благодѣтельное вліяніе на домашнее и политическое бытіе Польши, въ Польшѣ едѣлся религіею отечественною, народною.

Исповѣданія не католическія, перешедшія къ намъ изъ Германіи и Швейцаріи, не могли ни приносить такихъ плодовъ, ни пользоваться такими привиллегіями, ни рассчитывать на такое сочувствіе общества, потому что они рѣдко входили къ намъ путемъ убѣжденія, а чаще всего были модою вѣка, или выгоднымъ орудіемъ личныхъ цѣлей. То какой-нибудь профессоръ получалъ сочиненія Виклефа, то жадное до новизны юношество, украдкой привозило какую-нибудь религіозную новость изъ Виттенберга, то какому-нибудь вельможѣ приходилось «услышать какъ проповѣдуютъ въ Женевѣ у фары» (въ приходской церкви), то какой-нибудь бѣглый наставникъ, ищущій убѣжища въ вѣротерпимой Польшѣ, приносилъ къ намъ сѣмена аріанства. Одному новость пришла по сердцу, подѣйствовала на умъ другаго, третьему показалась выгодною, тому польстила въ его самолюбіи, другому облегчила нго страсти,—и вотъ приверженцы и корнеи разновѣрія. Толпа по обыкновенію слѣдовала внушеніямъ сильнѣйшихъ умовъ, и въ Польшѣ явились лютеране, кальвинисты и соцініане. Ревностные католики борются и преслѣдуютъ иновѣрцевъ, общественное мнѣніе по обыновенію принимаетъ сторону угнетенныхъ, и вотъ почему диссиденты такъ умножились въ Польшѣ, почему приобрѣли они себѣ столько сочувствія. Но не смотря на все это, исповѣданія ихъ не приобрѣли у насъ права гражданства, и хотя по существу своихъ догматовъ, они болѣе благопріятствовали *усильямъ*, но тѣмъ не менѣе иновѣрцы имѣли мало вліянія на улучшеніе края, потому что не имѣя правъ господствующаго вѣроисповѣданія, для снисканія себѣ покровительства принуждены были то разжигать бурныя страсти, то пресмыкаться предъ королемъ и вельможами; но никогда они не были въ состояніи отстаивать свои религіозныя убѣжденія и тѣмъ внушить къ себѣ то



уваженіе, которое во имя Божіе ведетъ къ лучшему цѣлыя государства и народы.

Въ общемъ взглядѣ на эпоху Ягеллоновъ, мы сказали нѣсколько словъ о настроеніи умовъ въ пользу разновѣрія. Альбрехтъ магистръ крестоносцевъ въ 1525 году принялъ лютеранское вѣроисповѣданіе, примѣру крестоносцевъ послѣдовали и ливонскіе меченосцы. Лютеранизмъ, проникшій въ Польшу путемъ торговыхъ и родовыхъ отношеній, распространился въ Великой Польшѣ. Магнаты и польское юношество, пріѣзжающее изъ-за границы, привозили съ собою лютеранскія убѣжденія изъ Виттенберга и Лейпцига, кальвинскія и цвингліанскія изъ Женевы. Напрасно Сигизмундъ I угрожалъ лишеніемъ шляхетства всякаго, кто измѣнитъ вѣрѣ; потому что, принуждаемый обстоятельствами, онъ поневолѣ долженъ былъ заставлять молчать народныя узаконенія, но юный королевичъ Сигизмундъ Августъ давалъ у себя убѣжище и покровительство нововводителямъ. Николай Черный Радзивиллъ, братъ Варвары, мужъ обширнаго ума и другъ Сигизмунда Августа, Фирлей любимецъ Боны, все люди богатые и ученые, держась швейцарскаго ученія, въ своихъ боярскихъ дворахъ давали убѣжище и покровительствовали нововѣрцамъ, строили имъ соборы и школы, заводили типографіи. Радзивиллъ даже, будучи Виленскимъ воеводою, сдѣлалъ швейцарское исповѣданіе чуть ли не господствующимъ въ столицѣ Литвы, и распространялъ его въ своихъ огромныхъ помѣстьяхъ литовскихъ, при помощи просвѣщенныхъ пасторовъ, каковыми были Шимонъ и Боній (Beniasz), братья Будные, Кржишковскій и другіе. Вельможи имѣли на это свои виды: привлечь къ себѣ большинство шляхты, стать во главѣ ея, а такимъ образомъ, поддерживая свободу совѣсти, имѣть у себя наготовѣ сотни равныхъ себѣ гражданъ, и при ихъ содѣйствіи

управлять кориндомъ правленія соответственно своимъ цѣлямъ. Эти примѣры не остались безъ подражанія въ первыхъ домахъ польскихъ. Въ Польшѣ: Гурки, Лесчинскіе, Олесницкіе, Зборовскіе, Сѣнявскіе; въ Литвѣ: Ходкѣвичи, Сапѣги, Служки, Висьневецкіе принимали протестантство и покровительствовали своимъ единовѣрцамъ. Между тѣмъ около 1558 г. началъ распространяться аріанизмъ, перенесенное отъ Лелія и Фауста Социновъ, и потому извѣстное у насъ подъ именемъ соціанизма. Въ Польшѣ его принялъ Николай Олесницкій, владѣтель Пинчова, въ Литвѣ Янъ Кмита. Аріанизмъ былъ отраслю калвинизма, отличаясь отъ него догматомъ о св. Троицѣ и о крещеніи младенцевъ.

Еще болѣе чѣмъ покровительство магнатовъ содѣйствовала успѣхамъ разновѣрія свобода совѣсти и обезпеченная въ 1539 г. свобода книгопечатанія. Явились обширныя типографіи въ Краковѣ, Вильнѣ, Раковѣ, Любечѣ, Нѣсвижѣ, которыя распространяли въ Польшѣ сочиненія и образъ мыслей диссидентовъ.

Католическое духовенство неоднократно вооружалось каноническими правами и гражданскими постановленіями, стараясь удалить не католиковъ изъ сената и посольской избы; но что могло значить это противоудѣйствіе, если изъ среды самого же духовенства Оржеховскій вступилъ въ бракъ, епископы Паць и Вигандъ приняли лютеранство, а Зебржидовскій и Уханскій держались правовѣрія изъ однихъ только личныхъ видовъ. Въ 1553 году, на Петровскомъ сеймѣ, состоявшемъ исключительно изъ однихъ почти протестантовъ, земскіе послы явно требовали прекращенія всякихъ сношеній съ Римомъ и учрежденія мѣстной духовной власти. Эта мысль въ самомъ даже кругу епископовъ не вызвала такого сопротивленія, какого бы можно было ожидать.

Тяготѣли еще надъ протестантами уставы Ягелло противъ приверженцевъ Гусса, и свѣжія еще постановленія Сигизмунда I; но вотъ въ 1564 году Сигизмундъ Августъ отклонилъ и эти законы, и разновѣрцамъ, не тревожимымъ Августомъ, оставалось бороться только съ мелкими, посторонними стычками, и съ несогласіемъ, которое зараждалось въ ихъ собственномъ лонѣ. Аріане, подъ маскою кальвинизма, начали вводить въ ученіе швейцарскихъ кальвинистовъ собственные догматы о крещеніи и св. Троицѣ и привлекать къ себѣ сильнѣйшіе умы: Станжара Буднаго, Чеховича, Кржишковскаго и другихъ. Многіе, частію для того, чтобы переговорить между собою, и потомъ обезпечить себя отъ аріанъ, собирали многочисленныя сѣзды, имѣли диспуты и соборы польскихъ диссидентовъ, изъ которыхъ мы исчислимъ только болѣе важныя, въ Бржезинахъ (1564), въ Венгровѣ (1565), въ Краковѣ (1577 г.) и въ Сендомирѣ въ томъ же году.

По смерти Сигизмунда Августа, органъ тогдашняго протестантизма, Янъ Фирлей, не допускалъ Уханскаго къ примасовскому достоинству, называя его только архіепископомъ. Этотъ поступокъ доказываетъ, какъ свободно и громко могъ отзываться протестантизмъ въ Польшѣ. Въ ту же эпоху польскіе диссиденты составили между собою конфедерацію, какъ для охраненія своего внутренняго мира, такъ и для защиты противъ католиковъ.

Стефанъ Баторій, занятый войною и политическою реформою края, не могъ заниматься религіозными спорами. Правда, нововведенные іезуиты тревожили диссидентовъ и своими сочиненіями и явнымъ преслѣдованіемъ; но это еще необъясняетъ намъ, почему протестантизмъ терпѣлъ силу почему богатѣйшіе вельможи и лучшіе по образованію умы возвращались къ католицизму. При Сигизмундѣ

III это обращеніе было еще чаще, такъ что только нѣкоторые роды оставались протестантами, но никто не приста-валъ уже къ новому ученію.

Достоинно замѣчанія и то явленіе, что отъ кальвинизма и лютеранизма толпами переходили въ секту арианскую, еще менѣе согласную съ католицизмомъ, еще болѣе смѣлую въ своихъ догматахъ, а потомъ также толпами возвращались въ нѣдра римской церкви. Видно, уму человѣческому, освобожденному изъ суровыхъ оковъ, хотѣлось полетать въ самой послѣдней сѣрѣ, извѣдать до конца запрещенный плодъ знанія, прежде чѣмъ снова возвратиться къ прежнему исповѣданію.

Изобразивъ такимъ образомъ общее движеніе протестантизма въ Польшѣ, перейдемъ теперь поочередно всѣ религіозныя вѣроисповѣданія, пересмотримъ церковную литературу каждаго изъ нихъ, богословіе нравственное и догматическое, ораторское краснорѣчіе, молитвенники, переводы Св. Писанія и религіозные споры съ другими исповѣданіями. Начнемъ съ господствующаго вѣроисповѣданія.

#### Римско-католическая церковь.

Говоря о богословахъ Краковской Академіи, мы исчислили лучшія ихъ произведенія, а говоря о переводахъ съ греческаго на латинскій, указали переводы отцовъ Церкви, составленные Поляками. Такъ какъ намъ недостаетъ ни смѣлости, ни мѣста распространяться надъ догматическимъ богословіемъ въ католической церкви, то мы перейдемъ къ ораторамъ этой церкви въ нашу эпоху.

Эта почтенная отрасль литературы заслуживаетъ благоговѣйное вниманіе по двумъ причинамъ: по святости своего предмета и потому, что прежде другихъ она подверглась обработкѣ на языкѣ польскомъ, доступномъ для на-

рода, хотя проповѣди были писаны и на латинскомъ языкѣ.

Въ эпохѣ Пястовъ мы упоминали о проповѣдяхъ Стойко-на и Мартина Поляка. Въ первые годы царствованія Ягелла можемъ указать у себя на нѣсколькихъ проповѣдниковъ, слова которыхъ, произносимыя на языкѣ польскомъ, одни переданы были письменно на языкѣ латинскомъ, а другія со-всѣмъ не дошли до насъ. Архіепископъ *Бодзанта* и *Иеро-нимъ Празскій*, поучали Литовцевъ, которыхъ они обра-щали къ вѣрѣ, а самъ король объяснялъ это народу на язы-кѣ литовскомъ. *Яковъ* епископъ Плоцкій предъ грунвальд-скою битвою говорилъ польскую рѣчь къ воинамъ; *Збымекъ Олесницкій младшій* оставилъ намъ одинъ томъ Рѣчей, которыя онъ произносилъ попольски. Проповѣди *Николая изъ Бломя* кафедральнаго проповѣдника въ Познаніи, носятъ на себѣ важный отпечатокъ духа того вѣка, въ которомъ онъ писалъ. Такъ, напримѣръ, утверждая въ одномъ изъ сво-ихъ словъ, что великолѣпіе и роскошь не только не нравит-ся Богу, но и самому сатанѣ, приводитъ слѣдующій анек-дотъ: когда одинъ чернокожикъ заклинаніями вызывалъ діавола, тотъ не спѣшилъ съ появленіемъ, спрошенный на-конецъ о причинѣ медленности, отвѣчалъ: «изысканныя бла-говонія, которыми отъ тебя пахнетъ, не позволяютъ мнѣ при-близиться къ тебѣ.» Въ XV вѣкѣ насъ не соблазняли подоб-ныя легенды, напротивъ онѣ были намъ драгоцѣнны, какъ древнія свидѣтельства простодушной вѣры нашихъ отцовъ; но грустно думать, что три вѣка спустя, при другихъ уже условіяхъ быта и просвѣщенія, подобныя же басни повторя-лись іезуитами въ печати и съ кафедры церковной, а на-родъ, опутанный ими, вѣрилъ и назидался подобными по-ученіями.

Схоластическая метода диспутовъ, принятая въ XV вѣкѣ, имѣла вліяніе и на форму проповѣдей, которыя такимъ образомъ могли бы дѣйствовать болѣе на умъ, нежели на сердце слушателей, если бы народъ, посвященный въ таинства діалектики, умѣлъ проходить вмѣстѣ съ ораторомъ невѣрные пути софистическихъ умствованій. Но, чтобъ одушевить эту ледяную массу доводовъ, ораторы должны были прибѣгать къ громогласности произношенія и оживленнымъ жестамъ. Часто проповѣдникъ, не умѣя иначе обличить преступленія, принужденъ былъ по именамъ называть преступниковъ. Епископы Войтехъ Ястржембець и Николай Тромба, преподавали прекрасныя наставленія для проповѣдниковъ.

При Владиславѣ Ягелло превосходилъ другихъ высотой ораторскаго дара *Станислава изъ Скарбижежа*, знаменитый богословъ и первый ректоръ академіи. Онъ оставилъ намъ латинскія рѣчи противъ тогдашнихъ иновѣрцевъ, по поводу торжествъ церковныхъ и академическихъ, и слова надгробныя. Выпишемъ здѣсь нѣсколько мыслей изъ его латинской рѣчи на погребеніе королевы Ядвиги 1399 г.

«Человѣку негдѣ отдохнуть, негдѣ упокоиться, но всегда есть гдѣ страдать, бѣдствовать и погибать. Въ себѣ самомъ и вокругъ себя у него война, борьба стихій тепла и холода, сырости и жара, борьба продолжающаяся до тѣхъ поръ, пока не разрушится единство его тѣла; что имѣя въ виду и сказалъ пророкъ: «есть ли человѣкъ, который бы жилъ и не узрѣлъ смерти»... Поймите то, что Богъ не поступилъ несправедливо, отвѣшивъ у насъ Ядвигу, нашу польскую королеву, потому что Богъ правосуденъ и святъ; все что Онъ дѣлаетъ, это добро, чего желаетъ, свято, Онъ ей не сдѣлалъ обиды, потому что каждый для того явился въ этотъ міръ, чтобъ и выйти изъ него. Сознаюсь однакоже, что мы

плакали и молились, и голоса наши возносились до небесъ, прося Господа Бога, чтобы онъ сохранилъ ее намъ, для украшенія Польскаго королевства, для его умиротворенія, какъ лучшее наше сокровище, прибѣжище вдовъ, утѣшеніе сирыхъ, защиту угнетенныхъ; чтобы было кому уважать епископовъ, вспомошествовать духовныхъ, поддерживать страждущихъ, беречь и сохранять право Божественное; однакоже мы не могли испросить себѣ этого у Бога... Пускай ваше королевское величество не предается неумѣренной скорби, но лучше радуется тому, что имѣлъ такую жену, теперь святую того міра и ходатайницу своего королевства и народа... Если бы кто молча подумалъ себѣ: вѣдь мы слезы проливали, приносили обѣты въ честь Твою Боже! почему же Ты не выслушалъ нашихъ пламенныхъ молитвъ?... Богъ не выслушалъ насъ быть можетъ потому, что королева наша такъ была угодна Богу, что была достойнѣе жить среди вѣчной славы, нежели въ этой ядоли плача; или быть можетъ Богъ воззвалъ ее, чтобы злоба не измѣнила ея жизни; потому что она была выше многихъ, и могла сказать: желаю разстаться съ жизнью и быть со Христомъ. Или, быть можетъ, мы недостойны были обладать такимъ сокровищемъ, быть можетъ одни увлеклись гордостію, другихъ унизила неправота, иные предались любостыжанію, на иныхъ ропщутъ вдовы, плачутъ младенцы, воздыхаютъ церкви; иные до того забылись, что о себѣ только заботятся, о себѣ говорятъ, иныхъ одержать другія разнообразныя беззаконія. Каждый въ домѣ своемъ имѣетъ своихъ идоловъ, своихъ истукановъ, за которые гнѣвается Богъ. Или, быть можетъ, это несчастіе (смерть королевы), потому насъ постигло, чтобы мы дали образецъ своей вѣры, чтобы востокъ и западъ, и другія страны свѣта увидѣли и познали нашу вѣру, наши клятвы, или для того, чтобъ испытать тер-

пѣніе нашего короля; потому что самъ онъ уже перенесъ тяжкіе удары: то смерть матери и братьевъ, то войны и другія обстоятельства, а теперь вновь лишился безцѣнной своей супруги; быть можетъ, чтобы добродѣтель его явилась тѣмъ въ большей славѣ, чѣмъ терпѣливѣе переносить онъ ниспосланныя ему отъ Бога бѣдствія. Да утѣшитъ же его Господь, да сохранить намъ на радость, а его супругу увѣнчаетъ небеснымъ вѣнцомъ.

*Григорій изъ Санока*, тотъ дивный мудрецъ, который на свой вѣкъ умѣлъ смотрѣть взоромъ свободнымъ отъ заблужденій своего времени, успѣшно боролся съ недостатками тогдашняго проповѣдничества, называя безстыдствомъ въ высшей степени, схватить двѣ-три мысли изъ древнихъ богослововъ, и не умѣя разъяснить ихъ, являться на кафедрѣ предъ народомъ. Ораторъ, по его мнѣнію, долженъ дѣйствовать на сердце, а онъ не достигнетъ этого, если не будетъ знать великихъ поэтовъ; проповѣди тогдашнихъ богослововъ, онъ называлъ вялыми и постными (*languidi et jejuni*), въ сравненіи съ великими ораторами, отцами церкви, каковы Іеронимъ и Августинъ. Тѣ, хорошо вникнувъ въ дѣла человѣческія, принимались за священное писаніе; а эти безъ предварительнаго приготовленія, прямо берутся за дѣла божественныя. Что же удивительнаго, если они не совладѣютъ съ величіемъ предмета, не найдутъ словъ для своей мысли, причиной тому то, что они не знаютъ свѣтскихъ наукъ, которыя располагаютъ къ вѣроятію.

Съ такимъ убѣжденіемъ объ искусствѣ проповѣдническомъ, Григорій могущественно располагалъ сердцами и дѣйствовалъ на убѣжденія слушателей, сколько разъ ни появлялся на проповѣднической кафедрѣ. Въ особенности ему очень выгодно удавалось дѣйствовать на мужеубійцъ (*meżobojców*), когда тѣ, по обычаю, существовавшему въ



Польшѣ, предъ дверями храма должны были умолять о прощеніи Бога и родственниковъ убитаго. Въ ряду церковныхъ ораторовъ этой эпохи вспомнимъ еще о Бернардѣ изъ Ниссы, Янѣ Исперѣ, Янѣ Эльготѣ, Бенедиктѣ Гессе, о св. Янѣ Бантѣ, Янѣ Добрувѣ, Павлѣ изъ Заторжа, Николаѣ изъ Козлова, Шимонѣ изъ Липницы, Матееѣ изъ Бракова и наконецъ о томъ отважномъ Чехелѣ, который, явившись предъ рыцарствомъ, возвращавшимся изъ Хойницкаго сраженія, одѣтый власяницею, въ Брестѣ осуждалъ своеволие рыцарей и заблужденія королей.

На погребеніи Сигизмунда I, Оржеховскій произнесъ блестящую латинскую рѣчь, а Самуэль Мацеіовскій — польскую; съ этихъ поръ обыкновеніе говорить рѣчи по польски, должно было взять явный перевѣсъ, не смотря на то, что проповѣдь Мацеіовскаго была еще списана и полатынѣ.

Религіозные споры дали новый толчекъ проповѣднической ревности; явились проповѣдники, которые по польски говорили съ народомъ. Замѣчательны слова Скарги: «Языкъ латинскій уже старъ, и созрѣлъ отъ многихъ вѣковъ: нашъ еще молодъ и нуждается въ обработкѣ». Впрочемъ я Полякъ, и только для Поляковъ живу, думаю и пишу».

Въ царствованіе Сигизмунда Августа, какъ сеймовой проповѣдникъ прославился *доминиканецъ Мельхиоръ Мосцицкій*. Оржеховскій такъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него проповѣдью Мосцицкаго.

«Вотъ онъ взошелъ на кафедру: глаза потупляется въ землю, ни на кого не смотритъ, никого не имѣетъ въ виду, одно только слово Божіе. Его голосъ, вначалѣ тихій, приобрѣтаетъ все болѣе и болѣе силы, блѣдное лицо оживляется, взоръ бросаетъ молніи въ зрителей: сокрушаетъ сердца закоснѣлыя во грѣхахъ, побуждаетъ къ сокрушенію и покаянію, невѣрныхъ обращаетъ».

«Мосцицкій проповѣдывалъ о послѣднемъ судѣ; будучи по обыкновенію блѣденъ, на щекахъ его вдругъ вспыхнулъ румянецъ, онъ казался весь объятый пламенемъ; а когда онъ вспоминалъ о примѣрѣ Даана и Авирона, когда рукою указалъ на землю, какъ будто разверзшуюся для поглощенія безбожниковъ, всѣ онѣмѣли и задрожали отъ страха».

Изъ того же ордена славился въ XVI вѣкѣ своимъ проповѣдническимъ даромъ *Лука Львовчикъ*, на проповѣди котораго собирались краковскіе академики, чтобы выучиться у него правильному употребленію жестовъ, а стоны и вопли собраннаго народа заглушали голосъ самого оратора. Когда однажды въ Пржеворской церкви онъ говорилъ о грядущихъ бѣдствіяхъ Польши, слушатели задрожали, какъ будто бы надъ главами ихъ раздавался голосъ суда Господня.

Доминиканецъ также, и въ томъ же Пржеворскѣ славился Клеменсъ Рамультъ, мужъ исполненный пророческаго духа, о которомъ тотъ же Оржеховскій оставилъ слѣдующее сужденіе:

«Его рѣчь была подобна пѣсни соловья, въ энтузіазмѣ онъ самъ не всегда сознавалъ то, что говорилъ, въ энтузіазмѣ предсказывалъ будущія событія, и слова его исполнялись. Три года тому назадъ (въ 1561) поля Пржеворска выжгла страшная засуха: на проповѣди онъ обличалъ своеволіе и роскошь народа, и наконецъ прибавилъ:

*«Если не покаешься Пржеворскъ, то сориши чрезъ двѣ недѣли».*

Такъ и случилось, въ день имъ назначенный сгорѣлъ цѣлый Пржеворскъ, на мѣстѣ его не осталось ничего, кромѣ приходской церкви и монастыря».

Когда съ распространеніемъ протестантизма родилась необходимость внимательнѣе смотрѣть за проповѣданіемъ

слова божія, *Проповѣди* или собранія словъ, (Postulle) знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ отечества, подтверждались духовнымъ начальствомъ для примѣра и образца другимъ. Исчислимъ болѣе удачныя изъ этихъ собраній.

Большое собраніе католическихъ проповѣдей 1575 г. и меньшее 1582 г., составленное Яковомъ изъ Венгровца Вуйкомъ, тѣмъ переводчикомъ св. писанія, который доказалъ могущество нашего слова въ прекрасномъ переводѣ священныхъ древнееврейскихъ книгъ. Въ проповѣдахъ онъ еще лучше, быть можетъ, чѣмъ въ переводѣ Библии, владѣетъ польскимъ языкомъ, а мысль его проповѣдей, почерпнутая въ источникѣ слова Божія, поставила бы его высоко между защитниками католицизма, если бы языкъ польскій былъ читаемъ въ Европѣ.

Для примѣра приведемъ здѣсь отрывокъ изъ слова Вуйка о послѣднемъ судѣ:

«Итакъ будемъ бояться теперь, пока у насъ еще есть время, чтобы въ то время намъ нечего было бояться; не удивляйся тому, что люди того времени, будутъ сохнутъ отъ страха, потому что силы небесныя подвигнутся, придутъ въ смятеніе и поколеблются какъ море. Если же воинства небесныя, которыя отъ грѣбности и силы имѣютъ названіе, испугаются и возмутятся какъ море волнуемое, если основанія небесныя подвигнутся: что же будетъ съ нами, оплаканными грѣшниками, которые полны грѣховъ, которые беззаконія пьемъ какъ море? Потому что, есть ли кто, кто бы могъ сказать: непорочно сердце мое, я чистъ отъ грѣха? Кто можетъ похвастать тѣмъ, что сердце его правдиво и нескверно? Звѣзды не чисты предъ лицемъ его: а во сколько еще болѣе тѣ, которые живутъ на землѣ? Если праведный только будетъ спасенъ, гдѣ стануть и какъ явятся безбожныя и грѣшныя. Потому что какъ Адамъ въ земномъ раѣ, пог-

да Господь Богъ звалъ, чтобъ исцѣлить его, не могъ снести гласа Господня, и долженъ былъ укрыться, такъ сдѣлаеть незаконный человѣкъ, когда Господь призоветъ его для суда и проклятiя. Что это будетъ за сердце, когда червь совѣсти его постоянно будетъ вопiять противъ него, напоминая ему слова: «видишь, несчастный, гдѣ ты теперь? а гдѣ ты былъ? откуда ниспалъ? Видишь до чего ты дошелъ?»

«Итакъ, куда обратятся люди, когда на небесахъ явится крестъ, знаменiе сына человѣческаго, зная, что они все время жизни служили тѣлу и его желанiямъ, и всегда были врагами креста и умерщвленiя плоти? Испугаетъ ихъ святой крестъ, какъ заблудшихъ, которые бѣжали отъ него въ этомъ мирѣ!...»

Рядомъ съ Вуйкомъ, какъ проповѣдникъ, достоинъ занять мѣсто *Мартинъ Бялобржескiй*, котораго *православныя проповѣди* или объясненiе св. Евангелiя (*Postylla orthodoxa, to jest wykład S. Ewangelii 1518*), если не могутъ равняться съ проповѣдями Вуйка, по отношенiю поэтической высоты мысли, то по крайней мѣрѣ не уступятъ имъ въ мягкости, чистотѣ языка, и точности выраженiй.

Полный духа ревности *Иеронимъ Поводовскiй* (родился 1547, скон. 1617), названный также, какъ въ послѣдствiи Скарга, *молотомъ на еретиковъ*, найдетъ для себя мѣсто тамъ, гдѣ мы будемъ говорить о религiозныхъ спорахъ. Сюда относятся его проповѣди: *Объ истинномъ словѣ Божиюмъ* (1578) и *на поиребенiе короля Стефана* (1586). Ораторъ сознавалъ важность этой потери для отечества, и хотя отдавалъ справедливость мужеству Поляковъ, но долженъ былъ однако сознаться, что только вождь, подобный Стефану могъ вести къ побѣдамъ эту горсть храбрыхъ. «Великое войско, говоритъ Поводовскiй, безъ ве-

\* \*

ликаго гетмана, подобно великому пороку... несравненно лучше воинство козъ, когда надъ нимъ начальствуетъ левъ, нежели воинство львовъ, когда имъ управляетъ коза».

Хотя сочиненія знаменитаго *Станислава Гозія* не всё принадлежать къ разряду трудовъ проповѣдническихъ, но такъ какъ объемъ нашей книги не дозволилъ намъ въ особенности заняться католическими богословами, то мы выпишемъ здѣсь хотя одни только заглавія произведеній Гозія, который, какъ отецъ церкви, на соборѣ Тридентскомъ прославилъ польское ния и оказалъ большія услуги католичеству; въ нашемъ исчисленіи мы будемъ держаться изданія Парижскаго 1562 г., Антверпенскаго 1566 г. и Вельскаго (Kołońskieј) 1584 года. Вотъ перечень сочиненій Гозія:

*Исповѣданіе католико-христіанской вѣры* (Confessio fidei Catholicae Christiana), писанное на провинціальномъ соборѣ, составленномъ Дзѣржковскимъ въ Петровѣ 1551 года. Эту книгу Гозія католическій міръ принималъ съ неописаннымъ восторгомъ. Въ продолженіи 15-ти лѣтъ она имѣла 18 изданій и была переведена на языки: нѣмецкій, французскій, итальянскій и голландскій. *Оборона истиннаго христіанскаго ученія* (Propugnatio verae, Christianae, Catholicae doctrinae), сочиненіе, направленное противъ Яна Brenta. *О ясномъ словѣ Божіемъ* (de expresso Dei verbo), *Разговоръ* (Dialogus) о томъ, прилично ли допускать къ чашѣ лицъ свѣтскаго званія и женъ священнослужительскихъ, и прилично ли отправлять богослуженіе на языкахъ отечественныхъ. *Письмо* (List—Epistola) къ Генриху князю Брауншвейгскому; *Судъ и замѣчанія* (Judicium et censura), о распространившемся въ Польшѣ заблужденіи, касательно догмата св. Троицы; *О мѣстѣ и важности апостольскаго престола* (de loco et autho-

ritate Romani Pontificis), это корреспонденція Гозія съ Оржеховскимъ 1563 года и т. д. По смерти Гозія намъ еще остались собранія писемъ, борьба съ конфедераціею разновѣрцевъ, надгробныя рѣчи Сигизмунду I и Сигизмунду Августу; рѣчи въ пользу Лавара Бонамина и рѣчи къ Сигизмунду Августу послѣ возвращенія изъ итальянской поѣздки, къ Петру Гамрату и т. д.

Не прилично было бы намъ не упомянуть здѣсь о нѣсколькихъ важнѣйшихъ религіозныхъ сочиненіяхъ и о латинскихъ проповѣдяхъ знаменитаго *Станислава Соколовскаго*, который будучи въ продолженіи шести лѣтъ богословомъ и проповѣдникомъ Стефана Баторія, приобрѣлъ такую любовь и уваженіе монарха, что сочиненія Соколовскаго, Баторій подносилъ къ устамъ и съ гордостію пересылалъ ихъ Гозію. Превосходнѣйшія изъ его сочиненій суть: *О причинѣ паденія Іерусалима* (de exyudio Hierosolymitano 1580 г.); *О приумноженіи церкви Божіей и о наслѣдіи Христовомъ* (Pro dote Ecclesiae Dei et hereditate Chrysti 1581); три книги *О различіи церкви истинной отъ ложной* (de verae et falsae Ecclesiae discrimine 1583); *О посвященіи въ епископы* (de consecratione Episcopi); *О достопоклоняемости святѣйшаго таинства Евхаристіи* (pro adoratione Eucharistiae); *Раздѣленія церковныя* (partitiones Ecclesiasticae 1589); *Іосифъ праведный, или слово о смерти Господней* (Justus Joseph sive in J. C. Domini nostri mortem 1588 г.); это послѣднее произведеніе было переведено на польскій языкъ Яномъ Янушовскимъ и Богуславскимъ. Приведемъ нѣсколько мыслей изъ этого послѣдняго перевода

«Престолъ твой Боже во вѣки вѣковъ, жезлъ правости, жезлъ царствія Твоего. Но онъ говоритъ, что не изъ этого міра, т. е. не отъ міра, не отъ мірскихъ силъ дано ему цар-

ство, но самимъ Отцемъ небеснымъ, который далъ ему престолъ Давидовъ, чтобы онъ царствовалъ въ дому Давидовомъ во вѣки. И оно приобрѣтено не путями этого міра: потому что въ мірѣ царствуютъ побѣдители, а онъ прежде всего былъ побѣжденъ, пригвожденъ ко кресту и получилъ царство. Но оно растетъ и распространяется не силами этого міра, оно тогда побѣждаетъ, говоритъ Иларій, когда ему наносятъ обиды; тогда разумѣть, когда его поносятъ; тогда получаетъ, когда его оставляютъ; когда его преслѣдуютъ—процвѣтаетъ, когда гнетутъ—умножается. Тогда стоитъ, когда кажется разрушающимся, умножается скорбями, возрастаетъ кровію мучениковъ, воздвигается горестями, веселится угнетеніемъ, укрѣпляется постами.

Къ славнѣйшимъ памятникамъ церковнаго ораторскаго краснорѣчія принадлежатъ еще: три латинскія проповѣди знаменитаго іезуита *Станислава Варшевицкаго* во время сейма 1583 года, за *вѣру Христову престолъ Петра* (pro Christi fide et Petri sede), сочиненіе *Мартина Кромера* подъ заглавіемъ *Оржеховскій или о супружествѣ и безбрачїи священниковъ* (Orichovius sive de conjugio et coelibatu sacerdotum 1564 г.), того же Кромера, проповѣди *О достоинствѣ священническомъ* (O godności kapłańskiej) двѣ синодальныя, двѣ о Воскресеніи Христовомъ, и одна о молитвѣ Господней; *Іосифа Вершинскаго*, воскресныя проповѣди протоіерея Сецѣховскаго, и т. д.

За тѣмъ по очереди слѣдуетъ нашъ златоустый *Петръ Скарга Павензскій*, но только начало его проповѣднической дѣятельности принадлежитъ къ тому времени, о которомъ мы говоримъ. Эпохѣ Вазовъ суждено было для славы своей владѣть этимъ мужемъ, который вмѣстѣ съ Вуйкомъ прославилъ на время польскую рѣчь, которая со временемъ

Баторія начинала уже портиться, и вслѣдъ за тѣмъ была чудовищно искажена іезуитами. Скажемъ нѣсколько словъ о жизни Скарги и его сочиненіяхъ до конца нашей эпохи.

Петръ Скарга, рожденный въ 1536 г., въ окрестностяхъ Мазовецкаго Грудка, по окончаніи курса въ Краковской академіи, откуда онъ вышелъ со степенью доктора философіи, отправился ко двору Тенчинскихъ, откуда въ качествѣ домашняго наставника Яна Тенчинскаго, вмѣстѣ съ нимъ совершилъ путешествіе въ Вѣну. По возвращеніи вступилъ въ духовное званіе и сейчасъ же получилъ Львовскій каноникатъ, вмѣстѣ съ приходомъ въ Рогатынѣ, но его манилъ къ себѣ новосоздающійся орденъ іезуитовъ своею задачею борьбы съ еретиками, обѣщая открыть обширное поле дѣятельности его великимъ ораторскимъ талантамъ и христіанской ревности. Скарга поѣхалъ въ Римъ, откуда въ 1570 году возвратился іезуитомъ. Съ этой поры до 1588 года онъ пребывалъ въ Краковѣ и Вильнѣ, а по вступленіи на престолъ Сигизмунда III, именованный сеймовымъ и королевскимъ проповѣдникомъ, скончался въ этой должности въ 1612 году.

Скарга былъ іезуитомъ, но въ простотѣ сердца видѣлъ одну только прекрасную сторону этого ордена. Слишкомъ набожный для того, чтобы вѣрить въ возможность существованія благочестивой интриги, Скарга быть можетъ даже и не подозрѣвалъ того, что онъ былъ орудіемъ іезуитовъ, подлѣ Сигизмунда III. Управляя совѣстію монарха въ теченіе 24-хъ лѣтъ, вмѣсто всѣхъ придворныхъ интригъ, онъ испросилъ только даровой кусокъ хлѣба старому возницѣ, который возилъ его въ замокъ, и ни разу не опрокинулъ. *Защита іезуитовъ* Скарги доказываетъ, что защитникъ человѣкъ добрый, простодушный и невинный какъ дитя, но она не опровергаетъ тѣхъ возраженій, съ которыми



выступилъ съѣздъ Сендомирскій 1606 года о томъ, что іезуиты вмѣшиваются въ дѣла свѣтскія при дворѣ королевскомъ, что они на проповѣдяхъ проповѣдуютъ «*absolutum dominium*», причиняютъ смуты и волненія, что этотъ орденъ въ Польшѣ слагается изъ множества иноземцевъ, которые распространяютъ чуждыя начала, что онъ наконецъ во вреду государства и Краковской академіи собралъ огромныя богатства. Но всѣ эти событія и защищеніе іезуитовъ Скаргою относятся къ слѣдующей эпохѣ, здѣсь мы должны упомянуть только о переводѣ Скаргою сочиненія съ латинскаго подъ заглавіемъ: *Десять доводовъ, по которымъ Эдмундъ Кампіанусъ С. І. вызвалъ изъ Лондона на диспутъ всѣхъ ученѣйшихъ еретиковъ Англій* (*Dzieście wywodów, dla których Edmundus Campianus S. J. z Londynu wszystkie heretyki, co najuczestsze w Anglii na dysputacyę wzywał w Wylbny, w typ. Nii. Христофора Радзивилла 1584 г.*) и *Уставъ* (*Ustawy*), который былъ имъ начертанъ для основаннаго имъ *въ Краковѣ братства милосердія у св. Варвары* (*Bractwa miłosierdzia w Krakowie u Ś. Barbary 1584 г.*). Такъ какъ это прекрасное установленіе доказываетъ и умъ и христіанское сердце Скарги, то читатели извинятъ насъ, если мы вратцѣ приведемъ его содержаніе.

Во главѣ Устава помѣщены три проповѣди Скарги о *милосердіи*; нельзя устоять противъ искушенія выписать изъ нихъ нѣсколько словъ:

«Безъ милосердія, католическая вѣра — это древо безъ плода, надежда — это наемникъ безъ платы, любовь — это мать безъ дѣтей, молитва — это птица безъ крыльевъ, постъ — это блюдо безъ соли... Посѣщай и найдешь сиротъ, найдешь птенцовъ, которыхъ враны, т. е. родители улетѣли со смертію... кто ихъ защититъ отъ голода?... Ты смо-

тришь на дѣвъ возрастающихъ, а они безъ одеждъ, безъ стража ихъ непорочности, безъ наставленія, безъ приданого, безъ упражненія въ рукодѣліи, остаются среди голода и лишенія. Кто снабдитъ? Ты любвеобильный создателю ихъ... А чрезъ кого Господь Богъ ниспошлетъ имъ помощь? Чрезъ того, который на себѣ носитъ образъ Божій, т. е. его милосердіе... Человѣкъ странный достоинъ великаго милосердія и первѣйшей заботливости, послѣ вдовъ и сиротъ... Если отъ разбойниковъ, болѣзни, чрезъ какое-нибудь обстоятельство потерялъ онъ свое состояніе, или лежитъ пораженный тяжкимъ недугомъ, и нѣтъ для него справедливости, нѣтъ друга, нѣтъ знакомаго, а языка онъ не знаетъ, гдѣ и у кого найдетъ онъ убѣжище... Найдешь и такой домъ, хозяинъ котораго больной, вотъ нѣсколько уже лѣтъ не сходитъ съ одра болѣзни, жена расточила все его состояніе, дѣти уже въ возрастѣ, а у тебя нѣтъ чѣмъ одарить ихъ, сосѣдь его или не знаетъ, или знать не хочетъ, или же и самъ не имѣетъ, посмотри, какая тамъ нищета, какое убожество. Найдешь и такой домъ, въ которомъ хозяинъ циталъ всѣхъ своихъ домочадцевъ трудами рукъ своихъ, заболѣлъ, лежитъ безъ работы, и все семейство его подвергается недостатку и крайней нуждѣ. Неужели тамъ не горестивѣе, чѣмъ въ богадѣльнѣ... Найдешь убогаго поселенина и подданнаго, часть его скота погибла, другую забралъ воинъ, остатокъ захватилъ помѣщикъ или разобрали за долги. Король требуетъ подати, помѣщикъ оброка, нужно работать, а нечѣмъ добыть насущный кусокъ хлѣба, о несказанное нищенство!... Вышелъ домохозяинъ работать на пашню, и съ женою и съ дѣтьми, и съ домочадцами, приходитъ, а все, что онъ имѣлъ, сожжено; остался одинъ только прахъ... Сколько есть убогихъ, доведенныхъ до такой нужды, что не сравняется съ нею никакое нищенство, ника-

кое убожество. Найдешь великаго хлѣбодара (ja{mužnika), который питалъ убогихъ, а теперь самъ захворалъ, потерялъ зрѣніе и слухъ, обѣднѣлъ, жена упрекаетъ его за подаваніе милостыни, за невѣрность надежды, какую онъ полагалъ въ Богѣ, совѣтуетъ воровство, или другое что-нибудь противузаконное. Какая богадѣльня болѣе заслуживаетъ сердобольнаго подаванія. Посѣщай узниковъ, найдешь тамъ невинно заключенныхъ подобно Іосифу, а онъ оклеветанный сидитъ въ темницѣ и взываетъ: скажи начальству, что я невиненъ, пускай судятъ меня, начальство забыло о немъ, и Іосифъ страдаетъ въ нуждѣ... Убогіе и нуждающіе не имѣютъ гдѣ временно занять денегъ, а если и дастъ кто-нибудь въ долгъ, то даромъ и безъ большой лихвы, онъ этого не сдѣлаетъ.»

Какое любящее сердце! какое званіе общественныхъ потребностей, какой языкъ! Чтобы помочь общественнымъ нуждамъ, Скарга основываетъ братство милосердія и вотъ какъ изображаетъ онъ пользу подобныхъ обществъ: «Рѣдко можно найти такого человѣка, котораго бы не сокрушала нужда ближняго, рѣдко кто не хотѣлъ бы подать ему руку помощи, но одни сами ничего не имѣютъ, другіе имѣютъ мало, но не знаютъ кому подать прежде, другіе недоумѣваютъ, что станется съ ихъ подаваніемъ, и не увѣренные въ его пользѣ, скупаются и удерживаютъ свою милостыню. Но если ихъ соберется много, и силы свои направятъ къ одной цѣли, найдется все, и при помощи Божіей, будетъ возможность всему удовлетворить. Тотъ, у кого нѣтъ денегъ, предложитъ свои услуги, молитву, совѣтъ: кто имѣетъ мало, сложится съ другими и возрастетъ много».

Вслѣдъ за тѣмъ проникнутый Божественнымъ духомъ, авторъ начертываетъ обязанности братства. Цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы подавать помощь *домашнимъ юсти-*

*малымъ* (szpitalam domowym), т. е. вдовамъ, сиротамъ, страннымъ, ремесленникамъ, словомъ, разнаго рода нищимъ, которые стыдятся или не могутъ просить милостыни, а «нужды ихъ гораздо больше тѣхъ, которые въ богадѣльняхъ, или живутъ подаваніемъ милостыни на улицахъ». Члены братства должны молиться за убогихъ, въ каждое второе воскресенье мѣсяца служится братская литургія, во время которой каждый изъ членовъ братства даетъ въ братскую кружку «по произволу и благочестію» (co wola i pobożenstwo). Во вторую недѣлю послѣ перваго февраля и 1 іюля всѣ братья и сестры исповѣдаются и вмѣстѣ принимаютъ святое причастіе. Каждый изъ членовъ даетъ и вписываетъ въ книгу такую милостыню, какую можетъ, и сколько разъ въ чемъ-нибудь испытаетъ онъ удачу, столько разъ обязанъ подать милостыню. Еженедѣльно бываютъ братскія сходки, еженедѣльно двое изъ братьевъ идутъ посѣщать госпитали и темницы, другіе у дверей церковныхъ и по домамъ отправляются за сборомъ милостыни. Въ великую пятницу и въ день праздника Божественнаго Тѣла (Bożegociada) всѣ должны присутствовать на крестномъ ходѣ.

Братство имѣетъ своего протектора и духовнаго отца по назначенію іезуитскаго старшины, за нимъ слѣдуетъ старшій членъ, далѣе капелланъ братства, три совѣтника, писарь, расходчикъ, (szafarz), и визитаторы, которымъ вмѣняется въ обязанность собирать свѣдѣнія о нищихъ, больныхъ и нуждающихся. Далѣе слѣдуютъ статьи о сходкахъ, мѣсячинѣ (ogdupagiach), кружкѣ, сборѣ (kwescie), принятіи новыхъ братьевъ, и о погребеніи. Статья о доходахъ чиновниковъ, читается такъ: «Ежедневно каждый братъ и сестра, обязывается прочесть одну молитву за чиновниковъ братства, чѣмъ они охотно и должны довольствоваться». При братствѣ находилось учрежденіе подъ названіемъ *Кол-*

*ката нуждающихся* (Koszego potrzebnych) или *Mona pietatis*, касса, дававшая бѣднымъ деньги въ займы подъ залоги безъ всякой лихвы, и *кружка св. Николая* (Skruzynka sw. Mikołaja) или выдача приданого (wyposażenie) бѣднымъ дѣвцамъ.

Сходки братства при храмѣ св. Варвары имѣли цѣлю располагать умы къ благотворительности; для этой цѣли Скарга написалъ: *Чтенія братства* въ каждое воскресенье: здѣсь прежде всего слѣдуетъ Евангеліе дневное, потомъ приличное извлеченіе изъ отцовъ церкви, наконецъ примѣры изъ житій святыхъ. Нѣкоторые изъ этихъ сказаній дышатъ простотою, искренностію, наивностію, а другія не могутъ устоять предъ судомъ критики.

Прошедши цѣлый рядъ нашихъ знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ, которыхъ слова назидали нашихъ предковъ въ церквахъ; посмотримъ по порядку какія книги были въ употребленіи для молитвы и благочестивыхъ домашнихъ упражненій католиковъ въ эпоху Ягеллоновъ.

Древнѣйшею по времени была латинская книга *Объ искусствѣ умирать* (Ars moriendi), ксилографированная Бостеромъ еще до усовершенствованія книгопечатанія; написаніе ея приписываютъ Матеею изъ Кракова. Въ Польшѣ, гдѣ языкъ латинскій сдѣлался другимъ отечественнымъ, гдѣ одни только жены молились попольски, а мужское поколѣніе все читало полатынѣ, было множество латинскихъ книгъ для молитвы, писанныхъ какъ въ Польшѣ, такъ и перепечатанныхъ изъ заграничныхъ сочиненій. Въ разряду перепечатанныхъ книгъ принадлежатъ *О примотоленіи къ смерти* Эразма Роттердамскаго (De praeparatione ad mortem, въ тип. Шарфенбергера, 1534 года). *Духовныя упражненія* Игнатія Лойолы (Exercitia spiritualia. Въ Вилянѣ 1583 г.); польскій переводъ того же сочи-

ненія, сдѣланный іезуитомъ Шимономъ Высоцкимъ (Вилью, въ тип. Барцака, 1588 г.). Яна Полтана *O славъ Божіей* (de laudibus divinis, 1520 г.); и наконецъ проникнутая духомъ благочестія книга, которую прежде приписывали Яну Герсону, а потомъ согласились называть ее сочиненіемъ Ѳомы Кемпійскаго *O подражаніи Христу* (De Imitatione Christi). Это сочиненіе, прежде чѣмъ въ оригиналѣ было перепечатано въ Вильнѣ 1585 г., имѣло три перевода на польскій языкъ до смерти Стефана Баторія; первый, составленъ былъ монахомъ францисканскаго ордена Адрианомъ, въ тип. Флоріана Унглера, 1545 г., второй, исправленный, изданъ былъ Зибенейхеромъ 1586 г. и въ третій разъ вновь переведенъ въ 1551 году.

Сигизмундъ I, король польскій молился по латинской книгѣ *Clypeus spiritualis* (Щитъ духовный), которая переведена на польскій языкъ уже въ 1533 г., по сочиненію: *Soliloquium* (Внутренняя бесѣда, или благочестивая молитва къ Богу Отцу, соединенная съ исповѣданіемъ грѣховъ), изданномъ въ 1535 году; въ ней находятся гербы королевы Боны. Для этой быть можетъ государыни, которая, какъ извѣстно, хорошо знала латинскій языкъ, и написана была эта книга Вроцлавскимъ канонникомъ Яномъ Генкелемъ. Почему же Бона, слѣдуя указаніямъ своей набожной книги, такъ рѣдко разоблачала предъ собою глубину своей совѣсти! У мужчинъ свѣтскаго званія были въ употребленіи: латинскія *молитвы* (Precationes aliquot, въ тип. Шароенбергера, 1547 года), также *Молитвы утренняя и вечерняя для школьнаго юношества* (Precationes haud inelegantes, quibus et mane et vesperi juvenes sua studia Deo commendare poterunt 1541 г.), составленная Яномъ Мыліушемъ. Читали также: *Сочиненіе Великопостное* (Opusculum quadragesimale, изд. въ Лейпцигѣ, 1534 г.) Ва-

лентія изъ Познани; *Откровенія св. Бригиды* (Libellus v. Brigittae revelationum, въ тип. Унглера, 1522 г.); *О видѣніяхъ и откровеніяхъ естественныхъ и божественныхъ* O widzeniach i objawieniach naturalnych i boskich, въ тип. Вѣтора, 1545 года) и т. д.

Что касается польскихъ благочестивыхъ книгъ, то число ихъ еще превышаетъ число латинскихъ. И неудивительно. Поляки хотя и отличались благочестіемъ, но вѣчно заняты войною, сеймами (obgadamі), обширною охотою, немного имѣли времени и расположенія къ молитвѣ; но Польки, запертыя дома, нуждаясь въ благословеніи небесъ и для себя, и для дѣтей, и для мужей, сражавшихся гдѣ-то въ странѣ далекой, должны были молиться чаще и усерднѣе. Исчислимъ здѣсь книги древняго, простаго, правовѣрнаго благочестія по которымъ молились наши Польки шестнадцатаго вѣка.

*Молитва Господня, раздѣленная на семь частей и приименная къ семи днямъ недѣли* (Modlitwa Pańska, rozdzielona na siedm części według siedmiu dni w tygodniu), переводъ изъ Эразма Роттердамскаго (Браковъ, въ тип. Унглера, 1533 г.); *Привѣтствованіе всѣхъ членовъ христовыхъ* (Pozdrowienie wszystkich członków P. Jezusowych, 1533 г.). *Изображенія и молитвы о страданіи Господа нашего Иисуса Христа* (Figury i modlitwy o umęczeniu Pana naszego Jezu Krysta, 1539 г.). *Заповѣдь Божія* (Przykazanie Boże, въ тип. Вѣтора, 1543 г.); *Повседневная молитва ко святой Троицѣ* (Modlitwa powszednia do Trójce świętej, 1549 года); *Малые часы о крестѣ Христа Господа* (Godzinki małe o Pana Krystusowym krzyżu, въ тип. Яна Пагуса въ Познани, 1567 г.); *О презрѣніи міра* (O wzgardzie świata), сочиненіе папы Иннокенція III, переведенное, кажется, Станиславомъ Львовчикомъ (1571); *Часы и ноч-*

*ныя утрени на великую седмицу* (Godzinki i ciemne jutrznie na W. tydzień, Краковъ 1582 г.); *Размышленіе объ истинномъ пути ко спасенію* (Dubitantius, o prawdziwej drodze do zbawienia), переводъ Андрея Збышевскаго (Вильно, 1583 г.); *Бдительный христіанинъ* (Ramiętny chrześcianin, Познань въ тип. Вольбара 1585 г.), переводъ съ итальянскаго Войцеха изъ Вонгровца, и т. д.

Молитва *Różańca*, хотя безъ сомнѣнія введена была въ Польшу еще доминиканцами въ началѣ тринадцатаго вѣка, но польскія жены должны были только на четкахъ отсчитывать свои молитвы, потому что не былъ еще извѣстенъ въ переводѣ на языкъ отечественный порядокъ этихъ молитвословій. Надъ этою услугою благочестивымъ женамъ трудился уже знаменитый поэтъ нашъ, скончавшійся въ цвѣтѣ лѣтъ, Николай Сеньъ Шаржинскій, но по скромности онъ не обнародовалъ своего труда, чтобы не отнять славы у свящ. Пѣчовскаго, который также трудился надъ переводомъ *Różańca*. Но между тѣмъ, какъ объ эти рукописи и не выходили изъ печати, а духъ благочестія съ каждымъ днемъ яснѣе и громче высказывалъ эту потребность, знаменитый Мельхіоръ Мосцицкій, будучи провинціаломъ доминиканскаго ордена, поручилъ заняться переводомъ священнику Антонію изъ Перемишля. *Ружанецъ* въ переводѣ священника Антонія по сочиненію Лудовика изъ Гренады, изданъ былъ 1583 году Андрысовичемъ, и посвященъ Екатеринѣ Тенчинской.

Сюда же относятся, Житіе Христа и святыхъ Божіихъ, бывшія предметомъ благочестиваго чтенія. Древнѣйшимъ описаніемъ жизни Иисуса Христа есть польское сочиненіе краковскаго академика *Валтассара Опеція* (въ Краковѣ, въ тип. Вѣтора, 1522 г.); современна ему латинская: *Исторія цѣлой жизни и страданій Господа* (Historia to-



tius vitae et passionis Domini nostri J. C., въ тип. Галлера 1522 г.), составленная бернардинцемъ Яномъ изъ Стобницы. Христофоръ Варшевицкій, раздѣлая вмѣстѣ съ Баторіемъ воинскіе труды при осадѣ Пскова, писалъ *О дѣланіяхъ и словахъ Исуса Христа* (De factis et dictis Jesu Christi, 1583 г., въ тип. Лазаря Андрысовича); въ 1517 году издано было Галлеромъ латинское *Сказаніе* о св. Вѣцехъ, Станиславѣ и Флоріанѣ (Legenda Sanctorum Adalberti, Stanislai Floriani). Жизнь св. Анны описалъ на языкѣ польскомъ свящ. Николай изъ Вильковѣцка Паулинъ (Краковъ, въ тип. Шарфенбергера, 1577 г.). Житія святыхъ, Скарги, относятся къ эпохѣ Вазовъ.

Теперь намъ остается указать на отрывочные и цѣлые переводы Библии на польскій языкъ, у католиковъ въ эпоху Ягеллоновъ.

При Пястахъ и далѣе, до тѣхъ поръ пока образованіе не сдѣлало польское общество способнымъ къ пониманію святыхъ таинъ, ученіе католическаго вѣроисповѣданія заключало свои истины въ языкѣ латинскомъ, какъ въ ковчегѣ недоступномъ для непосвященныхъ. Но наступило наконецъ время, когда Полякъ образовался, когда языкъ его сдѣлался достойнымъ того, чтобъ выразить собою высокіе догматы вѣры, когда и неученые и жены горѣли желаніемъ изучить святую вѣру въ ея источникѣ, т. е. священномъ писаніи, когда протестантизмъ, стараясь какъ можно общѣе распространять свои начала, пускалъ въ ходъ свои польскіе переводы Библии, съ объясненіями не такими, какихъ держится наша церковь, тогда ученое духовенство и предприимчивые книгопродавцы стали заботиться о католическомъ переводѣ сперва частей, а потомъ и всего священнаго писанія. *Псалтирь Давидовъ*, эта высшая степенъ поэтическаго вдохновенія, эта возвышеннѣйшая молитва смущен-

ной души, прежде всего сдѣлался предметомъ переводовъ. Говоря о Тржецѣскомъ, Кохановскомъ, Шаржинскомъ, мы приводили отдѣльные псалмы, переводимые стихами, а здѣсь займемся переводами псалмовъ прозою.

Первый переводъ псалмовъ вышелъ изъ типографіи Іеронима Вѣтора 1532 году, подъ заглавіемъ: *Псалтирь, или церковныя пѣсни царя Давида* (Psałterz, albo kościelne śpiewanie króla Dawida); изданіе было раскуплено, но такъ какъ польскій языкъ того времени быстро стремился къ своему усовершенствованію, то чрезъ нѣсколько времени Псалтирь этотъ показался устарѣлымъ, и Валентій Врубель проповѣдникъ познаньскій, составилъ второй, превосходный по языку, переводъ псалмовъ подъ заглавіемъ: *Псалтирь Давида, изложенный по польски* (Psałterz Dawidow na rzecz polskę wyłożony), изданіе котораго было поручено Краковскою академіей Андрею Глябру изъ Кобылина. Первое изданіе вышло изъ типографіи Флоріана Унглера 1539 г., и вѣроятно тотчасъ же было раскуплено, потому что Матеей Шарфенбергеръ въ томъ же году сдѣлалъ второе изданіе, а въ слѣдующемъ 1540 Іеронимъ Вѣторъ издалъ третье изданіе Врубелева Псалтиря. Вслѣдъ за тѣмъ издатели соперничали между собою въ изданіи этого произведенія; послѣ изданія Вѣтора еще два раза оно было издано Матеемъ (1543 и 1547 г.) и разъ Николаемъ (1567) Шарфенбергерами и Флоріаномъ Унглеромъ (1551). Что Псалтирь Врубля достоинъ былъ своей славы, что онъ прекрасно содѣйствовалъ изобразованію польскаго слова, въ доказательство приведемъ здѣсь переводъ втораго псалма:

«*Quare tremuerunt gentes?*» <sup>1</sup>

<sup>1</sup> Переводъ «Всѣхъ востана языци? и людѣ поучишася тишати.»

«I czemu się tak przykro rozgniewali pogani?

«A lud żydowski próżne rzeczy poczynął.

«Powstali królowie ziemscy, a książęta zeszedli się spolem w jedność na przeciw Panu, i przeciwko Chrystusowi Jego.

«Rozerwijmy to ich więzienie, a zrzucmy z siebie ich jarzmo.

«Ale który mieszka w niebie naśmiej się z nich Pan Bóg, sam je będzie najgrawae.

«Potém więc k'nim będzie mówił w gniewie swoim a srogością swoją zasmuci je.

«Wszakóż ja ustanowionem od niego na Syon gorze świętej jego przepowiadając przykazanie jego.

«Rzekł do mnie Pan Bóg: tyś jest mój miły syn, jam dzisiaj ciebie urodził.

«Żądaj odemnie, a ja dam tobie za dziedzictwo lud pogański, i wszystkie granice ziemie dam ci na dzierżawę twoją.

«Będziesz je rządził miotłą żelazną, a jako harniec gli-niany złamiesz je.

«Przeto już ninie wy królowie temu rozumieście, o uczcie się wy, którzy sądzicie ten świat.

«Przeto służcie Panu Bogu w bojaźni, a radujcie się jemu ze drzeniem.

«Scierpcie karanie by snadź się Pan nie rozgniewał na was, abyście nie zginęli z drogi sprawiedliwój.

«Kiedy się jego gniew rozpali, ato będzie w rychle, błogosławieni wszyscy, którzy w nim dufanie pokładają».

Предсташа царі земстїи и князи собрашася вкупѣ на Господа и на Христа его.

Расторгнемъ умы ихъ и сбросимъ съ себя иго ихъ.

Тогда возглаголетъ къ нимъ гнѣвомъ своимъ, и яростїю своею снѣтеть я.

Азъ поставленъ есмь царь отъ него надъ Сїономъ горою святою его.

Возвѣщая повелѣніе Господне, Господь рече ко нимъ: синь мой еси ты, азъ днесь родихъ тя.

Послѣ *Псалтири* Вробля слѣдуетъ *Псалтирь Давидовъ*, который есть основаніе всего христіанскаго писанія (Psalterz Dawidow, który jest fundament prawy wszystkiego pisma chrześcijańskiego). Незвѣстны переводчикъ этой Псалтири, годъ и мѣсто изданія, и только посвященіе Сигизмунду I, заставляетъ насъ догадываться, что онъ вышелъ изъ печати не позже 1548 г. Какъ бы то ни было, но ни вѣрностію, ни чистотою польскаго языка. онъ не можетъ равняться съ произведеніемъ Вробля. Ученый библиографъ Л. Соболевскій догадывается, что это переводъ Рея изъ Нагловиць, который кромѣ того стихами переводилъ псалмы и Откровеніе св. Іоанна, съ латинскаго перевода Генриха Буллингера. Прежде чѣмъ дошло у насъ до перевода всѣхъ книгъ св. писанія, ежегодно почти была переведена одна какая-нибудь изъ его частей. Въ 1539 году у Шарффенбергера вышелъ безымянный переводъ книгъ Товія; Петръ изъ Познани перевелъ и издалъ въ тип. Вѣтора книги Экклезіаста, но необходимѣе всего для христіанъ-католиковъ былъ польскій переводъ евангелистовъ, тѣмъ болѣе, что у разновѣрцевъ былъ уже переводъ Секлюціана, о которомъ мы скажемъ въ послѣдствіи.

Предпримчивый книгопродавецъ Николай Шарффенбергеръ удовлетворилъ этой потребности католиковъ, и въ 1556 году издалъ: *Новый Заветъ, на польскомъ языкѣ* (Nowy testament polskim językiem włożony).

---

Преси отъ Мене и дамъ ти языки достояніе твое и одержаніе твое концы земли.

Упасеши я жезломъ желѣзнымъ, яко сосуды скудельничіи сокрушиши я. И мнѣ царіе разумѣйте, накажитесь вси судиміи земли.

Работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся ему съ трепетомъ.

Примните наказаніе, да некогда прогнѣвится Господь, погибните отъ пути праведнаго, егда возгорится вскорѣ ярость его, блаженіи вси надѣющіися на нь.

До сихъ поръ не рѣшенъ еще споръ, кто былъ переводчикомъ Новаго Завета, самъ ли Шарфенбергеръ или по его просьбѣ доминиканецъ Леонардъ. Какъ бы то ни было, и этотъ тщательный переводъ, украшенный изображениями святыхъ вырѣзанныхъ изъ дерева, вошелъ въ составъ новаго перевода св. писанія, который лѣтъ пять спустя изданъ былъ Николаемъ и Станиславомъ Шарфенбергерами. Этотъ переводъ св. писанія, извѣстный подъ названіемъ: *Bibliae Leopoldicae*, заслуживаетъ того, чтобы обратить на немъ наше вниманіе.

Полное заглавіе этой важной книги читается такъ: *Biblia, hoc est Vetus et Novus Testamentus, старательно словъ переведенная на польскій языкъ съ латинской Библии, принятой вселенскою христіанскою церковью. Cum Gratia et privilegio S. K. M., въ Краковѣ, въ типографіи Шарфенбергеровъ, 1561 г. (Biblia, to jest Księgi Starego y Nowego Zakonu, na Polski język z pilnością według łacińskiej Biblii od Kościoła Krześcijańskiego powssechnego przyjętej nowo wyłożona Cum Gratia et privilegio S. K. M. w Krakowie w drukarni Scharffenbergerów, 1561).* Она украшена именемъ Сигизмунда Августа, которому издатель ее посвятилъ.

Кто былъ переводчикомъ этой Библии? Книгопродавецъ-издатель покрылъ молчаніемъ это обстоятельство, утверждая, что переводчикъ по христіанскому смиренію имени своего не поставилъ при Библии, что поэтому оно должно быть сокрыто; сознается только въ томъ, что онъ представлялъ ее на разсмотрѣніе и исправленіе знаменитому своею ученостію и ревностію, священнику Яну Леопольту (Лвовичу). Позднѣйшіе изслѣдователи, одни приписываютъ этотъ трудъ самому Лвовичу, другіе думаютъ, что

книгопродавецъ за границею приобрѣлъ рукопись Секлюціана лютеранской Библии, которую нѣкогда хотѣлъ издавать прусскій принцъ Альбрехтъ въ Виттенбергѣ, другіе, на томъ основаніи, что какой-то доминиканецъ, именованъ Леонардъ, переводилъ священное писаніе, и Библію Шарфенбергеру приписываютъ тому же Леонарду, и переходя отъ гипотезы къ гипотезѣ, утверждаютъ, что тотъ же (или другой) Леонардъ, священникъ сначала ревностный католикъ и проповѣдникъ королевскій, вслѣдъ за тѣмъ, измѣнилъ вѣрѣ, и уходя за границу, унесъ съ собою и рукопись своего перевода, которая въ послѣдствіи досталась книгопродавцу Шарфенбергеру. Ученый Іохеръ, соединяя въ одно всѣ эти противоположныя мнѣнія, съ нѣкоторою вѣроятностію допускаетъ: что священникъ Леонардъ, перемѣнивъ вѣру могъ, бѣжать въ Пруссію, гдѣ его переводъ Библии, будучи исправленъ Секлюціаномъ и Богемскими братьями, былъ приготовленъ къ печати въ Виттенбергѣ, на иждивеніи Альберхта прусскаго принца, но такъ какъ этотъ планъ не осуществился, то Шарфенбергеръ приобрѣлъ рукопись отъ тамошняго книгопродавца Яна Люффа, и чтобы придать печать правотѣ этой иновѣрной работы, упросилъ католическаго священника Яна Леополита, пересмотрѣть ее, исправить въ духѣ католическомъ, и авторитетомъ своего имени успокоить робкіе умы католиковъ. Хотя эти предположенія никогда не могутъ быть разрѣшены положительнымъ образомъ, однако кажется несомнѣннымъ, что рукопись этой библии, содержащая въ себѣ сѣмена лютеранизма, получена Шарфенбергеромъ изъ Виттенберга отъ Люффа вмѣстѣ съ досками тѣхъ изображеній, которыми украшено это изданіе, потому что нѣмецкая Библия, изданная Люффомъ около того же времени, украшена точно такими же изображеніями. Остальные изображенія Шарфенбергеръ заказалъ въ Краковѣ,

но другіе книгопродавцы—его завистники, сдѣлали то, что эти изображенія обманули его надежды, какъ съ одной стороны посредственностію исполненія, такъ и неодинаково-стію формата, за что издатель и проситъ извиненія у христіанскихъ читателей.

*Библія Леополита* не цѣликомъ была переведена съ еврейскаго подлинника. Переводчикъ говорить, что вполнѣ довѣряя латинскому переводу Иеронима, извѣстному подъ именемъ *Вульгаты*, онъ съ него окончилъ свой переводъ, справляясь иногда съ греческимъ текстомъ и ученіемъ отцевъ церкви. Языкъ ея не отличается чистотою, онъ переполненъ славянскими выраженіями, чешскими оборотами рѣчи и мѣстами попадаются слѣды вѣрованій некаатолическихъ. Протестанты не признали ея своею; не большимъ значеніемъ пользовалась она и въ католической церкви; но видно была раскупаема, потому что въ 1574 г. Шарфенбергеръ издалъ ее во второй разъ, посвящая ее Генриху Валуа, и въ третій разъ въ 1577 году, посвящая Стефану Баторію, и каждый разъ внося въ нее новыя поправки. Несмотря на это, церковь римская все-таки требовала не подозрительнаго перевода Библіи; и трудъ этотъ спустя 38 лѣтъ послѣ изданія Библіи Леополита, блестящимъ образомъ совершенъ Яковомъ Вуйкомъ изъ Вонгровца, о чемъ мы подробнѣ скажемъ въ эпоху Вазовъ.

Вотъ и все, что намъ необходимо было сказать о церковной литературѣ католиковъ въ эпоху Ягеллоновъ, теперь перейдемъ къ церковной литературѣ иновѣрцевъ.

#### в) Аугсбургское и лютеранское исповѣданіе.

При общемъ взглядѣ на нашу эпоху, мы начертали происхожденіе религіозной реформы въ Европѣ, и ея начало

въ Польшѣ. Лютеръ подалъ къ ней первый сигналъ, но его ученіе было принято одними лишь германскими націями, а другіе реформаторы, Кальвинъ, Цвингли, Социнъ овладѣли всѣми склонными къ нововведеніямъ умами въ другихъ государствахъ. Въ Польшѣ, не смотря на стремленіе къ иновѣрію, не скоро было однако принято ученіе Лютера. Кальвинизмъ съ своими оттѣнками, ученіемъ Богемскихъ братьевъ и аріанствомъ, нашелъ у насъ сильнѣйшее покровительство и скорѣе былъ принятъ. Мы сказали, что крестоносцы съ своимъ прусскимъ принцемъ Альбрехтомъ въ 1522 г. оффиціально приняли лютеранскую вѣру; примѣру ихъ послѣдовали ливонскіе меченосцы (1539 г.), да и города Помераніи, какъ крестоносцевъ, такъ и польской, вслѣдъ за тѣмъ по частямъ Познань съ Великою Польшею, старая Пруссія, Жмудь и Литва, потому что Альбрехтъ всячески старался распространять не католическую вѣру въ сосѣднихъ провинціяхъ, подчиненныхъ польскому скипетру для того, чтобы связать ихъ съ собою узломъ политическимъ, узломъ религіознаго единства. Нельзя сказать, чтобы это нисколько ему не удалось, во всякомъ случаѣ, лютеранизмъ слишкомъ уже нѣмецкій, очень мало народный, не смотря на учрежденіе приходоу въ городахъ великопольскихъ, въ деревняхъ жмудскихъ и прусскихъ, ограничивался не многими приверженцами. Не имѣя времени слѣдить за тѣмъ, какъ образовался онъ въ органическое религіозное тѣло, бросимъ взглядъ на сѣзды іерарховъ этого исповѣданія, для взаимнаго совѣщанія о потребностяхъ своей церкви.

Въ первые годы шестнадцатаго столѣтія, за нѣсколько времени до собранія вселенскаго собора въ Тридентѣ, нѣмецкіе христіане, принявшіе ученіе Лютера 15 іюня 1530 года, написали свое исповѣданіе вѣры въ Аугсбургѣ, кото-



рое, будучи представлено императору Карлу V, сдѣлалось основой лютеранства и получило имя *Аусбургско-реформатскаго вѣроисповѣданія*.

Въ Польшѣ въ нашу эпоху это исповѣданіе имѣло шесть важнѣйшихъ религіозныхъ сѣздовъ или синодовъ, а именно:

Въ 1564 г. 15 іюня былъ великій синодъ въ Гостыні, гдѣ установлены были соответственные религіозныя правила о предметахъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ и съ тѣмъ вмѣстѣ назначены два церковные сенъора въ Польшѣ. Слѣдующій за тѣмъ синодъ Сендомірскій, собранный 14 апрѣля 1570 г. и бывшій передъ нимъ синодъ Виленскій, имѣлъ цѣлю примирить различныя негатолическія исповѣданія, и соединить въ одно ихъ силы, для совокупнаго противодѣйствія власти господствующей религіи. На немъ присутствовали велико-польскіе кальвинисты, Богемскіе братья изъ Познани, кальвинисты литовскіе, лютеране и послѣ долгихъ споровъ о таинствахъ, приступили наконецъ къ подписанію акта долженствовавшего вообще обезпечить свободу вѣроисповѣданія. Этотъ синодъ имѣлъ въ виду не столько церковныя правила, сколько уставы политическіе, и на немъ вѣроятно болѣе дѣйствовали магнаты, чѣмъ духовные. Изъ подобнаго же синода, который въ 1573 году собранъ былъ въ Краковѣ, исключены ариане. Далѣе были синоды въ Петровѣ 1578 г., въ Владиславѣ 1583 году, списанные уставы каждаго изъ нихъ были подносимы королю и государственнымъ чинамъ (станом).

При всемъ томъ, когда робкіе, привыкшіе къ авторитету уму, требовали, чтобы раціональнымъ догматамъ Лютера дать хоть какую-нибудь печать откровенія, когда не было возможности и думать о согласіи съ Римомъ, доктора Виттембергскаго университета отнесли къ константинопольскому патріарху Іереміи съ просьбою, утвердить свое

властію членовъ аугсбургскаго вѣроисповѣданія, но патриархъ рѣшительно отвергъ ихъ желанія (1576 г.). Чтобы это обстоятельство употребить во вредъ лютеранамъ въ Польшѣ, какъ доказательство того, что сами собою они не могутъ держаться, Станиславъ Соколовскій, проповѣдникъ Стефана Баторія, перевелъ всю эту переписку на языкъ латинскій съ прибавленіемъ собственныхъ замѣчаній (1584 г.); а Яковъ Гурскій, въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ *Стефаніана*, защищалъ своего питомца Соколовскаго противъ иновѣрческихъ нападеній.

Какъ бы то ни было, но ученіе Лютера, хотя и неподдержанное никакимъ авторитетомъ, при однихъ своихъ силахъ, смѣло и правильно устроивалось, и разросталось въ Польшѣ, но еще въ самомъ началѣ своего выступленія, встрѣтило сильное противодѣйствіе въ іезуитахъ, которыхъ коллегіи, стражи правовѣрія, заводились какъ бы на пограничныхъ пунктахъ Лютерова ученія, въ Познани, Вильнѣ — и даже въ самомъ источникѣ реформы, въ нѣмецкихъ городахъ Брауншвейгѣ, Ригѣ и Дерптѣ. Въ началѣ постановленія о иновѣрцахъ имѣли свою силу; Авраама Бульву, который осмѣлился въ виленскомъ храмѣ св. Анны, на непонятномъ для народа нѣмецкомъ языкѣ разсѣвать начала лютеранизма, преслѣдовали мечемъ; но потомъ, при вѣротерпимости Сигизмунда Августа, при благоразуміи Баторія, при духѣ протестантизма, какой высказывался даже на стульяхъ сенаторскихъ и въ посольской палатѣ, притупилось орудіе силы, а борьба слова и дѣйствія замѣнилась борьбою письменною. На сторонѣ католиковъ были такія головы какъ Гозій, Кромеръ, Поссевицъ, Варшевицкій, Поводовскій и Смарга, лютеране съ своей стороны гордились такими людьми, какъ Гличнеръ, Секлюціанъ, имѣли такихъ союзниковъ, какъ Рей, Волянъ и Нѣмоев-

скій. Ревностные прозелиты съ обѣихъ сторонъ, словомъ и дѣломъ приобрѣтали себѣ цѣлыя толпы умовъ. Обозривъ рядъ лучшихъ соперниковъ въ борьбѣ лютеранизма съ римскою церковью.

Сначала исчислимъ лучшихъ мужей польской церкви, которые отстаивали дѣло православія. *Захарій Феррери*, нунцій апостольскій, пламенною латинскою рѣчью, произнесенною имъ въ 1524 году предъ Сигизмундомъ I въ Торкѣ, исходатайствовалъ судебное опредѣленіе на литовскихъ и прусскихъ людей, которые приставали къ новой вѣрѣ. Другой нунцій Алонзій Липпоманъ, на сеймѣ 1556 года встрѣченный оскорбительными ругательствами земскихъ пословъ, напитанныхъ протестантизмомъ: *Здравствуй отродіе змидны* (*Salve progenies viperarum*), собравъ въ Ловичѣ 37 польскихъ епископовъ, подъ клятвою приказалъ имъ принять и подписать статьи, противъ ученія Лютера, и велѣлъ неутощимую переписку по дѣламъ вѣры съ Николаемъ Радзивилломъ, главою литовскихъ кальвинистовъ. Вышее мѣстное духовенство въ ревности своей не уступало чужимъ. Знаменитый епископъ краковскій Петръ Томицій убѣдилъ *Мартина Доброгоста* писать проповѣди противъ аугсбургскаго вѣроисповѣданія (*Dobrogosti orationes VI contra Mart. Lutherum Crac. 1625 г.*), племянникъ Томицкаго, извѣстный нашъ поэтъ Андрей Кржыцкій писалъ *Посланіе и эдиктъ польскаго короля противъ Лютера* (*Epistola et edictum Regis Pol. in M. Lutherum Romae, 1524 г.*); историкъ *Мартинъ Бромеръ*, епископъ варминскій, обязанный по мѣсту своему, къ борьбѣ съ лютеранизмомъ, который распространялся въ его епархіи и сосѣднихъ областяхъ прусскихъ, письменно предстательствовалъ за вѣру предъ королемъ, сенатомъ и шляхетствомъ въ Польнѣ (*Epistola ad regem, proceres, equitesque polonos*), и

съ тѣмъ вѣстѣ подѣ общимъ заглавіемъ: *Разговоры придворнаго съ монахомъ*, написалъ четыре полемическихкихъ разговора, т. е. 1) *О вѣрѣ и ученіи Лютера* (O wierze i pauce Lutarskiej 1554 г.); 2) *Чего христіанинъ долженъ держаться* (Czego chryścianini powinni trzymać się 1552); 3) *О церкви Божіей* (O kościele Bożym 1553) и наконецъ, 4) *Объ ученіи святой церкви* (O pauce Kościoła świętego). *Станиславъ Гозій*, доблестный воинъ Рима и преемникъ Бромера на кафедрѣ Варминской, велъ письменные споры съ лютеранами; здѣсь укажемъ только на его религіозную борьбу съ Яномъ Brentомъ, который, опровергая католическую книгу Петра Сота, въ 1557 году, написалъ латинское разсужденіе: *Объ обязанностяхъ свѣтскихкихъ князей въ церкви Сына Божія, о важности свѣтскихкихъ писаній, о преданіяхъ, о церкви Божіей* (O obowiązkach książąt świeckich w Kościele Syna Bożego, o powadze pisma s., podaniach, o kościele Pańskim). Лютеране назвали это сочиненіе золотую книгою (aureus libellus) а Петръ Вергеръ, принявъ на себя защиту этой книги и посвятилъ ее Сигизмунду Августу. Станиславъ Гозій, побѣдоносно опровергъ Brentа и Вергера (Confutatio prologomenon Brentii 1558 г.); но Вергеръ не уступилъ поля битвы, и въ слѣдующемъ году написалъ четыре разговора, въ которыхъ критически разбираетъ *Опроверженіе Гозія*. Въ помощь Вергерію выступилъ Яковъ Андрей богословъ изъ Гешпинги, и принялся опровергать (какъ онъ говорилъ) «чудовищное» и «ложное» сочиненіе Гозія (1560 г.), но прежде чѣмъ онъ выступилъ, Гозій уже успѣлъ отвѣтить Вергеру сочиненіемъ *Анолія истиннаго христіанскаго католическаго ученія* (Verae, christiane catholicae doctrinae propugnatio). *Іоанисъ Энкъ* и *Георій Шамотульскій* также прославились на поприщѣ полемики: пер-

вый изъ св. писанія выбралъ мѣста, опровергающія ученіе Мартина Лютера (1525 г.), второй опровергалъ *пресмысласмата* (Proguymnasmata) Христофора Гегендорена, и отвѣчалъ на его дальнѣйшія возраженія. *Станиславъ Соколовскій* во многихъ изъ своихъ проповѣдей вооружался противъ аугсбургскаго вѣроисповѣдчія, *Антоній Поссевинъ* іезуитъ, во многихъ сочиненіяхъ опровергалъ ихъ ученіе. Кромѣ того были еще въ употребленіи болѣе или менѣе основательныя, написанныя въ тонѣ болѣе или менѣе приличномъ слѣдующія безыменныя латинскія и польскія сочиненія; какъ, напримѣръ, *Родословная и преемники Мартина Лютера* (Genealogia et successio M. Lutri, 1561 г.). *Изображеніе зыбкаго духа и ученія, и писанія всѣхъ, начавши съ Лютера евангеликовъ* (Wizerunek falecznego i ducha i nauki i pisma tych te od Lutra poczawszy Ewangelików, 1560 г.). *Зерцало еретиковъ* (Speculum haereticorum, 1546 г.) *Различныя Евангелія нашего вѣка* (Rozne ewangeliey naszego wieku, 1566 г.). *Философія Лютеранъ* (Philosophia Lutheranorum) и т. д.

Это о лютеранизмѣ вообще, что же касается частныхъ догматовъ—пунктовъ различія аугсбургскаго вѣроисповѣданія отъ католическаго, то и здѣсь споры были не менѣе жарки. *Еразмъ Гличнеръ* человекъ просвѣщенный, и благонамѣренный въ дѣлѣ воспитанія, выступалъ какъ богословъ, наступая на догматъ кальвинистовъ о св. Троицѣ; въ сочиненіи *О Пресвятой Троицѣ* (de Sacrosanctissima Trinitate 1565). опровергалъ богослова Яна Капера; тотъ же Гличнеръ отвѣчалъ виленскимъ іезуитамъ на книгу ихъ *Assertiones Theologicae*, письмомъ *О церкви и чистилницѣ* (1579), и посвятилъ свое сочиненіе сильнымъ магнатамъ Петру Зборовскому, Станиславу Гуркѣ, и Николаю Радзивилу;

двѣ другія книги Гличнера: *О таинствахъ престола* (O sacramencie ołtarza), болѣе направлены противъ аріанъ и кальвинистовъ, чѣмъ противъ католиковъ. О присутствіи (obesności) Тѣла и Крови Господней, въ опроверженіе лютеранамъ, писали Янъ Бохлеусъ Kochleus (1546), Артуръ Вавржынецъ Фантеусъ (1586) и другіе; когда вѣрованія лютеранъ сошлись здѣсь съ убѣжденіями кальвинистовъ, доблестные подвижники швейцарскаго исповѣданія, поддержали послѣдователей аугсбургскаго. Въ этому времени относится споръ Андрея Воляна со Скаргою, споръ, начавшійся среди дружеской бесѣды, въ которой ревнующій и златоустый Скарга, хотѣлъ приобрѣсть церкви такую рѣдкую голову, какъ Волянъ. Волянъ первый выступилъ съ печатнымъ сочиненіемъ: *Истинное и правосърное мнѣніе древней церкви* (Vera et orthodoxa veteris Ecclesiae sententia 1574 г.). Скарга отвѣчалъ ему латинскимъ сочиненіемъ въ двухъ частяхъ: *О святѣйшей Евхаристіи* (Pro sacratissima Eucharistia, 1575 г.). Волянъ защищался сочиненіемъ: *Защитеніе Вечери Господней* (Obroņa Wieszczery Pańskieј), но вызвалъ этимъ новыхъ ратоборцевъ на помощь Скаргѣ; къ нему присоединились іезуиты: Францискъ Туріани, и Эммануилъ Вега, виѣтъ съ Андреемъ Юргевичемъ, виленскимъ каноникомъ; Скарга издалъ попольски и полатынѣ: *Семь столповъ, поддерживающихъ католическое ученіе о Таинствахъ престола* (Septem columnae quibus fundatur Ecclesia catholica, seu de sacramento Altaris, 1582 г.). Фр. Туріани *Трактатъ о Таинствахъ* (De sacratissima Eucharistia, 1576 г.), Вега, *Богословскій диспутъ* (Disputatio theologica, 1585 г.). Юргевичъ написалъ язвительное сочиненіе подъ заглавіемъ: *Лживость и свары евангелическія Андрея Воляна Львовчика, секретаря, если такъ богами угодно, великаго княжества Литов-*

*скаю* (*Mendatia et convictia etc.*, 1588 г.). Волянь самъ отвѣчалъ на всѣ эти сочиненія (разъ только ему на помощь пришелъ Янъ Ласицкій); споръ продолжался пятнадцать лѣтъ, наконецъ каждый остался при своемъ; въ результатѣ вышло одно только поруганіе священныхъ предметовъ, и раздраженіе сердець гражданъ одного государства. Извлекало ли какую-нибудь пользу изъ этихъ споровъ общество? мы не знаемъ, то только несомнѣнно, что общество держалось вѣрованій той и другой стороны по причинамъ совершенно постороннимъ. Въ защиту святыхъ таинствъ писали еще: Соколовскій, Поводовскій, Карнковскій, Гродзницкій, Біалобржескій, противъ таинствъ: Вестфали, Моргенстернъ, Нѣмюевскій, Стангаръ, Шлихтингъ (*Schlichting*); но мы преклоняя голову предъ святостію предмета, не дерзаемъ исчерпать его до конца.

Познанскіе іезуиты словесно и писменно боролись съ Андреемъ Прасмовіемъ (*Prasnoviuszem*) о безбрачій священниковъ и непогрѣшительности церкви; Севастіанъ Грабовецкій въ сочиненіи *Мартина Лютера и его лекомысліе* (*M. Lauter eiusque levitas*, 1585 г.), особенно нападалъ на догматы аугсбургскаго вѣроисповѣданія. Былинскій защищалъ дѣло католической церкви, Оржеховскій опровергалъ сочиненіе Лютера противъ власти папъ и т. д.

Изъ проповѣдниковъ лютеранской церкви, прославились: Іеронимъ Малецкій, переведшій на польскій языкъ проповѣди Роберта и Лютера (1574) и самъ писалъ проповѣди (*postylli*) (1569). Генрихъ Курцбахъ, который перевелъ на нѣмецкій языкъ проповѣди Григорія изъ Жарновца, Петръ Кржесихлѣбъ (*Artomius*), о которомъ мы скажемъ подробнѣе въ эпохѣ Вазовъ, Янъ Секлюціанъ, Эразмъ Гличнеръ. Этотъ послѣдній кромѣ того написалъ исторію синодовъ своей церкви, и знаменитое *Житіе Господа Іисуса* (*Chronicon doctrinae et operam Jesu Christi*, 1579 г.).

Для молитвы въ Зборахъ употреблялись сочиненія Яна Ласкаго: *Обряды церковной службы* (Forma ascratiotota Ecclesiastici ministerii 1550) и церемоніаль польскій, переведенный Іеронимомъ Малецкимъ съ нѣмецкаго подъ заглавіемъ: *Уставъ или порядокъ церковный* (1571 г.). Эти книги служили духовенству; а міряне имѣли для себя: *Способъ и порядокъ правильной молитвы* (Sposób a porządek słusznego modlenia się), Мартина Сѣнника, и *канцоналу*, т. е. собранія благочестивыхъ пѣсней, какъ то: *Канціоналъ Яна Секлюціана съ напѣвомъ и нотами* (z melodyami i notami, 1552 г.), Валентія изъ Бржозова *Канціоналъ или книги хвалы Божіей, то есть пѣсни духовныя* и т. д. (Cantional albo księgi chwał Bożych, to jest pieśni duchowne) и канціональ Яна Кржесихлѣба или Артемія, названный *Торунскимъ*.

Для домашняго чтенія, равно какъ и для общественнаго богослуженія, потребность перевода св. писанія, сперва по частямъ, а потомъ и полного была сознаваема все яснѣе и сильнѣе; но, быть можетъ потому, что послѣдователями лютеранизма были большею частію Нѣмцы, и въ оригиналѣ могли читать нѣмецкую Библію въ переводѣ Лютера, польскіе лютеране въ нашей эпохѣ не имѣли полного перевода Библии на польскій языкъ. Переводъ Палиура, изданный въ 1632 году, принадлежитъ къ эпохѣ Вазовъ. Откладывая до позднѣйшаго времени полный переводъ св. писанія, принялись за переводъ Псалтиря и Евангелистовъ. Кажется лютеранамъ принадлежитъ, изданный въ 1558 г., *Псалтирь Давида, святого и свѣтлой памяти достойнаго короля и пророка, теперь вновь съ пѣснями переведенная на польскій языкъ* (Psałterz Dawida, onego świętego a wiecznej pamięci godnego króla i proroka teraz nowo na piosneczki po polsku przełożony), переводчикомъ ея



былъ Яковъ Любелчигъ, который неграмотно подписался на своемъ посвященіи Лукъ изъ Гурки, такъ: sŁUžeWpiszek (слуга); а впрочемъ лютеране пѣли Псалтирь по-нѣмецки или въ переводѣ Кохановскаго.

Новый Заветъ, какъ болѣе необходимый для христіанскаго употребленія, былъ переведенъ Яномъ Секлюціаномъ, имя котораго останется всегда памятнымъ въ исторіи польскаго языка. Онъ первый перевелъ на польскій языкъ Новый Заветъ, сначала по частямъ (*Новою Заветомъ часть первая, четыре Евангелиста, 1551 г.*), а потомъ и во всемъ объемѣ (*Новою Заветомъ, часть вторая и послѣдняя, 1552 г.*), и написалъ грамматику или лучше, польское правописаніе, о которомъ мы упоминали выше. *Георгій Майоръ* профессоръ Виттембергскаго университета, посвятилъ Зборовскому свое толкованіе на два посланія св. Апостола Павла къ Филиппійцамъ (1561 г.). *Уразмъ Гмчлеръ* толковалъ посланіе того же Апостола къ Филомону, 1572 г.

Оканчивая нашъ отчетъ о церковной литературѣ польскихъ лютеранъ, скажемъ нѣсколько словъ о стараніяхъ прусскихъ князей, распространить свой образъ вѣрованія въ Литвѣ и Жмуди, чтобы этимъ путемъ имѣть вліяніе на польскія провинціи. По ихъ убѣжденію *Мартинъ Мосвидъ* настоятель церкви въ Рагнецѣ, сперва на древнепрусскомъ (1545), а потомъ и на литовскомъ языкахъ (1547) издалъ катихизисъ и библейскую исторію; *Янъ Врета* перевелъ на литовскій языкъ сперва новый (1579), а потомъ и ветхій (1590) заветъ. Наконецъ, уже за предѣлами нашей эпохи, *Самуилъ Хилинскій* вновь перевелъ и издалъ въ Лондонѣ (1660) литовскую біблію по догматамъ аугсбургскаго вѣроисповѣданія.

в.) **Въроисповѣданіе Кальвина или евангелико-реформатское и Богемскихъ братьевъ.**

При быстромъ обзорѣ трудно намъ изобразить исторію швейцарскаго исповѣданія, потому что оно было у насъ переходомъ къ вовсе некаатолическому ученію сциліанъ, и потому что участь его опредѣлилась въ Польшѣ въ эпоху Вазовъ. По этому, оставляя до слѣдующей эпохи изображеніе дальнѣйшихъ подробностей церковной литературы швейцарскаго исповѣданія, ограничимся здѣсь одними только важнѣйшими событіями.

Кальвинизмъ распространился въ Польшѣ, занимая провинціи въ слѣдующемъ порядкѣ.

Въ Малой Польшѣ, вліяніемъ столицы, примѣромъ магнатовъ, стремленіями такихъ людей, какъ Станкаръ Оржеховскій, Кровицкій, Григорій изъ Жарловца распространилось швейцарское ученіе, и отсюда овладѣвши умами магнатовъ и шляхты, свободно перешло въ Литву.

Въ Литвѣ Николай Чорный Радзивилъ, Кишковы, Хлѣбовичи покровительствовали иновѣрцамъ. Въ Вильнѣ кальвинизмъ не смотря на ревностное сопротивленіе епископовъ и іезуитовъ остался почти господствующимъ.

Въ Великой Польшѣ распространились Богемскіе братья, которыхъ догматы и вѣрованія не многіе отличаясь отъ кальвинскихъ, дали имъ возможность слиться съ кальвинистами и соединиться въ одно могущественное тѣло.

Вотъ нѣсколько важнѣйшихъ сѣздовъ послѣдователей швейцарскаго ученія.

Въ 1555 году Богемскіе братья и Малопольскіе кальвинисты собрались въ Козиминѣ съ цѣлію взаимнаго соединенія и привлеченія къ себѣ литовскихъ кальвинистовъ. Блиндрачь, посланный ими въ Вильно, былъ ласково при-

нять тамъ Николаемъ Радзивиломъ, и получилъ отъ него болѣе или менѣе искреннія увѣренія въ союзѣ. Въ томъ же году были съѣзды въ Олуховѣ, Кренцицахъ, Сециминѣ и мѣстечкѣ Шафрановѣ. Было о чемъ совѣщаться: здѣсь предстояла борьба съ свѣтскою властью, тамъ религіозные споры съ іезуитами, тутъ несогласія въ собственномъ домѣ, тамъ ереси, распространяемыя въ Зборахъ, Блиндра-томѣ, Стангаромѣ, Кровицкии, Чеховичемъ и Буднымъ, принявшими аріанское ученіе.

Литовскіе кальвинисты съ своей стороны составили знаменитый съездъ въ 1557 году въ Вильнѣ и прислали своихъ депутатовъ изъ Богемскихъ братьевъ и Малополюскихъ кальвиновъ на синодъ, составленный въ городѣ Ксіонжѣ. Мы пропускаемъ другіе менѣе важные съѣзды, потому что и то, что уже сказано, даетъ достаточное понятіе о силѣ и внутренней организаціи швейцарскаго исповѣданія. Католическое духовенство съ ужасомъ смотрѣло какъ усиливалась чуждая католицизму религія. Словомъ и дѣломъ оно принялось защищать формы католической вѣры, вызвало иновѣрцевъ на религіозные диспуты. Вспомнимъ здѣсь о диспутѣ, бывшемъ въ Вильнѣ, 1570 г. Андрей Волянъ и Андрей Тржицкскій оба ревностные послѣдователи кальвинизма, окруженные толпою своихъ единовѣрцевъ, сдѣлали намѣстивіе на іезуитскую коллегію, требуя богословской преміи. Іезуиты подъ начальствомъ Станислава Варшевицкаго, приняли вызовъ. Три дня продолжался диспутъ, на которомъ, по свидѣтельству самихъ же іезуитовъ, кальвинисты были совершенно опровергнуты, но не убѣждены.

Но не столько быть можетъ диспуты устные и письменные, сколько излишняя горячность съ обеихъ сторонъ, и неуиѣнье въ самомъ началѣ погасить грозную искру, имѣли вліяніе на распространеніе новыхъ началъ. Извѣстныя намъ

несогласія Оржеховскаго съ Перемышльскимъ епископомъ, не менѣ плачевный споръ Кровицкаго съ Краковскимъ епископомъ Зебржыдовскимъ, вооружили противъ Римской церкви упорнаго противника. Мартинъ Кровицкій, протоіерей Вызненскій увлеченный примѣромъ Оржеховскаго началъ возставать противъ злоупотребленій клира, Дзядускій вызвавъ и посадивъ его въ темницу такимъ образомъ вооружилъ его противъ церкви. Кровицкій освобожденный изъ темницы, едва нашедшій себѣ убѣжище въ Пинчовѣ у Олесницкаго, сбросилъ съ себя духовную одежду, женился и въ энергическомъ сочиненіи убѣждалъ короля и народъ Польскій принять кальвинское исповѣданіе. Это сочиненіе изданное въ 1554 г. подъ заглавіемъ: *Христіанское умоляющее увещаніе* (Chrześciszankue a żabobliwe пароміануе) возбудило негодованіе въ Краковскомъ епископѣ Зебржыдовскомъ, который коварствомъ заманивъ къ себѣ Кровицкаго, едва не лишилъ его жизни. Спасенный Кровицкій съ изступленіемъ возсталъ на католицизмъ. И дѣйствительно, онъ въ правѣ былъ говорить, что Краковскій епископъ Андрей насилиемъ, а не сочиненіями защищаетъ римское ученіе. Полемическія сочиненія Кровицкаго *Образъ и истинное подобіе антихриста* (Obraz a kontrefet własnuy Antykrystów) такъ онъ честилъ Папу и *Аполлонія*, (Apologia więsza) желчны и ядовиты, но отчасти справедливы.

Мы вспомнили о многолѣтнемъ спорѣ Воляна съ Спаргою о таинствахъ церкви; тотъ же Волянъ выдержалъ извѣстное нападеніе Оржеховскаго, потомъ боролся съ Аріанами о крещеніи дѣтей и таинствѣ Троицы, потомъ издалъ *Опроверженіе идолопоклонства Виленскихъ Лоболистовъ* (Idolatriae Lojalitarum Vilnensium oppugnatio), и, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, которыхъ онъ издалъ до трид-

цати, Волянъ излилъ столько желчи, что надобно ему удивляться, особенно зная, что съ другихъ сторонъ онъ былъ человѣкомъ умѣреннымъ и скромнымъ. Его литературное поприще началось книгою *О политической свободѣ* (*De libertate politica*), гдѣ онъ рассматриваетъ народныя недостатки и предлагаетъ средства къ реформѣ. Отчего же такой человѣкъ долженъ былъ потерять свой прекрасный талантъ въ пустыхъ, извительныхъ и святотатственныхъ спорахъ о дѣлахъ вѣры? Также Янъ Ласицкій, авторъ исторіи: *О свободѣ надъ Гданскимъ*, (*O zwycięztwie nad Gdańskiem 1577 г. и вмѣстѣ о пораженіи Валаховъ подъ начальствомъ Мьлеукаю*) (*OPorażce Wołoszy pod dowództwem Mieleckiego*) авторъ указанной нами выше книги о *Бояхъ Жмудскихъ*; для чего онъ также пренебрегъ своими любимыми, столь важными учеными и педагогическими трудами, чтобы вмѣшаться въ боевые ряды, вмѣстѣ съ Посевинномъ для защиты Воляна, и подвергаться преслѣдованіямъ и угаснуть? За что мудрый нашъ политикъ Андрей, Фрычъ Модржевскій, авторъ сочиненія *о исправленіи Ресублики*, принужденъ былъ углубляться въ таинства Святой Троицы, первороднаго грѣха и другихъ чисто богословскихъ догматовъ, и выдержать горячій споръ съ Оржеховскимъ, споръ, который такъ мало согласовался съ серьезнымъ характеромъ Модржевскаго. Отъ такихъ людей отечество въ правѣ было ожидать чего-нибудь больше, чѣмъ однихъ безплодныхъ споровъ о предметахъ, которые приличнѣе было бы почтить вѣрою и молчаніемъ.

Оканчивая очеркъ этихъ колкихъ и скучныхъ споровъ церкви католической съ кальвиническою въ Польшѣ, приведемъ еще двѣ полемики: Яковъ Нѣмовскій издалъ какое-то богословское сочиненіе, священникъ Бенедиктъ Гербестъ написалъ на него критику подъ заглавіемъ: *Prodromus*;

Нѣмоевскій отвѣчалъ ему сочиненіемъ *Epidromis*. Когда познаньскіе іезуиты вмѣшались въ этотъ споръ, Нѣмоевскій принужденъ былъ спорить съ Францискомъ Толеттиемъ на Варшавскомъ сеймѣ 1572 г., отвѣчать на проповѣдь Іеронима Поводовскаго 1578 г., и согласиться на *дружескую бесѣду* съ познаньскими іезуитами, на которой не слышкомъ-то дружескимъ образомъ отзывались объ обоихъ соперничающихъ сторонахъ въ дѣлѣ церкви. Этого еще мало, іезуиты издали *Dialysis, то есть разрѣшеніе разсужденія Нѣмоевскаго* (to jest, rozsziażanie Assercii Niemojewskiego) на которое Нѣмоевскій не отвѣчалъ; словомъ лѣтъ девять спорили о такихъ вещахъ, которыя вначалѣ приняты были за аксіому каждою изъ непріязненныхъ сторонъ. Другой примѣръ: Богемскіе братья поднесли Сигизмунду Августу свое *исповѣданіе вѣры*, Бенедиктъ Гербестъ выступилъ съ опроверженіемъ на это исповѣданіе, Яковъ Нѣмоевскій съ отвѣтомъ на книгу Гербеста, и какъ будто-бы ему еще малымъ казался домашній соблазнъ, опроверженіе свое онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ. Во всѣхъ этихъ спорахъ особенное благоразуміе высказалось въ поступкахъ Сигизмунда Августа. Претивники нападаютъ другъ на друга, и посвящаютъ королю свои сочиненія. Король съ благодарною улыбкою принимаетъ посвященія съ обоихъ сторонъ, потому что онъ не желаетъ показаться ревностнымъ католикомъ, и вмѣстѣ съ чѣмъ хочетъ приобрести славу защитника политической свободы совѣсти. Не въ состояніи будучи исчислить всѣхъ проповѣдниковъ швейцарскаго исповѣданія, укажемъ только лучшихъ, какъ то: Судровій, Волянъ, Лизманинъ, Хржатовскій, который былъ до того краснорѣчивъ, что подобнаго ему не находилось даже во всемъ обществѣ его единовѣрцевъ. На каедрѣ онъ никогда не занюхался, никогда два раза не повторилъ одного и того же слова. Приведемъ

здѣсь обращеніе его слога: «Смотря на столь великое и почтенное собраніе, любезные христіане, видя почтенныя лица изъ различныхъ странъ королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго, между которыми хотя и не вижу я тѣхъ которыхъ ожидалъ, по такъ какъ знаю, что посредствомъ писемъ и пословъ они выразили намъ свое сочувствіе, то намъ нельзя иначе поступить какъ только благодарить Высочайшаго Господа за Его благость и безконечное милосердіе: что въ ту пору, когда противники наши различнымъ образомъ стараются, чтобы мы не имѣли Синодальныхъ съѣздовъ, онъ собираетъ насъ какъ овецъ своихъ къ одной овчарнѣ».

Григорій изъ Жарповца оставилъ намъ *проповѣди или объясненіе Евангелія* (1580), которыя считаются важнѣйшимъ памятникомъ польскаго языка; выищемъ изъ нея образецъ:

«Богъ не для другаго чего нибудь посылаетъ слугъ своихъ, истинныхъ наставниковъ, открываетъ небесную истину и доводитъ ее до нашего слуха, какъ только для того, чтобы получивъ это въ насъ, сдѣлать насъ участниками своего царствія и вѣчной жизни вкупѣ съ Сыномъ своимъ, Апостолами и всѣми избранниками неба. Но, съ другой стороны, увы! міръ всегда похожъ на себя, и по испорченности своей природы, ничего другаго не знаетъ, кромѣ самого себя, не можетъ ни видѣть дѣлъ любвеобильнаго Господа, ни принимать подаваемой ему благодати, и противится Богу. Въ слѣпотѣ своей пребываетъ неощущимымъ, безопасно презирать всякаго рода Его увѣщаніе и посѣщеніе, предпочтая темноту свѣту, гнѣвъ божій предпочитать его благодати, грѣхъ—праведности, ложь—истинѣ, адъ—небу, смерть—жизни: таковы слѣдствія ослѣпленія и неблагодарности. Примиры гнѣва Божія мы можемъ видѣть въ Св. Писаніи

«и у Пророковъ. И не столько прежде, какъ теперь, въ послѣднiя времена мы видимъ эти, сожалѣнiя достойныя примѣры; нечестiе все увеличивается, оно беретъ верхъ надъ всѣмъ. Но гдѣ же тѣ, которые бы думали о исправленiи жизни, пока еще есть время? которые бы изъ устъ истинныхъ наставниковъ, слышали самого Бога, «взывающаго къ покаянiю? которые дали бы у себѣ мѣсто увѣщанiю и наказанiю, которые бы, наконецъ какимъ нибудь признакомъ, явили въ себѣ плодъ покаянiя и исправленiя? Увы! нѣтъ (какъ взываетъ пророкъ), нѣтъ ни одного, кто бы уразумѣлъ, какъ со всѣхъ сторонъ ясны и явные признаки пришествiя Господня, на небѣ и на землѣ, «и въ церкви Его Св. поражаютъ наши взоры, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и значительнѣе. Гдѣ же тѣ, которые бы проснулись, головы свои вознесли горѣ, и приготовились бы къ тому, чтобы явиться готовыми предъ Сыномъ человѣческимъ, предъ судомъ и престоломъ Его».

Къ церковной исторiи также принадлежитъ сочиненiе Яна Ласицкаго *Исторiя о происхожденiи и дѣлiяхъ Богемскихъ братьевъ* (*Historia de origine et rebus gestis fratrum Bohemicorum*). Къ книгамъ для церковной молитвы относится сочиненiе Станислава Судровiя: *Объясненiе молитвы Господней, называемой обыкновенной молитвою* (*Wyklad na modlitwę Pańską, która rozpolicie paciegrzem zowią*). Изъ Канціоналовъ <sup>1)</sup> сюда принадлежатъ труды въ этомъ родѣ Николая Рея изъ Нагловицъ, канціональ Богемскихъ Братьевъ, безъименно изданный въ 1569 году, такой же Христофора Краинскаго и *Пастырство духовное съ пѣснями о Божествѣ Сына Божiя* (*Pasterstwo domowe z piesniami o bóztwie Chrystusa*), Станислава Судро-

<sup>1</sup> Книга духовныхъ пѣсней.



вія, о которомъ сей часъ мы упоминали. Эти два послѣднія сочиненія относятся уже къ эпохѣ Вазовъ.

Теперь намъ остается еще указать на одинъ важный памятникъ, которымъ Николай Черный Радзивиль обогатилъ польскую литературу. Здѣсь мы разумѣемъ Брестскую или Радзивилловскую біблію.

Удовлетворяя требованія своихъ единоземцевъ, желавшихъ имѣть полный переводъ Свящ. Писанія, Николай Радзивиль и Николай Олесницкій собрали въ Пинчовѣ ученѣйшихъ богослововъ своего вѣроисповѣданія, какъ соотечественниковъ, такъ и иностранцевъ, хорошо знающихъ языки еврейскій, греческій, латинскій, польскій, и поручили имъ перевести Свящ. Писаніе по мѣрѣ силъ съ греческихъ и еврейскихъ подлинниковъ, сколько возможно сличая между собою различные переводы біблей, по тому что не католическія исповѣданія, упрекали латинскую Вулгату св. Іеронима, что она не довольно вѣрна и что текстъ ея мѣстами носитъ отпечатокъ католическаго вѣрованія. Эти переводчики должны были на польскомъ языкѣ написать текстъ чистой бібліи, создать произведеніе вѣковое. Если бы трудомъ человѣческимъ, или цѣною золота можно было усовершенить дѣло Духа Святаго, то поминѣ достигли бы этого Брестскіе переводчики, потому что трудъ ихъ былъ великимъ ручательствомъ за успѣхъ, какъ по выбору ученыхъ и просвѣщенныхъ умовъ, такъ богатствомъ матеріаловъ и обиліемъ средствъ. Вотъ имена Брестскихъ переводчиковъ: Янъ Ласкій, Францискъ Станкаръ, Петръ Статорій, Андрей Тржецьскій, Яковъ Любельчикъ, Францискъ Лизманинъ, Георгій Бляндрата, Мартинъ Кровицкій, Георгій Паули, Шимонъ Зациншъ Гутеновиль Hutemovites Павелъ Альціата, Георгій Оржацій (Orzaciasz), Текардъ Витрелинъ, Георгій Шоманъ, Бредій. Какой-то португальскій еврей наблюдалъ за вѣрнымъ пониманіемъ языка ев-

рейскаго. Тржецѣскій, Кровицкій, Любельчикъ старались о чистотѣ языка польскаго, а всѣ вообще были необыкновенно искусны въ богословіи и языкахъ греческомъ и латинскомъ. Въ Брестѣ для этой цѣли основана была особенная типографія, въ которую прибылъ, нарочно вызванный изъ Кракова, ученый типографъ Бернарды Воеводка; цѣлое изданіе стоило Радзивилу болѣе трехъ тысячъ червонцевъ. Наконецъ вышла *Брестская* или *Радзивилловская библия* подъ заглавіемъ:

*Святая библия, то есть книги Ветхаго и Новаго Завета съ еврейскаго, греческаго и латинскаго вновь на польскій языкъ тщательно и вѣрно переведенныя... печатана въ Брестѣ Литовскомъ по повелѣнію и издерженіемъ Святлѣйшаго, Господина Николая Радзивила въ 1563 г.* (Biblia święta Tho jest księgi starego i nowego zakonu własnie z żydowskiego, greckiego i łacinskiego nowo na polski jezyk z pilnością i wiernie wydłozone... drukowano w Brześciu litewskim z rozkazania i nakładem Oświeconego Pana, Pana Mikolaja Radziwiłła r. 1563).

Во время ея изданія была извѣстна одна только библия Леополита, поэтому труды Брестскихъ переводчиковъ, принятые съ такими стараніями и издержками, ожидаемые съ такимъ нетерпѣніемъ, подавали самыя прекраснѣйшія надежды. Надо признаться, что какая-то зловѣщая звѣзда свѣтила рожденію Брестской библии. Предпринятая по повелѣнію ревностнаго кальвиниста, Николая Чернаго, издаваемая мужами просвѣщенными, она не укрылась однакоже отъ прибавленій и изъясненій, доказывающихъ аріанскій образъ мыслей, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ редакторовъ, это ввело ее въ подозрѣніе у чистыхъ кальвинистовъ. Аріане съ своей стороны не находили въ

ней довольно того, что у нихъ было принято основнымъ пунктомъ вѣры; Будный черезъ нѣсколько лѣтъ выступилъ противъ нея съ горькими упреками католики естественно смотря на Брестскую библию, какъ на плодъ и расадникъ ереси, по мѣрѣ силъ своихъ ее истребляли, а Николай Христофоръ Радзивиль, сынъ Николая Чернаго, возвратившись на лоно католической церкви, за 5,000 червонцевъ скупилъ экземпляры этого изданія, и сжегъ ихъ на Виленскомъ рынкѣ. Какъ бы то ни было, но въ Радзивилловскомъ архивѣ въ Нѣсвѣжѣ, мы видѣли этотъ драгоценный памятникъ, сохранившійся отъ общаго истребленія, или приобрѣтенный въ послѣдствіи.

Изъ Брестской библии извлеченъ Новый Заветъ и перепечатанъ въ Нѣсвѣжѣ 1580, и въ Торунѣ 1585, а отрывки изъ него вскорѣ послѣ изданія Библии въ Брестѣ печаталъ Тома Фальконій подъ заглавіемъ: *Дѣла и слова Іисуса Христа Сына Божія* (Sprawy, i słowa Jezusa Krysta Syna Bożego).

Съ изданіемъ Брестской библии явно возсталъ социализмъ въ Польшѣ. Поэтому Брестская Библия служитъ для насъ переходомъ къ краткой исторіи этого вѣроисповѣданія.

#### d) Послѣдователи Фауста Социна или соци- ніане.

Въ началѣ втораго вѣка христіанской эры, Аріій ученый пресвитеръ, претендовавшій на Александрійское епископство, изъявилъ сомнѣнія въ католическихъ догматахъ о Святой Троицѣ, о Божествѣ Іисуса Христа и о крещеніи младенцевъ. Въ первый разъ онъ выступилъ въ 315 году по Рождествѣ Христовѣ. Испуганная Церковь божія созвала въ Никей Вселенскій Соборъ, на которомъ Аріій отказался отъ своихъ убѣжденій, осужденныхъ церковію, но въ 327 году

снова къ нимъ воротился. По смерти его, Евсевій епископъ Никомидійскій, распространялъ ученіе Арія и успѣлъ снискать для него ласковый пріемъ при дворѣ императора Констанція. При императорахъ Юліанѣ богоотступникѣ и Валентинѣ, ересь Аріанская достигла высшей степени своей силы, при Θεодосіѣ пришла въ упадокъ, благодаря твердости императора и исполненной христіанской любви дѣятельности Григорія Назіанзскаго. Съ тѣхъ поръ умолкло Аріанство на цѣлыхъ тринадцать вѣковъ. Но вотъ въ началѣ XVI вѣка, когда реформы Лютера и Кальвина дали стремленіе къ самымъ разнообразнымъ толкованіямъ Евангелія, Испанецъ Михаилъ Серветъ и Италіянецъ Валентій Гентилисъ воскресили ученіе Арія. Позванные къ суду духовно-кальвинскихъ трибуналовъ въ Швейцаріи, оба они были сожжены на кострѣ, но сѣмена, брошенныя ими, въ дурную минуту религіозныхъ споровъ принесли свои плоды. Учениками Сервета считаются: Георгій Бляндрата и Лелій Социнъ, а учениками Гентилиса были: Францискъ Лизманинъ, Фаустъ Социнъ, и Петръ Смоіенскій. Въ Польшу Аріанизмъ перешелъ изъ Седмиградскаго княжества.

Въ 1551 году прибыли къ намъ Фаустъ и Лелій Социны, и подъ видомъ ревностнаго распространенія кальвинизма, начали разсѣвать сѣмена Аріанства, которые отъ имени ихъ и получали у насъ названіе *социніанства*. Польша была уже приготовлена къ принятію самыхъ нечѣстныхъ религіозныхъ мнѣній. Католиковъ еще пугалъ бы нехристіанскій результатъ социанства, но польскіе кальвинисты, которые для чужихъ софизмовъ, разъ уже дерзнули отступить отъ вѣры своихъ отцовъ, были способны къ принятію ученія Социновъ. Обстоятельства имъ благопріятствовали: Георгій Бляндрата, ихъ приверженецъ, былъ лицомъ Николая Радзивила и оказывалъ сильное вліяніе.

на кальвино-литовское духовенство; Францискъ Лизиницъ, мнимый католикъ, но въ сущности дѣятельный Аріанистъ, былъ духовникомъ королевы Боны и распространялъ свои убѣжденія при польскомъ дворѣ. Францискъ Станкаръ, Италианецъ вызванный изъ Мантуи для занятія кафедрой еврейскаго языка при Браковской академіи, дышалъ Аріанизмомъ. Мартинъ Кровицкій, разъ отступившій отъ католицизма, не могъ уже болѣе держаться посредствующаго ученія Лютера, и остановился у послѣдняго предѣла отверженія всякаго откровенія. Петръ изъ Гоніонзда, Ваврынецъ Кржышовскій, министръ (Minister) знаменитаго собора въ Нѣсвѣжѣ, Шимонъ Будный тоже министръ въ Блещнѣ, Чеховичъ въ Вильнѣ, мало по малу, отступая отъ своего исповѣданія, приставали къ Аріанамъ. До самаго изданія Брестской библіи, Аріане не имѣли своего органа. Здѣсь, призванные къ участию въ редакціи перевода, чувствуя свою силу, они успѣли внести пункты своего ученія, искажая тексты, сообразно мысли своего исповѣданія. Но однако до смерти Николая Чернаго Радзивила они не снимали явно съ себя маски и все еще считались приверженцами кальвинизма. Но когда скончался Радзивиль (1567 г.), а Олесницкіе, Кишковичи и др. магнаты обѣщали имъ свое покровительство, Аріане открыто объявили разрывъ, и цѣлые кальвиническія соборы приняли ихъ ученіе. Въ Пинчовѣ, Раковѣ и др. мѣстностяхъ Польши основаны были типографіи, которыя далеко разносили новые догматы. Аріанамъ въ Польшѣ давали различныя наименованія: социніанъ, Новокрещенцевъ (Anabaptistae), антитринитаріевъ, унитаріевъ и т. д. представимъ очеркъ ихъ религіозныхъ сѣздовъ, и богословскихъ споровъ, какіе ведены были съ католиками и швейцарскимъ исповѣданіемъ.

Два года спустя послѣ изданія Брестской Библии, еще при жизни Николая Чернаго, ариане составили свой Синодъ въ Венгровѣ, чтобы путемъ убѣжденія и диспута привлечь къ себѣ послѣдователей кальвинизма. Здѣсь выступили съ догматами противъ Св. Троицы, Божества Сына Божія и крещенія младенцевъ. Умы, державшіеся чистаго ученія Кальвина, были поражены этимъ, и съ тѣхъ поръ окончательно начали разрывать мнимое единство, существовавшее между послѣдователями швейцарскими и ученіемъ социновъ. Но это ученіе день отъ дня усиливалось, умы, которые разъ уже разломали желѣзную цѣпь католицизма, слишкомъ увлеклись для того, чтобы можно было удержать ихъ на скользкомъ пути религіозныхъ споровъ. Правду говорили кальвинисты, что переходя отъ свободы къ свободѣ вѣрованія, можно наконецъ остановиться у предѣла вовсе не христіанской религіи, потому что дѣйствительно, если бы не препятствія стороннія, если бы не противоудѣйствіе Сигизмунда III и іезуитовъ, Ариане Богъ знаетъ до чего еще дошли бы въ своихъ убѣжденіяхъ, тѣмъ болѣе, что они гнушались именемъ Арианъ, не принимали никакого названія, или извѣстной опредѣленной формы вѣрованія, а подъ однимъ только именемъ чистыхъ христіанъ, создавая все новые и новые софизмы, даже и сами были между собою не согласны.

Намѣреваясь представить очеркъ религіозныхъ споровъ, мы предупреждаемъ читателя, что мы вовсе не расположены разсматривать содержаніе и входить въ подробности этихъ споровъ, которые не возбуждаютъ въ насъ то благоговѣніе, которое мы питаемъ къ предметамъ священнымъ, благоговѣніе какимъ исполнены и наши читатели.

Душею и содержаніемъ польскаго арианизма были сочиненія Фауста Социна; къ нимъ относятся: *Указаніе в*

*опроверженіе всѣхъ върваній, выдуманыхъ различными людьми о Богѣ и Его Сынѣ. Далѣе: Антихристы (1568), потомъ: Браткіе доводы, которыми опровергается крещеніе младенцевъ, вымышленное людьми противъ самимъ Богу; наконецъ, отдѣленіе Ветхаго Завета отъ Новаго (1568). Объясненіе первой главы Евангелія Св. Іоанна.* Эти сочиненія, переведенныя съ языка латинскаго Григоріемъ Паули (1568) ходили подъ именемъ Фауста Социна. Тотъ же Социнъ толковалъ, сообразно своему образу мыслей, *Посланіе Св. Павла къ Римлянамъ Евангеліе отъ Матвея*, и другія мѣста изъ Ветхаго и Новаго завета; спорилъ о крещеніи водою, но въ этомъ послѣднемъ пунктѣ не согласовались между собою мнѣнія не однихъ только кальвинистовъ, но и самихъ даже социніанъ. Бромъъ католическихъ богослововъ, святое крещеніе защищалъ изъ кальвинистовъ Андрей Хржонстоскій, а изъ социніанъ Петръ изъ Гоніондза.

Другимъ, послѣ Социна, столпомъ аріанства былъ Мантуанецъ Францискъ Станкаръ; его сочиненія *о троичности и единствѣ Божіемъ и о воплощеніи и посредничествѣ Христа* (De Trinitate et unitate Dei deque Incarnatione et meditatione Domini nostri Jesu Christi 1567) и *Аполлонія о мирѣ съ Сарницкимъ* (1568), именно доказываютъ то несогласіе, которое существовало въ нѣдрахъ самаго аріанства; потому что какъ Станкаръ, такъ и Григорій Паули, такъ равно Сарницій и Павелъ изъ Гоніондза всѣ принадлежали къ одному исповѣданію, только въ Станкарѣ было болѣе чистаго деизма, въ Григоріи Паули нѣсколько началъ чисто кальвинскихъ, а въ Сарницкомъ сохранилось еще нѣкотораго рода уваженіе къ формамъ католической Церкви. Тотъ же Станкаръ начерталъ для своего върноповѣданія въ Польшѣ: *Уставы реформаціи* (Capones

reformationis ecclesiarum polonicarum 1552 г.), писалъ противъ почитанія святыхъ, письменно боролся съ Филиппомъ Генрихомъ Булингеремъ, Симлеромъ Тигурини и Станиславомъ Оржеховскимъ.

Вавржинецъ Кржишковскій, сначала министръ швейцарскаго собора въ Нѣсвѣжѣ, потомъ упорный аріанинъ, не малую оказалъ услугу своему вѣроисповѣданію переводомъ *разговора святаго Юстина философа и мученика съ Евреемъ Трифономъ* (1564). Въ томъ же сочиненіи онъ старается доказать, что ученіе древнихъ отцовъ, къ разряду которыхъ относить и Юстина, совершенно согласуется съ ученіемъ Аріанъ, и должно пользоваться большимъ уваженіемъ, чѣмъ догматы позднѣйшихъ отцевъ церкви: Іеронима, Августина, Амвросія и Викентія Лиринскаго. Въ доказательство того, до какой степени пренебрегали таинствами вѣры, приведемъ слова Кржишковскаго изъ предисловія къ упомянутому переводу.

«Это несогласіе такъ велико и опасно, что больше и опаснѣе его быть не можетъ. Потому что здѣсь дѣло идетъ не о водѣ; если только она можетъ очищать грѣхи: ни о колокольномъ звонѣ; разгоняетъ ли онъ тучи: ни о грамотахъ (gléjty) папскихъ, имѣютъ ли они силу въ аду, и въ вымышленномъ чистилищѣ: ниже о святыхъ, въ Богѣ спочивающихъ ходатайствуютъ ли они за насъ: ни о таинствахъ, присутствуетъ ли въ нихъ Господь Іисусъ. Все это давно поражено и изсѣчено обоюдо-острымъ мечемъ. Но здѣсь дѣло идетъ о самомъ Богѣ, предъ которымъ трепещетъ всякая тварь, дѣло идетъ также о Сынѣ того же Бога, которому Богъ далъ все, что только имѣлъ и имѣеть, которому также даровалъ такое имя, что предъ этимъ именемъ преклоняется всякое колѣно, небесное, земное и пресподнее».



Бросимъ взглядъ на дальнѣйшіе споры: Каноникъ Познанскій, Іеронимъ Поводовскій издалъ: *Узда противъ святотатственныхъ заблужденій, и богохульства новыхъ аріанъ* (Węzidił nasprośni błędy a bluźnierstwa nowych aryantów 1582) Нѣмоевскій отвѣчалъ сочиненіемъ подъ заглавіемъ: *Защита* (1583). Мартинъ Чеховичъ поддержалъ Нѣмоевскаго польскимъ сочиненіемъ: *Epistolum*. Андрей Волянъ спорилъ съ тѣмъ же Нѣмоевскимъ и съ Фаустомъ Социномъ. Григорій Паули велъ диспутъ съ Гиловскимъ и Сарницкимъ, какъ о божествѣ Сына Божія, такъ и о догматахъ вообще, *Шимона* Будный имѣлъ подобный же споръ съ Яномъ Вигандомъ, Гиловскій съ Чеховичемъ. Аріанъ упрекали въ томъ, что по ихъ ученію считалось грѣхомъ носить оружіе, являться на полѣ брани, и занимать общественныя должности; нѣкоторые безумцы дѣйствительно отговаривались этимъ отъ служенія обществу и препоясывали чресла свои деревянными мечами. Но, желая пріобрѣсть себѣ право гражданства въ Польшѣ, аріанизмъ не могъ отстаивать этихъ противународныхъ началъ, и Шимонъ Будный съ Мартиномъ Кровицкимъ, писали, одинъ: *о должности, употребляющей меч* (O urzędzie miecza używającego 1583 г.), а другой *Посланіе о должностяхъ къ Станиславу Будзынскому* (1575, г. List o Urzędzie do Stanisława Budzynskiego) и доказывали въ нихъ, что вѣрнымъ не грѣшно сражаться за отечество и исполнять общественныя должности.

Вообще, въ нашу эпоху, церковь католическая еще почти чужда была борьбы кальвинистовъ съ Аріанами, только архіепископъ Уханскій боролся съ Станкаромъ, да Николай Паць, Кіевскій епископъ, слѣдуя вдохновенію Ходкевича на писалъ: *Исповѣданіе католической вѣры* (Orthodoxa fidei confessio 1566) противъ аріанъ, но вскорѣ и самъ

онъ сбросилъ съ себя духовный санъ, женился и перешелъ въ протестанство.

Продолженіе религиозныхъ споровъ аріанъ ожидаетъ насъ въ эпохѣ Вазовъ, теперь будемъ говорить о другихъ религиозныхъ книгахъ этого исповѣданія.

Шимонъ Будный составилъ аріанскій *катехизисъ*, Станкаръ начерталъ исповѣданіе вѣры (*Summa confessionis fidei* 1570), Григорій Паули написалъ протонародный катехизисъ на латинскомъ языкѣ (1574).

Важнѣйшую отрасль Аріанской литературы составляютъ переводы Св. Писанія, о нихъ мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько пространнѣе.

По примѣру Николая Чернаго Радзивила, который поддерживалъ кальвинизмъ и нещадилъ издержекъ для изданія Брестской Библии, его слуга Матѳей Кавѣчинскій, староста Нѣсвѣжскій, послѣдователь аріанизма, виѣстѣ съ братьями своими Гекторомъ и Альбрехтомъ, основалъ бумажную фабрику, поддержалъ типографію Даніила Ленчицанина, и вызвалъ пасторовъ-Клецкаго и Нѣсвѣжскаго заняться переводомъ Библии, сообразно аріанскому образу мыслей, потому что Брестское ея изданіе считалось не вполне соответствующимъ цѣли. Пасторомъ Нѣсвѣжскимъ былъ Вавринецъ Бржишковскій, а Клецкимъ Шимонъ Будный, нѣкогда священникъ русскаго исповѣданія, потомъ кальвинскій пасторъ и наконецъ Аріанинъ, до того противный всякаго рода откровенію, на столько приближавшійся къ современнымъ чистымъ деиствамъ нѣмецкимъ, что сами же Аріане, хотѣли исключить его изъ своего круга за излишнюю свободу въ дѣлахъ вѣры. Такъ какъ Будный усерднѣе другихъ трудился надъ переводомъ, по этому и Библия, о которой мы теперь говоримъ, печатанная въ Нѣсвѣжѣ 1570 г. носитъ на себѣ названіе *Библии Нѣсвѣжской* или *Будною* вотъ ея титулъ:

*Библия, то есть книги Ветхаго и Новаго Завета, свои переведенныя на польскій языкъ съ еврейскаго, греческаго и латинскаго напечатана въ типографіи и изданіемъ г. Матвея Кавечинскаго, старосты Ньсвѣжскаго и Данила типографа изъ Ленчицы 1572 г.* (Biblia to jest Księgi starego i nowego przymierza znnowu z języka ebrajskiego, greckiego i łacinskiego na polski przełożone, drukowano w drukarni i nakładem Pana Macieja Kaweczyńskiego, Starasty Nieswieżskiego, przez Daniela Drukarza z Łęczycy 1572 r.)

Въ предисловіи, Будный объясняется, что переводъ этотъ онъ предпринялъ потому, что форматъ Брестской Библии, ея высокая цѣна, и ошибки въ переводѣ, сдѣлали ее недоступною и небезопасною для всеобщаго употребленія. Далѣе критически обзрѣваетъ прежніе переводы Библии, и находитъ, что Леопольтъ переводить съ латинской Вульгаты, переводчики Брестскіе, рѣдко справляясь съ еврейскими и греческими подлинниками, болѣе придерживались латинскихъ и французскихъ переводовъ. Будный съ точностію придерживаясь подлинниковъ, старается передавать мысль слово въ слово съ тою аккуратностію, что если гдѣ-нибудь, по свойствамъ языка еврейскаго, долженъ былъ переводить свободнѣе, тамъ на поляхъ вездѣ прибавляетъ буквальный переводъ. Отвергнувъ многія выраженія, употребленныя своими предшественниками, онъ долженъ былъ употреблять новыя, которыя удивительно, какъ хорошо ему удавались. Буднымъ созданы слѣдующія выраженія: *ofiarnik* (жрецъ) *saŭoralenie* (всесоженіе), *pauszynica* (сѣръги), *rozdział* (раздѣлъ), выраженія, которыя теперь приняты всѣми. Онъ старался избѣгать провинціализмовъ, но писалъ такъ, чтобы его удобно могли понимать обитатели всѣхъ областей польскихъ.

«Найдешь здѣсь, говорить онъ: слова велико-польскія, слова краковскія, мазовецкія, подлясскія, сендомірсскія и не мало русскіхъ. Глупо языкъ одной страны презирать, а языкъ другой превозносить до небесъ». Впрочемъ еврейскія имена Будный передавалъ такъ, какъ они были произносимы у Израильтянъ.

Но при всемъ томъ переводъ *Новаго Завета въ этой Библии* не весь составленъ рукою Шимона Буднаго, потому что онъ жалуется на то, что друзья его надѣлали въ немъ измѣненій, отъ которыхъ онъ долженъ отказаться. Свой безошибочный переводъ издалъ онъ въ 1574 г. подъ заглавіемъ:

*Новый Заветъ вновь переведенный, во многихъ мѣстахъ на извѣстныхъ основаніяхъ очищенъ отъ превеличеній Симономъ Буднымъ, и объясненъ краткими приписками на поляхъ* (Nowy Testament znowu przełożony, a na wielu miejscach za pewnymi dowodami od przysad, przez Simona Rudnego oczyszciony, i krótkimi przyriscami po krajach objaśniony).

Поднося свое произведеніе Яну Кишцѣ, не безъ весла говоритъ онъ пустился я въ море перевода. Окруженный текстами Библии еврейской, греческой, латинской и славянской, искусный въ языкъ польскомъ, Будный критически, точно и строго пересматриваетъ своихъ предшественниковъ, и выказываетъ при этомъ столько такта, столько знанія дѣла, что ему можно бы повѣрить. Но не такое было время, чтобы можно было довѣряться чьему-нибудь авторитету; охота критиковать и рыться въ Священныхъ книгахъ была слишкомъ привлекательна для того, чтобы можно было вдругъ ее оставить. *Мартинъ Чеховичъ*, ревностный соцініанецъ, который въ образѣ вѣрованій сходился съ Нѣмцескимъ, человекъ способный, но слишкомъ страстный для того,

чтобы ему можно было холодно углубляться въ предметъ, написалъ критику на прежнихъ переводчиковъ и составилъ собственный переводъ Новаго Завѣта.

*Новый Заветъ, то есть: всѣ писанія Новаго Завета строго и добросовѣстно переведенныя на польскій языкъ* (Nowy Testament, to jest wszystkie pisma nowego przynierza z Greckiego języka na rzecz Polska wiernie i szczerze przelożone), печаталъ Алексѣй Радецкій 1577 (въ Раковѣ); что касается буквальной передачи мысли, то переводъ этотъ менѣе аккуратенъ; это объясняется различіемъ другъ отъ друга языковъ латинскаго, греческаго и еврейскаго. Впрочемъ передѣлывая нѣкоторыя слова для примѣненія ихъ къ догматамъ своего исповѣданія, Чеховичъ слово *Ecclesia* замѣняетъ словомъ *зборъ*, *крещеніе* словомъ *погруженіе*, *Іоанна крестителя* называетъ *погружителемъ*. Въ наше время это послѣднее выраженіе, какъ удачно составленное, могло бы употребляться въ польскомъ языкѣ, но такъ какъ въ то время оно заключало въ себѣ догматъ Аріанъ, которые отвергали крещеніе младенцевъ, совѣтуя, по примѣру І. Христа, погружать въ воду крещенія людей уже взрослыхъ, — въ ту эпоху мы говорили католики насмѣхались надъ словомъ *погруженіе*, и Аріанъ стали называть *пугкамі* (родъ утокъ.)

Оканчивая исторію церковной литературы католиковъ и протестантовъ исчислимъ переводы Библии, о которыхъ мы упомянули въ нашемъ отчетѣ.

#### І. Католическіе.

- 1) Новый заветъ польскій Шарфенбергера 1556.
- 2) Библия Леополита 1561.

#### ІІ. Лютеранскіе.

- 3) Новый Заветъ Секлюціана 1554 г.

## III. Кальвинскіе.

4) Брестская или Радзивилловская Библия 1563 г.

5) Новый Заветъ, изданный въ Нѣсвѣжѣ, какъ перепечатокъ Брестской Библии.

## IV. Аріанскіе.

6) Библия Нѣсвѣжская или Шимона Буднаго 1572 года.

7) Новый Заветъ того же Буднаго 1574 года.

8) Новый Заветъ Чеховича 1577.

Въ эпоху Вазовъ мы дополнимъ этотъ перечень Библиями Вуйка и Смалціа (Smalciusza).

## е) Восточное исповѣданіе.

Объемъ настоящей книги не дозволяетъ намъ много распространяться о произведеніяхъ Восточной Церкви, которая имѣла много послѣдователей въ Литвѣ, Волыни и Украинѣ. Въ эпоху Вазовъ, говоря о Брестскомъ Соборѣ мы будемъ обязаны обширнѣе рассказать исторію этого вѣроисповѣданія, а здѣсь ограничимся однимъ исчисленіемъ важнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ нашей эпохи. Здѣсь первое мѣсто занимаютъ отрывочные и полные переводы Св. Писанія: *С. Францискъ Скорина*, Полочанинъ, первый перевелъ у насъ всю Библию на русскій языкъ и издалъ ее въ Прагѣ Богемской въ 1517—1519, подъ заглавіемъ: *Русская Библия написанная докторомъ медицины Францискомъ, сыномъ Скорининымъ, изъ славнаго града Полоцка, во хвалу Бога и людямъ въ поученіе*. Этотъ древній и драгоценный памятникъ уцѣлѣлъ едва въ нѣсколькихъ отрывкахъ. Еще древнѣйшимъ церковно-русскимъ памятникомъ служитъ Псалтирь, первое изъ славянскихъ изданій, напечатанное въ Краковѣ (1494), въ типографіи знаменитаго

Святополка Фіола, который долженъ былъ оправдываться въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ въ неправовѣрїи; второе изданіе Псалтири вышло тамъ же 1547. Иное опять и въ другомъ переводѣ по старанію Зиновія Зарецкаго вышло въ Вильнѣ изъ типографіи Луки и Кузьмы Мумоничей 1575. (Псалтирь яновъ напечатана). Нѣкто діаконъ Иванъ Ѳедоровъ, преслѣдуемый въ Москвѣ бѣжалъ въ Польшу подъ защиту Григорія Ходкѣвича, и основалъ въ Львовѣ типографію гдѣ и изданы были имъ въ 1574, *Дьяніе Апостоловъ*. Потомъ вмѣстѣ съ своею типографіею онъ перенесся въ имѣніе Ходкѣвичей, Заблудово, гдѣ въ 1568 году издалъ славянское Евангеліе на дни воскресныя и праздничныя (*книга называемая Евангеліемъ поучительнымъ, отъ всѣхъ четырехъ евангелистовъ собранное*). Въ 1580 году мы видимъ Ивана Ѳедорова при дворѣ князя Константина Васильевича Острогскаго, Кіевскаго воеводы, въ качествѣ начальника вновь устроенной въ Острогѣ типографіи, гдѣ онъ издаетъ *Новый Заветъ*. Вѣнцемъ церковно-русской литературы въ эпоху Ягеллоновъ служить полная *Библия*, извѣстная подъ именемъ *Острогской*, переведенная по повелѣнію Кіевскаго воеводы князя Константина Васильевича Острогскаго (1581), который съ трудомъ получивъ древне греческій списокъ библии отъ патріарха Іереміи, и созвавъ переводчиковъ, искусныхъ въ языкахъ греческомъ и славянскомъ, далъ имъ для перевода все Св. Писаніе. Этотъ переводъ былъ изданъ въ Острогской Типографіи подъ заглавіемъ: *Библия, сиречь книги Ветхаго и Новаго Завета на языкъ словянскомъ, отъ еврейска въ эллинскій языкъ, седми десятъ и двумя мною мудрыми предводчиками переведенная 1581.*

Для изученія вѣры служилъ *катехизисъ* Буднаго, изданный въ Нѣсвѣжѣ 1662, и другой, изданный въ Вильнѣ въ 1585 году.

На то, что мы сказали о церковной литературѣ исповѣданій лютеранскаго, швейцарскаго, аріанскаго и Церкви Восточной, должно смотрѣть болѣе, какъ на вступленіе къ той великой религіозной драмы, которая была разыграна при Сигизмундѣ III. Въ минуту, когда мы оканчиваемъ нашъ рассказъ для того, чтобы пополнить другія подробности картины, религіозные споры остаются въ Польшѣ въ самомъ разгарѣ, между собою борются отдѣльные умы, цѣлыя общества и провинціи. Все грозитъ взрывомъ, одни только Іезуиты, увѣренные въ самихъ себя, громко стоятъ за православіе римское, и въ тайнѣ кладутъ основанія своему будущему величію.

#### УШ. ЛИТЕРАТУРА ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

Сеймовое и судебное краснорѣчіе, — Законовѣдѣніе. — Военное искусство. — Географическія карты. — Геральдика. — Жизнеописанія отдѣльныхъ историческихъ лицъ.

Картину политической литературы въ Польшѣ мы должны открыть указаніемъ нѣсколькихъ ораторовъ дипломатическихъ, сеймовыхъ и судебныхъ; потому что при народо-представительномъ образѣ правленія древней Польши, сила слова, полная огромнаго значенія, имѣла предметомъ своимъ не пустыя декламации, ея задачей было трогать, убѣждать, словомъ дѣйствовать на народъ. Только въ Афинахъ, только въ Римѣ, только въ Польшѣ, только тамъ гдѣ есть народъ и форумъ могли явиться такіе ораторы, какъ Цицеронъ, Демосѣенъ, Олесницкій или Замоискій; краснорѣчіе, непочерпающее своихъ силъ изъ религіи, лишенное значенія политическаго, это ничего болѣе, какъ игра въ рето-



рическія фигуры. Въ эпохѣ Пастовъ мы не говорили о краснорѣчїи потому что не о чемъ было и говорить, тогда у насъ не было еще краснорѣчїя, не было животворныхъ началъ, которые бы его оживляли, не было споровъ, которые бы вызвали необходимость краснорѣчіемъ убѣждать умъ и дѣйствовать на сердца. Полякамъ, жившимъ подъ властію Пастовъ и Апостольскаго престола не о чемъ было разсуждать какъ въ дѣлахъ политики, такъ и въ дѣлахъ вѣры. Реформація вызвала у насъ церковныхъ ораторовъ, а представительный образъ правленія—ораторовъ политическихъ. Въ концѣ четырнадцатаго и въ началѣ пятнадцатаго вѣка, все у насъ стало предвѣщать оживленіе умовъ; отношенія внутреннія и внѣшнія, образуя латинскую рѣчь въ устахъ Поляковъ, образовали и латинское краснорѣчіе. Не въ стѣнахъ Академіи, не по образцамъ Аристотеля выработали силу слова, знаменитѣйшіе изъ нашихъ ораторовъ. Въ словахъ ихъ, чувство преобладаетъ надъ реторикою, что вытекаетъ изъ убѣжденія, что все, гнетущее сердце, истекающее изъ духа отечественныхъ потребностей, выразится въ словѣ краснорѣчивомъ безъ всякихъ правилъ, и выйдетъ рѣчь простая, не умѣющая дѣйствовать на страсти, но полная энергіи и силы.

Проидемъ рядъ знаменитѣйшихъ нашихъ политическихъ ораторовъ: архіепископы Бодзанта и Войцехъ Ястржембець, или непреклонный Збигневъ Олесницкій, должны были прекрасно и сильно дѣйствовать на Ягеллу и Витольда. Андрей Ласкаръ изъ Гославиць, посолъ Ягеллы на соборахъ, безстрашно и пламенно обращалъ свою рѣчь, къ папѣ, къ отцамъ собора, или даже къ императору. Двѣ извѣстныя его рѣчи, одна говоренная императору Сигизмунду, въ 1415 г., а другая Іоанну XXIII, въ которой онъ убѣждаетъ его отречься отъ папскаго престола, даютъ высокое понятіе о при-

родныхъ дарованіяхъ Ласкара. Можно ли искуснѣ видти изъ щекотливаго положенія, въ которомъ онъ находился совѣтуя папѣ оставить престолъ, какъ не выразившись такъ.... «Ты ли «святой отче, тотъ, который пришѣромъ высокаго смиренія «долженъ побороть ересь? Или намъ ожидать еще другаго?»

*Николай Лассоцкій*, бывшій нѣсколько разъ посломъ къ папѣ, любимый Ягеллоу и венгерскими вельможами и наименованный папою Николаемъ V Владиславскимъ епископомъ, прославился сильною, одушевленною рѣчью, говоренною тому же папѣ Николаю V, въ которой онъ отъ имени Венгрии убѣждаетъ папу подать сигналъ къ войнѣ съ Турками, войнѣ, которая освободитъ древнюю Грецію.

«Смотри, говоритъ онъ, св. отче! вотъ у ногъ твоихъ пресмыкается столько благородныхъ народовъ, которыхъ несчастіе сдѣлало рабами; смотри, какъ умоляютъ они, чтобы ты положилъ конецъ ихъ мученію, голоду, жадѣ и «утопленію. Неужели ты позволишь имъ отойти отъ тебя «въ безнадежномъ отчаяніи?»

*Викентій Котъ* архіепископъ Гнѣзненскій, вызывая Казимира Ягелло на престолъ Польши, не боится напомнить ему тѣ благодѣянія, которыя Поляки оказали дому Ягеллоновъ; не просить милости для народа, но требуетъ, чтобы онъ былъ признателенъ народу.

*Матвей изъ Бракова*, котораго король хотѣлъ видѣть Владиславскимъ епископомъ, а папа предназначалъ эту должность Лассоцкому, въ рѣчи своей къ папѣ въ 1470 году проситъ его не замѣщать епископскихъ кафедръ Польши людьми неугодными королю и рыцарству, потому что при занятіи ими мѣстъ въ государственномъ совѣтѣ, сколько возникнетъ несогласій, бѣдъ для отечества, соблазновъ для народа, и радости для враговъ христіанства.

И вообще жадное къ присвоеніямъ, правленіе Казимира Ягелло вызвало оппозицію со стороны нѣкоторыхъ отважныхъ ораторовъ, между которыми отличались: *Збигневъ Олесницкій* и *Янъ Рытевианъ Ястржембецъ*. Первый нѣсколько разъ являлся защитникомъ привилегій народа. Длугошъ, пересказавъ одну изъ рѣчей Олесницкаго, произнесенную имъ въ Корчинѣ въ 1461 году, прибавляетъ, что Казимиръ выслушавъ ее, сказалъ: «Никогда не надѣялся услышать отъ тебя столь полную рѣчь». Вообще же слогъ Олесницкаго рѣзокъ и поразителенъ. Разъ только, и то по просьбѣ короля, Олесницкій кротко говорилъ литовскимъ посламъ. Длугошъ пишетъ: «Отвѣтъ кардинала Збигнева «не былъ по обыкновенію острымъ, но напротивъ скромный, «тихий и мирный. Король просилъ его, чтобы онъ измѣнилъ «на этотъ разъ обычную суровость своего слога».

*Янъ изъ Рытевианъ* будучи краковскимъ посломъ на Петровскомъ сеймѣ, грозно увѣщевалъ Казимира Ягелло, и не боялся сказать въ глаза королю, что онъ виною всѣхъ бѣдствій Польши. Король долженъ былъ терпѣливо выслушать упреки, но въ послѣдствіи онъ приласкалъ своего грознаго противника, сдѣлавъ его краковскимъ кастелланомъ.

Въ правленіе Яна Альбрехта славились своимъ краснорѣчіемъ *Збигневъ Олесницкій* (младшій) коронный подканцлеръ, и Николай Розенбергеръ посолъ Сигизмунда стараго къ императору Максимилиану. Въ эпоху достопамятнаго похода въ Валлахію, называемаго *Войною Кокоша*, своею оппозиціею трону прославились Дембинскій, Ташицкій и Гомолинскій, а Петръ Конита успокоеніемъ взволнованныхъ умовъ. Дантышекъ, Кржыцкій, Томицкій, Андрей Тенчинскій, Андрей Горка прославили своими ораторскими талантами царствованіе стараго Ягеллона. О канцлерѣ Янѣ Осѣкомъ Оржеховскій такъ говоритъ:

«Что мы скажемъ здѣсь о коронномъ канцлерѣ Янѣ Осѣцкомъ? развѣ по своему росту, жестамъ и языку, онъ не «рожденъ къ тому великому краснорѣчію, которое такъ «превозноситъ Гомеръ въ своемъ Улиссѣ, который когда «начинаетъ говорить съ королемъ, сначала стоитъ какъ «вкопанный и смотритъ въ землю, потомъ поднимаетъ «взоръ, не подаваясь ни направо ни налево, не забавляетъ «ся ни рукою ни ногою и бороды не потягиваетъ. Когда же «начнетъ говорить, слова текутъ изъ его усть подобно тому «неудержимому потоку, который поднимается весною и низвергаетъ заборы, скотъ, колоды, дома и валежники, все «что ни попадается онъ несетъ съ собою въ море; я не «хочу вѣрить тому, чтобы какой-нибудь король во всемъ «христіанскомъ мірѣ имѣлъ канцлера умнѣе и краснорѣчивѣе нашего».

Оржеховскій, который оставилъ намъ эти извѣстія объ Осѣцкомъ самъ занимаетъ прекрасное мѣсто въ ряду нашихъ ораторовъ. Его громоносныя рѣчи противъ Турокъ сравниваютъ съ филиппиками Демосѣена.

Царствованіе Сигизмунда Августа обиловало великими ораторами. Кто не помнитъ краснорѣчивыхъ рѣчей Кмиты и Петра Боратынскаго, въ памятную эпоху раздоровъ сената съ королемъ за Варвару Радзивилъ. Боратынскій выставляетъ юному королю приѣръ его отца, проситъ, чтобы въ поступкахъ своихъ онъ подражалъ добродѣтелямъ предковъ спрашиваетъ его, чтобы сказалъ старикъ отецъ, видя бракъ королевскаго сына съ подданною, напоминаетъ королевскія вѣтвы, не заключать супружескихъ связей безъ воли Сената, и умоляетъ, чтобы король не начиналъ своего царствованія пренебреженіемъ народныхъ правъ. Боратынскій преклонилъ предъ королемъ колѣна и заклиналъ: «чтобы «онъ не называлъ бракомъ того, что не есть бракъ, что на-

«что было безъ Бога (?) безъ вѣдома Сената, что было основано не на камиѣ, но на пескѣ и слабости. Отвѣты трона чрезъ Яна Тарловскаго и Самуила Мацесовскаго искусны и исполнены достоинства. Самъ Сигизмундъ Августъ, оставшая святость брака изрекъ прекрасныя, убѣдительныя слова:

«Что случилось, того переѣнить уже невозможно: а вамъ «приличнѣе просить меня не о томъ, чтобы я нарушилъ «клятву данную моей женѣ, но о томъ, чтобы я хранилъ «жену каждаго человѣка въ мирѣ. Я клялся моей женѣ, и «не оставлю ея, пока Богу угодно будетъ сохранить меня въ «живыхъ: а мое слово мнѣ дороже всѣхъ царствъ міра.»

Лука Горницкій написалъ для насъ любопытную тяжбу двухъ польскихъ юристовъ по гласному дѣлу Беаты княжны Острогской и ея почери Гальшки съ Дмитріемъ Сангушкою о наѣздѣ его на Острогскій замокъ, и насильственномъ похищеніи княжны.

Въ Кнышинѣ, въ королевскомъ замкѣ, дѣло было представлено Сигизмунду Августу. Отъ имени Беаты и Гальшки Острогскихъ говорилъ *Станиславъ Чариковскій*.

Ораторъ прежде всего оправдываетъ себя въ томъ, что приходитъ жаловаться на сильнаго Дмитрія; но такъ какъ насиліе, причиненное польской гражданкѣ есть оскорбленіе права, верховной власти короля и цѣлаго народа, поэтому совѣсть виѣняетъ оратору въ обязанность выступить съ обвиненіемъ. Онъ лучше желалъ бы защищать угнетенныхъ, нежели нападать на виновника, и въ настоящемъ дѣлѣ онъ почитаетъ себя не обвинителемъ, но защитникомъ отечественныхъ законовъ, невинности и чести женъ. Чариковскій сомнѣвается, найдется ли какой-нибудь добродѣтельный человѣкъ, который бы взялся защищать дѣло Сангушки; скромнымъ молчаніемъ проходить преступленія Дмитрія, не относящіяся къ дѣлу, и воспоминаетъ свѣжія еще въ

памяти заслуги отечеству отца Гальшки Илія Острогскаго, который своей единородной дочери далъ воспитаніе достойное княжескаго рода, а умирая говорилъ ей: «Любезная дочь, «вмѣсто меня роднаго твоего отца Богомъ даннаго, ты будешь имѣть отцомъ Е. К. Величество.» Княгиня Беата Острогская изъ рода Косьцьльскихъ, мать осиротѣвшей Гальшки, не спѣшила отдавать дочь свою замужъ, въ полной надеждѣ, что король отечески подумаетъ о ея будущности. Такимъ образомъ, напомнивъ Сигизмунду Августу, что онъ опекунъ той, дѣло которой предлежитъ его рѣшенію, ораторъ рассказываетъ, какъ Дмитрій Сангушко добивался руки Гальшки, но принятой равнодушно, онъ навязался гостемъ въ Острогъ, и снискавъ къ себѣ дружбу дяди Гальшки, Василія Острогскаго, съ войскомъ напалъ на замокъ, разграбилъ его, и повторилъ свое объясненіе испуганной княжнѣ. Доблестная дѣвица отвергла его, но слова не пособили дѣлу, призванный священникъ, насильно былъ принужденъ совершить обрядъ вѣчанія съ безчувственною Гальшкою.

Одушевлившись, ораторъ обращается къ Василю Острогскому, осуждая его за противоестественное согласіе на похищеніе дочери своего роднаго брата съ тѣмъ, чтобы овладѣть ея имуществомъ. Но такъ какъ дѣло съ дядею не здѣсь должно быть разсмотрѣно, то ораторъ снова обращается къ главному виновнику Сангушкѣ и спрашиваетъ, «для того ли Дмитрій бралъ жалованье и былъ мнимымъ защитникомъ пограничныхъ жителей, чтобы самому совершить безчеловѣчіе, хуже всякаго язычника надъ тѣми, кого бы онъ долженъ былъ защищать?» Далѣе онъ говоритъ: «неужели города и замки Волыни служатъ недостаточною защитою противъ своеволія Дмитрія, неужели ему можно «собрать войска, овладѣвать замками, тиранить людей, обезчещивать дѣвъ и присвоивать себѣ чужія помѣстья,

забывая что въ Польшѣ есть король и право? или это позволено ему ради его воинскихъ заслугъ? Но неужели онъ выше Константина Острогскаго, Остаѳія Свѣрчова и Претѣнца? Храбръ онъ *въ Луцкѣ и Кремленѣ*, гдѣ съ своими козаками свирѣпствуетъ надъ беззащитнымъ народомъ, но когда дѣло доходитъ до похода противъ Татаръ, то онъ такъ долго готовится къ нему, до тѣхъ поръ мѣшкаетъ, пока они не уйдутъ съ добычею. Тогда уже онъ гонится въ слѣдъ за ними, покупаетъ Татарскую добычу у низовыхъ козаковъ и хвастаетъ ею». Тутъ ораторъ обращается къ присутствующей шляхтѣ: «Кто изъ васъ господа, имѣетъ брата, сына или племянниковъ? отдай его на обученіе князю Димитрію, и вскорѣ онъ будетъ знать все то, что знаетъ самъ князь». Далѣе заклинаетъ короля безопасностію домашняго крова явить свое правосудіе на Димитрія, и оканчиваетъ смѣлымъ, но справедливымъ замѣчаніемъ королю, что ему такъ надлежитъ разсудить это беззаконіе, чтобы и настоящіе и будущіе вѣка не могли дурно судить о судѣ королевскомъ.

Но преступникъ, если онъ богатъ вездѣ найдетъ себѣ защитника. Послѣ рѣчи Чарниковскаго выступилъ *Одаховскій*, родомъ Литовецъ, съ защительною рѣчью въ пользу Сангушки. Тотъ прежде всего упрекнулъ своего товарища въ томъ, что онъ вмѣсто простаго разсказа дѣла, старался составить декламацию, что для униженія благоразумія судьи, учитъ короля его обязанностямъ и одною отдастъ справедливость талантамъ Чарниковскаго. Если бы судья былъ менѣе уменъ, то дѣло Сангушки непременно было бы програно. Но ораторъ не сомнѣвается, что Сигизмундъ Августъ замѣтилъ уже слабую сторону въ обвиненіяхъ княжны, потому что защитникъ ея даже не предполагая, чтобы кто нибудь взялся защищать Димитрія Сангушку, заблаговременно осудивши его на позоръ и смерть, похищаетъ его доб-

лестныя дѣянія, несомнѣнныя и извѣстныя всему народу. Доказываетъ упрямство княгини Острогской, по причинѣ которой князь Димитрій не осмѣлился лично предстать на судъ, потому что вооруженныя партіи княгини ожидаютъ его на пути. Князю Димитрію не дорога жизнь, но онъ не хочетъ умирать до тѣхъ поръ, пока честь его будетъ обременена позорнымъ обвиненіемъ; но ораторъ надѣется доказать, что «князь Димитрій не могъ сдѣлать насилія, что онъ «его не сдѣлалъ, что въ Острогѣ не было ни битвы, ни грабежа. Если говорить онъ — кто хочетъ сдѣлать другому насиліе, нужно чтобы онъ былъ сильнѣе того, кому хотѣть причинить насиліе. Димитрій ѣхалъ къ княгинѣ Острогской только съ тридцатью лошадьми, безъ пушекъ, ружей, мушкетовъ и копій; ѣхалъ такъ, какъ гость, какъ собесѣдъ, какъ пріятель.» Съ нимъ вмѣстѣ ѣхалъ и Василій Острогскій съ пятьдесятью лошадьми только, хотя въ Острогѣ кромѣ княжескаго двора, всегда есть гарнизонъ состоящій болѣе, чѣмъ изъ тысячи человекъ. И такъ не могло быть насилія, припревосходныхъ силахъ непріятеля. Князь Димитрій не сдѣлалъ насилія, потому что жену отдалъ ему священникъ и дядя, при ея добровольномъ согласіи. Такъ какъ ораторъ доказалъ два положенія, что Сангушко не сдѣлалъ насилія и немогъ сдѣлать—ему остается еще доказать, что въ Острогѣ не было ни убійства ни грабительства. Князь Димитрій на свое искательство руки Гальшки письменно получилъ благосклонный отвѣтъ, но когда узналъ, что княгиня Беата хочетъ измѣнить своему обѣщанію, отправился съ княземъ Василюмъ просить княгиню быть вѣрною своему слову. Прибывшій гость замѣтилъ ея нерасположеніе, и хотѣлъ уже отстать отъ своего намѣренія, но князь Василій, побуждаемый заботливостію о судьбѣ своей племянницы и желаніемъ сдержать слово, сталъ доказывать княгинѣ необхо-



димость ея согласія на союзъ дочери съ Димитріемъ. Убѣжденія не помогли, и князь Василій будучи принужденъ прибѣгнуть къ правамъ дяди, приказалъ совершить бракъ, который какъ заключенный законно, долженъ остаться во всей своей силѣ. Если княгиня Беата хлопочетъ о городахъ, селахъ и хуторахъ, то пускай она ихъ оставитъ себѣ, а Димитрію оставитъ жену. Или союзъ этотъ кажется ей унижительною для роду Острогскихъ? кто выше Димитрія происхожденіемъ, и доблестями? Кто чаще грошилъ Татаръ? Не въ Луцкѣ, не въ Бреславлѣ Димитрій поймалъ Татарина Булкулая, — не на пиру онъ отбилъ у Татаръ двадцать семействъ шляхетскихъ. Одаховскій распространяется въ исчисленіи прекрасныхъ качествъ Сангушки, показываетъ королю, что губить можно только при очевидныхъ доказательствахъ, и проситъ, чтобы его не разлучали съ супругою. Наконецъ призываетъ короля въ посредники и проситъ чтобы онъ примирилъ Димитрія съ княгинею Беатою, какъ матерью. Ораторъ признаетъ всю небезопасность своего положенія, — противъ него плачущая мать и ученый юристъ, но за нимъ доброта, мудрость и королевское правосудіе. Одаховскій еще разъ напоминаетъ воинскія заслуги Димитрія, проситъ короля о рѣшеніи для него благопріятномъ, обѣщаетъ вѣрную службу Димитрія, королю и отечеству.

Но правда восторжествовала, Димитрій былъ приговоренъ къ потерѣ чести и своей плѣнницы (rojmania).

Горницкій, который записалъ эти рѣчи, должно быть ихъ слышалъ, и записалъ по своему. Но какъ бы то ни было, рѣчь Чарниковскаго, какъ мы читаемъ ее въ исторіи Горницкаго, принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ памятникамъ краснорѣчія.

Юридическая литература и законовѣдѣніе въ Польшѣ, въ продолженіи нашего сочиненія три уже раза было предме-

томъ нашего вниманія: разъ во вступленіи, гдѣ мы изображали исторію развитія польской свободы; во второй разъ, когда мы говорили о канонистахъ Краковской Академіи, и въ третій разъ сейчасъ недавно, когда мы говорили о писателяхъ легкихъ, общенародныхъ сочиненій. Что касается канонистовъ, авторовъ легкихъ политическихъ произведеній, то о нихъ намъ нечего прибавлять. Что же касается тѣхъ писателей, которыхъ труды чисто-юридическіе прямо или косвенно имѣли вліяніе на движеніе и физіономію Польши, то о нихъ повторимъ то, что уже сказано нами выше и дополнимъ эти свѣдѣнія.

*Станиславъ* изъ Войцешина, объяснилъ *Вислицкій Статутъ* и *Уставы Ягелло* (1449 и 1450 г.). *Статутъ Мазовецкій* нашелъ себѣ истолкователя въ *Матвѣ изъ Рожана*. Около того же времени *Янъ Остророгъ*, мужъ ума просвѣщеннаго, написалъ *Замѣчанія о главныхъ сеймахъ королевства* (*Monumentum pro comitiis generalibus* 1459 г.). Остророгъ, современникъ борьбы Казимира Ягелло съ привилегіями народа, смотрѣвшій на ихъ перевѣсъ, видѣлъ источникъ и причину зла. Подавая вѣрныя замѣчанія о томъ, какъ избѣжать его, жалуюсь на множество и разнообразіе уставовъ Польши, Остророгъ совѣтуетъ собрать ихъ, и привести къ единству, не творить суда по благоусмотрѣнію одного лица, но по точному смыслу закона. Впрочемъ Остророгъ былъ приверженцемъ Римскаго права. *Янъ Ласкій*, названный на Радомскомъ сеймѣ (1505 года) редакторомъ и составителемъ законовъ писанныхъ и неписанныхъ; неискуснымъ исполненіемъ своего труда лишился права на санкцію сейма. Власть папъ и императоровъ нѣмецкихъ онъ ставилъ выше закона, настаивалъ на исключеніе изъ общества лицъ, находящихся подъ клятвою, воинамъ, отправляющимся въ походъ позволяетъ силою

брать кормъ для скота и продовольствiя; все это не могъ приобрести ему популярности у народа, выходившаго уже изъ оковъ власти. *Станиславъ Заборовскiй, писавшiй о природѣ права, (de natura juris)* главнымъ образомъ настаиваетъ на необходимость отнять казенныя имуществы у лицъ, получившихъ ихъ отъ неосмотрительной щедрости короля Александра.

Сигизмундъ I задумалъ о законѣ общемъ для всѣхъ классовъ и народовъ, подчиненныхъ его скипетру. Поэтъ Яницкiй, знавшiй эту мысль короля, приготовлялъ умы къ принятiю этого закона, и поэтому въ одномъ изъ своихъ произведенiй онъ такъ говоритъ королю:

«Prawa nasze—któremiś uświetnił tę strone,  
 «Bógdajby wiecznie kwitły nigdy niegwałcone,  
 «Bógdajby długo służyły naszej potrzebie,  
 «I długo z tobą, kwitły, jak kwitną przez Ciebie  
 «Jak wyrastają przez cię by zbawienne ziarno,  
 «Niech prędko całą Polskę gałęziami ogarną,  
 «Rusinów, ziemie Pruską, Mazowieckich ludzi,  
 «Niech krzewią się w twojej Litwie i na twojej Żmudzi  
 «Tyle rozlicznych będą posiadasz w twojej mocy,  
 «Aż po ostatnie krańce zaskrzepłej północy;  
 «Niech wszystkie będą obce sprzeczkom, razterce.  
 «I niech dobrym twym prawom chętnie dadzą serce <sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Пусть наши законы, которыми ты украсилъ эту страну, никогда не измѣнятся, не будутъ нарушаемы и всегда останутся полезными для насъ. Пусть они процвѣтаютъ при тебѣ и все болѣе и болѣе разрастаются, принесутъ спасительное сѣмя, которое разсѣется по всей Польшѣ и у Русскихъ и въ землѣ Прусской и Мазовецкой—въ твоей Литвѣ и Жмудѣ. Владѣнiя твои доходятъ даже до послѣднихъ предѣловъ лѣдстаго сѣвера, и всѣ подвластныя тебѣ народы, руководствуясь твоими мудрыми законами, будутъ чужды всякихъ ссоръ и несогласiй.

Съ этою цѣлію Сигизмундъ I собравъ ученыхъ законовѣдовъ Николая Ташицаго, Бернарда Мацеіовскаго, Георгія Мышковскаго, Бенедикта Избѣнскаго, Войцеха Поличку, Николая Качановскаго предложилъ имъ составить законодательный сборникъ, подъ заглавіемъ: *Statuta inclyti Regni Poloniae* (1532 г.). Книга эта раздѣляется на пять главъ; изъ нихъ первая говоритъ о законахъ и обычаяхъ королевства, вторая о судебномъ дѣлопроизводствѣ, третья о правахъ лицъ и имуществахъ, четвертая содержитъ уголовное право, пятая формуляры <sup>1</sup> судебныхъ и должностныхъ дѣйствій. Или этотъ трудъ былъ неудовлетворительно выполненъ, или польскіе магнаты, привыкшіе къ самоуправству, не желали видѣть прочности и однообразія въ постановленіяхъ отечества, неизвѣстно, но дѣло въ томъ, что сеймъ 1534 года отвергъ этотъ Статутъ, а Петръ Кмита скупалъ и уничтожалъ экземпляры, вошедшіе уже въ употребленіе.

Еще и прежде въ 1527 году Матвей Сливницкій по повелѣнію и подъ руководствомъ Сигизмунда, приготовилъ хорошо составленную книгу городского права, въ которой онъ старается соединить уставы магдебургскіе съ мѣстными постановленіями, но и это не понравилось народу, напротивъ шляхетская гордость даже во все исключила мѣщанъ изъ народнаго представительства. Словомъ, въ царствованіе Сигизмунда страсти еще были слишкомъ сильны, а юная еще выработывавшаяся свобода народа не позволяла описать себя благоустроенному законодательству.

Въ слѣдующее царствованіе Яковъ Пржмыусскій рѣшился списать отечественные уставы, что и было имъ исполнено подъ заглавіемъ *Leges seu statuta ac privilegia Regni*

<sup>1</sup> Формуляръ, книга содержащая обряды и порядки.

*Poloniae.* Сигизмундъ Августъ позволилъ ему издать это произведеніе и оно было напечатано въ тип. вдовы Іеронимъ Вѣтора 1553 г. Авторъ при составленіи своего свода придерживаясь системы римскихъ законовъ, обѣщаль примирить часто противорѣчащія другъ другу постановленія письменныя и неписьменныя, но какъ ревностный диссидентъ, по собственному произволу, онъ внесъ сюда законы въ пользу свободы совѣсти, и къ униженію духовенства, стоявшаго у кормила правленія Польши. Сеймъ неутвердилъ сборника Пржмылускаго, а власть духовная приказала забрать и уничтожить большую часть экземпляровъ. Послѣ Пржмылускаго *Янъ Гербуртъ изъ Фултына*, слѣдуя внушенію канцлера Яна Оцѣскаго, расположилъ отечественныя законы въ ихъ алфавитномъ порядкѣ на языкѣ латинскомъ, а потомъ издалъ ихъ и попольски, потому что въ 1550 году велѣно всѣмъ законамъ писать на языкѣ народномъ. Сочиненіе Гербурта также не было утверждено сеймомъ, но за недостаткомъ другихъ руководствъ оно по необходимости было принято польскими юристами, которые неоднократно на него ссылались.

Вареоламей Гроицкій трудился надъ приведеніемъ въ порядокъ и объясненіемъ городского права. Шестъ сочиненій, которые онъ оставилъ по этому предмету доказываютъ ясно, что онъ изучилъ Магдебургское право и отличалъ постановленія нѣмецкія отъ отечественныхъ. *Павелъ Щербица*, начерталъ Магдебургское право подъ заглавіемъ *Speculum Saxonum* (1584 г.). Этотъ переводъ права изъ Нѣмцевскаго, сдѣланъ искусно и удачно примененъ къ мѣстнымъ потребностямъ. Книга Щербица приобрѣла юридическое значеніе. Между прочимъ мы припоминаемъ то, что читано нами въ привилегіяхъ города Нѣсвѣжа, гдѣ Стефанъ Баторій, утверждая за нимъ нѣмецкое право, ясно

указываетъ на сочиненіе Щербица, какъ на перечень Магдебургскаго права. *Николай Яскеръ* также собиралъ муниципальные постановленія (1535 г.)

Вотъ и все о законахъ и юристахъ Польши. Что касается Литвы, то Казиміръ Ягелло около 1480 года даровалъ ей *Судебникъ*, который удовлетворилъ главнѣйшимъ юридическимъ потребностямъ края. Вообще, по дѣлу составленія Литовскаго Статута менѣе было хлопотъ, чѣмъ съ законодательствомъ Польши. Литовецъ, новопривзванный къ республиканскимъ формамъ правленія, съ благодарностію принималъ все, что ни начертывало самовластіе короля и феодализмъ вельможъ.

*Янъ Гаитольдъ* канцлеръ Литовскій, по волѣ Сигизмунда I составилъ порусски для Литвы законодательный сборникъ, названный *Статутомъ* (1529 г.) Черезъ нѣсколько лѣтъ, т. е. 1564 г. сочиненіе это было пополнено, а въ 1588 году уже за предѣлами нашей эпохи оно было окончательно приведено въ порядокъ, переложено на польскій языкъ, и данное Литвѣ голосомъ сейма, сохранилъ свою силу до нашихъ временъ.

Петръ Горыньскій составилъ Мазовецкій Статутъ (1541 г.), Станиславъ Карнковскій собралъ провинціальныя законы земель и городовъ прусскихъ. (*De jure provinciali territorii majorumque civitatum Prussiae Cracov* 1574 г.). Христофоръ Нишыцкій списалъ простонародное (bartne) право 1539 и т. д.

Сдѣлаемъ здѣсь намекъ на нѣсколько сочиненій, предметомъ которыхъ было военное искусство. Предки наши знали немного стратегическихъ правилъ. Благочестивый, мужественный, одѣтый желѣзною бронею, не всегда вѣрившій въ строгость военной дисциплины, привыкшій къ трудамъ, неразлучный съ неустрашимымъ подобно ему конемъ,

Полякъ во имя Божіе, безъ большихъ познаній воинскихъ одерживалъ побѣды, подобныя Гринвальдской или Обертынской, совершалъ походы подобныя Баторіевскимъ на Москву и Ливондію, укрѣплялъ замки такъ, какъ научала его прѣстая потребность, и не имѣлъ недостатка въ плѣнникахъ татарскихъ для насыпки высокихъ валовъ, для переноски каменной на стѣны.

*Альбрехтъ, принцъ Прусскій*, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ просвѣщенной Европою, лучше быть можетъ знакомый съ военною теоріей, чѣмъ практикой, написалъ на нѣмецкомъ языкѣ: *О порядкѣ войны или искусство вести войну* (von der Kriegs Ordnung oder der Kunst Krieg zu führen 1555) и поднесъ свое сочиненіе Сигизмунду Августу. Книга эта была переведена Матвеемъ Струбичемъ.

*Янъ Тарновскій*, побѣдитель Валаховъ подъ Обертыномъ, написалъ: *Уставы земскаго права съ прибавленіемъ о защитѣ королевства, о дѣлахъ и обязанностяхъ военныхъ чиновъ* (Ustawy prawa ziemskiego z przydatkiem o obronie koronnéj, o sprawie i powinności urzędniów wojennych 1579).

Сборникъ этотъ важный по отношенію къ воинскимъ уставамъ, дышетъ дисциплиною, какую великій гетманъ хотѣлъ завести въ войскѣ. *Станиславъ Сарницкій* написалъ *Гетманскія книги*, до сихъ поръ еще неизданныя. Мы упоминали уже о трехъ брошюрахъ Папроцкаго: *Король, Сенаторъ и Гетманъ*, но они не имѣютъ большихъ достоинствъ по отношенію къ стратегикѣ. *Яковъ Цялехскій* перевелъ четыре книги Юлія Фронтына: *О военной хитрости* и т. д. (O fortelach wojennych).

За войскомъ, которое находилось подъ начальствомъ Баторія и Замойскаго, слѣдовали лагерныя типографіи; одна

изъ нихъ извѣстна подъ фирмою Валентія Лапчинскаго. «Изъ этихъ типографій, пишетъ Юшинскій, выходили реляціи подъ заглавіемъ *Эдикты*; у меня есть такой одинъ на польскомъ языкѣ, писанный подъ замкомъ Великими Луками 6 сентября 1580 г., а другой изъ Полоцкаго замка 1579 г. на латинскомъ языкѣ. Это прекрасные памятники событій отечественной исторіи. Почти можно сказать, что это образцы нынѣшнихъ военныхъ предписаній и донесеній. Они обнаруживаютъ всё военныя движенія, ходъ дѣла, добычу, потери, славу отличающихся, донесенія о побѣдахъ и всегда оканчиваются повелѣніемъ пѣть *Te Deum*».

Въ отдѣленіи о легкой литературѣ мы исчислили описанія Польши въ отношеніи географическомъ. Для пополненія того, что уже сказано нами, исчислимъ еще *географическіе чертежи и карты въ Польшу*. Въ доказательство того, что географическія карты еще въ 1488 году были извѣстны въ Краковѣ, приводятъ слѣдующія слова Яна Урсина. «Космографы могутъ помѣстить широкую и обитаемую землю на малыхъ табличкахъ.» Урсинъ должно быть видѣлъ одну изъ картъ европейской Сармаціи, которыя дѣлались за границею по описанію Птолемея. Въ этомъ отношеніи извѣстны намъ труды Марка Беневертано, Бернарда Смывано, Герарда Меркатора и т. д. Чисто польскую карту Флоріанъ Унгерль издалъ первый въ 1528 г.; другимъ трудомъ въ этомъ родѣ считается атласъ *Вацлава Гродецкаго* 1558 г., изданный въ Базлѣ у Яна Опорина и посвященный Сигизмунду Августу. Карта Гродецкаго пользовалась громкою извѣстностію и была нѣсколько разъ перерисована. *Андрей Поморльскій* 1563 г. составилъ карту княжествъ Освѣцимскаго и Заторскаго, а въ 1569 и всей Польши. *Тома Маковскій* по порученію Николая Христофора Радзивилла выгравировалъ въ Нѣсвѣжѣ карту Литвы съ прило-



меніемъ теченія рѣки Днѣпра; такую же карту издалъ *Матсей Струбычъ*, переводчикъ книги Албрехта о военной службѣ. Янъ Сининскій начерталъ три украинскіе пути: Кучманскій, Черный и Валахскій, которыми обыкновенно Татары вторгались въ Польшу; въ другой своей картѣ подъ заглавіемъ: *Tabula chorografica Sarmatarum* (1588) онъ съ точностію обозначилъ важнѣйшія урочища, направленіе рѣкъ, положеніе портовыхъ городовъ, дорогъ и границъ. Свящ. *Басперъ Ганнебергеръ* по старанію и иждивенію князя Албрехта Фридриха, издалъ карту королевской Пруссіи, а въ 1576, издалъ такую же карту но съ меньшими подробностями *Геррихъ А. М.* При Сигизмундѣ Августѣ былъ снятъ планъ любимаго королемъ города Вильны.

Стефанъ Баторій, нуждаясь въ географическихъ картахъ для своихъ походовъ, призывалъ географовъ для начертанія ихъ; такъ: *Станиславъ Похоловицкій*, извѣстный каллиграфъ, который умѣлъ писать на тридцать ладовъ, въ 1579 году чертилъ планъ Полоцка съ замкомъ и округомъ, и быть можетъ за этотъ трудъ получилъ шляхетство въ 1581 г. *Маркъ Бенвенцано* и Янъ Ротта составили первую карту Ливоніи; читая *вторженіе въ Москву*—стихотвореніе Бюхановскаго, мы должны сознаться, что поэтъ имѣлъ подъ рукою вѣрно составленный планъ военныхъ дѣйствій; такъ точно, съ такою подробностію исчисляетъ онъ каждую деревушку, рѣку, потокъ, церковь, словомъ все то, что встрѣчалось на побѣдномъ пути воинства Радзивиллова.

Въ политической литературѣ нужно также причислить геральдику и гербовники. Въ Польшѣ гдѣ шляхетскій элементъ развился такъ сильно, гдѣ путемъ воинскихъ заслугъ со дня на день увеличивалось число дворянъ, не было еще оффиціальныхъ шляхетскихъ гербовниковъ, потому что они должны были бы подвергаться ежедневнымъ измѣнені-

нѣтъ. Впрочемъ, кромѣ дѣйствительно выслуженнаго дворянства, шляхетство въ Польшѣ было дѣломъ слишкомъ привлекательнымъ для того, чтобы тотъ, кто не имѣлъ его, не покусился при случаѣ присвоить себѣ гербъ и сочинить родословную. Литва, взявшая себѣ въ примѣръ Польшу, начала стыдиться того, что она помнитъ только времена своего Гедимина и Ольгерда, тогда какъ о Полякахъ писалъ Кандубекъ, что они воевали съ Александромъ, что они происходятъ отъ Попела, а Попель отъ Нумы Помпилія. Поэтому и Литовцы создали у себя какихъ-то римскихъ эмигрантовъ Цорширунговъ и Болшминовъ, создали имъ гербы, и серьезно признали ихъ своими прародителями. Если такъ поступали цѣлыя страны, то нѣтъ ничего удивительнаго, что частные роды выдумывали себѣ небывалыхъ праотцевъ, и потому сердились на геральдика, если онъ не помѣщалъ ихъ въ своемъ сочиненіи. Трудно было поэтому призваніе геральдика. Трудиться безъ всякой помощи надъ открытіемъ правды, для прославленія истинныхъ заслугъ, неудовлетворить глупой шляхетской гордости, опустить что-нибудь изъ подробностей по прямой причинѣ, — недостатокъ матеріаловъ, подвергать себя упрекамъ негодованія, а свое сочиненіе вырванію карточекъ, на которыхъ они оскорбили какойнибудь домъ, предавать его въ жертву новыхъ дополненій не всегда дѣльныхъ, вотъ какова была ихъ участь! Историческую истину они не разъ должны были измѣнять на подлую лесть, но и это не всегда ихъ защищало отъ преслѣдованій.

Первымъ геральдическимъ сочиненіемъ было произведеніе Длугоша: *О родахъ Польской шляхты* (de familiis nobilitatis Polonicae); о немъ упоминаетъ еще Мѣховита, но Нѣсецкій нигдѣ уже не могъ достать его; значитъ оно было истреблено по тѣмъ именно причинамъ, о которыхъ мы го-

ворили. Другое его сочиненіе: *Описаніе всѣхъ гербовъ или драгоцѣнныхъ камней Польской шляхты* (*Omnium armorum sive clenodium Polonicae gentis descriptio*), вновь отыскано во Львовѣ. *Янъ Писторій* (*Pistorius*) писалъ генеалогію тринадцати перемѣнъ и фамилій, которые господствовали въ Польшѣ (*Tredecim Regni Poloniae mutationes et familiarum quae regnum tenuerunt, genealogica explicationes*) и вмѣстѣ съ тѣмъ родословную князей Силезскихъ, Мазовецкихъ и Литовскихъ. *Йоахимъ Посселій* (*Posseliusz*) писалъ о гербахъ Прусскаго дворянства (*Insignia familiarum vel origine vel indigenatu Prussicarum*), но знаменитѣйшимъ дѣятелемъ на полѣ геральдики былъ *Бартошъ изъ Глоюли Папроцкій* (род. 1540—1613), который съ неутомимою ревностію ѣздилъ изъ одного дома въ другой, по монастырямъ и приходамъ, почерпалъ свѣдѣнія изъ Длугоша, изъ церковныхъ и дѣловыхъ метрикъ, изъ надписей и привилегій; плодомъ этихъ трудовъ была его польская книга: *Гниздо доблести, откуда происходятъ гербы рыцарства славнаго Польскаго королевства* и т. д. (*Gniazdo Cnoty, skądherby rycerstwa sławnego Królewstwa Polskiego* и т. д. въ Краковѣ въ тип. Андрея Петрковчика 1550 г.). Черезъ тридцать четыре года, авторъ еще пополнилъ свое сочиненіе и издалъ его подъ заглавіемъ: *Гербы Польскаго рыцарства* (*Herby rycerstwa Polskiego* въ тип. Гарвольчика 1584 г.).

Къ несчастію трудолюбивый и способный Папроцкій не обладалъ безукоризненною добродѣтелью, писалъ за деньги, однихъ безъ причины прославлялъ, другихъ чернилъ несправедливо, а потому служеніемъ своимъ золоту отнялъ вѣроятіе у своей книги и унижилъ собою священное призваніе историка. Между прочимъ знаемъ, что онъ взялъ деньги съ Бромера за то, что помѣстилъ его между шлях-

тою, какъ будто такой человекъ, какъ Бромеръ могъ стыдиться своего мѣщанскаго происхожденія. Въ примѣръ тѣхъ печальныхъ понятій о своихъ геральдикахъ, какіе утвердились между Поляками по милости Папроцкаго, приведемъ здѣсь позднѣйшую жалобу Залускаго на то, что Окольскій мало сказалъ о его родѣ: Симонъ Окольскій Доминиканецъ «издалъ *Orbem Polonium*, страшный хаосъ: его можно назвать: *fiat lux*. Смѣшалъ горохъ съ капустою, обидѣлъ множество фамилій, равно какъ и мою: видно предки мои «не подкупили его (*kuku w guku*); а за то тамъ, гдѣ отняли «какое нибудь преимущество, не поскупились на похвалы.

Возвратимся къ Папроцкому. Хотя на немъ лежатъ непростительныя вины, но книга его много терпѣла и со всѣмъ безвинно. Не милосердно вырывали листки всякой разъ, когда-какой нибудь родъ дворянскій находилъ. свое имя на листѣ бурмистровъ, или его гербъ былъ неточно изображенъ или въ ней неповторялась его нелѣпая родословная. Напротивъ рѣшались даже перепечатывать и вставлять цѣлые листы въ его сочиненіе (такихъ вставокъ и поправокъ насчитываютъ до 150), такъ что почти не было никакой возможности найти два сходные экземпляра: *Гербовъ Польскаго рыцарства*. Третье сочиненіе Папроцкаго по части геральдики, это *Папоша* (*Rapozza*), *то есть исчисленіе паповъ и князей земель русскихъ и подольскихъ* (1575).

Хотя Папроціей пережилъ окончаніе нашей эпохи, доживемъ однакоже остальные событія его жизни. Не однимъ только гербовникомъ онъ досадилъ Полякамъ. Одержимый страстію ринотворства, наскучивъ своими ядовитыми колкостями королю Баторію, Замойскому и епископу Розражевскому, и опасаясь ихъ мщенія, онъ два раза убѣгалъ въ Богемію, гдѣ въ числѣ различныхъ брошюръ писанныхъ имъ почешски, онъ издалъ гербовники: *Зерцало славною маркиф-*

*ства Моравскаго (Zwierciadł sławnego Margrabstwy Morawskiego 1593 г.) Диадохосъ, или преемство королей и князей чешскихъ 1602 г. Гербовникъ Силезскій (Stambuch Sleskij 1609).* Но такъ какъ въ Богеміи не смотря на его леть королю, ему жилось не лучше чѣмъ въ отечествѣ, то въ 1612 г. онъ рѣшился возвратиться на родину, а въ слѣдующемъ году окончилъ свою жизнь.

Такъ какъ исторія, какъ ее теперь понимаютъ, изображаетъ только событія великаго значенія политическаго, то гербовникъ Папроцкаго, какъ памятникъ родовъ, какъ исторія, развитая въ своихъ мелкихъ подробностяхъ имѣетъ великое значеніе мѣстное и правоописательное.

Къ трудамъ по части польской геральдики, нужно еще причислить *Генеалогію Замоискихъ*, которую начерталъ Янъ Замоискій для своего сына; древній памятникъ *Arma regni Poloniae* безъ текста, содержащій въ себѣ изображенія 145 гербовъ на 76 таблицахъ, и труды Барановскаго и Квіатковскаго.

Наконецъ въ числѣ предметовъ вспомогательныхъ для исторіи, намъ нужно указать еще на частныя жизнеописанія лицъ историческихъ; въ нашей эпохѣ мы имѣемъ ихъ нѣсколько.

*Филиппъ Каллимахъ* полатынѣ описалъ жизнь кардинала: *Збиснева Олесницкаго* и Львовскаго архіепископа *Григорія изъ Санока*. Последняя біографія, списанная съ разсказовъ самого Григорія, съ которыми Каллимахъ былъ друженъ, имѣетъ прекрасный современный колоритъ. Кажется мы видимъ сановитую фигуру этого дѣятельнаго человека, какъ онъ уходитъ изъ дому отца, приходитъ въ Браковъ, потомъ отправляется въ Германію, чтобы изучить тамошній языкъ, столь необходимый въ Браковѣ, тамъ находясь въ обществѣ школьнаго юношества, однихъ

научаетъ, у другихъ учится самъ. Ему нравится наука, но надоѣдаетъ схоластическое направленіе тогдашнихъ наукъ, юноша предпочитаетъ музыку и поэзію; вотъ прекрасный голосъ его раздается подъ сводами храма Пресвятой Богородицы, вотъ юный наставникъ собирается публично читать сладкія идилліи Виргилія. Поэзія проникаетъ въ сердца юношей, а старые академики, предугадывая дарованія Григорія даютъ ему ученую степень, не смотря на то, что онъ не знаетъ схоластической философіи. Вотъ онъ какъ наставникъ Тарновскихъ знакомится съ королевичами, ѣдетъ въ Италію, возвращается облеченный саномъ духовнымъ; будучи Величскимъ священникомъ, онъ сопровождаетъ въ походѣ Варненьчикова (Владислава короля) и начинаетъ богословскій споръ съ кардиналомъ Юліаномъ. Потомъ отстаиваетъ святость договора, заключеннаго съ Турками, и громко возвышаетъ голосъ противъ нарушенія крестнаго цѣлованія, которое разрѣшилъ престолъ Апостольскій, но за которое Богъ жестоко наказалъ пораженіемъ подъ Варною. Григорій отправляется въ Венгрію занимается воспитаніемъ сыновей Гуниада, гоститъ въ домѣ Гары, епископа Варадынскаго, вскорѣ потомъ возвращается въ Браковъ въ качествѣ Венгерскаго посланника, и неожиданно получаетъ мѣсто Львовскаго епископа.—Въ ту именно пору смотрѣлъ на Григорія Каллимахъ и вѣрно начерталъ для насъ его изображеніе. Вотъ передъ нами рослый старикъ съ длинною бородою, высоко-поднятыми бровями, яснымъ и живымъ взоромъ; какъ сенаторъ онъ смѣло говоритъ и пишетъ Казиміру Ягелло, открыто поражаетъ шляхту за присвоеніе королевскихъ имуществъ, то какъ епископъ провозноситъ вдохновенныя и цвѣтистыя рѣчи передъ народомъ, примиряетъ съ Богомъ мужеубійца, строитъ церковь, скупаетъ села, проводитъ каналъ; то какъ

Полякъ, не смотря на свой преклонный возраст и сан священства строитъ укрѣпленный замокъ для отраженія татарскихъ набѣговъ, и во время набѣда раздаетъ жителямъ оружіе, и личнымъ воодушевленіемъ вливаетъ мужество въ сердца воиновъ; то, наконецъ, какъ хозяинъ мирнаго крова самъ варитъ себѣ медъ, самъ лечится простыми травами, и заботясь о сбереженіи здоровья, ежели нужно заглядываетъ въ книгу *de viribus herbarum* (о свойствахъ травъ). Въ дружеской бесѣдѣ развиваетъ свои вѣрные, возвышающіеся надъ его вѣкомъ, помыслы, осмѣиваетъ *виднія на яву* тогдашнихъ философовъ, требуетъ, чтобы при воспитаніи юношества болѣе дѣйствовали на сердце, чѣмъ утомляли умъ сухими умствованіями, говоритъ, что богословіе нужно учить, а не разсуждать о немъ, что для сохраненія отечества болѣе силы сокрыто въ умѣ, чѣмъ въ тѣлѣ. Иногда въ добромъ расположеніи духа, онъ позволялъ себѣ остроумныя шутки, — людей просвѣщенныхъ безъ краснорѣчія сравнивалъ съ лютнею безъ струнъ, когда кто-нибудь хвалилъ красоту своей жены, онъ говорилъ: «не хвали, потому что тебѣ повѣрять». Пьяницѣ, который потерялъ свое имущество онъ говорилъ: «еслибы ты могъ носить воду, то бы ты не сталъ разливаться». — Не много есть біографій, даже въ позднѣйшія времена, которыя были бы написаны такъ характеристически, какъ *Жизнь Григорія изъ Санока*, составленная Каллимахомъ. (*De vita et moribus Gregorii Sanocensis Archiep. Leopold.*)

Историкъ Янъ Длугошъ написалъ *жизнь Св. Станислава* (*Vita beatissimi Stanislai Cracov. Episc. 1511*) по убѣдательной просьбѣ Збигнева Олесницкаго. Если вникнуть въ это строго, то Олесницкій настаивалъ не безъ причины. Подобно тому, какъ св. Станиславъ боролся съ

Болеславомъ за вѣру, такъ Олесницкій боролся съ Казиміромъ Ягелло за народную свободу. Збигневъ, замѣтивъ такое сходство отношеній, быть можетъ хотѣлъ дать почувствовать Казиміру, что онъ готовъ отстаивать свое дѣло хотя бы то до смерти, или представить монарха въ очахъ народа способнымъ до послѣдней крайности преслѣдовать защитника народной свободы. Жизнь самаго Длугоша описалъ какой-то безымянный писатель, хорошо знавшій подробности его жизни и нечуждый понятій объ историческомъ искусствѣ. Длугошъ писалъ біографіи различныхъ польскихъ епископовъ и даже исторію цѣлыхъ каедръ. Такъ извѣстны намъ его жизнеописанія архіепископовъ Гнѣзненскихъ, епископовъ Познанскихъ, Плоцкихъ, Вроцлавскихъ.

Изъ позднѣйшихъ, жизнь Кмиты описалъ Оржеховскій, Третеръ жизнь Николая Христофора Радзивила, Оржеховскій же жизнь Яна Тарновскаго, Тржецъскій жизнь Рея. Окончивъ этотъ отдѣлъ нѣсколькими прекрасными чертами, въ которыхъ Оржеховской въ своей польской біографіи, изобразилъ жизнь и богатырскія дѣянія Яна Тарновскаго.

«Тарновскій обладалъ четырьмя качествами, безъ которыхъ невозможно быть добрымъ гетманомъ: трезвостью, дѣятельностью, строгостью (*głozoę*) и распорядительностью. Подчиненные говорятъ, что никто не запомнитъ, чтобы кто-либо въ Польшѣ соединялъ въ себѣ всѣ эти гетманскія добродѣтели, подобно Тарновскому. Его умѣренность въ питіи была велика, набожность чрезвычайная, съ войскъ онъ былъ всѣмъ. Какъ конницѣ, такъ и пѣхотѣ не приказывалъ ничего, чего бы самъ не дѣлалъ, но какъ добрый хозяинъ дома, такъ онъ на войнѣ былъ примѣромъ для войска во всѣхъ его обязанностяхъ. Какова была распорядительность этого гетмана, пусть скажутъ о томъ



«его подчиненные. Но я слышалъ отъ вѣрныхъ очевидцевъ, что распорядительность его была велика во всемъ войскѣ. Управленіе его ни въ чемъ такъ хорошо не обнаруживается, какъ въ военномъ хозяйствѣ, которое важнѣе каждаго домашняго хозяйства: и тотъ не можетъ быть хорошимъ гетманомъ, кто не можетъ назваться добрымъ хозяиномъ... Г. Тарновскій былъ строгимъ гетманомъ; не столько хотѣлъ онъ быть грознымъ, сколько долженъ былъ быть: потому что по природѣ онъ былъ человекомъ вротнымъ... Онъ говаривалъ, что польская натура такова, что если въ свое время предупредить ее въ чемъ-нибудь, то она этого уже не сдѣлаетъ больше, но если предоставить ей свободу, то потомъ ее не обуздаетъ, до того, что ему хоть колъ на головѣ теши и говори правду: чего Полякъ сначала не сдѣлаетъ съ шумомъ, того въ послѣдствіи дѣлать никогда не станетъ... Слышалъ я отъ счастливаго Сѣвницкаго, опытнаго и знаменитаго мужа, который скончался во Львовѣ вслѣдъ за своимъ гетманомъ и господиномъ, что въ войскѣ Тарновскаго, послѣ даннаго сигнала глубокое молчаніе было непрерывнѣе, чѣмъ теперь въ храмѣ при совершеніи литургіи. Природа его была способна къ изъявленію широкости и гнѣва. Когда онъ былъ въ гнѣвѣ, ты видѣлъ явныя искры въ его очахъ, лице его горѣло, спина воздымалась какъ ку льва, волосы поднимались дыбомъ. Когда же онъ былъ широкостивъ, тебѣ казалось, что видишь предъ собою ангела съ неба, а не человека изъ Тарнова.

## IX. ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

## ЛѢТОПИСИ И ИСТОРИЯ.

Братиниѣ обзорѣніемъ наукъ вспомогательныхъ для исторіи, намъ нужно было предупредить исчисленіе самихъ историковъ. Вспомнимъ, что въ эпоху Пястовъ, мы остановились на Гнѣзненскомъ архидіаконѣ Янкѣ, который описывалъ царствованіе Казимира Великаго.

Времена Ягелла имѣли своихъ историковъ, которыхъ имена не всѣ извѣстны намъ. Мы имѣемъ *Польскую хронику времени Владислава Ягеллы* (*Chronicum Polonorum de temporibus Wladislai Jagiellonis, Regis Poloniae M. D. Lith*), и другую о смерти того же монарха, иную о Прусской войнѣ отъ 1455 до 1466 г. (*De bello Prutenico*); были еще исторіи писанныя Збигневимъ Олесницкимъ, Яномъ изъ Опатовицъ, Бенедиктомъ изъ Познани. Видъ всѣхъ, этого рода исторій, тотъ же, что и хроникъ Пястовыхъ.—Тотъ же односторонній взглядъ, благоговѣніе къ своему богатырю-герою и тѣ же клеветы на его враговъ. Какъ въ эпоху Пястовъ, такъ и теперь перо историческое все еще находилось въ рукахъ монаховъ, которые описывая исторію своего монастыря, обнимали съ тѣмъ вѣсть и современныя событія. Мы знаемъ многія *Лѣтописи* этого рода: *Лѣтописи* Сандомірскія (1430), Броцлавскія (отъ 1237 до 1470), Тржемешинскія (до 1522 г.) и т. д. Трудъ одного, продолжалъ послѣ него другой монахъ, призванный къ этому, и аккуратный въ однихъ только числахъ, на событіяхъ смотрѣлъ сивозъ приаму своихъ понятій, или ихъ выдумывалъ безъ всякаго обсужденія и критики. Но въ началѣ XV в. стали вырабатываться болѣе чравныя понятія историческія. Народное представитель-

ство, сдѣлавшееся ооржою правленія, упадокъ самовластнаго насилія бароновъ, ободрили историковъ въ записываніи истины, которую теперь можно было говорить и громче и открытѣе. Чтеніе историковъ древнихъ, выработало историческій фактъ и имѣло вліяніе на образованіе понятій историческихъ у самихъ писателей. Здѣсь мы можемъ привести два прекрасные тому примѣра. Григорій изъ Санока, о которомъ мы только что говорили, авторъ книги, потерянной въ рукописи: *О призваніи короля Владислава на престолъ Венгерскій и его походъ противъ Турокъ* (de evocatione Vladislai Regis ad Regnum Ungariae), когда его спросили инѣнія о родословной Поляковъ, помѣщенной у Кадлубка, отвѣчалъ, что думаетъ, что Поляки происходятъ отъ Винидовъ славянскихъ, и въ доказательство того приводилъ удачныя сравненія обычаевъ, недостатковъ, и качествъ обохъ народовъ. Кадлубекъ нашелъ себя просвѣщеннаго критика *въ Петръ изъ Бнина*, который укорялъ его въ легкомысліи, пристрастіи къ мелочамъ, за удивленіе вещамъ обыкновеннымъ, за домашній взглядъ на дѣла политическія и неосвоенность съ жизнію общественною,—словомъ упрекалъ Кадлубка въ томъ, что въ хроникѣ своей онъ доказалъ свой собственный умъ, а не величіе своихъ историческихъ предковъ.

Третьимъ критикомъ Кадлубка былъ Браковскій академикъ Янъ Домбровка. Схоластическая точка зрѣнія, съ какой почтенный профессоръ смотрѣлъ на труды стараго лѣтописца, не много придала достоинствъ его изслѣдованіямъ. Свой комментарий онъ вдохновилъ не духомъ здраваго разсудка, но ученымъ современнымъ образованіемъ. Возвратился къ историкамъ.

Она язь Стржемина по латынѣ составилъ: *Памятникъ своимъ временъ* (слон. 1460 г.). Тоже сдѣлалъ Домини

канецъ Германъ Вернеръ, Петръ Эшенлогеръ написавшій исторію города Бреславля и наконецъ Павелъ Владиміръ, мужъ политическій, многократно бывшій посланникомъ у папы и нѣмецкаго императора. Его сочиненія противъ крестоносцевъ, въ особенности же описаніе войнъ послѣднихъ съ невѣрными, могутъ служить важными матеріалами для исторіи.

Всѣ эти исчисленные нами историческіе труды, послужили Яну Длугошу источниками при составленіи его незабвенной латинской хроники, къ которой онъ приступилъ съ должнымъ приготовленіемъ. Опытный дипломатъ, наставникъ польскихъ королевичей, очевидецъ дѣяній Казимира Ягелло, другъ и нерѣдко органъ великаго министра Збигнева Олесницкаго, онъ могъ приступить къ составленію исторіи, а его правдивость, благочестіе и любовь къ отечеству, служили вѣрнымъ ручательствомъ, что онъ совершитъ свой трудъ добросовѣстно.

Збигневъ Олесницкій убѣдилъ его взять на себя этотъ трудъ, но онъ и самъ сознавалъ потребность составленія новаго историческаго сборника. О временахъ прошедшихъ онъ говоритъ на основаніи свидѣтельствъ своихъ предшественниковъ, современная событія чаще всего изображаетъ по собственнымъ убѣжденіямъ очевидца.

Въ первой части, т. е. именно тамъ, гдѣ онъ пользовался чужими свидѣтельствами, онъ сбивчивъ и неясенъ. Мы видѣли, какъ не основательно и фантастически писали о происхожденіи народовъ лѣтописцы эпохи Пястовъ. Длугошъ довѣряясь имъ рассказываетъ множество басней, которые должны разсѣяться предъ голосомъ критики, какъ игла предъ свѣтомъ. Трудъ носитъ на себѣ отпечатокъ сліянія въ одно различныхъ, не всегда между собою согласныхъ источниковъ. Трудъ свой ведетъ онъ по годамъ, при-

иѣшиваетъ къ нимъ событія отъ себя, и изъ хроникъ польскихъ, богемскихъ, русскихъ; прибавляетъ простодушныя и наивныя легенды о святыхъ, обозначаетъ основанія храмовъ, дѣянія епископовъ, а иногда рассказъ какого-нибудь старца, который помнилъ эти времена.

Съ прибытія въ Польшу Владислава Ягелло, хроника Длугоша, приобрѣтаетъ болѣе занимательности. Лучшія источники, изъ которыхъ онъ черпаетъ свѣдѣнія, источники, вышедшіе изъ рукъ такихъ людей, какъ Олесницкій или Владимиръ, богатство фактовъ, а наконецъ и собственное воспоминаніе того, чему онъ былъ свидѣтелемъ, какъ посолъ, какъ домочадецъ и другъ короля, и его перваго министра — сдѣлали книгу Длугоша по истинѣ достойною имени исторіи. Въ послѣднихъ книгахъ онъ снова теряетъ интересъ, дѣлается болтливымъ и одностороннимъ, потому что время о которомъ онъ говоритъ, еще слишкомъ свѣжо для того, чтобы быть предметомъ исторіи.

Цѣльность книги Длугоша имѣетъ видъ нѣсколько уродливый — но богатство фактовъ, и вѣрность съ которою описаны событія, составляютъ ея достоинства — языкъ Длугоша не лучше своей эпохи.

Длугошъ сознавалъ потребность исторіи для отечества. Въ концѣ двѣнадцатой книги, онъ закликаетъ своихъ современниковъ продолжать его трудъ, вмѣнить комунибудъ изъ членовъ Краковской академіи, въ обязанность замѣчать текущія событія исторіи и записывать ихъ для потомства.

Совѣта этого не послушались, но съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія событія исторіи не могли потеряться; исторія дождалась мужей, которые обработывая ее по частямъ, описали всѣ происшествія. Хроника Длугоша оканчивается 1480 годомъ. Въ наши времена Длугошъ дождался прекраснаго переводчика въ Густавъ Борнеманъ.

Достойнымъ преемникомъ Длугоша былъ Браковскій академикъ *Матсей изъ Мъхова*, обыкновенно называемый *Мъховитомъ*. Въ своей латинской лѣтописи, онъ вкратцѣ передаетъ сочиненіе Длугоша, во вступленіи описываетъ его смерть и погребеніе, а съ 1480 рассказываетъ исторію своего времени. Продолжая повѣствованіе о царствованіи польскихъ королей Яна Альбрехта и Александра, онъ остановился на 1516 г. Два года спустя по написаніи хроникъ Мъховиты польскіе вельможи обязали его выбросить нѣкоторыя мѣста, другіе измѣнить, потому что тогда движеніе политическихъ мнѣній было еще живо, и не перелилось въ постоянную, однообразную форму; плохое правленіе королей, усиленіе средняго шляхетскаго класса, упадокъ важнаго значенія магнатовъ, таковы были начала изъ которыхъ должна была выработаться будущая форма правленія въ Польшѣ, и которыхъ дѣе писателю нужно было только коснуться слегка, непримѣтно.

Возвращаясь къ Мъховитѣ скажемъ, что онъ поступилъ легкомысленно. Въ началѣ онъ слѣпо принялъ все то, что вычиталъ у Длугоша; а Длугошъ черпалъ изъ Кадлубка, Дзѣржвы, Нестора и Виганда; далѣе Мъховита, будучи астрологомъ академикомъ, не можетъ не взглянуть на звѣзды всякой разъ, когда случилось что-нибудь на землѣ. Прибытіе ли посла, съѣздъ ли князей, сеймъ или война, все это находитъ у него какое-то предсказаніе о себѣ въ созвѣздіяхъ.

Историческое перо Мъховита преемственно перешло къ *Юсту Децию* (Deciuzowi) который прибылъ въ Польшу изъ Виссенбурга еще въ молодости, былъ при дворѣ Сигизмунда I, потомъ вмѣстѣ съ Яномъ Ласкимъ посломъ въ Венецію, наконецъ исполнялъ другіе меньшія должности:

Подобно тому, какъ Мъховита сокращалъ Длугоша, такъ онъ сокращая Мъховиту довелъ свой рассказъ до 1516 г.

Сочиненіе Деція отличается простотою; онъ вообще напоминаетъ намъ древнихъ лѣтописцевъ, но при всемъ томъ нѣтъ легковѣренъ, не вѣритъ чародѣйствамъ, напротивъ проходитъ событія историческія съ нѣкотораго рода критикою. Книга Деція была напечатана въ 1518 г. Другое его произведеніе о *Фамиліи Ягеллоновъ* (о *Familii Jagiellonskiej*) въ отношеніи историческомъ имѣетъ тѣ же достоинства.

Есть извѣстія, что послѣ Деція *Янъ Тарновскій*, описывалъ благополучное царствованіе Сигизмунда I, но сочиненіе его потеряно, а какъ на дополненіе къ нему указываютъ на хроникъ *Бернарда изъ Рахматовицъ Ваповскаго*, которая продолжается до 1535 года. Сочиненіе это было потеряно до нашихъ временъ, и только отрывокъ, которымъ Плаза дополнилъ сказанія Кромера, давалъ намъ чувствовать всю важность потери, понесенной нашею литературою. Но недавно отысканная, переведенная и обогащенная драгоценными пополненіями Николая Малиновскаго, хроника Бернарда Ваповскаго можетъ дополнить собою рядъ историковъ польскихъ. Она обнимаетъ исторію нашего народа съ начала ее, иногда идетъ въ слѣдъ за Длугошемъ, иногда руководствуется другими, часто пробуетъ даже свои силы, но изслѣдованія этого рода не болѣе счастливы, чѣмъ изслѣдованія его предшественниковъ. Дошедши наконецъ до царствованія Казимира Ягелло, онъ ведетъ дѣло точно, критически, и по чувству не чуждый призванія историка, онъ подробно зналъ промешествія не своего только отечества, но и событія другихъ земель, какъ-то, турецкія, венгерскія, и крестоносцевъ, такъ что ученому его переводчику, въ не многихъ мѣстахъ только стоило поправить неточность или ошибочность сказаній Ваповскаго.

*Мартинъ Кромеръ* человекъ ученый, неоднократно бывшій посломъ, епископъ Вармейскій служившій важною опо-

рою церкви, мужъ, который изъ мѣщанскаго сословія умѣлъ подняться до первыхъ ступеней церковнаго и министерскаго управленія, задумалъ оказать услугу своимъ соотечественникамъ, и составилъ исторію болѣе точную и удобную для чтенія, чѣмъ труды всѣхъ его предшественниковъ. Ему не трудно было сдѣлать это, потому что онъ обладалъ великими способностями, плавностію слога, и для руководства имѣлъ тысячи средствъ, и такое богатство матеріаловъ, какое составляли исторіи Длугоша, Деція, Ваповскаго. Воснувшій происхожденія Польши, прекрасно и съ разныхъ сторонъ онъ изображаетъ эпоху Пястовъ, великолѣпно рисуетъ фигуры Локетка и Казимира В., рассказываетъ дѣянія Ягеллы и Ягеллоновъ; здѣсь ни мало не заботясь о томъ, что оскорбленныя страсти могутъ обрушиться на голову историка, что онъ задѣнетъ гордость магнатовъ, самолюбіе короля и предразсудки шляхты, онъ смѣло изображаетъ истину такъ, какъ онъ ее видитъ и понимаетъ.

Но дошедши до своихъ временъ, до временъ, когда онъ разыгрывалъ столь блистательную роль, Кромеръ упалъ духомъ и неотважился описывать царствованіе Сигизмунда I. Пять лѣтъ онъ трудился надъ своимъ сочиненіемъ, поправлялъ и исправлялъ его, будучи посланникомъ у императора Фердинанда, на дипломатическомъ сеймѣ во Франкфуртѣ. Онъ дождался перевода своего сочиненія на языки нѣмецкій и отечественный, видѣлъ четыре его изданія какъ въ Польшѣ, такъ и за границею. Сеймъ 1550 года торжественно благодарилъ его за составленіе исторіи.

Если первые годы царствованія Сигизмунда I нашли себя историка въ Ваповскомъ, то послѣднія, его дѣянія, въ особенности же *Война Якоша подв Львовомъ*, вызвали Станислава Оржеховскаго къ составленію польскихъ лѣтописей (*Annales Poloniae*). Лѣтописи его продолжаются до 1552



года и обнимають собою первые годы царствованія Сигизмунда Августа. Это времена достопамятныя, видныя въ исторіи. Сеймовая буря, среди которой Боратынскій преклонялъ колѣна, а Кшита стучалъ маршальскимъ жезломъ, требуй у короля расторженія брака съ Варварою-Радзивилъ, интриги Боны, твердость монарха, все это Оржеховскій передалъ живо, наглядно: Но въ слѣдъ затѣмъ, когда пришла очередь говорить ему о Павлѣ Дзядускомъ и о своихъ съ нимъ спорахъ, Оржеховскій забылся что пишетъ отечественную исторію, и сталъ изображать смутную исторію собственной жизни. Характеристическую черту Оржеховскаго составляетъ смѣлость, доходящая иногда до неуваженія къ королю.

Затѣмъ слѣдуютъ одинаковыя по своему объему, но гораздо низшаго достоинства: *Дѣлія королевства Польскаго съ приложеніемъ нѣкоторыхъ постороннихъ вещей отъ 1538 до 1572 года, Луки Горницкаго*, автора *царедворца* (Dzieje w Koronie Polskiej z przyłożeniem niektórych postronnych rzeczy, od roku 1538 do 1572 przez Łukasza Górnickiego.) Дѣло княжны Гальшии Острогской занимаетъ здѣсь большую половину сочиненія, одругихъ происшествіяхъ упоминается только слегка. Впрочемъ Горницкій чрезчуръ уже былъ придворнымъ для того, чтобы ему можно было безпристрастно писать исторію. Междуцарствіе по смерти Сигизмунда Августа, правленіе Валуа и Стефана Баторія имѣло двухъ историковъ; первымъ былъ Христофоръ Варшевицкій, вторымъ былъ Янъ Димитрій Соликовскій. Варшевицкій, проникнутый ревностію о православіи, смотрѣлъ на вещи съ іезуитской точки зрѣнія; Впрочемъ событія изображаетъ просто, какъ лѣтописецъ.

*Въ памятникъ польскихъ событій Суликовскаго* (Commentarius Regum Polonicarum), рассказывается пре-

краснымъ цвѣтистымъ слогомъ много новыхъ вещей, потому что Сушковскій, будучи придворнымъ Сигизмунда Августа, посломъ къ Генриху Валуа, и Львовскимъ архіепископомъ при Баторіѣ многое видѣлъ, и на многое имѣлъ вліяніе. Но сочиненіе его болѣе похоже на частный мемуаръ, чѣмъ на общественную исторію. Сужденія его, довольно впрочемъ вѣрныя и критическія были высказаны подѣ вліяніемъ нѣкоторыхъ личныхъ побужденій.

Въ историкамъ Стефана Баторія относятся еще Станиславъ Сарницкій, Венеціанецъ Михаилъ Брутто, и отецъ и сынъ Гейденштейны.

*Сарницкій* въ своей книгѣ подѣ заглавіемъ: *Литониси, или о происхожденіи и дѣяніяхъ Поляковъ и Литовцевъ* (Roczniki, czyli o początku i dziełach Polaków i Litwinów—Annales sive de origine et rebus gestis Polonorum ac Lithuanorum libri VIII 1587 г.) снова принялся за разработку сказаній о происхожденіи польскаго народа, о которомъ уже столько было написано. Разказы его полны басней и натяжекъ, полны противорѣчій и догадокъ, полны анахронизмовъ. Допустивъ нѣсколько ошибокъ во временахъ болѣе къ нему приближенныхъ онъ не смѣетъ новѣствовать о правленіи Стефана Баторія.

Этотъ монархъ достойный быть героемъ исторіи, ясно сознавалъ важную потребность — имѣть исторію своего времени. Слѣдуя его внушенію, Сарницкій взялся было за перо, но видно трудъ его неудовлетворилъ ожиданіямъ монарха, потому что Стефанъ избралъ себѣ въ историографы Михаила Брутто, назначивъ ему ежегодную плату, и удобное помѣщеніе въ Краковскомъ замкѣ. Исполняя свое призваніе, Брутто описалъ дѣянія Стефана во время войны съ Москвою (De rebus gestis Stephani Regis Pol. contra M. Moschorum Ducem narratio Romae 1582). Другое

сочиненіе Брутта обнимаетъ собою весь періодъ правленія Стефана Баторія и дальнѣйшую судьбу Польши до пораженія эрцъ-герцога Максимилиана подъ Бучиномъ.

Рейнольдъ Гейденштейнъ описывалъ нобѣды надъ Мексикою, его исторію еще въ рукописи пересматривалъ и направлялъ самъ Стефанъ Баторій.

Трудъ Гейденштейна не вездѣ носитъ на себѣ печать одинаковаго совершенства, но онъ углубляется и вѣрно описываетъ природу государствъ, положеніе городовъ русскихъ, климатъ, духъ трактатовъ, и пружины сеймовъ. Здѣсь были затронуты нѣкоторыя личности, почему сочиненіе Гейденштейна старались истребить.

Трудъ Рейнольда Гейденштейна пополнилъ сынъ его Янъ описаніемъ событій отъ смерти Сигизмунда Августа до избранія Стефана Баторія; но онъ далеко уступаетъ талантамъ своего отца. Его занимаютъ мелочи, онъ не изслѣдуетъ важнѣйшихъ причинъ, не объясняетъ характеровъ.

Наконецъ намъ остается еще указать на два великіе историческія имени: Мартина Бѣльскаго и Матвея Стрыковского.

Мартинъ Бѣльскій въ 1554 году издалъ *Всемирную хронику* (Kronika swiata) — изображеніе всеобщей исторіи отъ сотворенія міра до Сигизмунда Сочиненіе это носитъ на себѣ отпечатокъ упорнаго постоянства въ трудѣ и образованія, какое только возможно было во время предрассудковъ и легковѣрія, но непревышающаго понятія своего вѣка. Сочиненіе это начинается космографіею, то есть измѣреніемъ земли по градусамъ географическимъ, затѣмъ слѣдуетъ избранная изъ древнихъ лѣтописей и сказаній исторія первыхъ государствъ міра, въ слѣдъ затѣмъ сокращенная исторія Греціи и Рима, и наконецъ Бѣльскій говоритъ о дѣяніяхъ собственнаго отечества, но эта послѣдняя часть,

есть извлеченіе изъ хроники Ваповскаго, которая была очень рѣдкою въ то время и почти потерянною. Съ перваго взгляда видна здѣсь разнообразная наборка матеріаловъ, нѣтъ нити, которая бы связывала въ одно цѣлое эти различные и разсѣянные источники.

Осьмую часть всемірной хроники пополнилъ и издалъ подъ заглавіемъ: *Польская хроника*, сынъ Мартина, Іоахимъ Бѣльскій. Здѣсь съ большимъ уже стараніемъ собраны факты изъ царствованія Сигизмунда I и Сигизмунда Августа, но все еще нѣтъ исторической критики, нѣтъ пружинъ, которыя были причиною дѣйствія, потому что дѣянія, о которыхъ тамъ говорилось были еще свѣжи въ памяти, а Бѣльскіе были слишкомъ осторожны для того, чтобы самими вызывать бурю, которая и безъ того вистѣла надъ ихъ головами; обихъ ихъ подозрѣвали въ приверженности къ неправовѣрнымъ религіознымъ началамъ. Правда они не принадлежали къ протестантамъ, но быть можетъ были заражены какими-нибудь некатоліческими догматами или быть можетъ очень просто, личная неприязнь воспользовалась этимъ оружіемъ, чтобы очернить сочиненія Бѣльскіихъ, щекотливыя какъ и всякая новая исторія. Въ одномъ мѣстѣ всемірной хроники Мартинъ Бѣльскій бросилъ легкую тѣнь на чистоту намѣреній св. Станислава, въ другомъ повторилъ сказку о папѣ женщинѣ, что и было поводомъ, по которому Бѣльскіихъ провозгласили еретиками, а ихъ сочиненія небезопасными.

Въ числѣ повтовъ мы уже упоминали *Матвея Ошостовича Стрыйковскаго*, здѣсь скажемъ о немъ, какъ объ историкѣ, написавшемъ чрезвычайно важную хронику подъ заглавіемъ: *Хроника Польская, Литовская, Жмудская и всей Руси, какой никогда еще не видалъ свѣтъ* (Która przed tym nigdy swiatła nie widziała, Kronika Pol-

ска, Litewska, Zmódzka у wszystkiey Rusi etc. въ Крелевцѣ 1582 г.). Бросимъ взглядъ на это сочиненіе.

Въ монастыряхъ Литвы и Руси существовалъ между чернецами обычай записывать происшествія своего времени. Хроники эти непечатанныя, имѣвшія значеніе однихъ мѣстныхъ памятниковъ, писанныя на языкѣ русскогъ, выказывающія большее или меньшее образованіе тѣхъ, которые ихъ писали, большими или меньшими ошибками переписчиковъ, скрывались въ стѣнахъ монастырскихъ, какъ напр. *Лѣтописи Воскресенскія, Волинскія, Литовскія*. Стрыйковскій собравъ до пятнадцати такихъ хроникъ составилъ изъ нихъ свою книгу. Лично, какъ воинъ, зналъ Москву, Русь, Ливонію, житель Швеціи и Жмуди, вездѣ куда ни заносила его судьба онъ списывалъ, замѣчалъ, чертилъ матеріалы для своего сочиненія и посѣтилъ Турцію и древнюю Грецію. Онъ по частямъ издавалъ свой трудъ, до тѣхъ поръ, пока наконецъ во всемъ объемѣ не издалъ его подъ тѣмъ заглавіемъ, которое уже намъ извѣстно. Стрыйковскій историкъ Литвы, по преимуществу съ этой точки зрѣнія мы и будемъ смотрѣть на его трудъ.

Современныя понятія сильнѣе всего отразились въ его сочиненіи. Такъ какъ въ Польшѣ главнымъ образомъ заботились о заслугахъ, длинной и славной генеалогіи предковъ, Стрыйковскій думалъ, что облагородить Литву тѣмъ, что Богъ знаетъ кому повѣривши, или по собственному изобрѣтенію, произведетъ Литовцевъ отъ римскихъ эмигрантовъ и дастъ имъ въ родоначальники Палемона. Передѣлывая названіе литовское на римское, онъ непремѣнно хотѣлъ отыскать родоначальниковъ Литвы гдѣ-нибудь далеко, во мракѣ вѣковъ, надъ Тибромъ, потому что земля латинская столь славная, и древняя, по понятіямъ современниковъ считалась благороднѣйшею изъ всѣхъ странъ свѣта.

Составляя хронику во времена народного представительства, Стрыйковский пропустилъ деспотизмъ древно-литовскихъ князей; онъ вѣритъ въ избраніе, въ политическое значеніе народа и литовскихъ бояръ. Польскія понятія XVI в. исказили взглядъ Стрыйковского на исторію иныхъ эпохъ, народовъ и обычаевъ.

Схоластическій методъ, которымъ напитала Стрыйковского Краковская академія, методъ не разбиравшій источниковъ, легко довѣрявшій каждому свидѣтельству, не малое также имѣлъ вліяніе на его сочиненіе; онъ думалъ, что исторію можно писать также, какъ и поэму, только по божественному призванію, и поэтому прибѣгалъ къ вымысламъ всякій разъ, когда серьезныя изслѣдованія не могли довести его къ цѣли. Сочиненіе его представляетъ безобразную смѣсь истины и сказокъ, любопытныхъ извѣстій, и ложныхъ догадокъ, прозы и стиховъ иногда прекрасныхъ, а иногда только сносныхъ. Таковы недостатки Стрыйковского: но Литва и потомство обязаны ему благодарностію за сохраненіе памятниковъ древней вѣры и древнихъ до христіанскихъ обычаевъ, за внесеніе въ свою книгу хроникъ, которые готовы были уже потеряться, словомъ, за всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя онъ сообщилъ, и которыя безъ него должны были пропасть, оставивъ насъ въ совершенномъ невѣдѣніи о своихъ предкахъ.

## X. ПРЕДМЕТЫ ДОМАШНЯГО КРУГА.

## Сельское хозяйство.—Народная медицина.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о предметахъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ домашней жизни Поляковъ, о предметахъ, которыхъ невозможно было включить ни въ одинъ изъ отдѣловъ нашего разсказа, скажемъ нѣсколько словъ о книгахъ, къ которымъ обращался Полякъ въ своемъ сельскомъ хозяйствѣ и въ своихъ физическихъ страданіяхъ. Хозяйство Польши, которое богатою жатвою награждало труды земледѣльца, и весною ежегодно посылало по двумъ морямъ корабли нагруженные хлѣбомъ, это хозяйство еще не поднялось на степень агрономической науки, но было однимъ собраніемъ практическихъ наблюденій и трудъ для хозяевъ замѣнялъ всѣ знанія. Но польскіе хозяева чувствовали иногда потребность записывать свои наблюденія, и сообщать другимъ тѣ знанія, которыми пользовались они сами. Приступая къ обзорѣнію подобнаго рода сочиненій, не неумѣстно было бы во главѣ ихъ помѣстить, новообнаруженные *Уставы*, начертанные Сигизмундомъ Августомъ для владѣльцевъ и старость королевскихъ имуществъ. Изъ этихъ уставовъ мы можемъ изучить и способъ хозяйственной распорядительности древнихъ Поляковъ, и ту хозяйственную экономію, какою обладалъ одинъ изъ величайшихъ нашихъ королей. Что же касается книжно-хозяйственной литературы, то въ эпоху Ягеллоновъ она была еще слишкомъ бѣдна, и едва можетъ дать понятіе о томъ, что страна наша была нѣкогда хозяйственною и богатой. Мы повторяемъ, что польское хозяйство, управляемое однимъ только навыкомъ, уже въ половинѣ XVI в. плохо от-

странялась отъ того землевоздѣлыванія, и выгоднаго устроенія дорогъ, мостовъ, рѣвъ и каналовъ, какими гордились тогдашніе Нѣмцы. Польскіе и литовскіе лѣса лишались драгоцѣнныхъ матеріаловъ, большая часть земель оставалась безъ употребленія. Сатира Кохановскаго именно представляетъ картину Польскаго хозяйства, еще не зрѣлаго, истреблявшаго лѣса, и вмѣстѣ съ тѣмъ изображаетъ то стремленіе и любовь къ плугу, какое почувствовали Поляки, любившіе роскошь и излишества.

Древнѣйшимъ изъ польскихъ сочиненій о хозяйствѣ считается переводъ книгъ *Кресцентыка*, сдѣланный Андреемъ Тржецѣскимъ (1549 г.). Въ тому же времени и роду относятся: безименная книга, написанная стихами подъ заглавіемъ: *Хозяйство для молодыхъ и неопытныхъ хозяевъ* (*Gospodarstwo dla młodych i nowotnych gospodarzów*), въ которой авторъ перебираетъ всѣ отрасли домашняго управленія, и если не хозяйству, то, по крайней мѣрѣ, можетъ научить насъ древнимъ домашнимъ обычаямъ Польши. Много драгоцѣнныхъ въ этомъ отношеніи оттѣнговъ можно найти въ *Изображеніи честнаго человека Рея*. — *Альбрехтъ Струженскій* написалъ недошедшее до насъ сочиненіе *О земледѣльствѣ* (*O rolnictwie*), — и книгу которая известна у насъ подъ заглавіемъ: *О дѣланіи, сыпаніи, измѣреніи и разведеніи рыбъ въ прудахъ; также о перекопаніи, считаніи и проведеніи воды* (*O sprawie wymierzaniu, sypaniu i rybieniu stawow; także o przekopach i pażeniu i prowadzeniu wody*, Краковъ 1573 г.); дошло до насъ также *Хозяйство* Гостомскаго отъ 1586 г., *О рыбникахъ и рыбахъ* Януша Дубровскаго (о *rybnikach i rybach*) и наконецъ Матвѣя Цыганскаго *о Птичьей охотѣ* (1584 г.).



Поочередн слѣдуетъ народная медицина. При печальномъ состояніи врачебнаго искусства, какое мы видѣли, говоря о медицинскомъ факультетѣ Краковской академіи, по истинѣ нужно благословлять тѣхъ людей практическихъ, которые для здравія страдающаго человѣчества, оставили намъ нѣсколько книгъ народной медицины. Однимъ изъ лучшихъ сочиненій въ этомъ родѣ есть народная медицина, писанная домашнимъ докторомъ Пилецкихъ, а въ слѣдъ за тѣмъ изданная *Мартиномъ Сльмикомъ* въ 1564 году. Умно и заботливо научаетъ онъ, какъ хранить умѣренность въ пищѣ и питіи, какъ содержать жилище, какъ пользоваться сномъ, какъ примѣнять пищу и питіе къ состоянію здоровья. *Иеронимъ Спичинскій* писалъ *О здѣшнихъ и заморскихъ травахъ* (O ziołach tutejszych i zotowskich) 1842 года, а Сѣнникъ, выше упомянутый нами, пополнилъ и издалъ это сочиненіе въ 1568 г. — Собраніемъ, быть можетъ всѣхъ тогдашнихъ врачебныхъ понятій, служить книга *Стефана Фалимержа*, печатанная въ 1534 году въ типогр. Угилера, гдѣ онъ говоритъ не объ однихъ только травахъ, но и о различныхъ другихъ предметахъ, имѣющихъ врачебное свойство. Сочиненіе это наполнено ошибками и носитъ слѣды вѣрованій того времени; Фалимержъ, не возвышавшійся надъ духомъ того вѣка, въ которомъ писалъ, вѣритъ вліянію звѣздъ и созвѣздіи на состояніе человѣческаго здоровья.

Благородныя побужденія вдохнули Сендомирскому канонику, *Мартину изъ Уржесдова* мысль составить лекарскій травникъ, что и было имъ исполнено подъ заглавіемъ: *Польскій травникъ, то-есть о свойствахъ травъ и различныхъ деревъ* (Herbarz polski to jest o przyrodzeniu zioł i drzew rozmaitych). Разсматривая все то, что было сдѣлано до сихъ поръ, почтенный Мартинъ съ сожалѣніемъ

видѣлъ, что одни изъ книгъ писаны золотыи и уже потому самому недоступны для страдающаго народа; другія подобно книгѣ Фалимежа, хотя изданы и по польски, но наполнены ошибками, которые могутъ имѣть на здоровье человѣческое одни лишь плачевныя послѣдствія. Видя, какъ онъ говоритъ, что ни одинъ врачъ не сострадаетъ печальному состоянію человѣчества, онъ рѣшился по польски объяснить названія травъ, и описать ихъ цѣлительныя свойства. Сочиненіе Мартина изъ Уржендова, сдѣлавшееся на долго подручною книгою польскихъ хозяевъ и хозяекъ, принадлежитъ къ прекраснымъ памятникамъ прошедшаго. На томъ же поприщѣ трудился *Симонъ Сыреній*, котораго *Травникъ, называемый на языкъ латинскомъ, гербаріемъ* вышелъ чрезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи нашей эпохи, подъ покровительствомъ шведской королевы Анны, сестры Сигизмунда III. Знатокъ своего дѣла, знаменитый въ послѣднее время ботаникъ, нашъ священникъ Станиславъ Юндзиллъ, въ своемъ *Описаніи растеній*, такъ говоритъ о важности труда Сыренія: «въ немъ старательно собраны всѣ изобрѣтенія, въ немъ описаны всѣ почти отечественныя травы, употребляющіяся въ медицинѣ, въ немъ до нашихъ временъ сохранились древне-польскія наименованія растеній, и указано ихъ употребленіе врачевное, экономическое, ремесленное.»

Мы упоминали уже (на стр. 155 этого сочиненія) о произведеніяхъ Петра изъ Кобылина, Петра Умястовскаго, Андрея Глябра изъ Кобылина и Валентія изъ Люблина, прибавимъ еще, что Войцехъ Очко, родомъ Чехъ, придворный врачъ Стефана Баторія, оставилъ сочиненіе на польскомъ языкѣ о *Баняяхъ* (о *Sierpicach*) 1578 и описалъ: *Качество или придворную больницу* (*Przymiot czyli Dworską chorobę*, 1571 года).

Имя Войцеха Очки воскрешаетъ въ нашей памяти прекрасныя слова, сказанныя ему почтеннымъ старикомъ Яномъ Димитромъ Соликовскимъ, когда въ послѣднюю его болѣзнь Янъ Замоискій прислалъ къ нему этого знаменитаго врача. Соликовский кротко сказалъ ему: «Ваше совершенство можетъ уменьшить мои страданія, но оно не удалитъ неизлечимыхъ болѣзней—каковы трудъ и возрастъ. Мой любезный Очко! я уже слышу какъ время точитъ свою косу на этотъ созрѣвшій колосъ. Оставьте въ покоѣ старика, который послѣ тяжелаго странствованія, жаждетъ отдохнуть. Ни въ чемъ онъ не можетъ быть для васъ полезнымъ, потому что и слабыхъ рукъ своихъ онъ уже не можетъ воздавать къ Богу, Господу силъ, за спасеніе Рѣчи Посполитой. Спасайте Замоискаго и Карла Ходгѣвича, пусть они приводятъ враговъ и злыхъ людей къ Богу и Господу своему, пускай Богъ укрѣпляетъ слабыя силы. Милый Очко благодарю, привѣтствую и благословляю васъ, а себѣ говорю: Богъ мое лекарство (*est medicina Deus*).

## XI. НАУКИ МАТЕМАТИЧЕСКІЯ И ИСТЕВЕННЫЯ.

АРИМЕТИКА.—ЗЕМЛЕМѢРІЕ.—АСТРОНОМІЯ.—СОСТОЯНІЕ ЭТОЙ НАУКИ ДО ВРЕМЕНЪ КОПЕРНИКА ВЪ ЕВРОПѢ И ПОЛЬШѢ. — НИКОЛАЙ КОПЕРНИКЪ—ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯНІЯ.—МѢСЯЦОСЛОВЫ ВЪ ПОЛЬШѢ. — ИСПРАВЛЕНІЕ МѢСЯЦОСЛОВА.

Приступая къ разсмотрѣнію состоянія физико-математическихъ наукъ въ Польшѣ, мы невольно должны спросить себя, почему, если у насъ было столько искусныхъ математиковъ и опытныхъ изслѣдователей природы, почему, говорю, физико-математическія науки не достигли высшей точки

своего развитія? почему они не были обрабатываемы съ большимъ жаромъ?—Отвѣтъ на это скрывается кажется въ глубинѣ народнаго характера. А что были у насъ опытные въ своимъ дѣлѣ физики и математики, это доказываетъ, что умъ польскій не чуждъ точности и логичности, что глазъ Поляка былъ метокъ, что мысль его могла углубляться въ сокровеннѣйшія тайны точныхъ наукъ. А что у насъ мало занимались знаніями математическими и физическими, это доказываетъ, что науки эти слишкомъ холодны, слишкомъ отвлеченны для польскаго ума, болѣе пламеннаго, болѣе склоннаго къ поэзіи. Тотъ, который съ малою горестью войновъ бросался на войска въ десятеро сильнѣйшія, видно не любилъ холодныхъ расчетовъ, и вѣрилъ что духомъ, а не числомъ можно творить чудеса. Полякъ съ любовью смотрѣлъ на природу, любилъ свои нивы, лѣса и холмы, но эту любовь къ природѣ онъ скорѣе выражалъ въ поэтическихъ идилліяхъ, какъ въ, напр., пѣсни Кухановскаго, нежели въ учено-математическихъ изслѣдованіяхъ. Для него сладокъ былъ дымъ, сладокъ былъ воздухъ его отечества, но онъ лучше желалъ проливать за нихъ кровь въ битвахъ, нежели свой дымъ и воздухъ разлагать химически. Жизнь практическая, военная, сеймовая и религіозная могла создать у насъ поэзію, могла возвысить краснорѣчіе, могла вдохнуть любовь къ исторіи, могла изощрить умы въ разрѣшеніи богословскихъ запутанностей, но не могла развить стороны холодныхъ исчисленій, не могла расположить къ наукамъ точнымъ, требующимъ спокойствія и свободной мысли. Словомъ мы были слишкомъ дѣятельны для того, чтобы могли къ намъ привиться предметы глубокаго размышленія и точныхъ исчисленій.

Но въ доказательство того, что Богъ не отнялъ однакоже у насъ способности къ наукамъ точнымъ и отвлеченнымъ,

укажемъ на немногочисленные, но много выражающіе изобрѣтенія.

Въ Краковской Академіи прежде всего обрабатывали науки исчисленій. Первымъ сочиненіемъ въ этомъ родѣ, о которомъ мы знаемъ, есть Арифметика (*Algorithmus linearis* 1524) Яна изъ Ланцута. Тамъ онъ предлагаетъ способы разрѣшенія задачъ, и излагаетъ тройныя правила, какъ съ цѣлыми числами, такъ и съ дробями. Рядомъ съ этою арифметикою извѣстны были еще два другія сочиненія: одно изъ нихъ, носившее также титулъ *Algorithmus linealis* (1524) разсуждало о первоначальныхъ дѣйствіяхъ сложенія, вычитанія, дѣленія и умноженія, о прогрессіяхъ и о тройномъ правилѣ, другое подъ заглавіемъ *Algorithmus novus* (1526 г.) излагало исчисленія по италіянскому способу. Изъ другихъ арифметическихъ сочиненій, но уже на польскомъ языкѣ, есть: *Algorithmus to jest nauka o числахъ, издаваная на польскомъ языкѣ* (*Algorithmus to jest nauka liczby polską rzeczą wydana*) Священникомъ Томою Клосомъ (1537) Изъ высшей математики изучали у насъ Эвклида о перспективѣ, Солидометрію, теоріи планетъ и таблицы Альфонса.

Геометрія на столько была извѣстна, на сколько можно изучить ее изъ сочиненій Аристотеля и Пифагора; болѣе обширное развитіе этой науки служило только для землѣзнаго искусства. Здѣсь мы видимъ, что В. Магистръ крестоносцевъ, Конрадъ Юнгингенъ приказалъ составить Хелмскую межевую геометрію (1407), употребленный въ ней способъ дѣленія на холмскіе морги на долго оставался обыкновенною мѣрою земли въ Польшѣ. Но хозяйственное землѣзнство скоро превратилось въ ремесло, которое было поручено людямъ простымъ, не свѣдущимъ въ математическихъ исчисленіяхъ. Что же удивительнаго въ томъ, если труды ихъ

были наполнены погрѣшностями и ошибками? Чтобы этия ренеслеминыагъ, дать какую-нибудь путеводительную нить, знаменитый филологъ *Станиславъ Гребскій* написалъ для нихъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Геометрія, то есть землемѣрская наука краткъ написанная польски изъ греческихъ и латинскихъ книгъ* (*Geometrya to jest miernicka nauka po polsku krótko napisana z Greckich, Lacinскихъ Ksiegi*. Краковъ 1566 г.).

Переходомъ отъ наукъ чисто математическихъ къ наукамъ естественнымъ служить прекрасная и возвышенная астрономія. Въ Польшѣ великій геній далъ этой наукѣ высокое развитіе, приготовилъ въ ней реформу, и успѣхъ неоцѣнимый на вѣки. Когда такимъ образомъ съ чувствомъ народной чести и гордости мы приступаемъ къ разсказу о Коперникѣ, бросимъ предварительно взглядъ на состояніе астрономіи у древнихъ, потомъ на состояніе этой науки въ Польшѣ, а наконецъ на великое астрономическое открытіе Николая Коперника.

Трудно, чтобы человѣкъ ежедневно поднимающій взоръ свой къ небу, ежедневно имѣвшій предъ глазами зрѣлище тѣлъ небесныхъ, ненаправилъ къ нимъ своего пытливаго ума, не пожелалъ прослѣдить теченіе и движеніе звѣздъ, солнца и луны, поэтому то астрономія въ древнѣйшую эпоху міра имѣла уже своихъ приверженцевъ. Звѣзды указывали путь мореходцамъ, звѣзды, Богъ знаетъ какими путемъ, изъ отдаленнаго востока привели мудрецовъ къ колыбели Христа, наблюденіе звѣздъ было предметомъ науки у Финикіянъ, Халдеевъ, Индѣйцевъ, Египтянъ. Тамъ подъ прекраснымъ небомъ имѣла свое развитіе наука астрономіи, тамъ взоръ человѣка былъ подкрѣпленъ вспомогательнымъ стеклѣмъ, а умъ его исчисленіями. Греки: Эвклидъ, Гераклидъ, Ницетасъ, Архимедъ Гиппурхъ изъ Бу-

тынии съ успѣхомъ занимались астрономію, дали названія звѣздамъ, опредѣлили болѣе или менѣе точно ихъ величину, и разстояніе отъ солнца и земли.

Разсѣянные наблюденія собралъ въ одно и привелъ къ порядочное цѣлое, Александрійскій астрономъ Клавдій Птоломей, но избравши землю среднимъ пунктомъ своихъ наблюденій, онъ принялъ ее за неподвижной центръ всего планетнаго міра. Во второй сферѣ, по Птоломею, движется луна, какъ особенная планета, далѣе идутъ — Меркурій, Венера, Солнце, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ, а тамъ простирается небо звѣздъ, недоступныя для наблюденій науки. Система Птолемея была принята всею Европою, какъ неопровержимое начало, земля была неподвижною, а цѣлый планетный міръ кружился вокругъ нея, какъ своего центра.

Какая сила, какой знакъ природы могъ приказать этимъ массамъ въ тысячу разъ большимъ земли кружиться вокругъ малой планеты? Какая сила можетъ двинуть солнечное свѣтло къ дневному обращенію вокругъ земли, которая въ сравненіи съ солнцемъ едва можетъ назваться малымъ тѣломъ? Легко было сдѣлать эти возраженія, но разрѣшить ихъ, узнать истинный порядокъ въ мудромъ устройствѣ міра было не легко; только избранный могъ это предвидѣть, обнять сердцемъ, рассчитать умомъ. Провидѣніе возвало нашего соотечественника, чтобы сдѣлать его избраннымъ.

Въ 1475 г. 19 февраля въ Торнѣ знаменитомъ прусско-польскомъ городѣ, родился сынъ простаго мѣщанина, внукъ булочника *Николай Коперникъ*. Звѣзда избранныхъ освѣщала его чело. Въ 10 лѣтъ дитя лишилось отца, на 18 году по окончаніи первоначальнаго ученія въ Торнѣ, дядя его Лука Вассельроде епископъ Варминскій отправилъ его въ Браковъ для дальнѣйшаго образованія въ наукахъ. Въ ту

пору, т. е. въ 1493 году, ректоромъ Браковской Академіи былъ Матвей изъ Кобылина, а астрономію преподавалъ Войчехъ изъ Брадъва,—авторъ всеупотребительной въ тогдешней Европѣ книги, *о теоріи планетъ*. (*Commentarium ulissimum in teorigis planetarum*). Расскажемъ чѣмъ была эта наука въ минуту прибытія Коперника въ Браковъ.

Профессоръ Янъ изъ Глоговы трудился надъ объясненіемъ книги о сферѣ Яна де Санробулко, Михаилъ изъ Бреслава ломалъ голову надъ тѣмъ, какая планета имѣетъ наиболѣе благотѣльное вліяніе на здоровье людей? Когда по предзнаменованію звѣздъ лучше всего принимать лѣкарство, сѣять хлѣбъ? когда избѣгать злосчастныхъ дней? словомъ трудился надъ баснями, которые дали бы слабое понятіе объ умѣ человѣческомъ. Мартинъ изъ Олькуша, Матвей изъ Мѣхова основывали наѣдры для астрологовъ, которые серьезно, въ печати, по звѣздамъ предсказывали морь, пожары, болѣзни, словомъ счастье и несчастье. Священная наука низошла на степень низаго фокусничества которое тѣмъ грустнѣе говоритъ объ ослабленіи человѣческаго ума, что сами даже фокусники вѣрили своимъ предсказаніямъ. Для примѣра выпишемъ нѣсколько словъ изъ предсказанія Михаила изъ Бреслава, которое ученый профессоръ обнародовывалъ серьезно и въ печати въ 1494 г. т. е. черезъ годъ по прибытіи въ Браковъ юнаго Коперника. «Въ Римѣ этотъ годъ будетъ не безопасенъ для души или тѣла. Краковіане будутъ совершать путешествія, и разсуждать о многихъ предметахъ вѣры и богослуженія. Городъ будетъ колебаться отъ несогласій. Нужно беречься поврежденій отъ огня. Въ Краковѣ будетъ господствовать подозрительная слабость и болѣзни, но нечего бояться за чуму и мора, о которомъ часто предсказывали. Однакоже другія смертныя болѣзни будутъ свирѣпствовать у насъ».



Не много возвышавшійся надъ своимъ вѣкомъ, однимъ незапятнаннымъ астрологіемъ, Войцехъ изъ Брудзева усердно трудился надъ математическими исчисленіями, углублялся въ древніе астрономическія системы, писалъ о составѣ астролябіи, и чистую науку преподавалъ любознательнымъ своимъ ученикамъ, какъ то: Якову изъ Кобылина, Бернарду изъ Рахматовиць Вановскому, Матвею изъ Шаптуль и Николаю Копернику. Этотъ послѣдній подъ руководствомъ Брудземаго изучалъ математику, медицину и живопись или лучше искусство рисованія, которое должно было быть столь необходимымъ для него на его великомъ поприщѣ.

Послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ Краковѣ, Коперникъ для дальнѣйшаго своего образованія уѣхалъ за границу. Въ Падуѣ онъ получилъ два вѣнка ученой награды за медицину и философію въ Болоніи изучая астрономію подъ руководствомъ Доминника изъ Феррары вмѣстѣ съ своимъ наставникомъ дѣлалъ наблюденія. Въ Римѣ, призванный къ занятію профессорской катедры, обратилъ на себя вниманіе и привлекъ всеобщую любовь. А то была минута, когда открытіе Америки Колумбомъ и астрономическіе труды Ренометале, могли воспламенить молодой умъ, ободрить его къ великимъ открытіямъ и возжечь желаніе достойной славы. Преподаваніе Коперника неограничивалось только изслѣдованіями древнихъ астрономовъ, со взоромъ впереннымъ въ небо, молодой Коперникъ изучалъ природу, повѣрялъ открытія своихъ предшественниковъ, думалъ объ ихъ неточности и колебался изрѣчь ли ему то великое слово правды, которое вдохнулъ ему Духъ Святый.

Въ 1502 году Коперникъ воротился въ Краковъ. Не занялся онъ врачебною практикою, не занялъ и осиротѣвшей нослѣ Войцеха изъ Брудзева астрономической катедры, но

избралъ мирное духовное званіе, чтобы свободнѣе можно было ему совершить дѣло преобразованія въ наукѣ, дѣло, которое много лѣтъ уже было его постоянною мыслию. Въ 1510 г. онъ былъ сдѣланъ Варминскимъ каноникомъ и приходскимъ священникомъ Фрауенбурга. Но неблагоприятныя обстоятельства возмутили въ началѣ мирные дни нашего мудреца. Крестоносцы, дышавшіе грабежемъ и набѣгами, устремили жадный свой взоръ на польскую провинцію. Городъ и деревни сосѣдніе къ границѣ крестоносцевъ чувствовали иго ихъ тиранскаго господства. Они не пощадили Фрауенбурга, въ которомъ польскій астрономъ устроилъ свое мирное жилище; напрасно Коперникъ обращался съ жалобами, ему отвѣчали злословіемъ и насмѣшками надъ его безвѣстнымъ лицомъ. Насмѣшки уличныхъ фокусниковъ, оскорбительныя письма, и наконецъ жалоба на Коперника, поданная Познаньскому сейму, таковы были плоды его содѣянія съ крестоносцами.

Какъ бы то ни было, но мысль Коперника объ астрономической реформѣ, зародышъ которой былъ у него уже въ Римѣ, которая развилась между 1502 и 1507 годовъ, здѣсь ожила въ немъ со всею силою, здѣсь совершенъ былъ важный переворотъ великой науки.

Гармонія и единство—таковы были качества ума Коперника. Видя гармонію и простоту во всѣхъ подробностяхъ мірозданія, мудрецъ дивился, почему онъ не замѣчаетъ этой гармоніи въ общемъ составѣ мірозданія? Почему земля должна быть исключеніемъ въ системѣ міра? почему она только одна долженствуетъ остаться неподвижною, тогда, какъ всѣ другія планеты проходятъ невѣстныя пространства? Почему не будучи ни большимъ, ни блистательнѣйшимъ тѣломъ она должна занимать центръ всего мірозданія? Земля, планета ничѣмъ не отличающаяся отъ всѣхъ другихъ планетъ, непре-

нѣнно должна быть подведена подъ общіе законы планетъ. А что же будетъ срединнымъ центромъ всего міра; Коперникъ мысль свою перенесъ и утвердилъ на солнцѣ, и не колебался признать его срединнѣйшимъ центромъ всего міра? какъ тѣло самое большее и великолѣпнѣйшее. Такова была его мысль брошенная вдругъ въ видѣ поэтической гипотезы, мысль, которую въ слѣдъ за тѣмъ онъ доказалъ точными математическими исчисленіями.

*Вотъ очеркъ системы Коперника.*

*Солнце* занимаетъ средину планетнаго міра, это тѣло неподвижно, и около 140,000 разъ большее земли. Годовое движеніе, какое, по нашему мнѣнію, солнце совершаетъ вокругъ земли, есть слѣдствіемъ годоваго движенія земли. Вокругъ солнца движутся слѣдующія подвижныя планеты:

1. *Меркурій*, планета малая и приближенная къ солнцу, свое годовое теченіе совершаетъ въ 87 дней и 23 часа.

2. *Венера*, планета ясная, которая появляется сейчасъ предъ восхожденіемъ и сейчасъ послѣ заходженія солнца, обращается вокругъ своей оси, въ 23 часа и 22 минуты. Годовое обращеніе вокругъ солнца совершаетъ въ 224 дня и 17 часовъ.

3. *Земля*, планета круглая, совершающая свой путь вокругъ солнца въ 365 дней 5 часовъ и 48 минутъ, вокругъ своей оси обращается въ 23 часа и 56 минутъ. Спутникъ землѣ есть *Луна*, которая не особая планета, какъ думали древніе, а только спутникъ земли.

4. *Марсъ*, кружится вокругъ солнца въ 321 день и 22 часа, а вокругъ своей оси въ 24 часа и 39 минутъ.

5. *Юпитеръ*, планета ясная и очень большая, обращается вокругъ солнца въ каждыя 11 лѣтъ и 315 дней; а кругомъ своей оси въ 9 часовъ и 36 минутъ. Планета Юпитеръ имѣетъ четырехъ спутниковъ, такого же самаго свойства, какъ и луна земная.

6. *Сатурнъ*, обходитъ солнце въ 29 лѣтъ и 160 дней, а обращеніе его вокругъ себя самаго неизвѣстно. Въ атмосферѣ Сатурна кружится 5 спутниковъ, такихъ же, какъ и луна земная, эту планету окружаетъ блестящее кольцо.

Всѣ планеты и спутники ихъ не имѣютъ своего свѣта, но свѣтять свѣтомъ заимствованнымъ отъ солнца.

Вотъ какимъ простымъ, великимъ, поэтическимъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ наиболѣе точнымъ образомъ объяснялъ Коперникъ премудрое твореніе Божіе — составъ мірозданія. Сколько радости чувствовалъ онъ въ каждую минуту, когда математическими исчисленіями ему удавалось оправдать свою великую гипотезу!... А сколько бы онъ чувствовалъ радости, еслибы дожилъ до нашихъ дней, и видѣлъ, какъ теперь при болѣе усовершенствованныхъ орудіяхъ и вычисленіяхъ ежедневно повѣряютъ и удивляются справедливости его вдохновенной мысли.

Разъ допустивши движеніе земли, Коперникъ тѣмъ подорвалъ всю астрономію древнихъ, начерталъ новый планъ міра, и объяснилъ движеніе небесныхъ тѣлъ. Сколько здѣсь необходимо было наблюденія и вычисленій! Въ 1509 и 1511 годахъ онъ наблюдалъ затмѣніе луны, въ 1512 г. указалъ положеніе Марса, два года спустя очертилъ положеніе Сатурна и т. д. При помощи долгихъ и упорныхъ наблюденій, пользуясь конечно содѣйствіемъ своихъ Краковскихъ друзей, послѣ 23-лѣтнихъ усилій, въ 1530 г. окончилъ онъ наконецъ свое великое произведеніе *о движеніи міровъ небесныхъ* (*De orbium celestium revolutiōnibus*), но недвѣря собственнымъ силамъ, отложилъ его напечатаніе до временъ позднѣйшихъ, потому что онъ лучше желалъ справиться съ мнѣніями современныхъ мудрецовъ, нежели выставить себя на посмѣяніе толпы.

Но вѣсть о великихъ открытіяхъ Коперника разошлась по Европѣ. Въ Римѣ его просили составить таблицу долготы года, необходимую для исправленія Календаря, Эразмъ Рейнгольдъ, кардиналъ Николай Шомбергъ, Георгій Реціусъ, Тидеманъ Гизиусъ и всѣ знаменитѣйшіе ученые Европы уиѣли оцѣнить великую мысль нашего соотечественника. Но мнѣнія современниковъ, грубыя понятія народа и дикія предразсудки фанатизма ставили преграду, которой Коперникъ не смѣлъ переступить.

Однимъ словомъ, мысль о движеніи земли была для однихъ предметомъ остроумныхъ шутокъ; другіе съ разинутымъ ртомъ и вытаращенными глазами удивлялись какъ можно возставать противъ авторитета Птолемея и древнихъ, потому что тогда было время слѣпой вѣры въ Аристотеля; иные, наконецъ, испуганные реформою Лютера не колебались объявить трудъ Коперника богохульнымъ изобрѣтеніемъ сатаны, имѣющимъ цѣль подорвать священное писаніе; потому что въ Ветхомъ Завѣтѣ нашли они стихъ, который казалось подтверждалъ теорію неподвижности земли и обращенія солнца. Выпишемъ это мѣсто изъ Библии. «Тогда глагола Иисусъ ко Господу, въ онъ же день предаде Господь Богъ Аморея въ руки сыновъ Израилевыхъ.... и рече Иисусъ: да станетъ «солнце противъ Гаваона и луна противъ дебри Элонъ.

«И ста солнце и луна въ стояніи дондеже отисти Богъ «врагомъ ихъ».

Не смотря на эти разногласныя мнѣнія о трудахъ Коперника, мудрецъ продолжалъ трудиться. Наконецъ, уступая просьбамъ своихъ друзей, Коперникъ строго занялся своею рукописью, помѣстивъ во главѣ ея посвященіе папѣ Павлу III и переслалъ свое сочиненіе Георгію Ретикусу съ просьбою, чтобы онъ занялся его напечатаніемъ. Не упуская изъ виду расположенія умовъ, издатель, этотъ плодъ вѣрнаго

исчисления, въ которое онъ самъ вѣровалъ, какъ въ святыню, называетъ только предположеніемъ, въ началѣ помѣщаетъ письмо кардинала Шомберга, и посвященіе папѣ, а все это для того, чтобы удалить отъ себя упрекъ въ неправовѣрїи. Приведемъ здѣсь нѣсколько словъ изъ письма Коперника къ папѣ.

«Сочиненіе мое, говоритъ онъ, я посвящаю Вашему Святѣйшеству, для того, чтобы знали всѣ простые и ученые, что я не скрываюсь отъ суда и критики. Изслѣдуя, далѣе говоритъ онъ, движеніе планетъ въ сравненїи съ обращеніемъ земли, мы видимъ не только совершенное согласіе въ частяхъ, но порядокъ и гармонию во всецѣломъ составѣ міра. Я увѣренъ, что ученый и глубокой математикъ отдастъ справедливость моимъ изслѣдованіямъ, и основательно разберетъ приводимыя мною доказательства. Если же нѣсколько пошлыхъ или темныхъ умовъ, захотятъ употребить противъ меня, выраженія священнаго писанія, смыслъ котораго они искажаютъ, то я презираю ихъ легкомысленныя нападенія. А развѣ Лактанцій, писатель знаменитый, но слабый математикъ, не смѣялся надъ ученіемъ тѣхъ, которые доказывали, что земля наша шаровидна? Нѣтъ по этому ничего удивительнаго, если подобная участь ожидаетъ и меня. Объ истинахъ математическихъ, могутъ судить одни только математики. Если я не сомнѣваюсь, то мое сочиненіе не будетъ во все бесполезнымъ и для церкви».

И однакоже фанатизмъ возсталъ противъ этого великаго произведенія, а Римъ хотя пользовался трудами Коперника, при всемъ томъ при папѣ Павлѣ V, 5 марта 1616 года изрекъ противъ него слѣдующій приговоръ, подписанный епископомъ Альбою и братомъ Франциска Капиерреуса.

«Такъ какъ дошло до свѣдѣнія общества, установленнаго «противъ запрещенныхъ книгъ, что ложное и противное «священному писанію ученіе пифагорейское о движеніи «земли и неподвижности солнца, которое развилъ Николаѣ «Коперникъ въ своемъ сочиненіи *De revolutionibus or- «bium celestium*; и доказывалъ (а роріега) Дыдокъ Асту- «нина въ комментарий на книги Пациента, такъ какъ, повто- «ряемъ ученіе это начинаетъ распространяться, поэтому, «предупреждая, чтобы оно нераспространялось далѣе ко «вреду католической истины, общество постановляетъ, со- «чиненіе запретить, до той поры, пока оно не будетъ попра- «влено».

Наступила исправленіе въ 1667 г. Не многое было измѣ- «нено, только великія и неопровержимыя истины математиче- «скія приказано было назвать гипотезою, мечтою, предно- «ложеніемъ. Такова участь людей высокаго ума и ихъ вѣко- «выхъ трудовъ. Къ счастью Коперникъ не дожидъ до этой «эпохи, Богу не угодно было, чтобы къ столь многимъ горе- «стямъ его жизни прибавилось еще мученіе быть непонима- «ему, гониму за истину, чтобы его священная мысль, со- «всѣмъ убѣжденіемъ правовѣрія, была названа неоснова- «тельнымъ мечтаніемъ. Коперникъ скончался въ 1543 году, «въ то самое время, когда его сочиненіе, по старанію Ретива, «было напечатано въ Нюрнбергѣ (Nürnberg).»

Ученый міръ оцѣнилъ Коперника, и преклонилъ предъ нимъ колѣна. Мы не въ состояніи исчерпать предметъ, не будемъ поэтому говорить о томъ, сколько благоговѣнія выз- «вало это сочиненіе, равно какъ преслѣдованій и насмѣшекъ, «сколько разрознило мнѣній, до тѣхъ поръ, пока наконецъ «не было принято всѣми.

Не нужно также теперь доказывать и того, что Копер- «никъ былъ Полякъ. Это дѣло уже рѣшеное. Одно только

больно, что у насъ хотѣли отнять честь считать его однимъ изъ польскихъ гражданъ.

Мы привели слова Коперника, въ которыхъ онъ говоритъ, что труды его могутъ быть полезны Церкви въ дѣлѣ исправленія Календаря. Потребность эта была крайняя. Мы упоминали уже о гадательныхъ календаряхъ Краковской Академіи, они начались съ 1495 г. и подъ заглавіемъ *Judicium* выходили на латинскомъ языкѣ. Въ 1534 году изданъ былъ въ тип. Унглера стѣнной польскій Календарь, всѣ эти календари были наполнены баснями и нелѣпыми предсказаніями, указывали, когда хорошо подавать прошенія, приниматься за изученіе философіи, отправляться въ путь и т. д. Между тѣмъ существенную часть календаря, длину года, предѣлы подвижныхъ праздниковъ, измѣненія луны передавали ошибочно. Такъ какъ по дѣлу о календарѣ выступалъ еще одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ *Янъ Латосъ*, скажемъ объ этомъ нѣсколько словъ. Вслѣдствіе астрономическихъ заблужденій, какіе вкрались въ исчисленія года, Календарь Юліанскій, которому мы до сихъ поръ слѣдуемъ, не исправленный со времени Никейскаго Собора, дошелъ до того, что въ началѣ XV вѣка во времена папы Льва X, нашлось десять дней, которыя никто не зналъ къ какому причислить мѣсяцу. Умный Левъ X разослалъ воззванія во всѣ европейскія Академіи, чтобы занялись исчисленіемъ долготы года и рѣшительнымъ обозначеніемъ времени Пасхи. Но Левъ X скончался, а его преемники упустили изъ виду это дѣло, до тѣхъ поръ, пока Григорій XIII снова принялся за элементарное сочиненіе Лудовика Лиліо, основанное на таблицахъ Короля Альфонса, и разослалъ его въ различныя Академіи, въ томъ числѣ и въ Краковъ, для полученія ученой критики.



Еще при Львѣ X. по призыву апостольскаго престола трудился у насъ надъ календаремъ острономъ Мартинъ изъ Олькуша, но трудъ его въ стѣнахъ Библіотеки остался необнародованнымъ и безъизвѣстнымъ. Краковская Академія находя Календарь Лиліо во всемъ согласнымъ съ календаремъ Мартина изъ Олькуша, не смѣя при томъ противорѣчить папѣ, почти единогласно одобрила присланный трудъ. Съ возраженіями выступилъ одинъ только академикъ Янъ Латось, и доказывалъ путями ученыхъ и религіозныхъ, что непозволительно преступать тѣхъ основныхъ правилъ, которыя приняты Никейскимъ Соборомъ при составленіи календаря. Но обнародованный Календарь Лиліо, сдѣлался обязательнымъ въ Церкви, а Латось преслѣдуемый, вызываемый на диспуты и непріятныя личныя распри съ Счененымъ Жебровскимъ, едва нашелъ себѣ убѣжище при дворѣ князя Острогскаго.

### Заключеніе эпохи Ягеллоновъ.

И такъ мы сказали все, что можно было сказать о литературѣ въ эпоху Ягеллоновъ, при быстромъ на нее взглядѣ, мы обозрѣли два вѣка Польши въ умственномъ ея отношеніи. Посмотримъ же на то, что имѣло особенное вліяніе на успѣхи просвѣщенія и литературы въ теченіе этихъ двухъ столѣтій.

При Пястахъ Польша ограничивалась своими приходскими школами, а для высшаго образованія должна была ѣздить за границу. Въ эту эпоху она приобрѣла двѣ Академіи и множество благоустроенныхъ училищъ.

Языкъ латинскій былъ въ Польшѣ варварско-средновековнымъ, а теперь сдѣлался истинно-римскимъ, языкъ польскій бывшій не письменнымъ и грубымъ, достигъ высокаго совершенства.

Поэзія, состоявшая при Пястахъ изъ нѣсколькихъ обломковъ, въ эпоху Ягеллоновъ обогатилась истинно-художественными произведеніями въ лирическомъ родѣ; не столь была счастлива въ повѣствовательномъ, и въ драматическомъ родѣ нисколько почти не возвысилась надъ первыми разговорами временъ Пястовъ.

Проза въ эпоху Пястовъ вся почти заключавшаяся въ церковной литературѣ, теперь произвела множество сочиненій нравственныхъ, правоописательныхъ, проливающихъ свѣтъ на каждую отрасль знанія.

Исторія при Пястахъ, стѣсненная рукою деспотизма, была блѣднымъ пристрастнымъ лѣтописаніемъ безъ всякой критики; а въ эпоху Ягеллоновъ заняла приличное ей мѣсто судьи дѣлъ человѣческихъ.

Законодательство, сбивчивое, состояло изъ противорѣчившихъ другъ другу указовъ и рѣдко когда руководствовалось правомъ народныхъ обычаевъ. Теперь опредѣлены отношенія власти къ народу, народу данъ свой органъ, ослаблено вельможество; но слишкомъ поспѣшно принявъ магнатовъ въ шляхетскій классъ народа, дозволили имъ подъ предлогомъ шляхетской свободы усилиться съизнова.

Польша при Пястахъ была правовѣрною и чуждою вѣро терпимости; теперь выучилась менѣе слѣпо вѣрить, образовала начало свободы совѣсти; но съ другой стороны истратила прекрасные отечественные таланты въ религіозныхъ спорахъ, и ссорами религіозными бросила сѣмена несогласія между соотечественниками. Для поддержанія православія вызвала универсальный орденъ іезуитовъ, который мало по малу, разсчитанно сталъ разслаблять духъ, портить вкусъ, и искажать понятія. Поистинѣ лучше было бы намъ держаться старой католической вѣры, хотя съ другой стороны религіозные споры имѣли вліяніе на усовершенствованіе слова.

Изъ этого безпристрастнаго обозрѣнія нашей эпохи видимъ, что не довольно осмотнительное очертаніе шляхетской свободы, во имя которой вторично возвысилось вельможество, а потомъ религіозные споры и призваніе іезуитовъ—таковы были ошибки эпохи Ягеллоновъ, но общій ея результатъ прекрасенъ, похваленъ и ознаменованъ успѣхами.

Польша имѣла чѣмъ гордиться въ эпоху Ягеллоновъ; въ законодательствѣ, напримѣръ, гдѣ лучше были опредѣлены отношенія между народомъ и властію, какъ въ Польшѣ? Или на поприщѣ ученомъ, какая страна могла бы гордиться такимъ числомъ великихъ писателей? богатства ли, то гдѣ блистательнѣе горѣли дорогіе камни и золото, если не въ одеждѣ Поляковъ? Или на поприщѣ военномъ, гдѣ можно найти битвы столь блистательныя какъ въ походахъ Ягелло, Витольда, Острогскаго, Тарновскаго и короля Стефана? Верхъ благополучія, на которомъ находилась Польша при Ягеллонахъ подобенъ былъ утесистой горѣ, съ вершины которой она долженствовала сойти внизъ. Непримѣтно, но покатымъ путемъ шла Польша къ своему паденію въ эпоху Вазовъ; какія были причины упадка? гдѣ въ наши учрежденія (Institucji) вкрались органическіе недостатки? Гдѣ мы во зло употребили права святой свободы? Какая реакція разслабила нашъ духъ. Кто испортилъ вкусъ, исказилъ языкъ, литературу? Все это мы постараемся изслѣдовать въ эпоху Вазовъ.

Грустный трудъ! но еще и въ эпохѣ Вазовъ найдемъ не одну утѣшительную и отрадную для сердца минуту, которая позволить намъ забыть, что мы изображаемъ переходъ отъ благополучія къ упадку.

## 1. ОБЩИЙ ВЗГЛЯДЪ НА ЭПОХУ ВАВОВЪ.

Состояніе умовъ въ началѣ эпохи. — Характеръ Сигизмунда III. — Недостатки и похвальные качества Поляковъ. — Народъ сознаетъ свои заблужденія. — Литовскій статутъ. — Законодательство въ другихъ провинціяхъ Польши. — Инквизиціонный сеймъ. — Ровошъ. — Войны. — Иезуиты. — Ихъ споры о воспитаніи съ Краковскою академіею, и иновѣрцами въ Великой Польшѣ, Малой Польшѣ и Литвѣ. — Смерть Сигизмунда III. — Владиславъ IV. — Войны съ казаками. — Піары. — Времена Яна Казимира. — Политическое и умственное состояніе Польши въ минуту ея отреченія.

Мужъ великаго ума, съ благими намѣреніями и желѣзною волею, Стефанъ Баторій оставилъ Польшу въ цвѣтущемъ состояніи. Въ ней процвѣтали науки, свобода и богатства; внутренній порядокъ и уваженіе которымъ она пользовалась во мнѣніи чужеземцевъ, дѣлали ее странюю счастливою, какихъ мало было въ то время. Прекрасенъ былъ духъ и точка исхода польскихъ установленій и законодательства, но составныя части общественнаго тѣла, не довольно соединенныя между собою, въ борьбѣ съ партіями исторгая свои преимущества, выработали крѣпость своихъ силъ и тогда началось состояніе разъединенія. Магнаты безнаказанный въ своихъ своевольныхъ поступкахъ, шляхтичъ необузданный въ свободѣ слова и печати, католики руководимы иезуитами, заботящійся болѣе о догматахъ, нежели о



чистотѣ церковнаго ученія, иновѣрецъ то гонимый, то гонитель, насмѣшливый и холодный рационалистъ, добрые шляхтичи, доблестные воины, небогіе умомъ и деньгами, старающіеся о сохраненіи своей общественной свободы, — вотъ каковы были Поляки при Баторіѣ. Въ храмѣ, въ сеймахъ и сеймикахъ, сколько разъ разнородные интереса лицъ, кастъ и исповѣданій сталкивались между собой враждебно, и каждый утверждалъ, что имѣетъ свое особое право, или обращалъ въ шутку это право. Стефанъ Баторій по мѣрѣ силъ своихъ обуздывалъ эти шумныя и бурныя элементы; ходили даже слухи, что онъ намѣренъ преобразовать правленіе въ Польшѣ, но въ то время, онъ скончался на Гродненскомъ сеймѣ 1586 года. Въ особенности нужно сожалѣть о потерѣ великаго мужа, потому что обращая вниманіе на благія его намѣренія и на нашу общественность, можно было оставаться въ покоѣ на счетъ того, что онъ не захотѣлъ бы, да и не былъ бы въ силахъ рѣшительно поработить польскую свободу. Что же касается реформъ необходимыхъ и нужныхъ въ Польшѣ, то искусной рукѣ и закаленному сердцу легче было бы соединить въ одно горнило общаго блага, тѣ разсѣянные, односторонніе виды, и могучія силы, которыя уже начинали принимать недоброе направленіе. Но Стефанъ Баторій скончался, а избранный его преемникъ не имѣлъ силы и вліянія, которые бы соответствовали такой трудной, небезопасной и щекотливой работѣ.

Сигизмундъ шведскій королевичъ, большинствомъ призванный на престолъ Ягеллоновъ, въ самомъ образѣ своего избранія долженъ былъ узнать надъ какимъ народомъ, и среди какихъ обстоятельствъ приходится ему царствовать. Зборовскіе и Замойскіе во всемъ вооруженіи приходятъ на поле избранія, какъ будто на битву, среди священ-

наго акта избранія монарха, войска двухъ магнатовъ бросаются другъ на друга, образуются два избирательные круга, убить свящ. Бржезинскій и поле обагрено кровію. Изъ уваженія къ потребностямъ отечества, королемъ единодушно избирають Сигизмунда, но потомъ единственно на перекоръ Замоискому меньшинство держить сторону другаго кандидата; въ кругу противоконвокаціонномъ (созывательномъ) примасъ именуеть Сигизмунда, а въ конвокаціонномъ кievскій епископъ провозглашаетъ королемъ Максимилиана. Нѣмецкій эрцгерцогъ съ войскомъ вторгается въ Польшу, и предъявляетъ мнимыя права свои на корону, а Замоискій съ избирательнаго поля, прямо идетъ на поле битвы и побѣдою подъ Бучиномъ (25 января 1588 г.) утверждаетъ корону на главѣ Сигизмунда.

Изобразимъ характеръ монарха и того народа, надъ которыми пришлось ему царствовать.

Рожденный въ темницѣ отъ отца, шведскаго короля Яна и матери Екатерины Ягелло 1566 г. и не смотря на сопротивление отца воспитанный въ вѣрѣ католической, Сигизмундъ отъ матери бралъ примѣръ благочестія и покорности іезуитамъ, а примѣръ отца и дяди образовывалъ въ немъ характеръ жесткій, упорный, деспотическій. Нишковскій, Высоцкій, Голинскій и іезуиты были его наставниками и руководителями совѣсти; душу его и безъ того не твердую обременили религіозными сомнѣніями, умъ недовольно быстрый расположили къ размышленіямъ, и такимъ образомъ выработали въ немъ ту вѣчную борьбу и колебаніе, какіе онъ обнаруживалъ въ теченіе всей своей жизни, и отъ которыхъ онъ получилъ названія *откладчика до завтра* (dojutka). Съ одной стороны мать и іезуиты, въ надеждѣ видѣть когда нибудь на главѣ его корону Ягеллоновъ, выучили его католической вѣрѣ и польскому языку, а съ другой стороны

нѣмецкіе обычаи господствовавшіе во всей Европѣ и принятые при шведскомъ дворѣ, родили въ немъ любовь къ нарядамъ и увеселеніямъ, столь мало согласную съ тѣмъ высокимъ назначеніемъ, которое ожидало избраннаго въ монархи народу сильному, воинственному. Набожность и невѣротерпимость, недостатокъ воли и упорство, польскій языкъ и нѣмецкіе обычаи, довольно гражданской, но мало нравственной отваги, таковъ былъ результатъ его воспитанія при дворѣ отцовскомъ, таковъ былъ въ его недовольно сильномъ умѣ плодъ борьбы началъ іезуитизма съ понятіями протестантскаго, монархическаго, бурнаго шведскаго двора, который былъ колыбелью Сигизмунда.

Съ такимъ характеромъ двадцати двухъ-лѣтній юноша занялъ престолъ Ягеллоновъ. Чистота нравовъ при его дворѣ была образцемъ для всего государства, но образъ его жизни и нравы, чуждые жизни Поляковъ, не могли снискать ему популярности и привлечь сердца подданныхъ. Онъ, какъ говорятъ современники, во всемъ хотѣлъ казаться Нѣмцемъ, между тѣмъ какъ въ природномъ славяно-польскомъ характерѣ было непреодолимое отвращеніе къ Нѣмцамъ. Въмѣсто охоты, конскихъ скачекъ, ристаній и другихъ рыцарскихъ упражненій, король предпочиталъ читать молитвы, играть на клавикордахъ, слушать придворный оркестръ, играть въ мячъ, заниматься золотошвейною работою, или запершись съ Николаемъ Вольскимъ Кржепицкимъ старостою, производить пустые алхимическіе опыты. Поляки любили свою свободу, а король мечталъ объ *absolutum dominium*, среди котораго онъ воспитался; Поляки любили роскошь, и упрекали короля въ скупости; Поляки были искренны, открыты, болтливы, король полонъ величія и важности, «скуцъ былъ въ словахъ, не скоръ на вопросы, коротокъ въ отвѣтахъ.» Суровую но популярную фигуру

Баторія Поляки сравнивали съ новымъ королемъ, и это сравненіе не могло быть въ пользу Сигизмунда.

Кромѣ этихъ поверхностныхъ, народъ имѣлъ еще и другія болѣе дѣйствительныя побужденія къ нерасположенію. Сигизмундъ III, удовлетворяя союзу крови или влеченію сердца, въ политикѣ внѣшней болѣе слѣдовалъ внушеніямъ Нѣмцевъ и Шведовъ, нежели потребностямъ собственнаго государства; въ управленіи внутреннемъ, вооруженный заимствованнымъ отъ іезуитовъ духомъ не вѣротерпимости, стѣснялъ огражденную конституціей свободу совѣсти и допустилъ ко двору низкія интриги. Совѣтниками, даже судьями королевскихъ поступковъ были іезуиты и ихъ орудіе, любимецъ королевскій Андрей Боболя, коронный подкоморій.

«Такимъ образомъ, говоритъ Пясецкій, Боболя такъ овладѣлъ королемъ, что тотъ ничего не дѣлалъ безъ его совѣта, равно какъ и Боболя ничего безъ іезуитовъ; даже въ дѣлахъ общественныхъ первый былъ совѣтъ Боболя и іезуитовъ всегда обращавшійся ко вреду Рѣчи Посполитой... потому что они не изучали ее состоянія и интересовъ. Іезуиты были свѣдуши въ дѣлахъ школьныхъ и своего ордена, Боболя, жилъ одними интригами, и однако же они давали свои совѣты о дѣлахъ польскихъ, московскихъ и шведскихъ, и осужденіе ихъ мнѣнія считалось святотатствомъ.» Сигизмундъ, слѣдуя беспорядочнымъ движеніямъ своего характера, то принимается за оружіе, то празднымъ отлагательствомъ теряетъ дѣло, то питаетъ ненависть и преслѣдуетъ местию, то великодушно прощаетъ, то становится надменнымъ, то является смиреннымъ; то упорствуетъ, то слушаетъ чужихъ совѣтовъ, имѣетъ гордые виды и приготовляетъ средства, но у него недостаетъ крѣпости, и гениальности для ихъ исполненія.



Таковъ былъ характеръ, таково начало правленія Сигизмунда III.

А Польша, избалованная богатствами, успѣхами, оружіемъ, ученостію, свободою и религіозными спорами, требовала болѣе искусной руки для того, чтобы придать что нибудь, отнять, уровнять въ ней или исправить, и изъ прекрасныхъ, но безпорядочныхъ элементовъ создать цвѣтущее прочное цѣлое. Изъ современныхъ свидѣтельствъ составимъ очеркъ характера и нравовъ Польши въ нашу эпоху. При этомъ для насъ особенно полезны вѣрныя картины, взятая изъ сеймовыхъ и воинскихъ проповѣдей Петра Скарги. «Смотрите до какого богатства и изобилія довело васъ отечество, какъ оно васъ обогатило и одарило: денегъ у васъ достатокъ, достатокъ въ припасахъ, одежды столь драгоцѣнныя, такое множество слугъ, коней, колясокъ, такіе издержки, денежные доходы вездѣ умножены. Одна только мать имѣетъ мало. Прежде рѣдко кто дома имѣлъ у себя пиво, а теперь погреба наши благоухаютъ виномъ, прежде домашнія издѣлія одѣвали наши члены, а теперь шелкъ и бархатъ; прежде употреблялись простые рыдваны и то рѣдко, часто сѣдло заступало мѣсто подушекъ, а теперь золотые сѣдла и кареты; прежде простыя кушанья, а теперь птицы и кашлунны. Прежде одна миска служила для всѣхъ, а теперь по нѣскольку блюдъ. О любезная мать! дѣти твои уже роскошествуютъ.... «Тоже отечество облекло васъ воинскою славою, которая наиболѣе возвысилась въ эти времена. Эта мать раждаетъ вамъ мужественныхъ, смудрыхъ и счастливыхъ гетмановъ, крѣпкое и безстрашное рыцарство и такой народъ, на который засматриваются сами враги.» «Эта же милая мать даровала вамъ золотую свободу, но вы сами себя тираны, если не исполняете законовъ и полагаете преграду правосудію ложною свободою или

«лучше сказать своеволюемъ.» «Прошу васъ не дѣлитесь  
этии тремя наслѣдіями: религіею, королюемъ и отече-  
ствомъ, потому что какъ скоро начнете дѣлиться, все ваше  
погибнетъ. Не хорошо раздѣленіе вѣры—потому что вѣра  
только одна, двѣ или три быть не могутъ, какъ же скоро  
вы ее раздѣлили, вы уже убили ее и утратили, а безъ од-  
ной общей вѣры и религіи, какое можетъ быть единеніе?  
Дѣлиться королями? но можетъ произойти вредное несогласіе  
и погибель Рѣчи Посполитой отъ того, если бы было много  
королей; отечество также намъ мать едиnorodная и не тер-  
питъ раздѣленій, всѣ мы сыны ея, рожденные въ ея нѣ-  
драхъ, не можемъ имѣть другой.» «Мы пишемъ законы, и  
много такихъ, которые не исполняются; мараемъ только  
листы, а живемъ по старому въ нерадѣніи, и тѣмъ не  
приносимъ пользы королевству. Говорить, писать, дѣлать  
выводы мы умѣемъ; а для исполненія нѣтъ у насъ тща-  
тельныхъ, строгихъ, порядочныхъ и неумолимыхъ чинов-  
никовъ; каждая мелочь отклоняетъ и отстраняетъ его отъ  
исполненія, отъ этого должности у насъ безсильны, суде-  
бныя мѣста въ опущеніи и разстройствѣ, только одни мѣ-  
шаетъ другимъ. Права только въ сводахъ, въ обычаяхъ же  
людскихъ злоба и своеволюе.» «Коснутся бы намъ и того  
злостнаго закона, по которому поселяне и вольные люди,  
Поляки и вѣрные христіане, убогіе подданные, дѣлаются  
рабами, и другіе дѣлаютъ съ ними все что хотятъ; для  
имѣнія, здоровья и жизни имъ нѣтъ никакой защиты и  
никакого суда, и такимъ образомъ мы утверждаемъ то  
*supremum dominium*, при одной мысли о которомъ сами  
содрогаемся... Почему бы намъ не пользоваться ими какъ  
наемниками, а не какъ рабами? Онъ сидитъ на твоей землѣ,  
и распоряжается ею дурно, прогони его съ твоей земли, а  
свроденной, христіанской свободы не отнимай у него, и

«не дѣлай себя неограниченнымъ господиномъ его жизни и здоровья безъ судьи... Хотя я знаю, что это у насъ не многіе дѣлаютъ, но по какому-то злону и дикому праву дѣлать могутъ.» «О какое страшное воровство и обманъ бываетъ въ Государствѣ, когда собираются поборы на война! по уздамъ они берутся на откупъ однимъ предъ другимъ; откупщикъ покупаетъ должность и уступаетъ ее другому, или отдаетъ въ аренду; арендаторъи аходятъ себѣ другаго арендатора, всѣ крадутъ, и совершаютъ грѣхъ особенный, великій, который зовутъ *peculatus*. Говорятъ, что едва половина поборовъ приходитъ на нужды военныя, а другая половина остается ворамиъ.» «Если же у него нѣтъ денегъ, солдатъ насилуетъ и грабитъ своихъ сосѣдей, что происходитъ съ великимъ безчеловѣчіемъ... Другіе берутъ и грабятъ все что хотятъ, кто имъ противится того убиваютъ, а награбленное продаютъ и богатѣютъ... Нѣкоторые выучились одинъ у другаго дѣлать сѣзды для срамнаго чревоугодія и сваръ, и расточивши все изъ анбара, изъ стойла и изъ гумна отъ одного ѣдутъ къ другому, и тамъ также все истребивши возвращаются въ свои дома, гдѣ ожидать ихъ нужда и убожество. У многихъ шляхтичей не найдешь оружія, добраго коня и того что необходимо на ежедневныя нужды... Ѣздятъ они въ возахъ; всадники, которые были вѣнцемъ нашего воинства, наиболѣе славны и страшны непріятелямъ, лучшихъ лошадей своихъ запрягаютъ въ телѣги, и ни себя ни лошадей не приучаютъ къ битвамъ. Конницу обратили теперь для перевозки лей пуховиковъ и кроватей. Прежде имѣли 50 всадниковъ, и одну телѣгу для небольшого багажа, теперь забыли верховую ѣзду, сдѣлались изнѣженны и женоподобны и ввели въ употребленіе кареты.»

Къ этимъ картинамъ изъ сочиненія Скарги прибавимъ еще нѣсколько другихъ свидѣтельствъ того времени объ испорченности нравовъ въ Польшѣ. «Подобно безсмысленной черни, говоритъ Старовольскій, мы не умѣемъ окончить ни одного дѣла, ни одного разговора или бесѣды съ пріятелемъ.» «А развѣ мы, говоритъ Решка, не видѣли пьяныхъ сеймовъ, пьяныхъ трибуналовъ, по причинѣ которыхъ и всѣ дѣла публичныя были неисполнены.» «Стыдно мнѣ, пишетъ Пепловскій, или лучше больно, рассказать множество убійствъ въ прошедшіе и нынѣшніе годы, исчислить множество разрушенныхъ деревень, мѣстечекъ, завоеванныхъ замковъ, потому что каждый вѣритъ, что оружіемъ и насиліемъ легче ему будетъ отыскать свое право и найти удовлетвореніе за обиду.» «Изгнанныя изъ отечества, говоритъ Гурницкій; жить себѣ дома или у челоуѣка ему обязаннаго, и нисколько не беспокоитъ его то, что онъ изгнанникъ. Что за важность? говоритъ, вотъ я свободенъ, никто не зоветъ меня предъ судъ, потому что тамъ нѣтъ для меня мѣста; чтобы я ни сдѣлалъ, все мнѣ позволительно, какъ челоуѣку такому, надъ которымъ никакой судъ не имѣетъ права.»

Эти картины дерзкаго и безнаказаннаго своеволія, можно принаровить къ сословію рыцарскому, или среднему, шляхетскому. Что же дѣлали аристократы? вотъ здѣсь укажемъ на громкое дѣло о Слуцкой княжнѣ, дѣло, которое было ведено въ первые годы правленія Сигизмунда, на самомъ разсвѣтѣ XVII вѣка. Это дѣло даетъ намъ полное понятіе о необузданности и силѣ нашихъ вельможъ.

Скончался Георгій Олельковичъ князь Слуцкій и Копыльскій, а сирота дочь его, наслѣдница обширныхъ владѣній въ Литвѣ, княжна Софія перешла подъ опеку своихъ родственниковъ Георгія и Іеронима Ходкѣвичей. Христофоръ Радзи-

вилъ Виленскій воевода, родственникъ Ходкѣвича, просилъ руки княжны, бывшей еще младенцемъ для сына своего Януша. Ходкѣвичъ принялъ предложеніе, и даже торжественнымъ актомъ обязался, какъ опекунъ, коль скоро Софія достигнетъ совершеннолѣтія, и добровольно приметъ руку Януша, отдастъ ему ее въ супруги 6 февраля 1600 г. Между тѣмъ вслѣдствіе ли того, что кто-нибудь изъ молодыхъ племянниковъ Ходкѣвича искалъ руки и состоянія Софіи, или вслѣдствіе другихъ неудовольствій съ Радзивиломъ, но Янушу былъ запрещенъ входъ въ домъ Ходкѣвичей, и угрозы послѣднихъ предсказывали что-то недоброе насчетъ исполненія обѣщанія. Приближался срокъ брака, назначенный въ договорѣ, и по силѣ его прибыли въ Вильно польскіе магнаты, повидимому для того, чтобы удовлетворить торжественнымъ и законнымъ обязательствамъ, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы вооруженною рукою уничтожить сдѣлку, унижить надменную гордость и съ тѣмъ вмѣстѣ доказать и престолу и недругамъ дерзкое свое могущество. Это было торжественное поруганіе надъ существовавшими законами. Острогскій, Абрамовичъ, Замойскій и Радзивилы дали свои надворныя войска Радзивилу, отправлявшемуся въ Вильно. Ходкѣвичи съ равными силами, на подобіе замка вооружали свой каменный домъ въ центрѣ Литовской столицы. Еще мгновение, и среди внутренняго мира, въ стѣнахъ града Ягеллоновъ загремятъ пушки разсорившихся магнатовъ, и кровь братная прольется въ ихъ дѣлѣ. Гдѣ правительство для обузданія своевольныхъ? Король смиренно посылаетъ отъ себя четырехъ сенаторовъ въ посредники спора. Сенаторы съ униженіемъ своего достоинства ходятъ отъ одной стороны къ другой, но ихъ никто не слушаетъ и ни одна изъ сторонъ не хочетъ положить оружія. Вечеромъ, въ день назначенный Радзиви-

лами и Ходкѣвичами вмѣстѣ, священникъ ожидаетъ жениха и невѣсту, но эта пустая формальность, на улицахъ разставлены засады, въ окнахъ дворца Ходкѣвичей торчатъ пушки, и обѣ стороны очень хорошо знаютъ, что бракъ не состоится. Пробылъ послѣдній часъ дня 6 февраля и обѣ стороны торжественно объявили, что не по ихъ винѣ не исполнено обязательство. Трибуналь литовскій чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ успѣлъ помирить вельможъ, бракъ состоялся, и исторія записала неслыханный фактъ гордости польскихъ аристократовъ и ихъ пренебреженія къ отечественнымъ установленіямъ.

Горестно изображать намъ картину разстройства, которое развилось вслѣдствіе дурнаго управленія буйныхъ силъ народа. Народъ во всѣхъ отношеніяхъ сильный и свободный, на тронѣ король слабый и нелюбимый, кругомъ завистливые сосѣды—вотъ положеніе Польши при Сигизмундѣ III. Состояніе грозное, въ будущемъ одна только вѣра, хотя уже охлажденная религіозными спорами, только любовь къ отечеству, хотя уже искаженная личными видами, только Провидѣніе, хотя уже разгнѣванное, могли спасти нашъ корабль среди бури. Но еще до окончанія эпохи Вазовъ, Польша начала уже терпѣть наказаніе за свои преступленія: за дерзкіе порывы въ знаніи, мы были наказаны іезуитскимъ мракомъ, за ссоры и домашнія несогласія, внѣшними менѣе счастливыми войнами.

Какъ бы то ни было, но еще въ началѣ нашей эпохи нравственное начало любви къ вѣрѣ и отечеству, стоя на стражѣ сердець и границъ польскихъ, ручалось за существованіе, было охранительною силою нашего общества. Рядомъ съ картиною недостатковъ и отступленій, исторія съ радостію указываетъ намъ нѣсколько образцовъ высокой добродѣтели Поляковъ въ правленіе Сигизмунда III. Не говоря

уже о частомъ основаніи монастырей, церквей и госпиталей, гдѣ Богъ находилъ славу, а нищій убѣжище, сколько мы имѣли посланниковъ, которые на свой счетъ содержали блестящія посольства, сколько было гетмановъ, которые въ горестныя времена государственнаго разстройства, изъ собственного кармана платили жалованье храброму, но своему воинству, сколько было патриотовъ, которые многочисленные войска рыцарства вооружали на пользу отечества. Одни подобно Георгію Зборовскому жгли собственные вотчины, чтобы Туркамъ неподать повода къ нарушенію трактатовъ съ отечествомъ; другіе, подобно скупцу Андрею Липскому, дарили села и капиталы для выкупа татарскихъ плѣнниковъ; инныя надобно Георгію Воловичу, Яну Гжымальчику и Замоискому, закладывали собственное имущество и приносили въ руки короля деньги на военныя потребности; инныя, подобно Новодворскому, жертвовали суммы для напечатанія общепользныхъ книгъ.

Вокругъ трона стояли великіе гении войны; Ходжѣвичъ, Жолкѣвскій, Конецпольскій, и мужи государственные Замоискій, Левъ Сапѣга и многіе другіе.

Эти добродѣтели и таланты краснорѣчиво говорили, что въ духѣ народа, который обладаетъ ими, сокрыты великія сокровища, что слабости свои онъ готовъ въ каждую минуту замѣнить великими дѣянiями, что нужно только дать направленіе, а эти великія сердца, эти сильные умы, эта могучая грудь можетъ сдѣлать чудеса, но не было того, кто бы могъ вести ихъ къ тому.

Поляки имѣли свои недостатки, но сознавали ихъ, и это было ручательствомъ ихъ исправленія. Въ инструкціяхъ посланниковъ, на каедрѣ церковной, въ совѣщаніяхъ сеймовъ, въ стихахъ и листахъ сатирическихъ родичи смѣло упрекали своихъ родичей, выставляя имъ на видъ ихъ рос-

жось, несогласія, непослушаніе и порабощеніе подданныхъ. Народъ сознавался въ грѣхѣ, но не было никого, кто бы умѣлъ привести его на путь исправленія.

Законодательство требовало реформы, множество постановленій устарѣлыхъ, несправедливыхъ, неисполненныхъ или неисполняемыхъ требовали пересмотра. Дорожившій народъ, своей свободой, чувствовалъ однако потребность исправленія, и усиленія бдительности за исполненіемъ закона. Въ эпоху Ягеллоновъ мы сказали, что Польша не имѣла у себя общаго свода, обязательнаго для всѣхъ ея странъ, но каждая провинція списывала свои обычныя (consuetudines) законы и позднѣйшія постановленія. Это было источникомъ противорѣчій между уставами двухъ провинцій, даже между узаконеніями одного и того же сборника.

Мы говорили уже объ оофициальныхъ и частныхъ сборникахъ правъ Прусскаго, Мазовецкаго, Литовскаго, которые будучи постоянно измѣняемы постановленіями сеймовъ, переменною правовъ и обычаевъ, или просто непримѣняемые и неисполняемые требовали сравненій, дополненій и перемѣнъ.

Въ самомъ началѣ правленія Сигизмунда III, когда всѣ польскія провинціи сознавали потребность сборника и исправленія своихъ законовъ, когда громко вызывали коррекцію, Литва первая приступаетъ къ дѣлу и въ 1564 году окончательно исправивши и пополнивши свой Гастольдовъ Статутъ, примѣнительно къ духу современныхъ потребностей, поднесла его на утвержденіе королю на сеймѣ коронаціи Сигизмунда (1588). Граждане сердились на нихъ за то, выставляя имъ незаконность такого акта, а Іоахимъ Бѣльскій, описывая современные событія такъ говорить объ этомъ статутѣ: «такъ какъ это было уже послѣ «коронаціоннаго сейма, не знаю его будущей важности, пото-



«му что они безъ насъ его составили, тогда какъ мы безъ «нихъ не дѣлаемъ и самаго малѣйшаго постановленія на сей- «махъ.» Но новозбранный король, слабый еще на своемъ тронѣ, зная, сколь многое зависить для него отъ Литовцевъ, подтвердилъ и скрѣпилъ клятвою законодательный для Литвы кодексъ, который сохранилъ для нея свою обязательную силу до послѣднихъ минутъ существованія Польши и даже до настоящаго времени. Съ этою цѣлю депутаты, избранные на уѣздныхъ сеймикахъ разбирали отдѣльные артикулы, потомъ на избирательномъ сеймѣ рассмотрѣли цѣлость кодекса, а Левъ Сапѣга знаменитый канцлеръ окончательно приложилъ къ нему руку, и трудился надъ его изданіемъ. Такъ какъ для насъ Литовцевъ этотъ памятникъ нашего законодательства составляетъ святыню, бросимъ поѣтому болѣе внимательный взглядъ на *Статутъ Великаго Княжества Литовскаго*.

Этотъ кодексъ дѣлится на 14 главъ. Первыя четыре говорятъ: о преимуществахъ и обязанностяхъ королевской власти, о защитѣ государства, объ полицейскихъ учрежденіяхъ, о шляхетской свободѣ, и судахъ; шесть слѣдующихъ главъ обнимаютъ гражданское судопроизводство, а четыре послѣднихъ заключаютъ право уголовное. Исчислимъ эти законы, которые носятъ на себѣ ясную печать своей эпохи и страны.

Оскорбленіе величества и измѣна отечеству наказывались смертію (*gardtem*); каждый гражданинъ Польши лично долженъ явиться на зовъ военный, даже священники и вдовы должны были посылать кого-нибудь на свое мѣсто. Когда сеймъ объявитъ *обыкновенное ополченіе*, то хорунжий<sup>1</sup> по своему уѣзду рассылаетъ посланія, назначая рыцар-

<sup>1</sup> (Знаменосецъ.)

ству пункты для сбора, «а таковыя посланія должны быть «обнародуемы вездѣ въ городахъ, на торжищахъ, при церк- «квахъ и вездѣ копіи съ нихъ должны быть прибиты. Хо- «рунжій ведетъ рыцарство къ кастеллану, рассказывая ему «кого нѣтъ, а кто есть, потомуъ рыцарство является къ во- «еводѣ, который отводитъ его къ гетману, гдѣ и будетъ объ «этомъ рассказано.» Шляхта, идущая на войну кромѣ под- «ножнаго корма ничего болѣе брать у жителей не можетъ. Свобода исповѣданія религіи обезпечена; во времена назна- «ченныя королевскими письмами, каждый уѣздъ собирается на сеймики, и отсюда посылаетъ отъ себя двухъ депута- «товъ на генеральный сеймъ «уполномочивая ихъ вершить «тѣ дѣла, которыя имъ на сеймикахъ поручены, и которыя «будутъ указаны въ инструкціи за печатами гражданъ.» Сей- «мики продолжается четыре дня. Всѣ Литовскіе послы и се- «наторы передъ сеймомъ собирались въ городъ Слонимъ и тамъ «приносили въ свое собраніе инструкціи всѣхъ зе- «мель и уѣздовъ, приводя ихъ къ одному правильному по- «ниманію и взгляду на вещи, чтобы затѣмъ на избиратель- «номъ уже сеймѣ съ большимъ порядкомъ и успѣхомъ могли «быть рѣшаемы и отправляемы дѣла Государства.» Послѣ сейма послы давали тѣмъ, отъ которыхъ были уполномочены (moco-dawcom) отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Иностран- «цы не могли владѣть имуществами въ Литвѣ, или занимать «государственныя должности, также какъ и люди не шляхет- «ные. Шляхтичъ теряетъ свое достоинство «если живетъ «какимъ-нибудь ремесломъ, держитъ шинокъ, или мѣряетъ «аршиномъ.» Кто вывозитъ желѣзо и оружіе въ землю не- «пріятельскую наказывается смертію. Для суда дѣлъ граж- «данскихъ, учрежденіе называемое земскимъ, состоитъ изъ «чиновъ, избранныхъ изъ среды гражданъ, а для дѣлъ уго- «ловныхъ, судъ, называемый городскимъ имѣетъ своихъ чи-

новниковъ по назначенію воеводъ и судныхъ старость. Земскіе суды собираются три раза въ годъ, и продолжаютъ свои засѣданія шесть недѣль, эти сроки (*kadencye*) назывались *Roki*. Городскіе суды или *Rozski* начинались въ первый день каждаго мѣсяца и продолжались двѣ недѣли. Стороны, судящіяся, для судебного разбирательства дѣла, вмѣсто себя могутъ уполномочить прокураторовъ или дѣлопроизводителей (*rzeczników*), вдовы и сироты допускаются къ суду; обвиненнымъ въ оскорбленіи величества, защитниковъ назначаетъ самъ монархъ (Гл. IV. Арт. 57). За дичь убитую въ чужихъ лѣсахъ владѣтель имѣетъ право взыскивать: за зубра 12 *серебрянныхъ грошей*, половину этой платы за лося и оленя, за гнѣздо сокола, платится 3 сер. гроша, за медвѣдя, рыся, пчельный улей, за поврежденіе хмѣльника или фруктоваго сада, за уничтоженіе лебединого гнѣзда и т. д. Смертію наказывались вооруженныя наѣзды, убійства, прелюбодѣянія, поджигательство и т. д. Шляхтичъ, который убьетъ не шляхтича, если не былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія платитъ только поголовное (*głównoszczynę*), воровство наказывается смертію, а кто бы по горячимъ слѣдамъ пойманъ былъ при исторженіи чужихъ пчель, при ловлѣ рыбъ въ чужихъ прудахъ и т. д. наказывается какъ воръ. Шляхтичъ за воровство превышающее 2 копы грошей, не шляхтичъ за воровство, стоящее 4 копы грошей наказывается смертію; за увѣчые и раны шляхтича, нанесенные шляхтичемъ платится пеня (*nawiązki*), не шляхтичъ, который побилъ бы шляхтича теряетъ руку. Убійца своихъ родителей «наказывается такъ: его обвозятъ по «рынку, разрывая тѣло клещами, потомъ сажаютъ въ кожанный мѣшокъ съ собакою, курицею, змѣею и кошкою, «и зашивши опускаютъ въ воду въ самомъ глубокомъ мѣстѣ.»

Таковы наиболѣе характеристическія права Литовскаго Статута.

Въ слѣдъ за Литвою и Пруссіа земли, подчиненныя польскому скипетру, получили исправленіе своихъ законовъ, На сеймѣ 1588 Пруссы просили о поправленіи такъ называемыхъ Хелминскихъ Уставовъ, а сеймъ, склоняясь на ихъ просьбу, призвалъ для этого дѣла историка Рейнгольда Гейденштейна и Николая Невѣсцинскаго. Въ слѣдующемъ году Пруссы были приняты въ вѣдѣніе короннаго трибунала, а въ 1598 году Гейденштейнъ и Невѣсцинскій окончили свой трудъ, который въ томъ же году былъ утвержденъ государственными чинами и напечатанъ подъ заглавіемъ: *Ius terrestre nobilitatis Prussiae correctum* A. D. 1598 г. (Исправленное земское право прусскаго дворянства). Онъ состоитъ изъ семи главъ, а именно: о наследствахъ, дарственныхъ записяхъ, завѣщаніяхъ, опекахъ, о должностяхъ и судахъ, о процессѣ и дѣлахъ гражданскихъ, о границахъ.

Воеводствамъ: Волынскому, Киевскому, Бреславскому, дано позволеніе учредить свой трибуналъ и русскимъ языкомъ списать свои не письменные законы для внесенія ихъ въ систему общаго исправленія отечественныхъ законовъ, о которомъ мы сказать не замедлимъ. Обычаи земли Мазовецкой еще прежде были внесены въ сеймовыя конституціи.

Въ эпоху Ягеллоновъ мы говорили о статутѣ, составленномъ Гербуртомъ, который хотя не былъ утвержденъ опредѣленіемъ сейма, но при недостаткѣ оофициальнаго кодекса, имѣлъ судебное значеніе, какъ руководство для судей и практическихъ юристовъ. Отсюда мы видимъ какая крайняя и важная необходимость побудила къ составленію одного обязательнаго кодекса, сравненію между собою правъ и привилегій земель отдѣльныхъ, исключенію противорѣчій, по-



исполненію недостающаго, объясненію запутаннаго; словомъ къ поправленію законовъ, для того чтобы потомъ можно было точнѣе наблюдать за ихъ исполненіемъ. Статуты отдѣльныхъ земель, были уже какъ ны это сказали болѣе или менѣе обработаны; сборникъ сеймовыхъ постановленій заключалъ въ себѣ позднѣйшія распространенія или измѣненія различныхъ законовъ, и такъ всё матеріалы были подъ рукою и трудъ довольно легокъ. Для исполненія этого важнаго дѣла сеймъ 1588 года наименовалъ 30 лицъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, какъ изъ круга сенаторскаго, такъ и изъ шляхты, и искусныхъ юристовъ для разсмотрѣнія и составленія статута. Предсѣдателемъ этой коллегіи былъ Вавржинецъ Гослицкій, авторъ книги *de Optimo senatore* (выше поименованной) и составитель договорныхъ условій для Сигизмунда III. Сеймъ назначилъ плату комиссарамъ (по 2 гроша съ лана) и неоднократно возобновлялъ это установленіе. Но по нерадѣнію ли комиссаровъ, или въ слѣдствіе разнородныхъ страстей препятствовавшихъ обузданію своеволія, только дѣло общаго исправленія не было доведено до окончанія.

Янъ Замоискій болѣе счастливый или болѣе усѣрдный, составилъ порядочное собраніе отечественныхъ привилегій, публичныхъ актовъ, трактатовъ и т. д. Это собраніе, названное *Коронною Метрикою* бывшее до сихъ поръ въ беспорядкѣ и разстройствѣ, съ тѣхъ поръ было содержимо всѣми канцлерами въ должномъ порядкѣ.

Не въ состояніи будучи дожидаться общаго собранія законовъ, народъ отдѣльными конституціями обуздывалъ злоупотребленія и увеличивалъ отвѣтственность за не исполненіе права. Въ правленіе Сигизмунда III издано много карательныхъ постановленій, противъ нарушителей общественнаго спокойствія, носившихъ въ городахъ огнестрѣль-

ное оружіе, противъ наѣздовъ и вооруженныхъ пировъ, противъ поединковъ и т. д. Назначена цѣна всѣмъ предметамъ жизни и одежды, запрещено нищенство и бродяжничество, обращено вниманіе на очищеніе судоходныхъ, рѣкъ на улучшеніе дорогъ и мостовъ, наконецъ издано нѣсколько постановленій, пресѣлавшихъ злоупотребленія судебного дѣлопроизводства.

Повторимъ: польскій народъ имѣлъ свои недостатки, но сознавалъ ихъ и силился отъ нихъ освободиться, онъ требовалъ реформы въ правахъ и обычаяхъ, но увы! Сигизмундъ III не былъ созданъ для реформъ.

Кто принимаетъ на себя возрожденіе общества, долженъ непремѣнно соединять въ себѣ непреклонную волю и безукоризненную добродѣтель. Уваженіе и довѣренность—вотъ условія при которыхъ общество можетъ согласиться преклонить главу предъ чуждою ей волею. Только нравственная высота и добродѣтель реформатора и могутъ ручаться за исполненіе его плановъ. Сигизмундъ III не обладалъ твердостію души, а его дѣянія, какъ монарха не были совершенно безупречны; народъ ему не довѣрялъ и видѣлъ его слабость. Что же удивительнаго, если онъ, вмѣсто того, чтобы видѣть въ своемъ монархѣ верховнаго судью, самъ призвалъ его, какъ обвиненнаго, предъ своей сеймовой трибуналь, и требовалъ у него отчета въ исполненіи возложенныхъ на него королевскихъ обязанностей. Мы говоримъ здѣсь о *сеймѣ инквизиціонномъ* (въ сентябр. 1592 г.) на которомъ шляхта собралась во всемъ вооруженіи, а земскіе послы и Сенатъ въ полномъ собраніи подъ предсѣдательствомъ гетмана и канцлера Замойскаго громко упрекали короля въ томъ, что онъ незаконно безъ вѣдома сейма, женившись на австріянкѣ, ведетъ договоры съ домошъ Ракусскимъ, что хочетъ Австріяцамъ уступить польскую корону

и удалиться въ Швецію, что съ отцемъ своимъ королевъ шведскимъ ведетъ какія-то тайныя интриги насчетъ нашихъ при-балтійскихъ провинцій, что онъ посягаетъ на свободу отечества. Иеронимъ Розражевскій, кардиналъ Георгій Радзивиль и другіе обвинены были какъ посредники королевскихъ интригъ съ домоу австрійскимъ, что Радзивиль, будучи Литовцемъ не по праву занимаетъ Краковское епископство и т. д. Требовали, чтобы «каждый говорилъ то, что «знаетъ насчетъ другаго, но если не докажетъ, чтобы неопровергался за то никакой отвѣтственности.» Въ свидѣтели королевскихъ заговоровъ хотѣли даже позвать иностранцевъ, слугъ королевскихъ. Грустно смотрѣть на эти ссоры подданныхъ съ престоломъ, но поистинѣ, Сигизмундъ не былъ похожъ на жертву невинно гонимую; то въ чемъ упрекали его имѣло свои основанія. Въ присутствіи своихъ инквизиторовъ, король явился не съ тою увѣренностію въ самомъ себѣ, какого облакаетъ человѣка невинность и правда. Говорятъ (но это кажется сказка), что король взялся за оружіе, но Замоискій остановилъ его. Какъ бы то ни было стѣсненный Сигизмундъ далъ письменное увѣреніе, что не станетъ питать не расположенія къ своимъ гонителямъ, что въ Швецію никогда не поѣдетъ, пока живъ отецъ его король Янъ, что тамошнія дѣла свои будетъ вести чрезъ пословъ, назначаемыхъ государственнымн чинами, «и наконецъ, говоритъ Бѣльскій, совѣтовалъ послать посольство къ святѣйшему отцу, чтобы онъ предупредилъ сосѣднихъ государей, оставить въ мирѣ и не тревожить этого королевства.»

Но десница Поляковъ не ослабѣла еще до того, чтобы искать посредничества папы для спасенія отъ враговъ. Еще Жолгѣвскій подъ Лубномъ (1596 г.) поборолъ и взялъ въ плѣнъ мятежнаго Наливайку, Замоискій подъ Тельчиномъ

(1600 г.) поразилъ Турокъ и Валаховъ; когда же въроломный Карлъ Судерманскій, по смерти короля Іоанна, занялъ шведскій престолъ принадлежавшій нашему королю Сигизмунду, Янъ Карлъ Ходявичъ подъ Кокенгаузеномъ и Кирхольмомъ (1601) одержалъ надъ Шведами блестящія, почти чудесныя побѣды; въ первой битвѣ онъ взялъ въ плѣнъ вождей шведскихъ Карольсона и Делагарди, во второй самъ Карлъ Судерманскій едва успѣлъ избѣжать плѣна. Но мы пишемъ не политическую исторію, а исторію литературы; поэтому не наше дѣло изображать блестящія, но чуждыя добрыхъ послѣдствій войны, которыя ведены были Поляками въ правленіе Сигизмунда III. Для историка литературы войны этого рода составляютъ только фактъ въ томъ отношеніи, что они служили зловѣщимъ предсказаніемъ упадка наукъ, что сладкій голосъ лиры поэта гложетъ заглушаемый дикимъ крикомъ военной трубы, что краснорѣчіе слабо дѣйствуетъ на убѣжденія тамъ, гдѣ право сильнаго служить единственнымъ правомъ справедливости, что война приноситъ съ собою военную дикость нравовъ и обычаевъ, столь мало согласную съ успѣхами образованія. Въ царствованіе Сигизмунда III, кромѣ другихъ причинъ, на которыя мы будемъ указывать, его войны имѣли не малое вліяніе на не успѣхъ просвѣщенія. Возвратимся теперь къ событіямъ внутреннимъ и состоянію умовъ въ Польшѣ.

Слабость, какую явилъ король во время инквизиціоннаго сейма ободрили народъ, а въ особенности аристократовъ эту гордую, всесильную, ничѣмъ не обуздываемую касту народа. Аристократія пользуясь удобною минутою возвышаетъ свою голову надъ королемъ, надъ шляхетскимъ равенствомъ, надъ отечественными законами и предлагаетъ королю на утвержденіе уставы, наиболѣе противорѣчащія основнымъ законамъ Польши. Недавно, въ послѣдніе минуты жи-



зни Стефана Баторія, Радзивиллы исходатайствовали себѣ у государственныхъ чиновъ подтвержденія Олыцкой, Нѣсвицкой и Гродно-Давидовской ординацій, которыя имѣли цѣль поддержать блескъ его дома и его огромныя имущества «и по мимо собственныхъ дочерей», младшихъ братьевъ сдѣлать старшими представителями рода. Сигизмундъ III подтвердилъ это фамильное распоряженіе Радзивилловъ, и вдругъ Замоискій является съ подобнымъ же требованіемъ и пишетъ ординацію для своихъ вотчинъ Замосьца, Замха и Кржешова, словомъ для 12 городовъ и 230 деревень; за нимъ Мышковскій для Пипчова, а Янушъ Острогскій для большихъ имѣній Острога также пишутъ свои ординаціи. Польская шляхта украшается титулами князей и графовъ Римской Имперіи, марграфовъ и кавалеровъ Золотого Руна. Но еще хуже всякаго рода титуловъ и ординацій то, что магнаты присвоили себѣ множество коронныхъ имуществъ. Когда же, такъ сказать, все государство было раздѣлено между нѣсколькими владѣтельными домами, король, желая привлечь ихъ на свою сторону и по крайней мѣрѣ смягчить ихъ, чтобы они съ такою гордостію не ставили ему роговъ, раздавалъ имъ еще богатые имѣнія, увеличивалъ ихъ исполненія вотчины, на счетъ истинныхъ заслугъ отечеству, шляхетскаго равенства, собственнаго спокойствія и безопасности. Сярчинскій (въ картинѣ правленія Сигизмунда III) въ одномъ домѣ Радзивилловъ насчитываетъ 45 городовъ вотчинныхъ и 16 старостинскихъ, деревень: 738 вотчинныхъ и 583 старостинскихъ. Прибавимъ еще, что староства дѣлались почти собственностію вельможъ, потому что отъ отца переходили къ сыну чрезъ нѣсколько поколѣній. Изъ домовъ сильныхъ болѣе по обычаю, чѣмъ по праву, избирали сенаторовъ; изъ этихъ же домовъ были епископы, воеводы, гетманы; убогая шляхта равная на-

гнатамъ по своему рожденію, и чрезвычайно старательная въ сохраненіи имени и хотя одного призрака равенства, мечта о своей свободѣ сдѣлалась орудіемъ личныхъ цѣлей вельможъ. Припомнимъ еще то, что Сигизмундъ III; полный фанатизма, готовъ былъ тѣснить свободу религіозную, въ оборонѣ которой являются сильнѣйшіе роды, и вотъ въ рукахъ польскихъ аристократовъ еще одно средство къ вліянію на народъ, еще одно оружіе противъ монарха.

Неудивительно если при такихъ обстоятельствахъ, гордость вельможъ возрасла до невѣроятныхъ размѣровъ, если *балдахинъ*, который по волѣ Сигизмунда снятъ съ головы гордаго Бернадка Мацеіовскаго, краковскаго епископа и сѣверскаго князя; если *дворецъ*, который на минуту занятъ былъ королемъ у Николая Зебржыдовскаго, краковскаго воеводы; если *староство*, въ которомъ король отказалъ Янушу Радзивилу были поводомъ къ вооруженному возстанію подданныхъ противъ своего монарха. Бунтъ этотъ былъ предупрежденъ Рокосшемъ или тремя съѣздами: Стенжицкимъ, Люблинскимъ и Сандомирскимъ, состоявшими изъ гражданъ, непріязненныхъ королю.

Для читателей менѣе знакомыхъ съ конституціонными обыкновеніями нашихъ предковъ, мы должны объяснить выраженія рокошъ и бунтъ, которые теперь почти равносильны, но въ правленіе Сигизмунда III имѣли совсѣмъ различное значеніе. *Рокосшъ* (слово взятое изъ венгерскаго языка) былъ протестаціею и увѣщаніемъ правительства или гражданъ, и онъ неоднократно служилъ опорой престола. Предусмотрѣнный и дозволенный конституціею, рокошъ служилъ законнымъ органомъ народа въ его отношеніяхъ съ престоломъ, потому что въ границахъ конституціонной свободы, гражданамъ позволено было составлять политическіе съѣзды, совѣщаться о потребностяхъ своей земли, и

даже призывать къ своему суду незаконную и обременительную власть—это было выраженіе народной воли. Польскій рокошъ имѣлъ сходство съ нынѣшними политическими клубами въ конституціонныхъ государствахъ, только съ большею силою, съ болѣе выразительною энциономією, и былъ болѣе доступенъ злоупотребленіямъ, потому что требованія онъ имѣлъ право поддерживать вооруженною рукою, и въ послѣднемъ случаѣ становился бунтомъ, дѣйствиельно незаконнымъ и неконституціоннымъ. Кажется, что Зебржидовскій сдѣлалъ ненавистнымъ слово рокошъ, придавъ ему значеніе бунта, потому что съ тѣхъ поръ, «собранія шляхты для защиты свободы», стали называться конфедерацією.

Въ эпоху междоусобной войны, которую вызвали Зебржидовскій и Янушъ Радзивилъ, были законные съѣзды въ Стенжицѣ, Люблинѣ и Сандомірѣ (1606), хотя этотъ послѣдній уже носить на себѣ печать дерзости и слишкомъ съ высока смотритъ на управленіе государства. Тамъ упрекали короля въ томъ, что своимъ непостоянствомъ, насмліемъ, и интригами онъ нарушаетъ гражданскую свободу, что сеймы не только не создаютъ ничего отраднago, но напротивъ сдѣлались ядомъ, что народъ напрасно ожидая въ теченіи 18 лѣтъ исполненія того, въ чемъ король клятвенно обязался въ договорахъ при его избраніи, рѣшается наконецъ составить рокошъ, на который призываетъ короля вмѣстѣ съ сенатомъ. Рокошане окружною грамотою (*inpiwergazdem*) созывали всѣхъ гражданъ государства, чтобы они оставивъ домашнія забавы и препятствія, прибыли на этотъ рокошъ для спасенія отечества. Призваны были также и трибуналы коронный и литовскій, чтобы они прекратили свои засѣданія, предупреждая, «что если какое-нибудь присутственное мѣсто не захочетъ принять въ свои акты этого умнротворенія, и не будетъ выдавать его изъ своихъ актовъ, то такое ослушаніе будетъ судимо на томъ же рокошѣ.»

Быть можетъ Зебржыдовскій былъ человекъ безпокойнаго характера, а Янушъ Радзивиль аристократъ неслыханнаго высокомѣрія, положимъ что шляхта, которая толпами собиралась по данному ими знаку, была только слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ вельможъ, но во всякомъ случаѣ королю трудно было отвѣчать на справедливыя упреки, что онъ не имѣеть возлѣ себя назначеннаго числа сенаторовъ, что собственною властію рѣшалъ дѣла, что налагаетъ чрезвычайныя налоги, не раздаетъ должностей въ назначенное время, что финансы вмѣсто подскарбія (казначей) повѣряеть людямъ чужимъ и подозрительнымъ, что государство увлекъ въ шведскую войну, чеканилъ дурную монету, измѣнялъ приговоры трибуналовъ, высылалъ пословъ въ иноземныя королевства безъ вѣдома государствепныхъ чиновъ и т. п. Не забыли и іезуитовъ, этихъ сокровенныхъ, но сильныхъ дѣятелей въ кабинетной политикѣ Сигизмунда III. Рокошанское посольство громко въ присутствіи короля упрекало ихъ въ томъ, что они мѣшались въ свѣтскія дѣла при дворѣ королевскомъ, проповѣдями приготовляютъ умы къ абсолютному деспотизму, порицая гражданскую свободу, дѣлають насильственныя нападенія на дома и храмы иновѣрцевъ. Вслѣдствіе этихъ жалобъ партія Зебржыдовскаго требовала, удаленія іезуитовъ отъ двора, отнятія у нихъ главнѣйшихъ коллегій, высылки за границу иноземныхъ членовъ ихъ ордена, отнятія у нихъ записи на имущества (fundacye) и обращенія послѣднихъ въ пользу краковской академіи и военнаго госпиталя. И здѣсь мы замѣчаемъ дальновидность и гражданскую добродѣтель рокошанъ, хотя упреки эти происходили большею частію отъ бунтовщиковъ и не католиковъ; видимъ здѣсь начало личности и духа партій, который портилъ всѣ благодѣтельныя преобразованія въ нашу эпоху. Еслибы

Зебржыдовскій и Радзивилъ, не по личнымъ побужденіямъ, но по одной чистой любви къ общему благу выступили съ этими упреками законно и смѣло въ присутствіи сейма, а не во главѣ дерзкой вооруженной толпы, то имена ихъ могли бы занять прекрасныя страницы въ нашей исторіи, но соблазнительный примѣръ бунта и междоусобной войны позоромъ покрылъ ихъ память.

Все государство раздѣлилось на приверженцевъ короля и партизановъ Зебржыдовскаго. Сенаторы, собранные вокругъ короля, призвали полеваго гетмана Станислава Жолкѣвскаго, чтобы онъ съ своимъ войскомъ охранялъ безопасность короля и сената. Начались совѣщанія, король объяснялся и оправдывался; съ обонхъ сторонъ собраны были военныя силы, подъ Яновцемъ дѣло должно было рѣшиться оружіемъ, но Зебржыдовскій, не довѣряя своимъ силамъ, извинился предъ королемъ, «свидѣтельствуясь Богомъ, что все «то, что онъ дѣлалъ, дѣлалъ единственно изъ желанія общаго блага». Вслѣдъ за тѣмъ письменно объявилъ, что онъ распускаетъ свои вооруженныя силы, и впредь «никакихъ «сѣздовъ ни собраній своихъ братьевъ посредствомъ уни- «версаловъ, дѣлать не будетъ».

Но этотъ позорный шагъ служилъ ему единственно для того, чтобы выиграть время и умножить силы мятежниковъ, потому что въ слѣдующемъ (1607), рокошанскій сѣздъ подъ управленіемъ Зебржыдовскаго, Радзивилла и Гербурта не признаетъ Варшавскаго сейма, издаетъ приговоръ о низложеніи короля и съ четырьмя тысячами войска идетъ на Варшаву. Силы Рокоша увѣличились до 10,000. Король тоже вызвалъ Яна Карла Ходкѣвича изъ Лифляндіи, и имѣя на своей сторонѣ доблестныхъ военачальниковъ Жолкѣвскаго, Яна и Якова Потоцкихъ собралъ 7,000 войска, рѣшившись силою оружія усмирить бун-

товщиковъ. Мѣстечко Гузовъ близъ Радома было свидѣтелемъ плачевной битвы между единоземцами. Военскія таланты Ходигвича и Жолкѣвскаго приобрѣли побѣду слабѣйшей числомъ сторонѣ королевской. 1200 рокошанъ пали въ битвѣ, у нихъ отняты были пушки, знамена и переписка Радзивила съ Гаврииломъ Баторымъ, старавшимся получить польскую корону. Въ слѣдствіе своего пораженія рокошане смирились; а король всѣмъ гражданамъ объявилъ всеобщую амнистію.

Когда такимъ образомъ Поляки во имя своихъ политическихъ убѣжденій, или личной неприязни, боролись другъ съ другомъ, отечеству угрожалъ другой врагъ. Не къ исторіи литературы относятся рассказы о непрерывныхъ и бесполезныхъ войнахъ Польши съ Швеціею, Россіею и Турціею; о томъ какъ Мнишекъ воевода Сандомірскій велъ Отрепьева на престолъ Московскій, какъ Жолкѣвскій погибъ въ войнѣ съ Турками, какъ въ войнѣ шведской мы потеряли Ригу и Лифляндію, какъ королевичъ Владиславъ, избранный царемъ Московскимъ, потерялъ тронъ по оплошности своего отца, какъ наследственная шведская корона отнята была у Сигизмунда и его сыновей; всѣ эти событія относятся къ политической исторіи государства. Характеристика этихъ войнъ однообразна: даровитые гетманы, воинство немногочисленное, не получающее жалованья, строптивое, но храброе; почти каждая отдѣльная битва была побѣдою для Поляковъ, но общій ходъ каждой почти кампаніи скорѣе можно назвать неудачнымъ. Сеймы дурные и безплодные, разстройство въ казнѣ, дома своеволіе, роскошь, упадокъ наукъ и развращеніе вкуса, вотъ плоды правленія Сигизмунда III. Пора уже намъ обратить вниманіе на состояніе общественнаго воспитанія въ нашу эпоху. Припомнимъ то, что мы сказали объ этомъ въ эпоху Ягеллоновъ.

«Въ минуту смерти Стефана Баторія, мы видимъ три пар-  
«тій, три ученые стана, готовые вступить въ междуsob-  
«ную войну за обладаніе мнѣніями своихъ соотечествен-  
«никовъ.

«1. *Краковская Академія* съ своими колоніями. Ея влі-  
«янію подчинены и каедеральныя школы.

«2 *Иезуиты* съ своими школами, подкрѣпленные назва-  
«ніемъ защитниковъ православія, сильныя богатствомъ и  
«вліяніемъ.

«3 *Протестанты* различныхъ исповѣданій, привлека-  
«тельныя новизною, именемъ чистыхъ евангелистовъ, осво-  
«бодителей духа.

Намѣреваясь теперь рассказать ходъ этой борьбы въ  
различныхъ мѣстахъ Польши, и кто какииъ образомъ ос-  
тался побѣдителемъ, раздѣлимъ всю Польшу на извѣстныя  
провинціи: Великую Польшу, Малую Польшу и Литву, и  
поочередно пересмотримъ ряды соперниковъ въ разныхъ  
положеніяхъ боеваго порядка, и такъ:

1. *Въ Великой Польшѣ*, проявились первыя присвоенія  
іезуитовъ, первые враждебные поступки ихъ, имѣющія цѣ-  
лію стѣснить Академію и школы ей подчиненныя. Іезуиты  
имѣли свои коллегіи: въ Познани, Калишѣ, Варшавѣ, Плоцкѣ,  
Торунѣ, Гданскѣ; Краковская же академія имѣла въ Познани  
свою колонію или школу Любранскаго, меньшія школы въ  
Плоцкѣ, Пултускѣ, отъ нея же зависѣли многочисленныя  
приходскія училища высшія и низшія. Мы уже говорили о  
методѣ преподаванія іезуитовъ, по которому изъ трехъ частей  
латинской грамматики Эммануила Альвара сдѣланы были  
три школьные курса, которые рѣшительно заняли все вре-  
мя, посвященное воспитанію; тамъ читали древнихъ писате-  
лей единственно для того, чтобы изъ сочиненій полныхъ  
чувства и огня почерпнуть *способъ какъ составляются*

*риторическія фигуры*, слогъ долженъ былъ быть безошибочнымъ, на заданную тему писать безъ восторга но холодно, неприлично было увлекаться страстью и творить, не смотря на то, что приказано было подражать великимъ, страстнымъ, творческимъ ораторамъ и поэтамъ древности, и крохами ихъ прекраснаго слова украшать незначительность обыкновенныхъ сочиненій; гдѣ прекрасное велѣно было понимать умомъ, гдѣ уместованіе было стѣснено до чрезвычайности, до тѣхъ предметовъ, о которыхъ позволено было разсуждать. Призванные для борьбы съ гордостію протестантскаго ума, іезуиты рѣшились не менѣе высокоумно привести всю Польшу къ своимъ ногамъ, а средства избранные ими, какъ-то пришлись къ болѣзненному состоянію нашего общества. При домашней роскоши, и личныхъ политическихъ раздорахъ начали изсыхать сердца и мельчать сильные умы Поляковъ; и вотъ являются іезуиты съ своимъ мистицизмомъ, который нравится, какъ новостъ, съ ласкательствомъ которое льститъ шляхетской суетности, съ невѣротерпимостію, которая освятила взаимныя несогласія родичей, придавая имъ видъ ревности къ вѣрѣ. Нигдѣ быть можетъ іезуитизмъ не пустилъ такъ глубоко своихъ корней, какъ въ Польшѣ. Шляхта любила роскошь и великолѣпіе, а что могло быть блистательнѣе іезуитскихъ процессій, бесѣдъ, канонизацій и диспутовъ? Шляхта любила свои гербы, а іезуиты любили риторическія фигуры; кому же поэтому было возставать противъ испорченности вкуса, когда въ поэзіи шляхетскую гербовную Литву сравнивали съ луною и звѣздами, называя ихъ *благодѣтельными свѣтилами отечественнаго міра*, колонны съ *столпами отечества*, крестъ на гербѣ называли *символомъ міра*, стрѣлы признакомъ *высокаго полета* и т. д. Шляхта повѣрила, что владѣтели гербовъ



дѣйствительно обладаютъ высокою и добродѣтелями, которые изображены на ихъ щитахъ, какъ же послѣ того имъ было сердиться на тотъ орденъ, который научалъ въ блескѣ шляхетскомъ, читать похвалу рода и добродѣтели? на орденъ, который каждаго поручика или его товарища называлъ Марсомъ, плохаго римскаго Аполлономъ, каждаго аристократа Юпитеромъ? который для дѣтей высококачественнаго происхожденія, назначалъ особыя школьныя скамьи. Какъ же святымъ защитникамъ вѣры и не требующимъ возмездія воспитателямъ, не служить своимъ имѣніями и протекціею? Самолюбіе каждаго изъ Поляковъ помогало ему запутываться въ іезуитскія сѣти. Какъ съ подобнымъ орденемъ могла соперничать Краковская Академія, до педантизма преданная наукѣ, въ который богатство или происхожденіе не имѣло вліянія на классныя успѣхи, гдѣ латинской литературѣ учили не для того, чтобы выступать съ похвальнымъ панегирикомъ. Академія, убогая средствами, гордая своею ученостію, не преклоняя головы предъ сильными міра, имѣла на своей сторонѣ однѣ полусгнившія привилегіи, а іезуиты гораздо вѣрнѣе рассчитывая на живое значеніе благопріятствующаго имъ короля и большей части народа, быстро рассчитавъ свои силы, рѣшились унижить Академію въ глазахъ Поляковъ и въ свои исключительно руки забрать кормило народнаго воспитанія. Познань первая была свидѣтелемъ ихъ борьбы съ Академіею.

Тамъ рядомъ съ академическою Любранскою школою, нѣкогда знаменитою, но въ началѣ царствованія Сигизмунда III пришедшею въ упадокъ, воздвигались стѣны новой іезуитской коллегіи. Обѣ школы стояли не слишкомъ высоко, но школа академическая держась своего престарѣлаго метода, была немногочисленною, убогою, а іезуитская, привлекала новостію, была многочисленною и богатою сред-

ствами своего ордена. Легко было иезуитамъ исходатайствовать у Сигизмунда III возвышеніе иезуитской-Познаньской школы на степень Академіи; привилегією 19 января 1612 г. имъ позволено было преподавать религію, метафизику, физику, математику и логику, раздавать ученые степени бакалавровъ, магистровъ и докторовъ подобно другимъ академіямъ. Краковская академія жаловалась на нарушеніе своихъ привилегій, умоляла народъ, своего канцлера, и апостольскую столицу о защитѣ отъ чуждыхъ присвоеній. Къ счастью для Академіи народъ и цѣлый сеймъ Варшавскій (1613) торжественно протестовалъ противъ этого, а папа Павелъ V, находя, что «нововведенія О. О. иезуитовъ въ церкви Божіей производятъ болѣе соблазна, чѣмъ назиданія», отдалъ справедливость Краковской академіи. Такъ неудалась иезуитамъ первая ихъ попытка. Пораженные въ Познани они направили ударъ противъ Кракова. Уцѣлѣли академическія привилегіи, но не уцѣлѣла чистая искра святой науки, потому что Акад. Познаньская школа, видя что именно доставляетъ пользу иезуитамъ, считая ихъ стремленія духомъ вѣка, ввела у себя иезуитскую методу воспитанія, начала изучать риторику, писать панегирики, словомъ льстить старому, и развращать вкусъ молодого поколѣнія Поляковъ. Прекрасное было бы зрѣлище, еслибы Alma-Mater, мать наукъ, выступила для защиты отечественнаго языка, чистою, неискаженною латинизмомъ, имѣющею здравый вкусъ! А академія, зная недостатки иезуитскаго воспитанія, вмѣсто того, чтобы спастись отечество отъ его послѣдствій, ввела его и у себя.

Великопольскіе протестанты имѣли нѣсколько высшихъ училищъ, гдѣ болѣе здравыя понятія о наукахъ казалось болѣе обѣщали принести пользы отечественному образованію, но увь! задачею протестантскихъ школъ была борьба

съ католиками, а не духъ гражданства, и самое существованіе не католическихъ исповѣданій въ Польшѣ столь слабое и ненародное, не много обѣщало пользы нашей общественности. При Сигизмундѣ III протестантизмъ сталъ упадать, поэтому науки въ ихъ школахъ хотя и при лучшемъ преподаваніи, но не могли однако противоодѣйствовать пагубному вліанію іезуитскихъ школъ. Перейдемъ рядъ Великопольскихъ школъ, которые были въ рукахъ кальвинистовъ, лютеранъ и послѣдователей Социна.

Школы кальвинскіе или *Богемскихъ братьевъ* въ Козминкѣ и Лешкѣ были предметомъ нашего вниманія еще въ эпоху Ягеллоновъ. Первая въ началѣ семнадцатаго вѣка уже клонилась къ своему упадку, вторая процвѣтала какъ высшее учебное заведеніе въ ту именно эпоху, когда Рафалъ Лещинскій, Белзскій воевода, богато одарилъ ее, начерталъ ей обширную программу наукъ и занялъ ея кафедры истиннѣ знаменитыми людьми, какъ Андрей Венгерскій, Янъ Рыбинскій, Янъ Амосъ Коменій, авторъ столь важныхъ руководствъ въ дѣлѣ изученія языковъ, историкъ Янъ Юнстонъ и т. д. Тамъ не слѣдовали методѣ іезуитской или академической, мудрые преподаватели составили собственный вѣрный методъ изученія наукъ. Нужно сожалѣть о томъ, что религіозный мистицизмъ развилъ въ этой школѣ сектическую сторону и тѣмъ самымъ отнялъ у нея возможность сдѣлаться популярною. *Исповѣданіе Лютера* въ Великой Польшѣ первоначально свои школы высшія и почти чисто нѣмецкія, имѣло: во Вшовѣ, Равичѣ, Лешкѣ, Здунахъ, Мѣдзыржечѣ, Мѣдзыходзѣ Шлехтынговѣ и т. д., но исторія ихъ не принадлежитъ къ исторіи просвѣщенія Польши. Болѣе народна лютеранская гимназія, основанная въ Торунѣ, о заложеніи которой мы упоминали въ эпоху Ягеллоновъ, и которая стараніямъ Генриха Стробанда, своего начальника

(protoscholastic), обязана была еще болѣе блистательнымъ состояніемъ отъ 1596 года. Сюда для приготовленія къ университетскому курсу прѣзжали: Поляки, Нѣмцы, Богемцы, Венгры; направленіе этой школы было филологическое; «не пишущее цѣлью говорить Лукашевичъ, дѣлать изъ юншей риторовъ или поэтовъ, но ознакомляющая ихъ съ произведеніями Грековъ и Римлянъ, съ исторією міра, съ науками точными и естественными». Языкъ Польскій былъ здѣсь изучаемъ несравненно лучше, чѣмъ въ самой Польшѣ, потому что образцами для упражненія служили сочиненія знаменитѣйшихъ писателей—Кохановскаго, Гурницкаго, и пр. Подобныя, хотя низшія учебныя заведенія Лютеранъ были въ Эльблонгѣ и въ Гданскѣ; это послѣднее имѣло прекрасную бібліотеку и кабинетъ естественной исторіи, было колыбелью Гданскаго товарищества *исследователей природы* (Naturforschende gesellschaft), и воспитало много знаменитыхъ ученыхъ, которыхъ имена принадлежать къ исторіи нѣмецкой литературы.

Аріане или приверженцы Социна имѣли свое гнѣздо въ Малой Польшѣ и Литвѣ; въ Малой Польшѣ была у нихъ школа въ Смиглѣ знаменитая болѣе своимъ основателемъ, чѣмъ науками. Ее одарилъ знаменитый Андрей Дудзичъ нѣкогда католическій пятицерковный епископъ (pęciokościelski) и посолъ императора Фердинанда въ Польшу, а въ слѣдъ за тѣмъ послѣдователь и распространитель Аріанизма въ Польшѣ. Смигельская школа закрыта въ 1637 году. О другихъ школахъ аріанскихъ мы сейчасъ же скажемъ, потому что поочереднъ вниманіе наше займутъ теперь споры іезуитовъ о воспитаніи въ провинціяхъ *Малопольскихъ и Русскихъ*.

Іезуиты, которымъ не удалось основать свою Академію въ Познани, развили свои планы въ Краковѣ, который хотя съ

1596 г. перестала быть первой столицей Польши, но не перестала однакоже считаться сердцемъ Польской земли. Задача ихъ состояла въ томъ, чтобы ослабить силу Ягеллоновыхъ привилегій, поколебать ея славу въ отечествѣ, занять первое мѣсто, и такимъ образомъ вполне овладѣть воспитаніемъ всей Польши. Мы сказали, что Бр. Академія ихъ призваніе радушно приняла (1582) новыхъ борниковъ католицизма, и даже уступила имъ свои храмы, какъ то церковь св. Варвары и св. Степана. Новые пришельцы своимъ усердіемъ къ Божественной службѣ сразу овладѣли сердцемъ народа. «Когда начинается только разсвѣтъ», пишетъ одинъ современникъ, они на читанной (тайной) литургіи говорятъ проповѣди, храмъ всегда наполненъ народомъ, потому что они ровно съ разсвѣтомъ отправляютъ богослуженіе». Это было чрезвычайно удобно для трудолюбивыхъ и благочестивыхъ жителей Кракова, и вмѣстѣ съ тѣмъ служило мѣрою усердія и ревности новаго ордена. Пользуясь первыми благопріятными для себя обстоятельствами, іезуиты при своей церкви zaloжили братство Пресвятой Богородицы съ цѣлію привлечь къ себѣ академическое юношество, но не желая еще вступать въ явный разрывъ съ академическимъ начальствомъ; профессоровъ они избирали изъ сановниковъ братства. Честные, добродушные краковскіе мудрецы, неподозрѣвая обмана, не только сами приходили молиться къ іезуитамъ, но даже дали имъ позволеніе открыть свое училище въ Краковѣ, съ тѣмъ только условіемъ, что учащееся въ немъ юношество будетъ зависѣть отъ ректора академіи, и кажется іезуиты частные свои разговоры съ академиками Гурскииъ, Мартиномъ изъ Пилязна и Яномъ изъ Куржелѣва отдали записать нотаріусу въ формѣ дѣловаго акта. Вооруженные этимъ правомъ, мало заботясь о верховномъ надзорѣ ректора, ко-

торый для нихъ, какъ для монаховъ не могъ быть обязательнымъ, они ожидали только благоприятной минуты для открытiя своей школы. Сильные покровительствомъ короля и знаменитыхъ вельможъ, имѣя уже великолѣпный храмъ св. Петра для нихъ отстроенный, іезуиты сбросили маску въ 1622 г., открыли свою школу у церкви св. Петра съ рѣшительнымъ нарушенiемъ всѣхъ академическихъ привилегiй. Испуганные академики, видя, что юношество бѣжитъ отъ нихъ къ іезуитамъ въ школу и къ богослуженiю, подали оффиціальныи протестъ, и въ присяжной листъ восстанниковъ включили слѣдующiя слова: «доколѣ буду жить въ Браковѣ, не пойду къ другимъ наставникамъ кромѣ тѣхъ, которые находятся въ подчиненiи ректору», наконецъ начали дѣло въ Римѣ противъ насильнаго присвоенiя и подали жалобу своимъ землякамъ на сеймикѣ Браковской области. Престолъ апостольскiй призналъ за іезуитами право учить въ Браковѣ, гдѣ ученость и благочестiе вовсе не на высокой степени, гдѣ берутъ плату отъ учениковъ; шляхта же, какъ мы говорили, всѣмъ сердцемъ была предана отцамъ іезуитамъ. Не много помогла Академiи справедливость ея дѣла, сочувствiе нѣсколькихъ лицъ и прекрасный поступокъ ея ректора Наймановича, который принесъ предъ тронъ Сигизмунда III всѣ привилегiи Академiи, и сравнивая науку съ тѣмъ ребенкомъ, который былъ принесенъ къ суду Соломона, подобно истинной матери просилъ королевское величество, отнять лучше ихъ привилегiи, чѣмъ раздѣлять науку между двумя соперниками и тѣмъ наносить ей смертельный ударъ. Растроганный Сигизмундъ воротилъ ректору привилегiи, къ гербу Академiи приложилъ еще одинъ скипетръ, но школы іезуитской не закрылъ. Только при Владиславѣ IV, благодаря заступничеству Георгiя Оссолинскаго, папа Урбанъ VIII приказалъ закрыть іезуитскую школу въ Браковѣ (1639 г.).

Въ продолженіе этого длиннаго, соблазнительнаго дѣла, когда общественное мнѣніе принимало то сторону іезуитовъ, то Академіи, съ обѣихъ сторонъ появлялись летучіе листки, изъ которыхъ вспомнимъ *Репротестацію* іезуита Вал. Рошковскаго противъ протеста Академіи (1622), *отвѣтъ* на это сочиненіе; *Разсужденіе* (Rozprawy) Станислава Закржевскаго о необходимости умножить число училищъ, *Опроверженіе* (zbijanie) вышеупомянутаго разсужденія; *Обороу* (Obroń) іезуитовъ, Матвея Бемба (1626) *Уничтоженіе Обороу* (zniesienia Obroń) Наймановича. Здѣсь надлежитъ вспомнить еще сочиненія, осуждавшія іезуитовъ, Янидловскаго и братьевъ Наймановичей, и сочиненія, осуждавшія Академію, изданныя Бошущиницъ, и Дружбициницъ, и преимущественно знаменитое *Gratis* или *Разговоръ земледѣльца съ приходскимъ священникомъ* (Discurs Ziemiałina z Plebanem 1626) сочиненіе знаменитаго математика *Броска* (Broscius). Приведемъ здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ этой любопытной брошюры, тѣмъ болѣе, что въ ней Бросциушъ передаетъ намъ нѣкоторыя черты іезуитскаго воспитанія.

Въ первой части онъ говоритъ о бесплатномъ воспитаніи у іезуитовъ. «Сначала они стали заводить училища, и тѣмъ скорѣе привлекли всѣхъ къ себѣ, что они учили даромъ, «что каждому не глубоко внимающему въ дѣло, казалось «лучшимъ, потому что и шести грошей въ треть не брали «за мальчика.... но если углубиться въ ихъ намѣренія, съ «которыми они заводятъ училища, и потомъ какую пользу «извлекаютъ они изъ этого ученія, то каждый умный че- «словѣкъ долженъ сознаться, что они учатъ не даромъ, но «очень дорого. Прежде всего, основывая свои школы, они «заботятся о томъ, чтобы не открывать ихъ до тѣхъ поръ, «пока не будутъ имѣть столько доходовъ, чтобы на нихъ

«могут содержаться всё, сколько ихъ жить тамъ будетъ, включая въ это содержаніе одежду, пропитаніе и всё до-  
 «статки, относящіяся къ безбѣдному содержанію. Имѣя все  
 «это они открываютъ свои школы. Я слышалъ это отъ од-  
 «наго епископа, который у нихъ спрашивалъ, почему въ  
 «Луцкѣ не преподають они богословіе? а тѣ отвѣчали, что  
 «не имѣемъ еще столько средствъ для того, чтобы читать  
 «Богословіе. А если они учать даромъ, то зачѣмъ средства?  
 «Но самыя ихъ правила не велятъ имъ дѣлать иначе. Даже  
 «если бы у нихъ и ни въ чемъ не было недостатка, они нахо-  
 «дятъ ихъ, говоря на пр. что не имѣють своего сада для про-  
 «гулокъ....» Поэтому родители не талеръ, или червонецъ, ко-  
 «торый пришлось бы имъ въ треть дать простому бакалавру, но  
 «даютъ вѣстѣ съ кошелькомъ значительную сумму, или жер-  
 «твуютъ на чашу, на сутану или на исподницу (*antepedium*),  
 «на колоколь, или нѣсколько быковъ или боченокъ рыбы, а  
 «если они изъ Подолія, то меду прѣснаго, или безчисленное  
 «множество хлѣба; а если они живутъ въ городѣ и принад-  
 «лежать къ купеческому сословію, то кувшинъ деревяннаго  
 «масла, мѣшокъ пряностей, изюму, бѣлыя покрывала, ма-  
 «стерія, полотна для отцовъ, сукно и во всемъ о чемъ толь-  
 «ко будетъ намекъ, родители никакъ отказать немогутъ...»  
 «Одну только грамматику на сколько частей они растя-  
 «нули: здѣсь *Infima*, здѣсь грамматика меньшая, тамъ  
 «считаксисъ, тамъ *Humanitas* etc. для простыхъ и не-  
 «дальновидныхъ родителей очень пріятно (*plausibile*) слы-  
 «шать, что сынъ ихъ въ первомъ, второмъ, третьемъ, чет-  
 «вертомъ, пятомъ классѣ, что онъ сдѣланъ императоромъ  
 «греческимъ (*Graecorum*) или римскимъ (*Romanorum*), или  
 «преторомъ) *Prætor*), или получилъ премію, икону, или что-  
 «нибудь подобное, а не видятъ того, что его учать одной  
 только грамматикѣ.... На радостяхъ приѣзжаетъ отецъ къ



«своему сыну туда, гдѣ онъ учится, или дядя, родствен-  
 «никъ, тетунка, и ребенокъ прекрасно привѣтствуетъ ихъ  
 «срѣчью, или усѣбно разыгрываетъ комедію, или въ вѣ-  
 «шочкѣ и стихарчикѣ увивается вокругъ алтара: тушитъ  
 «свѣчи длиннымъ деревцомъ, звонитъ въ колокольчикъ,  
 «прекрасно кланяется, еженеждѣльно бываетъ у исповѣди...  
 «Иезуиты обучая дѣтей, надъ грамматикою Альвара, которая  
 «очень трудна для пониманія и изученія, убиваютъ много  
 «времени по многимъ причинамъ. Первая та, что чѣмъ да-  
 «лѣе будутъ оставаться ученики въ школахъ, тѣмъ далѣе  
 «они будутъ пользоваться тѣми выгодами, о которыхъ мы  
 «выше упоминали; вторая, чтобы узнавать имъ настроеніе  
 «дѣтей при долгомъ ихъ пребываніи въ школахъ; въ третъ-  
 «ихъ, чтобы молодого волченка передѣлать на свой ладъ и  
 «управлять его молодостію; четвертая, на случай, чтобы  
 «имѣть имъ отговорку, если бы захотѣли взять у нихъ дѣ-  
 «тя: пусть по крайней мѣрѣ изучитъ онъ грамматикъ, кото-  
 «рая есть основаніе всего, а потомъ можно будетъ его взять;  
 «пятая, чтобы молодость свою *до мужскаго возраста* онъ  
 «провелъ въ школахъ, и такимъ образомъ когда достигнетъ  
 «совершеннолѣтія, если у него есть хорошія *способности*  
 «(dowcip), если онъ порядоченъ, если *ожидаетъ наследд-*  
 «*ства*, или *помощи* отъ родныхъ, если *есть надежда ко-*  
 «*рысти для отцовъ*, то чтобы удержать его у себя и не  
 «выпускать. А если же ума обыкновеннаго, и родители  
 «хотятъ взять, или онъ самъ не хочетъ учиться, или оста-  
 «ваться у нихъ, такихъ выпускаютъ на волю. Что же онъ  
 «станетъ дѣлать теперь взрослый дѣтина съ усамъ? пойти  
 «въ услуженіе; или ваяться за плугъ. Нужно бы еще учить-  
 «ся, но уже время прошло; идти въ ремесло—стыдно. Что же  
 «стутъ дѣлать? долженъ просить ихъ, чтобы они дали ему  
 «*средства* къ жизни, и они дѣлаютъ его или инспекторомъ,

«или опредѣлять писаремъ къ своему благодѣтелю, или канцеляромъ, или приходскимъ священникомъ, чтобы впоследствии пользоваться имъ какъ орудіемъ въ своихъ дѣлахъ.... О богатыхъ ученикахъ оставляющихъ школу, Бросціушъ говоритъ: стараются, чтобы они помнили полученныя благодѣлія, помнили, что Богу, родителямъ и воспитателямъ никогда нельзя отблагодарить достойно чтобы онъ не забывалъ своихъ благодѣтелей и наставниковъ, при всякомъ случаѣ покровительствовалъ имъ, посѣщалъ ихъ, часто бывалъ на исповѣди, чтобы живя въ мірѣ благопріятствовалъ ихъ ордену, чтобы въ собранія самъ ходилъ и своихъ приводилъ и множество другихъ условій, которыми такъ опутываютъ умъ молодаго человѣка, что трудно ему бываетъ возвратитъ себѣ свободу его.»

Во второй части своего *Gratus'a* Бросціушъ исчисляеть привилегіи Академіи, въ третьей описываетъ хитрости, при помощи которыхъ іезуитамъ удалось открыть свои школы въ Браковѣ.

Смѣло, открыто срывая съ Іезуитовъ маску, Бросціушъ справедливо боявшійся гоненія, издалъ свое сочиненіе безъ подписи, безъ числа и указанія типографіи; но подробности эти были открыты и оскорбленное величіе іезуитовъ (*Majestat Iesuicki*) излило свою месть на сочиненіе издателя; книга по приказанію короля была сожжена на рынкѣ въ Браковѣ, а типографъ, Андрей Петрковчикъ, названъ іезуитскимъ еретикомъ, недостойнымъ и подобія имени великаго и почтеннаго типографа его королев. величества и публично былъ высѣченъ розгами за изданіе *Gratus'a*. Вотъ до чего дошла гражданская свобода при королѣ іезуитѣ, среди народа столь раздражительнаго при одной только тѣни нарушенія этой свободы!! Для большаго еще поруганія іезуитъ Фридрихъ Шембекъ, на брошюру Бросціуша, (1627 года)

подъ вседонимомъ Іосифа Пянкоржецкаго (Браспорѣчскаго) издалъ свой отвѣтъ подъ заглавіемъ: *Gratis solvucynave skiŃ*, употребляемый бесплатно въ краковскихъ іезуитскихъ школахъ (*gratis plebański, gratis bezpлатnie wyswiczeny w Jesuickich szkołach Krakowskich*) дѣлая примѣненіе къ тому наказанію (*wyswiczenia*) которое получилъ Петровчикъ. Поэтъ Себастьянъ Клѣновичъ навлекъ гоненія на всю свою жизнь за то что издалъ противъ нихъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Egnitis Poloni in Jesuitas Actio prima*, «гдѣ онъ называетъ ихъ заразою, которая окроется не прежде, какъ обниметь все тѣло Польши.»

Іезуиты и академики недовольствуясь борьбою словесною и письменною, пользовались еще матеріальными силами и уличными драками посредствомъ школьной молодежи. Подчиненіе въ польскихъ школахъ никогда не было строгимъ. Профессоры, исключительно занятые наукою не думали о томъ, чтобы слѣдить за нравственностію своихъ воспитанниковъ; внѣ предѣловъ школы дѣти протонародныя, называемыя *pauperegizami* (бѣдняками) или *mendykami* (нищими) о потребностяхъ которыхъ никто не заботился, и которымъ позволено было, собирать подаяніе на свое содержаніе и одежду, обходили дома мѣщанъ въ Рождество, съ поздравленіями или пѣніемъ священныхъ пѣсней; малые виѣстѣ со взрослыми, невинные съ развратными, крикомъ наполняли улицы Кракова, бросались на жидовъ, требуя отъ нихъ платы *kozubalca* (выкупъ) и *judaiski* освященныхъ обычаемъ. Школьное начальство не имѣло довольно силы для обузданія этихъ злоупотребленій; чтобы прекратить ихъ и уничтожить нужно было имѣть дѣятельную школьную полицію, а какъ можно было требовать ея для дѣтей, если и взрослое населеніе городовъ польскихъ дѣлалось все что хотѣло, передъ судомъ староствъ и маршал-

новъ, отъ которыхъ уволены были воспитанники школъ въслѣдствіе данныхъ имъ привилегій. Впрочемъ чтобы обуздать шалости школьныхъ мальчиговъ, напередъ нужно было обезпечить имъ средства для жизни, но профессора академіи сами терпѣли нужду, а іезуитамъ ботатства были нужны для другихъ цѣлей. Наймановичъ ректоръ Академіи въ одномъ изъ своихъ сочиненій такъ защищалъ шалости школьной молодежи. «Не знаю, кто изъ тѣхъ господъ, которые съ такою строгостію угрожаютъ этому возрасту, и самъ не былъ молодъ? Кто изъ нихъ не шалилъ хоть разъ, кому Богъ далъ то преимущество жизни святыхъ, которыхъ ни кровь, ни недостатокъ вѣрнаго суда о вещахъ, не могли преклонить къ злу. А если они забыли то, чѣмъ были прежде, то пусть взглянуть на себя людей уже зрѣлыхъ, которые отличаются высокими сумомъ, нѣтъ ли между ними того, на что бы правосудіе, законъ и его исполненіе по справедливости изощряло свой мечъ. И должно быть замѣтить, что это правда; малые дѣсти, съ ними мало заботъ и грѣхи ихъ малы; ученики бьются, а законодатели убиваютъ другъ друга. Они отнимаютъ другъ у друга книги, а тѣ деревни и нищество. Мальчики спорѣзвятся не много и только, а тотъ едва не обернетъ цѣлаго міра. Студентъ потанцуетъ выпивъ пива на полгроша, а тамъ ни во что ставятъ значеніе тѣхъ предметовъ, о которыхъ грѣшно и упоминать.» При такой списходительности ученики не знали предѣловъ своеволю: подучали чернь, нападали на жилища жидовъ, изъ мести за свои обиды дѣйствительныя или только мнимыя, къ которымъ сами они безъ сомнѣнія подали поводъ, поучали жидовъ на улицахъ, а тѣхъ, которые не хотѣли вѣровать въ Сына Божія, бросали въ Вислу. Грѣшно было школьному начальству терпѣть подобныя своеволия, но поджигать ихъ съ цѣлію

унизить своихъ враговъ, было едва ли не преступленіемъ, и однако наша эпоха дала нѣсколько тому примѣровъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, который приведенъ Шембекомъ въ *Gratiæ*: «Господа академики представили жалобу въ Римъ на іезуитовъ за ихъ краковскія школы, и тамъ законно съ ними судились; воспитанники же ихъ не ожидая утвержденія апостольскаго престола, сами стали искать себѣ управы съ іезуитами, и іезуитскихъ студентовъ, расходившихся изъ школы по домамъ неоднократно останавливали на большой дорогѣ, нанося имъ разнаго рода несприятности: били ихъ, отнимали книги, срывали флажки, желая этимъ разогнать іезуитскихъ воспитанниковъ, а іезуитовъ принудить отступить отъ своего плана, но когда это неудалось имъ, то они толпою, съ оружіемъ и камнями остановили ихъ на городской улицѣ, и не обращая вниманія на священническій санъ двухъ профессоровъ іезуитовъ, которые шли между воспитанниками, для защиты ихъ отъ нападеній шалуновъ, *вооруженною рукою* на нихъ напали и поднявши тревогу нарушили общественное спокойствіе, такъ что начали ломать двери домовъ и мастерскихъ, куда спрятались было іезуиты и ихъ воспитанники, а одного шляхтича, *воспитанника* іезуитовъ, ранили въ плечо: инымъ досталось палками, другимъ камнями»... Ректоръ Академіи очень холодно принималъ подобныя происшествія. Но іезуиты, которые упрекали студентовъ Академіи въ подобныхъ безчинствахъ съ своей стороны подавали не менѣе хорошій примѣръ соблазна. Тамъ рядомъ съ убожествомъ, побуждавшимъ къ нищенству, рядомъ съ грабежемъ на улицахъ и при снисхожденіи къ нему, священномъ обычаемъ, тамъ религіозный фанатизмъ, принимаемый воспитателями съ улыбкою, какъ доказательство ревности къ католицизму, вооружалъ мальчишекъ къ нападе-

ніямъ на дома и лица протестантовъ и евреевъ. А развѣ ученики ихъ не врывались въ школу кальвинистовъ въ Белжицахъ и не издѣвались надъ ректоромъ ея Светлинкомъ (1633)? или не разрушали ихъ же Збору въ Вильнѣ (1862), ломая стѣны и разоряя гробы? А развѣ городское начальство не приказывало евреямъ на время пасхальныхъ праздниковъ запирать свои ворота для того, чтобы распаленные ученики іезуитовъ не угрожали ихъ безопасности? Приведемъ свидѣтельство Китовича о необузданности іезуитскихъ воспитанниковъ: «они дошли до такой дерзости, что не отвѣчали ни предъ однимъ судилищемъ, исключая школьнаго, «за нанесенныя ими кому-нибудь непріятности, за причиненныя имъ обиды, иногда выдуманныя ихъ студентскою гордостію и разгоряченными ушами. Они силою искали себѣ «удовлетворенія, врываясь въ дома, и нападая на лица, къ «которымъ они имѣли небывалыя притязанія, и которыхъ «влекли, а не вели въ школу, осыпая ихъ ударами плети; »и кромѣ того принуждая ихъ къ унижительнымъ извиненіямъ у ногъ своихъ же истязателей и палачей. И кто бы «тамъ ни былъ, чиновникъ какого угодно сана, шляхтичъ, «офицеръ, воинъ, но если онъ вольно или неволью тронулъ «студента, обидѣлъ словомъ, толкнулъ или ударилъ, и за «благовременно не ушелъ изъ города, или не запрятался гдѣ «нибудь въ тѣсный уголокъ, то ему неизбѣжать уже суроваго, школьнаго наказанія».... Не болѣе было порядка и въ протестантскихъ школахъ; въ Раковѣ дѣти соцініанъ изрубали крестъ при дорогѣ, въ Торунѣ студентъ пронзилъ шпагою одного подмастерья портнаго за то, что тотъ превосходилъ его въ танцахъ. Недальновидное школьное начальство, зараженное духомъ партій допуская насилія этого рода, а молодежь въ школахъ привыкала къ партизанству и безнаказанному своеволю, которыя потомъ пагубно отразились въ жизни народа.

Не путемъ тяжбъ, сатиръ, или уличныхъ насилій слѣдовало бы Академіи возвратить себѣ вліяніе, которое было поколеблено іезуитами. Прекрасно было ея призваніе: открывши недостатки іезуитскаго воспитанія, преобразовать планъ своей инструкціи, стать на стражѣ чистаго просвѣщенія, и спасая отечество отъ грозившаго ей мрака, съ тѣмъ вмѣстѣ спасти и свою популярность. Намъ кажется, что трудъ этотъ не превышалъ ея силъ, не смотря на тотъ фанатизмъ, который обуялъ умы, не смотря на королевскую благосклонность къ іезуитамъ; было еще время воззвать къ здравому смыслу и чувству народъ, усилить подвластныя себѣ школы, и рука объ руку со вновь открытою *Академію Замойскою* добрымъ примѣромъ, образованіемъ, пересилить вліяніе іезуитовъ, и разогнать мракъ, который былъ выбранъ послѣдними какъ надежнѣйшее орудіе. Скажемъ здѣсь о появленіи Академіи Замойскаго, которая по мысли своего основателя имѣла именно такое назначеніе.

Знаменитый государственный человѣкъ, мудрый Янъ Замойскій, «сильно, какъ самъ онъ сознается въ основномъ актѣ (*fundacyi*), былъ убѣжденъ въ томъ, что только общественное воспитаніе можетъ приготовить отечеству способныхъ и честныхъ гражданъ», «предупреждая, говорить «Соллыквичъ, чтобы дурной обычай заводить іезуитскія школы не распространился и въ воеводствахъ русскихъ», въ 1595 году основалъ новую академію въ Замосьцѣ, гдѣ по преимуществу должны быть изучаемы языки и литературы: польская, латинская, греческая, законовѣденіе, нравственность, философія, науки математическія и медицинскія». Хорошо знакомый съ способомъ преподаванія наукъ въ заграничныхъ университетахъ (потому что онъ въ молодости самъ былъ ректоромъ въ Падуѣ), Замойскій хотѣлъ устроить

Академію по италіанскому образцу. Безъ труда получивъ отъ Папы Климента VIII (1594) г. утвержденіе своей Академіи, онъ вызывалъ тогдашнія европейскія знаменитости Марка Антонія Мурета, Юста Липсціуса, Доминика Конвалега и другихъ, для занятія профессорскихъ кафедръ въ Замосць; получивши отъ нихъ отказъ, основатель вызвалъ ученѣйшихъ мужей изъ Краковской Академіи: Бурскаго, Брожа, Урсина, Дрезнера, Бирковскаго. Но Сигизмундъ III, во всемъ послушный внушеніямъ іезуитовъ и нерасположенный къ Замойскому, отказался утвердить существованіе новой Академіи, и такъ какъ основатель ея вскорѣ скончался, то его школа, поддерживаемая еще наставниками Краковской Академіи, и сдѣлавшись, такъ сказать, ея полиціею, не могла процвѣтать среди іезуитскихъ интригъ, бѣдно надѣленная средствами, и не популярная; она хотя существовала и имѣла свои колоніи, какъ, напримѣръ, въ Олыцѣ, хотя давала ученые степени, проливая нѣсколько свѣта на русскія земли, но народъ забылъ о ней до того, что число ея воспитанниковъ рѣдко доходило до ста. Стремленія вѣка требовали реформы въ планѣ воспитанія, но Академія Замойская, заимствуя свое направленіе отъ Краковской, съ тѣмъ вмѣстѣ раздѣляла ея отвращеніе къ нововведеніямъ всякаго рода.

Напрасно канцлеръ Академіи, епископъ Тылицкій, вооруженный грамотою папы, хотѣлъ произвести въ ней извѣстнаго рода перемены, Академія не согласилась принять ихъ, утверждая, что малѣйшее измѣненіе будетъ для нея гибельно, что нужно уважать старыя ея уставы, и старыхъ наставниковъ, и въ доказательство своего совершенства выставляла свою глубокую преданность католицизму. Она засыпала на своихъ привилегіяхъ, между тѣмъ какъ неусыпны были ко вреду ея труды іезуитовъ, утвердившихся въ



Краковѣ, Люблинѣ, Львовѣ, Ярославѣ, Сандомирѣ, словомъ во всей Малой Польшѣ и Руси. И вотъ іезуиты смяты основать свою Академію въ Львовѣ, спрашиваютъ, по какому праву существуетъ Замоиская школа безъ подтвержденія королевскаго, захватываютъ приходскія и каѳедральныя училища, разгоняютъ школы протестантовъ, и на каждомъ шагу начинаютъ спорить съ Академіею. Родичи признаютъ справедливость правъ Академіи, но дѣтей своихъ охотнѣе отдають на воспитаніе іезуитамъ. Въ Малой Польшѣ были еще школы протестантскіе съ чистыми понятіями о наукѣ, но протестанты, равно какъ и іезуиты проникнуты были своего рода фанатизмомъ, лишенные значенія единовѣщевъ, потому что на престолѣ возсѣдалъ король-іезуитъ, и потому что магнаты, ихъ единовѣрцы, классъ слишкомъ осторожный для того, чтобы изъ за религіозныхъ споровъ терять ему значеніе политическое, толпами возвращались въ нѣдра католицизма; даже тѣ, которые оставались вѣрными реформѣ охотно отдавали своихъ дѣтей въ іезуитскія школы, потому что это была мода вѣка, которая открывала болѣе обширное поприщѣ въ службѣ отечественной.

*Малопольскіе кальвинисты* имѣли свои меньшія школы въ Дубецкѣ, Краковѣ, Седиминѣ, Туробинѣ, Окшѣ, Быховѣ и т. д. и наиболѣе славную, состоявшую изъ четырехъ классовъ въ Белжицѣ; но состояніе этихъ школъ и школокъ далеко несотвѣтствовало ученымъ потребностямъ своихъ единовѣщевъ. Съ малыми средствами, чуждые покровительства, занятые борьбою съ іезуитами, школы швейцарскаго исповѣданія оказали очень мало вліянія на оживленіе умовъ въ Польшѣ. Главнѣйшія школы *Арианъ* были въ Левартовѣ, Пинчовѣ и Раковѣ, въ нихъ учили языкамъ еврейскому, греческому, латинскому, изучали римское право, древнюю философію и литературу; но школа въ Пин-

човѣ пала еще прежде эпохи Вазовъ; Левартовская, основанная около 1586 г. Николаемъ Казимирскимъ существовала только десять лѣтъ, то есть до обращенія своего основателя къ католицизму, а Раковская (основанная Яковомъ Сѣнинскимъ 1602 г.) и называемая польскими Аѳинами, пала жертвою своеволія своихъ учениковъ, которые изрубили крестъ поставленный ей наперекоръ сосѣдомъ католикомъ. Приговоръ сейма (1638 г.) уничтожилъ Раковскую школу и преслѣдовалъ ея наставниковъ, которые укрылись въ Киселинѣ на Волини. Болѣе счастливою была Аріано-Душавицкая школа, дожившая послѣдней минуты изгнанія Аріанъ изъ Польши.

Когда *Брестская Унія*, о которой мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, раздѣлила польскихъ подданныхъ *Восточной Церкви* на уніатовъ и неуніатовъ, тѣ и другіе стали у себя заботиться о воспитаніи юношества, по крайней мѣрѣ того, которое должно было посвятить себя духовному званію. Первые имѣли нѣсколько школъ *Базиліанскихъ* въ Львовѣ и Вильнѣ, устроенныхъ совсѣмъ на манеръ іезуитскій, и наконецъ получили открытый доступъ въ школы іезуитскія и заграничныя. Неуніаты учились въ низшихъ училищахъ: въ Острогѣ, Львовѣ, Вильнѣ, Полоцкѣ, Слуцкѣ, и въ высшей братской школѣ въ Кіевѣ, которая привилегією Владислава IV вознесенная на степень Академіи, поддерживаемая мѣстными магнатами: Острогскими, Могиловыми, Киселевыми, и изъ Сѣчи Запорожской Конашевичемъ и Тетерю преподавала своимъ воспитанникамъ науки богословскія, философскія, языки церковно-славянскій, греческій и латинскій. Кіевская школа до послѣдней минуты пребыванія этого города въ рукахъ Поляковъ была въ довольно цвѣтущемъ состояніи.

Вліяніе Краковской Академіи уже распространялось на Литву, гдѣ іезуиты имѣли свою Академію въ Вильнѣ и школы ей подчиненныя въ Минскѣ, Новогрудкѣ, Нѣсвижѣ, Брожакъ, Ковнѣ, Витебскѣ и т. д. въ которыхъ они по своему преподавали языкъ латинскій, богословіе и философію, мало заботясь о наукахъ математическихъ и естественныхъ. Здѣсь они боролись только съ послѣдователями кальвинизма, довольно уже не многочисленными. Знаменитѣйшія школы кальвинистовъ въ Вильнѣ и Слуцкѣ, и многочисленные еще соборы этого вѣроисповѣданія, постоянно тѣсныя іезуитами, отъ времени до времени едва лишь обнаруживали признаки жизни.

Мы осмотрѣли поле битвы въ дѣлѣ воспитанія, и видимъ что іезуиты съ своимъ альваромъ (alwagem), панигиригами, процессіями и насильственными нападеніями на еретиковъ—удержали за собою побѣду. Правда, Краковская и Замоиская Академія и нѣсколько школъ протестантскихъ и русскихъ остались внѣ ихъ вліянія, но прикасаясь къ нимъ, іезуитизмъ положилъ на нихъ свою печать, дыханіемъ фанатизма оледѣнилъ науки и далъ имъ направленіе обратное.

Мы не хотимъ приводить доводовъ, что вредъ, какой былъ нанесенъ тогдашней Польшѣ іезуитами, сдѣланъ ими сознательно. Зло, причиненное ими было слѣдствіемъ того ложнаго положенія, какое они заняли въ Польшѣ. Монашескій орденъ, призванный для богословскихъ разсужденій, долженъ былъ и остаться въ этой сферѣ, небравшись за воспитаніе юношества,—или занявшись ученіемъ, нужно было въ сторонѣ оставить религіозные споры и политику. Въ томъ или другомъ случаѣ ихъ назначеніе оказало бы дѣйствительную услугу отечеству, но при тогдашнемъ ихъ положеніи, они могли причинить развѣ одинъ только вредъ. Осто-

рожность, чтобы подъ предлогомъ движенія впередъ не вкраслась какая-нибудь религіозная новость, приказывала имъ держаться старыхъ обычаевъ, стѣснять кругъ понятій, освящать авторитетъ всякаго рода — или религіозный папы, или политическій короля и вельможъ, или литературный, извѣстныхъ писателей, признанныхъ образцовыми. Опасаясь духа, который по слову писанія *дышетъ идъже хоцетъ*, они должны были привязаться къ буквѣ, какъ въ церкви, такъ и въ школѣ, не допуская пытливыхъ изслѣдованій, боясь чтобы изъ нихъ не выросла какая-нибудь ересь. Изъ этого преувеличеннаго правовѣрія проистекло одностороннее направленіе мыслей, монастырскій взглядъ на вещи, въ сердцахъ мѣсто живой вѣры и поэзіи, замѣнило педанство, охлажденіе духа, забвеніе прекраснаго. Краснорѣчіе и поэзія, эти проявленія народной жизни, эти дѣти души, какъ скоро сердце завяло и перенеслось въ голову, при недостаткѣ животворнаго огня, должны были прибѣгать къ искусственному блеску и риторическимъ фигурамъ для того, чтобы хотя ими прикрыть свой хладный трупъ. Такъ, вмѣсто того, чтобы удержать мысль въ извѣстныхъ придѣлахъ, іезуиты совсѣмъ остановили ея теченіе; прекрасную польскую мысль, и пламенныхъ защитниковъ гражданской свободы заковали въ цѣпи умственнаго рабства. Для личныхъ цѣлей, изъ лести магнатамъ, они возбуждали ихъ неслышанную гордость; вступая въ рукопашный бой съ академіею и еретиками, приучали шляхетское юношество къ партизанству въ политическомъ и домашнемъ ихъ быту. Столпы католическаго государства слишкомъ мало любили Польшу, чтобы для блага ея пожертвовать личными видами своего ордена, уничтожали права Академіи, сѣяли несогласія между католиками и разновѣрцами, предъ королямъ поддерживали только сторону своихъ благодѣтелей, словомъ здравые

понятія челоуѣчества и патриотизма, были промѣнены на болѣзненное, преувеличенное правовѣріе. Вотъ плоды, какіе принесли намъ іезуиты на попримѣ политическомъ и ученомъ, вотъ способъ, при помощи котораго въ правленіе Сигизмунда III, наукъ мрака распростеръ надъ Польшою свою густую сѣть, потому что къ несчастію, правленіе этого монарха было слишкомъ длинно, такъ что болѣзненное состояніе, въ которомъ онъ нашелъ Польшу превратилось въ болѣзнь трудную для излеченія.

Сердце сжимается отъ горести, когда мы перенесемся мысленно въ покои Варшавскаго замка, гдѣ Сигизмундъ III въ 1632 году умиралъ послѣ 45 лѣтняго царствованія, оставляя отечество разстроенное имъ и обезсиленное, и многочисленное семейство безъ всякихъ видовъ на будущность. Вельможи толпятся у одра умирающаго и не заботясь о спокойствіи монарха требуютъ отъ него подписанія льготъ на различныя должности; іезуиты взываютъ его къ покаянію въ грѣхахъ; тутъ же совершается пустой обрядъ коронаванія Владислава, наследника шведскаго престола; Сигизмундъ, лишившійся языка, чужими устами слезно умоляетъ поляковъ, чтобы они помнили объ его семействѣ, у котораго отнялъ онъ корону шведскую и русскую, а въ Польшѣ приготовилъ терновый вѣнецъ.

Владиславъ IV, сынъ Сигизмунда, избранный королемъ польскимъ, не смотря на бурную молодость, не смотря на болѣзни, которые угнетали его въ пору зрѣлаго возраста, при другихъ обстоятельствахъ не былъ бы однимъ изъ обыкновенныхъ монарховъ. Полный воинственнаго жара, и благихъ намѣреній въ пользу отечества, онъ хотѣлъ успокоить его внутри, извнѣ облечь его древнимъ блескомъ и славой,—но желаніе его встрѣтило одни только неудачи, которыхъ онъ не могъ одолѣть. Аристократія и іезуитизмъ

чудовищно усилвишіяся во вреду народной свободы и просвѣщенія, постоянно вызывали: то бурный сейтъ, то стѣсненіе свободы иновѣрцевъ, то грозное со стороны послѣднихъ противодѣйствіе, то плачевныя возстанія козачества.

Вотъ рядъ политическихъ неудачъ Владислава IV. Рѣшительно потерявъ онъ царство Русское, но возвратилъ надежду получить шведскій престолъ. Построеніемъ крѣпости Кудака, при помощи которой онъ хотѣлъ держать козачество въ послушаніи, только раздражилъ его и вызвалъ зловѣщее возстаніе; предполагая воевать съ Турками, возбуждалъ противъ себя народъ, который начиналъ уже любить нѣгу гнуснаго бездѣйствія, устанавливая Орденъ Безсѣннаго Зачатія, подалъ поводъ думать, что хочетъ уничтожить этимъ польское равенство. Владиславъ IV послѣдній удачно велъ войну съ Россією, предъ нимъ въ послѣдній разъ преклонялъ колѣна князь Прусскій.

Польшѣ онъ оставилъ нѣсколько памятниковъ, которые доказываютъ заботливость короля о хорошемъ устройствѣ государства: завелъ въ Варшавѣ богатый арсеналъ, желая развить наши морскія силы построилъ небольшую флотилію подъ Пуцкомъ, и двѣ крѣпости для ея защиты; созывалъ въ Торунѣ иновѣрцевъ для дружеской бесѣды и соглашенія главныхъ членовъ ихъ вѣры; установилъ посты, и зная вѣроятно зло происходящее отъ іезуитскаго воспитанія, вызвалъ Піаровъ, другой духовно-монашескій орденъ, съ цѣлю имъ ввѣрить завѣдываніе школами. Это послѣднее распоряженіе достойно того, чтобы обратить на него свое вниманіе. Хотя въ ту пору, о которой мы говоримъ, Піары не могли не только думать о борьбѣ съ исполнинскимъ іезуитизмомъ, но даже проникнутые духомъ своего вѣка сами должны были идти по слѣдамъ іезуитизма, но мы съ гордостію

смотримъ на братіи благочестивыхъ школъ (Scholasticum Piarum), потому что въ ихъ нѣдрахъ тлѣетъ свѣтлая искра, которая въ концѣ эпохи избирательнаго образа правленія, озарила своимъ свѣтомъ умы Поляковъ.

Орденъ Піаровъ основанный Іосифомъ Каласантымъ въ началѣ XVII, предположилъ себѣ цѣлю распространять просвѣщеніе между народомъ бѣднымъ, у котораго не доставало средствъ образованія себя въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или пользоваться плодами *беззлатнаго іезуитскаго* преподаванія. «Выучить дѣтей хорошо считать, писать, ариметикѣ и языку латинскому, а преимущественно благочестію и вѣрѣ христіанской — такова была скромная, но великая цѣль для достиженія которой св. Іосифъ *a Matre Dei* (Каласантъ) посвятилъ силы свои и своего ордена. Владиславъ IV, который имѣлъ слишкомъ справедливыя побужденія не любить іезуитовъ, рѣшившись оказать Польшѣ услугу призваніемъ въ отечество ордена столь знаменитаго своимъ благотѣльнымъ вліяніемъ за границею, началъ переговоры съ ихъ святымъ патріархомъ. Съ благодарностію приняли Піары призваніе Владислава, но такъ какъ они довольно медленно собирались къ выѣзду въ Польшу, то буря тридцатилѣтней войны въ Германіи и Моравіи, ускорила ихъ прибытіе къ намъ. Піары въ 1641 году изгнанные изъ Оломунца укрылись подъ защиту короля Польскаго, который основалъ для нихъ особенную коллегію въ Варшавѣ. Слѣдуя примѣру монарха, магнаты, соскучившіеся уже интригами іезуитовъ, стали принимать къ себѣ подъ кровъ Піаровъ, такъ что въ скоромъ времени до 30 школъ и коллегій Піарскихъ зацвѣло въ различныхъ мѣстахъ Польши и Литвы. Іезуиты, послѣ побѣды надъ протестантскими и академическими школами, считавшіе уже себя обладателями браннаго поля воспитанія, съ гордостію и тайнымъ безно-

койствомъ обратили свой взоръ на своихъ сотрудниковъ; но тѣ скромно отвѣчали, что они приходятъ учить одинъ только бѣдный народъ, который не входитъ въ планъ іезуитскаго воспитанія, и то въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ нѣтъ школъ іезуитскаго братства. Какимъ образомъ Піары сдѣлались наконецъ небезопасными соперниками, какъ іезуиты стали клеветать и гнали ихъ, какъ гнали нѣкогда Бракковскую Академію—все это расскажемъ мы въ эпоху избирательнаго образа правленія; здѣсь скажемъ только то, что когда въ правленіе Владислава IV вкусъ и понятіе цѣлей науки были уже исправлены, школы Піарскіе отличались не болѣе здравымъ просвѣщеніемъ чѣмъ іезуитскія. Латинизмъ для одного же латинизма, діалогіи, казуистическое богословіе, панегирики вельможамъ таковы были занятія піарскихъ школъ въ эпоху Вазовъ.

Возвратимся къ политическому состоянію Польши, и повторимъ то, что уже сказано, что лицо Владислава IV меньше блистательно, чѣмъ оно заслуживало, отражалось на днѣ своей бурной эпохи. Въ другое время исторія назвала бы однимъ изъ необыкновенныхъ того короля, котораго теперь помѣщаетъ на одной изъ вершинъ отечественнаго упадка. Для спасенія Польши отъ враговъ, для уврачеванія болѣзней собственнаго ея организма нуженъ былъ геній, а Владиславъ IV обладалъ только талантами.

Раскроемъ политическую карту Польши въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ оставилъ ее Баторіой. На сѣверъ она обнимаетъ Курляндію и Ливондію, примыкаетъ къ Эстляндіи, на востокъ границы ея съ Россією касаются Пскова, Ревеля, Смоленска, на югъ она владѣетъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, цѣлымъ воеводствомъ, Днѣстромъ граничитъ съ Валахією и Молдавією — на югъ и западъ Карпатскія горы и рѣка Одеръ служатъ ея границами; цѣлая Пруссія,



Литванія, цѣлая Украина—все это принадлежитъ къ ней. Въ этихъ предѣлахъ она была сильною, а внѣ ихъ славою и почтенною. Но Вазы не умѣли или немогли поддержать государство въ его величин. Сигизмундъ III за то, что Шведы отняли у него престолъ по праву принадлежавшій ему послѣ отца, уступилъ имъ Литванію и часть Пруссіи, своими интригами въ Россіи унижилъ тамъ память побѣды Баторія, гдѣ не было нужды тамъ поработилъ, гдѣ нужно было стѣснить, тамъ освободилъ умы, вотще терялъ не мало военныхъ силъ, не мало польскихъ денегъ, словомъ политически и морально ослабилъ Польшу, а Владиславъ IV утратилъ влияние на остальную часть Пруссіи, права на Москву и вызвалъ кровавый мятежъ козаковъ, слѣдствіемъ котораго было отпаденіе козачества отъ Польши.

Въ 1648 году, Владиславъ IV уже умиралъ когда мятежное и своевольное козачество, раздосадованное построеніемъ крѣпости Будака, угнетеніемъ украинскихъ вельможъ и фанатизмомъ іезуитовъ, соединилось съ Татарами, и подняло знамя бунта подъ главнымъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго. Злая судьба, слабость или безсиліе Польши, благопріятствовали бунтовщикамъ: они овладѣли Будакомъ, нанесли жестокое пораженіе Полякамъ подъ Пилявцами, и взявъ въ плѣнъ гетмановъ Потоцкаго и Калиновскаго, въ грозномъ видѣ представили свои жалобы престолу. Владислава уже не было въ живыхъ.

Внезапный страхъ овладѣлъ осиротѣлою Польшею — рѣшено выступить въ походъ противъ козаковъ, но магнаты вмѣсто того, чтобы совокупными силами спасти отечество, стали спорить между собою кому по праву принадлежитъ команда надъ войскомъ, князю ли Доминику Заславскому, или Іеремію Вишневецкому. Последній правда былъ знатокъ своего дѣла, но рѣшительный перевѣсъ на его сторону еще не

лебался; время проходило въ однихъ спорахъ и примиреніяхъ, а Хмѣльницкій радовался все новымъ и новымъ успѣхамъ.

Государственные чины, собранные въ Варшавѣ для избранія короля, ссорятся за то, отдать ли Кіевское подкоморство Аріанину Нѣмеричу; а между тѣмъ козаки грабятъ подъ Львовомъ, осаждаютъ крѣпости, жгутъ города и села. Избранный королемъ въ Краковѣ, Янъ Казиміръ, братъ Владислава, блистательно празднуетъ свою коронацію, а Хмѣльницкій съ триумфомъ въѣзжаетъ въ Кіевъ; король, стѣсненный обстоятельствами, посылаетъ ему бунчукъ и знамя съ властію гетмана, какъ бы въ награду за его преступную крамолу.

Но это униженіе не принесло своихъ плодовъ, потому что бунтовщики, ободренные успѣхами, предложили такія условія мира, которыхъ принять рѣшительно было невозможно. Война сдѣлалась необходимою. У насъ недостаетъ силъ изображать весь ея ходъ; сердце горестно сжимается при частомъ воспоминаніи мѣстъ Зборова, Збаража, Батова и Жвайца. Послѣ долгихъ и несчастныхъ битвъ, козаки кое-какъ были усмирены, но когда часть ихъ перешла въ русское подданство, война съ козаками, переродилась въ войну съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ эту минуту выступили войною Шведы, вдали является Ракоцкій, и все истребляющее пламя съ четырехъ сторонъ обняло Польшу.

И мы опять раскроемъ ея географическую карту.

Съ востока и юга идутъ Русскіе съ козаками; однимиъ крыломъ занимаютъ Смоленскъ и Литву до самой Вильны, другимъ Русь Галицкую до Львова; съ сѣвера и запада презрѣнный измѣнникъ Іеронимъ Радзеіовскій ведетъ Карла короля Шведскаго вмѣстѣ съ Бранденбургскимъ куръ-

фирстомъ, — и приготовляя путь врагамъ собственного отечества склоняеть на ихъ сторону Великую Польшу, Радзивилъ въ Литвѣ собираеть ему приверженцевъ. Король шведскій господствуетъ въ обоихъ Польскихъ столицахъ; вынуждаеть клятву у отчаяннаго народа, хвастаетъ передъ Европою своею побѣдою надъ Яномъ Казиміромъ, и тѣмъ, что подчинилъ своей власти прусскія и польскія его области. Протестанты единствомъ вѣры, магнаты лестными надеждами, а остальная часть народа, объятая страхомъ переходить на сторону Шведовъ. Отъ горъ Карпатскихъ подаютъ имъ руку на гибель Польши, князь Седмиградскій Ракоцкій, который идетъ съ 30 тысячами Венгровъ, Итальянцевъ и козаковъ, занимаетъ сосѣдніе провинціи, овладѣваетъ городами Стрешемъ, Пржеворскимъ, Перемышлемъ, Брестомъ, и какъ бы въ насмѣшку объявляетъ, что онъ пришелъ устроить въ Польшѣ порядокъ, унять смятенія и возвратить ей миръ. Легко было издѣваться надъ землею Пястовъ и Ягеллоновъ: король, отрѣзанный отъ своихъ, не можетъ вернуться въ отечество, гетманы и сами не знаютъ куда имъ обратиться съ малыми ихъ силами для потушенія всесторонняго пожара, люди злонамѣренныя пристають къ неприятелю а общество, объятое страхомъ, не имѣеть собственной воли. Скоро наѣздники поняли другъ друга: Шведъ, Бранденбургець и Седмиградець, бросили жребій судьбы, назначили на картѣ раздѣлъ между собою польскихъ провинцій, и принялись уже дѣлать ее какъ тѣло бездыханное.

Но Польша не была еще трупомъ: религія и патриотизмъ, скрытые въ груди, чуждые быть можетъ магнатамъ и политикамъ, дышали еще въ крови народа. Сильные опустили руки, но слабые почувствовали силу Божию и чудотворныя начала вѣры, надежды и любви. Не-

бразованный мѣщанинъ изъ Львова издѣвается надъ угрозами Ракоцаго, раздѣленная съ мужемъ королева Марія Лудовика отпрягаетъ отъ коляски лошадей подъ пушки, заплѣсневшій надъ книгами профессоръ Браковской Академіе гордо отказывается присягнуть Шввду, а старый монахъ Августинъ Кордецкій, держа въ одной рукѣ молитвенникъ, а въ другой охитль, стрѣляетъ картечью и поражаетъ Шведовъ подъ Ченстоховомъ.

Духъ Божій возбудилъ наконецъ сердца Поляковъ. Образовалась въ Трышовцахъ народная конфедерація (1655), во главѣ ея стали Стефанъ Чарнецкій, Станиславъ Потоцкій, Станиславъ Ланцкоронскій, Христофоръ Тышкевичъ, и Яцекъ Шембекъ, народъ воззвалъ къ послушанію королю, вызвали короля и обдумали средства для отпора врагамъ, въ которыхъ для дѣла священнаго у народа никогда не бываетъ недостатка. Любовь къ отечеству вдохнула въру въ возможность его спасенія, а рыцарскіе мечи Чарнецкаго, Любомирскаго и Гонсѣвскаго довершили остальное. Польша подобно больному послѣ перелома страшной болѣзни, начала чувствовать все болѣе и болѣе ясные признаки жизни. Король возвращается, заключаются трактаты съ Австрією, Данією, съ курфирстомъ Бранденбургскимъ и перемиріе съ Россією; Татары приняли сторону Польши, Ракоцыи обращается въ позорное бѣгство, Шведъ долженъ удалиться за море, и Чарнецкій преслѣдуетъ его въ самой Даніи. Дорого стоила намъ помощь сосѣдей. Алексѣй Михайловичъ царь Россійскій за перемиріе и разрывъ съ Шведами хотѣлъ получить польскую корону по смерти Яна Казимира; курфирстъ Бранденбургскій выговорилъ полную независимость Пруссіи; Австрія за малую и обременительную помощь, взяла себѣ подъ залогъ сокровищницу Польши, соляныя копи; но хотя цѣною столькихъ пожертвованій, при-

шло однако спасеніе совершенно погибающаго отечества. Въ слѣдъ за тѣмъ возобновилась война съ Россією; но поръ уже намъ отвратить взоръ отъ браннаго поля, и взглянуть на край, потрясенный такими грозными бурями. Лицо его омрачено уныніемъ, на немъ черты преждевременной старости, развалины великихъ мыслей и дѣйствій, въ жилахъ его слабо струится кровь, лихорадочно, безладно, въ головѣ холодъ, въ сердцѣ сомнѣніе. То, что разстроилось въ его здоровьи, вслѣдствіе ли дурныхъ вліяній или собственнаго своеволія, одно мало по малу приходитъ въ порядокъ, въ другомъ развивается новый зародышъ гибели. Есть еще жизнь, но раньше или позже, а она должна переродиться или пасть жертвою. Съ любопытствомъ смотримъ мы на лицо и характеръ Яна Казимира, и съ горестію замѣчаемъ, что этотъ монархъ не въ силахъ исполнить своего назначенія — спасти отечество. «Янъ Казиміръ (повторимъ то, что вѣтъ-то о немъ сказано) имѣлъ сердце великое, но «непостоянный умъ.» Не самъ себѣ приготовилъ онъ ту чашу горести, которую долженъ былъ испить, но самъ по неосторожности прибавилъ въ него каплю яду. Рядомъ съ несчастными войнами, исторія его времени пошѣстила на свои страницы нѣсколько домашнихъ соблазновъ. Въ 1651 г. Сыцинскій, Упитскій, депутатъ подалъ плачевный примѣръ уничтоженія сеймовъ; въ 1659 году войско прислало на сеймъ своихъ уполномоченныхъ съ дерзкими словами «что тотъ, кто держитъ орудіе, долженъ получить все», въ 1665 году Любомирскій открыто съ оружіемъ въ рукахъ вступилъ въ споръ съ монархомъ. Трудно хвалить эти проступки, но увы! ихъ оправданіе лежитъ въ проступкахъ Яна Казимира, который то самовольно налагалъ подати, то раздавая староства своимъ льстецамъ, забывалъ о жалованіи войску, то желая нане-

сти ударъ народной свободѣ прижизненнымъ наименованіемъ себя наследника, слушая сплетни, и женскія интриги, возбудилъ противъ себя протестацію. Привязанность къ правамъ и свободѣ отечества сильно привилась къ сердцу Поляковъ, а возставать противъ нихъ нельзя было ненаказанно. Виновенъ рокошанинъ, но неменѣе виновенъ и тотъ, кто вызвалъ рокошь.

Слишкомъ много терній было въ Польской коронѣ, тяжело былъ крестъ царствованія. Янъ Казиміръ, неодаренный великими нравственными силами, потерявъ супругу, которая была для него опорой въ правленіи, почувствовалъ необходимость сбросить съ себя мученическое иго величія, и потому на сеймѣ 1669 года, изъявивъ рѣшительное желаніе, и предсказывая паденіе Польши, — сложилъ вѣнецъ и сошелъ съ трона, который онъ занималъ въ продолженіе столь злосчастныхъ двадцати лѣтъ.

Итакъ мы прошли уже эпоху Вазовъ. Грустную эпоху перехода къ паденію. Сравнимъ состояніе Польши въ правленіе Баторія съ тѣмъ, въ какомъ оставляетъ ее Янъ Казиміръ; спросимъ куда дѣвалась Лифляндія, Пруссія, Заднѣпровская Украина, куда дѣвалась честь передъ сосѣдями, любовь къ отечеству, просвѣщеніе и слава въ наукахъ, которыми славились Поляки предъ лицемъ Европы? Короли неискусно желая преобразовать Польшу, и присвоить себѣ власть самодержавную, утратили свое значеніе, магнаты укрѣпились, шляхта вмѣсто любви къ отечеству, цѣнитъ только гербы, народъ порабощенъ, онъ почти лишенъ всѣхъ правъ человѣческихъ, сеймъ также необходимый какъ дыханіе, какъ пульсъ для конституціонной жизни народа, ежеминутно грозитъ быть прекращенъ первымъ интриганомъ, фанатикомъ или безумцемъ. Села обезлюдили, сожженные вражескою рукою, поля не воздѣланы—слѣдовательно

безплодны, города лишены своихъ богатствъ вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ и прекращенія сношеній съ иноземцами, ослабшая торговля переходитъ въ руки жидовъ, тридцатилѣтніе школьники, съ грамматикой въ рукахъ безчинствуютъ на улицахъ, а смиренные іезуиты, пишутъ панегирики въ похвалу шляхетскихъ гербовъ.

Вотъ плоды сѣмянъ, брошенныхъ рукою Сигизмунда III на плодоносную, но своенравную польскую почву. Но, переходя по порядку исторію польской литературы, мы будемъ утѣшены искрой таланта, заревоиъ духа, усиліями прекрасныхъ благородныхъ стремленій. Проявленія мысли тѣмъ блистательнѣе, чѣмъ лучезарнѣе сіяютъ на мрачномъ фонѣ своей эпохи.



## ПОЭЗИЯ ПОЛЬСКАЯ И ЛАТИНСКАЯ.

**ХАРАКТЕРЪ ПОЭЗИИ ВЪ ЭПОХУ ВАЗОВЪ.—ЗНАМЕНИТѢЙШІЕ  
ПОЭТЫ И ПЕРЕВОДЧИКИ.—ТЕАТРЪ.**

Свобода и своеволие, стремленіе къ порабощенію и реакціи, борьба, вооруженная съ врагами отечества, и письменная, съ политическими или религіозными противниками — словомъ всѣ стороны народной жизни въ эпоху Вазовъ въ полной мѣрѣ отразились въ тогдашней поэзии. Поэзія, яснѣе чѣмъ всѣ другія отрасли нашей литературы, сокупила въ себѣ всѣ черты фізіономіи духа Поляковъ, если мы только захочемъ считать поэзію ту стихотворную форму, въ которую Поляки нашей эпохи любили наряжать и исторію нашего края, и свою молитву къ Богу, и похвалы свои сильнымъ, и насмѣшки надъ своими противниками. Стихотворная форма была въ ежедневномъ почти употребленіи, какъ въ домашней, такъ и въ публичной жизни; легко поэтому угадать, что при такомъ положеніи вещей, ей недоставало той возвышенности, которая трогаетъ сердце, силы и энергіи, словомъ условій составляющихъ поэзію. Прекрасныя, даже по исполненію, тогдашнія произведенія Клѣновичей, Шимоновичей, Мясновскихъ, Граховскихъ, не отличались почти совершенствомъ, а что и говорить уже о риемотворцахъ втростепенныхъ, или о воспитанникахъ іезуитской эстетики, которыя *ремесло* пѣвца отправляли холодно, по понятіямъ школы, по правиламъ, заимствованнымъ изъ древ-



неримскихъ произведеній. Вотъ главныя черты поэзіи въ эпоху Вазовъ: предметомъ *миризма* была религія, рѣдко политическій бытъ народа; *эпосъ* слабо питался дѣяніями отечественными, жизнь народная и сельская вдохнула нѣсколько прекрасныхъ идиллій, но сильнѣе другихъ вознеси холодный *дидактизмъ* и ядовитая *сатира*. Эта послѣдняя служитъ выраженіемъ настроенія духа Поляковъ въ правленіе Сигизмунда III, и его сыновей: въ ней свободно развивался народный юморъ, находя себѣ основаніе въ домашнихъ странностяхъ и недостаткахъ, будучи иногда оружіемъ партій, орудіемъ необузданныхъ порывовъ своеволія и иногда органомъ гонимыхъ и страждущихъ. Перевѣсъ на сторонѣ сатирическаго начала въ литературѣ извѣстнаго времени и края, доказываетъ пресыщеніе, холодность сердца и ослабленіе нравовъ. Когда граждане въ глаза поражаютъ другъ друга сарказмами и насмѣшками, это служитъ доказательствомъ, что между ними есть недостатки, достойные порицанія, доказательствомъ, что тѣ, которые принялись за исправленіе другихъ, не вѣрятъ уже въ дѣйствительность братской любви и только ядовитымъ колкостямъ приписываютъ какую-то нравственную силу. Но въ очахъ изслѣдователя и насмѣшникъ и осмѣиваемые являются въ свѣтѣ, неслишкомъ для нихъ выгодномъ.

Это о формѣ и духѣ; скажемъ еще нѣсколько словъ о понятіяхъ эстетическихъ, о выполненіи поэтическихъ произведеній. Въ эпоху Ягеллоновъ мы видѣли полныя очарованія поэтическіе труды Кохановскаго, Влѣновича, Рея, латинскіе Яницкаго, Дантышка и другихъ. Благодаря первымъ, образовался, украсился опоэтизировался нашъ языкъ, послѣдніе образовали нашъ вкусъ и поддержали наше равенство съ Европою. Но шумъ политической жизни, звуки военныхъ трубъ Баторія, богословскіе диспуты, и

холодная, безчувственная школа іезуитовъ—вотъ причины, которыя вскорѣ охладили, оледѣнили формы, онѣ иссушили источники вдохновенія. Одушевленіе стало замѣняться напыщенностью, искусство искусственностью, польскій языкъ свою чистоту, а латинскій подъ перомъ Поляковъ стали терять свою привлекательную простоту, божества языческія, образцы греческіе и римскіе, остатки эпохъ, неимѣющихъ ничего съ нами общаго, сдѣлались образцами поѣтовъ, искривлявшихъ чувствованія своей души, или понятія своей страны, по формамъ условленнымъ, которыя нанесли убійственный ударъ духу. Жизнь изъ произведеній поэзіи мало по малу стала улетать до того, что проходя немалый рядъ нашихъ пѣвцовъ, эпохи Вазовъ, мы съ горестію въ нихъ замѣчаемъ постепенный упадокъ. Поэтому читатели простятъ намъ, если мы, проходя этотъ рядъ, остановимся только на знаменитѣйшихъ, а остальныхъ коснемся слегка.

Въ эпоху Ягеллоновъ мы изобразили начальное поприще *Себастіана Клѣновича* (Асегна), приводили отрывки изъ его прекрасныхъ народныхъ поэмъ *Матроса* (Flisa) и *Роксолантіи*, теперь намъ остается обозрѣть другую эпоху его жизни, когда онъ уже не какъ поэтъ, пламенно любящій свое отечество, но какъ колкій раздраженный сатирикъ, поражаетъ недостатки своихъ соотечественниковъ. Клѣновичъ одинъ служитъ для насъ прекраснымъ выраженіемъ той перемѣны мыслей, какая совершилась въ эпоху Вазовъ. Вотъ характеристическое произведеніе Клѣновича *Ковчежецъ Іуды* (Worek Judaszów. Краковъ въ тип. Стернацкаго 1600 г.) борьба, на которую онъ вызываетъ мщениковъ различныхъ родовъ и состояній.

Избравши девизомъ слова св. Іоанна о Іудѣ, «что онъ былъ воръ и носилъ ковчежецъ, въ который дѣлали вклады», поэтъ

шьеть этотъ мѣшокъ изъ кожи волчей, лисей, рысей и львиной, и примѣнительно къ характеру этихъ животныхъ исчисляетъ различные роды воровъ-мошенниковъ. Здѣсь открывается обширное поле для его сарказмовъ.

«Nie po sierci my znamy te lskaryoty,  
 «Poznać po towarzystwie kto jest tamtéj roty,  
 «Najdziesz go, a on z Moskiem u Lewkiem przestawa,  
 «A Chrystusa za srebro Anaszom przedawa,  
 «Bliźniego oszukawszy rzkomo go żałuje».

Этотъ мѣшокъ дѣлится на четыре части. Въ первой (изъ волчьей кожи) поэтъ описываетъ простыхъ карманныхъ воровъ, которые тайно присвояютъ чужую собственность, изслѣдуетъ происхожденіе цыганъ, изображаетъ ябедниковъ, которые похищаютъ чужія земли, запахиваютъ межу, запапываютъ границы (narozniki kopia), прудами заливаютъ поля, святотатцевъ грабящихъ церкви, тѣхъ, которые неправыми путями доискиваются должностей, а особенно тѣхъ, которые обкрадываютъ общественную кассу, наконецъ воровъ, похищающихъ коней, скотъ и торгующихъ людьми. Во всѣхъ этихъ описаніяхъ мы встрѣчаемъ множество характеристическихъ подробностей, въ послѣднемъ описаніи видимъ Marthauzów, преступниковъ, которыхъ занятіе прекратилось вмѣстѣ съ перемѣною обстоятельствъ, и остались одни только слѣды въ мѣшигѣ Іуды. Эти отвратительные промышленники проходили страну, завербовывая къ себѣ людей подъ разными предлогами, потомъ уводили ихъ въ Туречину и тамъ продавали, какъ военнопленныхъ.

---

«Не по шерсти узнаемъ мы этихъ Искаріотовъ, но обществу можно узнать, кто изъ ихъ числа обращается съ Москомъ и Левкомъ, и Христа за деньги продаетъ жидамъ и обманувъ ближняго, притворно о немъ сожалеетъ».

«Wywiedzie go na rynek i z nim po sławiańsku,  
 «Insze mówi, a insze z tym po Saraceńsku;  
 «Tam zmyją między sobą Gaura ubogiego,  
 «Ażiści on w niewoli u Turka srogiego,  
 «Takci Judasz Chrystusem handlował w Ogrojcu». <sup>1</sup>

Далѣе говорить о тѣхъ, которые тѣло Христово продають жидамъ, ворами называетъ и Татаръ. Въ прибавленіяхъ къ этой части, подъ заглавіемъ *Причины всякаю зла*, говорить о праздности и роскоши, изображаетъ празднолюбцевъ, городскихъ и уличниковъ, которыя отъ праздности дѣлаются преступниками. Во второй части *Иудина ковчежца, о кожь и природъ лисей*, направляетъ ударъ противъ лицемѣровъ, пустосвятвовъ и мошенниковъ, которые подъ видомъ набожности крадутъ себѣ чужую собственность.

<sup>2</sup> «Włóczy sie, po kiermaszach z Judaszowym trzosem,  
 «Nosi puszkę żelazną dzwonek mosiądzowy,  
 «Prosi rzkomo na szpital i na kościół nowy,  
 «Prosi chytry nieborak na jakiego świętka,  
 «Chociaż z tamtej jalmużny nieda mu i szczątka,  
 «Czasem zmyśli na błoniu i w borze zjawienie:  
 «I ślubuje prostakom zapewne zbawienie.  
 «Widzjałem, przy pod lasem miłą matkę Bożą:

<sup>1</sup> «Выведеть его на рынокъ, и говорить съ нимъ то послavianски, то носарацински, и обманувши бѣднаго Гяура продаетъ его суровому Турку, какъ Иуда продавалъ Христа въ вертоградѣ».

<sup>2</sup> «Бродить по ярмаркахъ съ иудинимъ иѣшконъ, носитьъ желѣзную кружку, колокольчикъ иѣдний, проситьъ будто бы на госпиталь, на построение церкви, на какого-нибудь святаго, хотя изъ собраннаго подаянія не дасть ему и полушки, иногда выдумаетъ какое-нибудь явленіе на лугу или въ рощѣ и общаетъ простакамъ вѣрное спасеніе.

- «(А бабы się сѣлухając onych баśni tworzą)  
 «Wielka światłosć wynikła w choinowym borku  
 «Na pierńku nowociętym, na cudnym pagórku,  
 «Więc on niezbędny oszust twierdzi rzeczywiśtą,  
 «Że widział własnem okiem Dziewicę przeczystą;  
 «Która mu rozkazała chwałę Bożą, mnożyć,  
 «I tam na oném miejscu kościołek założyć».

Но здѣсь поэтъ одумывается, чтобы не приняи его за еретика.

- <sup>1</sup> «Ale żebym się nie dał być jednym z tej goty,  
 «Co za lada przyczynką z Kościołem drą koty,  
 «Wolę tu nieobrażać animuszów chorych».

Потомъ направляетъ упрекъ противъ помѣщиковъ, которые хотя большею частію и католики, рады однако прибытку, и позволяютъ въ земляхъ своихъ набожные обманы. Прекрасны два слѣдующіе стиха, которые онъ влагаетъ въ уста еретика помѣщика.

- <sup>1</sup> «Niech kto wierzy jako chce; idz z włodarzem wójcie  
 «Choć ta jałówka błędna, przecię ją wudójcie».

---

Видѣлъ и на краю лѣса Божию-Матерь (а бабы наслушавшись ихъ придумываютъ новыя сказки), большой свѣтъ явился въ хвойной рощѣ, на нѣхъ новосрубленныхъ на чудномъ холмѣ. Онъ утверждаетъ, что видѣлъ собственными глазами Дѣву Пречистую, которая велѣла ему распространять Славу Божию и на томъ мѣстѣ основать церковь».

<sup>1</sup> «Но чтобы не показаться однимъ изъ числа тѣхъ, которые изъ-за всякой причины отдалаются отъ церкви, лучше нѣхъ не оскорблять здѣсь болышихъ умовъ».

<sup>1</sup> «Пушкой воинъ вѣруеть, какъ хочеть; воинъ ади съ приказникомъ, и хотя тѣлка заблуждающа, но не нѣзнаеть однако подонть се».

Но поэтъ не удержался, и духовенству онъ не можетъ простить его грѣховъ, и немилосердо къ іудинному мѣшку причисляетъ и тѣхъ, «которые завѣдуютъ госпиталями».

<sup>2</sup> «Choć w gewerendach chodzą jak jacy prorocy,  
«Choć zdaje się nabożni i na twarzy srodzy  
«Przecię od nich bezprawie odnoszą ubodzy».

Въ слѣдъ за тѣми ложные нищіе, бабы, которые подь предлогомъ собиранія милостыни предаются мерзкому ремеслу—прельщаютъ женъ и дѣвушекъ, странники къ престолу апостольскому, ложные друзья, придворные соблазнители чужихъ женъ, всѣ они неумолимо подведены подь категорію воровъ, іудина мѣшка который спитъ изъ лисьей кожи.

Въ *Рысламъ* (часть III) причисляетъ изворотливыхъ юристовъ, извращающихъ дѣла, рассказываетъ анекдотъ объ одномъ монахѣ, который ловко хотѣлъ вынудить запись у бездѣтнаго умирающаго старца, но тутъ же опомнился и прибавилъ «и авторъ также просить»

<sup>1</sup> «Niech za to od kapłanów gniewu nieodnosi,  
«Pisze się specyfia o jednej osobie,  
«Nie o wszystkich,—kazali, łatwo to wyskrobie».

Въ той же категоріи принадлежатъ игроки обманщики, упорные и лукавые должники, лихоимцы, жидаы, ябедники,

---

<sup>2</sup> «Хотя они ходятъ въ ризахъ, подобно пророкамъ, хотя повидному набожны и лица суровы, однако нищие терпятъ отъ нихъ несправды».

<sup>1</sup> «Пусть духовные не сердятся за это, адѣсь пишется про одно только лице, а не про всѣхъ,—а прикажутъ, я безъ труда уничтожу это».

которые дѣлають ложные контракты и описи, и какъ бы не ловко принятый для контракта, но вѣрно изображенный типъ земледѣльца.

- «Bo kmiotaszek ubogi ustawnie do dwora:  
 «Robi sobą i bydłem aże do wieczora.  
 «Karmi się ustawiczną biedą i kłopotem:  
 «Zinnem i upalcniem, łzami, dymem, potem  
 «Cierpi kuny, bispkupy, korbacze, gąsiory,  
 «Osoczники, pochlebce, podatni, pobory.  
 «I pany furyaty, opiłe tyrany,  
 «Pyszne, chciwe, wszeteczne: gorsze niż poganu.  
 «Ach biednaż jego lichwa! dobrze to zapienia,  
 «Co mu Bóg da z wiecznego swego opatrzenia.  
 «Nie szemrze, nie swarzy się i z ziemią i z Bogiem.  
 «Żywi się nieboraczek bardzo niskim brogiem,  
 «Więc musi czekać lata słusznego żniwa,  
 «Bo ziemie niebędzie żał; zamarzyła mu niwa  
 «Z tejsze też lichwy daje xiędzu dziesięcinę,  
 «Snopki, meszne i pobor, czynsze, pańską winę,  
 «Zładże suknię, konika kupie, krówke wotku:  
 «Zład jałmużne dziadowi, obuwie pachofku».

---

«Бѣдный поселянинъ вѣчно ходитъ ко двору, работаетъ самъ и его скоть до позднего вечера. Находится всегда въ бѣдности и кломотахъ, тернитъ холодъ и жаръ, сидитъ въ дыну, переноситъ заключенія, удары плети, клеветы, подати, поборы, гибель безумцевъ, пьяныхъ тирановъ, гордыхъ, жадныхъ, развратныхъ, хуже измыльниковъ. Ахъ тяжела его жизнь и онъ то покрываетъ слезами, что Богъ даетъ ему по вѣчному своему Провидѣнью. Не ропщетъ онъ, не ссорится съ Богомъ и землею, питается бѣднякъ очень плохую нищею. И долженъ ждать лѣта и правильной жатвы, потому что землю жать не станеть, замерзла его нива. Изъ этой же прибыли онъ и священнику платитъ десятину, снопы, поборы съ литургій, оброкъ и вино барскую, за это же купить ему нужно платье, коня, быка и корову, дать милостыню нищему, и обувь слугѣ».

Когда же ему пришлось изображать львовъ, то есть воровъ богатыхъ и сильныхъ, поэтъ примѣтно струсилъ.

«Strach o tej skórze pisać: bo ta groźbą strachem  
 «Narabia, iż tak mówić mam prostym odmachem  
 «Więc mam—li oniej pisać? namyśle się natym:  
 «Bum się zaś nieuprzykrzył Judaszem zębatym.  
 «A na ten czas odchodzę: wróce się do srogich.  
 «Czoło zmarszczywszy, nauk, do swych zabaw drogich.  
 «A wy, na skarb Judaszów kupcie dla pielgrzymów  
 «Rolę jaką: a z tym tu czynię koniec rymów».

Поэма оканчивается прекраснымъ обращеніемъ ко Христу подъ заглавіемъ Агелдема (поле крови) высокая мысль скрывается здѣсь въ слѣдующихъ двухъ стихахъ:

«Jak się fenix przez ogień, przez popioł odmładza  
 «Tak się człowiek przez ziemię przez próchno odradza».

Сварливый, безобразный, чуждый поэзии, грубый по характеристическій *Бовчежецъ Іудинъ*, общою цѣлію котораго было поражать пороки, былъ писанъ на языкѣ польскомъ. Въ другомъ своемъ произведеніи *побѣда Бозовъ* (*Victoria deorum*) которое въ одно время вышло изъ типографіи

---

«Страшно писать объ этой кожѣ: потому что она сильна внушаемымъ ею страхомъ, и такъ писать ли ни о ней? думаю, какъ бы не наскучить ниѣмъ Іудю зубатымъ. Теперь оставлю: наморщивъ чело возвращусь къ суровымъ наукамъ, илимъ своимъ забавамъ. А вы на деньги Іуды купите для странниковъ какое-нибудь село: тамъ я оканчиваю свои рimes».

«Какъ фениксъ посредствомъ огня и праха молодѣетъ, такъ и человекъ возрождается чрезъ смерть и погребель».



Стернацкаго, Клёновичъ рѣшился излить свою желчь противъ шляхты, которой покорялись тронъ, право и народъ, и которая въ своемъ ослѣпленіи смирялась только передъ авторитетомъ силы и богатства магнатовъ. Поэма эта также нескладна, но полна желчи и энергіи; Клёновичъ быть можетъ изъ вѣжливости написалъ ее полатыни, чтобы въ глазахъ народа бросить покровъ на истины, высказанныя слишкомъ остро предъ лицомъ всемогущаго класса Польской шляхты. М. Вишневскій въ нѣсколькихъ словахъ прекрасно обрисовалъ все содержаніе *Побѣды Боговъ*, «только благороденъ, кто ведетъ добрую жизнь, а кто ведетъ добрую жизнь, тотъ мирно отходитъ изъ сей жизни; что «шляхтство одинъ только предразсудокъ, что благороднымъ «въ мірѣ можетъ назваться одна только добродѣтель и трудъ». Очень хороши и отдѣльные отрывки этой поэмы.

То онъ поражаетъ украшенныхъ гербами властелиновъ народа за ихъ безчеловѣчное обращеніе съ крѣпостными:

(ПЕРЕВОДЪ).

«Starszyznol którą naród za swych panów baczy,  
 «Której sprawu na barkach dzwiga gmin wieśniaczy,  
 «Której z woli niebiosów, szy z dawnej umowy,  
 «Poddanstwo święci pracę i pieniądz czynszowy,  
 «A wy pomimo prawo i obyczaj stary,  
 «Mnożycie nowe jęki i nowe ciężary!  
 «Wasi dzicy słuźalcy pastwią się nad zgrają,

---

*Переводъ.* «Старѣйшины, которыхъ народъ почитаетъ своими господами, дѣла которыхъ несутъ на своихъ плечахъ, которыхъ по воли небесъ или по давнему уговору народъ посвящаетъ свой трудъ и деньги оброчными, вы не смотря на право и древній обычай, умножаете свои расходы и налагаете на нихъ новыя тяжести! Ваши

«I okrótniej niż piawka jej krew wysysają  
 «A ze krwią pije życie nieużyta tłuszczą,  
 «We wnętrzości ubogich swe szpony zapuszcza;  
 «Jak nad bydlęm zgłodniała gromada zwierzęca,  
 «Jak się lew Afrykański nad barankiem znęca,  
 «Tak podeptawszy zakon i naturę rzeczy  
 «Człłek zwierzęco wysysa szpik z kości człowieczej  
 «Niezmiękczysz jego serca choćby krwawym płaczem,  
 «Darłby nieludzko skórę na ciele wieśniaczém,  
 «Jak osioł pod ciężarem, jako szkapa prosta,  
 «Co niewdzięczny za prace powoziciel chłosta,  
 «Tak wy musicie cierpieć o kmiotkowie podli!  
 «Nie żał na gorzką dolę nic łza niewymodli,  
 Bo na płacz niezważają poganiacze dzicy,  
 «Jak na szelest fal morskich jak na gwar z ulicy,  
 «Niezmiękczy twego pana i jego włodarzy,  
 «Obraz nędzy i głodu na wybladłej twarzy,  
 «Choć ci zawiędła skóra ledwie kość powleka,  
 «Choć wyglądasz jak szkielec, jako trup człowieka,  
 Chociaż w twojej niedoli z oka spłakanego,

---

дикая прислуга надъѣзжаетъ надъ толпою, и ужаснѣе пиявиць сосеть  
 изъ нея кровь, и съ кровію въ жизнь бѣдныхъ запускаеть свои  
 когти; голодную толпу терзають какъ левъ Африканскій терзаеть  
 агнеяка. Такъ поправъ законъ и природу — человекъ звѣрски вы-  
 сасываетъ мозгъ изъ костей людскихъ, не смягчишь его сердца даже  
 кровавыми слезами, онъ безчеловѣчно драгъ бы кожу съ тѣла поселя-  
 нина; какъ оселъ подъ тяжестью, какъ лошадь простая, которую за ея  
 трудъ бьеть неблагодарный возница, такъ и вы терпите униженіе  
 поселяне! Не жалуйся на горькую участь, слеза ничего не выколотъ,  
 потому что дикіе погонщики на плачь обращаютъ столько же внима-  
 нія, какъ на смятеніе волнъ моря, какъ на уличнй шумъ; не смяг-  
 чить твоего господина и его прикащикова, голодь и нужды которые  
 ты терпишь, на твое исхудалое лице, хотя твои кости едва покрыты  
 кожей, хотя похожъ ты на скелеть, на трупъ человека, хотя въ тво-

«Ży gorące a gorzkie po obliczach biega,  
 «Chociaż serce strapione załościwie wzdycha,  
 «Lekce waży twą boleść zaślepiona pucha.»

То поражаетъ шляхетскую гордость польскаго духовенства.

(ПЕРЕКВОДЪ).

«Pocoć i ciebie xięże to szlachetstwo nęci?  
 «Rzniesz dziwaczne zwierzęta w herbownej pieczęci,  
 «Zielska, dziadowskie herby, i jakież potwory,  
 «Wyciskiwasz na wosku malujecz w kolory,  
 «I mniemasz, że niegodzien biskupiej tyary,  
 «Kto nieozdobien w klejnot i pargamin stary.  
 «Czyż sługi Chrystusowe we zlocie być mogą  
 «Kiedy Pan chodził boso, kiedy żył ubogo?  
 «Gwoli zbawienia świata, bez herbownych znaków  
 «Kiedyście następcami ubogich rybaków,  
 «Czemaż raczej pobożność uwas niezakwita  
 «Niż w herbach pozłacanych pucha rodowita?»

онъ несчастнн изъ очей горячя слезы текутъ по ланитамъ, хотя сердце огорченное жалобно вдыхаетъ, но ослѣпленная гордость пренебрегаетъ твоими страданiями».

*Переводъ* «Зачѣмъ и тебя священникъ привлекаетъ это шляхетство? Вырѣзываетъ чудовищныхъ звѣрей на гербовой печати, травы, гербы дѣдовъ, и какiя-то чудовища, выдѣлываетъ изъ воску, рисуешь ихъ красками, и думаешь что тотъ недостойнъ епископской тиары, кто неукрашенъ драгоценными камнями и старинъ пергаментомъ. Неужели слуги Христовы могутъ ходить въ золотѣ, когда Господь ходилъ босмиъ, жилъ въ бѣдности и спасъ миръ не ннзя гербовыхъ знаковъ. Если вы преемники бѣдныхъ рыбарей, почему бы лучше не цѣло у насъ благочестiе, вмѣсто родовой гордости и гербовъ раззолоченныхъ?»

То изображаетъ благословенную жнань сельскаго обывателя и представляетъ картину, которая и въ наши еще времена найдеть своихъ почтенныхъ оригиналовъ.

(ПЕРЕВОДЪ).

«А on oszczędny próżniak jak to na wsi bywa, <sup>1</sup>  
 «Rzadko spojrzy w Niebiosa, rzadko mysl lëniwa,  
 «Podniesie się choć trochę od ziemskich krawędzi;  
 «Jeno w służbie żołądka cały wiek swój spędzi,  
 «Pracuje dla żołądka i jeno w to mierzy,  
 «Jako głód swój nasyci pragnienie usmierzy,  
 «Waży lekce świat cały i z pogardą miją,  
 «Co się jadła nietyczy, brzuchowi niesprzyja,  
 «I mniema że kto zbiera i uprawia zboże  
 «Ten tylko być cnotliwym i szczęśliwym może.»

Жидовъ, мѣщанъ, шляхту различныхъ степеней, словомъ всѣ классы народной общественности—поэтъ преслѣдуетъ неутомимо за ихъ вины, потому что же удивительнаго, что онъ вызвалъ столько преслѣдованій на свою голову, и умеръ въ нуждѣ. Поэму *Побѣда Боговъ*, перевелъ было нѣкогда Яцекъ Пржыбыльскій, но хотя переводъ этотъ потерялся, мы не теряемъ однако надежды оказать когда

---

<sup>1</sup> Переводъ. «А онъ бережливый празднолюбецъ, какъ это часто бываетъ на деревнѣ, рѣдко взглянетъ на небо, рѣдко мысль лѣнивая, хоть не много возвысится надъ земными длани; только въ служеніи желудку проводить весь свой вѣкъ; трудится для желудка, и о томъ только думаетъ какъ бы насытить голодъ, утолить жажду, пренебрегаетъ всѣмъ миромъ и съ презрѣніемъ проходитъ все то, что не кажется ему, не принадлежитъ тревоугодию, думаетъ, что тотъ только кто собираетъ и воздѣлываетъ нашу, можетъ быть добродѣтельнымъ и счастливымъ.»

нибудь услугу Польской публикѣ, переводомъ того же произведенія Кленовича.

Въ *Пламени Турецкой войны и увещаніи къ ея помощию* (W Pożarce wojny Turckiej, urośminaniu do gaszenia) въ стихахъ полныхъ красоты и силы поэтъ взываетъ о необходимости ударить на Турокъ, и сокрушить тѣ цѣпи, которые надѣты послѣдними на шею столькихъ народовъ. Это прекрасное воззваніе, также какъ и множество позднѣйшихъ, осталось безъ послѣдствій, потому что внѣшняя политика и внутреннее состояніе какъ Польши, такъ и сосѣднихъ ей странъ не дозволяли состояться этому святому, поэтическому крестовому походу. Римъ предлагалъ его, возбуждалъ въ нему охоту и подавалъ сигналъ, но уже прошло время религіознаго восторга, поэты и духовныя звали о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя Турки наносятъ Европѣ, но политики видѣли полезную сторону ихъ господства въ Европѣ; какъ бы то ни было выпишемъ нѣсколько стиховъ Кленовича изъ *Пламени*.

«Wstawajcież bracia na tę wojnę świętą, <sup>1</sup>  
 «Wypędzcie z granic tę hydrę przeklętą  
 «Kata swych bracia, już swe wojsko sprawcie  
 «A wierne Pańskie z niewoli wybawcie.  
 «Szanujcie Pana, szanujcie swej głowy,  
 «Oto w swych człakach Pan cierpi okowy.  
 «Jego to krzywda, on też walczyć będzie

---

<sup>1</sup> *Переводъ.* Возстаньте братія на эту брань священную, изгоните изъ своихъ предѣловъ эту проклятую гидру, палачасвоихъ братьевъ, выставте свое войско, и вѣрную страну Господню избавьте отъ рабства. Почтите господа, почтите свою голову, самъ Господь въ оковахъ въ ляхъ своихъ членовъ. Это его обида, онъ будетъ бороться. Пускай Агаръ

«Niechaj tam Agar z swym synem usiędzie  
 «Gdzie go pieściła tam w Chałdejskiej stronie.  
 «Niech go tam wodą napawa na łonie.  
 «Niechaj tu nieburzy w Europie, gdzie swoje  
 «Kościoł Christusów ma wdzięczne pokoje.  
 «Wy tedy których od Azji łączy,  
 «Maetis i Pont i Don bardzo łączy;  
 «Od Afryki zaś który oddzieliło  
 «I środoziemne morze odstrzeliło.  
 «O królewska krwi, Europeanie prawi,  
 «Niech się tu więcej Izmael niebawi.  
 «Ukażcie mu tam na stare pustynie,  
 «Niechaj tam imie jego i sam zginie,  
 «Niech siej napiją trzescią z rzek ojczystych.  
 «Lub z matczynnego Buktaka wod czystych.»

Мы нарочно къ концу нашего разсказа о Кленовичѣ оставили его *Надиробный Плачь*, о высокочлазородномъ и очень ученомъ мужемъ *и Яномъ Кохановскимъ* (Żale nagrobne, na szlachetnie urodzonego i znacznie uczonego męża, Pana Jana Kochanowskiego. Краковъ 1586 г.). Великій нашъ поэтъ въ предъидущемъ году пріѣхалъ умереть въ Люблинъ, какъ будто бы этимъ онъ хотѣлъ пе-

---

танъ съ синонъ своимъ садеть, гдѣ она воспитывала его, въ странѣ халдейской. Пускай танъ водой вапонтъ его на своемъ лонѣ. Пускай онъ кепричиняеть снатеиъ здѣсь въ Европѣ, гдѣ церковь Христова нѣдетъ свое прекрасное жилище. Вы, которыхъ съ Азією соединяеть Меопилъ и Понтъ и Донъ очень быстрый, которыхъ отъ Африки отдалило и отбросило Средизенное море и королевства крови, правме Европейцы, пускай Исмаилъ не пребудеть здѣсь долге. Укажите ему древніа пустыни, пусть въ нихъ онъ самъ и его ния погнбеть, пускай напьется изъ рѣкъ отечественныхъ или изъ роднаго Буктака.

редать свою лиру въ руки тамошняго талантливаго гражданина Себастіана Клёновича. Какъ бы то ни было, но Клёновичъ думалъ, что ему, какъ Люблинскому пѣвцу нужно оплакать смерть своего достойнаго товарища.

(Плачь VII).

Na mię płacz gościnnem prawem przyczedł, bo tu jasnie <sup>1</sup>  
 «Zacny Poeta gaśnie.  
 «Bogiem natchnionych poetów woniący kwiat mdleje  
 «Smiertelny nań wiatr wieje.»

И братнею рукою «по образцу Идиллій Теократа, которыя носятъ заглавіе Epitaphios Bionos» написалъ тринадцать элегій. Произведеніе это слишкомъ научно и искусственно для того, чтобы назваться прекрасной элегіей, но при всемъ томъ оно дѣйствительно трогательно; какъ, напр. (элегія III.)

«Gospodarne pszczołeczki do ulów nieniosą <sup>2</sup>  
 «Brzemienją ktore spadło z Jowiszową kosą.  
 «Bo nad miód pieśni twoich nie trzeba inszego,  
 «Podbierać w plenich barciach, miodu wdzięczniejszego  
 «Zrzuca swój nieźrzały płód drzewo, dobrowolne,  
 «Sobie czyni sieroctwo, kwiatki więdną polne.

---

<sup>1</sup> *Переводъ.* По праву гостепрѣимства мнѣ пришлось плакать, потому что здѣсь угасаетъ поэтъ.

«Богомъ вдохновленный цвѣтъ поэтовъ увядаетъ, дуетъ на него вѣтеръ смерти.»

<sup>2</sup> *Переводъ.* «Трудолюбивыя пчелы не несутъ въ ульи бремени, которое нало подъ косою Юпитера; крошъ меда твоихъ пѣсней, не нужно другаго собирать изъ полныхъ бортовъ; дерево обраскиваетъ свой плодъ не зрѣлымъ, и добровольно обрекаетъ себя на сиротство, увядаетъ»

«I pola otworzyste po te wszystkie czasy  
«Płaczą, i trawne łąki, płaczą chłodne lasy.

(Плачь XI).

«Bluszezu przebujny, tu przy tej mogile <sup>1</sup>  
«Cicho wyrastaj, popinaj się mile,  
«Rozkładaj piękne liście, lubuj sobie  
    «Przy tym tu grobie  
«Powijaj sobą miejsce na wsze strony,  
«Na którym leży mąż nienaganiony,  
«Uwij tu proszę chłodnik samorosły,  
    «W zgorę wyniosły  
«A gdy dorosisz, gdy będziesz na dobie,  
«Niestój jałowo, zawieszaj po sobie  
«Wdzięczne błuszczówki a niechaj gron wszędzie  
    «Obfitosć będzie.  
«Niech że dziewięć siostr, córek Jowiszowych  
«Przyjdą tu w wieńcach, porządnych bobkowych,  
«Niech codzień kwiełą od rana do mroku  
    «Około stoku:  
«A niechaj kwiejąc żałobliwym krzykiem,  
«Dadzą się słyszeć Słowiańskim językiem,

---

ють полевые цвѣтки. И поля открытые во все это время плачутъ,  
плачутъ травниа луга, и прохладнаа рощи.»

<sup>1</sup> *Переводъ.* Плющъ раскидаемый, здѣсь при этомъ гробѣ, вирно рости,  
иго поднимайся, раскладывай листь свой прекрасный, здѣсь при этомъ  
гробѣ.

Окружай собою на всѣ стороны мѣсто, гдѣ лежитъ мужъ безукориз-  
ненный, своей здѣсь, прошу я, тѣнь саморослуя, своей высоко ее.

А когда выростеши и поры дождешия, не стой безжизненно, об-  
вѣщивайся прекраснымиа кистями, пускай вездѣ будутъ грозды и изоб-  
иліе.

Пускай девять сестеръ, дочерей Юпитера придутъ сюда въ вѣн-  
цахъ лавровыхъ, пусть ежедневно плачутъ, съ утра до вечера вокругъ  
стока.



«Niechaj te słowa płaczą powtarzając

«Łez upijając.

«Tu ziemie ten kęs i ta licha truna

«Kochanowskiego zamknęła nam Jana

«Ciało, lecz wszystkim Lachów naród złoty

«Niezamknie snoty.»

«Бто будетъ столь сиѣлымъ, съ челою такимъ дерзкимъ, что бы осмѣлится покуситься на твои струны?» спрашиваетъ Клѣновичъ въ V Плачѣ. Этотъ вопросъ и смерть Кохановскаго въ Люблинѣ, гдѣ Клѣновичъ своею пѣснью отдалъ ему послѣдній братній долгъ рождаеть вопросъ, въ какой мѣрѣ Клѣновичъ достоинъ былъ принять лиру Яна? Сравнимъ таланты и характеръ обоихъ этихъ нашихъ поэтовъ, тѣмъ болѣе, что тоже сдѣлалъ В. А. Мацеіовскій въ первомъ томѣ своей *Польской Литературы*, но мы осмѣливаемся не вполне согласиться съ его положеніемъ. Оба они равно святы добродѣтелью своей жизни, высшимъ на нее взглядомъ, одинъ подъ своею липою въ Чернолѣсьи, другой на судейской скамьѣ, возбуждаютъ въ насъ уваженіе; Кохановскій въ своей идиллической, достаточной жизни болѣе для насъ привлекателенъ; Клѣновичъ же бѣдный, гонимый панами, жидами, преслѣдуемый собственно женою и іезуитами, возбуждаеть къ себѣ болѣе сочувствія. Клѣновичъ мастеръ въ поэзіи описательной, Кохановскій цѣлою головою выше его въ лиризмѣ. У Клѣновича болѣе красокъ того времени, болѣе типовъ того вѣка, которые

---

Пускай плачуть жалобно, и будутъ слышны народу славянскому, дускай эти слова они повторяютъ, слезами заливаясь.

Здѣсь эта глыба земли и эта могила отняла у насъ тѣло Кохановскаго Яна, но Ляховъ народъ золотой не забудеть его добродѣтели.

теперь столь для насъ драгоценны, но Кохановскій гораздо удачнѣе его, и въ болѣе благородной сферѣ общества избираетъ себѣ образцовъ. Краски Клѣновича болѣе ярки и выразительны, колоритъ Кохановскаго болѣе приятенъ для глазъ. Кохановскій какъ *поэтъ* перешелъ къ потомству и будетъ въ немъ жить вѣчно, и дѣйствовать на сердца поздняго потомства точно также, какъ дѣйствовалъ онъ на своихъ современниковъ. Клѣновичъ, какъ *правоописатель* читается, одними только изслѣдователями древности, и вообще нравиться онъ не можетъ. Кохановскій былъ польскимъ поэтомъ, органомъ своего народа съ его достоинствами и недостатками, Клѣновичъ сатирикомъ, изображавшимъ одну мрачную его сторону. Кохановскій вмѣстѣ съ талантомъ обладалъ ученостію и образованіемъ, и въ немъ ясно то, что онъ былъ на дружественной ногѣ со всѣми знаменитостями края. Взглядъ на вещи у Клѣновича обыкновененъ и просто народенъ, также какъ и то мѣщанское общество среди котораго онъ жилъ. Кохановскій иногда бываетъ тривіаленъ (въ бездѣлицахъ), грѣшитъ противъ вкуса и нравственности, но заблужденіе свое искупаетъ какою-то граціею, которою онъ умѣетъ облечь самыя слабыя свои помыслы; Клѣновичу къ лицу пришлась бы его гомерическая суровость, но онъ не искупаетъ ея высотой мысли подобно Гомеру, Шекспиру, или какому-нибудь простому, но гениальному составителю простонародной пѣсни. И степень таланта, и сферы общественныя среди которыхъ жили оба эти поэта, и эпохи, среди которыхъ писали они, были различны. Оба они въ свое время и въ своемъ кругу были необыкновенными, оба хотя въ различныхъ отношеніяхъ драгоценны для насъ — ихъ дальнихъ потомковъ, — честь имъ обоимъ!

Современникомъ Клѣновича съ тою же вѣрностію, хотя быть можетъ болѣе поэтически изображавшимъ нравы сво-

его общества, былъ *Петръ изъ Збылитовицъ Збылитовскій*, авторъ стихотворныхъ брошюръ: 1) *Порицаніе жєлєскихъ нарядовъ* (Przygana strojom białogłowskim 1600); 2) *Разговоръ шляхтича съ иностранцемъ* (Rozmowa szlacheica z cudzoziemcem) и 3) *Земская сходка* (Schadzka ziemiańska 1605 г.). Въ юности странникъ по Итали и Африкѣ, участвовавшій въ походахъ противъ казаковъ, потомъ домашній управитель у Чарниковскихъ и Гурковъ, наконецъ сельскій хозяинъ, Збылитовскій не былъ литераторомъ по призванію и въ промежуткахъ только брался за перо. Поэтому тотъ приговоръ, который бы можно было произнести о рѣдкихъ въ настоящее время его трудахъ, долженъ быть умѣряемъ этимъ замѣчаніемъ. Сочиненія Петра хотя повидимому носятъ на себѣ печать сатиры, но, какъ замѣчаетъ Мацеіовскій, справедливѣе служить «картиною домашняго быта составленнаго юмористически.» Въ образецъ слога Петра Збылитовскаго, выпишемъ нѣсколько стиховъ изъ *Сходки*, гдѣ онъ изображаетъ гостепримство деревенской шляхты.

«Ale gdzie jest gromadka ludzi mnie znajomych, <sup>1</sup>  
 «A w skromnych obyczajach dobrze wycwiczonych,  
 «Tam ja nieędzy me jadę, tam moja biesiada:  
 «Z takimi ja rad bywam, niebędzie tam zwada.  
 «Niebędzie tam opilstwo zbytne bez przestanku,  
 «Do wieczora począwszy z samego poranku  
 «Ale będą zabawy, rozmowy ucieszne,

---

<sup>1</sup> *Переводъ.* .Но гдѣ есть много людей мнѣ знакомыхъ, хорошо знающихъ скромные обычаи, туда я ѣду, тамъ моя пирושка, съ ними я веселюсь, не будетъ тамъ ссоры. Не будетъ тамъ извѣстнаго пьянства безъ усталы до вечера отъ самого утра; но будутъ забавы, веселые

«To o tym, to o owym, czasem żarty śmieszne.  
 «Tam smaczno nagotują jeść a przecież w miare,  
 «Przyniosą wystałego piwa gościom w szare.  
 «Przyniosą dla uciechy wina rokosznego,  
 «To ucieszna družyna jeden do drugiego  
 «Powoli się napiła: ale niedła zbytku,  
 «Dla wesołego serca, zdrowego pożytku.  
 «To tam oni rokosznie rzeczy powiadają  
 «Czasem się sami z siebie dworskie nażartują.»

Родственникъ или только одноименецъ Петра *Андрей Збымитовскій*, стольникъ и царедворецъ Сигизмунда III и товарищъ его похода въ Швецію былъ болѣе плодовитымъ поэтомъ. Его рѣдкія произведенія, польскія по заглавію и содержанію, дѣйствительно запечатлѣны подражаніемъ древнимъ классикамъ, а по преимуществу Виргилію, который былъ идоломъ нашего поэта. Въ идилліяхъ, Георгіи, въ повѣствовательномъ родѣ—Энеида, доставляли нашему поэту матеріалъ для отдѣльныхъ эпизодовъ, которые довольно забавно отражаются отъ чисто Сарматскаго грунта. — Вотъ перечень его произведеній.

1) *Эпиграммы* латинскія на смерть короля Стефана (1588); 2) *О побѣдѣ подъ Бучиномъ* (De Victoria геростата Anno 1588), также латинское стихотвореніе; 3) *Привѣтствіе новому королю Сигизмунду III* (1587); 4) *Описаніе Сатиоровъ Литовскихъ лѣсовъ* для Анны королевы Шведской, о *Бьловъжской охотѣ* (1588 г.); 5) *Путешествіе*

разговори то о томъ, то о другомъ, иногда шутки смѣшныя, танъ вкусную приготавлиють пищу, и принесуть для гостей чашу хорошаго пива. Принесуть стараго вина, и веселя друзья пьютъ: но не для излишества, а для веселія сердца и здравой пользы. Танъ же съ пріятностію говорятъ различныя вещи, а иногда слегка пошутятъ другъ надъ другомъ.»

въ Швецію Сигизмунда III (Краковъ 1597 г.) поэма важная въ отношеніи къ историческимъ подробностямъ пребыванія Сигизмунда въ Швеціи, сохранившая названія польскихъ кораблей, которые сопровождали его въ Швецію и т. д. 6) *Брачное стихотвореніе* (Epithalamium) на бракосочетаніе Яна Дульского съ Анною Гербуртъ; 7) *Плачь* на погребеніе Анны Лигензіанки изъ Бобрка, жены воев. Краковскаго (1593). Другія его произведенія суть: 8) *Исторія* св. Геновефы (1599), 9) *Поселянинъ* (1600), 10) поэма *Актеонъ*. Во всѣхъ сочиненіяхъ Андрея Збылитовскаго превозмогаетъ правописательное направленіе, такъ, *маяръ*, въ Актеонѣ рассказавъ или лучше переведа изъ метаморфозъ Овидія, какъ Актеонъ за свое нескромное любопытство Діанною былъ превращенъ въ оленя—онъ прибавляетъ:

«A nietylko snadź pana (tak to psi żarłoczni),<sup>1</sup>  
 «Brogi, z gumna urodzaj poźrzą wszystek roczny...  
 «Nie to dzis za legawca dać i sto czerwonych;  
 «Za charta i pięć brogów dobrze nałożonych:  
 «Za wyźła koń Turecki: tucznych kilka wołów  
 «Za krogulca: wozniki za parę sokolów.  
 «Droźszy dziś ogar, jastrząb żaróg unoszony,  
 «Niźli człowiek tak drogim skarbem odkupiony.  
 «Bo za człeka (dziwna rzecz) dziesięć grzywien było  
 «Pierwiej dać, teraz się wźdy trochę poprawiło.»

<sup>1</sup> *Переводъ* «И не только господина (такъ ненасытны собаки) они съдятъ скирды, и весь годовой урожай изъ гумна.. Ничего теперь незначить дать за лягавую собаку сто червонныхъ, за борзую иль скирдовъ, плотно наложенныхъ: за лягавую (выźła) турецкаго коня, нѣсколько тучныхъ быковъ за вречета, лошадей (wozniki) за пару соколовъ. Теперь гончая собака, воронъ, дороже человѣка, купленнаго такимъ сокровищемъ; потому что (странно) за человѣка давали 10 гривенъ; теперь это нѣсколько лучше.»

Въ эпоху Клёновича, Збылитовскихъ, Рыбинскихъ замѣчательнѣе поэтическій талантъ Подолянина *Адама Чехровскаго*, воинскаго рекрута, какъ самъ онъ себя называетъ, панцырнаго поэта, какъ назвалъ его Войццкій. Изъ нѣсколькихъ отрывковъ, какіе онъ приводитъ въ 1 томѣ *Исторіи Литературы*, видно, что пѣвецъ *Элсій* (Познань 1597 г.) и *Разныхъ вещей* (Львовъ 1599 г.) въ таборахъ Венгерскихъ и Хорватскихъ, гдѣ онъ служилъ честно, видно, мы говоримъ, что хотя въ продолженіе его жизни не было ему когда забавляться нѣжною лирою при звукахъ военной трубы, но онъ достоинъ однакоже назваться поэтомъ; вотъ военная идиллія, — она представляетъ картину истинно польскую, по своей воинственности, чувству и религіозности:

«Powiedz wdzięczna kobzo moja <sup>1</sup>

«Umie-li co дума twoja?

«Coż może być piękniejszego

«Nad człowieka rycerskiego!

«Cóż nad pograniczne kraje

«Kędy skoro lód rozstaje,

«Ujrzysz pola nieprzejrzane

«Młodą trawą przyodziane:

«Ujrzysz dąbrowy rozwite,

«Ujrzysz ptastwo rozmaite,

«Zwierza stada niezliczone,

«I ryb roje niezłowione:

---

<sup>1</sup> *Переводъ* «Скажи мнѣ моя благозвучная кобза, знаешь ли что твоя гордость? что можетъ быть прекраснѣе война! Что лучше странъ пограничныхъ, гдѣ козь скоро ледъ растаетъ узришь поля необозримыя, одѣтыя молодою травою, увидишь дубравы разныя, узришь птицъ различныхъ, стада звѣрей безчисленныя и множество рыбъ не изловленныхъ,

«Гdzie czasem wieśniak ochoczy,  
 «Lowjąc sieci swoje toczy.  
 «Tu przez nieminione progi  
 «Dnieprowy Kozak ubogi  
 «Czołnem płynie nie bez strachu!  
 «Ussarz zasię w mocnej zbroi:  
 «Warownym obozem stoi,  
 «Który po szczupłym obiedzie  
 «Straż za razem swą zawiedzie.  
 «Wtem probuje w kole koni,  
 «Lub kopiją pierścień goni,  
 «A kiedy zaś trwoga przyjdzie,  
 «Z brzaskiem z obozu wynijdzie  
 «Pod swietnemi chorągwiemi,  
 «Głosny trąbą i bębniemi.  
 «Bierzy pochylony lasem  
 «Dla sławy, dla zysku czasem!  
 «Tam młodź harce swoje zwodzi,  
 «A zaś we krwi często brodzi  
 «Pałasz kładzie w pochwę krwawą,  
 «Cedząc zaś krew za rękawy  
 «Drugiego tez bystra strzała,  
 «W sercu skrwawionem ostała:

---

где иногда бодрый поселенник закидывает сеть свою для ловли. Здесь через неминуемые пороги бодрый казак Днѣпровскій идетъ въ челнокъ не безъ страха; гусарь въ сильномъ вооруженіи стоитъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, и послѣ скуднаго обѣда обводитъ караулъ, или въ кругу пробуетъ коней, или въ кольцо понадеетъ коньскія, а когда придетъ тревога онъ съ разсвѣтомъ выходитъ подъ хоругви блестящии, съ громкой трубой и барабанами бѣжить по опушкѣ лѣса, для славы, иногда для добычи! Такъ молодежь производитъ свои стѣчки, и часто бродитъ въ крови. Окровавленную саблю влагаетъ въ ножны, и кровь проходитъ за рукава — иному быстраа стрѣла возилась въ окровавленное сердце, третій истоптанный ло-

«Trzeci końmi podeptany.  
 «Polega czasem bez rany.  
 «Zatem jedna przełamiona  
 «Nazad ustępuje strona:  
 «A zwycięzca niezblągany,  
 «W tył srogie zadaje rany!  
 «A w tem do łupu zebrane  
 «Rycerstwo zas spracowane,  
 «Obraca się z trudu swego  
 «Dając chwałę Bogu z tego,  
 «Dziękując czasem z wygrania  
 «A podczas też więc z przegrania.  
 «Na jakąż więc stronę stanie,  
 «Bądź zawsze pochwalon Paniel  
 «Boże! który masz w swej pieczy  
 «Ludu rycerskiego rzeczy  
 «Chudy żołnierz prosi Ciebie  
 «Odpłać mu te nędzę w niebie.»

Вотъ элегія о непостоянствѣ людей, которую по ошибкѣ иногда очень легко можно принять за пѣснь Бохановскаго.

«Gdy szczęście służy dobrze,<sup>1</sup>  
 «Wówczas przyjaciół szczerze,

шадливи надасть иногда безъ всякой раны. Потому одна сторона будучи сложенною подается назадъ, и неутомимый побѣдитель сзади наноситъ ей жестокия раны! А тамъ собралось для добычи рыцарство, возвращается отъ трудовъ своихъ и воздасть честь Богу за это, иногда благодарить его за побѣду, а иногда и за поражение. На какой сторонѣ ни станешь ты, буди вѣчно препрославляемъ Господи, Боже! который управляешь дѣлами рыцарскаго народа; бѣдникъ воинъ умоляетъ Тебя, вознаградь его въ небесахъ за всѣ его страданія».

<sup>1</sup> Переводъ. • Когда благопріятствуетъ намъ счастье, тогда друзей у



«Jak piasku na morzu, jako i pszczoł w roju,  
«I jako w oceanie wielkim pełno zdroju.

«Lecz gdy nieszczęście Woczy,

Wnet się każdy odskoczy!

«Gdzie się dom pięknie świeci,

«Tam każdy ptak leci.

«Ale kiedy odarty a szkaradny będzie

«I domowy gołębek nierad na nim siędzie

«Na szczęście ci patrząją

«Co z tobą przestawają:

«Lecz gdyby koło ciebie nieszczęście zagrzmiało

«Żadnegoby na tonczas z tobą niezostało.»

Удивляясь таланту и увлекаясь выразительною воинскою физиономією Максимиліанова партизана Чахровскаго, въ старомъ продыравленномъ панцырѣ, съ длинными до плечъ окровавленными волосами, мы сердечно сожалѣемъ о томъ, что не имѣя подъ рукою полного изданія стихотвореній Чахровскаго, не можемъ дѣлать дальнѣйшихъ наблюденій надъ этимъ интереснымъ поэтомъ.

«Кто въ стихотвореніяхъ привыкъ искать пользы, тотъ читай сочиненія Рыбинскаго». (Tu quicumque soles de carmine querere fructum, lege scripta Ribini); такое Гличнеръ положилъ мнѣніе о поэтическихъ произведеніяхъ Яна Рыбинскаго, увѣнчанаго поэта, учителя Гданской гимназіи, и королевскаго секретаря въ Торнѣ. Латинскія

---

насъ много, какъ песку въ морѣ, какъ пчелъ въ роѣ, какъ капель воды въ безматривнѣмъ океанѣ. Но когда ты несчастливъ каждый оставитъ тебя! Гдѣ домъ блескомъ сіяетъ, летитъ туда каждая птица. Но если онъ будетъ грязнымъ и оборванымъ, не охотно сядетъ на него и голубь домашній. На счастье обращаютъ вниманіе, тѣ, которые съ тобой обращаются: но еслибы вокругъ тебя загремѣло несчастье, ничего бы въ ту пору не осталось съ тобой».

его стихотворенія, а между прочими лучшее изъ нихъ *Гимнъ Аполлона и Музъ* (Hymnus Apollonis et Musarum) на возвращеніе изъ путешествія Яна Остророга (Врацлавъ 1583 г.) приобрѣли ему поэтическій вѣнокъ; Польскія какъ: 1) *Разнострунныхъ гуслей* книга 1 (Торнъ 1593 г.), 2) *Въ честь Льва Сапьи* канцлера В. К. Литов. (Вильно 1607), 3) *Весна* (Торнъ 1609) и 4) *Привѣтствіе* (тамъ же) поставили его по суду современниковъ рядомъ съ Яномъ Кохановскимъ. Но нерадѣніе послѣдующихъ временъ сдѣлало то, что намъ не извѣстны теперь ни обстоятельства жизни, ни подробности поэтическаго вѣнчанія Рыбинскаго. Польскія его произведенія сдѣлались чрезвычайно рѣдки, а латинскія можно сказать совсѣмъ потеряны. Вотъ два образчика стихотвореній Рыбинскаго изъ *Разнострунныхъ Гуслей*.

«Promem po zbożopławnej sztyrując Wisłę, <sup>1</sup>  
 «A k'dąbrowie powoźne kierując dyszle,  
 «Gdy Tytan wśród nieba stał właśnie w tej dobie,  
 «Ptaszym głosem ruszony, rzekłem sam w sobie!  
 «O pławjaczko Sarmacna, Polskich rzek głowo,  
 «K'rzeczy k'niemym rzeczom przemówić słowo  
 «Dawnoiby Persa na twarz padł wielobogi,  
 «I Saracen uzłocił brzegów twych rogi.  
 «Ty żyta różnoziarne w morski brzeg toczysz,  
 «A z wszystkokupnym kruszczem nazad k'swym kroczysz

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Плавая на поромѣ по хлѣбоплавной Вислѣ и направляя къ дубравѣ руль когда Титанъ среди неба сталъ тронутый пѣніемъ птицъ, я сказалъ самъ къ себѣ: о, плаваніе Сарматовъ, глава польскихъ рѣкъ (къ дѣлу сказать нѣсколько словъ и къ пѣніимъ предметахъ), давно Персъ многобожнѣйшій пагъ бы птицъ, и Сарацинъ позлатилъ бы рота твоихъ береговъ. Ты разнозерниа хлѣба несешь къ берегу морскому, и назадъ возвращаешься къ своимъ съ металломъ все покупаю-

«Ty skutę, lichatn, batę, i nawy różne,  
«Trafty, komięgi dzwigasz nidgy nie prózne.»

### ДРУГОЙ ОТРЫВОКЪ.

«Co za głupstwo sprośne zgoła, <sup>1</sup>  
«Mieczem chcący krwawić czoła,  
«Drzeć się do cnych Królów koła.  
«Nie wiecie zamkochwytowie  
«Kto król prawy w mądrych głowie?  
«Nie stworzą cię panem skarby,  
«Ni drogie szkarlatne farby,  
«Ni świetna w czubie korona,  
«Ni w posowach złote grona.  
«To pan, w kim słuchu ni zdrady  
«Nieznasz, a serce bez wady,  
«Kto nietle zgubną żądnością,  
«Pospółstwu ufa z bacnością  
«To król, kto pan w miernym chlebie  
«Pompy kładzie niżej siebie,  
«Kto nieszczęściu w czas zabiega,  
«Smierci ztrach go niedolega.  
«Dosć tam państwa gdzie mysl stała,

---

щипъ, ты барку, плашкотъ, боты, и разныя гребныя судна, плоти и коняги двигаешъ никогда не порожніа.»

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Какая глупость предосудительная, мечеть окровавливать чело и стараться стать въ ряду почтенныхъ королей. Вы побѣдители занковъ вовсе не знаете кто король во главѣ мудрыхъ? Не сдѣлають тебя господиномъ сокровища, ни драгоценныя багряныя цвѣта, ни блестящая на головѣ корона, ни золотыя кружи на полу. Тотъ государь, въ конѣ низкии нѣтъ, въ конѣ сердце безъ недостатковъ, кто не горитъ пагубною жадностію, и осторожно доврѣяетъ простонародью. Тотъ король, кто умѣетъ умѣрять себя и пышность ставитъ ниже себя, кто въ пору предупреждаетъ несчастіе, кѣмъ не обладаетъ страхъ смерти. Довольно господства и тамъ гдѣ мысль неизвѣйна, а сердце не на-

«A serce trwoga niepała.

«Będzieli to w tobie bracie?

«Jestes pan choć w kmieciej szacie!»

Однофамилец Яна, Матвей Рыбинскій, образцовый переводчикъ стихами Псалтиря Давида для употребленія его въ протестантскихъ сборахъ, найдетъ у насъ для себя мѣсто въ ряду переводчиковъ.

Выше обыкновенной посредственности въ латинскихъ своихъ произведеніяхъ поднялся *Шимонъ Пекальскій* (Pekalides) Краковскій академикъ авторъ поэмы *О побѣдѣ Острогскихъ надъ Низовцами подъ Пиоктковома* (De bello Ostrogiano ad Piantkos cum Nisoviis Стас. 1600) и потерянныхъ, а можетъ быть и непечатавшихся никогда посвященій Тарновскому, о которыхъ онъ упоминаетъ въ предыдущемъ своемъ сочиненіи. Поэма *О побѣдѣ Острогскихъ*, при необыкновенныхъ достоинствахъ поэтическихъ, съ тѣмъ вмѣстѣ сохранила для насъ любопытныя подробности бунта казаковъ, ихъ нападенія на Волюнь, пораженія, договора съ гетманомъ Косиньскимъ, наконецъ смерти послѣдняго. Приведемъ изъ Юшинскаго тотъ отрывокъ изъ *побѣды*, гдѣ авторъ изображаетъ помощь, какую Острогскіе оказывали училищамъ:

(переводъ).

«О славный Острогъ, потому что дали тебѣ это названіе князья, которыми гордится Русь широкая. О достойныя дѣвы съ береговъ водъ Сицилійскихъ и Либетрійскихъ! Вотъ вижу я здѣсь лавры, которые геликонъ раждаетъ и воспитываетъ: «башни Острога приготавлиють достойный престолъ Палладѣ.

---

ходитъ въ безпокойствѣ. Если у тебя все это есть братъ, ты будешь господиномъ даже въ крестьянской одеждѣ».

«Цвѣтетъ библіотека собранная съ немалыми трудами, Святая Библія распространяется посредствомъ печати, является великое обиліе книгъ. Ликуетъ Апполонъ Гринейскій, уходитъ изъ своего острова Тенедоса, оставляетъ Делось, столь имъ любимый, лиру и волчанъ стрѣлоносный и по желанію музъ переноситъ свой храмъ въ Острогъ, котораго не истребятъ вѣчныя времена».

Сынъ и издатель хроники Мартина, *Іоакимъ Бѣльскій*, въ мирномъ убѣжищѣ своемъ въ Бялой занимался поэзіей. Родившись около 1540 г. получивъ воспитаніе въ Браковской Академіи, соединенный дружбою со всѣми тогдашними литературными знаменитостями, по примѣру Кохановскихъ, Тржецкаго, Блѣновича полюбилъ онъ пѣвчую лиру, а по примѣру своего отца Мартина Бѣльскаго, воспламененный любовію къ списыванію исторіи, передѣлалъ, умножилъ труды сего послѣдняго, и издалъ подъ его именемъ, называл себя только скромнымъ продолжателемъ его трудовъ. Воинъ подъ руководствомъ Баторія, королевскій комиссаръ въ Эльблонгѣ 1577 г., трудившійся въ слѣдъ за тѣмъ въ канцлерскомъ кабинетѣ Петра Дунина Вольскаго, депутатъ въ трибуналѣ и наконецъ хозяинъ въ своемъ родовомъ имѣніи (сконч. 1599) Бѣльскій, въ рѣдкихъ теперь и неизвѣстныхъ полного изданія своихъ произведенійхъ польскихъ и латинскихъ, увѣковѣчилъ каждую эпоху своей жизни. Вотъ заглавія его латинскихъ стихотвореній:

1) *Лирическихъ стихотвореній книга одна* (Carminum J. Bielscii liber 1. Крак. 1588 г.), 2) *Стихотвореніе на бракосочетаніе Стефана Баторія съ Анною Яелло* (Instulae convivium 1576 г.), 3) *Сатира на одного изъ жителей Данцига* (Satyra in quendam Dantiscanus 1577) — отвѣтъ на пасквиль обидный для Поляковъ. 4) *Поздравительное стихотвореніе Петру Дунину Воль-*

скому съ *Плоцкимъ епископствомъ* (Carmen gratulatorium in ingressum Plocensem etc. 1578), 5) *Стихотвореніе на избраніе Сигизмунда III* (Carmen in Inaugurationem Srmi Sigis III 1589), 6) *Похребальное стихотвореніе на смерть Стефана Баторія* (Naeniae funebris) тоже стихотвореніе къ его племяннику кардиналу Андрею, къ Яну Замоискому, Валтассару Баторію и князю Гривельдѣ, 7) *Брачное стихотвореніе Сигизмунду III* (Epithatimion 1592 г.).

По польски онъ писалъ: 1) *Меркурія на похребеніе блаженной памяти непобѣдимаго Стефана, короля Польскаго* (Краковъ 1588), 2) *На память Якову Струсю старостѣ Хмѣльницкому* (1589). «Въ этомъ стихотвореніи (говоритъ М. Собѣщанскій въ предисловіи къ продолженію хроникки Бѣльскаго, Варшава 1851 г.), открытіемъ котораго мы обязаны г. В. А. Мацеіовскому, Бѣльскій описываетъ кончину Якова Струся, доблестнаго воина, прославившагося во многихъ стычкахъ съ Татарами, который въ 1520 году, сдѣлавъ побѣдоносную вылазку противъ Татаръ на Подоліи и увлекшись побѣднымъ жаромъ въ слѣдъ за бѣгущимъ неприятелемъ, былъ окруженъ имъ и убитъ подъ Вороновомъ. Прекрасно говорятъ это стихотвореніе, особенно же начало его, которое я выписалъ изъ замѣтокъ, шибъ сообщенныхъ».

«Sliczna Eruta wezmij cytrę złotą, <sup>1</sup>

«A ja przy cytrze zaspiewam z ochotą,

«O sławnym mężu co oto na czele;

«Dał gardło smiele.

---

<sup>1</sup> *Переводъ.* Прелестная Эрута, возьми цитру золотую, а я при цитре запоем охотно, о славномъ мужѣ, который во главѣ другихъ сложилъ свою голову.

«Безъ сомнѣнія кто писалъ столь прекрасные стихи, долженъ былъ писать ихъ больше», даѣе говорить Собѣщанскій и Яноцкій въ своемъ сочиненіи: *Specimen Catalogi codicum manuscriptorum biblioth. Zaluscianaе* свидѣтельствуеть, что не изданные польскіе стихотворенія Іоахима Бѣльскаго и другихъ поэтовъ, списанные изъ библіотеки свящ. Паулиновъ Ченстоховскихъ, находились въ собраніи книгъ Залусскихъ. Какъ бы то ни было, оплакивая потерю польскихъ стихотвореній І. Бѣльскаго, здѣсь мы приводимъ два образца изъ латинскихъ его произведеній, не отличаются они ни живостію воображенія, ни возвышенностію мысли, ни живымъ блескомъ цвѣтущаго слова, но при всемъ томъ дышать сладостію, нѣжностію и необыкновенною легкостію.

(ПЕРЕВОДЪ).

КЪ СТАНИСТАВУ КАРСНИЦКОМУ.

«Snadz mój Karsnicki jam winien u ciebie: <sup>1</sup>  
 «Ty poświęcony ojczyściej potrzebie,  
 «Gdzie zdradnez gzliszce, gdzie ogien w popiele  
     «Tam stąpasz smiele  
 «I miłe lasy i Dryady hoże  
 «Nie cię w zapale zatrzymac nie może,  
 «Jako gorejesz k'pospolitej—rzeczy  
     «Któż ci zaprzeczy?

<sup>1</sup> *Переводъ.* Мой Карсницкій видно я виновенъ предъ тобой: ты посвятилъ себя отечеству и смѣло идешь на глѣбущій подъ золою огонь.

И нилма роци и рѣзвми друиды—ничто не можетъ удержать тебя когда ты занятъ дѣлами общественными. И кто же удержитъ тебя?

«А ja w te czasyz buz i niepogody  
 «W mym Bielskim domku nad strumieniem wody,  
 «W błogosławionych gaikach mej niwy  
     «Siedzę leniwy.  
 «I wemnie grało rycerstwo Marsowę  
 «Już hełm z piórami włożyłem na głowe,  
 «Miecz przypasałem zwarłem piersi moje.  
     «W blaszanę zbroję.  
 «Ale mię dziewa Helikonskiej strony  
 «Wstrzymała mówiąc:» gdzie idziesz szalony?  
 «Czy miłość piosnki, czy już nic nie znaczy,  
     «Twój dar spiewaczy:  
 «Straszny rycerzu! niechaj ci się nieśni  
 «Byś łamał wiarę Febowi i pieśni,  
 «Niesmiej przenosić zwycięstwa nietrwałe  
     «Nad wieczszów chawłą.  
 «Czy większa Troja co w popiołach tleje,  
 «Czy większy Homer co spiewał jej dzieje,  
 «Łabędz Sarmacki już świeci w tej porze  
     «Pomiędzy zorze.  
 «Apollo, rzekłem, niegardzi oręża,  
 «Gra na cytarae i łuk svoj natężą,

Я въ эту пору бурь и непогодъ, въ носнѣ Бѣльскомъ доникѣ надъ ручьемъ, въ благословенныхъ рощахъ сижу лѣтливо.

И во мнѣ игралъ бранный духъ Марса, уже шлемъ съ перьями я надѣлъ на голову, мечемъ препоясался, грудь заключилъ свою въ желѣзную броню.

Но дѣва изъ страны Геликонской меня удержала, говоря: «куда идешь безумецъ?» А любовь къ пѣснм, или уже ничего не значить талантъ твой, изъзда?

Рыцарь ужасный! пускай тебѣ не грезится сломить Феба и его пѣснм. Не смѣй предпочитать непостояннымъ побѣдамъ славу постова.

Болише ли Троя, которая лежитъ въ развалинахъ, или Гомеръ, который пѣлъ ея исторію; лебедь Сарматскій уже сияеть въ эту пору между звѣздами.

Аполлонъ, сказалъ я, не презираеть оружіе, играетъ на цитрѣ и



«А nawet słodka uczona Pallada  
 «Zbroić się rada!  
 «Muza co w krwawym niesmakuje trudzie,  
 «Pierzchła ode mnie, lecz my biedni ludzie,  
 «Co jeno myslim, juz zaraz się poda —  
 «Jakaś przeszkoda.  
 «Zaledwie zbrojno próg domu przechodzę,  
 «Moja mi Anna stanęła na drodze:  
 «Jak gałęź pluszczu wije się jak może,  
 «Na swej podporze.  
 «Tak na mej szyi zawisła w tej chwili,  
 «Z nią niemówłęta synaczkowie mili,  
 «Na rękach Stefan, a mały Jaś bieży  
 «Przy jej odzieży.  
 «O zorzo moja... porzucasz mię zgoła!»  
 «Tak płacząc biedna niewiasta zawoła.  
 «Jam okamieniał bo miękkie niestety,  
 «Serce poety!  
 «Cyrce, kalipso, czarodziejka czuła,  
 «Do scian domowych rycerza przykuła.  
 «I jak Syrena w niewoli mię trzyma,  
 «Swemi oczyma.

лукъ свой натягиваетъ, даже ученая Паллада любитъ вооружаться.

Муза, которая не любитъ трудовъ кровавыхъ, отъ меня ушла, но ни бѣдные люди, о чемъ ни подумаетъ, сейчасъ представится тому какое нибудь препятствіе.

Едва я въ оружіи порогъ преступаю, моя Анна на дворѣ предстала какъ вѣточка плюща вьющаяся около дуба.

Такъ на моей шеѣ повисла она, а съ ней младенцы, илино дѣти, на рукахъ Стефанъ, а Янъ бѣжитъ держась за ея платье.

«О, свѣтъ мой... меня ты совсѣмъ оставляешь!» Такъ съ плачемъ взываетъ бѣдная дѣва. Я окаменѣлъ, потому что уви! милосердіе поэта.

Цирцея, Калипсо, вѣжная волшебница къ домашнимъ стѣнамъ приковала рыцаря, и какъ сирена держитъ меня въ неволѣ своими очами.

## КЪ ГРАФУ СТАНИСЛАВУ ИЗЪ ГУРКИ.

Oto na ziomków bcrócił Sarmata, <sup>1</sup>  
 Graf co miał razić gnębicelów świata,  
 Brat zbrojny czyha na braterskie zdrowie,  
 Na własnych dziadów srożą się wnukowie.  
 Nie tak się wasni dzikich lwów gromada,  
 Nie tak się wściekle wilk z wilkiem ujada  
 Jako Sarmaci—Sroga nasza wina!  
 Kiedy Bóg wojną domową przeklina.  
 Krew bratnia płynie jako bystra rzeka,  
 Bezbożny Turczyn cieszy się zdaleka.  
 Rzym niegdyś szczęsny zginął pod tą plamą,  
 I sławne Teby runęły tak samo.  
 Czyż można patrzeć ze zrzenicą suchą,  
 O zacny Hrabio! o nasza otucho!  
 Kiedy winnica najlepszej nadzieje  
 Ścięta żelazem bez plonu zmarnieje,  
 Tak płaczem patrząc na wojen żarzewie  
 O krwi szlachetna! hamuj się w twym gniewie.  
 Zacóż ta klęska i cierpień gromada  
 Na głowę ludu niewinnego spada?  
 Za grzechy wielkich i możnych współbraci,

---

<sup>1</sup> *Переводъ.* Вотъ на земляковъ своихъ поднялъ руку Сарматъ, графъ, который долженъ поражать поработителей міра; братъ вооружился на братьевъ, внуки востаютъ противъ собственныхъ дядовъ. Не такъ мечется толпа дикихъ львовъ, не съ такимъ остервененіемъ волкъ нападаетъ на волка, намъ имъ Сарматы — ужасна вина наша! Когда Богъ проклинаа насъ наказываетъ войной междоусобной, кровь братняя течетъ рѣкою, безбожный Турокъ радуется со стороны. Римъ нѣкогда счастливый погибъ подъ этимъ пятномъ, и славные Фивы разрушились также. Можно ли смотрѣть на это съ сухими глазами, о графъ почтенный! надежда наша! Это подобно винограднику, который будучи орязанъ, пропадетъ бесплодно. Такъ смотри со слезами на зарево брани, кровь благородная! обуздывай свой гнѣвъ. За что это бѣдствіе и гromada страданій упадетъ на голову невиннаго народа? За грѣхи великихъ сильныхъ со-

Gmin łązy wylewa albo życiem płaci,  
 Za śmierć Patrobła Achill rozgniewany,  
 Tak się morderczo pastwił nad Trojany.  
 Zaklinam ciebie na ojczyście Bogi  
 Rzućcie myśl straszna, rzućcie gniew złowrogi,  
 Zastaw nad nami swą pawęż ochróńszą,  
 Niech Polskie miecze krwi Polskiej nie sączą.»

Теперь мы готовимъ къ печати полный переводъ стихотвореній Бѣльскаго, тамъ и въ этой книгѣ, когда далѣе будемъ говорить объ историкахъ, мы остановим-ся на Іоакимѣ Бѣльскомъ.

По порядку нашего разсказа приступая теперь къ знаменитѣйшему изъ польскихъ поэтовъ временъ Сигизмунда III, *Станиславу Гроховскому*, соберемъ въ одно цѣлое все, что о немъ сказано: у Юшинскаго, Вишневскаго, Брашевскаго, а особенно у В. А. Мацеіовскаго; отъ себя же мы ничего не можемъ прибавить къ этимъ просвѣщеннымъ и добросовѣстнымъ изслѣдованіямъ о Гроховскомъ. Повторимъ, что годъ рожденія его неизвѣстенъ, что въ 1588 г. онъ первый разъ выступилъ на литературномъ поприщѣ, что онъ былъ Крусьвицкимъ настоятелемъ, что проживая въ своихъ *Пычкахъ*, селѣ, принадлежавшемъ къ Бреславской епархіи, прославился тамъ весьма хорошими *славянскими* стихами, что духовные и свѣтскіе магнаты Дзіалынскій, Тылицкій, Шишковскій, Мацеіовскій и іезуиты платили ему родъ жалованья, что онъ

---

братій народъ проливаетъ слезы или платитъ жизнью, за смерть Патробла разгнѣванный Ахиллъ такъ же убійственно истязъ Троянцамъ. Я заклинаю тебя Богами отечества, брось страшную мысль, брось глѣзъ злобѣщій, оставь надъ нами свой щитъ охранительный, пускай нечистыя Польскіе не проливаютъ польской крови.

былъ другомъ и сподвижникомъ послѣднихъ, что за стихотвореніе *Babій кругъ* (Babie koło), въ которомъ онъ критикуетъ польскихъ епископовъ, его преслѣдовалъ Плоцкій епископъ Барановскій; что свящ. Гроховскій въ 1608 году былъ уже старикомъ, что онъ по догадкамъ нѣкоторыхъ скончался въ 1612 г. и т. д. Не станемъ останавливаться надъ этими подробностями, извѣстными уже изъ другихъ источниковъ, потому что біографическія описанія входятъ въ предѣлы нашего сочиненія на столько, на сколько проливаютъ онѣ свѣта на направленіе, стремленіе и талантъ писателя.

Гроховскаго можно упрекнуть въ томъ, что онъ не имѣлъ воображенія, развитаго въ высокой степени, что онъ заимствовалъ многое у писателей классическихъ, что вдохновеніе у него часто замѣняли поэтическіе *заказы*, какіе онъ получалъ отъ іезуитовъ, что излишне острою сатирою не разъ быть можетъ преступалъ правила приличія, но нельзя отвергать того, что нѣжностью, гладкостію и ясностію выраженій онъ оказалъ не малыя услуги языку содѣйствуя его обработкѣ, что онъ принадлежитъ къ числу любимѣйшихъ поэтовъ польскихъ, и поистинѣ достоинъ того, чтобы церковныя пѣсни въ его переводѣ и теперь еще пѣлись въ польскихъ святыняхъ. Вотъ перечень многочисленныхъ поэтическихъ произведеній Гроховскаго съ извлеченіемъ изъ нихъ отрывковъ. Стихотворенія эти частію составляютъ собраніе подъ заглавіемъ: *Стихотворенія Священника Станислава Гроховскаго и другія избранныя сочиненія* (Księdza Stanisława Grochowskiego wierze i inne pisma согрзебраńsze. Краковъ 1604), частію были издаваемы отдѣльно. Сюда прежде всего принадлежитъ множество духовныхъ стихотвореній; какъ то: 1) *Гимнъ или пѣснь составленная двумя великими учителями, св. Амуросіемъ*

и *Августинюмъ* (Hymn albo pieśń od dwóch wielkich doctorow Ambrożego i Augustyna S. złożona Te Deum laudamus). 2) *Церковныя пѣсни по образцу псалма* (Pieśni kościelne na wzór psalmow 1608). 3) *Церковныя пѣсни изъ Римскихъ служебниковъ* (Hymny kościelne z brewiarzow Rzymskich 1598 г.). 4) *Церковная проза, иже св. Казимира королевича Польскаго* (Prozy kościelne, hymn Kazimierza s. królewica Polskiego—Omnidie die Mariae). *Пятьдесятъ пунктовъ размышленія о страданіяхъ Христовыхъ* (Pięćdziesiąt punktow rzmyslania męki Jezusowej 1611). 6) *Іерусалимская процессія* (1607). 7) *Жизнь св. покровителя Польши Станислава* (Życie Patrona s. Stanisława 1604). 8) *Св. Цецилія* (1599). 9) *Ежедневныя упражненія христіанской души* (Codzienne cwiczenie chrescianskiej dusze 1615). 10) *Способъ размышленія о страданіяхъ Спасителя* (1608). 11) *Подраженіе І. Христу* изъ Өомы Бемпійскаго стихами и т. д. Отличительною чертою этихъ произведеній служить благочестіе, стихъ гладокъ, рима большею частію изыскана, правильность и пѣвучесть равна древней простотѣ. Еще и теперь въ нашихъ молитвенникахъ есть пѣсни переведенныя Гроховскимъ, которые не смотря на свою древность могутъ еще выдержать сравненіе съ позднѣйшими переводами. Укажемъ здѣсь только на стихотвореніе извѣстное всему христіанскому міру «*Dzień on dzień gniewu Pańskiego*» (День гнѣва Господня) дышащее простымъ, не протекающимъ до глубины души чувствомъ, стихотвореніе, по преданію написанное однимъ преступникомъ, осужденнымъ на смерть, и буквально переведенное нашимъ Гроховскимъ съ величайшею легкостью и сохраненіемъ красокъ оригинала. Еще сочиненія Гроховскаго: 12) *Вертоградъ или цвѣты духовныхъ мыслей* 0

*ождествъ I. Христа, съ латинскаго (1607).* Здѣсь мы приводимъ нѣсколько образцовъ гладкости и нѣжности ольскаго языка, читая которыя не хочется вѣрить, чтобы *Вертоградъ* былъ писанъ въ XVII вѣкѣ.

«Zbywszy próżnych myśli z głowy <sup>1</sup>

«Szedłem w gaj blizki lipowy,

«Gdy tam rymy tworzę sobie

«O twej matce i o tobie:

«Ten szczygieł do mnie przyleciał

«Więc gdy mi na ramię wzleciał:

«Pocznie śpiewać: w. tem do niego

«Tak rzeknę śpiewającego.

«Czego chcesz ptaszku pisany

«Płaszczykiem pstrych pior odziany?

«On tak powie, proszę Panie,

«Niech to mam zawsze śpiewanie:

«Weź mię a zanieś do swego.

«Jezusa i matki jego,

«Zanieść małego szczyglika,

«A oddaj mię za muzyka.

«Niechaj słuca obu naju,

«Lepiej nam tam niż tu w gaju.

«Sam do Jezusowej ręki,

---

<sup>1</sup> *Переводъ.* Освободившись отъ пустыхъ мыслей, я шелъ въ близкую липовую рощу, и тамъ составлялъ рими о твоей матери и о тебѣ: когда приметъ чижикъ, и когда онъ сѣлъ у меня на плечъ, и стаде пѣть, я такъ сказалъ ему поющему: чего ты хочешь писанная птичка, одѣта плащомъ нестрыхъ перьевъ? Онъ такъ отвѣдилъ: господниъ, предоставь мнѣ всегда пѣть эту пѣсню; возьми меня, сѣси дѣтскому Христу и его Матери, меня малаго шогленка, отдай дѣца мнѣ въ нѣвн. Пусть оба насъ слушаютъ, намъ тамъ лучше, тамъ здѣсь въ рощѣ. Самъ изъ рукъ Христовой летать стану, и изъ благодарности

«Będę latał i przez dzięki:  
 «Pod stołoczkim tej dziecinki  
 «Będę zbierał odrobinki,  
 «I pić z kieliszeczka jego,  
 «Będę się ważył u niego.  
 «A niechęć służyć inszemu  
 «Do mej śmierci tylko jemu.  
 «Choć by też czem urażony,  
 «Kazał mi lecieć w swe strony,  
 «Wolę go raczej przeprosić,  
 «Niżli się indziej wynosić  
 «A tak Jezu ptaszka tego  
 «Dając dziwnie powolnego,  
 «Gdy chcesz miój za muzyka  
 «Gdy chcesz miej za słuźebnika.

#### ИНОЙ ОТРЫВОКЪ.

«O wdzięczne wód szeptanie,  
 «Wdzięczne zdrojów gadanie:  
 «Smaczno brzmiące strumyczki,  
 «Gdy o drobne kamyczki  
 «Płynąc się, odtrącacie,  
 «Zkąd słodki wdzięk działacie.  
 «O przyjemny wiatreczku,

---

Подъ столикомъ этого ребенка буду подбирать крошки, и пить изъ его чашки. И нехочу служить другому до моей смерти, только ему одному. Хотя бы чьимъ-нибудь оскорбленнымъ велѣлъ онъ летѣть мнѣ на свою сторону, я лучше хочу передъ нимъ извиниться, чѣмъ улетѣть отъ него куда-нибудь. Эту дивно послушную птичку я дамъ тебѣ Іисусъ, пользуйся имъ какъ музыкантомъ, или какъ служителемъ.

О милый шопотъ водъ, милый говоръ источниковъ: Сладко звучитъ ручейки, когда мелкіе камни плывя отталкиваютъ другъ друга и тѣмъ вызываютъ сладкій звукъ. О пріятный вѣтерокъ, который въ темной

«Co więc w ciemnym gajeczku  
 «Głoseczkiem się odzywasz,  
 «Gdy listeczki przewiewasz:  
 «O szemranie łagodne —  
 «Dzwoneczkowi podobne,  
 «Którym się odzywacie  
 «Gdy wdzięczny miód zbieracie  
 «Sen rodzące, pszczołeczki,  
 «Przez cieniuchne głoseczkil  
 «Przez was trudów człek zbywa,  
 «Gdy w drodze odpoczywa:  
 «Bo w to trafić umiecie,  
 «Iż go łacno uspicie:  
 «Trudy pracę w nim gładząc,  
 «Dosnu wdzięcznego radząc.»

**13. Славянская Баллада Сигизмунду III** (Браговъ 1608 г.). Въ этомъ стихотвореніи изображая политическое состояніе Польши, поэтъ высказываетъ поздравленія и добрыя предзнаменованія Сигизмунду III. О прекращеніи дома Ягеллоновъ онъ говоритъ такъ:

«Poległo drzewo i rozkrzewiony. <sup>1</sup>  
 «Pień z gruntu usechł: i nieprzerpłacony.  
 «Kwiat się z gałązki obumarłej zjawił  
 «A smutną wdowę pociechy nabawił.»

рошницъ голосонъ отзывается, когда развѣваетъ листочки: о шопоть кроткій, подобный колокольчику, которымъ вы отзываетесь, когда сладкій медъ собираете, сонъ наводящія пчелки, своими тоненькими голосками! чрезъ васъ человекъ освобождается отъ трудовъ, когда отдыхаетъ на пути: потому что вы увидите сдѣлать то, что его легко усмпляете: усмпляя въ немъ трудъ и утомленіе и располагая къ пріятному спу.»

<sup>1</sup> *Переводъ* «Упало дерево, и развѣтвленный пенъ изсохъ до основанія и неокъненный въ омертвелой вѣтви явился, и радостію исполнилъ грустную вдову.»



В. Алекс. Мацеіовскій въ С. Петербургской Императорской Библиотекѣ нашелъ стихотвореніе съ музыкою подъ заглавіемъ (14) *Пѣсь Славянской Калліопы*, прекрасныи стихъ и поставленные на немъ буквы С. Г. заставили его догадываться, что оно принадлежитъ Гроховскому. Онъ приводилъ начало V пѣсни:

«Głosnem zwycięstwem głośną Kalliope moja, <sup>1</sup>  
 «Czas iść do hetmanskich drzwi sławnego podwoja,  
 «Bądź on tam gdzie głodny zwierz, z kniejów swych wychodzi,  
 «Na jaki obłów nowy, ojczyźnie swej godzi,  
 «Bądź on na powierzonej hetmańskiej strażnicy,  
 «Wyniesione ku górze proporce swych liczy:  
 «A ręku w nieprzyjaciel wstydem ogarniony,  
 «Od siebie zgotowanem sidłem potargniony.  
 «Bądź go różanousta Gryzella zabawja  
 «Gdy o smutno—przeszłych dniach przed mężem rozprawja.»

Въ стихотвореніи *Голубекъ или дѣянiя и его-бессмертная смерть* (Holubek albo dzieła i śmierć nieśmiertelna jego). Гроховскій такъ воспѣваетъ дѣянiя и богатырскую смерть Гавриіла Голубка подъ Бучиноиъ 1588.

«Hołubku niewysłowiony, <sup>2</sup>  
 «Pod Buczyną postrzelony!  
 «Miej ten dank między mężnemi,  
 «Dla ojczyzny poległemi:

<sup>1</sup> *Переводъ.* Грошкой побѣды грошкая моя Калліопя, пора уже ити къ гетману въ дверь славнои палаты, будь онъ хоть тамъ, гдѣ звать голодный выходитъ изъ своей чаши, или побѣду своему отечеству готовить, будь онъ на вѣренной ему гетманской башнѣ, и считая высоко поднятыя знамена своимъ рукою указываетъ на врага, объятаго стыдомъ и разбитаго. Или багряноустая Гризельда его забавляетъ, когда рассказываетъ о грустно-печальныхъ дняхъ прошедшаго.

<sup>2</sup> *Переводъ.* Голубекъ несказанный, убитый подъ Бучиноиъ! Прини эту благодарность вѣсть съ твоими товарищами, падшими за отечество.

«Zabieś, lecz niezabita  
 «Sława twoja się rozkwita,  
 «Która, poki świata, nigdy.  
 «Od czasu, nieuzna krzywdy  
 «Odleciałeś towarzystwa  
 «I rycerskiego myśliwstwa,  
 «Krew ojczyźnie ofiarując  
 «Gardłem wolność zastępując.  
 «Ale, i śmiertelne skrzydła,  
 «Był czas, gdy nieznali sidła,  
 «A gdzieś pióro ranił z siebie,  
 «Tam w net było po *potrzebie*.  
 «Pióra, były strzały one,  
 «I kule nieuchronione,  
 «*Paznogty* ani *gryffowie*.  
 «Tak ostre szable gotowe.  
 «Twe *półhaki*, twe *russnice*  
 «By ogromne łyskawice,  
 «Strach przed sobą prowadziły  
 «A z Niemców trupy czyniły.  
 «Same u *Rabsztyma* skały,  
 «Zdumjawszy się, oglądały  
 «Dzielnych Kozaków twych rotę,  
 «I krwawą rąk ich robotę.  
 «Tam łup nieoszacowany,

---

тебя убили, но не убитая слава твоя расцвела, и пока стоитъ свѣтъ,  
 никогда не будетъ обижена временемъ. Ты улетѣлъ отъ насъ, жертвуя  
 кровью за отечество, головою защищая свободу. Но было время, когда  
 и смертные крылья не знали себѣ силка, и гдѣ терзалъ изъ себя перо,  
 тамъ вдругъ перья эти превращались въ стрѣлы и пули отъ которыхъ  
 неубережешься. Какъ когти не грифовъ были острымъ всегда  
 готовна сабли, твои ружья и пищали, какъ молнии распространяли предъ  
 собою страхъ и Нѣмецъ дѣлали трушани. Самые скалы у *Рабштима*  
 съ изумлениемъ осматривали роту твоихъ доблестныхъ козаковъ и  
 кроваво дѣло ихъ рукъ. Тамъ неоцѣненная добыча, добыта рыцарскими

«Rycerskiem dziełem dostany.  
 «Jako órzeł między ptaki,  
 «Miotaleś między junaki:  
 «Widząc nieprzyjaciel twoję,  
 «I silną i mocną zbroję,  
 «Przewabiał się z gołębińca  
 «Roty potężnej *Hodyńca*:  
 «Lecześ odmawjał w te słowa:  
 «Próżno to Niemcy namowa,  
 «Darmo tu zdradzić patrzacie,  
 «Już wszystkich u siebie macie  
 «Tak mówił mąż zawołany  
 «Miłością cnoty pijany,  
 «Drugi Słowianski Scewola,  
 «Kozak sarmackiego pola.  
 «A potem w sławnej potrzebie,  
 «Na czoło stawił sam siebie;  
 «Tamże pięknej sławy syty,  
 «Upadł s *pólhaku* zabity.  
 «Nie tak traci swej ozdoby  
 «Ciało zemglone z cboroby,  
 «Jako w tęczas siły zbyła  
 «Rotą, gdy wodza straciła  
 «Tak się rozprasza nierado  
 «Kiedy wodza zbędzie stado,

---

подвигомъ, какъ орелъ между птицъ ты кидался межъ воиновъ: непри-  
 ятель вида твоё сильное и крѣпкое оружіе зананивалъ къ себѣ силь-  
 ную роту *Одынца*: но ты отвѣчалъ такими словами: напрасно Нѣмцы  
 ваши уговоры, напрасно здѣсь ищите наѣтъ; такъ говорилъ мужъ,  
 проникнутый любовью къ добродѣтели, второй славянскій *Сцевола* ко-  
 закъ изъ сарматскаго поля. И потомъ въ славной битвѣ, во главѣ ты  
 явился самъ; тамъ же насыщенный славой, упалъ убитый пулею. Не  
 такъ теряетъ свое украшеніе тѣло истощенное болѣзнію, какъ на ту  
 пору потеряла силы рота, когда лишилась вождя. Такъ не радостно рас-

«Идзие powiesiwszy rogi  
«Różnym torem w błędne drogi.

«Ho!ubku! sławny rycerzu,  
«Póki zywióły w przymierzu,  
«I dokąd słońca na niebie,  
«Nieprzepomną w Polsce ciebie!  
«Tej dzielności, w on wiek złoty.  
«Zarzuciwszy swej pieszczoty  
«Pilnowali ludzie młodzi,  
«Za takim dziełem cześć chodzi:  
«Taką pracowitą snotą,  
«Polska młódź kiedys z ochotą,  
«Brzegi swę przez mężne boje,  
«Wiodła pod morza oboje.»

Въ 16—*Жалобъ ночнаго сна* (1598) поэтъ жалуется Сигизмунду III на то, что въ шумномъ Краковѣ мирному чело­вѣку заснуть нельзя, благодарить за утверждение безо­пасности и т. д. 17. Въ *Плянкляхъ* (1609) оплакиваетъ кончину королевы Анны Австрійской, въ 18. *Тѣни короле­вича* раздѣляетъ отеческую скорбь Сигизмунда III о потерѣ новорожденнаго сына; въ стихотвореніи 19. *Пробужден­ный Августъ Яелло* (1603 г.), желая опровергнуть нѣко­торыя упреки Варшевицкаго этому монарху, выводитъ Си­гизмунда Августа явившимся Сигизмунду III и рассказыва­ющимъ событія своего царствованія.

---

падаетъ стадо когда теряетъ вождя, и повѣсивъ головы различными путями пускается по невѣрнымъ дорогамъ.

Голубекъ! рыцарь знаменитый, пока стихіи покойны, и солнце на не­бѣ,—не забудь тебя въ Польшѣ! Такой доблести, въ тотъ вѣкъ зо­лотой, отбросивъ низженность, держались молодые люди; таковы были подвиги достойныя славы, такою трудолюбивою добродѣтелью, и слав­ными битвами польская молодежь нѣкогда расширила свои предѣлы до обонхъ морей.

20. *Надгробная память Анны Фалькевичъ (1604) и 21. Слезы горести по кончинѣ вѣчной памяти достойнаго канцлера Яна Замойскаго* ставятъ Гроховскаго на ряду съ знаменитѣйшими элегическими писателями. Вотъ нѣсколь- ко стиховъ изъ этого послѣдняго произведенія.

«Przeniknąłes obłoki orle górno — lotny, <sup>1</sup>  
 «Pod którego skrzydłami szedł żołnierz ochotny  
 «Pewien swego obławu, bo gdzie jedno leciał,  
 «Bez sławy, bez korzyści nigdy nie przyleciał.  
 «Płaczcie go i uczeńi, płacz rzewliwie i ty  
 «Symonie Symonida pismem znakomity:  
 «Tvoj z serca pochodzący żal i smutne pienie,  
 «Wierzę, wzruszy opoki i twarde kamienie.»

Это воззваніе къ Сигизмунду напоминаетъ намъ имя Си- мона Шимоновича Бендонскаго, литературное поприще ко- тораго намъ слѣдуетъ теперь пройти по порядку.

Родившись въ 1558 г. въ скромномъ мѣщанскомъ посадѣ въ Львовѣ, отъ отца не шляхтича и кажется Армянина Си- мона, Ратмана изъ Бржезань, подъ руководствомъ Якова Гур- скаго въ Краковской Академіи, а потомъ кажется за границею, Шимоновичъ взлелѣялъ въ груди своей любовь къ поэзи и посвятилъ себя исключительно званію литератора, къ че- му давало ему возможность скромное, но достаточное состоя- ніе его отца. Если Кохановскій былъ образцомъ польскаго шляхтича, то Шимоновичъ представляетъ намъ привлека-

---

<sup>1</sup> *Переводъ.* Ты проникнулъ въ облака орелъ высоколетный но въ крыль- яхъ котораго шелъ охотно воинъ увѣренный въ своей силѣ, потому что куда летѣлъ, никогда не прилеталъ ты безъ корысти, безъ пользы. Плачьте о немъ ученые, плачь горько и ты Сичонъ Симониды знамени- тый писатель, твоя сердечная скорбь и грустная пѣснь, и увѣрься, тронешь скалы и твердые камни.»

тельный, почти идеальный типъ состоятельнаго мѣщанина того времени, избравшаго музу единственною цѣлю своей жизни. Посмотримъ на эту мирную усадьбу, окруженную сливами и яблонями на Галицкомъ предмѣстїи Львова; ее украшаютъ не гербы, но достатокъ и уваженіе людей. Добрый отецъ, убѣленный сѣдинами, скупой старикъ Симонъ Ратманъ Бржезанскій, сынъ, поэтъ возвышенный и вмѣстѣ сладковучный, славный и почтенный въ мїрѣ, Симонъ Симоидесъ, который для книгъ и пера отрекся, подобно монаху, отъ брачныхъ узъ, дочь — видно дѣвица рѣдкой красоты и ума, если на ней женился одинъ изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ той эпохи Адамъ Варскій, профессоръ сначала Краковской, а потомъ Замоиской Академіи—вотъ патриархальное семейство, въ которомъ мы слѣдимъ за нашимъ поэтомъ, не съ меньшею занимательностію, какъ мы слѣдили за Яномъ Кохановскимъ, подъ его историческою липою въ Чернолѣсьи. Въ этомъ домикѣ Симонъ Шимоновичъ еще отрокъ составляетъ уже не лишенныхъ достоинствъ латинскіе стихи, подобныя *Станиславу убитому* (*Stanislaus Caesas*), которые въ лѣтахъ уже преклонныхъ онъ подарилъ на память Гурскому, или подобныя тѣмъ *Naenia funebris de morte Jacobi Gorsci* (Надгробный плачъ по смерти Якова Гурскаго 1586), въ которыхъ осемнадцатилѣтній юноша, обращая рѣчь свою къ Станиславу Соликовскому, знаменитому королевскому проповѣднику и богослову, утѣшаетъ его въ потерѣ ученаго друга словами, которыя вмѣстѣ открываютъ и душу и прекрасный въ будущемъ талантъ поэта. Библия, сочиненія Грековъ и Римлянъ, изъ которыхъ идилліи Мосхуса и Вергилія наиболѣе гармонируютъ съ юнымъ сердцемъ поэта—вотъ любимое занятіе Симона, вотъ образцы, по которымъ онъ совершалъ дѣло своего образованія. Мы не мо-

жемъ ручаться за то, чтобы сердце, которое онъ посвятилъ только Богу и музамъ не влекло его въ водоворотъ сладостныхъ прелестей міра, чтобы горячая кровь не выступала на борьбу съ умомъ и чистою душою Симона? Напротивъ слѣды подобной борьбы мы кажется открываемъ въ латинскомъ его произведеніи *Castus Jozerh* (Непорочный Іосифъ—содержаніе взято изъ библіи, въ тип. Лазаря 1587 г.). Это произведеніе юношескаго еще пера, но въ немъ видна рука мастера, которая изображала эти лица, видно, что углублялся въ чувства тотъ, кто рисовалъ ихъ душу. Въ образецъ приведемъ два отрывка изъ него, вотъ сонъ Іосифа.

(ПЕРЕВОДЪ).

«Straszna noc ciemna, straszny sen młodziency, <sup>1</sup>  
 «Straczna bezsenność co w nocy mię dręczy!  
 «Bóg mię nie kocha, zgubionym zostanę,  
 «Widma okropne nigdy niewidziane  
 «Widziałem we snie na samym rozswicie.  
 «Sniłem żem ptaszek skrzydłaty i biały,  
 «Śnieżnemi pióry po jasnym błękiecie,  
 «Latałem wesoł. W tem z urwistej skały  
 «Zerwał się jastrząb l niespostrzeżony  
 «Nawskrós mię przebódl drapieźnemi szpony,  
 «Uniósł i rzucił gdzieś w podziemne morze.  
 «Straszne i brzydkie gdzien jęczał boleśnie.

<sup>1</sup> *Переводъ.* Страшна темная ночь, страшенъ сонъ юноши, страшна безсонница, которая мучитъ меня ночью! Богъ не любитъ меня, я погибъ, привидѣнія ужасныя, никогда невиданныя я видѣлъ во снѣ и самомъ разсвѣтѣ. Мнѣ снилось, что я былъ птицей крылатой и бѣлой, на снѣжныхъ крыльяхъ леталъ веселый по ясной лазури. Вдругъ со скалы обрывистой поднялся ястребъ и насквозь пронзилъ меня хищными ногтями, унесъ и бросилъ куда-то въ подземное море—страшное и дурное, гдѣ я сильно стоналъ. Чувствую, что не спалъ я, негод!

«Czuję żem niespał, bo nigdy człek weśnie  
 «Całemi pierśmi tak boleć niemoże—  
 «Pot mię opływa jakby lodem chłodnie  
 «A pierś zaparta niedycha swobodnie,  
 «Rwę się z poscieli—i w rzewnej podzięce.  
 «Wznoszę ku Bogu błagające ręce,  
 «By ulżył myślom co dręczone śrogo,  
 «Czarnym przeczuciom odjąć się nie mogą.»

А вотъ другой отрывокъ изъ той же повѣи, который даетъ понятіе о Шимоновичѣ, какъ о поэтѣ лирическомъ.

(ПЕРЕВОДЪ).

«Wznoszę się myślą od ziemi, <sup>1</sup>  
 «Gdzie gwiazdzisty przybytek, gdzie rąk Bożych praca,  
 «Jak tam kręgi mierzonymi,  
 «Wszystko idzie i powraca.  
 «Gasi słońce noc bezbrzeżna,  
 «Spędza ciemie jutrznia wschodu,  
 «Ciepło kruszy pęta lodu,  
 «Pierzcha przed niem zima śnieżna.  
 «I przy słodkiej pioski głosie  
 «Widzisz z kwieciem wiosnę młodą,

---

что во снѣ никогда человекъ не можетъ страдать такъ цѣлою грудію. Я обливался потомъ холоднымъ какъ ледъ, а грудь стѣсненная не дышитъ свободно, вырываюсь изъ постели и съ чувствомъ благодарности воздѣваю къ Богу умоляющія руки, чтобъ онъ мысль облегчилъ, которая въ суровомъ стѣсненіи не можетъ не предаваться чернымъ предчувствіямъ.

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Возношусь мыслию отъ земли туда, гдѣ звѣздное жилище, гдѣ труды рукъ Божіихъ, гдѣ кругами изобрѣненными все идетъ и назадъ возвращается. Тушитъ солнце ночь безпредѣльная, тѣнь прогоняетъ денница востока, теплота сокрушаетъ узы льда, бѣжитъ отъ нея снѣжная зима. И при сладкихъ звукахъ пѣсни видишь въ цвѣтѣ юную весну, лѣто украшенное колосьями, осень съ ягодами и плодами. За ней идетъ бѣ-



«Lato strojne w piękne kłosie,  
 «Jesień z jabłkiem i jagodą.  
 «Za nią idzie biała zima  
 «Aż ją słońce rozegrzeje,  
 «Tym się kształtem wszystko trzyma  
 «I pilnuje swej koleje.  
 «Jest Opatrzność widzę Bozka  
 «Nad rzeczami znikomemi,  
 «Nad przyrodą Pan się troska  
 «Więc bezpiecznie mi na ziemi.  
 «Sprawy świata badam zblizka,  
 «Badam ludzi i losów ustawiczną wojnę,  
 «I na fortuny igrzyska  
 «Zwracam oko niespokojne.  
 «Występni broją bezkarnie,  
 «Cierpią cnotliwi i czyści,  
 «Zły człowiek do siebie garnie  
 «Wszystkie skarby i korzysci  
 «Na łup przemocy, obłudzie,  
 «Cnotliwych a słabych kładną;  
 «Strach mię ogarnia—bo ludzie  
 «Świat zburzą i sami padną.

Эти образцы, открывавшіе блестящую сторону таланта Шимоновича, имѣвшего едва 29 лѣтъ въ эпоху изданія *Юсифа*, обратили на него вниманіе великаго Яна Замойска-

---

лая зима, пока солнце ея не отогрѣетъ. Такого порядка держится все, и все идетъ своимъ чередомъ. Есть, вижу я, Божественное Провидѣніе о дѣлахъ проходящихъ; о природѣ Господь промышляетъ, такъ я безопасенъ на землѣ. Изблизнъ вникаю въ дѣла міра, изучаю непрерывную борьбу людей и судьбы, и на игру счастья обращаю взоръ безпокойный. Преступники шумятъ безнаказанно, страдаютъ добродѣтельные и чисто, злой человекъ себя забираетъ все богатства и добычи. Добычей насилиемъ и обмана служатъ добродѣтельными и слабымъ, мною страхъ овладѣваетъ, потому что люди разрушатъ міръ и сами погибнутъ.

го, который, какъ владѣтель Замойской ординаціи и гражданинъ Русскаго, воеводства часто гостилъ въ Львовѣ. Тотъ, который подавалъ руку ученымъ и поетамъ, который нѣкогда открывалъ свою душу Яну Кохановскому, отыскалъ теперь Шимоновича въ его домикѣ въ Галицкомъ предмѣстїи и предложилъ ему свое дружеское покровительство. Первымъ доказательствомъ ихъ взаимныхъ сношеній было собраніе латинскихъ лирическихъ стихотвореній *Flagellum li-coris* (Богъ зависти Крак. 1588) въ которыхъ убогій мѣщанинъ поэтъ является защитникомъ великаго короннаго гетмана и канцлера. За два года предъ этимъ скончался Стефанъ Баторій, а Замойскій его родственникъ другъ и министръ государственный не пользовался тою благосклонностію Сигизмунда III, къ которой онъ привыкъ, и на которую имѣлъ полное право. Зависть и нерасположеніе къ великому мужу, скрывавшіяся при предъидущемъ царствованіи, теперь смѣло возвысили чело, извергая клевету, на все великое политическое поприще Замойскаго. Шимоновичъ выступаетъ съ оружіемъ противъ клеветниковъ въ девятнадцати одахъ, въ которыхъ воспроизводитъ различныя лирическія размѣры, бывшія въ употребленіи у Горация, описываетъ полную біографію канцлера, восхваляетъ всѣ его добродѣтели, опровергаетъ возводимыя на него упреки. Приведемъ здѣсь образчикъ изъ извѣстныхъ намъ отрывковъ этого собранія; клеветниковъ онъ такъ изображаетъ:

(ПЕРЕКВОДЪ).

«Polwarcy! gdy zarzeczy wasz gardziel chrapliwy, <sup>1</sup>  
«Świat szeroki struchleje na niebyłe dziwy,

<sup>1</sup> Переводъ. «Клеветники! какъ скоро зареветъ ваше хриплое горло, взунится миръ широкій на дивомъ не бывалое; такіа идутъ отъ васъ»

«Takie z was idą głosy i dwóznacne wieści,  
 «Tak bliźnich dobra sława przez was się bezczęści.  
 «Mysl zawistną zły język i ręka próżniacza,  
 «Pracy, cnoty zasługi innym eprzegacza.

О бурныхъ и несогласныхъ совѣщаніяхъ польской шлях-  
 ты говорить такъ:

«Gdyby mi przyszło z biedy lub z nudy <sup>1</sup>  
 «We sprawy swiata wdawać się szczerzę  
 «Gładyatorem zostałbym wprzódy  
 «Walczyć ze lwami między szermierze  
 «Niżli ze słowem zbawiennej rady  
 «Uzbrojona wymowy świętej,  
 «Iść w zbiegowisko gnuśnej gromady,  
 «Kędy się swarzy motłoch zawziętej.»

Съ этой поры мы видимъ Шимоновича, пользующагося друж-  
 бою и уваженіемъ Замоискаго, и громкою европейскою сла-  
 вою, которую снискали ему латинскія его произведенія.  
 Сигизмундъ III хотя и былъ нерасположенъ къ Замоискому,  
 но слишкомъ боялся и уважалъ сильнаго нѣкогда ми-  
 нистра Баторія и идола шляхты, для того, чтобы отказать  
 его ходатайству предъ тронемъ. Этому посредничеству Ши-  
 моновичъ былъ обязанъ своимъ шляхетствомъ 1590 г. и фа-  
 милиєю *Бендонскаю*, которую онъ съ тѣхъ поръ соединялъ

---

голоса и двусмысленныя вѣсти, что добрая слава ближнихъ безчеститъ  
 вани. Мысль завистливая, злой языкъ и лѣнь, не прощаетъ дру-  
 гихъ труда, заслугъ и добродѣтели.»

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Еслибъ съ горя или съ тоски мнѣ пришлось заняться  
 дѣлами міра, я бы лучше сдѣлался гладиаторомъ и боролся со львами въ  
 рядахъ бойцовъ, нежели со словомъ спасительнаго совѣта, воору-  
 женный силою святаго краснорѣчія пошелъ въ лѣзвную толпу, гдѣ немъ  
 собой бранится упорная чернь.»

съ своимъ именемъ, гербомъ *Сосы* на щитѣ и дипломомъ Сигизмунда III отъ 28 января 1590 г., въ которомъ онъ наименованъ королевскимъ поэтомъ. Кажется въ то же время онъ получилъ отъ папы Климента VIII лавровый вѣнокъ поэта.

Въ благодарность Замоискому за его покровительство и дружбу, Шимоновичъ съ живостію занялся его дѣлами, особенно же замѣщеніемъ каедръ во вновь открывавшейся Замоиской Академіи. Письма его съ 1593 г. къ Замоискому, къ своему шурину Адаму Бурскому, Бирковскому, Дрезнеру и другимъ пріятелямъ своимъ въ Браковской Академіи, ясно доказываютъ намъ, сколь сильно желалъ Шимоновичъ помочь Замоискому въ дѣлѣ его Академіи. Его стараніямъ школа Замоиская обязана была лучшими своими наставниками, онъ былъ можно сказать опекуномъ школы, ея оракуломъ, особенно съ той поры, какъ Замоискій поручилъ ему воспитаніе своего сына Томы. Въ эту столь важную эпоху его жизни Шимоновичъ создалъ прекрасный латинскій парафраза изъ Библии подъ заглавіемъ *Іоиль пророкъ* (Стасов. apud Iazag. 1593) посвящая его папѣ Клименту VIII. Быть можетъ вслѣдствіе этого посвященія папа увѣнчалъ его какъ поэта. Это произведеніе Шимоновича, Іосифъ Елифаній Миначовичъ перевелъ на польскій языкъ бѣлыми стихами подъ заглавіемъ: *Іоиль ветхозаветный пророкъ* (Варшава 1772 г.). Къ этой же эпохи принадлежитъ польское стихотвореніе Шимоновича, о которомъ упоминаетъ Мацеіовскій, подъ заглавіемъ: *Обльтъ*, (Slub) описанный Симономъ Симонидесомъ на празднествѣ Іеронима Сѣнявскаго. (Львовъ въ тип. Матѣ. Бернарда 1593 г.).

Другъ Шимоновича, священникъ Станиславъ Ржешка, бывший въ Италіи, именемъ Греціи, музъ и сирень, заклиналъ

своего друга посѣтитъ Италію. Сердечное, прекраснѣе слогомъ писанное письмо этого рода изъ Неаполя 1594 г. приводитъ Вишневскій въ VI т. своей исторіи литературы Тамъ Ржешиа взываетъ къ Шимоновичу, чтобы онъ прервалъ на время свои труды, старается увлечь его описаніемъ памятниковъ древняго Рима, удовольствіями путешествія, пробуждаетъ въ немъ христіанскія чувствованія, изображаетъ Италію, призываетъ странника къ самымъ богатымъ, обѣщаетъ ему показать тѣнь Плинія, который научитъ его различнымъ хозяйственнымъ секретамъ, необходимымъ въ Львовѣ, почему напр. Равенская сосна приноситъ плоды, а Андреевская одни только шишки, какъ рожь перераждается въ пшеницу—гдѣ есть хлѣбъ вѣсомъ въ 40 фунтовъ. Призываетъ его въ общество древнеримскихъ поетовъ Горация и Виргилія, и утомленному трудомъ и наукою, обѣщаетъ отдохновеніе въ мирной Капреѣ, памятной пребываніемъ Тиверія, котораго теперь хотятъ допрашивать, есть ли еще въ его библіотекѣ разговоры Аселия, Сабина, стихотвореніе собственнаго сочиненія на смерть Цезаря.

Но заманчивое воззваніе къ Италиі достигло Шимоновича въ ту пору, когда нѣжный сельскій поэтъ, утомленный шумомъ Львова и книгами, мечталъ не о Римскомъ Тускуланумѣ, но о русской деревнѣ, которую онъ могъ бы мирно воспѣвать. Отецъ обѣщалъ ему дать тысячу золотыхъ (150 руб. сер.) для перваго начала, но видно старикъ самъ любилъ деньги, потому что подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья сына отъ литературныхъ трудовъ, несогласныхъ съ званіемъ хозяина, нашелъ средства не сдержать своего слова. Но Замойскій, узнавъ потребности своего поэта, поспѣшилъ осуществить его скромныя мечты, и далъ ему село Черненцину, въ которомъ мы видимъ Шимоновича до самой его смерти, ведущимъ мирную жизнь литератора съ

перомъ въ рукѣ, въ связи съ знаменитѣйшими людьми, или въ богатой библіотекѣ, окруженнаго молодыми людьми, которыхъ онъ училъ, а бѣднѣйшимъ давалъ свой хлѣбъ и защиту. Здѣсь онъ воспитывалъ Оому Замойскаго, сына канцлера, Якова Собѣскаго, знаменитаго въ послѣдствіи Бравовскаго кастеллана, отца короля и героя подѣ Вѣною, ходатайствовалъ передъ Замойскимъ о молодомъ Оомѣ Дрезнерѣ, предуготовлялъ ученые успѣхи Яна Урсина, какъ свидѣтельствуется тотъ же Урсинъ, посвящая престарѣлому отцу поэта Шимону изъ Бржезань, изданную имъ грамматику.

Въ мирномъ уединеніи поэтъ, благодарный канцлеру за скромные Черненнины, въ 1594 году воспѣлъ его великолѣпный Замосьце въ стихотвореніи *Imagines diactae Zamoscianaе*, которое издано Андреемъ Сжедзинскимъ спустя 12 лѣтъ послѣ его написанія. Поводомъ къ этому стихотворенію былъ третій бракъ Замойскаго съ Варварою Тарновскою, который, ожидая прибытія супруги и ея родителей, одну изъ комнатъ замка приказалъ украсить портретами Константина Острожскаго, Яна Тарновскаго, Стефана Баторія и папы Сикста V. Поэтъ отдаетъ честь этимъ великимъ историческимъ лицамъ, намѣчаетъ на обстоятельство ему извѣстное, какъ другу Замойскаго, на переговоры Стефана съ папою о войнѣ съ Турками. И это именно обстоятельство было причиною того, что Шимоновичъ ранѣе не обнародовалъ своего произведенія, потому что эти переговоры были тайною для Поляковъ, которые боялись войны съ Турками. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы перевели это произведеніе, (Атеней 1847 годъ тетрадь 1) приведемъ теперь нѣсколько отрывковъ изъ этого перевода. Вотъ образъ Сикста V.

(ПЕРЕВОДЪ).

«Czyżżeto obraz?—to jakiś mąż stary, <sup>1</sup>  
 «Toga z purpury ramiona powleka,  
 «Bije mu z czoła blask świętej tyary  
 «Czytać na licu, że to człek z daleka,  
 «To Arcykapłam Najwyższego Pana,  
 «Z niego ma chlubę Rzym świata podbojca,  
 «Nakłóńcie głowy, uchylcie kolana,  
 «I ucałujcie płaszcz świętego ojca!  
 «To Syxtus piąty—chlubny z tego miana,  
 «To mąż olbrzymiej mądrości i woli,  
 «Odważny umysł, stałość niezachwjana  
 «Stolicy jego chwiać się nie pozwoli.  
 «Niezwykł lekkością zatrudniać się marnie,  
 «Ni drobrym sprawom dać myślinie może,  
 «Potężną myślą cały świat ogarnie,  
 «A świat—to jego stolicy podnoże.  
 «Jak zerwać sieci, które wróg wysnuwa,  
 «Jak trwalić pokój gdzie cześć Chrystusowa,  
 «Na takich pracach nieustannie czuwa,  
 «W gorącym sercu takie żądze chowa.  
 «Dziki Turczynie, którego potęga

---

<sup>1</sup> *Переводъ.* Чей это образъ?—это какой-то старий мужъ, пурпурная тога плеча покрывають, на челъ блестить святая тиара, по лицу видно, что это человекъ издалека; это первосвященникъ Всевышняго Госнода, гордится ннъ Римъ побѣдитель мира, преклоните главы, склоните колѣна, и облобзайте плащъ святаго отца! это Сикстъ пятый, славный этннъ именовъ, это мужъ исполннской мудрости и сильный волею, умъ сильный, непоколебимое постоянство не позволитъ поколебаться его столицѣ. Непривикъ онъ быть легкомысленннъ, не можетъ обрѣтнть въ серьезный пустой предметъ, могучею мыслию цѣлый мнръ обнметъ, а мнръ—это подножіе его престола. Какъ разорвать сѣти, которыя врагъ разставляетъ, какъ поддержать мнръ и славу Христову—это накннн трудннннннъ постоянно занимается, и въ своемъ сердцѣ такія шнтаетъ желанья. Дикій Турокъ, котораго сила столь же вознеслась, какъ

«Tyle się wzniosła ile jego władza,  
 «Na twoje głowę, silne wojska sprzęga,  
 «I pracowicie bogactwa zgromadza.  
 «A choć mądrości i środków ma wiele,  
 «Czujny by skarbów lekce nierozstrelił,  
 «Tylko na zacne upotrzebia cele  
 «Złoto i władzę comu świat udzielił.  
 «Bo k'czemuż służy skarbnica bogata  
 «Kiedy z niej ręka nieopatrznie miota?  
 «Mąż dzielny każdą okruszynę złota  
 «Umie obrócić na pożytek świata.

«Oto zobaczył Stefana jak świetnie,  
 «Jak w całej krasie rycerskiego człeka,  
 «Piastował berło pobożnie, szlachetnie,  
 «A świat mu czoła uchylał zdaleka.  
 «Stefan naówczas to z Ruskiemi syny,  
 «To się z Liwony buntownemi łamie,  
 «I w zmarzłą ziemię północnej krainy,  
 «Wbija potężne tryumfalne znamię.  
 «I dusza Syxta radością miotana,  
 «Że jeszcze w swiecie duch rycerstwa tleje —

---

и его власть, на твою голову онъ собираетъ сильныя войска, и богатства. А хотя много есть у него средствъ и мудрости, онъ заботится о томъ, чтобы попусту не расточить сокровищъ и только для благородныхъ цѣлей употребляетъ золото и власть, которыя далъ ему миръ.

Да и къ чему служить богатая сокровищница, если ее неблагоразумно расточаютъ? Мужъ умный каждую частичку золота умѣетъ обратить на пользу мира.

Вотъ онъ увидалъ Стефана и съ какою блескомъ во всей красѣ воинственнаго челоуѣка онъ держалъ скипетръ благочестиво, благородно, а миръ надали склонилъ предъ нимъ чело. Стефанъ въ то время то съ смисли Руси, то съ ятежинками Ливонцами ведетъ борьбу и въ запершую пещу полнотной страны сильно вбиваетъ триумфальное знамя. И душа Сикста волнуемая радостію, что живетъ еще духъ



«Smjało złożyła w snych rękach Stefana  
«Swe najświetniejsze żądze i nadzieje.»

Вотъ въ какихъ словахъ, онъ обращается къ Замойскому, который, лишившись большей части своего политическаго вліянія, при Сигизмундѣ III уже почти сошелъ съ своего политическаго поприща.

(ПЕРЕВОДЪ).

«Co z wami żądzą i myślą żył w spółną<sup>1</sup>  
«Zamojski dla was najwięcej ma cześci—  
«Bo gdy mu żywych widzieć was niewolno,  
«Obrazy wasze ubóstwia i pieści  
«A moc waszego oblicza, imienia,  
«W pierś Zamojskiego iskrą bije zdala,  
«On patrząc nawas duszę rozplómienia,  
«I sławną żądzą znowu się zapala,—  
«Niby ów Rumak co na wojnie dumny,  
«Zbratał swe ucko z ostrej trąby zgrzytem,  
«I przywykł lecieć w przeciwne kolumny,  
«Rwać w koło zębem i łoczyć kopytem—  
«A potem w tajni w ciżbie towarzyszy,  
«Stojąc bezczynnie, bez siodła, czapraku,

---

рыцарства въ кірѣ — свѣло передала Стефану свои блестящія желанія и надежды.»

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Тотъ, который съ вами жилъ общими желаніемъ и мыслию, Замойскій, къ вамъ питаетъ уваженія и если не возможно ему видѣть васъ живыми, вами картины онъ обожаетъ и чтитъ. Сила вашего лица и имени, мадали бросаетъ искры въ сердце Замойскаго, онъ гляди на васъ свою душу разъясняетъ и вновь воспламеняется желаніемъ славы, — такъ какъ тотъ конь, гордый на войнѣ, который сроднилъ свое ухо съ острымъ звукомъ трубы, и привыкъ уноситься въ чужія колонны, вокругъ себя рвать зубами, топтать конитомъ, а потомъ, стоя въ конюшнѣ въ толнѣ товарищей, но дѣлательно, безъ чести и охлы вдругъ неожиданно за стѣной услышитъ звукъ себя при-

«Niespodziewani za ścianą posłyszysz  
 «Starą znajomość—trąbkę do ataku—  
 «Drognie całym sobą i ucho natęża—  
 «Bije podkówną potwardej podłódze—  
 «Rzy, i z uwięzi wyrywacie srodze,  
 «I chce już lecieć gdzie brzęki oręża.  
 «O! zerwie trzęźłę,—przeskoczy zaporę,  
 «I wśródok pyłu walczących pobierzy!  
 «Lecz gdziez jesteśmy? czyż w godową porę  
 «Marsowe rzeczy spiewać przynależy?  
 «Już stół nakryty—napotem te pieśni—  
 «Złoci się wino, radość sprzyja licom,  
 «I młódz sid ciśnie by tam zasiąść wcześnie,  
 «Zkąd się najspadniej przypatrzeć dziewicom,» i t. d.

Въ произведеніямъ, которыя въ эту эпоху вышли изъ  
 подъ пера Шимоновича мы причисляемъ его *Aelinorasan*,—  
 описаніе нападенія Турокъ и Татаръ на Польшу (1595 г.),  
 которыя слышавъ о приближеніи войска, предводиимаго  
 Замоискимъ, обратились въ бѣгство. Выишемъ картину  
 этого бѣгства.

. (ПЕРЕКВОДЪ).

«Jako z wuziewów gór i otchłani <sup>1</sup>  
 «W gęstych się kłębach obłok tumani,

привычною — зовъ для атаки — задрожитъ всѣмъ тѣломъ, слухъ на-  
 прагаетъ, стучитъ подковною по твердому полу, ржетъ и съ силою  
 срывается съ привала, и хочетъ мчаться ужъ туда, гдѣ звуки оружія.  
 О разорветъ онъ удиле, перескочитъ преграду и побѣжитъ въ сре-  
 дину сраженія! Но гдѣ имъ? Ужели въ годину брака привычно воснѣ-  
 вать какъ дѣвція Марса? И столъ уже накрытъ, оставивъ пѣснь эту,  
 вино золотится, радость на лицахъ; молодежь тѣснится, чтобы съотъ  
 во время танъ, откуда имъ лучше снотрѣтъ на дѣвннхъ.»

<sup>1</sup> Переводъ. «Какъ отъ испареній горъ и безднн, туманится облако въ  
 густнхъ клубахъ, ежатся тучи какъ обрывы скалъ, текутъ изъ ннхъ

«Jeżą się chmury jak skał urwiska,  
 «Płyną. z nich deszcze i piorun tryska.  
 «Łoskot przebiega po drżącej niwie,  
 «Wioskowy oracz struchlał lękliwie,  
 «Pasterz ze trzodą ucieka z paszy,  
 «Nawet sie morski żeglarz przestraszy.  
 «A baszty miejskie aż drgnęły strachem,  
 «I każdy bieży skryć się pod dachem.  
 «Tym czasem wiatry tchnące pogodą,  
 «Uderzą w chmurę, pierś jej przebogą,  
 «Zgaszą pioruny co w piersiach grały,  
 «I wstecz się cofnie obłok zuchwały.—  
 «Aż się rozproszy wichrami parta.  
 «Chmura bezbronna w szmaty podarta,  
 «Jeno w błękitnej powietrza ciszy,  
 «Gdzie niegdzie szczątek mgły się kolyszy.—  
 «Tak idąc z gromem strzaskać nam łono,  
 «Miotał zły Turszyn groźbę szaloną.  
 «Lecz gdy posłyszał, że k'niemu leci  
 «Chrobra drużyna Sarmackich dzieci,  
 «Niewierną głowę chroniąc z daleka  
 «Pierzcha w rozsypkę, i w stecz ucieka.»

---

дожди и молнія сверкаеть, шумъ пробѣгаетъ по нивѣ дрожащей, и сельскій пахарь оробѣлъ съ испуга, пастухъ со стадомъ бѣжитъ съ вигона и даже мореплаватель испугается. Такъ башни города дрогнули страшно, и каждый спѣшитъ спрятаться подъ крышу, между тѣмъ итеръ, предвѣстникъ погоды ударить въ тучу и разломавши ее грудь, погнѣтитъ молнію, которая въ ней горѣла, и назадъ попытается дерзкое облако. Покаивъсь, гонимая вихрями, неразойдется беззащитная туча, истерзанная въ куски, и только въ голубой тиши воздуха, кое-гдѣ колеблется малый шглм остатокъ. Такъ неся громы, чтобы разбить наше лоно, злой Турокъ бросалъ безумную грозу. Но чуть заслышалъ, что летитъ къ нему храбрая дружина дѣтей Сарматскихъ, издали охраняя невѣрную голову, разсыпается и назадъ уходитъ.»

Стихи: *ad Nicolaum Firleum* къ Николаю Фирлею (1599 г.) и *Filanen area* (Алтари Филеновъ 1660) отличаются также поэтическимъ исполненіемъ и историческимъ интересомъ. Въ первомъ, поэтъ прославляетъ домъ Фирлея, во второмъ, обращая рѣчь къ Иерониму Сѣнявскому, говоритъ о необходимости бдительнаго надзора надъ Валахіею, какъ надъ стѣною, которая раздѣляетъ Польшу отъ Турціи. Въ образецъ приводитъ карагенскихъ Филеновъ, которые служатъ заглавіемъ всему стихотворенію.

Въ слѣдъ за тѣмъ изъ-подъ пера Шимоновича вышло латинское стихотвореніе подъ заглавіемъ *Геркулесъ* (1602). Это извлеченіе изъ Ксенофонта о борьбѣ роскоши съ добродѣтелью, какую выдержалъ Геркулесъ при своемъ вступленіи въ міръ, когда онъ колебался идти ли ему тернистымъ путемъ долга или роскошнымъ путемъ удовольствія. Это сочиненіе Шимоновича было предназначено для его питомца Юмы Замойскаго, но такъ какъ скромный поэтъ не спѣшилъ обнародовать своего *Геркулеса*, напротивъ даже скрывалъ его какъ и всѣ свои сочиненія, то Петръ Цѣплинскій, получивъ его отъ автора, отдалъ въ печать. Боже-ство роскоши такъ говоритъ Геркулесу.

(ПЕРВВОДЪ).

«I wszystkie przyjemności, co je roskosz dawa <sup>1</sup>  
 «Wszystkie ci będą płużyć—nieżal sięgnąć po nie;  
 «I co oko nakarmia, i co słuuch napawa,  
 «I co zieje dokoła pieśczożliwe wonie.—  
 «I wszystkimi zmysłami upojenia krocie  
 «Czerpniesz jak duszy miło—bo zdrój jego wielki,

<sup>1</sup> *Переводъ.* И всѣ удовольствія, какія даетъ роскошь всѣ будутъ служить тебѣ, не жаль искать ихъ; все, что ты видишь и слышишь и что вокругъ издаетъ роскошныя благоуханія, — все въ упоеніи ты почерпнешь, сколько будетъ душѣ угодно, потому что ихъ

«Jako pszczołka lub motyl w swawolnym polocie  
 «Ssać z najświeższego kwiecia najśłodsze kropelki.  
 «Jeśli uscisk żądze ci podmuchną,  
 «Pozyskasz go niełożąc usiłowań wiele—  
 «Jeśli wolisz w spokoju zasypiać leciuchno,  
 «Sama ci lekkim puchem wezgłowie uściele,  
 «Bez najmniejszego trudu, wedle własnej chęci  
 «Opanujesz obszerne posiadania pole.  
 «Chciwość zbiorów twojego czoła nie zasmęci,  
 «Zazdrość ducha nieskazi, oczu niewykole—  
 «Bojaźń cię ani razu w serce nieubodzie,  
 «Niepójdiesz sączyć potu wzorem innych ludzi,  
 «Zbijać siły drąc ziemię, lub płynąc po wodzie,  
 «Nigdy ciało—duch nigdy w tobie się niestrudzi.  
 «Lecz co inni zebrali w usilnym zapędzie,  
 «Ty próżen wszelkiej troski osypiesz się złotem,  
 «A twój kruszec daleko szlachetniejszym będzie  
 «Nad skarbce innych ludzi nabyte z kłopotem.  
 «Co jeno korzystnego nadzieja nastreczy,  
 «Chwytaj skwapliwą dłońią gdy trafia się dobą  
 «Mojem hasłem prawdłło:— że duszy młodzienczej  
 «Wszystko się łacno godzi cokolwiek spodoba.»

бедна; ты какъ пчела или мотылекъ на рѣзвомъ лету, будешь сосать изъ свѣжихъ цвѣтовъ, самая сладкія капли. Если захочешь ты страстныхъ объятій, найдешь ихъ безъ большихъ усилій, если захочешь мирно заснуть, сама легкимъ пухомъ изголовья набью я, безъ всякихъ трудовъ, по желанію, займешь ты обширное поле обладанья. Жадность къ стяжаніямъ не омрачитъ твоего чела, зависть души не запятнаетъ, глазъ не выколетъ, боязнь ни разу не прикоснется къ твоему сердцу, не пойдешь обливаться потомъ до приніру другихъ людей, терять силы, пахать землю или плавать по воданъ, никогда тѣло, и духъ твой не утрудится. То что другіе собрали усильными трудами, ты же получишь безъ всякихъ заботъ; осмылешься золотомъ, и твой металлъ будетъ гораздо благороднѣе сокровищъ другихъ людей, съ трудомъ приобретенныхъ. Что только подастъ тебѣ надежду, бери жадной рукою, когда есть къ тому случай. Девизъ мой: душа любуи все возможно, что ему нравится.

Совершенно противоположна рѣчь добродѣтели тоже ма-  
нящей къ себѣ юношу.

(ПЕРЕВОДЪ).

«Bez twej ciernistej pracy nic ci niepostąpię, <sup>1</sup>  
 «Wszystkiego masz się ręką dobijać mozolną,  
 «Gdy się wyczerpie siła, pot oczy wykąpie,  
 «Wtedy ci po nagrodę zakołatać wolno.  
 «Czy to żądza wziętości twą duszę podrażni,  
 «Będziesz pierwiej pobożnie czescić głowę siwą;  
 «Czy zażadasz odpocząć na łonie przyjaźni,  
 «Twardych ci ofiar trzeba na przyjaźń prawdziwą;  
 «Chcesz by ludy i miasta stały natwej radzie?—  
 «Oddaj całego siebie na usługi cudze;  
 «Chcesz w sławie się szeroko pocałej Helladzie;  
 «Czerpaj rady od mędrców, bij czołem zasłudze:  
 «Pragniesz trzód na pastwisku, czy owoców lata,  
 «Musisz darć (drzeć skibę ziemi, troskać się obora;  
 «Czy ci żądzą wojenną serce zakołata—  
 «Musisz być strachem wrogów, a swoich podporą.  
 «O! w Marsowym zawodzie nie łatwodo sławy,  
 «Potrzebna tam i ciała i duszy odwaga,

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Безъ твоихъ трудовъ ничего неуступлю я, всего ты дол-  
 женъ добиваться не легкимъ трудомъ, но когда истощится сила, глаза  
 потомъ заляются, тогда тебя можно получить награду. Желаніе ли  
 славы духъ твой потревожитъ, прежде ты будешь свато чтить голову  
 сѣдую; пожелаешь ли отдохнуть ты на лонѣ дружбы, многія жертвы  
 нужны отъ тебя для искренней дружбы; хочешь ли, что бы города и на-  
 роды принимали твои совѣты? — предай всего себя людямъ на услуги;  
 хочешь ли прославиться по цѣлой Элладѣ? Ищи совѣта у мудрецовъ,  
 преклоняй чело предъ заслугами; хочешь стадъ на пастбищѣ, или лѣ-  
 тнихъ плодовъ, ты долженъ обрабатывать землю, и ходить за стадомъ;  
 или твое сердце забьется военною страстію, ты долженъ быть ужа-  
 сомъ враговъ, подпорю своихъ. О! на поприщѣ Марса не легко дойти  
 до славы, тамъ нужна отвага и души и тѣла, надо трудиться, приобрѣтать  
 навыки который введетъ тебя въ небеса узкимъ путемъ великаго безсмертія,

«Potrzeba się mozolić i nabywać sprawę,  
 «Która idzie od sztuki i sztukę wspomaga.  
 «Siła krzepiona trudem olbrzymio wyroście,  
 «Kiedy hartu niezmiękczy odpoczynek w czesny  
 «Snadno przeniesie skwarów i mrozów przykroście  
 «Kto ulubił bieg szybki i mozol cieleśny.

Стихотвореніе оканчивається слѣдующимъ обращеніемъ  
 къ Ѳомѣ ЗамоЙскому.

(ПЕРЕВОДЪ).

«O Tomaszu! mych pieni tarczo i ozdobo! <sup>1</sup>  
 «Miłe dziecię przedmiocie trosk ojcowskiej głowy,  
 «Niech kiedyś dzieje świata zachwycą się tobą,  
 «Ty mi będziesz jak Alcud, jak syn Jowiszowy,  
 «Już na twem kraśnem licu mech młodzińczej brody  
 «Wysypywać zaczyna—dojrzałości cecha,  
 «Otworzą się przed tobą dwójga dróg zawody,  
 «Lecz k'tobie jeno cnota niechaj się usmiecha.  
 «Niewolno ci wybierać znikomości świata—  
 «Bo potrzeba koniecznie, być do Nieba wwiodła  
 «Wielkiej nieśmiertelności droga chrapowata—  
 «Niezna jej serce zimne, ani dusza podła  
 «Przystało ci celować w gronie innej młodzi,

---

и который приходитъ отъ искусства и поддерживаетъ искусство. Сила, укрѣпленная трудомъ возрастетъ исполнски, если закала не смягчить преждевременное тодохновеніе, легко свесетъ тяжесть жаровъ и холода тотъ, кто полюбилъ быструю ходьбу и трудъ тѣлесный.

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Ѳома! щить и украшеніе моихъ пѣсней! милое дитя, предметъ заботливости отцовской, пускай нѣкогда исторія мира будетъ тобой восхищаться, ты для меня будешь Альцидомъ, сыномъ Юпитера, уже на лицѣ твоёмъ прекрасномъ начинается пробиваться мохъ на юношеской бородѣ — печать зрѣлости. Откроются предъ тобой дороги, но для тебя пускай улыбается одна только добродѣтель. Нельзя искать тебѣ первѣнчивости мира, тебѣ прилично быть первымъ въ кругу молодежи; если судьба благосклонная вознесла тебя

«Гды ціę przyjaźne losy wyniosły nad wielu,  
 «Wielkich tryumfów ojca spodziewać się godzi.  
 «Kiedy drogą ojcowską iść będzie do celu.  
 «Często przebóg! ach często lekce ważac zdrowie  
 «A nie - pomniac że starość siły mu odjęła,  
 «Lubo i głód dokucza, mróz ściska surowie—  
 «Czynił w krajach północnych bohaterские dzieła.  
 «Zbrojno oblega baszty i okopy bierze,  
 «Mury gromem armatnim łamie w zawierusze—  
 «Ustali silni męże i młodzi rycerze,  
 «Lecz bogaterski starzec umocnia ich dusze.

«O względni na zasługę! o wielcy bogowie  
 «Co zwykliście za trudy nieskąpić z nagrodą,  
 «Zachowajcie nam mężą folgujcie tej głowie  
 «Bo nas w otełtań niewoli bez niego zawiodą.  
 «Synu! czynów i zasług masz przykład wysoki,  
 «Za nic idzie ród zacny, kto ciemnym umiera,  
 «Zrównaj cnotę z twym rodem, umocnij tve krowi,  
 «Dowiedz żeś być dostojen synem bohatera.  
 «Teraz młodzieńcza dusza chce lecieć naboje  
 «Lecz gdy pokój nastanie, a młodość przemienie  
 «Zechcesz wytchnąć z muzami—skłońże ucho twoje

тебя надъ многими, тебѣ прилично ожидать великихъ триумфовъ отца, если путемъ отца будешь идти ты къ цѣли. Часто увь! часто, пренебрегая здоровьемъ, не помня того, что страсть отняла у него силы, хотя и голодъ наскучаетъ, холодъ сжимаетъ сурово — дѣлалъ онъ въ странахъ сѣвера дѣла доблести. Осаждаетъ войскомъ башни, беретъ окопы, громомъ пушекъ ломаетъ стѣны въ бурную пору, устали мужи сильные и юные рыцари, но богатырскій старецъ ихъ духъ укрѣпляетъ.

«О внимательные къ заслугамъ, великіе боги, которые привыкли за труды не щадить награды, сохраните намъ мужа, щадите эту голову, потому что безъ него уведутъ насъ въ бездну рабства. Сми! вотъ привѣръ высокой заслугъ и дѣяній, ни за что идетъ родъ знаменитый для того, кто умираетъ въ неизвестности; сравни добродѣтель твоихъ родомъ, укрѣпи твои шаги, докажи, что ты достойный сми героя. Теперь юная душа летитъ къ битвамъ, но когда ширь



«Do owych pięknych nauk coś mówaczą ninie.  
 «I tutaj pójdziesz ojca śladami i dolą  
 «I tutaj jego przykład nieraz się usłyszysz,  
 «Często niegdyś młodzienca podziwiał Apollo,  
 «I pragnął go policzyć do swych towarzyszy,  
 «Rój Pieryd go pieścił, a świat mu zazdrościł  
 «Gdy w stróny Kalliopy uczenie kołata —  
 «Zwiedzał przybytki nauk, i u mędrców gościł,  
 «I nabył imie wielkie a głośne u świata.»  
 «I w tej chwili na święte mądrości ołtarze.  
 «Pamięta choć we służbie rycerskiej Gradywa,  
 «Miłe dziecię, czyń pilno co ci ojciec każe—  
 «Słowa takiego ojca, toć świętość prawdziwa;  
 «On cię kocha nad wszystko z ojcowskiego prawa  
 «Chce widzieć rod swój chlubnym na ojczystej niwie,  
 «Wszystko co mu się wielkiem, co szlachetném zdawa,  
 «Coś każe—dobre dziecię! wypełniaj chętnie.  
 «Nauka niech ci służy na wojnie i doma,  
 «W nauce niesmiertelność a reszta znikoma.»

Еще болѣе тѣсныя узы соединили доброе сердце Шимонича съ Богомъ Замоискимъ съ той поры, когда великій

утвердится, а молодость пройдетъ, захочешь отдохнуть съ музами, преклони твое ухо къ гѣмъ прекраснымъ наукамъ, которыя преподаются нынѣ. И здѣсь пойдешь ты по слѣдамъ отца, и здѣсь не разъ послышишь тебя его призывъ, часто ему, юношѣ, Аполлонъ удивлялся и желалъ причислить его къ числу своихъ товарищей, рой Перидъ ласкалъ его, миръ ему завидовалъ, когда онъ ударялъ въ струны Каллиоппы, посѣщалъ храмы наукъ, гостилъ у мудрецовъ, и приобрѣлъ имъ великое, громкое въ мирѣ. И теперь помини о святыхъ алтаряхъ мудрости, хотя проходитъ военную службу. Милое дитя, усердно исполний то, что тебя отецъ велитъ: слова такого отца — это истинная святиня; онъ любитъ тебя болѣе всего, по праву отцовскому, онъ хочетъ родъ свой видѣть славнымъ въ отечествѣ; все, что ему кажется великимъ, благороднымъ, что онъ велитъ тебѣ — доброе дитя исполни охотно. Пускай наука служитъ тебѣ на войнѣ и дома, въ наукѣ безсмертіе, а прочее все скоро преходяще.»

Янъ Замоискій умирая съ 1605 года поручилъ ему опеку надъ своимъ сыномъ. Намъ осталось нѣсколько одъ Шимоновича къ Томѣ Замоискому, которые есть у насъ подъ рукою (*Thomasae Zamoscia Ode. Zamoscye 1612*). Скажемъ о нихъ словами Юшинскаго: «можетъ ли какой-нибудь наставникъ прекраснѣе и важнѣе говорить съ своимъ ученикомъ, чѣмъ говорить Шимоновичъ». Мы желали бы дать читателямъ образцы этихъ одъ, въ слѣдъ за тѣмъ выписать стихотвореніе Шимоновича на бракосочетаніе Сигизмунда III съ Анною Австрійскою (*Epithalamium Serenissimi Sigismundi III. Polon. Regis et Annae Caroli Archiducis Austriae f. Krakow 1592*) и подобное же бракосочетаніе *Симона Боровскаго съ Анною Моджарскою* (*In nuptias etc. Zamosi 1614 г.*), но мы спѣшимъ изучать Шимоновича, какъ поэта народнаго, потому что теперь наступаютъ *Идиліи Симона Симонидеса* (Замостье въ тип. Ленскаго 1614 г.), которые славное уже въ Европѣ имя нашего поэта, сдѣлали любимымъ въ Польшѣ и памятнымъ до настоящаго дня.

Припомнимъ себѣ, какія были эстетическія требованія того вѣка, въ которомъ писалъ Шимоновичъ, вѣка ученаго, рациональнаго, мало склоннаго къ поэзіи, начинавшаго уже совершенно охлаждаться вліяніемъ іезуитской школы. Благодаря отечественной природѣ, мы какъ то инстинктивно понимали чувствованія собственнаго сердца, но съ другой стороны были народомъ черезъ-чуръ воинственнымъ, хозяйственнымъ и ученымъ книжною мудростію для того, чтобы кто-нибудь рѣшился принять на себя трудъ вникнуть въ нашу домашнюю природу, въ обыкновенія окружавшаго его сельскаго народа, съ которымъ шляхто — не имѣла братнихъ связей, или же прислушаться къ біенію собственнаго сердца. Нужно было изображать природу и чувство,

но ученымъ образомъ, погречески или римски, по образцамъ, тѣхъ классическихъ странъ, гдѣ климатъ былъ иной, чѣмъ въ Польшѣ, и солнце лучезарнѣе, и въ жилахъ текла кровь иная, болѣе пламенная, въ груди развивались иныя вѣрованія. Это было принято не только въ Польшѣ, но и во всей Европѣ, нечего поэтому удивляться, что идиліи Шимоновича вмѣсто того, чтобы быть чисто божественными, суть или переводы, или подражанія то Теоокриту, то Моску, то Виргилію; что поэтъ нашъ болѣе всматривался въ образцы греческіе и римскіе, чѣмъ въ польскую природу и обычаи. Знатоки греческаго языка на каждой страницѣ Шимоновича находятъ стихи, мысли, картины и даже фразы заимствованные у древнихъ; у ученаго Николая Малиновскаго мы видѣли экземпляръ Шимоновича съ музыкою Льва Боровскаго, въ которомъ нашъ знаменитый профессоръ на каждомъ почти стихѣ поймалъ поэта, присвоившаго себѣ греческія или латинскія красоты. Изъ 20 идилій Шимоновича едва три чисто народныя, впрочемъ, не смотря на самое искусное ихъ примѣненіе къ польскому, въ нихъ все-таки проглядываетъ какое-то чуждое дуновение Поэту рѣдко удавалось изобразить сцену изъ польскаго быта своимъ греческимъ манеромъ; то, что въ произведеніяхъ его изображаетъ Польшу, вкралось туда (смѣло можно сказать) мимо его воли, и безъ сомнѣнія подверглось бы измѣненіямъ сообразно духу вѣка, еслибы поэтъ могъ осмотрѣться.

Таковы были жертвы, которыя талантъ Шимоновича долженъ былъ принести требованіямъ своего вѣка, но свои заблужденія онъ искупаетъ тысячами поэтическихъ красотъ первѣйшаго разряда. Образцы, которымъ онъ слѣдовалъ, такъ слились съ его душою, что когда онъ составляетъ цѣлость изъ чуждыхъ частицъ, никто бы не могъ замѣтить,

что эти мысли, картины и выраженія не принадлежатъ ему собственно. Когда взоромъ стараго Грека онъ смотритъ на польскую природу, кто бы не поклялся, что это его собственный взглядъ? Шимоновичъ имѣлъ даръ на собственной груди разогрѣвать то, что замерло уже отъ многихъ вѣковъ, и съ дивнымъ дарованіемъ передѣлывать классическіе произведенія на изящный польскій языкъ, польскій слогъ и польскую манеру. Среди нашего народа, напр., мы не имѣли нѣжныхъ любовниковъ, вздыхавшихъ о невѣрности возлюбленной; но если-бы нашъ пастырь жилъ при тѣхъ же условіяхъ благословеннаго климата какъ Аркадець, при томъ обиліи предметовъ для удовлетворенія первѣйшихъ потребностей, пользовался свободой домашней и гражданской, если-бы, говоримъ, пылскій поселянинъ жилъ при тѣхъ же условіяхъ, какъ герой Теокрытовой идилліи, могъ ли бы онъ плакать надъ своимъ сердцемъ, израненнымъ невзаимною любовью иначе, какъ плакалъ Дафнисъ Шимоновича. (Идилія I.)

«Kozy, ucieszne kozy, ma trzoda jedyna, <sup>1</sup>  
 «Tu kępy, tu zarosła pozioma leszczyna,  
 «Tu gryźcie liś zielony, gryźcie chrościk młody,  
 «Ja tymczasem przy Arugu tej ciekącej wody  
 «Przylegę, i frasunku lubo snem swobodnym,  
 «Lubo będę zabywał śpiewaniem łagodném,  
 «Ponieważ mię tak moja Filis wyprawiła.  
 «Żemnie nawieki wolnych myśli pozbawiła

<sup>1</sup> Переводъ «Козы, мое утѣшеніе, мое единственное стадо, здѣсь глушь, здѣсь мелкій орѣшникъ, оцѣпайте листь зеленѣющей, грызьте молодой хворостъ, а между тѣмъ при Аругѣ, этой текущей водѣ прилягу, и скорбь или сонъ, или кроткою пѣснью буду разгонять, потому что моя Филіда такъ со мной поступила, что навѣкъ лишила меня мыслей свободныхъ. Что жь дѣлать? Какое счастье искушаетъ человѣка, и легко

«Coż czynić? jakie szczęście o człeka się kusi,  
 «Tak sercu bywa błogo i tem się paść musi.  
 «Okrutna Fili, tobie ani zdrowie moje,  
 «Ani starganych myśli ciężkie niepokoje,  
 «Ani serce związane, ani zbytnie chęci,  
 «Ani słowo oddane zostawa w pamięci.  
 «Chociaż tobie i sady moje zaradzały,  
 «Chociaż koszary mleka i słodkie nabiały,  
 «I co piękniejsze jagnię, i kozłeta małe,  
 «I za tobą szły barcie i pasieki całe.  
 «A nadewszystko ja sam; i pies—niami memi  
 «Rozsławiłaś się między pasterzmi wszystkiemi,  
 «Dzis i płeć i postawa u ciebie nadobna  
 «I uroda do jedlin wysokich podobna,  
 «Dzis cię co żywo chwali; a to uczyniły  
 «Piesni moje, krure cię wszędy rozgłosily....  
 «Tu lasy, tu po lesiech ptaszkwie śpiewają,  
 «Tu łąki a połąkach piękne stada grają,  
 «Tu byśmy z sobą wienu miłego zażyli,  
 «Tu byśmy w świętych związkach lata przetrawili.  
 «Byś się tylko pasterską budą, niebrzydziła  
 «Byś tylko umysł ku mnie czuły przykłoniła  
 «Tu jamy mchem odzianę tu dorze, tu cienie,

---

биваетъ сердцу, но черезъ того онъ и пасть долженъ. Жестокая Флида у тебя ни мое здоровье, ни тяжелое беспокойство, мыслию нехотъ ни сердце связанное, ни излишнія желанія, ни данное слово не остается въ памяти. Хотя тебѣ и сady мои служили, и молока корзинки и сладкіе припасы, и самый лучший агнеюкъ, и маленькіе козлики. для тебя были мои барты и цѣлые пчельники, а главное я самъ; но-ни пѣснями прославилъ тебя я между всеми пастырями. Цвѣтъ лица и осанка у тебя прекрасны, ростомъ похожа ты на ели высокіе, теперь хвалятъ тебя все что живетъ, а это сдѣлали пѣсни мои, которые вездѣ о тебѣ гласили... Здѣсь лѣса, а въ лѣсахъ нугицы поютъ, здѣсь луга, а на лугахъ прекрасныя стада играютъ, здѣсь бы имъ много свой вѣкъ проведи, здѣсь бы имъ въ узахъ священниихъ лѣта

«Tu strugi uciekają szemrząc przez kamienie:  
 «Tu wyniosłe topole, lipy rozłożyste,  
 «Tu jawory, tu dęby stoją wiekuiste.  
 «Ale bez ciebie żadne rzeki, żadnegaje,  
 «Bez ciebie żadne miejsce sercu nieprzystaje.»

Вотъ картина представляющая любовника, приходящаго съ любовнымъ объясненіемъ, картина болѣе уже полская хотя еще не народная. Идилія XII.

«Sroczka krzekce na płocie będą goście nowi, <sup>1</sup>  
 «Sroczka czasem omyli, czasem prawdę powie,  
 «Gdzie gościom w domu rado sroczce zawsze wierzą,  
 «I niekażą się kwapić kucharzom z wieczerzą.  
 «Sroczko, umiesz ty mówić, powiedz gdzieś latała,  
 «Z któryjeś strony goście jadące widziała?  
 «Sroczka krzeka na płocie pannie się raduje  
 «Serduszko: bo miłego przyjaciela czuje.  
 «Jedzie z swoją drużyną panicz urodziwy,  
 «Panicz z dalekiej strony pod nim koń chodziwy.  
 «Koń łysy, bjałonogi, rząd nanim ze złota.  
 «Panno gotuj się witać już wjeżdża we wrota:  
 «Już z koni pozsiadali; wszystko się podworze.

проводили, лишь бы ты презирала только пастушескаго крова, здѣсь овраги мохомъ покрыты, здѣсь такъ хорошо, здѣсь тѣнь, здѣсь ручьи струятся журча по камнямъ: здѣсь тополь возвышенный, вѣтвистыя липы, здѣсь яворы, дубы стоятъ долговѣчные. Но безъ тебя никакія рѣки и рощи, никакое мѣсто не нравится сердцу.

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Сорока трещитъ на заборѣ, будутъ гости говорить, сорока иногда ошибается, иногда правду скажетъ. Гдѣ рады гостямъ сорокъ всегда вѣрять и поварамъ не велитъ торопиться ужиномъ. Сорока, увидишь ты говорить, скажи, гдѣ ты летала, съ которой стороны видала ты гостей вдушихъ? Сорока трещитъ на заборѣ, ликуеть сердце дѣвушки: потому что она чувствуетъ милого друга. Влетѣть съ своею дружиной паничъ собой видный, паничъ изъ странъ далекой, подъ нимъ конь бмстрый. Конь лмсий, бѣлоногий, на немъ сбруа изъ золота. Дѣвушка готова привѣтствовать; ужъ онъ въ ворота вѣзжа-

«Rozsmiało, jako niebo od wesołej zorze.

«Witami cię paniczu dawno pożądany,

«Czeka cię upominek tobie obiecany,

«Obiecany od Boga i od domu tego,

«Po obietnice trzeba wsiadać na rączego.

«Moj paniczu drogi

«Niedarmo cię tu przyniosł twój koń bjałonogi:

«Pryskał we wrota wchodząc, snać żeśmy tu radzi,

«Radziśmy wszyscy tobie i twojej czeladzi.

«Już i matka i panna witać cię wychodzi.

«Poprzedź ich rękę: tobie poprzedzić się godzi,

«I czołem nisko uderz; jest dla czołem czołem

«Uderzyć, a niechciej sieść za gościnnym stołem

«Aż otrzymasz co pragniesz; wszystko z czasem płynie,

«Coma być jutro, niechaj będzie w tej godzinie.

«I ty matko niezwłaczaj, czyni coś umyśliła,

«Żadna się rzecz niekończy gdzie rozmysłów siła.»

Вотъ наконецъ вѣрный сельскій образъ Польши, доказывающій что Шимоновичъ умѣлъ прислушаться къ бiенію народнаго сердца и съудивительнаго вѣрностію могъ выразить голосъ его скорбной жалобы: Идилія XVIII. (*Жнецы*).

еть: уже съ коней сошли; весь дворъ разсмѣлся какъ небо отъ зари веселой: привѣтствуемъ тебя господинъ давно ожидаемый, ждешь тебя даръ тебѣ обѣщанный, обѣщанный богомъ и этимъ домоуъ.

«Мой дорогой господинъ, не даромъ принесъ тебя сюда твой конь бѣлоногій: прыскалъ входа въ ворота, видно мы тебѣ рады, рады все мы тебѣ и твоей челяди. Уже мать и дѣвушка выходятъ встрѣчать тебя, тебѣ слѣдуетъ упредить ихъ, и челомъ поклонись низко, есть для чего челомъ тебѣ бить, и не садись за столъ гостеприимный, пока того не получишь, чего желаешь, все уходитъ со временемъ, чему бываетъ завтра, пускай оно въ этотъ часъ совершится. И ты мать не откладывай, дай то, что задумала, ни одна вещь тамъ неокончится, гдѣ вѣчно идутъ отклады.»

«Już południe przychodzi, a my jeszcze zniemy: <sup>1</sup>  
 «Czy tego chce urzędnik że tu pomdlejemy  
 «Głodnemu, jako żywo, syty nie wygodzi,  
 «On nad nami z maczugą pokrzakując chodzi:  
 «A niewie jako ciężko z sierpem po zagonie  
 «Ciągnąc się; oraczowi insza, insza wronie:  
 «Chociaż i oracz chodzi za pługiem i wrona:  
 «Insza sierpo w ręce, insza maczuga toczona.  
 «Niegadaj głosem, aby nieusłyszał tego:  
 «Albo nie widzisz bicza za pasem u niego?  
 «Prędko nas nim namaca; zły frymark za słowa  
 «Bicz na grzbiecie, a jam nań niebardzo gotowa.  
 «Lepiej złego niedrażnić; ja go albo chwale,  
 «Albo mu pochlebuję i tak grzbiet mam w cale.  
 «I teraz mu zaspiewam: acz mi niewesało:  
 «Niesmaczno idą pieśni gdy się poci czoło.  
 «Słoneczko, śliczne oko, dnia oko pięknego!  
 «Niejesteś ty zwyczajów starosty naszego;  
 «Ty wstajesz kiedy twój czas; jemu się zda mało,  
 «Chciałby on żebyś ty od północy wstawało.  
 «Ty bieżysz do południa zawcze twoim torem,  
 «A on by chciał ożenić południe z wieczorem.»

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Уже полдень насталъ, мы все еще живемъ, или того хочеть приставникъ, чтобы безъ силъ мы попадали; сытій не можеть понять голоднаго, онъ съ тростию ходить надъ нами покашливая: а онъ не знаетъ какъ тяжело съ серпомъ въ рукѣ влачиться по градаи; иное дѣло пахарь, иное ворона: хотя и пахарь ходить за плугомъ и ворона: иное дѣло серпъ держать въ рукѣ, иное точеную палку. Не говори громко, пусть онъ не услышитъ, развѣ не видно кнута у него на поясъ?» Скоро его онъ ошупаетъ; плохая за слова награда, кнутъ на хребтѣ, а сносить это не въ состояннн. Лучше не раздражать злаго; я или хвалю его, или льщу ему, и такъ спину свою сберегаю. И теперь стану пѣть ему, хотя мнѣ невесело: не идутъ пѣсни, когда чело въ потъ: солнце, прекрасное, оно ясное дня! Ты не знаешь обычаевъ нашего старости; встаешь ты, когда время тебѣ; ему кажется мало, онъ хотѣлъ бы, чтобы ты съ полночи вставало. Ты идешь до полудня, всегда своимъ путемъ, а онъ хотѣлъ бы полдень сочетать съ вечеромъ.»



Но не вездѣ такъ удачны картины Шимоновича; онъ иногда бросалъ взглядъ на сельское народонаселеніе, не не всегда умѣлъ возвысить его на степень прекраснаго идеала иначе, какъ только при помощи аркадскихъ идиллій. Тамъ, гдѣ изображаетъ онъ польскаго поселянина, не смотря на художественную сторону, насъ поражаетъ иногда грубость рѣчи, дурное пониманіе нравовъ, словомъ, не умѣя схватить торжественную минуту въ жизни того, что онъ изображаетъ, Шимоновичъ представляетъ намъ копію вседневной, деревенской жизни, которой трудно сочувствовать. Въ мѣстахъ наиболѣе поэтическихъ, нѣсколькими словами, однимъ неудачнымъ періодомъ поэтъ разрушаетъ то очарованіе, которое сейчасъ было вызвано, осушаетъ слезу, которая уже дрожала въ очахъ читателя. Прекрасно выразился о немъ В. А. Мацеіовскій въ своей *Литературѣ*, что онъ «изображая село, не подмѣтилъ истиннаго его выраженія, или не соблюлъ средину въ изображеніи своей картины, «но срисовалъ ее или очень уже красиво или безобразно, и «во внѣшности только отражалъ духъ польской народности, «показывая намъ только лице, а не сердце польскихъ поселянъ». Эти отчетливыя слова рождаютъ у насъ вопросъ: кто же изъ нашихъ знаменитѣйшихъ поэтовъ эпохи Ягеллоновъ и Вазовъ глубже проникалъ въ сердца, и кто изображалъ только физиономію своихъ собственниковъ.

По нашему мнѣнію Рей изъ Нагловиць, Клѣновичъ, частію Шимоновичъ, не смотря на колоритъ мѣста и времени, который носятъ на себѣ ихъ сочиненія, и который намъ столько нравится—суть только физиономисты; а Кохановскій, Міясковскій, частію Шимоновичъ и даже Зиморовичъ въ своихъ произведеніяхъ отразили сердце нашего народа. Въ нихъ есть и то, что составляетъ сущность поэта, есть и то, что въ поэтѣ мы предпочитаемъ колориту нравовъ

мѣста и времени, есть и то, почему Кохановскаго поставили выше Рея, Клѣновича, итеперь ставимъ его выше Шимоновича.

Неужели мы хотимъ отнять названіе поэта у послѣдняго? о нѣтъ, никогда! во многихъ уже мѣстахъ мы узнали высоко-прекрасное въ его произведеніяхъ, чудно возвышенный лиризмъ, художественное изученіе и усвоеніе себѣ красоть классическихъ, способность владѣть польскою риемою съ истиннымъ изяществомъ, легкостію и гладкостію, — но говоря о Шимоновичѣ, какъ о поэтѣ идиллическомъ, а въ слѣдствіе этого (какъ мы того желали) народномъ, мы не можемъ довольствоваться или слишкомъ возвышеннымъ и заимствованнымъ, или излишне грубымъ и непоэтическимъ колоритомъ его сельскихъ картинъ. Отъ такого пѣвца, какъ Шимоновичъ, мы вѣравѣ бы ожидать полнаго очарованія, и самая эта взыскательность наша доказываетъ, что мы считаемъ его способнымъ къ разрѣшенію самыхъ высшихъ задачъ искусства, что мы считаемъ его поетомъ. Да, Шимоновичъ былъ поетомъ знаменитымъ, но не пророкомъ (*wieszczem*), онъ былъ живописецъ, но не бардомъ своей земли.

Къ идилліямъ его принадлежать такъ называемыя *Эпитафіи*; это басни въ родѣ Федра и Эзопа, въ родѣ *эпитафіи* различнымъ животнымъ. Къ польскимъ его произведеніямъ этой эпохи принадлежитъ *Элеія на погребеніе Софіи Сьняеской* (1617), о которой упоминаетъ Вишневскій; а къ латинскимъ драма *Пантезиля* (1618), эпизодъ изъ Троянской войны, не чуждый достоинствъ, но въ немъ мало дѣйствія и драматическаго движенія, а много подражательныхъ классическихъ умствованій. Это произведеніе Шимоновича было переведено въ сваяч. Ксаверомъ Зубовскимъ; этотъ переводъ издавъ былъ въ Варшавѣ въ ис-

ходѣ прошедшаго вѣка (1778). Пантезилю, Шимоновичъ посвятилъ своему прежнему питомцу Томѣ Замоискому, который въ то время былъ Кіевскимъ воеводою; въ посвященіи, съ тою короткостію, на которую имѣлъ полное право прежній наставникъ, Шимоновичъ называетъ его по прежнему *несравненнымъ юношею* (juvenis incomparabilis). Два года спустя, по случаю брака того же Тома Замоискаго съ Екатериною Острожскою, онъ написалъ ему прекрасную латинскую оду. (Замостье 1620 г.).

Мы сказали, что латинскія стихотворенія Шимоновича приобрѣли ему европейскую славу; приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ того сочувствія и уваженія, какое питали къ нему знаменитѣйшіе заграничные ученые. Іоахимъ Морсіи въ 1619 г. въ *Лейденѣ* издалъ стихотворенія Шимоновича подѣ названіемъ *Златыхъ* (роешата aurea); Юстъ Липсіи, оракуль современныхъ ученыхъ Европы, писалъ къ нашему Шимоновичу: «Твое стихотвореніе *Картины залы въ Замостьѣ*, ей ей, достойны возбуждать зависть лучшихъ поэтовъ древности; такъ оно прекрасно, такъ вѣетъ отъ него сладостію Катулла, такъ чудно видѣнъ въ немъ духъ и форма древности. Понстий между поэтами Европы, которыхъ число столь велико, какъ рой пчелъ, по моему мнѣнію, мало, очень мало такихъ, которые бы писали такъ прекрасно-какъ ты». Петръ Бель, Французъ, авторъ историко-критическаго словаря, осыпаетъ Шимоновича громкими похвалами; Георгій Дуза, сынъ извѣстнаго французскаго гуманиста и поэта, описывая отцу свое путешествіе въ Константинополь доносить ему, что въ Львовѣ онъ познакомился и сдружился съ Шимоновичемъ,—отецъ отвѣчалъ ему такъ: «Ты неповѣришь сынъ мой, съ какимъ удовольствіемъ читалъ я ту часть твоего письма, гдѣ ты хвалишься не только расположеніемъ къ

«тебѣ, но и дружбою несравненнаго мужа Шимона Шимоновича.... До болѣе благопріятнаго времени, я откладываю обязанность отъ себя написать къ Шимоновичу, котораго я почтилъ уже и которому удивлялся въ его сочиненіяхъ, «а особенно въ *Aelinoraean'u* и въ пиндарическихъ одахъ, «въ парафразѣ Толля, и другихъ его сочиненіяхъ, которыя «теперь такъ славны». Въ послѣдующее время Аніолъ Марія Дурини, Анкиранскій архіепископъ и папскій нунцій при польскомъ дворѣ, былъ столь пламеннымъ читателемъ латинской музы Шимоновича, что въ 1771 г., издавая его *Геркулеса* и *Картинны* на ряду съ стихотвореніями іезуита Раймунда Цуниха, въ честь его написалъ нѣсколько одъ и эпиграммъ, прося Нарушевича и Минасовича содѣйствіемъ въ дѣлѣ прославленія своего геніальнаго соотечественника. Дурини неудовольствовался этимъ: въ 1772 году, онъ издалъ полное собраніе латинскихъ стихотвореній Шимоновича, съ описаніемъ его жизни, свидѣтельствами знаменитыхъ мужей и множествомъ стихотворныхъ похвалъ. Эта прекрасная дань Дурини нашему отечеству и литературѣ носить заглавіе: *Вѣнца стихотвореній вѣчной памяти Симона Шимоновича Бендонскаго* (*Wianka wierszów wiekuistej pamięci* и т. д.) и служитъ единственнымъ польскимъ собраніемъ латинскихъ стихотвореній Шимоновича, которые при жизни его выходили отдѣльно.

Что касается польскихъ его сочиненій, то они вначалѣ издаваемы были особо, а потомъ, какъ мы выше сказали, въ 1614 году вышла полнымъ собраніемъ въ Замостьѣ въ тип. Мартина Ленскаго, вслѣдъ за тѣмъ имѣли еще семь изданій, какъ отдѣльно, такъ и въ собраніи другихъ польскихъ идилій. Г. В. А. Мацеёвскій намѣренъ обнародовать въ примѣчаніяхъ къ своей *Литературѣ* не изданное до

сихъ поръ стихотвореніе Шимоновича подъ заглавіемъ *Лира рокошанская*. (Lutnia rokoszanka).

Шимоновичъ скончался въ 1629 г. Латинская эпитаѣя, какую сочинилъ ему его родственникъ Васперъ Сольскій, записана у Старовольскаго, а Красицкій и другіе приводятъ ее полатынѣ. Изъ нея мы узнаемъ о многостороннихъ познаніяхъ Шимоновича въ другихъ наукахъ, кромѣ поэзіи. Здѣсь мы приводимъ переводъ этой эпитаѣи прозою, придерживаясь текста гг. Балинскаго и Липинскаго въ ихъ *Древней Польшѣ* (т. II, стр. 798—9).

«Здѣсь лежитъ Шимонъ Шимоновичъ, на котораго  
 «музы излили всю свою сладость; пѣсню свою съ горь  
 «сводилъ онъ дикіе ясны, и сладкая рѣчь текла изъ его  
 «устъ. Не тайною для него было все то, чему учитъ Боже-  
 «ственное писаніе, что воспѣваетъ хартія священнаго пра-  
 «восудія; онъ разумѣлъ теченіе звѣздъ, плавающихъ въ  
 «воздухъ, понималъ то, чему учитъ мудрый Гиппократъ.  
 «Любимый и уважаемый мужами знаменитѣйшими, онъ по-  
 «могалъ имъ своею мыслию и здравымъ совѣтомъ. Янъ За-  
 «мойскій! онъ нѣкогда былъ тебѣ прекрасною отрадою, и  
 «предметомъ твоей любви. На лоно его ты положилъ всю  
 «твою довѣренность, онъ твоему сыну Томѣ далъ вкусить  
 «сладость наукъ. Достойные мужи, вы нѣкогда оба жили  
 «въ этихъ мѣстахъ, и теперь послѣ блаженной кончины по-  
 «коитесь въ одномъ домѣ. О сердца смертныхъ! не возды-  
 «хайте къ величію, слава—ничто, ничто всѣ ваши богат-  
 «ства».

Извѣщенные сладостной риемой Шимоновича, мы не охотно обращаемся къ другимъ современнымъ поэтамъ, которые не могутъ равняться съ нимъ ни воображеніемъ, ни благозвучіемъ стиха, ни чистотою и изяществомъ слога. Однако въ числѣ этихъ второстепенныхъ поэтовъ болѣе

внимательнаго разсмотрѣнія заслуживаетъ лице *Станислава Тарю Витковскаго* Мазовшанина, таможеннаго сборщика податей въ Ломжѣ, искуснаго политика, знатока языковъ латинскаго, греческаго и французскаго, который незаконнымъ таможеннымъ сборамъ, противъ которыхъ онъ написалъ хорошую книгу *о чрезвычайныхъ сборахъ*—предпочиталъ добровольное убожество, въ которомъ жилъ и умеръ. Его поэтическія произведенія не славятся художественною отдѣлкою, напротивъ предзнаменуютъ эпоху близкую къ упадку вкуса; но представляютъ вѣрную картину нравовъ, и могутъ служить матеріаломъ для изображенія прошедшаго. Исчислимъ эти сочиненія приводя изъ нихъ нѣкоторые отрывки.

Къ слабѣйшимъ произведеніямъ Витковскаго причислить можно: *Духовный сонъ въ день Рождества Христова* (Краковъ 1609) характеризующій тогдашнюю эстетику іезуитскихъ школъ, которыя при своемъ христіанскомъ правовѣрїи, стараясь возвратить умы къ древнимъ жертвнымъ источникамъ, въ поэзіи воздавали почти фанатическое почитаніе древнимъ богамъ Олимпа. Это религіозное и мнимо древнее направленіе поэзіи, въ произведеніяхъ іезуитовъ и ихъ питомцевъ часто подавало поводъ къ совокупленію предметовъ и лицъ, которые никогда бы не должны были встрѣтиться. Здѣсь напр. у Витковскаго Геликонскіе музы лично приходятъ отдавать честь Христу, новорожденному младенцу. Не выше по своимъ достоинствамъ стоитъ произведеніе Витковскаго *Златая вольность коронная, служащая сеймамъ и свѣздамъ на вѣчныя времена* (Краковъ 1609), писанное по поводу рокоша Зебржидовскихъ, изъ котораго видно, что поэтъ держался стороны королевской; въ образецъ его слога приведемъ картину польскихъ нарядовъ.

«Niebywało u przodków waszych takich strojów, <sup>1</sup>  
 «Takich łbów wygolonych, tak wymyślnych krojów,  
 «Szaty w nich bywały niezbytne karwatki,  
 «Kamizela, sajanu nie długie kabatki.  
 «Trzymali się ochopniów, żupic, kopieniaków  
 «Telejów i kaftanów i szarych giermaków  
 «Ale czasy dzisiejsze zbytek zagęściły  
 «I was wielu strojami prawie zniewieściły.  
 «Już dziś nie znać Polaka, Włochy, Francuzowie,  
 «Wszędzie w dworach książęcych zginąć Polskiej mowie,  
 «Zginąć i zwykłym strojem, bo dziś *stradyoty*.  
 «*Rubany*, także kapy z złotemi farboty,  
 «*Saltebrety*, *kolety* i insze wymyśli,  
 «Owo zgoła do Polski cudze stroje przyszły,  
 «Więc na szyję łańcuchow, na ręce pierścieni,  
 «Z dyamenty, z szafiry w zaponach kamieni,  
 «Drogich tak wiele nakładł że się od nich świeci,  
 «Zkąd tem więcej zła pycha, tu się w Polsce nieci.  
 «Nuż owe Hybercuchy, pończoszki jedwabne,  
 «Naktóre ludzie młode widzim dzis tak wabne,

<sup>1</sup> *Переводъ* «У вашихъ предковъ небывало такихъ нарядовъ, такихъ галуновъ, такихъ изысканныхъ покрововъ, одеждоу у нихъ были не дорогія карватки, камзолы, сајаны (древнее воинское одѣянье) не длинными фуфайки, они охотнѣй носили жупаны, плащи, телны, кафтаны и сѣрны германы, но времена настоящія умножили роскошь, и множествомъ нарядовъ васъ уподобили женамъ. Теперь уже не узнать Поляка, Итальянца, Француза, ведьъ при дворахъ княжескихъ выходитъ изъ употребленія польское слово, уничтожены старыя одежды, ихъ заливаетъ теперь *страдыоты* (*stradyoty*), *рубаны* (*Rubany*), спанчи съ золотыми бахрамами, *салтебреты*, (*saltebrety*), *колеты* (*kolety*) и другія выдумки; такъ въ Польшу проникли со всѣмъ чужіе наряды, и на шею надѣваютъ цѣпи, на руки кольца съ алмазами и сапфирами, въ запястьяхъ много камней дорогихъ, онъ въ нихъ сіяетъ, и это еще болѣе усиливаетъ въ Польшѣ глупую гордость. И вотъ эти изборухи, шелковые чулки, на которые такъ падки теперь молодые люди, что болѣе женщинъ нестроятся и наряжаются, безъ всякаго стыда; знать и

«Ze się niż bjałogłowy więcej prtrzą i stroją,  
 «Bez wszego w stydu, znać się i Boga nieboją.  
 «Niechaj Pan dziś przystrzyże włosów choć na palec,  
 «Patrzajże, alić jutro nasz bucny zuchwalec,  
 «Ledwo dziesiątek włosów dał na łbie zostawić.  
 «Chlubiąc się stąd, aby miał co dobrego sprawić;  
 «Da sobie pan ukroić szatę za kolana,  
 «A nuż do samej ziemi, już celuje pana, —  
 «Pan nosi u szaty swej kołnierz napółłokcia,  
 «Z dwu łokiet jeszcze mały na naszymgo nokcia.»

Витковскій, какъ мы уже сказали, приверженецъ и читатель Сигизмунда III, воспѣвалъ его воинскія дѣянія въ стихотвореніяхъ: *Славянская Сафо о громомасной Смоленской побѣдѣ* и *Ванда о благополучномъ возвращеніи Ею К. Величества* (оба въ Крак. 1611). Живо принималъ къ сердцу событія тогдашней политики, чему докательствомъ служатъ: *Коронное предостереженіе настоящимъ плачевнымъ временамъ* (1613), *Стихотвореніе о пораженіи подъ Цезаромъ* и *Побужденіе людей воинственныхъ*, писанное подъ впечатлѣніемъ страха Турокъ, каковымъ объята была вся Европа и Польша предъ Хотинскимъ пораженіемъ. Здѣсь онъ громитъ внутренніе безпорядки Поляни.

«Akteonów myśliwych dziś w Polsce nie mało, <sup>1</sup>  
 «Psy karmiąc, nędznych ludzi siła zumierało,

Бога они не боятся. Пускай вельможа обрѣжетъ у себя волосъ хотя на одинъ дюймъ, смотри завтра самый пустѣйшій хвастунъ едва десятокъ волосъ у себя на лбу оставитъ, гордась этихъ какъ чѣмъ-нибудь хорошиитъ; господинъ прикажетъ себя сдѣлать платье ниже колѣнъ, а онъ до самой земли, чтобы превзойти господина, — нашь при своей одеждѣ носить воротникъ въ поллоктя, а для нашего подражателя малъ и изъ двухъ локтей.»

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Актеоновъ, охотниковъ много теперь въ Польшѣ, они кормятъ собакъ, а людей бѣдныхъ умерло не мало, вездѣ этихъ догочниковъ, борзыхъ, своръ довольно, также и летучихъ: истребовъ



«Wszędzie onych doskoczków, chartów i ogarów,  
 «Dosyć także latawców, pieszczochów, pożarów,  
 «Onych wyźłów, jastrzębów, rągów, sokołów,  
 «Krogulców i drzemlików, także białozorów  
 «Chowają z mielkim kosztem więcej niż potrzeba,  
 «Gumny psy wytrawiwszy pożyczają chleba.  
 «Więcej ptaków po kojcach, więcej psów na dworze,  
 «Niżli kur, a niż gęsi, niż bydła w oborze.  
 «A co większa zła rokosz zbytek ustroiła.  
 «W picciu, w Polsce niektórym kufel przuprawiła  
 «Do gęby....»

Въ стихотвореніи *Скитающееся соллацие* (Брак. 1605),  
 которое переведено или лучше составлено по образцамъ гре-  
 ческимъ, онъ такъ изображаетъ роскошь въ нарядахъ.

«Już dziś falendysz u dworów niewzięty,  
 «Chudy pacholik, chce zrównać z panięty,  
 «Chodzi w atłasie, część świetnym Telecie.  
     «Pustki w kalecie  
 «Złotogłową nić to sprawić szatę,  
 «Niepomni chudziec na próżną utratę,  
 «Niepomni jako przodek jego chodził  
     «Dóbr swych nieszkodził.

---

балабановъ, соколовъ, вороновъ, щегленковъ, большихъ соколовъ,  
 всѣхъ ихъ содержать съ великими издержками, гуна пустяютъ отъ  
 собакъ, они одни сѣдаютъ весь хлѣбъ; болѣ птицъ въ клеткахъ, болѣ  
 собакъ на дворѣ, чѣмъ куръ, гусей и скота въ стойлѣ. А что еще  
 больше, злая роскошь родила излишество въ нитѣ, которое для не-  
 которыхъ въ Польшѣ сдѣлалось необходимымъ.»

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Теперь уже равендузъ при дворахъ не въ модѣ, бѣдные  
 дѣтина хотятъ равняться съ господами, ходятъ въ атласъ, часто въ  
 драгоценномъ толетѣ, а въ кармазѣ пусто.

Шить парчевую одежду ничего не значить, не поинить бѣдникъ  
 напрасной потери, не поинить, какъ ходилъ его предокъ и не трагилъ  
 по пусту свое нитице.»

«Który karwatkę choć z sukna prostego,  
 «Nosił nasobie jak co kosztownego,  
 «Ochraniając jej albo łosią szkórę —  
     «Niepiął się w górę.  
 «Już to pan zasny onych czasów bywał,  
 «Który Morawski z stroką giermek miewał». i t. d.

Другія поетическія произведенія Витковскаго имѣють содержаніе нравственное или религіозное, какъ то: *Анофемата, или замысловатые рассказы изъ книгъ Плу-тарха* (1615); *Знамя христіанскаго воина* (Варш. 1626); *Стихотвореніе о картинь Анца Божія* (Яросл. 1626 г.) и т. д.

Современникъ Витковскаго *Петръ Горчинъ* если не превзошелъ его поетическимъ талантомъ, то, по крайней мѣрѣ, важностію тѣхъ лицъ, въ честь которыхъ онъ писалъ; и выборомъ предметовъ общественнаго интереса, которые занимали всю Польшу. Его *Роеан, то есть благородное пльіе Сарматскихъ Каменъ* (Кашоен) о счастливомъ возвращеніи князя *І. О. Самуила на Корцъ* (1618), не былъ лестною жертвою магнату, столь обыкновенною въ эпоху, о которой мы теперь говоримъ, но дѣйствительнымъ органомъ радости цѣлаго народа о возвращеніи отъ Турокъ, мученика турецкой жестокости, былъ эхомъ всеобщаго сочувствія къ его страданіямъ. Не пошлая лесть вдохнула поэту слѣдующее, напр., обращеніе къ *Корецкому*.

«Witaj panie znamienity! <sup>1</sup>

«Zwycięzco niepospolity,

---

Который верхнее платье носилъ изъ простаго сукна, сберегая ее какъ что-нибудь драгоцѣнное, носилъ лосевую кожу — и не старался казаться не гнѣзъ, что онъ былъ.

Тотъ въ то время бывалъ важнымъ уже баринонъ, кто нѣлъ моравскій германъ съ кожей и т. д.»

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Здравствуй панъ знаменитый, побѣдитель необыкновенный, господствуй долго въ этой странѣ, а Турокъ пусть сгинетъ черезъ тебя.

«Panuj długo tej krainie  
 «A Turczyn niech przez cię ginie.  
 «Niech Woloszyn swej hardości  
 «Ustąpi, i polskich włości.  
 «Niech Tatarzyn nieplondruje,  
 «Ni sprośny Turczyn wojuje.  
 «Woła cię smutne *Podole*  
 «Woła i w *Pokuciu* pole.  
 «Wszystko pusto: miń podwoje  
 «Polskie; a szerz imie twoje.  
 «Jakoś czynił w czasy one,  
 «Gdyś chodził pod morze słone.  
 «Kiedy staniesz na granicy  
 «Zadrżą wszyscy przeciwnicy!  
 «I na sercu swem zemgleją,  
 «Co się dziś karmją nadzieją.»

Другое стихотворение Горчина подъ заглавіемъ: *Ревнитель польской короны противъ испорченныхъ нравовъ* (1618) при патриотизмъ своего содержания имѣеть мѣста необыкновенныя по красотѣ поэтическаго исполненія. Татаринъ ежегодно нападаетъ на Польшу проливая и распространяя зарево пожаровъ, поселянинъ стонетъ въ угнетеніи, а паны роскошествуютъ, содержатъ толпы праздныхъ служителей, ссорятся съ сосѣдями; вотъ содержаніе: *Ревнителя* (Zelus) поэтъ обращается къ Богу, въ которомъ одномъ только надежда.

---

Пускай Валахъ оставитъ свою гордость и польскія области. Пускай татаринъ не грабитъ, и святотатственный Турокъ не воюетъ. Зоветь тебя печальная *Подолія*, зоветь въ *Покучь* поле. Вездѣ пусто. Оставь польскіе предѣлы; и распространяй славу твоего имени, какъ ты это дѣлалъ въ то время, когда ходилъ къ соленому морю. Когда станешь на границѣ задрожать всѣ противники! И ослабѣютъ сердца тѣ, которые теперь питаются надеждою.»

«O Prawodawco! świętobliwy Panie, <sup>1</sup>  
 «Wejrzyj swem okiem w nasze utrapienie,  
 «A z nas złożywszy te ciężkie kłopoty  
 «Wróć nam wiek złoty.»

Другое произведение Горчина, написанное въ формѣ разговора, подъ заглавіемъ: *Скорбная разлука* и т. д. на смерть супруги Самуила Корецкаго, Екатерины, дочери Іереміи Моги-лы, кажется намъ менѣе поэтическимъ, чѣмъ другія его стихотворенія. Впрочемъ, Горчинъ, не слишкомъ добросовѣстно цѣня чужую литературную собственность, любилъ иногда передѣлывать по своему болѣе хорошія стихотворенія другихъ поэтовъ, а особенно Яна Кохановскаго. Докажемъ то, что мы сказали: Кохановскій въ своей *Сатирѣ* говоритъ о роскоши:

«Kto da pięćdziesiąt potraw, on da tyle troje, <sup>2</sup>  
 «Ty go upoisz, a on i woźnice twoje,  
 «Ty w gysiu, on w sobolu...»

Горчинъ въ *Завистникѣ*

«Sto dasz połmisków, on da tyle twoje, <sup>3</sup>  
 «Ty go narpisz, on woznice twoje,  
 «Ty dasz pachółkom kuny, on da gysie.»

Кохановскій (Книга II Пѣснь V) говоритъ о польскихъ дѣвахъ, уведенныхъ въ татарскую неволю.

<sup>1</sup> *Переводъ.* «О законодатель! Святый Господи, возри твоими окомъ на наши бѣды и спявь съ насъ эти тяжкія заботы, возврати намъ вѣкъ золотой.»

<sup>2</sup> *Переводъ.* «Кто-нибудь дастъ пятьдесятъ блюдъ, а онъ втрое, ты его напоишь, а онъ и твоего возницу, ты въ рысей шубѣ, а онъ въ со-больей...»

<sup>3</sup> *Переводъ.* «Ты дашь сто блюдъ, а онъ втрое, ты его напоишь, а онъ и твоихъ возницъ, ты слугамъ дашь куньи, а онъ рысей шубы.»

«Сóгы szlacheckie (zał się Panie Boże),<sup>1</sup>  
«Psom Bissurmańskim brzydkie ściela, łoże.»

Горчинъ въ *Завѣстникъ*

«Drugie w dalekie zaprzedane kraje,<sup>2</sup>  
«Opłakiwając nasze złe zwyczaje  
«Psom bisurmańskim ścielą brzydkie łoże,  
«Pozał się Boże!»

Бохановскій въ XIII элегїи взываетъ къ умершей дочери:

«Moja wdzięczna Urszulo, bogdaj ty mnie była<sup>3</sup>  
«Albo nieumierała lub się nierodziła.»

Горчинъ въ *Разговоръ* на смерть Корецкой, въ уста сиротки (элегїя III) влагаетъ слѣдующія выраженія.

«O moja wdzięczna matko! bogdaj ty mnie była<sup>4</sup>  
«Albo nieumierała lub mię nierodziła.»

Мы могли бы привести болѣе подобныхъ цитатъ, но и то, что уже сказано нами достаточно доказываетъ литературное присвоеніе Горчина.

По порядку нужно обратить наше вниманіе на латинскія стихотворенія ученаго мужа, Варминьскаго канонника, *Тома Третера*; онъ писалъ стихами: *Картины Папъ* (Pontificum Romanorum Effigies, Римъ 1580); *О жизни и чудесахъ св. Бенедикта*, *Картины Римскихъ Императоровъ*

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Дочери шляхетскія (Господи смался надъ нами) несають бусурманскииъ стелють скверное ложе.»

<sup>2</sup> *Переводъ.* «Другіе проданныи въ далекія страны, оплакивая наши злые обычаи, несають бусурманскииъ стелють скверное ложе, (Господи смался надъ нами).»

<sup>3</sup> *Переводъ.* «Прекрасная моя Урсула, гускай бы ты лучше или не умерла, или не родилась.»

<sup>4</sup> *Переводъ.* «О! моя мать прекрасная! лучше бы ты или не умерла, или меня не родила.»

Romanorum Imperatorum Effigies, Римъ 1583); *Представленіе добродѣтелей кардинала Гозіа* (Theatrum virtutum Cardin: *Hossii*, Римъ 1588); *Оды* и т. д. Онъ зналъ равноравное искусство и свои произведенія украшалъ равиорами на иѣди.

*Станиславъ Серафимъ Ягодыньскій*, принадлежитъ къ азряду остроумнѣйшихъ стихотворцевъ того времени. Какъ придворный Сигизмунда III и Владислава IV, онъ переводилъ съ италіанскаго для придворнаго театра драматическую нецѣпность подъ заглавіемъ: *Спасеніе Руиера съ острова Альцины* (Брак. 1628), о которомъ мы скажемъ когда будемъ говорить о театрѣ; но что наиболѣе характеризуютъ сторону таланта Ягодыньскаго, это его легкія стихотворенія, какъ *Грошиъ подъ защитою и украшенный крыльями орла сіятельныхъ князей Радзивилловъ* и т. д. Grosz pod zastoną i ozdobą skrzydeł krola ptakow orła I. O. Książąt Radziwiłłów, Бракъ 1620) Сатира на алчность, эгоизмъ и лихоимство, эпиграммы подъ заглавіемъ: *Мясопустныя маски и пепельная колода изъ Парнаса* (Maszkary mięsopustne, przytem kłoda popielcowa z Parnasu), и такъ называемыя *Дворзанки*, подражаніе польскія и латинскія мелкія стихотворенія Мухоманскаго. Въ образецъ приведемъ одну изъ эпиграммъ.

«Wszyscy dzisiaj w maszkarach, żaden w swoim stanie, <sup>1</sup>

«Żaden w swojej personie kontent nie zostanie.

«Maszkarami bawią się grody i narody,

«Aby błędy pokryli jak trądy i wrzody.—

«Hiszpani swe łakomttwo wiary pomnożeniem,

«Cieleśność pokrywają, Włoszy przyroddeniem —

<sup>1</sup> *Переводъ*, «Всѣ теперь въ маскахъ, никто своихъ состояніемъ и своею личностію не остается доволенъ. Маскарадами забавляются города и народы, чтобы покрыть свои недостатки, какъ проказы и вередъ: Испанцы прикрываютъ свое сластолюбіе умноженіемъ вѣры, Италіанцы

- «Pijaństwo Niemcy mężstwem, Polacy ludzkością,  
 «Węgry zowią defekty w ubiorach skromnością.  
 «Owo i pospolitych i w sprawach każdego,  
 «Wszystko dzisiaj maskary niemasz nic szczerego.»

Ягодынскому приписываютъ переводъ *Торжества Любви* изъ Петрарки, стихотворенія, которое и до сихъ поръ находится въ рукописи (см. *Различныя сочиненія издаваемая Т. Д. въ Вильнѣ стр. 116*); переводъ этотъ не принадлежитъ къ роду тѣхъ, которые составляютъ эпоху въ литературѣ, но заслуживаетъ однакоже вниманія по гладкости стиха и чистотѣ языка. Приведемъ здѣсь сонетъ, посвященный переводчикомъ королю Владиславу IV.

- «Tryumf miłości w Polski *kopieniak* ubrany, <sup>1</sup>  
 «Za twojem rozkazaniem o gwiazdo zimnego  
 «Trionu, tu przywiódłem, do proggu twojego,  
 «Zewleczony z Tuskańskiej ślicznej Palandrany.  
 «Wprawdzie prostem przejmowan piórem, niezrównany.  
 «Ow Apollo odemnie Parnassu Włoskiego;  
 «Tyś mi sam ducha dodał żem się ważył tego,  
 «Aby był teraz do nóg twych ofiarowany.  
 «Masz konie, wóz, orężę, postrzały i konie,  
 «Masz brańce, masz i pęta łańcuchy, okowy,  
 «Forteln i przebiegi, uchody i kraje;

чувствѣнность природою, — Намъи пьянство мужествомъ, Поляки гостеприимствомъ, Венгры недостатокъ въ уборахъ называютъ скромностію; какъ въ дѣлахъ общественныхъ, такъ и въ частныхъ все стало наскарадомъ, ничего нѣтъ искреннаго. »

<sup>1</sup> *Переводъ.* По твоему повелѣнію, звѣзда холоднаго тріона, покинувъ даже прелести тосканской Паландры, и привелъ сюда, къ твоему порогу, торжество любви, одѣтое въ польскую опанчу.

Понимай у меня не достаеъ силъ даже подражать Аполлону италіанскаго парнасса; но ты самъ меня ободрилъ настолько, что я осмѣлился предстать жертвою передъ тобою.

Есть у тебя кони, колесница, оружіе, стрѣлы и копья, есть пути, дѣян и омовы, хитрости, промски и убѣжище.

«I wszystko czem Miłości słynie Król surowy,  
 «I boski i też ludski rodzaj zhołdowany.  
 •Szczęśliwa Laurol przez cię taki Tryumf wstaje.»

*Ахавый Кмита*, хотя и не обладалъ высокимъ поэтическимъ талантомъ, но заслуживаетъ однако вниманія, хотя по плодovitости своей музы, и по нѣкоторымъ правоописательнымъ подробностямъ, которыя можно найти въ его сочиненіяхъ. Отличительную сторону Кмиты составляетъ его ненависть къ Евреямъ, съ которыми авторъ, по должности чиновника соляныхъ копей Бохніи, долженъ былъ имѣть частыя сношенія, и за ихъ обманы мстилъ имъ страннымъ способомъ — стихами. Стоитъ вспомнить слѣдующія его сочиненія въ этомъ родѣ: *Процессъ Боженскаго дѣла о Таинствѣ*; *Ein sendt Brief или письмо польскихъ Евреевъ къ Мессіи*; *Новый Иерихонъ*; *Воронъ въ золотой клѣткѣ*; *Плачь жидовъ, изнанныхъ изъ Бохніи* и т. д. Другія его произведенія суть: *Спитамегиномахія*, забавная поэма о войнѣ карловъ съ журавлями (Крак. 1595); *Пенелопя* (Крак. 1610), *Фениксъ*, *Зерцало Польской короны*, *Мороцозмелъ Бабинская*, стихи брачныя, надгробныя и т. д. болѣе счастливъ онъ въ своихъ переводахъ: *Троеборство Горациевъ съ Куріаціями* (Крак. 1594); *Переводъ XIII книги Энеиды* и т. д. Въ образецъ того, какъ Кмита стряпалъ стихи, приведемъ начало изъ стихотворенія *Мороцозмелъ*, содержаніе котораго рассказано нами выше (т. I. стр. 367), вотъ происхожденія названія *Бабинская*:

«Więc i ja o Babińskiej wspomnę znamienitej <sup>1</sup>  
 «Kongregacyi, albo Rzeczypospolitej,

И все, чѣмъ обладаетъ Богъ любви суровый, и родъ боговъ и людей тебѣ покоренъ. Счастливая Лаура! тебѣ принадлежать это торжество.»

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Ну такъ и я вспомню о знаменитой Бабинской конгрегациі или Республикѣ, которую отъ давнихъ лѣтъ уже основала, для



«Ктórą tam oddawnych lat kiedys fundowano,  
 «Na co prawa porządne od tej braciej дано.  
 «*Babin* od baby rzeczon kтórą więc siadała  
 «Przy drodze, i pstre gościom żarty przedawała.  
 «Jaka jest w Moskwie kędyś co ją złotą zową,  
 «Kтórą, dziś Moskwa chwali i biją jej głową,  
 «Była też taka w Czechach, co Czechom wrożyła,  
 «Gdy na wojnę do Polski zwada icch wabiła:  
 «Chcáli mieć szczęście żeby osła wprzód zabili,  
 «A z niego jej ofiary w polu uczynili;  
 «I tak Czechowie osła na jej słowo zjedli:  
 «Szlązacy łeb z uszyna, Polski nieosiedli.  
 «Otoz macie Babią rzecz kтórzy im wierzycie,  
 «Co komu baba powie ługiem pozłocicie.»

Юшинскій изъ рукописей Бржозовскаго приводитъ забавный анекдотъ о Евреѣ, котораго кто-то пугалъ сочиненіями Бмиты, небезопасными для Евреевъ въ Польшѣ, жидъ отвѣчалъ: «Милостивый государь! Еслибы жида имѣли такой же кредитъ въ Польшѣ, какъ сочиненія Бмита, то ихъ давно бы уже не стало.

Откладывая имя Петра Кохановскаго до того мѣста, гдѣ мы будемъ говорить о переводчикахъ, мы охотно готовы заняться простыми изслѣдованіями о *Васперь Мясковскомъ*, чтобы отдохнуть послѣ многотруднаго исчисленія именъ мало

---

которой ладаны прекрасные законы этою братією. Бабинъ, названъ такъ отъ Бабы, которая садилась при дорогѣ и ворожила гостямъ. Такая есть въ Москвѣ, гдѣ зовутъ ее золотую, и которую Москва хвалитъ и бьетъ ей челомъ; была такая же и въ Богеміи, которая гадала Чехамъ, когда споры ввели ихъ на войну съ Польшей: хотѣли ли они имѣть удачу, пусть убьютъ осла, и въ полѣ совершатъ изъ него жертвоприношеніе ей; но Чехи съѣли осла по ея приказанію, Силезии голову съ ушами, а Польшей не овладѣли. Вотъ Бабье дѣло: осолотите ихъ, вы, которые вѣрите предсказаніямъ.»

заслуживающихъ вниманія, и чтенія стиховъ непріятныхъ для слуха, холодныхъ для сердца. Нѣжный и сладкій поэтъ, Касперъ Мясковский, поэтъ, которому потомство до сихъ поръ не отдало еще должной справедливости, примирить насъ на время съ трудностію нашего долга.

Въ правѣ ли былъ Гербуртъ, посвящая трудъ свой Мясковскому, поставить его выше Кохановскаго, Рея, выше Виргилія и Горация? безъ сомнѣнія есть и преувеличеніе въ этихъ похвалахъ, но что Мясковский при извѣстныхъ условіяхъ могъ выдержать сравненіе съ этими великими именами, что онъ былъ поетомъ въ истинномъ значеніи этого великаго слова—это неподлежитъ сомнѣнію. Мы сказали, при извѣстныхъ условіяхъ: а подъ этими условіями нужно понимать эстетическія требованія вѣка, въ которомъ онъ писалъ и то направленіе поэтическіхъ и религіозныхъ мнѣній, которое имѣлъ поэтъ. Лиризмъ составлялъ главную сторону Мясковскаго; настраивалъ ли онъ лиру свою на возвышенный тонъ религіознаго гимна, или пѣлъ болѣе простую пѣсню идиллическую, — всѣ его произведенія могутъ соперничать съ лучшими пѣснями Яна. Правда, иногда онъ и утомляетъ насъ длинными припѣвами, но въ каждой строфѣ даритъ за то новою поэтической красотою, иногда не равняется съ Кохановскимъ нѣжностію и чувствительностію, но бываетъ такъ, что и превосходитъ его возвышенностію полета, — Янъ имѣетъ больше значенія, онъ дитя вѣка болѣе свободнаго, кругъ его понятій обширнѣе, шире его горизонтъ. Касперъ, запертый въ тѣсномъ кругу іезуитской религіозности, умѣетъ и тамъ создать для тебя высокую сферу истинной поэзіи. Эти нѣсколько словъ сравненія двухъ нѣжныхъ поэтовъ вытекаютъ изъ того, что условія ихъ поэтической дѣятельности были нѣсколько похожи. Мы представляли уже нашимъ читателямъ поэтовъ изъ раз-

личныхъ слоевъ общества: царедворецъ въ епископскомъ одѣяніи Дантышекъ, веселый гуляка Рей, идеаль сельскаго шляхтича Кохановскій, разсерженный на весь міръ, бѣдный судья еврейскихъ дѣлъ — Клѣновичъ, рыцарь обогранный кровію — Чахровскій, достаточный мѣщанинъ — Шимоновичъ, таможенный приставъ — Витковскій, — должны были непремѣнно кромѣ своей индивидуальности, оставить въ своихъ сочиненіяхъ и клеймо своего званія, потому что взглядъ на вещи, понятія, и даже языкъ различны по различію классовъ общества. Въ Мясковскомъ восхищается насъ то, что мы такъ полюбили въ Кохановскомъ; живая и сердечная вѣра, повѣтческая любовь къ тишинѣ сельскаго уединенія и равнодушіе къ политическимъ событіямъ отечества, непремѣнная въ добромъ гражданствѣ при той формѣ правленія, кака въ то время была въ Польшѣ. Въ Мясковскомъ мы видимъ какъ будто бы повтореніе Кохановскаго, только въ иные времена, при перемѣнѣ условій политическихъ и религіозныхъ понятій.

Мясковскій жилъ и умеръ сельскимъ жителемъ, ненужно повтому въ жизни его искать разнообразія путей, свойственныхъ тѣмъ, которыхъ буря судьбы переноситъ съ одного мѣста на другое, съ одного поприща на другое, отъ приключенія къ приключенію. Родился онъ въ 1549 г. воздѣлывалъ землю въ лѣсистомъ Влощановѣ, потомъ пахалъ «горную пашню» въ селѣ Смогоржевѣ на Силезской границѣ, скончался въ 1622, а тѣло его покоится въ костелѣ села Великій-Стрѣлецъ; вотъ и вся біографія Мясковскаго. Онъ былъ повтомъ; земледельцемъ, шляхтичемъ и католикомъ, за тѣмъ, изучая его сочиненія, будемъ слѣдить за авторомъ въ трехъ его положеніяхъ: подъ домашнимъ кровомъ, — какъ пѣвца села и природы, въ отношеніи религіозномъ, — какъ творца истинно религіозныхъ пѣсней

и гимновъ Богу, наконецъ по убѣжденіямъ политическимъ, какъ поэта гражданина.

Лучше нельзя изобразить Мясковскаго въ его домашней жизни, какъ онъ самъ изобразилъ себя въ стихотвореніи *Влоцлавское Прощаніе*, когда онъ, разставаясь съ своимъ роднымъ уголкомъ, представилъ его со всею искренностію и любовію. Юшинскій, Войцицкій, Вишневскій въ своихъ исторіяхъ литературы не могли не помѣстить вышеупомянутаго стихотворенія въ цѣломъ его объемѣ или только въ частяхъ, такъ оно прекрасно и живописно. Что же касается насъ, то не приводя его слово въ слово, но заимствуя краски у самого же Мясковскаго, изобразимъ въ кратцѣ его уединеніе.

Усадьба въ низменности, значить болотистая; скромный домикъ вмѣсто болѣе пышной кровли изъ драницъ или черепицы, покрытъ соломой. На порогѣ предъ низкою дверью виднѣется прекрасная надпись стихами, что домъ радъ людямъ ученымъ и тѣмъ, «которые срываютъ благовонные цвѣтки на Геликонѣ», «что тутъ радушно принимаютъ людей искреннихъ и добрыхъ, мирныхъ, которыхъ сердце не «пропитано ядомъ, и тѣхъ, которые не выносятъ пустыхъ свѣстей». Усадьба очевидно лежитъ въ низменности, надъ которою господствуютъ окружающіе ее холмы. Изъ-за дома виднѣется зелень фруктовыхъ садовъ, лѣтомъ краснѣющая вишнями; передъ домомъ подобно ковру разстилается цвѣтникъ, свидѣтель вдохновеній, и соучастникъ мечтаній хозяина, неподалеку село, съ жителями котораго помѣщикъ долженъ былъ обходиться по совѣсти и заповѣди Божіей, «не будучи тяжелымъ быкомъ ихъ пауга», если онъ столь искренно съ ними прощался — могила на близкомъ холмѣ, гдѣ почивало его умершее дитя. А человѣческая любовь кругомъ окружала поэта, всѣ умѣли цѣнить доброе

сердце Мясковского. Связи соседской дружбы соединили его съ Станиславомъ Рыбскимъ, который часто приглашалъ г. Каспера или на дружескую вечеринку или на домашній праздникъ, такъ какъ онъ былъ крестнымъ отцомъ его дѣтей. Молился Мясковскій въ храмъ Гомбиньскомъ, гдѣ не смотря на крикливый органъ умѣлъ вознестъ свой духъ при жертвѣ *дрожащей*, гдѣ свещ. Маркъ, не изъ-за десятины земли преданный божественной службѣ, указывалъ ему путь въ небеса, и омывалъ пламенную душу поэта отъ нечистоты грѣховной; съ цѣлымъ Гомбиномъ, и съ окружной шляхтой, онъ былъ въ тѣсной дружбѣ, уѣзжая со всѣми сердечно прощался, съ духовенствомъ и шляхтою, съ мужчинами и женщинами, со всѣми, кто только ему сочувствовалъ и благословлялъ ихъ миромъ, взаимнымъ согласіемъ, желалъ даровъ неба и милой свободы—желаніе достойное гражданина отечества и набожнаго католика, каковымъ былъ Мясковскій. Вотъ какъ онъ срисовалъ себя въ своемъ домашнемъ быту.

Село, природа, удивленіе болѣе чѣмъ городъ располагаетъ къ важнымъ, сердечнымъ размышленіямъ. Село воспитало въ душѣ Мясковского не одну пѣснь, которою по праву гордится наша литература. Пѣсни эти не равняются чувствомъ и свободою съ пѣснями Яна, потому что достойна удивленія та невинная свобода духа, которая даже въ минуту грусти не отступаетъ отъ Кохановскаго; мысль Каспера болѣе важна, учена и философска, болѣе говоритъ уму, чѣмъ всѣ суровые религиозные и политическія размышленія поэта. Свободный Кохановскій проникается селомъ, въ объятіяхъ природы умѣетъ онъ забыть тяжкія горести, задумчивому Касперу каждый образъ природы приводилъ на мысль подобный же образъ изъ нравственнаго міра. Вотъ напр., буря сопровождаемая проливнымъ дождемъ,

видѣнная изъ оконъ мирнаго дома, Кохановскому вдохнула бы только мольбу о помилованіи, тогда какъ уму Мясковскаго она внушаетъ другія мысли (*Въ непогоду*).

«Różany nam wschód skrzydła skrył pogodne, <sup>1</sup>

«I zachod spławił zefiry podwodne.

«A mokry Auster wywarł górne zdroje

«Za łońskie znoje.

«Biegając żartkié ognie chmury krają,

«W straszliwym gromie kiedy winikają,

«Ponawja piorun Tytanów mogliły,

«Ze wszystkiej siły.

«I jużbym wierzył, zaś iż znowu tonie,

«Po nie zmyslionym śwjat Dewkalionie:

«By niepozorna, gdzie deszcz niebo murzy

«Proga na burzy.

«Jeśli nierządu i myśli wysoki,

«Że my niehcemy, płaczą, zaś obłoki,

«Jeśli hamując domowe turnieje;

«Bóg rzeki leje.

«Niezgadnie ani komu bystre oko

«Zliczyło gwiazdy po niebie szeroko,

«Bo minął Arktur i z nim barwy blady,

«Dawno Hyady.

---

<sup>1</sup> *Переводъ.* Багровый востокъ сокрылъ отъ насъ ясна прыля, и западъ выпустилъ зеэировъ подводныхъ, и мокрый Auster пролилъ горные ручьи, за жары прошлогодне.

Быстрые огни на бѣгу разрываютъ тучи когда являются съ громомъ ужаснымъ, сильная молнія освѣщаетъ ногали титановъ.

Я бы вѣрилъ, что миръ снова тонетъ, послѣ потона Девкаліонова, еслибы не было виднаго признака окончанія бурани, тамъ гдѣ дождь небо омрачаетъ.

Если о безпорядкѣ и о томъ, что у насъ нѣтъ возвышенныхъ мыслей, плачутъ облака, если удерживая наши домашнія ссоры Богъ льетъ рѣки.

Не угадаетъ ни даже тотъ, быстрый глазъ котораго соочиталъ звѣзды по небу широкому, потому промельзъ Актуръ, а съ нимъ блдщій цвѣтъ Гиади.

«Kto wie że niżli jako płomień słomę,  
 «Polską umiecie mieczem Bóg Sodomę:  
 «Chcąc ująć pierwej przed plagą obroku  
     «Zadździł w tym roku?  
 «Że rzadki oracz w dziedzinym ugorze,  
 «Do białych śniegów włoki swej doorze,  
 «Rzadkie i ostrym skryją zębem brony  
     «Ziarno w zagony.»

Но не смотря на серьезное настроеніе пѣсней Мясковскаго изъ нихъ изливается что-то такое, что вливаетъ въ сердце сладостную отраду, или снимаетъ съ груди тяжелое бремя. Вотъ въ доказательство два образца изъ стихотворенія подъ заглавіемъ: *Утѣшеніе въ скорби*.

«Ponure serce, skąd mysl niewesoła, <sup>2</sup>  
 «Skrytych frasunków do gromady woła,  
 «Czemu w tak zbytniej adawnej załobie  
     «Niewytchniesz sobie?  
 «Czas oczy łzami zalane ociera,  
 «Czas drzwi do gmachów pociechy otwiera:  
 «A czego w ludzkim nienajdzie rozumie  
     «Długi czas umie.....  
 «Ktoby rozsądził smutek i wesele,  
 «Rzeczce, lamentów więcej żywot ściele:

Какъ огонь поѣдаетъ солому, не хочетъ ли такъ Богъ нечестъ истребить польскій Содомъ, и желая уменьшить наказанія, посылаетъ дождь въ этотъ годъ.

Такъ что рѣдкій пахарь на нашихъ отцовской, до бѣлыхъ снѣговъ, поля свои вспашетъ, рѣдкіе бороны острыми зубами скроютъ зерно въ загоны.

<sup>2</sup> *Переводъ*. Угрюмое сердце, откуда мысль не веселая вымываетъ къ множеству скрытыхъ заботъ, почему ты послѣ столь долгаго, великаго траура не отдохнешь?

Время отираетъ глаза слезами зальтня, время отпираетъ дверь въ храмъ утѣшенія, и чего не найдетъ онъ въ утѣ человѣческой, долгое время все знаетъ.

«Acz rokosz podczas jako krzaczek woście,

«Roży wyroście.

«Bo który język dziwnych przygod tonie

«Wypowie? albo kiedy skore konie

«Nieszczęście puści na kogo: wnet mienie.

«Z wiatrem precz żenie.

«Milczę co potwarz na niewinność kładzie,

«Obłudny jako przyjaciel na zdradzie:

«Co pełne jadu kły, zazdrości moga

«Z paszczką srogą.

«Nicpierwsza tedy moje serce ciebie

«Raniła strzała, a k'temu' Bóg w niebie

«Jeśliż sradz winne, maścią twej pokory

«Bon zgoi chory.

«Nie ten ci żeglarz co płynie powodzie

«Nieporuszonej nie wiatrem w pogodzie;

«Ale kto wały, gdy biją najciężej

«Wiosłem zwycięży.»

Если дѣла обыкновенной жизни могли на такую ноту настроить лиру Мясковского, то сколь торжественны были его *религиозныя* произведенія, составлявшія другую характеристическую черту его таланта. Такъ, его

---

Кто бы разсудилъ грусть и веселіе, тотъ бы сказалъ что скорбей больше въ нашей жизни, хотя удовольствіе иногда бываетъ подобно кусту розъ въ ренейникѣ.

Какой языкъ разскажетъ пути дивныхъ случайностей; какъ напр. если несчастіе пуститъ на кого быстрыхъ коней, его низше вдругъ исчезаетъ какъ въторъ.

Умалчивають о томъ, что планета взводитъ на ковчинность, какъ другъ притворный готовъ на измѣну.

Не моя первая стрѣла равна сердце твое другъ, на небѣ есть Богъ, который за твое смиреніе залочитъ тебя

Не тотъ пореклаватель, кто плаваетъ по волѣ, недвижимый вътронъ въ аскую погоду, но кто волин, когда бьютъ они всего сильнѣе, вселомъ небѣднѣ.



вздохи къ небесамъ—это не звучныя псалмы Бохановскаго, воспѣтыя подъ ноту Давида, это не лернѣй гимнъ Гроховскаго, это не одно изъ произведеній *присылаю* благочестія, которыхъ такъ много появлялось въ эпоху иезуитизма, но глубокая молитва поэта-католика, поэта-гражданина, который душею чувствовалъ небо, достигалъ его вѣщими взоромъ, преклонялся предъ Богомъ, не такъ какъ рабъ Востока предъ своимъ султаномъ, но такъ какъ довѣрчивое почтительное дитя преклоняется предъ отцемъ; открывая предъ Богомъ свои грѣхи и грѣхи своего общества, молился за себя и за своихъ братьевъ. Вотъ въ *Покаянной Элегии* парафразъ псалма 50.

- «Com ja jest? jedno Kaimowe plemię, <sup>1</sup>  
 «Co naprzód skrwawił bratem własnym ziemię.  
 Com ja jest? jedno z liczby jeden onych,  
 «Którzy nieweszli w korab potonionych.  
 «Jam ulic swiadom i rynku *Sodomy*,  
 «Jam wszystkie zwiedził i w *Gomorze* domy,  
 «Jam głównia piekła, jam wieczny grób śmierci  
 «W którym ma robak loch, co duszę wierci.  
 «Od pieluch wiek mój strawiony w nierządzie,  
 «Księgi spraw moich pokażą na sądzie.  
 «Kędyż się skryję przed gniewem twym Panie?  
 «Gdzie mię kaźń sroga twoja niezastanie  
 «Do li ja przed on wieczny tron poniosę  
 «Gdy mię złąd z żenie śmierć jako wiatr rośę?

<sup>1</sup> *Переводъ* «Что я? одинъ изъ племя Каина, который началъ обогрѣлъ землю братнею кровію. Что я? одинъ изъ числа тѣхъ, которые не вошли въ ковчегъ не тонувшихъ. Я знаю улицы и рынокъ Содома, я и въ Гоморрѣ обошелъ все дона, я головня ада, я вѣчный гробъ смерти, въ которомъ живетъ червь, точащій душу. Съ поленомъ моею жизнь проведенную въ безнечности обличать книги дѣлаю мои на судъ. Куда и укроюсь отъ твоего гнѣва Гослоди? гдѣ не застигнетъ меня твоя жизнь жестокая, что понесу я къ тому вѣчному трону, когда смерть отсѣдъ меня пре-

• Daj mi o Panie teraz serce nowe,  
 «A wznowisz mysli na twój głos gotowe.  
 «Mając Twe oko po mych tropach wszędzie,  
 «A Duch Twój święty sam mi wodzem będzie.  
 «Wróc, wróc mi znowu wesołe sumienie,  
 «I wrzuc na grzbiet mój bjałe zaś odzienie.  
 «Zaczem bezpieczny między złemi siędę,  
 «Gdy je nawracać cnym przykładem będę.  
 «Wyrwij mię ze krwi, o mój wybaw Boże,  
 «A język spiewać sądów Twych pomoże.  
 «Otwórz mi nieme wargi wieczny Panie,  
 «Żemi na chwałę Twoją słów dostanie.  
 «I palić będę jeśli chcesz ofiary,  
 «Ale o takie niedbasz Ty wiem dary.  
 «Nad perły i skarb okrągłego świata,  
 «Żal gorzki Tobie najdroższa oblata.»

Скажемъ еще разъ, религіозная пѣснь Мясковскаго, какъ небо отъ земли разнится отъ современныхъ ему мимо набожныхъ произведеній, въ которыхъ нельзя замѣчать не только таланта, но даже здравой мысли, и которые неоднократно своею излишнею набожностію нарушали святыню вѣры. За то Мясковскій не избѣжалъ другаго недостатка своего времени, и даже въ христіански религіозныхъ своихъ произведеніяхъ не могъ отдѣлиться отъ классической

---

гонимъ, какъ гонимъ вѣтеръ росу? Дай мнѣ о Господи теперь сердце новое, и обнови мысли на твой гласъ готовя. Ниша веда възоръ твой на конхъ стезяхъ, духъ Твой святой, самъ возводитъ мнѣ будетъ. Возврати, возврати опять мнѣ советъ веселю, и слова одни мена бѣлю едаждю, послѣ чего я въ безопасности сиду среди аликъ, и буду наставлятъ ихъ честнымъ привяромъ. Исторгии мена изъ крови, небав мена Боже, ланкъ мой суды твои пѣтъ мнѣ поножеть. Отверой явни уста мои вѣчній Боже, чтобы слово наъ достало для прославленіи тебя. И буду жечь я, если захочешь ты жертвамъ, во тебѣ я знаю, не нужим такіе дары, вѣхъ перловъ и сокровищъ міра, горькое поканіе, есть лучшее для тебя приношеніе.

ниологін. Такъ, напр. въ стихотвореніи *Годовица Рокдества Христова* (Rotuły narodzenia Pańskiego), геликонскіе музы поютъ пѣснь у священныхъ яслей Велема; впрочемъ въ этомъ произведеніи поэтъ очень хорошо передѣлалъ четвертую пророчественную идиллію *Виргиля, Pollio*. Вотъ то возвышенное мѣсто, въ которомъ латинскій поэтъ взываетъ къ таинственному младенцу: *At tibi prima puer, etc.* Мясковскій переложилъ это такъ:

«Ziemia w tym dziecię odda dary swoje; <sup>1</sup>  
 «I krętym bluszczem obwodząc podwoje,  
 «Potrząśnie progi twe różnemi ziołki,  
 «Z rumianą różą mieszając fiołki,  
 «Sameć, patrz, stada wesołe z pól hojnych,  
 «Mleko poniosą od owieczek dojnych;  
 «Ani te wilków ani się lwów bojąc,  
 «Acz im kły z paszczek pokazują stojąc.  
 «W kołoc kolebki wznijdą samorodne  
 «Pozorne kwiatki i twej woni godne,  
 «A jadowite skryje ziemia ziele,  
 «I zgubi żądło wąż w przęgatem cieie.  
 «A skoro dójdiesz bohaterów chwały,  
 «I wezmiesz z łukiem ojca twego strzały;  
 «Powoli biały role kłos odzieje,  
 «Jagody ciernie, miodem dąb spotnieje.»

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Земля этому младенцу отдасть свои дары, плющемъ звидлистымъ обвивая двери, усыплетъ порогъ твой разными травами, осыпавъ еялки съ ревою багряной. Смотри, веселыя стада несутъ тебѣ млеко отъ овецъ дойныхъ не боясь ни львовъ, ни волковъ, хотя они и показываютъ имъ свои клыки изъ настей. Вокругъ твоей колыбели взойдутъ самородные цвѣтки, достойные твоего обонянія, а цвѣтныя травы земля сокроетъ, и змѣй потерлетъ жало. А какъ скоро достигнешъ чести героевъ, и съ лукомъ возьмешь стрѣлы твоего отца—полостъ бѣлый поля одыметъ, терніе произраститъ ягоди, дубъ вѣдомъ покроется.»

Въ другомъ собраніи подъ заглавіемъ: *Цвѣтки на качаніе яслей*, Мясковскій то перефразируетъ, какъ, напр., знаменитое *Rorate Coeli* Исаи:

«Skropcie już pola perłową rosą,<sup>1</sup>  
 «Was upragnione zagony proszą.  
 «O! górne zdroje: aż on brzemienny,  
 «Świątym dżdżem obłok strumieniem<sup>2</sup> plenny  
 «Wyleje na świat i zgrzeje ziemię,  
 «A ona spłodzi zbawienne plemię.»

То самъ пишетъ возвышеннымъ слогомъ. Вотъ образецъ.

«Co radość święta i wesele zgodne,<sup>3</sup>  
 «Słów i rzeczy udzieli,  
 «Żebyśmy co umieli:  
 «Spiewajmy Panu, bo niebo pogodne  
 «Wypuściło na ziemię  
 «Wielkiego Boga plemię.»

Пѣснь пѣтая Мясковскимъ, у колыбели Спасителя міра сопровождала его до самой Голгофы. Вотъ духовная пѣснь посящая скромное названіи: *Исторіи раздѣленной на церковные часы* въ которой мы видимъ прекрасную поэму о страданіяхъ Христовыхъ, которая хотя и не равняется въковой Мессіадѣ Клопштока, но тѣмъ не менѣе являетъ въ немъ сердце истинно сочувствовавши Христу, и артиста необыкновеннаго въ своемъ искусствѣ. При соблюденіи простоты, при благоговѣніи ко всѣмъ евангельскимъ выраженіямъ, во сколько *Исторія* эта выше множества часовъ, часиковъ, стаций и безчисленнаго множества стихотворныхъ

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Окропите поля жемчужной росой, васъ молятъ загоны жаждущіе ручья. Когда облако дождемъ святымъ и обильнымъ налетитъ на міръ и согрѣетъ землю, она родитъ спасительное племя.»

<sup>2</sup> *Переводъ.* «Сколько радость священная и мирное веселіе словъ даетъ намъ предметовъ, чтобъ знали мы что-нибудь: будетъ пѣть Господу, потому что ясное небо, высладо на землю, племя Бога Великаго.»

произведеній простаго благочестія! Какоі возвышенный взглядъ на страданія Божественнаго Страдальца! Какое сочувствіе! Приведемъ послѣднее кровавое шествіе Христа со крестомъ.

«Pastwi się ono okrutnych ludzi, <sup>1</sup>  
 «Gdy kat sromotnie przez miasto trudzi,  
 «Pod ciężkim Pana na górze, drzewem,  
 «Nagiąc mu jeszcze ogromnym gniewem  
 «Sam tylko poczet białej płci za nim  
 «Żal swój oświadcza bolesnem łkaniem  
 «Choć Pan hamuje z swojej płacz strony,  
 «I ten słyszaly smętny głos żony:  
 «Obróćcie raczej lament takowy,  
 «Na swe i synów nieszczęsne głowy,  
 «Przyjdą dni kiedy łoża nieplodne,  
 «I piersi będą szczęśliwsze głodne:  
 «A wtenczas będą wołać nagory,  
 «Niech nas przyłoczny pagórek który;  
 «Bo jeśli tak szczer więdnie zielony,  
 «Czego doczeka karcz wywalony?»

Поэтически изображенъ контрастъ Христа въ славѣ и Христа среди страданій и поруганія.

«O jako różny widok *Golgoty*, <sup>2</sup>  
 «Od góry Tabor, gdzie promień złoty,

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Идѣвается око людей жестокихъ, когда палачъ ведетъ чрезъ городъ полъ таинивъ древоиъ Господа на гору, угрожая ему. Сопровождаетъ его только полъ прекрасный, и скорбь свою изъявляетъ жалобами, хотя Господь удерживаетъ плачь и жемъ слышатъ этотъ гласъ печальный: обратите лучше этотъ плачь на головы свои и синовъ своихъ, придутъ дни когда ложе будетъ неплодное, и грудь счастливая будетъ голодная: тогда станутъ взывать къ горамъ, пускай убьютъ насъ заневъ, потому что если такъ увядаетъ отрасль земная, чего дождется кустъ вырванный съ корнемъ.

<sup>2</sup> *Переводъ.* «О какъ различно зрѣлище Голгоетъ отъ горы Фавора, съ лучъ золотой окружилъ Господа съ двумя пророками и въ небѣ загре-

«Otoczył z dwiema Pana Proroki,  
 «I zadrzmiął w niebie on głos wysoki:  
 «Toć to jest plemie jedyne moje,  
 «Z którego płyną wszech pociech zdroje;  
 «Tego słuchajcie.»—a tu nań głową  
 «Bluznierca trzęsie i szczypię mową.  
 «Tam twarz pochodnią gasi słoneczną,  
 «A tu stłuczoną pięścią bezcena:  
 «Tam w szacie nad śnieg, nad mleko białej,  
 «A tu go sinie rzeki polały.»

Другія релігійныя произведенія Мясковскаго, запечатлѣнныя глубокимъ благочестіемъ и высокимъ талантомъ, суть: *Странникъ Пасхальный* и *Покаянная Олеія къ Пресвятой Богородицѣ*. Къ нравственнымъ его сочиненіямъ мы причисляемъ поему подъ заглавіемъ: *Нетерпливый Геркулесъ*, который во второмъ изданіи получилъ титулъ *Славянскаго Геркулеса*. Поводомъ къ написанію этого произведенія было стихотвореніе Феликса Гербурта изъ Добромира, подъ заглавіемъ *Геркулесъ*, въ которомъ послѣдній изобразилъ все теченіе своей жизни домашней и общественной, заключеніе и тѣ гоненія, какія онъ перенесъ во имя добродѣтели, и назвалъ себя Геркулесомъ, дѣлая примѣненіе къ той борьбѣ, какую Альцидъ выдержалъ между добродѣтелью и удовольствіемъ. О *Геркулесѣ* Гербурта мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, *Геркулесъ* Мясковскаго — это какъ бы отвѣтъ, какъ бы дальнѣйшее продолженіе стихотворенія Гербурта, въ которомъ дружественная рука нашего поэта отдастъ справедливость уму и сердцу друга,

и въ этотъ голосъ высокій: вотъ смѣхъ мой однородный, изъ котораго истекають ручьи великаго счастья, его послушайте! а здѣсь говорятъ ему слова хульника надѣваются вадъ ничъ. Тамъ лице затѣваетъ свѣтло солнца, а здѣсь грудь разбита, поруганна: тамъ въ ризахъ, бѣлье снѣга и холода, а здѣсь погнѣлись по немъ смѣія рѣки.»

не смотря на различіе политическихъ убѣжденій, какъ и это скажемъ говоря о Гербуртѣ. Это не есть личный антигрикъ другу, потому что здѣсь дѣло идетъ не о Гербуртѣ, но о добродѣтели. Мясковскій олицетворяя въ Гербуртѣ величіе добродѣтельной души, готовой на всѣ пожертвованія, выставляетъ это лицо своимъ землякашъ для подражанія; съ этой точки зрѣнія Геркулесъ Мясковского имѣеть чисто нравственное значеніе. Не найти намъ здѣсь приторныхъ похвалъ или сухихъ умствованій, потому что истины, проповѣдуемыя Мясковскимъ, всегда оживлялись огнемъ добродѣтельной, пламенной, исполненной убѣжденія души поэта. Вотъ онъ изображаетъ свободу, какою дарить добродѣтель не смотря на всѣ удары судьбы:

«Powiedział a wielki Apollo mi będziesz, <sup>1</sup>  
 «I wyżej w radzie Jowiszowej siedziesz.  
 «Co wadzą ludziom pocziwym okowy,  
 Gdy umysł wolny, wspaniały i zdrowy?  
 «Co pęto twarde, choć golenie zgnoi,  
 «Miłość ojczyzny gdy przy więzniu stoi?  
 «Która pogrzebia wielkiej ludzие ceny,  
 «Kiedy się wściekły przeciw nim Ateny.  
 «Ledwie jednemu Maraton oliwą  
 «Otoczył skronie i głowę sędziwą;  
 «Tegoż wnet ściany bez słońca zawarły.  
 «Tak długo, aż mu i żywot wydarły.  
 «Ten więzien kogo łakomstwo uwiąże:  
 «A kto cnotliwy ten i w stryczkach książe.»

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Скажи слово и ты будешь для меня Аполлономъ великимъ, и сядешь выше въ советѣ Юпитера. Могутъ ли людямъ честнымъ кѣшать оковы, когда умъ свободенъ, великодушенъ и здравъ? Что твердая цѣпь, хотя она и разгнотъ голень, если любовь къ отечеству неразлучна съ узникомъ? Что погубить людей неосѣненныхъ, когда противъ нихъ встають Аены. Едва одному изъ нихъ Маратонъ насильной обвилъ голову сѣдую, какъ вдругъ его заключили въ темницу и такъ на долго, что тамъ и жизнь его кончилась. Тотъ узникъ кто смъ столбчивъ, а кто добродѣтеленъ, тотъ князь и въ узлахъ.»

Вотъ въ какихъ словахъ предсказываетъ онъ славу каждому, кто пожертвуетъ собою для общаго блага:

- «Ostra droga do sławy, a kto o nią stoi, »  
 «Ani oków, ani on i śmierci się boi.  
 «Przyjdzieć umrzeć każdemu, ale kto żelazem  
 «Legł w posłudze koronnej ten kwitnie zarazem.  
 «Tego rydl i motyka z pamięcią niegrzebie,  
 «Kto ręki niezanuje i zdrowia w potrzebie.»

Теперь намъ остается только представить Мясковского, какъ поэта-гражданина, хотя и то, что мы уже привели достаточно объясняетъ эту сторону нашего поэта. Истинный сынъ католической церкви, привыкшій во всемъ уважать духовную власть, неудивительно, если и въ дѣлахъ политическихъ, онъ подчинился направлеию іезуитскому. Вспомнимъ какъ сильно іезуитизмъ поддерживалъ тронъ Сигизмунда III, вспомнимъ, что разновѣріе охотно принимало на себя личину политическаго движенія впередъ, чтобы перенося гоненія ревностныхъ прозелитовъ господствующей религіи, самому получить видъ страданія за свободу отечества. Подъ этою фирмою выступало на сцену религіозно политическое соперничество магнатовъ съ трономъ, во имя той же свободы загремѣлъ рокошь Зебржидовскихъ. Увы! не было сердечной вѣры ни въ одной, ни въ другой партіи. Іезуиты не столько интересовались Сигизмундомъ III, который по ихъ убѣжденіямъ долженъ былъ спасти Польшу отъ гидры своеволія и неустройства, сколько утвержденіемъ собственнаго господства въ умахъ современниковъ. Магнаты въ свою очередь не столько заботились о протестан-

---

*Переводъ.* «Трудна дорога къ славѣ, но кто стоитъ на ней, ни оковъ, ни смерти не боится. Придется умереть каждому, но кто умеръ служа отечеству, тотъ вѣсть цвѣтегъ. Памяти того не загрѣбеть и засунуть, кто въ нуждѣ не дорожитъ рукой и здоровьемъ.»



тской вѣрѣ, а тѣмъ менѣе о свободѣ отечества, сколько объ увеличеніи собственнаго могущества и противодѣйствіи королю — вѣра и успѣхъ заняли здѣсь мѣсто второстепенное. Какъ бы то ни было, въ царствованіе Сигизмунда III, умы (говоря по настоящему) воспламенены *успѣхами* (postępowe), держались протестантскаго вѣроисповѣданія — Радзивилловъ и Зебржидовскихъ, а консерваторы держались партіи іезуитовъ и престола. Такъ свобода перерождалась въ своеволіе, кругъ религіозныхъ сомнѣній стѣснялся все болѣе и болѣе по расчетамъ сыновъ Лойолы и трона. Мясковскій, какъ набожный католикъ платилъ дань тому политическому направленію, какое приняло православіе въ Польшѣ, и былъ приверженцемъ короля и іезуитовъ. Видѣлъ онъ, что роскошь и своеволіе влекутъ отечество къ гибели, видѣлъ спасеніе отечества въ формѣ правовѣрія и послушанія королю, поэтому охотно отдалъ въ распоряженіе ихъ обоихъ и свое пламенное сердце, и свою вдохновенную пѣсню. То, что мы сказали, кажется намъ необходимымъ потому, что настоящее поколѣніе привыкло слишкомъ строго и безусловно судить писателей прошедшаго времени. Маіоркевичъ *напр.* (*Исторія, литература и критика*) упрекаетъ Мясковского въ томъ, «что въ немъ не «видно той свободы, той независимости и обширности понятій, которыя выражаются у Кохановскаго рядомъ съ «живѣйшимъ проявленіемъ религіознаго чувства». Что касается свободы, то уже выше мы указали то различіе, какое лежало въ глубинѣ духа этихъ двухъ поэтовъ, мы показали, что Каслеръ искушаетъ этотъ недостатокъ красотаи своего рода; что же касается недостатка независимости, обширности понятій, то отвѣтъ на этотъ упрекъ лежитъ въ духѣ эпохи Мясковского, въ духѣ той религіозно-политической пар-

тѣмъ, сторону которой приняла добросовѣстная душа поэта. Но обратимъ наконецъ вниманіе на тѣ поэтическія произведенія Мясковского, въ которыхъ онъ высказываетъ себя какъ гражданинъ.

Онъ воспѣвалъ побѣды Яна Карла Ходкѣвича надъ Шведами подъ Бирхольмомъ (*Торжествомъ Лифляндскихъ побѣдъ Карла Ходкѣвича 1601*), оплакивалъ горькую для края потерю Замойскаго 1605 (*Элегія на смерть Я. Замойскаго*), а въ слѣдующемъ году всѣми силами взывалъ противъ рокошанъ, которые подняли оружіе на Сигизмунда III; неблагопріятствовалъ разновѣрцамъ, писалъ громкія стихотворенія къ сеймамъ противъ различныхъ рокошанскихъ сѣздовъ и т. д., вездѣ выступая въ защитѣ алтаря и престола. Въ стихотвореніи, которые мы привели выше, въ *Непогодѣ* онъ такъ говоритъ польскому рыцарству.

«Zatrąb na trwogę ale nie domową, <sup>1</sup>  
 «Во nieprzystoi członkom walczyć z głową:  
 «Raczej niech słyszą krzykliwy głos miedzi,  
     «Dalsi sąsiedzi.  
 «Którzy krew naszą puścili strumieniem,  
 «Pod owczym, wilka taiwszy odzieniem  
 «Bezecni zdradą i własnym zmazani  
     «Panem poddani.»

Въ стихотвореніи *Аполловія паствиля на I. Б. М.* написаннаго слишкомъ остро и соблазнительно, склоняющая своихъ соотечественниковъ къ братскому согласію,

<sup>1</sup> Переводъ. «Затруби тревогу, но не домашнюю, потому что не прилично членамъ съ головой бороться, лучше пускай послышатъ крикливый голосъ мѣди, далекаго сосѣда.

Которые кровь нашу пролили струями, скрывая волка подъ овечьимъ мехомъ, безчестные извѣной подданные, замѣтанные кровью своего повелителя.

такъ говорить рокошанамъ о невозможности отнять Сикпетръ у Сигизмунда III.

« . . . . . Kto mu wydrze te ziemie, <sup>1</sup>  
 «Gdzie Jagełłowe wszczepione plemię:  
 «Gdzie i latorosl jako pręt złoty,  
 «Pradziadów niesie imie i snoty?  
 «Tego zasłoni orzeł sam bjały.»

Въ другомъ стихотвореніи *Элеція о домашнихъ беспорядкахъ* онъ такъ изображаетъ бѣдствія междуусобной войны.

«My do niesfornych snadz podobni braci, <sup>2</sup>  
 «Co domy niszczy i królestwa traci,  
 «Składamy na się między swemi płoty  
 Domowe groty.  
 «Z małych początków w zgodzie miasta wstają,  
 «I możne państwa drugim prawa dają.  
 «Ale zaś różne gdzie kiedy zamysły  
 «Na dobre wyszły?  
 «Lud co zhołdował wielki świat szeroko,  
 «I obwiódł siedm gór murem swym wysoka;  
 «Skoro sam na się dobył miecza, ali  
 «On się Rzym wali.  
 «Ale i sąsiad pobrzesny w Europie,  
 «Z tejże przyczyny w niewoli karcz kopie.»

<sup>1</sup> *Переводъ.* «...Кто похититъ у него ту землю, гдѣ привилось племя Ягелло, гдѣ и отрасль его какъ вѣтвь золотая носить имя и добродѣтели своихъ праотцевъ? Его защититъ самъ бѣлый орелъ.»

<sup>2</sup> *Переводъ.* «Мы похожи на братьевъ несогласныхъ, которые дома истощаютъ и теряютъ царства; на себя складываютъ заборы и домашніе гроты.»

«Изъ малыхъ началъ въ мирѣ встанутъ города, и малые царства другинѣ дадутъ уставы. Но гдѣ и когда принесли что-нибудь доброе, разныя замыслы?»

«Народъ, который покорилъ миръ великій и семь горъ окружилъ стѣнами высокими, скоро и самъ на себя мечъ обнажилъ, и вотъ Римъ разрушился.»

«Płaczą dziś Greckie i Węgierskie grody  
«Swojej niezgody.»

По своимъ политическимъ убѣжденіямъ возставая на рокошанъ, онъ бросался было на нихъ и съ сатирою, но видно желчь не привилась къ этой возвышенной душѣ, потому что произведенія его въ этомъ родѣ какъ *Разговоръ о свѣздѣ Андреевскома, Польская Масляница, Попелецъ, Pigna Antabatorum* и т. д. слабѣе его лирическихъ произведеній.

Собраніе своихъ стихотвореній Мясковскій издалъ въ Краковѣ 1612 года подъ заглавіемъ: *Собраніе стихотвореній Каспера Мясковскаго* (Zbiór rymów Kaspra Miaskowskiego), въ слѣдующемъ году Гербуртъ вмѣстѣ съ своимъ, издалъ и его Геркулеса въ своей Добромильской типографіи, а въ 1622 г. Познанскій типографъ Янъ Россовскій издалъ другое пополненное и исправленное изданіе Касперовыхъ стихотвореній. Въ томъ же году, какъ мы уже сказали Мясковскій умеръ, а надъ могилой его въ костелѣ Великомъ Стрѣльцѣ, поставили памятникъ съ надписью, которою поэтъ составилъ вѣроятно еще при жизни.

«Kasper Miaskowski, co miał śmiertelnego <sup>1</sup>  
«W tym zawarł grobie, aż do dnia onego.  
«Gdy głuche ciała trąba głosić będzie,  
«A ogniem z nieba spłonie ziemia wszędzie.  
«Ale co dowcip dał mu był niepodły,  
«Słowianskim bluszczem muzy to obwiódł.»

«Но и сосѣдъ нашъ близкій въ Европѣ по той же причинѣ въ рабствѣ копаеть землю; нѣмѣ плачуть греческіе и венгерскіе народы о своемъ несогласіи.»

<sup>1</sup> Переводъ. «Касперъ Мясковскій все, что имѣлъ смертнаго заключилъ въ этомъ гробѣ до того дня, когда глухія тѣла труба будетъ пробуждать, и огонь съ небесъ вся земля сгоритъ. Но все то что дало ему дарованіе, музы обвиня плещомъ славянскимъ.»

Съ именемъ Мясковскаго неразлучно связано имя его издателя, почитателя и друга, (не смотря на различіе религиозныхъ убѣжденій) *Яна Съсзѣснего Гербурта*, автора *Геркулеса*, о которомъ мы сказали выше. Гербуртъ, потомокъ знаменитаго рода, блистательно окончилъ свое образованіе въ отечествѣ, вслѣдъ за тѣмъ учился и путешествовалъ за границею, былъ посломъ въ Турцію въ 1595, и хотя былъ уважаемъ Сигизмундомъ III, но не смотря на это держался партіи оппозиціонной трону и іезуитамъ, и во время рокоша принадлежалъ къ партіи Зебржидовскихъ. Въ слѣдствіе этого, взятый подъ Гузовомъ, онъ заплатился неволею за свои политическія убѣденія. Послѣ бурной жизни онъ поселился наконецъ въ своемъ владѣніи Добромѣ и занялся тамъ устройствомъ типографіи, призвавъ для этаго Краковскаго типографа Яна Шелигу. Плодомъ этихъ прекрасныхъ усилій Гербурта было изданіе хроники Кадлубка, Оржеховскаго, отчасти Длугоша, и *Славянскаго Геркулеса* Мясковскаго, къ которому Гербуртъ присоединилъ *борьбу съ дородителемъ своего Геркулеса*. Сдѣлаемъ краткій очеркъ этого послѣдняго произведенія.

Геркулесъ въ заключеніи (подъ этимъ именемъ Гербуртъ представляетъ самъ себя). Ночь; все уже спитъ, не дремлетъ одинъ лишь узникъ, занятый грустными думами, какъ вдругъ является предъ нимъ богиня *Счастія* (Fortuna), изображенная фантастически, чисто во вкусъ Гофмана. Ея глаза то блистаютъ, то закрываются, она шатается, не въ состояніи будучи устоять на шаровидномъ кругѣ, который служить ей подножіемъ. Кисть одной руки желѣзная съ золотыми пальцами, другая наоборотъ, одежда ея сложенная изъ четырехъ различныхъ кусковъ парчи и лохмотьевъ, сіяетъ надписями: „*смѣхъ, плачь, богатство, нужда, польда, смерть*“. Узникъ узнаетъ въ ней богиню и при-

вѣтствуетъ ее стихами, Фортуна шутить надъ его римами, и упрекаетъ его въ томъ, что онъ до сихъ поръ служилъ одной только добродѣтели, не смотря на то, что она (Фортуна) бодрствовала надъ нимъ съ самой колыбели; она снискала отцу его управленіе, и дала ему «ягоду» изъ его плодовъ, она вѣрно служила ему во все дальнѣйшее теченіе его жизни, она при посредствѣ *крайчаю* (Krajczego) (?) вывела его изъ недостатка, она поддерживала его во время его путешествія въ Нидерланды, она придавала ему бодрости въ трудныхъ обстоятельствахъ его жизни, доставляла пользу и удовольствія а неблагодарный Геркулесъ всегда, во время войны и мира, перомъ и лирою, на свободѣ и въ оковахъ неизмѣнно служилъ добродѣтели. Фортуна говоритъ прозою, а отвѣты Гербурта писаны стихами. Въ прозѣ сохранилось множество старопольскихъ поговорокъ, пѣсней, оборотовъ, сравненій историческихъ, не всегда теперь понятныхъ; стихъ доказываетъ талантъ Гербурта въ связной рѣчи. Цѣль этого произведенія состояла въ томъ, чтобы изобразить жизнь Гербурта, а нравственная мысль его та, что добродѣтель никогда не идетъ рука объ руку со счастьемъ. Другое извѣстное стихотвореніе Гербуртъ *Практика Рокошанская* доказываетъ, что хотя Гербуртъ былъ другомъ Мясковского, но не раздѣлялъ однако его политическихъ и кажется религиозныхъ, убѣжденій, вотъ какъ остро отзывается онъ о кабинетѣ Сигизмунда:

«Rozdawania wakacyi, są to chytre wniki, <sup>1</sup>

«W które lecą za żerem przyszłe niewolniki.

«Biorą chleb zasłużonych polewczaste sługi;

---

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Раздача вакансій, это хитрая ловушка куда летятъ за пищей будущіе рабы. Берутъ хлѣбъ заслуженныхъ льстивые слуги; а честнаго человека заслуги считаются ничтожными... Королевскіе ко-

- «А poczciwego dzisiaj próżne są zasługi...  
 «Komornicy królewscy, sprosne faworyty,  
 «Szafują urządami, rozdają zaszczyty.  
 «Jezuита dziś radzi, Jezuита sądzi,  
 «Wszystkiem przez naprawione zwolenniki rządu.  
 «Ale zawsze ostrożny, umysłu chytreго,  
 «Udaje iż się nigdy niemiesza do złego.  
 «O Polskim Jezuicie już dziś każdy mówi:  
 «Że Rakuszanom przysiągł, tak jak Papierzowi.»

Къ лучшимъ поэтамъ временъ Сигизмунда III принадлежатъ еще *Андрей Липскій*, пѣвецъ недавно открытой войны Хотинской, въ которой рядомъ съ холодными реляціями встрѣчаются и мѣста истинно поэтическія; *Шимонъ Старовольскій*, о которомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, и который въ числѣ другихъ произведеній написалъ сносное стихотвореніе: *Объѣтъ объ исправленіи Республики*, это проекты, имѣющіе въ виду администрацію и полицію государства; *Геронимъ* и *Станиславъ Морштыны* извѣстны, первый, какъ авторъ громкой въ свое время повѣсти въ стихахъ *Banialuka* иначе *Супружескіе антипасты*, второй, какъ переводчикъ трагедій Сенеки, Корнеля, Расина, о немъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ; *Янъ Дзюновскій*, который въ сочиненіи: *Статутъ, то есть статьи закона, какъ судить явныхъ преступниковъ и обманщиковъ*, и *Генеральный домашній сеймъ*, если не выказалъ вкуса и таланта поэтическаго, и не далъ своему произведенію форму приличную сатиры, то, по крайней мѣрѣ заслуживаетъ, чтобы о немъ вспомнить, тою

---

нормами, низкіе любимцы, распоряжаются должностями, раздають повести. Теперь іезуитъ совѣтуетъ, іезуитъ судитъ, всѣмъ управляетъ черезъ своихъ приверженцевъ. Но всегда осторожный, хитро притворяется, что онъ не ѣмается ни во что дурное. О польскомъ іезуитѣ вслѣдъ теперь говорить, что онъ далъ клятву рокошанамъ, также какъ и напѣ.

чистосердечною грубостью, которая такъ хорошо характеризуетъ польскую шляхту; *Генрихъ Хелховскій*, авторъ нѣсколькихъ стихотвореній, какъ то: *Утѣшеніе парнасскихъ бо-зинь*, *Лѣсной шумъ*, *Богъ вочеловѣчившійся* и т. д., которые стоятъ выше современныхъ ему произведеній; и наконецъ *Янъ Александръ Кореива*, котораго *Тренодія* (1632) на смерть Сигизмунда III и его жены Констанціи, и *На коронацію Владислава IV*, поставили бы автора въ ряду необыкновенныхъ поэтовъ того времени, если бы можно было назвать поэтамъ наборщика холодныхъ стиховъ, сложенныхъ по классическимъ образцамъ. Нельзя напр. не признать гладкости въ слѣдующемъ стихотвореніи Кореивы.

«Jol wesoła młodzi spiewaj! już rumiany 1  
 «Febus, złotem ukazał warkocz przeplatany,  
 «A po wielkim Olimpie świetne tocząc koła,  
 «Jol i słodkobrządcy hejnał głośno woła.  
 «Któremu złotogrzywe konie i pieszczona  
 «Febe, srebrnym poświędza rąbkiem zasłonią.  
 «Porzuc niemiłe pieśni, skargi obciążliwe,  
 «Załośne trenodye, łzy nieprzyjaźliwe:  
 «Niezawždy noc ogromna, albo niezgonione  
 «Austry huczając, powietrze mieszają przestronne,  
 «Niezawsze jasne nieba sieją gromowładę  
 «Pioruny.»

---

*Переводъ.* «Эх! кой веселая молодежь! уже Фебъ румяный показъ косу золотомъ переплетаемую, вертится его блестящія колеса на Олимпѣ великомъ, взываетъ сладковзвучный Гейкалъ, котораго златогривые кони и изяжная Феба, закрытая серебряной каймой привѣтствуютъ. Оставь пѣсни не милыя, тягостныя жалобы, скорбныя вопли, слезы непріязненныя, не всегда ночь велика или австрм быстрые шумя разливаются въ воздухъ пространномъ, не всегда ясное небо свѣтъ громоносные молніи.»



Но естьли въ этомъ наборѣ мнѳологическихъ сравненій, хоть тѣнь чувства?

Напрасно мы будемъ искать его въ произведеніяхъ, писанныхъ подъ вліяніемъ іезуитской эстетики, гдѣ не прилично было имѣть чувство, и нужно было измѣрять его по ученому вѣсу и мѣрѣ, по образцамъ классическимъ, гдѣ первымъ условіемъ мудрости было засушить сердце, гдѣ, послѣ разрыва съ сердечною простотою, трудно уже было остановиться на пути изысканныхъ нецѣлостей. Множество было правилъ и теорій искусства, но возможно ли божественное искусство заключить въ правила, при омертвленіи сердца, которое одно только бодрствуетъ надъ вкусомъ, указываетъ намъ гдѣ скрывается прекрасное, и гдѣ одно только его подобіе и маска. Что голова безъ сердца ничто, что возвышенный разумъ болѣе въ сердцѣ, чѣмъ въ мозгѣ имѣетъ свое жилище, доказательствомъ тому именно служить то безвкусіе, какимъ отличается литература въ эпоху іезуитовъ и ихъ воспитанниковъ, которые безъ сомнѣнія были учены, и даже слишкомъ умны спекуляціоннымъ умомъ міра, но оледѣнивъ свое сердце, на пути искусства могли творить лишь одни чудовищные уроды. Говоря о краснорѣчій духовномъ и свѣтскомъ и о литературѣ богословской, мы должны будемъ представить множество доводовъ плачевной испорченности вкуса, а здѣсь для доказательства приведемъ хотя два тому примѣра. Что напр. думать о томъ вѣкѣ, въ которомъ поэтизировали разговоръ Лота съ солянымъ столпомъ (Ситанскій)? объ авторѣ и читателяхъ огромной поэмы *Марса Московскій*, каждый стихъ которой начинался одною буквою титула Дмитрія Самозванца, и такимъ образомъ цѣлое произведеніе было исполинскимъ акростихомъ саженной номенклатуры собственныхъ именъ (Забчиць)? чего можно было ожидать для языка тамъ, гдѣ напр. уже не въ

забаву, какъ дѣлалъ Бохановскій, но серьезно писали слѣдующіе польско-латинскіе стихи (Злотовскій)?

«*Heroas magnos Bogaterosque feroces*  
 «*Powietrznos dicam Wojnas tristemque Rokoszym,*  
 «*Nec te terribilem in armis Sigismunde silebo*  
 «*Rex, et bellatum surowo Marte Polonum*  
 «*Vladislae tuas tollam super aethera laudes.*»

Увы! нельзя уже было ожидать прекрасныхъ проявленій литературы въ такую эпоху; пѣснь польская умолила, не смотря на неслыханный шумъ бездарныхъ стихотворцевъ, — невозможно было ожидать появленія поэта, развѣ подъ вліяніемъ заграничнаго воспитанія, развѣ на языкѣ латинскомъ, котораго при всѣхъ своихъ усиліяхъ іезуитамъ не удалось еще переродить, кромя какъ для предметовъ религіозныхъ и позволительно поэтическихъ, или для какого нибудь предмета, который при своемъ некаатолическомъ стремленіи, былъ случайно возвышеннымъ и могъ сдѣлаться поэтическимъ подъ перомъ генія.

Въ эту пору, когда говоря по совѣсти мы не имѣли и не могли имѣть у себя ни одного истиннаго поэта, изъ Рима загремѣлъ по Европѣ голосъ латинской пѣсни Поляка и іезуита Сарбѣвскаго. Сарбѣвскій это одинъ изъ тѣхъ геніевъ, которые рождаются вѣками, которые умѣютъ торжествовать надъ препятствіями, которыя противопоставляютъ имъ духъ вѣка, которымъ судьба благопріятствуетъ для того, чтобы они явились въ настоящемъ своемъ свѣтѣ. Родившись въ Мазовіи, еще почти въ отрочествѣ облеченный въ одежду сыновъ Лойолы, одаренный пламеннымъ сердцемъ и понятливымъ умомъ, Сарбѣвскій изучая римскую литературу не остановился на одной убійственной буквѣ, но умѣлъ проникнуться животворнымъ духомъ Горация и Виргилія. Первые образцы его пѣсней, далеко

возвышающіеся надъ обыкновенною посредственностію, не сятъ однакоже печать польскаго іезуитизма — это похвалы, описанія гербовъ, брачныя стихотворенія, эпиграммы приторныя и натянутыя. Но къ счастью молодого поэта, его выслали въ Римъ въ то время когда на папскомъ престолѣ сѣдѣлъ человѣкъ ученый, съ изящнымъ вкусомъ, Маттео Берберини (Урбанъ VIII) думавшій о живомъ вопросѣ тогдашней политики, объ изгнаніи изъ Европы Турокъ, къ счастью онъ обратилъ свой взоръ на гениальнаго Поляка и далъ его лирѣ высокое направленіе. Окончивъ недавно переводъ Сарбѣвскаго не будемъ здѣсь повторять одного и того же. Отсылая нашихъ читателей къ III и IV тому нашихъ *Переводовъ польско латинскихъ поэтовъ*, здѣсь вообще обратимъ исключительно вниманіе читателей на направленіе поэтическаго таланта Сарбѣвскаго. Разительную безъ сомнѣнія сторону его таланта составляютъ его оды на освобожденіе греческихъ провинцій отъ ига. Предметъ великій, но какъ мастеровски поэтъ совладѣлъ съ нимъ! тамъ онъ воспоминаетъ историческую славу древней Эллады, тамъ пробуждаетъ чувство христіанской Европы, тамъ старается возбудить доблесть Поляковъ, прогнать лѣнивый сонъ съ глазъ монарховъ Европы, даже онъ умѣетъ разшевелить жадность протыхъ солдатъ. Прошелъ уже вѣкъ крестовыхъ походовъ, въ кабинетахъ Европы родилась мысль о равновѣсіи политическомъ, никто не ударилъ на Турокъ, одни только Поляки прогнали грозу подъ Хотиномъ, но стихотворенія Сарбѣвскаго остались вѣчнымъ памятникомъ его таланта и благодѣтельныхъ для Греціи усилій Урбана VIII. Въ другихъ сочиненіяхъ Сарбѣвскаго господствуетъ та же сила, тотъ же энергическій, рыцарскій духъ — наряду съ возвышеннымъ благочестіемъ. Выпишемъ здѣсь переводъ I Оды IV книги лирическихъ произведеній Сарбѣвскаго, которой нѣтъ въ

вышеупомянутыхъ нами переводахъ. Это взглядъ поэта на его родину при возвращеніи изъ Италіи.

«Aeterna magnis carmina Carpati <sup>1</sup>  
«Inscribo saxis.

«Na skale Karpackiej rznę słowa,  
«Niechaj je czytają potomni,  
«Dziewica niech w pieśniach je wspomni,  
«A dziecię w pamięci zachowa.

«Polacy, nic z naszych mozołów,  
«Że zamki murujem tak szczytnie,  
«Gdy Boża świątynia mchem kwitnie,  
«I zielsko na dachu kościołów.

«Napróżno armatnie mozdzierze,  
«Wydają swój łoskot tak dzielny,  
«Gdy dzwonek oniemiał kościelny,  
«I znikły pobożne pacierze.

«Gdy służby rozdzielne są Boze,  
«Gdy serce nie w jedno kołata,  
«Gdy naród się w wierze niezbrata,  
«Niewiele mu wszystko pomoże

«Niezgodna modlitwa, złe serce,  
«To wstrętna ofiara Jehowie,

<sup>1</sup> *Переводъ.* «На скалѣ Карпатской я вырѣзываю слова, пускай ихъ читаетъ потомство, дѣтя пусть въ пѣсняхъ о нихъ 'вспомнить, а дѣтя сохранить въ памяти.

Полаки, не нужны наши труды, если имъ воздвигаемъ столь высокіе замки, если Божья святыня поросла похонь и на крышѣ церкви выросла трава.

Напрасно чугунные пушки издають выстрѣлъ столь громкій, если церковный колоколъ онѣмѣлъ и умолялъ благочестивые молитвы.

Когда служеніе Богу различно, когда сердце бьется не одинаково, когда народъ несогласенъ въ вѣрѣ, немного все это ему поможетъ.

Злое сердце, не согласная молитва, это неприятная жертва Іеговъ, не такъ ли несогласные греки погибли среди сварливаго раздора?

«Czyż dawno niezgodni Grekowie  
«Zginęli w kłótniwej rozterce?

«Dymią się u Czechów ołtarze,  
«A ziemia Węgierska tak blizka  
«Patrzając na swoje zwaliska  
«Żyzy leje—bo Pan Bóg ją karze.

«Patrz z Tatrów Polaku, jak bystrze  
«Ta ziemia farbuję się krwawo—  
«Co trzody nad Sawą i Drawą,  
«Co ziemi bogatej przy Istrze.

«Niełacno, niełacno te strony,  
«Tureccy zdobyliby mężą, —  
«Lecz gdzież tu święcone oreżę?  
«Gdzie umysł ku Bogu wzniesiony?

«Czuł Węgrzyn niedole nad krajem,  
«Nieszczędził na mury zachodów,  
«I szanice i baszty swych grodów  
«Otoczył usłużnym Dunajem.

«Do czego te mury, do czego?  
«Gdy pomsta niebieska ogarnie,  
«Nieujdzie, nieujdzie bezkarnie  
«Kto szydzi z Zakonu Bożego.

---

Дышится у Чеховъ алтаря, а земля Венгровъ предвидя свои развалины, льетъ слезы, потому что Господь ее наказываетъ.

Смотри на Татаръ, Полякъ, какъ быстро земля эта заливається кровью, сколько стадъ надъ Савой и Дравой, сколько земли богатої при Истрѣ (Дунаѣ).

Не легко эти страны завоевали Турки? Но гдѣ тутъ священное оружіе, гдѣ умъ вознесенный къ Богу?

Венгръ владѣлъ недолго своими отечествомъ, нещадилъ трудовъ для построения стѣнъ, укрѣпленія и башни своихъ городовъ окружилъ Дунаемъ.

Зачѣмъ эти стѣны, зачѣмъ? когда ищете небесное обиліе, не увидите наказанія тотъ, кто насмѣхается надъ Божиими законамъ.

«Głos Rzymu ogłaszam Lechicie.—

«Dziewica nad wami ma skrzydło,

«Jej palcie Sabejskie kadzidło,

«Jej modły błagalne poszlijcie.

«Dziewico! kraj Lachów do Ciebie,

«Na klęczkach modli się w pokorze,

«W poranku i ciemnym wieczorze,

«Czy słońce południa na niebie.

«My dla cię w doswitki grudniowe.

«Po siedem kagańców zapalim,

«I czystą cię pieśnią wychwalim,

«I damyć koroną na głowę.

«Niechaj Bóg na zgube nas nieda

«Dniepr, Wisła niech naszą krainą,

«Spokojnie do morza popłyną

«Niebojąc się Turka ni Szweda.

«Lecz cóż to złudzenie w mem oku?

«Czy w uchu?—gdyż oto w tej dobie,

«Głos wielki słyszałem przy sobie,

«I jasność zadrgała w obłoku.»

Голосъ Рима я възвѣщаю Лохитанъ. — Дѣва васъ держитъ подъ своимъ крыломъ, ей вы курите сабейскія благовонія, ей возносите уничижительныя молитвы.

Дѣва! Страна Ляховъ тебѣ на колѣняхъ молится смиренно, и утромъ, и темнымъ вечеромъ, и когда солнце полудня на небѣ.

А мы для тебя въ утро декабрское, зажжемъ по семи лампадъ и чистою пѣснью тебя прославимъ, и дадимъ взнець тебѣ на главу.

«Пускай Богъ не предастъ насъ на погибель; Днѣпръ, Висла, по нашей странѣ пускай спокойно плывутъ къ морю, не боясь ни Турка, ни Шведа.

«Но что это, призракъ у меня въ глазахъ, или въ ушахъ? потому что вотъ въ эту минуту, я слышалъ вокругъ себя голосъ великій, и свѣтъ блеснулъ въ облакахъ?»

Иногда онъ бываетъ холоднымъ, слишкомъ ученымъ, но трудно и требовать, чтобы духъ вѣка и вліяніе касты не имѣло никакого вліянія на геній, даже первостепеннаго поэта. Но вслушавшись въ энергическіе звуки струнъ Сарбѣвскаго, ты сказалъ бы, что этотъ человекъ присланъ для того, чтобы воззвать къ жизни поэзію въ Польшѣ, чтобы воскресить замершіе звуки Кохановскаго, Шимоновичей, Мясковскихъ. Нѣтъ! вдохновенная пѣснь не откликнулась въ сердцахъ холодныхъ, а послѣдователи Сарбѣвскаго вмѣсто того, чтобы мужественно воспрянуть, ребячески стали подражать ему въ размѣрѣ стиха, латинскихъ выраженіяхъ, и тѣхъ предметахъ, на которые онъ писалъ.

Къ болѣе счастливымъ подражателямъ Сарбѣвскаго нужно причислять Николая Смокрлецкаго и Войтеха Инеза, — оба они были іезуитами. Оды перваго къ Сигизмунду III, переведены нами въ V тетради нашихъ Переводовъ, о второмъ скажемъ теперь нѣсколько словъ.

Юшинскій приводитъ латинскую поэму Инеза подъ заглавіемъ *Lechias*, которую строго критиковалъ Браунъ, и собраніе его эпиграммъ *Acroaemata*. Мы не знаемъ этихъ произведеній, но судя по заглавію, намъ кажется, что они носятъ печать іезуитской школы, и должны быть дѣтьми своей эпохи. У насъ есть не упоминаемое библиографами собраніе лирическихъ стихотвореній Инеза *Liricorum centuria* (Dantici sump. G. Forsteri 1655). Они не смотря на слѣпое и упорное подражаніе Сарбѣвскому, имѣютъ и свои собственныя и рѣдкія достоинства. Это собраніе посвящено Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ, какъ Царицѣ Польши; въ предисловіи авторъ объясняетъ, что онъ рѣшился подражать, а не грабить Сарбѣвскаго, Горация и другихъ классическихъ повтовъ, почему онъ и не раздѣлилъ своего труда на четыре книги лирическихъ и пятую Эподонъ (какъ у Сарбѣвскаго),

но назваѣ свое собраніе *Сотнею* (Centuria) для того чтобы быть свободнымъ отъ упрека въ подражаніи, потомъ прибавляетъ: «Въ ту пору, когда это собраніе поступаетъ въ печать, все королевство занято войною; справедливо «по этому выпустить этотъ трудъ подъ воинскимъ названіемъ Сотни».

Здѣсь также какъ у Сарбѣвскаго мы найдемъ парафраза Пѣсни Пѣсней Соломона, пѣсни къ Пресвятой Дѣвѣ, краткія философскія оды, оды къ Польскому Рыцарству, похвалы Королю—словомъ все, такъ какъ у Сарбѣвскаго, даже оды на освобожденіе Греческой Имперіи, даже описаніе садовъ королей польскихъ подъ Краковомъ, потому что Сарбѣвскій подобнымъ же образомъ воспѣвалъ загородныя Римскія виллы Берберини и князей Бракціана. Есть здѣсь и мудрыя іезуитскія наставленія, какъ, напр. *Secretum politicum ad Balduinum Plancum*, о томъ чтобы никогда не возставать противъ силы сильнѣйшаго и другія, чтобы неосмотрительно и безъ пользы для себя самого, никому не раздавать даровъ и т. д. Все же Инезъ высказываетъ иногда собственные, часто не совсѣмъ обыкновенныя мысли, и употребляетъ новыя и неожиданныя обороты рѣчи. Охотно воспѣваетъ онъ предметы родныя, обращается къ Польскому Рыцарству, королю Владиславу IV и его супругѣ Цециліи Ренатѣ, къ королевичу Сигизмунду Казимиру, но въ похвалахъ кажется умѣреннѣе Сарбѣвскаго. Словомъ, латинскія стихотворенія Инеза, особенно если принять во вниманіе вѣкъ, въ которомъ онъ писалъ, и ту расу къ которой принадлежалъ поэтъ, совсѣмъ необыкновенны. Для примѣра переведемъ одну изъ его лирическихъ пѣсней.

„*На кичливыхъ юношей того времени*“.

«Inter calentis pocula Caecubi...

«Odi disertos.



«W pośród puharów pianistej cekuby<sup>1</sup>  
 «Niecierpię szumnej samochwalstwa mowy,  
 «Gawiedź Marsową szukającą chluby,  
 «Pędźcie od szklanej armaty Bachowej!  
 «Jeśli tak tęskno piersiom za pogonią,  
 «Jeśli miecz ręce przypada do miary,  
 «Kiedyśmi zdolni umierać pod bronią,  
 «Idźmy ne Turki, idźmy na Tatary.—  
 «Wielki jest zawód przed rycerstwem naczém,  
 «Trzeba się pomścić nad Biśtońską, zgrają,  
 «Księżyc dwórogi rozkroić pałaszem,  
 «Z łamać pociski co na nas miotają.  
 «Lecz nacóż zda się rozlewając wino  
 «Słyszane boje powtarzać i naczzej?  
 «I zamjast walki mieć chlubę jedyną.  
 «Gzmiącemi słowy strzelać do słuchaczy?  
 «Zionać pogrózkę chełpliwemi usty  
 «Któż z nieprzyjaciół tryumfy odbierze?  
 «Gdy ręka słaba ,gdy zapał twój pusty,  
 «Poco się jertzysz straszny bohaterze?  
 «Obfity mówca, juz złamał na szczęty  
 «Ostremi słowy nieprzyjaciół noże,  
 «Ale na pole gdzie szyk rozwinięty

<sup>1</sup> *Переводъ* «Среди бокаловъ пѣнистой цекубы, не люблю я шумныхъ рѣчей самохвалства, воинскую челядь, ищущую славы, прочь гоните отъ стеклянной батарееи Вауха! Если грудь тоскуеть по знамени, если мечъ въ нѣру приходится къ рукѣ, если мы способны ундрать съ оруженъ, поидемъ на Турокъ, поидемъ на Татаръ. — Большое поприще предъ воинствомъ нашимъ, нужно отомстить Биѣтонской толпѣ, двурогую луку разсѣчь мечемъ, отразить удары, которыми насъ поражаютъ. Иначе къ чему, разливая вино, повторять извѣстныя уже битвы, и вмѣсто борьбы имѣть одну лишь славу, звучными словами стрѣлять въ слушателей? Зачѣмъ нарѣкать угрозъ хвастливими устами, кто изъ враговъ торжество получить? Если рука твоя слаба, и жаръ твой пустъ, зачѣмъ же хвастаешься страшный богатырь? Краснорѣчивый ораторъ илюналъ въ куски острыми словами вражескіе ножи, но на поле, гдѣ строй раз-

«Snadź ów bohater i spojrzeć niemoże.  
 «Zdala od niwy gdzie bije armata!  
 «Zdala od mieczów, pocisków i grotów!  
 «Nawet blask słońca co po ostrzach lata  
 «Swemi promieniami zaranić nas gotów!  
 «O kiedy brziennie śmiertelnym nabojem  
 «Zamruczy działa, i ziemię i nieba  
 «Wstrząśnie łoskotem, kiedy echem swoim  
 «Da znak że w pole wystąpić potrzeba,  
 «W tedy to mówco dowiedziesz mi szczerze  
 «Że dusza twoja do bitew ognistą—  
 «Wtęczas cię uznam wielki bogaterze  
 «Gdy szczękną włócznie, gdy ołów zaswista.  
 «Gdy zamiast słuchać twego męztwa dziwy  
 «Rzymianie dzieła twej ręki postrzegą,  
 «Uznam rycerzu że miecz twój straszliwy,  
 «Że nosisz w piersiach Marsa bojowego.  
 «Przestańmyż miotać wyrazy strzeliste,  
 «Niech rozprawiają do czynu niegodni,  
 «To u mnie rycerz wymówny zaiste.  
 «Kto swoje słowa mieczem udowodni.»

---

ставленъ, богатырь этотъ и взглянуть не можетъ. Дальше отъ мѣста, гдѣ гремитъ пушка! Дальше отъ мечей, выстрѣловъ и дротиковъ! Даже лучъ солнца, который мелькаетъ на острияхъ, своимъ блескомъ готовъ насъ заранить! О! когда съ смертоноснымъ зарядомъ загремитъ пушка и землю и небо потрясетъ своимъ грономъ, когда своимъ эхомъ подастъ сигналъ, что въ поле вѣдти нужно, тогда-то ораторъ ты докажешь мнѣ, что душа твоя пламенна къ битвамъ, тогда узнаю тебѣ богатырь великій, когда заблещутъ копья, а свинецъ засвиститъ. Когда вмѣсто того, чтобы слушать чудеса твоей храбрости, Римляне замѣтятъ дѣла твоихъ рукъ, тогда, рыцарь, скажу я, что страшенъ твой мечъ, что носишь въ груди воинственнаго Марса! Перестанемъ бросать слова огнестрѣльными, пускай разсуждаютъ къ дѣламъ неспособные. Тотъ у кого рыцарь истинно краснорѣчивый, кто свои слова подтвердитъ мечемъ.»

Нѣсколько другихъ одъ Инеза мы переведемъ въ слѣдующей тетради нашихъ переводовъ.

Современникъ Сарбѣвскаго польскій поэтъ *Адрианъ изъ Вьщичъ Вьщичкій*, авторъ *Идиллій или пѣсней* (Краковъ 1634 г.) заслуживаетъ того, чтобы ближе познакомиться съ его произведеніями. Вишневскій, который читалъ эти идилліи, указывая въ нихъ на общій недостатокъ того вѣка — излишество миеологической учености — отдаетъ справедливость пріятности стихотвореній Вьщичкаго. Грустно намъ что стихотворенія этого рода рѣдки, потому что изучая поэзію той эпохи, читатель, утомленный холоднымъ іезуитскимъ лиризмомъ, радъ бы подышать свѣжимъ домашнимъ воздухомъ, который дуетъ изъ этихъ сельскихъ, а потому мимо вольно народныхъ произведеній. Для этой цѣли мы долѣе другихъ остановимся на польскихъ идилліяхъ Іосифа Вареоломея и Симона Зиморовичовыхъ. Станемъ прежде говорить о первомъ.

*Іосифъ Вареоломей Зиморовичъ* землякъ и сосѣдъ Шимоновича, подобно ему мѣщанинъ города Львова и сельскій поэтъ, родился въ 1597 г., и въ теченіе всей своей жизни не оставляя роднаго Львова, любилъ городъ, былъ его бурмистромъ, описалъ его исторію, ходилъ въ Ченстохово молиться о его спасеніи, защищалъ отъ нападений вражескихъ — здѣсь женился — здѣсь въ преклонной старости окончилъ свою жизнь. Его идилліи, изданныя подъ именемъ его брата Симона, совершенно отличны отъ другихъ его произведеній.

Вареоломей Зиморовичъ, хотя ученый и начитанный, не былъ однако до того пропитанъ классическою литературою, чтобы черезъ нея лишать свои произведенія народнаго колорита. Онъ не имѣлъ тѣхъ познаній, какими обладалъ Шимоновичъ, но онъ сердечнѣе послѣдняго, и потому мы его

Больше любимъ за то, что онъ представляетъ намъ народъ безъ Θεокритовыхъ масокъ, и о бѣдствіяхъ своего народа, разсуждаетъ его собственнымъ образомъ, говоритъ его просто, поэтическимъ языкомъ. Подъ именемъ *Милоша*, сельскаго пѣвца, поэтъ изображаетъ свое званіе поэта такъ, какъ вдохнула ему любовь (*Труженникъ*).

«U jednego dziewczęcia lichego, na czele <sup>1</sup>  
 «Wyczytały do wierszów, służące fortele,  
 «Wargi jej Hypokrenem nieprzebranej wody,  
 «Parnasem zdały sie być rozkwitłe jagody.  
 «I tak gdy jej pilnuję swych niestrzegę oczu,  
 «Zostałem Rymodziejem zgoła po warkoczcu.»

Изображаетъ ли кровавое своеволие козаковъ, нападенія Татаръ, жалкіе плоды войнъ, или отрадное чувство любви—вездѣ онъ вѣрно изображаетъ и сердце и лице народа Русскаго. Картины его—это дѣйствительность, это вседневность, поднятая до идеала, и согрѣтая теплотою собственной груди. Впрочемъ у Вареоломея Зиморовича нѣтъ недостатка въ красотахъ перваго рода, только (по нашему мнѣнію) картины и описанія его чрезъчуръ растянуты, а потому красота ихъ отдѣляется, разбросанная въ различныхъ мѣстахъ. Но трудно не удивляться сердечной простотѣ, звучности и легкости стиха и той любви, которая, согрѣваетъ *Идилліи* Вареоломея, и ставитъ его въ рядъ первыхъ народныхъ пѣвцовъ. Приведемъ здѣсь картину казачества, описанную имъ въ *идилліи* того же имени.

---

<sup>1</sup> *Переводъ.* «У одной бѣдовой дѣвушки на челѣ прочитали невинныя хитрости, слушающія для сложенія стиховъ. Уста ея казались Ипнокреномъ воды комочерпаемой, парнасомъ казались ея цвѣтушія ланиты. Я стерегу ее, не спуская съ нея своихъ очей и коса ея сдѣлала меня рюмодичемъ.»

## ОСТАВІЇ.

«O Doroszu, Doroszu na jakieśmy czasy <sup>1</sup>  
 «Przyszli! o których starsi nieślychali nasi,  
 «Czegośmy niešťczęśliwi ludzie doczekali!  
 «Słudzy nam, hej niestety! słudzy panowali,  
 «Nasi własni najmici, smrodliwi gnojkwowie,  
 «Nam panom swym dziedzicznym usiedli na głowie:  
 «Ono chłopstwo nikczemne, bezecni hultaje,  
 «Szcześliwe niegdy Ruskie splondrowali kraje,  
 «Które mlekiem i miodem przed tem opływały,  
 «Dzis się łzami gorzkimi i krwią swą zalały.

## Дорооки.

«Kto się kiedy spodziewał, żeby wypaść miały, <sup>2</sup>  
 «Z tak maluchnej iskierki, tak wielkie zapały,  
 «Których ani obfite łzy ugasić mogą,  
 «Ani krew wytoczona powodzią tak srogą:  
 «Nieumiano tej iskry zalać wody kropią,  
 «Teraz pozog jej wielkie rzeki niezatopia.»

Скончавшійся въ цвѣтъ лѣтъ, братъ Вареолюея, Симоуъ Зиморовичъ (род. 1604 — 1629) поэмоу *Роксоланки, то есть русскія дьвушки на свадьбѣ (Вареолюея Зиморовича съ Екатериною Дуктыницкою)* достоинъ занять пре-

<sup>1</sup> *Переводъ.* «О Дороша, Дороша, до какихъ временъ имъ дожили! о чемъ старики не слыхали наши, чего имъ несчастные люди дождались! Слуги наши, охъ, увы! слуги стали господами, наши собственные наемники, сирадиме гноевозы, нанъ, своихъ господанъ владѣтельныхъ сѣмъ на голову: это ничтожное мужичество, подиме лѣтими, ограбили нѣкогда счастливыя русскія земли, которыя прежде обилывали медомъ и млекоу, а теперь обливаются кровію и горькими слезами.

<sup>2</sup> *Переводъ* «Кто могъ когда ожидать, чтобы отъ малой искры произошли столь великіе пожары, которыхъ ни слезамъ обильнымъ угасить не могутъ, ни кровью проливаемой такъ жестоко; неужели этой искры залить каплею воды, теперь ее пожаровъ не затонять обширными рѣками.»

красное мѣсто въ числѣ нашихъ идиаллистовъ. Роксоланки, о которыхъ мы говоримъ, это не есть только брачное стихотвореніе, какъ можно судить объ этомъ по его заглавію, но вѣрнѣе собраніе различныхъ пробныхъ стиховъ молодого поэта. Собраніе это начинается длиннымъ тринадцати-стопнымъ стихотвореніемъ подъ заглавіемъ *Святъ*, въ которомъ гименей (Богъ брака) описываетъ силу любви и оканчивается слѣдующимъ обращеніемъ къ новобрачной четѣ:

«Tymczasem wdzięcznie proszę, przyjmijcie tych gości, <sup>1</sup>  
 «Których dowas prowadzę z Roxołańskich włóści:  
 «Dwa chory panien, trzeci z młodzieńców zebrany,  
 «Idą spieszno z muzyką, z tańcami, z Padewany,  
 «Ale dawno dziewiczy pierwszy poczet teśni,  
 «Że jeszcze niezaczyna różnogłośnych pieśni.  
 «Więc że im puszczę plac dla lepszej krotochwilej,  
 «Wy uznawajcie która zaspiewa z nich milěj.»

Здѣсь выступаютъ съ своими пѣснями *русскія дѣвы*, которыхъ поэтъ назвалъ странными полугласническими именами: Элеонора, Люцидина, Коронелла, Ленерула и т. п. Выберемъ одну изъ лучшихъ пѣсней. Вотъ какъ поетъ Посцилла:

«Pszczółko niemiłosierna, czemuś uraniła <sup>2</sup>  
 «Mój paluszek? dla czegoś żądło weń wpuściła?»

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Между тѣмъ, покорно прошу васъ примите этихъ гостей, которыхъ я веду къ вамъ изъ русскихъ странъ: два хора дѣвъ, третій составленный изъ юношей спѣшно идутъ съ музыкой и съ танцами и пѣснями любовными, но первый рядъ дѣвъ давно уже груститъ о томъ, что до сихъ поръ не начинаеть разногласныхъ пѣсней, и такъ я нѣтъ открою поле для удовольствія, а вы узнавайте, которая изъ нихъ пріятнѣе поетъ.»

<sup>2</sup> *Переводъ.* «Пчелка безжалостная, за что ты ранила мой пальчикъ? зачѣмъ въ него жало ты впустила? «Зато тебя я ужалила, что ты ута-

- «—Dla tegom cię ujadła,  
 «Żeś z ula miód wykradła,  
 «Któregom miała pożywać w późnej jesieni.»  
 «—Patrzaj jako od razu skóra się rozpadła,  
 «A od bolu srogiego twarz moja pobladła.»  
 «Pewnie zdrowabyś była  
 «Gdybyś nie poruszyła.  
 «Cudzego i niesięgała do skrytej dzieni.»  
 «—Któż to wiedział żeś natenczas w dzieni siedziała,  
 «Kiedym ja niszczęśliwa miód z niej wybierała.»  
 «—Tak świat roskoszy słodzi,  
 «Tuż przy nich gorzkość płodzi,  
 «Między trochę miodu zółci przydając wiele.»  
 «—Niedbam żeś mnie boleści pszczołko nabawiła,  
 «Poniewasz dla tegoś miód z żądłem utraciła.»  
 «—Wszystkoś mi odebrała  
 «Com najlepszego miała;  
 «Masz miód, masz żądło, jesteś pszczołka w ludzkim ciele.»

Достоинства *Роксоланок* Зиморовича не вездѣ одинаковы; одни изъ нихъ носятъ на себѣ слѣды пера еще юнаго, недовольно опытнаго, другіе языкомъ и мыслию указываютъ талантъ уже зрѣлый. Мы не сомнѣваемся, что Роксоланки, которымъ при всѣхъ ихъ достоинствахъ, недостаетъ такту высшаго общества, какъ любовныя пѣсни, должны

шла медъ изъ улья, который намѣрена я была питаться поздней осенью. — Смотри какъ вдругъ кожа разсылась, а отъ жестокой боли мое лицо поблѣднѣло.» А вѣрно была бы ты здорова, еслибы не тронула чужаго и не прикасалась къ скрытой нашей работѣ. Кто же то видѣлъ, что на ту пору сидѣла ты за работой, когда я несчастная медъ выбирала. Такъ миръ услаждается роскошью, и тутъ же при ней горечь рождается, изъ крохъ меду прибавляя много желчи. Вадоръ то страданіе, которое ты пчелка изъ причинила, потому что ты съ жаломъ вѣстѣ и медъ потеряла. Все у меня ты отняла что было лучшаго; есть у тебя медъ есть, и жало, ты пчела въ человѣческомъ тѣлѣ »

или повторяться въ устахъ любовниковъ извѣстнаго слоя общества XVII вѣка, — такое сходство въ мысляхъ и разгѣрѣ стиха замѣчается между ними и дошедшими до насъ любовными пѣснями окрестной польской шляхты, что же касается высшаго класса, то онъ свои чувствованія выражалъ инымъ, классически ученымъ образомъ, точно такъ, какъ объясняется гименей въ началѣ Роксоланокъ.

Третьимъ латинскимъ поэтомъ того времени былъ *Янъ изъ Вломовацъ Гавиньскій*, который не можетъ равняться съ Шимоновичемъ и Вареломеемъ Зиморовичемъ, но безъ сомнѣнiя выше Симона Зиморовича. Стихотворенiя его издавались отдѣльно въ разное время при его жизни и послѣ смерти, и наконецъ соединенныя въ одно собранiе вышли въ наши уже времена вмѣстѣ съ разными сочиненiями сомнительнаго достоинства. Онъ писалъ *Идилли*, *Dworzanki* (Бездѣлицы) *Элегии* на смерть Станислава Ксѣнзкого, *Эпитафию* и т. п. Приведемъ отрывокъ изъ его идиллiи: *Жизнь сельская и придворная*:

«We wsi domek poziomy z niewyniosłym szczytem, <sup>1</sup>  
 «I mieszkaniem wesołym, i szczęśliwym bytem  
 «Pana swego obdarza: pokoiczek mały  
 «Za gmach wielki mu stanie i za zamek cały.  
 «Miasto drogich *szpalerów*, po ścianach natkiony  
 «Z wonnemi kwjateczkami wisi maj zielony  
 «Po stole i po ziemi świeci się rozsuta,  
 «Róża, goździk, barwinek i zielona ruta,

<sup>1</sup> *Переводъ.* «На селѣ стоитъ низенькiй домикъ съ невысокой крышей; веселымъ жилищемъ и счастливымъ бытомъ даритъ своего господина: уютная горница вознаграждаетъ его за палаты и цѣлме зѣмки. Вмѣсто дорогихъ обоевъ, заткнутая въ стѣнѣ, виситъ свѣжая зелень съ благоуханными цвѣтками. Разсыпанная по столу и землѣ сіяетъ роза, гвоздика, барвiнокъ и зеленая рута, въ саду его привлекаетъ прохлада подъ разцвѣтшими вѣтвями, гдѣ пробывъ нѣкоторое время, подъ тѣнью же



«Albo w sadzie z gałązek rozkwitłych chłodniki,  
 «Tam go pod cień wzywają i lotne pośniki,  
 «Gdzie trawiąc czas łagodny, pod temiż gibelii,  
 «Na zielonej traw bujnych kładzie się pościeli:  
 «Alboli gdy domowe nasycą go wczasy.  
 «Z miłą chęcią ukwapia w swe poblizsze lasy:  
 «Tam pod liściem klonowen, jak pod szczerozłotem,  
 «Lub bukowym spoczywa papużym namiotem,  
 «Więc mu i sen na tęczas słodki się udaje,  
 «Na który go zachęca szum co z wody wstaje,  
 «Lub gdy zefir na drzewie histeczkami dzwonie,  
 «Do spokojnej, sen mu się smaczniej tuli skroni.  
 «Czeladka robót pilna to jego dworzani,  
 «Taż za wiernych przyjaciół w każdy mu czas stanie.  
 «Pracowity wół i koń to część dworu jego,  
 «I podpora niemylna do mienia dobrago.»

Переходя отъ этихъ очаровательныхъ картинъ честной жизни деревенской шляхты, какъ ихъ изображаетъ Гавиньскій, грустно принимаясь за другаго писателя, видѣть съ другой стороны лице той же шляхты, омраченное такимъ множествомъ недостатковъ и несовершенствъ, грустно сознаться, что въ идилліи изображался только идеаль, а сатира представляла вѣрную, дѣйствительную сторону нашихъ нравовъ. Но такъ дѣйствительно было въ

---

*gibielii*, онъ ложится на зеленой постель изъ травъ. Или, когда у него есть досугъ, онъ съ удовольствіемъ спѣшитъ въ соседніа рощи: такъ поутру клеонъ какъ подъ золотныи шатромъ, онъ отдыхаетъ и сонъ ему кажется сладкимъ; его располагаетъ ко сну шумъ, происходящій отъ воды или когда зеефиръ по дереву шелеститъ листочками, сонъ сладостиво проникаетъ на его спокойныа взгиди. Трудолюбиваа чельдь, то его придворныа, въ каждую пору занятъ ему вѣрныхъ друзей; конь и быкъ трудолюбивыа, вотъ часть его двора, и вѣрнаа опора въ хозяйствѣ.»

польскомъ обществѣ. Въ началѣ эпохи Вазовъ мы указывали сатиры на домашнія и общественныя его недостатки, но еще въ этихъ недостаткахъ проглядывало что-то богатырское, что доказывающее могучую нравственную силу народа; но подъ конецъ этой эпохи, когда вѣра превратилась въ религіозную борьбу и благодаря іезуитамъ и ихъ противникамъ сдѣлалась только буквой догмата, когда, благодаря Сигизмунду III, престолъ потерялъ свою энергію и довѣренность подданныхъ, когда, благодаря магнатамъ, перевѣсъ матеріальной силы сталъ заступать мѣсто законности и правосудія, тогда возрасли недостатки, дѣйствительно унижительные для Польши. Примѣромъ для нихъ служили высшіе и они подобно заразѣ распространялись въ низшихъ слояхъ общества. Гражданская заботливость о соблюденіи законовъ и ихъ знаніи, которою такъ дорожилъ народъ конституціонный, переродилась теперь въ гнусное ябедничество. Духъ пожертвованій политическихъ и религіозныхъ находилъ рѣдкіе себѣ примѣры, чувство эгоизма возрастало въ сердцахъ Поляковъ, не задолго еще столь возвышенныхъ. Пьянство, продажность, угнетеніе слабыхъ, расточительность—вотъ недостатки распадавшагося уже общества, недостатки, которые подъ конецъ этой эпохи были изображаемы сатириками *Андреемъ Рысинскимъ* и *Петромъ Опалинскимъ*. Первый (котораго кажется несправедливо смѣшиваетъ Войцицкій съ другимъ, Соломономъ Рысинскимъ, лютеранскимъ пасторомъ въ Гданскѣ, мужемъ заслуженнымъ въ нашей литературѣ собраніемъ пословицъ, ходившихъ между простымъ народомъ), сочиненіемъ *Сатира на дворъ* (*Satyr na twarz dworska*) и другимъ *Сатира на Республику* (*Satyr na twarz Rzeczypospolitej* 1640 г.) поразилъ народные недостатки съ достоинствомъ, хотя безъ особеннаго таланта. Какъ бы то

ни было, но въ обоихъ сатирахъ Рысинскаго мы находимъ вѣрную картину тогдашнихъ недостатковъ, которыхъ не хотимъ принимать за образъ тогдашнихъ нравовъ Польши, потому что думаемъ что сатирикъ изображая мрачную сторону общества опустилъ свѣтлыя его черты. Вотъ образъ продажности судей въ трибуналахъ.

«Gdy więc panowie sprawę swoje mają,  
 «Na kilka do Lublina niedziel przyjeżdżają,  
 «Przed czasem i terminem w której różnodobie  
 «Deputatów Fawory zjednywają sobie,  
 «Prosząc wprzód ich na bankiet z paniami pospółu.  
 «Gdzie przy winie gorącym, u strojnego stołu,  
 «W znajomości zachodzą i braterstwa nowe.  
 «Spore nato kielichy pełniąc kryształowe.  
 «Tamże słuszność spraw swoich za każdą podana,  
 «Rozwodzą, okazują; ani nieustaną,  
 «Aż wszystkich nie naswoich nogach rozprowadzą,  
 «Choć czasem i drugiego na *tureczka* wsadzą,  
 «Co nigdy cię niewroci. Drugiego polano,  
 «Że polewką umyślnie, aż za to posłano  
 «Rysią mu ferezyję. Drugim, księży zwłaszcza,  
 «Nie żaden wstyd po trzezwu upomni się płaszca.  
 «Drugim posła to wódek, to *Piotrkowskich* krupek,

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Итакъ, когда господа имеютъ свои дѣла, за нѣсколько недѣль они приѣзжаютъ въ Люблинъ, до заблаговременно термина, въ этотъ промежутокъ снискиваютъ себѣ благосклонность депутатовъ. Сначала приглашая ихъ на паръ вишетъ съ женами, тамъ съ чашей вина за убранными столами заводятъ новыя знакомства и новыя братства, наполняя для этого богатыя чаши хрустальныя. Тамъ правоту своихъ дѣлъ за каждой подачей они показываютъ, и не перестанутъ до тѣхъ поръ, пока всѣхъ не разведутъ на своихъ ногахъ. Иногда другаго всадятъ на турецкаго (коня), который никогда уже не вернется. Иногда нарочно обольютъ соусомъ, и зато пошлютъ ему рысью еерязь. Другимъ, особенно священникамъ, не стыдно и въ трезвомъ состоянн попросить плаща. Инымъ пошлютъ то вино, то *Пётрковскыя* кружки на

«Na złocistych miednicach: choć się tych skorupiek,  
 «Nieupomnią na wieki. Drugim podrzucają,  
 «Konwie srebrne i czary, a choć się gniewają,  
 «I chcą w rzeczy wyrzucać: przecię pod oknami  
 «Rzadko gdzie ich znajdują».

Но не смотря на непривлекательную поверхность взгляда, нерифмованные стихи, необработку слога и грубость выражений, мы предпочитаемъ Рысиньскому, *Сатиру или совѣты для исправленія правительства и нравовъ Польши* (Satyry albo przestrogi do poprawy rządu i obyczajow w Polsce 1652 г.) Христовора Опалинскаго Познаньскаго Воеводы. Это сочиненіе во второй разъ было издано подъ заглавіемъ *Juvenolis redividus*, а въ третій разъ *Icon amicorum*. Въ Сатирахъ Опалинскаго мы находимъ болѣе обширный взглядъ, добрыя желанія, мудрые совѣты, довольно движенія и жизни, полноту сатиры и наивность, которая при его грубости не можетъ не нравиться. Опалинскій порицаетъ роскошь и изнѣженность въ воспитаніи дѣтей, нападаетъ на пустосвятовъ, изображаетъ недостатки домашней и придворной жизни Поляковъ и т. д. Въ образецъ приведемъ отрывокъ изъ сатиры. *На обременіе и утѣшеніе крестьянъ въ Польшу*:

«Rozumiem że Bóg Polski za nic niekarze<sup>1</sup>  
 «Więcej, jak za poddanych sroga opressyą,  
 «I gorzej niż niewolę. Jakoby chłop niebył  
 «Bliżnim nie tylko twoim, ale i człowiekiem.  
 «Serce się oraz lęka, skóra drży wspomniawszy

положенныхъ подносахъ, хотя этихъ скорлупъ они и во вѣкъ назадъ не потребуютъ. Другиѣ подбрасываютъ серебряные сосуды и чарки, и хотя тѣ сердатся, и хотятъ силою выбросить, однако рѣдко кто находилъ ихъ подъ окнами.»

<sup>1</sup> Переводъ. «Я знаю, что Богъ ни за что больше не наказываетъ Польши, какъ за жестокое угнетеніе подданныхъ, худшее рабства. Какъ

«Na tę niewolę, która cięższa niż pogańska,  
 «A dla Boga, polacy, czyscie oszalełi!  
 «Wszystko dobre, dostatek, żywność, wszystkie zbiory  
 «Z waszych macie poddanych. Ich ręce was karmią,  
 «Przecię się tak okrutnie z niemi obchodzicie.  
 «Wielbłąd tak powiadają nąd siły nienosi,  
 «I kiedy go najuczają, że przeładawanym  
 «Być się poczuje, zaraz tamże się poloży,  
 «I wstać niechce. Opak tu: bo nadprzyrodzone  
 «I Boskie prawa, chłopek wytrzymać to musi  
 «Co mu pan na ramiona włoży, by miał zdyszeć.  
 «Łają i kaznodzieje, łają spowiednicy,  
 «Piekłem grożą nic na ten, sami to biskupi  
 «Przez swoich ekonomów czynią i prałatów,  
 «A bodaj i niewięcej. Ma szlachcic ubogi  
 «Zasłoną kiedy widzi że przedniejsi grzeszą.  
 «Naprzód jakie ciężary w samych robocznach.  
 «Gdzie bywało dwadzieścia kmieci, albo więcej,  
 «Tam ich osm, albo dziesięc, a przecię to zrobić  
 «Każą dziesięciom co ich dwadzieścia robiła.  
 «Gdzie przed tem wychodziło ludzi po jednemu

будто бы холопъ не былъ твоимъ ближнимъ и даже человѣкомъ. Сердце  
 ругается, кожа дрожитъ при мысли о томъ рабствѣ, которое хуже  
 языческаго. О! ради Бога, Поляки, съ ума ль вы сошли! Все свое добро,  
 остатки, продовольствіе, всѣ сборы, доставляютъ вамъ подданные.  
 ихъ руки васъ питаютъ, и при всемъ томъ вы такъ жестоко съ ними  
 обращаетесь. Верблюды, какъ говорятъ, не беретъ чрезъ силу, когда  
 его обучать, и если онъ почувствуетъ себя излишне обремененнымъ,  
 ляжетъ и встать не захочетъ. А здѣсь напротивъ: вопреки правамъ  
 природы и Божественнымъ, холопъ то долженъ нести, что панъ нало-  
 житъ ему на плечи, хотя бы онъ умеръ. Ругаютъ его и проповѣдники,  
 ругаютъ духовники, грозятъ адомъ; пустое, сами же епископы, чрезъ  
 своихъ приставниковъ и прелатовъ дѣлаютъ тоже, если не больше. А  
 бѣдный шляхтичъ мнѣтъ отговору когда видитъ, что и высшіе дѣла-  
 ютъ тоже. Какое обремененіе въ самыхъ работахъ. Гдѣ прежде бы-  
 вало 20 человѣкъ, теперь тамъ 8 или 10 и однако приказываютъ сдѣ-  
 лать 10-ти то, что ихъ дѣлало 20. Прежде выходили изъ дому по ок-

«Z domu, potem po dwu, po trzech i po czterech.

«Gdzie dwa dni, albo i trzy robili w tygodniu,

«Teraz niemają, czasem wolnego żadnego.

«Gdzie wolny szynk piw bywał, zwłaszcza w księżych dobrach,

«Teraz i to odjęto i pić każą piwo

«Którymby same trzeba djabły truć w piekle».

Назвать ли намъ поэтомъ *Самуила изъ Скржинна Твардовскаго*? поставить ли его въ ряду первостепенныхъ, или только причислить къ разряду простыхъ рифмотворцевъ? Отвѣтъ трудный. Твардовскій писалъ много, легко, иногда возвышенно, истинно поэтически; жилъ во время живыхъ событій историческихъ, любилъ воспѣвать ихъ въ своихъ поэмахъ, какъ то: *Счастливый Московскій походъ короля Владислава IV (1654)*, *Память смерти Ею Величества Александра Карла, Польскаго королевича (1634 г.)*, *Дворецъ Лещинскихъ (1645 г.)* или *Междоусобная война съ козаками и Татарами и т. д. (1660)* или *Чрезвычайно важное посольство Христофора Зборовскаго въ Турцію (1621 г.)*. Онъ увѣковѣчилъ множество событій, не безъ таланта изображалъ своихъ героев, — и однако, читая его произведенія, намъ приходится сожалѣть о томъ, почему онъ не писалъ ихъ прозою въ видѣ исторіи или мемуаровъ. Нѣтъ у Твардовскаго недостатка поэзіи въ слогѣ, но недостатокъ торжественнаго взгляда на свой предметъ, а поэтому не смотря на весь ослѣпительный блескъ, произведенія его не имѣютъ ни дѣйствительнаго блеска, ни животворной теплоты. Лучи истинной поэзіи (возьмемъ древнее сравненіе) у него сіяютъ

нѣкому челоуку, потомъ по два, по три, по четыре. Гдѣ два или 3 дня работали въ недѣлю, теперь иногда не имѣютъ и дня свободнаго. Гдѣ бывалъ вольный шинокъ пива, особенно въ священническихъ имуществвахъ, теперь и то отнято, и велеть пить пиво, которымъ надо отравлять однихъ только адскихъ демоновъ.

такъ, какъ блестяи золота въ массѣ болотистой руды, образи вмѣсто того, чтобы соединяться, чрезвычайно растянуты, мысли вмѣсто того, чтобы блистать, омрачены какъ будто бы нарочно, подробности бывають торжественны, но цѣлость обыкновенна. Впрочемъ такъ какъ упрекъ этотъ можно сдѣлать не одному Твардовскому, но очень можно примѣнить его къ Хотинской Войнѣ Липскаго, Идилліямъ В. Зиморовича, Лирическимъ произведеніямъ Мясковскаго и Коховскаго, словомъ ко всѣмъ произведеніямъ тогдашней школы—то рождается теперь вопросъ, приписать ли эти недостатки самимъ поэтамъ или понятіямъ тогдашней эстетики? а въ этомъ послѣднемъ случаѣ, что было причиною такой ложной теоріи искусства? Размышляя объ отвѣтѣ на эти вопросы мы доходимъ къ источнику порчи вкуса еще въ іезуитской школѣ, гдѣ наставники составляя панегирики сильнымъ, внушили питомцамъ своимъ ложное правило: *что каждое лицо, каждое событіе можетъ быть предметомъ поэзіи*, и еще другое: *что засмотрѣвшись на образцы совершенства въ классической древне-римской поэзіи, вѣрною копировкою этихъ образцовъ можно замѣнить въ себѣ недостатокъ чувства и вдохновенія*. Пѣтика, которую преподавали въ школѣ, какъ науку нравственную, непременно должна была родить поэтовъ холодныхъ, искусственныхъ, заученныхъ, сравнивать гений и посредственность у перваго отнять крылья, другую поддерживать при помощи готовыхъ уже формъ и правилъ. Жертвою *школьной пѣтики* пали, дѣйствительно призванные природою поэты, Липскій, Зиморовичъ, Твардовскій. Возвращаясь къ послѣднему, подтвердимъ доводами то, что мы о немъ сказали, и выпишемъ приготовленія Яна Казимира къ Зборовской битвѣ (изъ поэмы *Междоусобная война*).

«А так військо którego mogło już być więcej<sup>1</sup>  
 «На двадзiesięcia, wyboru samego тysięcy,  
 «W pięknej sprawie prowadzi sam mu kredensując,  
 «Sam porządki i strażе wszystkie upatrując  
 «Jako stanąć? i z konia umieć się ułożyć;  
 «Podskoczyć na skinienie; *drzewo* kształtnie złożyć?  
 «Trzymać się swych szeregów i razem pilnować  
 «Ich obrótów, po drugim jeden następować;  
 «Zajeżdżać, posilkować, ueząc niecwiczonych,  
 «Z podziwieniem w tym dziele mężów dowiadczonych.  
 «A czego nie przeniknie i przez się niesprawi,  
 «Kancelerza generałem wielkiego, przystawi,  
 «W rządach Ossolińskiego: Sarmackiej wymowy  
 «Przed tem wodza, z którego wychodziły głowy  
 «Rady wszystkie. O jak szczerо teraz gniewy  
 «Wspłoną *Gradywoowymi* jemu oraz lewy,  
 «Bóg poruczy *Kijowski, Bełski i Podolski*,  
 «Spół z nim Wojewodowie i wodz Wielopolski  
 «Z Litewskim Podkanelerzem i Zamojski boku  
 «Blizko tego pilnują; a w swoim obłoku  
 «Ruszenia pospolite, i które ich były  
 «Za wody nieskończone okrywały tyły.

<sup>1</sup> *Переводъ.* «А такимъ войскомъ, изъ котораго отборныхъ могло бытъ болѣе двадцати тysiачъ, онъ самъ предводительствовалъ въ удачной кампаніи: заботясь объ ихъ продовольствіи, наблюдая за порядкомъ и осматривая пикетъ. Какъ нужно стоять, и на конѣ уметь прицѣлиться, лвиться по первому призыву, *дерево* ловко сложить? Держаться своихъ рядовъ и смотрѣть на нихъ повороты, послѣдовательно шествовать, зазывать, подавать помощь, обучая незнающихъ, заставляя удивляться нуже опытныхъ въ этомъ дѣлѣ. А чего самъ не постигнетъ и самъ не сдѣлаетъ, назначить генераломъ великаго канцлера въ ряды Оссолинскаго: верховнаго витію Сарматовъ, общаго всѣхъ совѣтника. Какъ неспривторно возгорится теперь гнѣвъ его, постепенно, подобно приливу. Богу себя онъ поручитъ и съ нѣмъ вѣстѣ воеводы Кіевскій, Бѣльскій и Подольскій; вождь великой Польши съ Литовскимъ подканцлеромъ и Замойскій стерегутъ ту сторону; а съ вершиномъ наблюдаетъ



«Аż zato pod Zborowem w pięciu ledwo milach  
 «Będzie już od Zbaraża, gdzie po przeszłych chwilach  
 «Niebieskich uprzykrzonych i z natury swojej  
 «Ziemia lipka, ze strony potniejąc (bojej  
 «Od *Jezierzyszcz* przyległych (które *Strypa* swymi,  
 «Rozławszy się po łągach nurty leniwemi  
 «W żaby czyni obfitą), droge mu zabawi,  
 «I niżli ją tym czasem zbity gmin naprawi  
 «Że wsi bliższych, przyszło się z te tu miasta stronę  
 «Z obozami zatrzymać przez sobotę one,  
 «Która dzień uprzedzała nadewszystkie święty  
 «W niebo *Bogarodzice* od aniołów wziętej:  
 «Więc żeby tej pociechy niebył i on próżny  
 «Duchow tryumfujących. Posiłek podróży  
 «Z chleba wziął zbawienego: do tegoż wzbudziwszy  
 «Wszystkich swoim przykładem; a tak uzbroiwszy  
 «Na przypadki wszelakie i ślizkość fortuny,  
 «Zda się sobie że choćby ostre nań pioruny  
 «Z wierzchu biły, i samo słyszał gór zleganie  
 «Z razów *Tusseuszowych*, nie się mu niestanie  
 «Zaczem co kosztownego tego dnia zbywało,  
 «Przywoławszy senatu i inszych niemało,

онъ за обшимъ движеніемъ и безконечными разводами, которме ихъ тмъ прикрываютъ. За то уже подъ Зборовомъ въ пяти только миляхъ отъ Збаража, гдѣ послѣ неприятныхъ перемѣнъ воздушныхъ да и по природѣ земля вязка, проникаясь влагою отъ близкихъ озеръ, которме *Strypa*, разлившись по лугавъ лѣнливими потоками, дѣлаетъ обильною лягушкани, замедлитъ путь, и пока его починитъ народъ собранный изъ сосѣднихъ деревень, нужно будетъ простоять съ обозомъ въ городѣ субботу, предшествующую дню успенія Пресвятой Богородицы. Но чтобы не быть лишнему утѣшенія торжествующихъ духовъ, онъ принялъ подкрѣпленіе изъ спасительнаго хлѣба и къ этому побудилъ всѣхъ своихъ привѣромъ; а такимъ образомъ вооружившись противъ всѣхъ несчастныхъ случаевъ и непостоянства счастья, онъ кажется остался бы твердымъ противъ всесокрушающихъ громовъ и паденія горъ низверженныхъ ударовъ. Затѣмъ остатокъ этого драгоценнаго дня упо-

«Wodzów i weteranów, z nimi o sposobie,  
«Dalszym komunikuje.»

Языкъ чистъ и исправенъ, рифмы звучны, а однакоже нѣтъ того, что трогаетъ сердце. Такъ какъ поэтъ не подмѣтилъ торжественной минуты того, что онъ изображаетъ, то его прозведенію при всѣхъ его притязаніяхъ далеко не равняться съ древнею пѣснью о побѣдѣ Ягеллы подъ Гринвальдомъ, при чтеніи которой сердце невольно должно забиться и глаза наполниться слезами. Впрочемъ растянутасть, недостатокъ огня, не столько поражаютъ насъ въ эпосѣ, сколько въ лиризмѣ, гдѣ для большей силы должна быть выражена высшая степень восторга и чувства. Вотъ отрывокъ изъ бесконечно длинной оды Твардовскаго на смерть королевича *Александра Карла*

«Co ztąd za żał i rozruch po wszystkiej koronie <sup>1</sup>

«Jako znaczna ruina i w Królewskim tronie?

«Upadł piątą Baldekin zatrzęsły się mary,

«Złote jako podcięta krwawę jędza sznury.

«Ty! coś świeżo ukrócił Wschód nieusmierzony,

«I harde Dunajowe poskromił Trytony:

«O! jako w pół tryumfów i swojej ozdoby,

«Jakoś przyjął nowinę tag nagłej załoby?

«Padnie z ręku Reiment, serce urażone,

«Niepożyte inaczej, ani zwyciężone:

---

требилъ на разсужденіе о способѣ веденія войны, въ присутствіи сената, вождей и ветерановъ.

<sup>1</sup> *Переводъ.* Какая скорбь и смятеніе во всемъ царствѣ, отъ этой значительной потери на королевскомъ тронѣ? Паль пятый Балдекинъ, зашатался стѣнъ, потому что фурия подрѣзала кровавыя нити.

Ты, который недавно укротилъ мятежный Востокъ, и усмирилъ гордые Дунайскіе тритоны: О! какъ на пути триумфовъ и своихъ украшеній принялъ ты новость о внезапномъ траурѣ?

«I które swą wdzięcznością świat uweselają,  
«Po kwitnących jagodach z oczu łzy pierzchają.

«Na Pana wszyscy patrząc powieszają głowy,  
«Zrucą forgi z szyszaków: i już nie surowy  
«Mars im w oczach. Jako więc, gdy gwałt przyrodzeniu,  
«Światła insze pogasną w słonecznem zaciemieniu.

«Działa milczą i bębny, na ich miejsce wyje  
«Głucha w dzwony Nemezys okropne Nenije;  
«A Bellona promienie zelżywszy okrutne  
«Po obozie rozrzuca Amaranty smutne.

«W tej Majestat żalobie, i wszystka korona,  
«Tedy ludzkie kochanie i ozdoba ona  
«Mogła zmierzchnąć tak prędko? Ledwie sie ochynał,  
«Ledwie z morza *Lucifer*, aż w momencie zginał.

«Placz nieszczęsna młodości! jeśli ztąd rej wodzisz.  
«Że inne wieki ludzkie ozdobą przechodzisz  
«Też Nardy i Kupressy ukochane sobie,  
«Które głowy koroną, powieszasz na grobie.

«Ufasz-li w swej czerstwości i darach natury?  
«Niewidzisz, ano starzec nad tobą ponury,

Падаетъ изъ рукъ скипетръ и сердце изранено прежде ничѣмъ неоскорбленное и непобѣдимое: и тѣ, которые увеселяютъ миръ своимъ благодарностию, свои лица орошаютъ слезами.

Смотря на васъ всѣ опускаютъ головы, снимаютъ форги ихъ шишаковъ и уже не смотрятъ Марсомъ. Такъ какъ во время солнечнаго затмѣнiя и всѣ свѣтила померкнуть.

Молчатъ орудiя и барабаны, вмѣсто ихъ воетъ въ колоколахъ глухая Немезида ужасная Нения; а Беллона ослабивши страшные лучи, раскидываетъ траурные амаранты въ стаѣ. Весь домъ въ этомъ траурѣ и все государство, когда любовь всѣхъ людей и это украшенiе такъ внезапно померкло? Едва появился, едва блеснулъ и вдругъ исчезъ.

Плачь несчастная молодость! если тѣмъ гордишься, что преннушествуешь надъ другими вѣками, тѣ же нardy и кипарисы для тебя ильме повѣсишь надъ гробомъ въ видѣ вѣнца.

«Utopiwszy skąpy wzrok w tablicy kamiennej,  
«Kresli termin twym latom, termin nieodmienny.»

О жизни Твардовскаго знаемъ только то, что онъ родился въ 1600 г., что 24-го онъ былъ въ Константинополѣ въ свѣтѣ Зборовскаго, котораго посольство имъ описано, что живя въ селѣ Зарубенцахъ долженъ былъ бѣжать предъ грознымъ гайдаматствомъ Хмѣльницкаго, что своею поэмою подъ заглавіемъ *Владиславъ IV*, дотога вооружилъ Россію, что въ числѣ причинъ разрыва съ Польшею послы царя Алексѣя Михайловича въ 1650 г. приводили эту поэму, какъ оскорбительную для ихъ народа, что наконецъ Твардовскій умеръ въ 1669 г. а лирикъ Коховскій, о которомъ мы сейчасъ скажемъ, въ эпитафій ему, назвалъ его Польскимъ *Виргиліемъ*. Въ то время уже щедро стали награждать подобными титулами.

Къ нашей эпохѣ можно бы еще причислить одного изъ необыкновенныхъ поэтовъ, Веспасіана Коховскаго, о которомъ мы сейчасъ говорили, тѣмъ болѣе, что въ этой же эпохѣ мы будемъ заниматься имъ, какъ историкомъ, но потому, что первое собраніе лирическихъ стихотвореній Коховскаго вышло уже въ 1674 г., знач. пять лѣтъ спустя послѣ отреченія Яна Казимира, которымъ оканчивается эпоха *Вазовъ*, — то мы оставляемъ его въ эпохѣ *дальнѣйшихъ королей избирательныхъ*, столь бѣдной въ первые свои годы истинными поэтическими талантами.

Тѣмъ и оканчивается отдѣлъ объ оригинальныхъ поэтахъ эпохи *Вазовъ*, имѣющихъ болѣе или менѣе права на это почетное имя. Намъѣреваясь въ слѣдъ за тѣмъ вспомнить нѣсколько переводчиковъ стихами, переводившихъ, какъ

---

Полагаешься ли на свою свѣжесть и дары природы? Ты не видишь, а старецъ угрюмый вперивъ свой взоръ въ каменную доску чертить срокъ твоимъ лѣтамъ, срокъ неперемѣнный.

изъ древней классической литературы, такъ и съ новѣйшихъ европейскихъ языковъ, не будемъ скрывать того интереса, какой мы придаемъ къ переводамъ нашей эпохи, потому что при одичалости домашней литературы, въ переводахъ только скрывались образцы хорошаго вкуса, въ переводахъ лежали сѣмена той такъ называемой *реформы вкуса*, которая совершилась въ царствованіе Станислава Августа. Мы не принадлежимъ къ партіи приверженцевъ этой реформы, мы лучше желали бы видѣть возрожденіе литературы въ формѣ и духѣ мѣстномъ, лучше желали бы приписать ее погочему вліянію какого-нибудь отечественнаго пера, а не школы французско-классической; но что уже случилось, то иначе не могло случиться, а такъ какъ мы чрезчуръ одичали у себя дома, то намъ необходимы и полезны были эти переводы, какъ возвращеніе къ чистому источнику римскаго классицизма, какъ образецъ того, какъ высоко стоятъ литературы другихъ странъ. Но мы предупреждаемъ событія; отступимъ лучше къ самимъ предѣламъ эпохи Ягеллоновъ, и пройдемъ чрезъ всю эпоху Вазовъ, собирая имена болѣе удачныхъ переводчиковъ.

Отдѣльные псалмы Давида, для употребленія ихъ въ католическихъ костелахъ и реформатскихъ Зборахъ въ нашу эпоху были переводимы: Станиславомъ Судровскимъ, Матвеемъ Рыбиньскимъ, съ французскаго перевода Марота и Безы, Тарновскимъ, Соломономъ Рысиньскимъ, Яковомъ Гембицкимъ и другими протестантами въ нач. XVII в.; изъ католиковъ Янъ Бялобоцкій и Станиславъ Гроховскій тоже не мало трудились надъ переводомъ множества церковныхъ пѣсней и гимновъ. Этими намерами о первыхъ годахъ нашей эпохи мы ограничиваемся здѣсь вполнѣ, потому что у насъ недостаетъ ни смѣлости, ни матеріаловъ для того заниматься позднѣйшими псалмами и пѣснями работы іезу-

итской, Доминиканской или Базиліанской, писанныхъ стихами *Ченстоховскими*, часто смѣшанныхъ пополамъ съ латинскимъ, всегда приторныхъ, иногда при своемъ духѣ восторженнаго благочестія, оскорбительныхъ для тѣхъ священныхъ предметовъ, которые въ нихъ воспѣваются. Займемся предметами свѣтскими.

Первымъ, по времени, переводомъ въ эпоху Вазовъ была *Энеида*, переведенная Андреемъ Кохановскимъ, братомъ Яна (Краковъ въ тип. Лазаря 1594 г.) Не смотря на то, что этотъ переводъ признанъ неискуснымъ и слабымъ, онъ имѣлъ три изданія. Быть можетъ, еслибы поэтъ не назывался Кохановскимъ, съ именемъ котораго избалованная польская публика привыкла соединять мысль о поэтическомъ совершенствѣ, переводъ Энеиды, о которомъ мы говоримъ, имѣлъ бы большой успѣхъ. Продолженіе *Виргилія*, или такъ называемую XIII книгу Энеиды, написанную по-латинѣ въ XV вѣкѣ Матеомъ Веріусомъ, переводили въ нашу эпоху *Ахацій Кжита* (1594 г.) и *Мартинъ Блажовскій*, переводчикъ исторіи Кромера (1606). *Георгием Виргилія* перевелъ *Валеріанъ Отеиновскій*, Сендомирскій подчашій (1614) стихомъ гладкимъ и вѣрнымъ—приведемъ здѣсь образчикъ изъ первой книги.

- «Co sprawuje wesołe' zboże, i pod jakim <sup>1</sup>  
 «Ziemię pługiem przewracać trzeba wielorakim,  
 «O Mecenas! wina latorosl godnego  
 «Kiedy słuszna do tycza wiązać ilmowego.  
 «Co za dozoru woły chęą, i jakigj wszystek,  
 «Pilności potrzebuje drobniejszy dobytek,

<sup>1</sup> *Переводъ* Что производитъ роскошная жита, и подъ какииъ плуги сколько разъ нужно перепахивать землю, о меценатъ! когда будетъ пора привязать вѣточку достойнаго вина къ ильмовому шесту. Какого надзора воли требуютъ, и какой заботливости меньшій домашній

«I jaka w skąpych pszczołach biegłość z doświadczenia.  
«Z tąd i ten niech początek będzie mego pienia.»

Тотъ же Отвиновскій перевелъ *Метаморфозы* Овидія (1638). Но по чистотѣ языка, этотъ переводъ не можетъ равняться съ другимъ, современнымъ ему, переводомъ тѣхъ же метаморфозъ *Якова Жебровскаго* (1636). Вотъ образецъ этого перевода (книга I).

«Wiek złoty rej pierwszy wiodł: ten z szczerzej ochoty, <sup>1</sup>  
«Bez kary, bez zakonu, strzegł wiary i cnoty.  
«Kaźń, bojazń nie służyły, praw nie rysowano  
«Gróźnych w przytknionej miedzi, na twarz nie niedano  
«Sędzinę: za pokojem było bez sędziego.  
«Jeszcze z swych gór zepchniona na zwiady obcego  
«Swiata, sośnia po wodach nie stroiła biegów:  
«Inszych, imo swych własnych, nie znał żaden brzegów.  
«Miast okopy głębokie nie obstępowały.  
«Proste trąby, kornety krzywe nie brzęczały.  
«Miecz, szyszak nie miał głosu: bezpieczne narody,  
«Lub żołdata nie znano, wyżywały gody.  
«Sama swobodna, radłem ni krojem rzezana  
«Wszystkiego dostarczała ziemia nie orana.  
«Na stworzonej bez musu strawie przestawano;

скотъ, и какая бережливость и опытность видна въ пчелиныхъ ульяхъ пусть служатъ началомъ моихъ стиховъ.

<sup>1</sup> *Переводъ.* Вѣкъ золотой былъ началомъ всѣхъ вѣковъ: онъ охотно охранялъ вѣрованія и добродѣтели безъ наказаній и закона. Казни и страха не было, грозныхъ законовъ не вырѣзывали на прибитой (къ стѣнѣ) мѣди, судей не выбирали, потому что по причинѣ мира не было нужды въ нихъ. Еще сосна столкнутая съ горъ для обозрѣвiя чуждаго ей мира не растлжалась на водахъ: еще никто не зналъ чужихъ береговъ кромѣ своихъ. Глубокіе окопы не окружали городовъ. Прямая труба и кривые цинны не звучали.

Мечъ и шпикакъ не имѣли цѣны: беззаботные народы проводили веселую жизнь, хотя не знали солдатъ. Неподѣланная земля, ни бороной, ни сохою не вспахиваемая все доставляла. Довольствовались ни-

- «Owoc drzewny, a górne poziomki, zbierano,  
 «Tarki, morwy po temu wostrym krzewie zrosłe,  
 «Żer nawet jaki dęby spuszczały wyniosłe.  
 «Wiosna wieczna trzymała zefiry łagodne,  
 «Dmą letnią posiadały kwiatki samorodne.  
 «Niwa niesprawna z plonem wczas się oddawała,  
 «Kłosem ciężkim ugórna rola nie siwiała:  
 «Rzeki to nektarowe, to młeczne płynęły,  
 «Miody żółte z zielonych dębów się sączyły.»

Но вънцомъ поѣтическихъ переводовъ той эпохи считается *Готфридъ или Освобожденный Иерусалимъ* (1618) бессмертная поэма Торквато Тассо, въ переводѣ *Петра Кохановскаго*. Былъ ли этотъ Петръ братомъ, или только однофамильцемъ знаменитаго Яна? былъ ли онъ Мальтійскимъ рыцаремъ, или только королевскимъ секретаремъ? когда родился? когда умеръ? всѣ эти вопросы рождаютъ споръ между польскими учеными, до сихъ поръ еще не рѣшенный и кажется неразрѣшимый. Принимая во вниманіе бѣдность польскаго языка въ то время, когда Кохановскій переводилъ *Иерусалимъ*, повидимому невозможно было ожидать отъ него и тѣни красоть Тасса; а между тѣмъ переводъ Кохановскаго превышаетъ наши надежды вѣрностію, легкостію польскихъ оборотовъ и истиннымъ обогащеніемъ языка многими удачными возраженіями. Излишнюю иногда легкость рѣмы, пошлость выраженій, или мелкія отступ-

---

шею приготовленною безъ вымысла; собирали плоды деревь и землянику растущую на горахъ, терновія ягоды, плоды тутоваго дерева, выросшіе въ колючихъ кустарникахъ, даже пишу, какую доставляли высокіе дубы. Вѣчная весна сохраняла кроткіе зефиры, которые питали лѣтнимъ дуновеніемъ самородные цвѣты. Нива неаккуратная въ возвращеніе плодовъ своевременно созрѣвала, черное поле тяжкимъ колосомъ не сдѣло: рѣки текли наполненныя то нектаромъ, то медомъ, желтые мѣды просасывались изъ зеленыхъ дубовъ.



ленія отъ вѣрности, онъ текуааетъ прекрасными достоинствами перевода до того, что переводъ Тасса сдѣланный въ прошедшемъ столѣтїи Міэромъ, и въ настоящемъ вѣкѣ Каменскимъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ едва можетъ равняться съ старымъ, некрасивымъ на взглядъ переводомъ Бохановского. Приведемъ образецъ изъ того перевода, въ которомъ въ точности соблюденъ размѣръ оригинала. Вотъ рѣчь князя ада.

«Zasne książęta, godniejsi na niebie <sup>1</sup>  
 «Mieszkać, nad słońcem, z kąd rod prowadzicie,  
 «Których niesłusznie Bóg wypchnął od siebie,  
 «Z państw, do których z nim równo należycie:  
 «Bał się nas pewnie, widział nas w potrzebie,  
 «I miał nas z *kaszel*, co dobrze pomnicie;  
 «Teraz on nieby i gwiazdami rządzi,  
 «A nas za swoje przeciwniki sądzi.  
 «I miast światła i dnia pogodnego,  
 «Zamknął nas w *klusie* i w wiecznej ciemności,  
 «Zajrząc nam nieba i słońca jasnego,  
 «I onej pierwszej naszej szczęśliwości.  
 «A co mię gryzie, co mi do dawnego  
 «Bolu, przydaje męki i żałości:  
 «Woła do nieba człowieka lichego,  
 «Z błota i z podłej gliny zlepięnego.

<sup>1</sup> *Переводъ.* Почтенные князья, болѣе достойные жить въ небѣ, какъ солдцы, откуда вы родомъ, которыхъ Богъ несправедливо прогналъ отъ себя, изъ владѣній къ которымъ равно вѣсть съ нимъ принадлежите: вѣроятно онъ насъ боялся, нуждался въ насъ, и имѣлъ насъ въ *kaszel*, что вы хорошо помните; теперь онъ правитъ звѣздами и небесами, а насъ считаетъ своими врагами.

И вмѣсто свѣта и яснаго дня, заперъ насъ въ заключенїи и въ вѣчной темнотѣ, отнявъ у насъ небо и ясное солнце и наше первобытное блаженство, а что меня мучитъ, и что мнѣ еще болѣе придаетъ муки и печали: призываетъ къ небу ничтожнаго человека, составленнаго изъ земли и подлой глины.

- «Mało miał natem: Syna na śmierć srogą,  
 «Nam na złe, skazał i na świat wyprawił:  
 «Który, pomnicie, z taką naszą trwoga  
 «Piekielne brami wyparł i wystawił.  
 «Wydarł nam gwałtem korzyść naszą drogą,  
 «Dusze z dobyte z więzienia wybawił.  
 «Na żal nasz wytknął chorągwie rozwite,  
 «I tryumfuje, że piekło dobyte.  
 «Ale puśćmy precz krzywdy starodawne,  
 «I szkody, które nam wyrządzał wieku:  
 «Te były zawsze i teraz są sławne,  
 «Jako przeciw nam pomagał człowieku.  
 «Lecz tylko świeże weźmy i niedawne,  
 «Jak nas chce wniwecz obrócić od wieku,  
 «Cóż? niewidzicie, na co teraz godzi?  
 «Wszystkie nam ludzie do siebie odwodzi  
 «A my co nato? czy tylko przez szpary:  
 «Poglądać mamy? a on tak naciera:  
 «Widzicie jako ten lud jego wiary  
 «Tak się w Azji bardzo rozpościera.  
 «Nam weźmie wszystkę chwałę i ofiary,  
 «Już w Palestynie kościoły otwiera.

---

Мало того: Сына своего, намъ на зло, обрекъ на тяжкую смерть, и послалъ въ мiръ, который поините, такъ поразилъ насъ растворивши адскіе ворота. Вырвалъ у насъ насильно дорогую добычу, освободилъ изъ темницы души пріобрѣтенныя нами. На поруганіе наше выставилъ распущенныя хоругви, и торжествуетъ, что адъ взятъ.

Но оставивъ всѣ старыя обиды, и убытки, которые онъ намъ причинялъ искони; они были славны всегда и теперь, потому что противъ насъ помогалъ челоуѣку. Возьмемъ только свѣжіе и недавніе, какъ онъ насъ старается уничтожить изъ древле, что жъ? не видите ли къ чему теперь итти? Всѣхъ людей приводить къ себѣ.

А имъ что? развѣ только сквозь пальцы будемъ смотрѣть? какъ онъ наступаетъ: видите какъ народъ его религiи распространяется по Ази. Возметъ у насъ хвалу и жертвоприношенія, уже въ Палестинѣ

«W językach jego ujrzycie wnet nowych,  
 «W miedzi, i w słupach imie marmurowych.  
 «A nasze będą bożnice próżnować,  
 «Nasze bałwany pewnej dojdą zguby?  
 «Jemu samemu będą ofiarować  
 «Złoto i mirrę, jemu wieszając śluby!  
 «Do swych nam nie da kościołów wstępować!  
 «A z czegośmy swe dotąd mieli chluby,  
 «Już z dusz nie będą poddanych grzechowi  
 «Trybutu więcej płacić Plutonowi!  
 «Oj nie będziec to: będziem o się dbali,  
 «Jeszcze w nas dawne niewygasło męztwo  
 «Kiedyśmy ognie na niebo ciskali,  
 «I mieczem siekli na niebieskie księztwo:  
 «Myśmy tam przedsię sławę otrzymali,  
 «Z śmiałego serca, a oni zwycięztwo,  
 «Trudno tego przec, że oni wygrali:  
 «Ale nam przedsię dzielność przyznawali.  
 «Idcież, a wzajem siły swoje znoście  
 «Na ich zginienie, o rycerze mężnil  
 «Dokąd w Azyey nieznajonu goście  
 «Nie będą mocni, i bardziej potężni.

отворять церкви. Сейчас вы увидите его имя у новых народов на идах и столбах мраморных.

А наши капища останутся пустыми, наши кумиры вероятно погибнут? Ему будут жертвовать золотом и смирною, ему лавать обьяти. Намъ не позволятъ вступать въ свои храмы. А чѣмъ мы до сихъ поръ хвастались, уже не будутъ платить дани Плутону, съ ихъ душъ погверженныхъ грѣху!

Не быть тому: мы позаботимся объ себѣ. Еще у насъ не угасло древнее мужество, когда мы огнемъ бросали въ небо и мечъ поднимали на небесное царство: мы же тамъ при себѣ удержали славу отъяги, а они побѣду. Трудно прекословить тому, что они выиграли: мы ихъ праздновали нашу доблесть.

Ступайте жъ, и вѣстѣ совокупляйте всѣ свои силы на ихъ погибель, мужественные рыцари до тѣхъ поръ пока въ Азіи незнако-

«Gdzie jeden słaby, drudzy mu pomóżcie,  
 «Naprowadzcie mi co najwięcej więźni.  
 «Lub mocą, albo dowcipem i radą,  
 «Szkodźcie im wszędzie i bądźcie zawadą.  
 «Ten niech po świecie błędzi obłąkany,  
 «Ci niech w roskoszach jako wieprze tyją,  
 «Ten zaś w miłości sprośnej upętany  
 «Niechaj gnusnieje, tego niech zabijają,  
 «Niech się buntują na swoje hetmany,  
 «Niechaj się sami między sobą biją:  
 «Niech wojsko zginię, niech mu się to stanie,  
 «Że go pamiątka żadną nie zostanie.»

Еслибы въ глазахъ слишкомъ строгихъ критиковъ *Освобожденный Иерусалимъ*, могъ казаться не вполне соответствующимъ италіанскому оригиналу, то разсматриваемый въ отдѣльности отъ него, подобно тому какъ псалтирь Яна Кохановскаго, онъ можетъ назваться знаменитымъ и первостепеннымъ произведеніемъ польской литературы.

Впрочемъ вмѣсто того, чтобы дѣлать дальнѣйшія изслѣдованія объ этомъ произведеніи, мы отсылаемъ читателя къ седьмому изданію *Иерусалима Кохановскаго* (Вильно у Заводскаго Т. 2), въ которомъ во вступленіи, ученое и прекрасное предисловіе достаточно познакомитъ его и съ

---

име гости не будутъ сильны или лучше могущественны. Гдѣ одинъ будетъ слабъ, помогайте ему другіе, приведите ннѣ узниковъ какъ можно больше. Силою или остроуміемъ и совѣтомъ вредите ннѣ вездѣ и будьте препятствіемъ.

Тотъ пусть бродитъ по міру какъ сумасшедшій, тѣ пусть утопаютъ въ роскоши какъ кабаны, тотъ пусть остается въ любви порочной, того пусть убьютъ, пусть вооружаются противъ своихъ гетмановъ, пусть дерутся между собою: пусть войско пропадетъ, пусть и павить о немъ исчезнетъ.

личностію Тасса, и съ важнымъ значеніемъ, въ польской литературѣ, перевода Петра Кохановскаго. Прибавимъ, что тотъ же Кохановскій переводилъ еще и другую италянскую поему *Неистовый Орландъ*, но этотъ переводъ и неоконченъ, и не имѣеть тѣхъ достоинствъ что *Іерусалимъ*.

Горацій, этотъ пріятный и легкій лирикъ Римскій, въ эпоху Вазовъ имѣлъ у насъ двухъ переводчиковъ — Себастьяна Петриція, придворнаго врача Димитрія Самозванца (*Горацій Флаккъ, переведенный московскимъ заключенникомъ 1609*), — и Яна Либцикаго, секретаря королей Владислава IV и Яна Казимира (*Горацій Флаккъ, въ переводѣ Яна Либцикаго 1647 г.*), который перевелъ одни только лирическія пѣсни. Оба эти перевода славятся одною лишь старосвѣтскою простотою, но не отражаютъ въ себѣ всѣхъ красотъ пѣсней Горація. Частію мелочная вѣрность, частію совѣстливость въ опущеніи нескромныхъ мѣстъ, иногда излишняя свобода въ воспроизведеніи подлинника, стихъ тяжелый — таковы общіе недостатки обоихъ этихъ переводовъ. Нарушевичъ въ своемъ изданіи новаго перевода Горація, исчисляетъ всѣ отступленія обоихъ старыхъ переводчиковъ; но есть ли у насъ въ настоящее время переводъ Горація, въ которомъ бы вѣрность соединялась со свойственными ему красотами? развѣ Горація можно перевести удовлетворительнымъ образомъ?

Морштыновы: *Станиславъ* воевода Мазовецкій и *Андрей* Подскарбій коронный, оказали услугу польской литературѣ, избранными въ свое время переводами драматическихъ произведеній польскихъ и латинскихъ. Хотя труды Морштыновъ принадлежатъ частію этой, а частію слѣдующей эпохѣ, но мы скажемъ о нихъ здѣсь окончательно. Такъ Цида, лучшую изъ трагедій Петра Корнелия очень хорошо

перевелъ Андрей Морштынъ, извѣстный переводчикъ Психон Луціана, а трагедіи Андромаха Расина и Ипполитъ Сенеки были переведены Станиславомъ. Собраніе этихъ переводовъ вышло изъ печати 1689. Приведемъ образчикъ перевода изъ Ипполита:

### Ипполитъ.

«Idzcież w las, niech każdy bieży, <sup>1</sup>  
 «Gdzie Cekropska góra leży.  
 «Gęsty grzbiet, gdzie rodzi cienie  
 «Parnas odziany w kamienie,  
 «Więc i tam gdzie przy dolinie,  
 «Byстрым прądem potok płynie,  
 «I tam się niech kto ośmieli,  
 «Gdzie się wierzch skał śniegiem bieli;  
 «Tam drudzy niechaj nie miną  
 «Gdzie smug zarosły olszyną,  
 «Gdzie się trawa kwieciem śmieje,  
 «Kiedy ją zefir zagrzejel  
 «Przybądz, święta, ku pomocy  
 «Bogini! co świecisz w nocy,  
 «Której z pod miernej cięciwy,  
 «Nie ujdzie żaden zwierz żywy:  
 «Padnie gdy zechcesz żubr srogi,  
 «Rozłożyste roniąc rogi.

---

<sup>1</sup> *Переводъ.* Ступайте въ лѣсъ, пусть всякій бѣжитъ туда гдѣ лежитъ Кекропская гора. Густой хребетъ, гдѣ Парнасъ одѣтый камнями производить тѣнь, и тамъ гдѣ орошаетъ долину быстрый потокъ ручья, и тамъ пусть осмѣлятся пройти кто-нибудь, гдѣ вершина скалъ срежется свѣгомъ

Пусть другіе не проходятъ тамъ, гдѣ лугъ поросшій ольхами, гдѣ трава улыбается цвѣтами, когда ее согрѣютъ зephyры! приходи на помощь святая богиня! которая свѣтишь ночью, изъ-подъ веткой стрѣлы которой не уйдетъ ни одинъ звѣръ живымъ: когда ты захочешь, падеть рогатый зубръ, теряя свои ногучіе рога. Сами идутъ подъ твои

«Same idą pod two strzały,  
 «Do swojej się śpiesząc chwały;  
 «Jeżeli kto idąc k'knieje,  
 «W tobie swoją kładł nadzieję,  
 «Każdy zwierz, co tył poszczwany,  
 «Został w sieci umotany;  
 «Ani wracając z przesmyków,  
 «Zastawionych uszedł wników.  
 «Myśliwi swe prace liczą,  
 «Wozy ładują zdobyczą,  
 «Dobrzeć coś jużci bez mała  
 «Bogini nas wysłuchała.  
 «Psi krzykliwi dali znaki,  
 «Na zwierzęce wpadłszy krzaki,  
 «Za mną w las, za mną kto chyży,  
 «Tą drogą, która najbliżej.

Къ достойнымъ примѣчанія польскимъ переводамъ въ эпоху Вазовъ, принадлежитъ *Юдифь*, библейская поэма Француза du Bartas, переведенная *Рафаломъ Лещинскимъ* (въ Барановѣ въ тип. Пётрковича 1629 г.). Переводчикъ былъ человекъ знаменитый во многихъ отношеніяхъ: славился ученостію, знаніемъ языковъ, исполнялъ много должностей, отличился на дипломатическомъ поприщѣ заключеніемъ трактата съ Швеціею и скончался Белзскимъ воеводою. Сыномъ Рафала Лещинскаго былъ Андрей, внукомъ Рафалъ, а правнукомъ Станиславъ знаменитый правотомъ своего сердца и приключеніями, король польскій и герцогъ

выстрѣмъ, спѣша къ твоей хвалѣ. Если кто иди въ чашу возлагалъ на тебя свою надежду, тотъ поймаетъ всякаго звѣря котораго травилъ собаками и который иди изъ ушей не ушелъ отъ силковъ. Охотники считаютъ свой трудъ, возы нагружаютъ добычею, хорошо что хотя въ немногомъ насъ услышала богиня. Лающія собаки подали знакъ нападая въ кустахъ на животное. За мной въ лѣсъ, за мной кто хочетъ пройти самизъ короткимъ путемъ.

(ksią ż) Лотарингскій. Возвращаясь къ переводу Юдион, Ра-  
еала Лещинскаго приведемъ образецъ изъ него.

- «Tak równie Izraelski potomek ubogi, <sup>1</sup>  
 «Niezmiernie przerażony strachem śmierci srogiej,  
 «Ucieka w gęste lasy i w odziane knieje,  
 «Trwogi surowej pełen, a próżen nadzieje.  
 «Już i czuły odbiegłszy pasterz trzody swojej,  
 «O zwykły swego bydła pożytek nie stoi.  
 «Już rzemieślnik roboczy porzuca warsztatę,  
 «Już i kupiec swych handlów odbiega bogaty;  
 «I bezpieczniej w jaskiniach mieszkają mierzionych,  
 «Niżli w miastach wysokim murem obtoczonych.  
 «Woli bógacz pieszczony ogarniony strachem,  
 «Wilczą jamę, niżli dom z pozłocistym dachem.  
 «Strach starcom niedołężnym przyprawuję pióra,  
 «Że im i las niegęsty i nieprzykra góra:  
 «Strach żałosnym dodawa matkom takiej mocy,  
 «Że na słabe ramiona biorą bez pomocy  
 «Niezwyczajne ciężary; strach i dzieci małe  
 «Czyni rączemi, chodzić przed tem nieumiałe.  
 «Zewsząd krzyk, zewsząd rzewne słyhać narzekanie.

---

<sup>1</sup> *Переводъ.* Такъ точно бѣдный потомокъ Израеля, пораженный ужасомъ жестокой смерти, уходитъ въ густые лѣса и въ заросшія чащи, исполненный жестокой тревоги и тщетныхъ надеждъ. Уже и бдительный пастухъ оставивъ свои стада, не заботится объ обмывовенномъ корнѣ своего скота.

Уже трудолюбивый ремесленникъ оставляетъ свои станки, уже богатый купецъ покидаетъ торговлю и безнечиво живетъ въ грязныхъ пещерахъ, чѣмъ въ городахъ окруженныхъ высокими стѣнами. Избалованный богачъ, пораженный страхомъ предпочитаетъ волчій ровъ палатамъ съ позолоченой крышей. Страхъ подрываетъ силы изнуренныхъ старцевъ указываетъ имъ путь черезъ густые лѣса и утесистыя горы: страхъ придаетъ силу чувствительнымъ матерямъ переносить чрезвычайными тяжести на слабыхъ плечахъ, страхъ и дѣтей малыхъ неуязвимыхъ ходить, дѣлаетъ скорыми. Вездѣ слышится крикъ, вездѣ жалост-



«O Boże Irzaelskil o nasz święty Panie!  
 «Izali tak nawieki będąc rozgniewany  
 «Wytracić aż do szczętu chcesz lud twój wybrany?  
 «Izali własność Twoją i dziedzictwo święte,  
 «Znowu brzydkim poganom dasz w ręce przekłete,  
 «I chcesz aby się chwasty plugawe rodzily  
 «Tak jako przed tem, kędy nasze domy były?  
 «A kościół Imieniowi Twemu wystawiony  
 «Żęby znowu od ognia upadł obalony.  
 «Tak oni: lecz ten który w Rzeczypospolitej —  
 «I Wodza i Kapłana miału rząd sowity,  
 «Joakim, jako biegły marynarz nawodzie  
 «Gdy o następującej czuje niepogodzie—  
 «Strachu nie pokazuje po sobie, i łodzi  
 «W moc wiatrom i gwałtownej niedawa powodzi;  
 «Ale tam gdzie największe biją nawalności,  
 «I siły dokazuje i umiejtności.»

*Мартинъ Слонковичъ*, профессоръ Краковской Академіи, своимъ переводомъ сатиръ древняго латинскаго поэта Персея подъ заглавіемъ: *Anlus Persius Flaccus остроумный поэтъ римскій, переведенный на польскіе стихи* (Крак. 1651 г.) доказалъ свой необыкновенный талантъ. Персей подонъ мысли, многознаменателенъ въ словахъ, а потому слогъ его иногда выходитъ запутанъ и неясенъ; польскій пе-

ное сѣтованіе. О Боже Израилевъ! Господи Святый! Неужели ты, навсегда прогнѣванный хочешь въ конецъ истребить набранный твой народъ? Неужели принадлежность твою и твое святое наслѣдіе передашь въ постыдную власть скверныхъ лемчинокъ, и хочешь чтобы опять скверные волчонъ тамъ произростали также, какъ прежде нашего поселенія? И чтобы храмъ воздвигнутый Твоему имени опять былъ истребленъ огнемъ. Тотъ кто исполнялъ двойную должность и вождя и первосвященника, Іоакимъ, какъ искусный морщій, когда предвидитъ приближеніе непогоды необнаруживаетъ страха, и не оставляетъ судна на произволь вѣтровъ и бушующихъ волкъ, но показываетъ силу и знаніе дѣла тамъ, гдѣ наибольшая угрожаетъ опасность.

реводчикъ такъ блистательно умѣлъ преодолѣть эти трудности, что его переводъ, хотя для насъ кажется уже устарѣлымъ, тѣмъ не менѣе служитъ образцемъ хорошаго слога, чистоты языка и гладкости стиховъ. Докажемъ справедливость нашихъ словъ и выпишемъ отрывокъ изъ первой сатиры Персея въ переводѣ Слонковича.

«O troskil o próżności ludzkie oczewiste! <sup>1</sup>  
 «Ktoż to przeczyta? Donmie mówisz? nikt zaiste,  
 «Może dwóch, albo żaden. Wstyd i bieda czemu?  
 «Nie zrównam Labeonom i Polidantemu,  
 «Jeśli Rzym co poniża. Fraszki jeśli z błędem,  
 «Nie dbaj i nie unoś się czczej wziętości względem:  
 «Nic nie czyni, miara niechaj z granic niewychodzi,  
 «Bo ktoś w Rzymie, by się rzec godziło, lecz godzi:  
 «Gdym się starym przypatrzył i młodych postawie,  
 «Któż czego wart? wybaczcie, ale żaden prawie.»

Самуилъ Твардовскій перевелъ нѣсколько латинскихъ стихотвореній Сарбѣвскаго, вѣрно и хорошо; укажемъ здѣсь на переводъ V оды изъ книги Эподонъ.

«Kochajmy; czyli serca wszystkich razem, <sup>2</sup>  
 «Okrzerły nam twardym głazem?  
 «Kochajmy: a to z Macierzyńskiej ręki  
 «Rwie się k'nam z usty przez dzięki!

<sup>1</sup> Переводъ. Заботы! суета людей! Кто жъ это будетъ читать? никто конечно, можетъ быть два или ни одинъ. Зачѣмъ стыдъ и неприятность. Я не сравняюсь ни съ Лабеономъ ни съ Полидантомъ если Римъ унижаетъ чтонибудь. Пустяки, хотя и ошибочно, не обращай вниманія и не привязывайся къ пустой славѣ; ничего не дѣлай, увѣренность пусть не переходитъ своихъ границъ. Потому что кто же въ Римѣ, когда всмотримся въ личность молодыхъ и стариковъ — кто за дѣломъ стоитъ? извините, но почти ни одинъ.

<sup>2</sup> Переводъ. Будемъ любить; неужели сердца всѣхъ останутся для насъ твердымъ камнемъ? Будемъ любить: это изъ матернихъ устъ стрелится къ намъ посредствомъ благодарности!

- «Jakowa zmiękczyć mogłaby dziecięciną  
 «I dzikiego Tatarzyna.  
 «A to ciast rubin, perłom równe lice,  
 «Gwiazdy szczere dwie zrzenice.  
 «Na szyjkę białą kędziorki spuszczone,  
 «Złotem słońca powleczone.  
 «Nad kość słoniową bielsze sciążda ręce,  
 «Wydrzeć się każe mateńce.  
 «Z płaczem być pragnie gościem twego łona,  
 «I więzaniem twego ramiona.  
 «Kochajmy; albo jeśli serce ze stali  
 «Niech nas w sobie głąz przywali.»

Сарбѣвскій перевелъ на латинскій языкъ двѣ пѣсни Бохановскаго и древнюю пѣснь *Богородица. Янъ Бялобоукиѣ* достоинъ вниманія какъ оригинальный поэтъ втораго разряда, онъ переводилъ *имны* и *прозу* церковную (1648). *Мартинъ Пашковскій*, плодовитый стихотворецъ во времена войны съ Россією при Димитріѣ, въ своемъ стихотвореніи *Богины Славянскихъ*, перефразировалъ и переводилъ отрывки изъ метаморфозъ Овидія.

Вотъ все, что удалось сказать о поэтахъ оригинальныхъ и переводчикахъ эпохи Вазовъ: перейдемъ къ тогдашнему состоянію драматическаго искусства въ Польшѣ.

То, что мы сказали въ эпоху Ягеллоновъ, именно, что театръ не согласовался съ характеромъ Поляковъ, предпочитавшихъ живое дѣйствіе представленію на сценѣ, было причиною, что у насъ не было знаменитыхъ драматическихъ

---

Такое дитя могло бы смягчить и дикаго Татарина, уста какъ рубинъ, лицо какъ жемчугъ, глаза какъ звѣзды. На блугую шею надаютъ локоны позолоченные. лучами солнца. Руки бѣлые слоеной кости кажется хотятъ вырваться отъ натори. Хочетъ припасть къ твоей груди, лежать въ твоихъ объятіяхъ. Будетъ любить; но если сердце ихъ оттолкнетъ насъ, пусть насъ завалитъ камень.

писателей, потому что лиризм составлялъ преимущественную сторону польскихъ талантовъ; мы не понимали высшаго значенія сцены, смотря на нее, какъ на простую забаву въ минуты отдохновенія, которыхъ среди жизни дѣятельной было такъ не много. Всѣ эти, говоримъ, причины оставались въ своей силѣ такъ, что и въ эпоху Вазовъ драматическая литература не отличилась ничѣмъ почти замѣчательнымъ. Театръ не возрасталъ на польскомъ грунтѣ, знаменитѣйшіе писатели отечества не увеличивали его области, но нужно сознаться, что въ эпоху Вазовъ онъ сдѣлался довольно популярнымъ, въ значеніи чистой *забавы*. При дворѣ Сигизмунда III, Владислава IV и Яна Казимира, польскіе королевы, дѣти чуждыхъ намъ странъ, покровительствовали драмѣ, держали пѣвцовъ, платили поэтамъ и театральнымъ декораторамъ; но это были вещи чуждыя, забавы королевскія, на которыя Полякъ смотрѣлъ съ насмѣшливою улыбкою, какъ на все изиѣженное, нѣмецкое. Въ храмахъ и коллегіальныхъ столовыхъ, каждый праздникъ давались сценическія представленія, но чѣмъ они могли быть, какъ не представленіемъ предметовъ священныхъ, какъ плодомъ монастырскаго воображенія, средствомъ, при помощи котораго іезуиты стремились овладѣть умами? Чѣмъ могли быть эти духовные діалоги (*dialogi*) подъ перомъ молодыхъ питомцевъ, незнавшихъ міра, или или подъ перомъ важныхъ священниковъ, которымъ не позволено было знать міръ? Далѣе, въ собраніяхъ, на ярмаркахъ, странствующіе актеры, въ шалашахъ давали представленія уже болѣе популярныя, народныя; представляли лица и событія мѣстныя, народъ толпами собирался на рыночную комедію, которая могла быть сюжетомъ болѣе порядочной драмы, но самое уличное ея значеніе сдѣлалось тому препятствіемъ. Кто былъ у насъ изъ писателей драматическихъ? а еслибы изъ

среды нашей писавшей шляхты и явился какой-нибудь Шекспиръ, Корнель или Кальдеронъ, развѣ бы онъ осмѣлился писать для ярмарочнаго шалаша? а еслибы и писалъ, то удовлетворяя вкусу необразованной и полупьяной уличной толпы, онъ могъ бы, при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ издать лишь какой-нибудь геніальный фарсъ, и ничего болѣе. Прибавимъ еще, что іезуитскій вкусъ положилъ уже свою печать на всѣ произведенія тогдашней поэзіи, приказалъ дѣйствовать на зрѣніе и разумъ, отказаться отъ сердца, а въ замѣнъ чувства, какъ самого могучаго двигателя драматическаго искусства, одѣться блесками латинской эрудиціи и призвать на помощь всѣ греческіе божества.

Поляки хотя равнодушные къ театру, не имѣли однако же противъ него тѣхъ предубѣжденій, которыя мы встрѣчаемъ у древнихъ и впоследствии у Французовъ. Въ нашу эпоху у насъ почти не было артистовъ драматическихъ, но представленія священныя, придворныя или мясопустныя чаще всего давались молодежью, рѣдко людьми зрѣлыми и почтенными въ другихъ отношеніяхъ, потому что Полякъ любилъ блескъ и пышность въ нарядахъ, и при политическихъ условіяхъ народопредставительнаго образа правленія, привыкъ являться публично. Нѣкогда Лаберій, римскій гражданинъ, принужденный по настоянію императора, выдти въ одной изъ ролей собственной комедіи, публично жаловался на сдѣланную ему обиду: «Шестьдесятъ лѣтъ я «прожилъ безъ порока, изъ дому вышелъ всадникомъ, а «теперь возвращаюсь публичнымъ шутомъ. Однимъ днемъ «я жилъ болѣе, чѣмъ мнѣ слѣдовало жить». Такое униженіе драматическаго артиста, тогда какъ въ Польшѣ и мужи знаменитѣйшіе нисколько не колебались выставять себя на зрѣлище народа. Изъ множества приговоровъ приве-

дежь два наиболѣе замѣчательные. Папроцкій, описывая бракосочетаніе Замойскаго съ Гривельдою Баторіей, записалъ тамъ имена всѣхъ, которые выступали на сцену въ аллегорическихкихъ представленіяхъ, которые были своего рода драматическими представленія для народа. Славный Станиславъ Жолкѣвскій, тогда уже юноша съ блистательными надеждами скакалъ на конѣ въ одеждѣ Діаны, князя Омельковичи и Слуцкіе вели триумфальный караванъ, представлявшій побѣды Стефана Баторія, Іоахимъ Опѣскій представлялъ купидона, а Мышковскіе, племянники Краковскаго епископа, представляли богиню Венеру и ея свиту. То было въ 1582 году. Нѣсколько лѣтъ спустя на бракосочетаніи Сигизмунда III съ Анною Австрійскою дано было подобное же представленіе; выпишемъ цѣлое его описаніе изъ Гейденштейна. «Въ субботу вечеромъ 6 апрѣля 1609 г. «на дворцовомъ плацѣ давались различныя комедіи, выполненныя съ великимъ искусствомъ и издержками. Въ началѣ «представлено было изображеніе короля, окруженное «фигурами четырехъ добродѣтелей: Благоразумія, Умѣренности, «Справедливости и Силы. Въ слѣдъ за тѣмъ туманный образъ «Николая Вольскаго, мечника короннаго и истуканъ «Сигизмунда Мышковскаго, Пётрковскаго старосты. Въ «слѣдъ за тѣмъ Станиславъ Стадницій, Даниловичъ, Кра- «сицкій, и Теодоръ Ласкій представляли Актеона, котораго «растерзали его собственныя собаки, а Христофоръ Доростай- «скій Монвидовичъ, стольникъ Литовскій, и коронный край- «счій Опалинскій представили образъ Нептуна, везомаго «дельфинами; Станиславъ Минскій, Ленчицкій воевода игралъ «роль Орфея, который въ скорби о потерѣ жены сошелъ въ «адъ, и освободилъ ее оттуда звуками своей игры. Минскій «долженъ былъ хорошо сыграть свою роль, потому что въ «то именно время онъ оплакивалъ потерю собственной

«жены. Далѣе шла аллегорическая фигура рѣки Вислы въ «сонѣ водныхъ Нимфъ, которую представлялъ Петръ Мышковскій, Хенцинскій воевода. Зрѣлище окончилось комедіею «Нѣмовскаго *Лабиринта*. На другой день въ воскресенье «на рынкѣ были военныя игры, гдѣ также даны были нѣкоторыя искусственныя представленія. Петровскій и Бекешъ «палили изъ пушекъ, крайчій коронный представлялъ гидру, «стольникъ триумфъ Персея, Станиславъ Стадницкій представлялъ жителя Литвы, а Петръ Мышковскій, староста «Хенцинскій, представлялъ гору, извергающую пламя и влекомую кроводилами. Въ слѣдъ затѣмъ въ одеждѣ персидской явились: Язловецкій, староста Снятынскій, вмѣстѣ «съ Сѣнявскимъ, стольникомъ Литовскимъ, за ними шли «Негры въ блестящихъ одеждахъ; потомъ выступили для «борьбы на копьяхъ восемь рыцарей: Невядовскій боролся «съ Завишею, Корицынскій съ Миравскимъ, Гурскій съ «Забоклицкимъ, Карвовскій съ Туровскимъ».

Сравнить ли эти игры съ нынѣшнимъ маскарадомъ, или назвать ихъ извѣстнымъ родомъ сценическихъ представленій, все же нужно сознаться, что они при всемъ своемъ блескѣ, имѣли дурное вліяніе на обработку истиннаго драматическаго искусства. Здѣсь гдѣ все дѣло ограничивалось только блестящими нарядами, гдѣ роли не были писаны, но импровизировались актерами въ минуту самого представленія, народъ удивлялся, рукоплескалъ, смѣялся зрѣлищу, но нисколько не образовывалъ своихъ понятій объ искусствѣ: забавлялся, но изъ этой забавы не уносилъ съ собою никакихъ впечатлѣній, выходилъ всегда съ пустымъ сердцемъ.

Въ подобномъ же родѣ были и священныя представленія, которые сперва разыгрывались въ костелахъ а потомъ по волѣ просвѣщеннаго краковскаго епископа Бернарда Мацеювскаго, были перенесены въ 1603 г. за церковную ограду

или на улицу. Сперва будемъ говорить здѣсь о представленіяхъ импровизированныхъ, совершавшихся на подобіе процессій, которые разыгрывались іезуитскимъ юношествомъ и носили характеръ священный съ примѣсью предметовъ и лицъ современныхъ, мірскихъ, аллегорическихъ и т. д. въ угожденіе вкусу уличной толпы. Объемъ нашей книги не дозволяетъ намъ перечислить всѣ эти представленія, поэтому обратимъ наше вниманіе только на болѣе характеристическія.

Такое зрѣлище дано было іезуитами въ Вильнѣ 1626 г., гдѣ по улицамъ въ триумфальныхъ колесницахъ, ѣхали лица Навуходоносора, Славы, Провидѣнія, Императора Оттона и Апокалипсиса (Apokalipsy) Св. Іоанна; на подобномъ же зрѣлищѣ 1633 г., по улицамъ Вильны разѣзжали верхомъ ангелы въ сопровожденіи польской конницы и нѣмецкихъ курфирстовъ. Къ такому чудачеству доходить холодный раціонализмъ, не согрѣтый чувствомъ! вотъ доказательство, чѣмъ можетъ сдѣлаться тотъ прославленный здравый разумъ, если онъ не озаренъ чувствомъ прекраснаго, которое въ сердцѣ имѣетъ свое жилище! потому что профессорами іезуитскихъ коллегій нельзя отказать ни въ здоровомъ умѣ, ни въ учености; нельзя предполагать однакожь, чтобы подобными чудачествами сознательно хотѣли они оглушить народъ, или пограть предметы священные. Подобнымъ же образомъ іезуиты привѣтствовали своего протектора и бѣльца (tercyarza) Сигизмунда III, хотя зрѣлища эти были играны, *съ писаннаю* въ монастырскихъ столовыхъ; такъ въ 1633 г. въ Калишѣ дано было въ честь его драматическое представленіе изъ исторіи Сигизмунда I. Не нужно искать здѣсь историческихъ лицъ Острожскаго, Тарновскаго, Мацеіовскаго или Боны; но за то есть Аполлонъ въ собственномъ своемъ видѣ, есть



божества и добродѣтели идеологическіе, есть предшественники Сигизмунда, польскіе королі, вызванные изъ своихъ гробницъ волшебными перомъ автора. Въ другомъ подобномъ же произведеніи (*Изображеніе защиты польскаго королевства, блаженными Станиславомъ Косткымъ 1632*), олицетворяются Богъ Отець, Ангель хранитель Турціи, есть тамъ ябедники, убійцы, есть св. Архангель Михаилъ, недавно наименованный гетманомъ Польши;—въ иномъ представленіи данномъ іезуитами во время съѣзда шляхты къ Петровскому трибуналу 1638 г. выходятъ на сцену: Польша, Европа, Африка, Болеславъ Смѣлый, св. Станиславъ, неразлучный съ Петровичемъ, русскіе князья, и наконецъ греческій философъ Платонъ, умершій за полторы тысячи лѣтъ до времени Болеслава Храбраго, съ которыми, къ изумленію шляхты, онъ прохаживается по сценѣ. Въ иной еще комедіи выступаютъ вмѣстѣ: Генрихъ императоръ нѣмецкій, св. Іоаннъ Креститель въ сонѣ другихъ святыхъ, вмѣстѣ съ Аполлономъ, Музами и вундиномъ. Что мы можемъ еще прибавить къ этому ряду лицъ изображающій понятіе объ искусствѣ въ эпоху Вазовъ.

Перейдемъ къ писаннымъ *Диалогамъ* чисто религіознаго содержанія; тамъ если неудаченъ выборъ предмета, если и въ нихъ проявляется тоже совершенное незнаніе сценическаго искусства, если встрѣчаемъ фразы грубыя и неблагопристойныя, то по крайней мѣрѣ святость предмета защищала ихъ отъ варварскаго смѣшенія лицъ и эпохъ. И такъ:

Диалогъ *О воскресеніи Господнемъ*, который у Юшинскаго названъ *Ченстоховскимъ*, и о которомъ извѣстный сочинитель въ заглавіи говоритъ, что онъ семь разъ былъ разыгранъ и всегда доставлялъ удовольствіе зрителямъ, не отличается отъ современныхъ ему ни большею причуд-

ливостію сценъ, ни худшимъ или лучшимъ слогомъ, но заключаю въ себѣ наставленія для актеровъ, наглядно представляетъ намъ тогдашній театръ и его требованія. Прежде всего авторъ предостерегаетъ, что для успокоенія народа нужно начать представленіе святою пѣснью о Воскресеніи, это показываетъ, что уже въ то время, здравый разумъ народа начиналъ уже смотрѣть на религіозныя діалоги, какъ на родъ святотатства и нужно было успокоивать робкіе умы. Далѣе мы имѣемъ картину не изысканныхъ декораций, одеждъ и другихъ театральныя принадлежностей; авторъ говоритъ, что балаганъ, въ которомъ будетъ дано представленіе, если это происходитъ на улицѣ или въ церковной оградѣ, отъ дождя нужно покрыть зеленью (тајетъ), что на селѣ, вм. нарочно для того дѣланныхъ и дорогихъ одеждъ, для лицъ числомъ пятидесяти, можно склеить одежды изъ женскихъ платьевъ, парики и бороды могутъ быть приготовлены изъ пеньки, только бы осторожно обходиться съ огнемъ ради замъшательства, а вмѣсто золотыхъ и серебряныхъ пѣнзелей, на которыя Св. Дѣвы покупаютъ миро для намазыванія тѣла Христова, можно употребить гладко вырѣзанные кружки изъ моркови и рѣпы, только бы медленно вынимать ихъ изъ мѣшка, чтобы не возбудить смѣха.

Безъ сомнѣнія съ большею пышностію, но не съ большимъ вкусомъ давались въ іезуитскихъ столовыхъ представленія священныя діалоговъ. Таковъ былъ діалогъ о *Раи и паденіи прародителей*, написанный въ Пултускѣ іезуитами, но онъ по крайней мѣрѣ отличается гладкію пера;— современная ему польская комедія о св. *Алексѣ* и латинская о свят. *Іоаннѣ Дамаскинѣ*, въ которыхъ содержаніе, заимствованное изъ жизни святыхъ, драматизировано довольно наивно, два діалога о *Святѣйшей Евхаристіи*, написан-

ные Пултускими іезуитами около 1602 г., первый изъ нихъ представляетъ эпизодъ изъ жизни царя Давида, гдѣ авторъ между нимъ и Христомъ замѣчаетъ какое-то символическое сходство; второй, представляетъ дѣйствіе въ Константинополѣ, гдѣ отрокъ еврейскій случайно принявъ хлѣбъ жизни, почувствовалъ въ себѣ жажду къ принятію святой вѣры, и брошенный отцемъ въ горящую печь, уцѣлѣлъ безъ поврежденія. Когда узналъ объ этомъ императоръ Константинъ, подѣ опасеніемъ смерти повелѣваетъ онъ отцу отрока принять христіанство (апостольство въ духѣ іезуитскомъ), но упорный еврей предпочитаетъ свою вѣру и принимаетъ мученичество.

Вспомнимъ еще нѣкоторые діалоги, содержаніе которыхъ взято изъ библіи, и такъ: *Осада Самаріи* представляетъ довольно искусное перенесеніе на сцену событій изъ жизни пророка Елисея и осаду города Банадомъ, царемъ Сирійскимъ; предметъ дѣйствительно поэтической, возвышенно и сильно изображенный въ Ветхозавѣтныхъ книгахъ Царствъ; *о перенесеніи Ковчеа*, предметъ основанъ на слѣдующихъ выраженіяхъ книги Царствъ: «И всталъ Давидъ, и весь народъ который былъ съ нимъ отъ мужей Іудиныхъ, чтобы привести Кивотъ Божій, надъ которымъ зывали Имя Господа Силь», цѣль его — доказать, что Кивотъ Заветъ есть прообразъ Святѣйшаго Таинства Евхаристіи. *Mefibozet* (драма около 1622 г.) есть такъ же отрывокъ изъ жизни Давида, и имѣетъ такое же таинственное значеніе; наконецъ иная еще драма *о Ковчегъ Заветъ*, носящая тотъ же отпечатокъ дополняетъ собою то, что мы уже знаемъ о релігіозныхъ діалогахъ эпохи Вазовъ.

Всѣ эти діалоги, какъ будто предчувствуя, что они не могутъ жить долѣе одного года, одного представленія, не были печатаемы. По большей части намъ не извѣстны имена ихъ со-

чинителей; Отцы іезуиты, Янъ Рутковичъ, Игнатій Бродовскій, Мартинъ Ласкій извѣстны, какъ составители болѣе удачныхъ діалоговъ. Открытіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ литература обязана знаменитому дѣлателью на ея поприщѣ свящ. Іерониму Юшинскому, а большей ихъ части свящ. Заленскому, который въ Пултускѣ отыскалъ цѣлый рукописный фоліантъ подобныхъ діалоговъ. Не сомнѣваемся, что много еще произведеній этого рода можно найти въ другихъ бібліотекахъ, оставшихся послѣ іезуитовъ, но могутъ ли подобныя событія быть важными въ отношеніи литературномъ, нравоописательномъ, или по отношенію къ языку? сомнительно. Есть у насъ довольно памятниковъ грустной эпохи іезуитизма, даже слишкомъ для того, чтобы заплакать надъ тѣмъ, до чего въ ихъ время дошло наше слово и здравая мысль польскаго ума.

*Святская драма*. въ нашу эпоху стала выше іезуитскихъ діалоговъ и торжественныхъ ходовъ. Много, очень много въ чемъ можно было бы упрекнуть ее по отношенію къ искусству, но она имѣетъ нравоописательное достоинство, изображая лица отечественныя, поражая недостатки согражданъ. Рѣдко здѣсь можно встрѣтить высшій, благородный комизмъ: положенія лицъ всегда обыкновенны, шутки ихъ грубы, интриги просты, лица простонародны; но во всякомъ случаѣ для насъ сноснѣе эти простыя нравоописательныя картины, чѣмъ тѣ преумныя и безвкусныя аллегоріи, о которыхъ мы говорили выше. Прибавимъ, что знаніе комедій древне римскаго театра, удерживали нѣсколько нашу комедію въ предѣлахъ лучшаго вкуса.

Здѣсь прежде всего попадаетъ намъ *Тройной*, комедія *Пласта*, прииѣненная къ польскимъ нравамъ *Петромъ Цыкклинскимъ* (Замостье въ Акад. типогр. 1597.) Произведеніе это, написанное тридцати стопными стихами, носитъ

на себѣ отпечатокъ хорошаго вкуса и вѣрнаго прижѣненія къ отечественнымъ правамъ. Изъ Аѳинъ и Рима Цѣплинскій перенесъ дѣйствіе въ Львовъ, ополячилъ названія лицъ (Сендзиславскій, Злотогородскій, Панграчъ, Войтовичъ, Скарбекъ и т. д.), и вѣрно сатиризуя польскую роскошь, произведеніе чуждое польской литературы сдѣлалъ вполнѣ народнымъ. Тономъ растянутой сатиры, онъ какъ бы напоминаетъ намъ сатиры Опалинскаго (быть можетъ бѣлые его стихи производятъ этотъ обманъ), но онъ несравненно благороднѣе въ своихъ сарказмахъ. Въ похвалу *Тройнаго* писали: Шимоновичъ, Гербуртъ, Остророгъ и Средзинскій. Это важное и очень рѣдкое теперь сочиненіе заслуживаетъ того, чтобы его вновь напечатать въ какомъ нибудь сборникѣ древнихъ писателей.

Затѣмъ по порядку вспомнимъ *два іезуитскіе Антракта* (Intermedia), которые разыгрывались въ промежуткѣ между двумя важными діалогами для увеселенія зрителей. Первый подъ заглавіемъ: *Разговоръ двухъ сатириковъ*, содержитъ въ себѣ критику на лакомство, роскошь и бабьи сплетни, на пьянство и т. д. Нѣтъ здѣсь порядка и мысли, одна только сухая мораль, переплетаемая сатирическими замѣчаніями. Второй, подъ заглавіемъ *Ludi*, составляетъ отдаленное воспоминаніе о борьбѣ и колебаніи Геркулеса въ выборѣ между удовольствіемъ и добродѣтелью, здѣсь юноша вооружается противъ забавъ. Увы! отвѣтъ какой даетъ ему *Ludus* (богъ забавъ), удачнѣе самихъ возраженій, не смотря на то, что благочестивый авторъ безъ сомнѣнія хотѣлъ видѣть противное.

Довольно странна по своей мысли, но много знаменательна, такъ называемая *Трагедія о польскомъ Сциллурустѣ* 1604, написанная Юрковскимъ. Въ ней подъ образомъ Геркулеса, Париса и Діогена, олицетворяются Мужество,

Сластолюбіе, Мудрость. Не смотря на классическія названія лицъ, дѣйствіе происходитъ въ Польшѣ, а дѣйствующія лица удерживаютъ свой древній характеръ, прииѣненный къ польскимъ обычаямъ. Геркулесъ разыгрываетъ сцену съ удовольствіемъ и добродѣтелию, такъ какъ въ извѣстной повѣсти Ксенофонта; ходитъ въ польско-гусарской одеждѣ, говоритъ о своихъ подвигахъ съ Турками и Татарами, Парисъ, Троянецъ въ италіанской или нѣмецкой одеждѣ, пропитанъ мнѣніями Лютера. Получивъ яблоко отъ Меркурія, даритъ его богинѣ Венерѣ, *какъ самой прекрасной*, и обрадованный обѣщаніемъ богини благопріятствовать ему въ любви, призываетъ музыкантовъ, и начинаетъ танцовать, какъ вдругъ діаволъ увлекаетъ его въ адъ. Діогенъ, тотъ самый греческій Діогенъ, который лежалъ въ бочкѣ и пренебрегалъ Александромъ Великимъ, здѣсь какъ польскій философъ, одѣтъ по духовному, съ книгами подъ мышкою, онъ жалуется на испорченность міра, встрѣчается съ Александромъ Македонскимъ, проситъ его не закрывать ему солнца, хочетъ удалиться въ пустыню, но Слава утѣшаетъ его пріятною пѣснію. Все это происходитъ въ Польшѣ, и не смотря на причудливую мысль автора, комедія носитъ отпечатокъ не дурнаго комизма, вѣрной характеристики лицъ и высшихъ понятій о нравственности.

Хотя въ Польшѣ, на нарядномъ ли мѣстѣ придворнаго театра или въ простомъ балаганѣ странствующаго городского комедіанта, комедіи не придавали значенія выше простой, обыкновенной забавы, однако мы инстинктивно понимали значеніе театра въ отношеніи нравственномъ и живописательнымъ. Вовсе не думая объ этомъ, тогдашніе писатели въ своихъ драмахъ и комедіяхъ, оставили намъ прекрасные народныя изображенія и типы изъ класса мѣщанъ, шляхты и народа. Ихъ разговоръ вѣрно изображающій эпоху,

ея недостатки, достоинства, потребности, и теперь еще для писателя талантливаго может доставить нить и козорить для вѣрнаго изображенія прошедшаго. Польскіе діалогы хотя въ другихъ отношеніяхъ и не могли бы удовлетворить требованіямъ образованныхъ зрителей настоящаго вѣка, на все же по своей неопѣненной, грубой, дышащей правдою простотѣ, по своей оригинальной фантазіи, достойны глубокаго изученія. Таковъ напр. діалогъ подъ заглавіемъ *Zabawny przydworный Сватъ*, гдѣ на сцену выходятъ молодой жотъ Памфиль, двое чертей, Углинь и Смолка, Смерть въ собственномъ своемъ видѣ; два доктора ея союзники, аллегорическая фигура Вѣры; не много тутъ безъ сомнѣнія дѣйствія, нѣтъ гладкости въ стихахъ, но въ основаніи произведенія лежитъ нравственная мысль, есть нѣсколько своихъ лицъ, есть фантастичность — словомъ есть все, что могло дѣйствовать на зрѣніе и сердце невзыскательныхъ зрителей. Въ діалогѣ подъ названіемъ *Komedyя Rybałtowska*, выводятся на сцену хижина угнетеннаго поселяннина у котораго не чѣмъ одарить сельскаго учителя и кантора, которые собираютъ милостыню, ни двухъ характеристическихкихъ нищихъ и вдобавокъ ему нужно бороться съ конфедератами; здѣсь очень естественно представленъ цѣлый бытъ народа! есть здѣсь и заботы поселяннина, и латинизмъ звонаря, и нищенское вымаливаніе милостыни, и своеволие войска, которое должно быть не такъ вело себя при Стефанѣ, но при Сигизмундѣ III его вольность достигла крайняго предѣла. Авторъ грубаго діалога представилъ намъ ту же картину на сценѣ площаднаго балагана, за которую Скарга упрекалъ рыцарство съ Краковской каеэдры: «Здѣсь «было бы о чемъ плакать, о томъ, напримѣръ, какъ нѣкоторые изъ нашей шляхты, прикрываясь военною службою, всю свою силу употребляютъ одни на убійства и

«домашніе разбои... другіе берутъ и отнимаютъ все, что «хотятъ, а кто сопротивляется имъ, того убиваютъ, убогимъ «наносятъ раны и истязанія, а награбленное продаютъ и «богатѣютъ; бѣдный изъ-за нихъ погибаетъ съ голоду. И «есть у нихъ воровскіе ключи отъ сундуковъ и подваловъ, «и деньги, и то что есть въ домѣ, все они забираютъ». Помстятъ! тяжкая вина лежитъ на безнаказанныхъ войнахъ, но она оправдывается ихъ положеніемъ. Солдатъ, вовсе продолженіе Сигизмундова царствованія, служилъ бесплатно, или принужденъ былъ самъ себѣ собирать жалованье по деревнямъ; волею или не волею великіе гетманы должны были быть снисходительными къ своеволюи воиновъ, а набожный Сигизмундъ III, исповѣдуясь еженедѣльно, и неподумалъ о томъ, что слезы народа, угнетаемаго войскомъ, всею своею тяжестью должны пасть на его совѣсть. Возвратимся къ театру въ Польшѣ.

По порядку слѣдуетъ въ 1623 г. діалогъ подъ заглавіемъ *Summa actiey Collegium Poznanskiego S. J. na przyjazd Królestwa Ich mość do Poznania* (Собраніе дѣйствій познаньской іезуитской коллегіи во время прибытія ихъ королевскаго величества въ Познань), писанный іезуитами и достойный вниманія по личностямъ историческихъ особъ, которые въ немъ выводятся; здѣсь въ безобразной драмѣ выступаютъ на сцену мятежные казаки: Наливайко, Михайло; гетманы: Замойскій, Жолѣвскій и Ходкѣвичъ; Татары, Русскіе, геній Польши, типъ воина и типъ богослова, наконецъ музыка и пѣсни разнообразятъ зрѣлище и уподобляютъ его настоящей оперѣ.

Еще болѣе замѣтно это сходство въ драмѣ написанный двумя годами позднѣе подъ заглавіемъ: *Избавленіе Руиера съ острова Альцины* (1625 г.) Это блестящій переводъ италіанской драмы Саралиція, составленный Станиславомъ Ягодынскимъ,



который, по повелѣнію эрцгерцогини Ракусской, былъ разыгранъ для Владислава IV, тогда еще принца, путешествовавшего по Европѣ, въ окрестностяхъ Флоренціи, въ залѣ *Imperiale*. Ягодынскій, бывшій въ свитѣ королевича, видѣвшій представленіе италіанской драмы, рѣшился перевести ее и исполнилъ свой трудъ чрезвычайно счастливо. вмѣстѣ съ музыкою и балетомъ, содержаніе драмы слѣдующее.

Ругіеръ, женихъ добродѣтельной Брадаманты, попадаетъ въ сѣти прекрасной колдуньи королевы острова Альцины; забывая свой долгъ, онъ проводитъ здѣсь дни въ очарованіяхъ любви; его окружаетъ хоръ женщинъ, пастыри любящіе, и вдохновляемые любовію, привлекательныя сирены, все тамъ дышитъ нѣгой, все ему поетъ:

«Do miłości! do miłości! »  
 «Kto w kwitnącej chce młodości.  
 «Zażyć świata i lubości.»

Разговоръ поется въ стихахъ, а стихъ Ягодынскаго безподобенъ. Вотъ, напр. хоръ дѣвъ въ честь Ругіера и Альцины.

«Nieba obrótne, »  
 «Ptaszeczki lotne.  
 «Pięknych Nimf chóry,  
 «Wody i gory,  
 «Z waszej pomocy  
 «Niech tu jaśniejsze dni będą i nocy.  
 «Lochy chłodzące,

<sup>1</sup> *Переводъ.* Пусть любить тотъ, кто хочетъ въ цвѣтущей молодости узнать свѣтъ и удовольствіи.

<sup>2</sup> *Переводъ.* Вращающіеся небеса, быстрыя птички, хоры прелестныхъ нимфъ, воды и горы, съ вашей помощью пусть будутъ здѣсь дни и ночи ясные. Прохладная пещеры, согревающее солнце, поросшие луга,

«Słońce grzejące,  
 «Łonki zarosłe,  
 «Kwiatki wyniosłe,  
 «Z waszej pomocy,  
 «Niech tu jaśniejsze dni będą i nocu.  
 «Żarty kochania,  
 «Gry uśmiechania,  
 «Niech z raju płyną,  
 «A w sercu słyną,  
 «Z waszej pomocy,  
 «Niech tu jaśniejsze dni będą i nocu.»

Такимъ образомъ Ругіеръ въ упоеніи любви изнѣжился бы и погибъ совершенно, еслибы не колдунья Мелиса, покровительница его невѣсты; чтобы исторгнуть юношу изъ сѣтей чародѣйки, она принимаетъ на себя образъ Атласа, ея наставника, внушеніями мужскихъ обязанностей и богатырской чести трогаетъ благородное сердце Ругіера, такъ что онъ рѣшается оставить островъ Альцины. Прекрасная обманщица имъ оставленная, старается удержать его при себѣ силою своихъ чаръ. Заклинаетъ пути, по которымъ долженъ идти юноша, волны морскія перемѣняетъ въ пламя, деревьямъ повелѣваетъ пѣть пѣсни, которые бы его растрогали, но твердость его остается неизмѣнною, и Мелиса обращаетъ въ ничто всѣ сверхъестественные чары Альцины, Ругіеръ удаляется, возвращается къ своему долгу и зрѣлище оканчивается пѣснями и танцами.

Представленіе этой драмы или оперы во Флоренціи было истинно очаровательно. Съ совершенною почти вѣрностію

---

высокіе цвѣты съ вашей помощью пусть будутъ здѣсь дни и ночи еще яснѣе. Шутки любви, игры, улыбки пусть изъ рая плывутъ и въ сердца живутъ. Съ вашей помощью пусть будутъ здѣсь дни и ночи еще яснѣе.

били морскія волны, по нимъ ходили корабли, деревья плакали и ломались подъ тактъ музыки и пѣсней, вода превращалась въ пламя; музыка и танецъ придавали зрѣлищу очаровательность. Но дождался ли переводъ Ягодинскаго хоть одного менѣе блистательнаго представленія въ Варшавѣ? очень быть можетъ, потому что Владиславъ IV и братъ его Янъ Казиміръ, любили драматическія представленія; Марія Лудовика, которая принесла въ Польшу первый зародышъ любви ко всему французскому, дала толчекъ и нашему театру. Жаль, что эта государыня была французенкою; подъ ея вдохновеніемъ и покровительствомъ, ожила бы у насъ отечественная сцена и процвѣла придворѣ, при которомъ, изъ описаній Яржемскаго, мы видимъ уже постоянную музыку, хорошее устройство сцены и хоры италіянскихъ пѣвцовъ и танцоровъ. Діалогъ о св. Цециліи былъ представленъ съ такимъ неслыханнымъ великолѣпіемъ, что иностранные послы, бывшіе при дворѣ Владислава IV, сознавались, что они и у себя нигдѣ не видѣли представленія подобно блестящаго; въ другой разъ въ Гданскѣ, сценическія представленія данныя въ честь прибытія короля и его супруги Маріи Лудовики стоили до 100,000 тысячъ талеровъ. Италіянце Августинъ Лоджи и Вареоломей Бользони, королевскіе архитекторы, истощали свое остроуміе для выдумки новыхъ искусственныхъ перемѣнъ декораций. Но эти дорогія издержки ни мало ни содѣйствовали къ развитію драматическаго искусства въ нашемъ отечествѣ; пѣніе и танцы были здѣсь на первомъ мѣстѣ, піесы для театра писалъ Италіянецъ Виргилій Пузителли, а наши свѣтскіе и священныя діалоги, по прежнему разыгрывались въ іезуитскихъ столовыхъ, въ шляхетскихъ усадьбахъ, или въ балаганахъ, на скоро выстроенныхъ на городской площади. А эти произведенія домашней музы поистинѣ достой-

ны были лучшей участи! не имѣя великаго значенія сами по себѣ и по отношенію къ искусству, во всякомъ случаѣ однакожь они были началомъ народной комедіи. Ссылаясь на то, что уже сказано нами выше, сдѣлаемъ здѣсь изслѣдованія надъ комедіею Петра Барыки подъ заглавіемъ: *Изъ мужика король* (Краковъ въ тип. Матѳея Анджеѣвича 1637 г.). Мысль комедіи проста и едва годна для фарса, но отдѣлка частей, поистинѣ достойна вниманія. Мужикъ подхмѣлившись въ гостинницѣ, уснулъ сномъ праведныхъ — тамъ нашло его рыцарство, которое послѣ шведскаго похода, позволяло себѣ различныя своеволія. Солдаты, вся добрая Сѣрадзская шляхта, восхваляя свою провинцію, начинаютъ пить за здравіе короля, государства и воеводства Сѣрадзскаго, за здравіе гетмана и польскихъ знаменъ, за пана полковника, за пана ротмистра, за гусаровъ и Запорожцевъ; такимъ образомъ за чашею вина, когда всѣ настроены были къ веселію, увидѣли они спящаго крестьянина; въ головѣ ихъ мелькнула мысль: переодѣть его за короля и увѣрить его, что онъ дѣйствительно король. Сказано, сдѣлано. Крестьянинъ, одѣтый въ богатые одежды пробуждается отъ сна, онъ не довѣряетъ самому себѣ, колеблется, кто онъ и гдѣ находится, но когда наконецъ убѣдился, что онъ дѣйствительно король, велитъ подавать себѣ яства и напитки, принимаетъ посольство отъ войскъ казацкихъ, которые въ видѣ подданнической дани, приносятъ ему колбасу, медъ, водку, муку на пироги, вм. съ сѣдломъ, деревянымъ лукомъ, татарскою нагайкою и дубовымъ посохомъ. Довольный подарками, король-мужикъ напивается русской водки, снова засыпаетъ, и пробуждается въ своей крестьянской одеждѣ. Солдаты ругаются надъ нимъ и смѣются, а бѣдный крестьянинъ со стыдомъ возвращается въ свою избу, проклиная солдатское обще-

ство. Эта пьеса хочет выставить на видъ своеволие солдатъ и картину войска, которую въ антрактѣ изображаетъ обоимъ слуга, попеременно представляя намъ то гусаря, то козаковъ, то ихъ грубыя увеселенія послѣ бранныхъ трудовъ, то притѣсненія, насилія и обманы, какіе они себѣ позволяютъ въ обращеніи съ крестьянами, жидами и обоюдною прислугой, во зло употребляя правами сильнаго. Таково было войско въ Польшѣ въ эпоху Вазовъ; рыцари Кирхольма и Хотина, храбрые какъ львы, но избалованные правительствомъ и избытками воинской и шляхетской свободы, непослушные, безплатные, готовы были составлять конфедерации и сѣзды и торговаться съ своимъ начальствомъ о послушаніи и наградахъ.

Подъ общимъ названіемъ *Вахталія или діалоги съ Антрактами* въ 1640 г. вышелъ сборникъ нѣсколькихъ драматическихъ произведеній, разыгрываемыхъ школьнымъ юношествомъ. Достоинства и недостатки этихъ трудовъ, тѣ же, что и другихъ чисто народныхъ комедій; остроты пошлы, мысль обыновенна, вѣрна характеристика народныхъ классовъ и отдѣльныхъ частныхъ типовъ. Въ этомъ сборникѣ, именно въ пьесѣ *Кудесникъ*, авторъ осмѣиваетъ деревенскихъ бабъ, которыя своими чарами и волхвованіями морочатъ народъ деревенскій; староста служитъ здѣсь олицетвореніемъ власти, а бакалавръ — выраженіемъ здраваго ума, и книжной премудрости, возстающей противъ чародѣяній. Въ другой пьесѣ того же сборника, выходитъ на сцену *Альбертусъ*, типъ воина-труса, самохвала, пьяницы, грабителя, который соединялъ въ себѣ только недостатки нашего войска, вовсе не имѣя его гражданскихъ и рыцарскихъ добродѣтелей. Тамъ же *Пильриксъ* и *Страница*, надъ которыми онъ насмѣхается, тотъ исчезнувшій теперь классъ набожныхъ бродягъ, которые про-

давая освященные камни, іерусалимскія падьмы, восковыя фігуры, и другія подобныя имено священныя предметы, или разсказывая чудесныя легенды, — свои сны и откровенія, или небывалыя приключенія о своихъ путешествіяхъ, употребляли во зло легковѣрное благочестіе народа, возбуждая въ немъ небреженіе къ истинной вѣрѣ. Такимъ образомъ польскій театръ насмѣхался надъ всѣми недостатками народа, и надѣмся, что хотя малое, но все же имѣлъ вліяніе на его исправленіе. Только грѣхи сильныхъ не входили въ область сатиры, нельзя было еще осмѣять на театрѣ гордость магната, продажность трибуналовъ, двуличности іезуитской политики, и изступленную свободу шляхты — словомъ, недостатки высшаго общества; неудивительно поэтому что не было у насъ комедій высшей и благороднѣйшей, а такая только, содержаніемъ которой служилъ простой народъ, который приходилъ смотрѣть на нее, комедію примѣненную по вкусу и образованію зрителей этого рода, которые часто вѣшивались въ сценическіе разговоры, представляя собою на зрѣлищѣ зрѣлище другаго рода, часто болѣе забавное и драматическое, тѣмъ самая піеса. Въ доказательство того, что мы говоримъ, приведемъ изъ записокъ Паска, примѣръ того, какъ общество въ нашу эпоху вело себя на зрѣлищахъ.

«Французамъ, въ публичномъ Варшавскомъ театрѣ позволено праздновать одержанную ими надъ Австрією побѣду. Когда на театрѣ выведены были лица, началась музыка и торжественныя огни, собралась туда куча народу, «даже на коняхъ пріѣзжали смотрѣть на это чудное зрѣлище. Одни уѣзжаютъ изъ Варшавы, другіе пріѣзжаютъ: кто присмотрѣлся, кто остался на зрѣлищѣ, хотя ему «былъ недосугъ. И я тамъ былъ, потому что выѣзжалъ «изъ Варшавы, и тронувшись изъ гостиницы, остановил-

«ся рядомъ съ прислугою, которая была верхомъ, чтобы «поглядѣть на эти дивы. И такъ вокругъ этого зрѣлища «стояли люди различныхъ сословій и мнѣній. Когда уже «приготовительныя дѣйствія были кончены, то есть: какъ «сражались, какъ смята была пѣхота, какъ одна сто- «рона другой уступала поле битвы, какъ брали нѣмец- «скихъ плѣнниковъ, *отрѣзывали имъ головы*, какъ штур- «мовали и брали крѣпости, и все это производимо было съ «большимъ великолѣпиемъ и издержками тогда, какъ будто «бы послѣ пораженія войска непріятельскаго на мѣстѣ, «начинають вести императора въ цѣпяхъ, въ император- «ской одеждѣ, съ короною уже не на головѣ, но въ ру- «кахъ, которую онъ отдаетъ въ руки французскаго короля; «всѣ знали, что этимъ лицомъ былъ знатный Французъ, ко- «торый представлялъ особу императора, въ оковахъ и умѣлъ «лицо и губы кривить такъ, какъ кривилъ императоръ; «тогда одинъ изъ конныхъ Поляковъ сталъ кричать Францу- «замъ: *Убейте его, если онъ въ вашихъ рукахъ, не оставляйте его въ живыхъ, потому что какъ скоро освободите «его, онъ станетъ мстить вамъ, будетъ умножать войны, «проливать кровь человеческую, а такимъ образомъ, «мїръ никогда не будетъ знать покоя. А если убьете его, «то король французскій получитъ имперію. Будетъ им- «ператоромъ, дастъ Богъ, и нашимъ. Наконецъ если «вы его не убьете, то я его убью.*» Взявъ лукъ, и положивъ «стрѣлу, поразилъ императора въ бокъ, такъ, что желѣзо «прошло на сквозь и убилъ его. Другіе Поляки въ свою «очередь взяли за оружіе и стали стрѣлять въ ту толпу, «искололи много Французовъ и даже того, который сидѣлъ «на тронѣ въ особѣ короля, пронзили наконецъ въ голову, «такъ что онъ съ престола свалился на сцену и ушелъ «вмѣстѣ съ другими Французами.»

Подобныя сцены, хотя менѣ кровавыя, возобновлялись часто. Неосновательно было раздражать слишкомъ обидчивую шляхту, а при этой раздражительности нечему дивиться если театр не могъ стать у насъ школою нравовъ, соотвѣтственно своему назначенію, или что онъ не могъ забавить тѣхъ, которые привыкли къ болѣе шумнымъ забавамъ.

Наконецъ вспомнимъ еще піесу *Мужикъ изъ Блеса* 1646 г. и указанные уже нами переводы Морштыновъ изъ Сенеки, Корнеля и Расина. Цидъ Корнеля, въ переводѣ Морштына, былъ игранъ на Варшавскомъ театрѣ 1661 г. во время сейма послѣ освобожденія прусскихъ и литовскихъ городовъ отъ Шведовъ. Въ прологѣ рѣка Висла поетъ слѣдующую піесю, намекающую на занятіе Шведами Варшавы:

«Ja co blizką równinę<sup>1</sup>  
 «Nurtem biegu rączego  
 «Przedzieram, i co płynę  
 «Pod tego królewskiego  
 «Pałacu świetne mury,  
 «I co towary z góry.  
 «Prowadzę wasze, aż do ujścia w morze,  
 «Stara, Wandalska, dawnopomna Wisła,  
 «Tum do was przyszła! —  
 «Chciały mnie były mrozy  
 «Powiązać w swe powrozy,  
 «I przeszkodzić mi drogę,  
 «W której ucieszyć starość moję mogę.» i. t. d.

---

<sup>1</sup> *Переводъ.* Я, которая быстрыхъ потокомъ прорѣзываю близкую равнину, и теку подъ свѣтлыми стѣнами королевскихъ палатъ, и которая товары ваши — изъ горы веду въ море, старая, Вандальская долговѣчная Висла, здѣсь къ вамъ пришла! Морозы хотѣли было заковать меня въ свои латы и загородить дорогу, которою я могу потѣшить свою старость.



Самый переводъ Морштына прекрасенъ, такъ что новѣйшій переводъ Осиньскаго, не смотря на свою гладкость и свѣжесть слога, едва можетъ выдержать сравненіе съ нимъ.

Въ эпоху Ягеллоновъ, заключая обзоръ поэзіи въ Польшѣ, мы сказали, что подъ конецъ этой эпохи она стала терять свою красоту, что улетѣло изъ нея чувство и лиризмъ, а взяло верхъ умствованіе и сатирическая брѣзгливость. Въ эпоху Вазовъ, совершился можно сказать окончательный упадокъ нашей поэзіи, вмѣстѣ съ искаженіемъ чистаго языка временъ Сигизмундовыхъ, вмѣстѣ съ заключеніемъ въ холодныя формы всеоживляющаго, и свободнаго духа. Іезуитизмъ на произведеніяхъ нашей эпохи ясно положилъ свой отпечатокъ; мертвое подражаніе литературѣ классической, начало панегирическое, религиозное чувство запертое въ форму богословскаго правовѣрія—все это лишило теплоты и жизни даже произведенія первѣйшихъ художниковъ, каковы были: Шимоновичъ, Мясковскій, Твардовскій, Сарбѣвскій, что уже говорить о холодныхъ ихъ подражателяхъ? Съ другой стороны шляхта съ сильнымъ зародышемъ испорченности, съ духомъ отрицанія, (negacy) то стѣсняемая вельможами, іезуитами, вооруженными врагами отечества, то тѣснящая слабыхъ своихъ сосѣдей, противниковъ политическихъ или сельскій народъ, представляетъ картину безпорядка, который отражается и въ поэзіи. Вмѣсто чистой любви къ отечеству, во имя которой въ добрыя времена Ягеллонскія, забывались всѣ личныя оскорбленія, когда что-нибудь грозило общей цѣлости отечества, въ Польшѣ, при Вазахъ, благодаря соперничеству политическому и религиозному, возросъ духъ партій до того, что безъ него почти уже непонятно было значеніе гражданина-патріота. Поэтому поэзіи,

какъ орудіе этихъ двухъ партій по необходимости должна была отпечатлѣть на себѣ ясное пятно двухъ противоположныхъ элементовъ: *похвалы* для своихъ, и острой *сатиры* или *насмѣлки* на политическихъ или религіозныхъ своихъ противниковъ. Такъ дѣйствительно и было. Подъ конецъ эпохи Вазовъ сатира и насмѣшка стали умолкать, потому что трудно было смѣяться Польшѣ при Янѣ Казимірѣ, потому что нравъ скрывалъ отъ глазъ недостатки и простунки своихъ согражданъ, которые сдѣлались нравственнымъ состояніемъ большинства, потому что наконецъ пѣснотворная муза, съ сельской нивы, съ поля битвы и сеймовой палаты, совершенно переселилась въ стѣны іезуитскихъ collegій, природныхъ поклонниковъ всякой власти. Въ эпоху избирательныхъ королей, мы будемъ приводить много панегирическихъ похвалъ этой школы, которыя составляютъ отличительную черту тогдашней поэзіи. Читая ихъ, ктонибудь готовъ бы подумать, что это эпоха боговъ и богатырей, между тѣмъ, какъ это было время мрака и упадка. Языкъ обработанный великими писателями временъ Сигизмундовъ, теперь причудливо испещренный ученымъ латинизмомъ, сдѣлался почти неспособнымъ къ выраженію истинно вдохновенныхъ мыслей. Латинизмъ, вторично привитой къ польской почвѣ, не представляетъ уже цвѣтовъ, благоуханіемъ которыхъ дышатъ сочиненія Яницкихъ, Оржеховскихъ, Модржевскихъ, но однѣ сухія былинки, вооруженные мертвыми иглами научности — словомъ вездѣ состояніе омертвѣнія, застоя.

Покажѣтъ еще наступить необходимость изслѣдовать тѣ времена, возвратися еще къ первымъ годамъ царствованія Сигизмунда III и пройдемъ тогдашнія легкія сочиненія — въ нихъ наиболѣе характеристически выражается бурная пора тогдашняго времени.

### III. ПРОЗА.

ЛИСТЕЙ САТИРИЧЕСКИХ.—НАЧАЛО ГАЗЕТЪ И ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—ДНЕВНИКИ (DIARYUSZE) И ЗАПИСКИ (RAMIĘTNIKI).—РОМАНЪ И ПОВѢСТЬ.

Партіи, нерасположеніе, недовѣріе охотно прибѣгаютъ ко всѣмъ родамъ нападенія и обороны; но въ дѣлѣ минутномъ, оружіемъ болѣе страшнымъ и вѣрнымъ, чѣмъ желѣзо или холодное доказательство, служитъ насмѣшка сатиры. Польша при Вазахъ жила въ элементѣ партій. Католикъ и протестантъ, приверженецъ Зборовскаго и единомышленникъ Замойскаго, рокошанинъ и сторонникъ двора, послѣдователь свободы, кліентъ магнатовъ, консерваторъ или приверженецъ нововведеній, все это кипѣло въ Польшѣ, рвалось къ оружію другъ противъ друга, все взаимно поражало себя клеветами, взаимно обвиняло себя въ измѣнѣ. Въ сердцахъ желчь, на устахъ пѣна и насмѣшка. Въ такомъ положеніи дѣлъ при свободѣ книгопечатанія, еще не стѣсненной иезуитами, написано множество колкихъ, пристрастныхъ листковъ, которые большею частію погибли, но и оставшаяся ихъ часть бросаетъ ясный свѣтъ, если не на духъ цѣлой эпохи, то, по крайней мѣрѣ, на образъ мыслей извѣстныхъ партій. Форма этихъ мелкихъ произведеній самая разнообразная: трактатъ, пародія, письмо, апокрифъ, стихи; языкъ польскій или латинскій, сообразно природѣ предмета или природѣ остроты, мысль всегда полная, ост-

роуміе иногда тонкое, иногда пошлое и грубое. Вотъ характеристика произведеній этого рода, которыхъ мы приведемъ нѣсколько, не для исчерпанія предмета, потому что это невозможно, но для того только, чтобы дать понятіе объ этомъ странномъ родѣ литературы. Будемъ приводить листки безъ всякаго различія, польскіе опи или латинскіе, безъ различенія въ нихъ мнѣній или партій, такъ какъ они идутъ въ хронологическомъ порядкѣ. А такъ какъ нѣкоторые, при своей стихотворной формѣ, не получили мѣста въ отдѣлѣ о поэзій, то всего приличнѣе будетъ помѣстить ихъ здѣсь.

Бурное, двойное избраніе Сигизмунда III и эрцгерцога Максимилиана должно было вызвать множество этихъ летучихъ листовъ, которыми метали другъ противъ друга ненавистныя одна другой партіи-Зборовскихъ и Максимилианистовъ, приверженцы Замойскаго и Шведа. Приведемъ здѣсь описанную у Вишневскаго брошюру подъ заглавіемъ: *Состояній королевства Польскаго и нѣкоторыхъ польскихъ чиновниковъ во время избранія Сигизмунда III королемъ Польскимъ; Посольства, Письма и Ответы различнымъ князьямъ христіанскимъ*. Въ ней ревностный приверженецъ партій Зборовскихъ бросаетъ ядовитыя клеветы на Замойскаго, на память покойнаго короля и на сенаторовъ-приверженцевъ обоихъ сторонъ. Замойскаго называетъ Пашею, издѣвается надъ титуломъ *отца отечества*, который поднесенъ Стефану благородными соотечественниками, старается выставить всѣ дѣянія покойнаго короля героя въ свѣтѣ для него невыгодномъ, бросаетъ тѣнь на его переговоры съ Турками, на сношенія съ Венграми, на гласное дѣло Зборовскихъ, и приготовляя умы къ избранію, чтобы родить въ нихъ нерасположеніе къ дому Баторія и къ каждому кандидату, котораго можетъ предложить Замоискій, говоритъ: «Покамитесь можете, берегитесь

«наибольше бѣднаго государя изъ убогаго дома; пускай бы  
«ниѣлъ онъ самую лучшую красную шапку, но вѣдь за  
«нее дорого уплачено изъ казны государства; берегитесь и  
«другихъ, которые бы были чьими-нибудь подданными или  
«данниками. Не говорите: скоро обогатимъ мы государя,  
«это бы могло быть, но не скоро обогатить онъ своихъ  
«бѣдныхъ друзей. Изъ Польши вдругъ сдѣлаеть госпиталь,  
«одинъ будетъ ему способствовать быть владыкой, а другой  
«набирать нищихъ».

Бартошъ Папроцкій въ язвительномъ стихотвореніи подъ  
заглавіемъ: *Память о безпорядкѣ въ Польшѣ, причинен-*  
*номъ двумя партіями* (1587 г.) открыто поддерживая избра-  
ніе Максимилиана, нападаетъ на Замойскаго, называетъ его  
Сѣрымъ Яномъ, Szaruszkіem, Падуанскимъ ректоромъ, и  
о Сигизмундѣ III, на сторону котораго Замойскій, какъ  
извѣстно, преклонилъ вѣсы избранія, говорить:

«Wielką niewolę cierpi ludzi silna kupa, <sup>1</sup>  
«A czwarta się królowa do nich przymieszała,  
«Która państwo przodków swych w nieprzespieczność wdała,  
«A coż tym swym uporem najlepszego sprawi,  
«Polskiego nieotrzyma, Szwedzkiego pozbawi.»

Письменно задѣваетъ онъ при этомъ Мартина Леснёвольскаго, Подляскаго кастелляна, нападаетъ на канцлера Замойскаго, на в. короннаго маршала Андрея Опалинскаго, и Примаса Станислава Карнковскаго. Вообще эта брошюра, какъ и всѣ подобныя сочиненія Папроцкого, болѣе заклю-  
чаетъ въ себѣ яда, чѣмъ остроумія.

<sup>1</sup> Переводъ. «Толпа людей терпитъ сильное принужденіе, къ нимъ  
примѣшалась еще королева, которая подвергла опасности государство  
своихъ предковъ. Чѣмъ же кончится ея убожество? Тамъ, что она не  
получитъ Польшу и потеряетъ Швецію.»

По порядку вспомнимъ простую юмористическую картину изъ иной сферы, подъ заглавіемъ: *Священническое предприятие или разговоръ приходскаго священника, Альбертуса, Ветюшкина и Коновода* (Краковъ въ тип. Лазаря 1590 г.). Альбертусъ былъ типомъ дурной стороны тогдашняго солдата, или лучшаго обознаго погонщика, хвастуна, труса, всегда готоваго производить по деревнямъ грабежъ; его славный походъ на войну и возвращеніе оттуда нѣсколько уже разъ описывали и прозой и стихами. Альбертусъ хотя былъ вымышленнымъ лицомъ, но приобрѣлъ, такъ сказать историческую фнзіономію, благодаря единомыслію тѣхъ, которые описывали дѣянія этого польскаго въ своемъ родѣ Донъ-Кихота. Онъ былъ слугою приходскаго священника, вслѣдствіе гетманскаго призыва преобразовавшійся въ воина, съ важнымъ видомъ, въ вооруженіи, взятомъ изъ костела отъ гроба Христова, съ копьемъ св. Михаила, верхомъ на тощемъ конѣ, навьюченномъ связкою и сѣна и узелками дорожныхъ припасовъ; на рынкахъ и въ гостиницахъ, повсюду онъ рассказываетъ свои богатырскіе подвиги, съ набожнымъ настроеніемъ духа, какъ и прилично слугѣ священника, но военное общество испортило его до того, что онъ пренебрегаетъ вѣрою, ея обрядами, постами и молитвами. Къ этой личности мы еще разъ возвратимся, по поводу другой брошюры.

Среди множества голосовъ, возвышавшихся противъ іезуитовъ въ первые годы правленія Сигизмунда III, замѣчательнѣе прочихъ латинское произведеніе поэта Кленовича подъ заглавіемъ: *Equitis Poloni in Jesuitas actio prima* (1590), за которое честный и благонамѣренный пѣвецъ *Матроса*, заплатилъ страданіями всей своей жизни. Въ немъ онъ доказываетъ, что общество іезуитовъ подкопало уже основанія не одного государства, что оно старается

объ искаженіи чистыхъ началъ католицизма, и раздуваетъ пламя рокошей, что по ихъ винѣ опустѣла Браковская Академія въ Польшѣ, и многимъ людямъ закрылся путь къ славѣ и отличіямъ. Упрекаетъ іезуитовъ въ томъ, что въ отношеніи къ наукѣ они не могутъ равняться съ академією, что въ трудахъ на поприщѣ литературномъ лучше бы имъ заняться одними только діалогами, чѣмъ сочиненіями религіозными и научными, потому что въ первыхъ они вредятъ только дѣлу Церкви, а въ послѣднихъ распространяютъ систему ученія, гибельную для дѣлаго края. Сочиненіе Клѣновича, въ высшей степени интересное, имѣло великій успѣхъ; два раза было оно перепечатано на языкѣ латинскомъ и переведено на польскій языкъ подъ заглавіемъ *Сравненіе іезуитовъ*; но за то вызвало бурю на голову автора, и цѣлый рядъ сочиненій, опровергающихъ *Всадника*. Противъ Клѣновича выступили Станиславъ Решка въ книгѣ *Spongia*, Мартинъ Шишковскій, Мартинъ Лашчъ, Янъ Лянсъ, и цѣлый рядъ писателей іезуитскихъ и ихъ приверженцевъ. На сторонѣ іезуитовъ былъ перевѣсъ матеріальной силы, легко имъ было опровергать, приказывать, жечь книги, преслѣдовать автора или издателя; но гораздо труднѣе было поборотъ мнѣніе общественное, съ которымъ они ежеминутно должны были бороться. Еще нѣсколько разъ мы будемъ имѣть случай говорить то о нападеніяхъ на іезуитовъ, то объ ихъ оборонѣ.

Къ любопытнымъ листкамъ сатирическимъ нужно причислить стихотвореніе Гроховскаго, о которомъ мы уже говорили, подъ заглавіемъ *Бабій кругъ*, до сихъ поръ известное по нѣсколькимъ начальнымъ стихамъ, а теперь вновь перепечатанное въ *Польской литературѣ* ученаго В. А. Мацеіовскаго. По смерти краковскаго епископа, князя

Радзивилла 1600 г., когда множество польскихъ епископовъ искали занять опустѣвшую послѣ него кафедру, Гроховскій выводитъ на сцену постельныхъ бабъ, которыя по своему разбираютъ достоинства и недостатки кандидатовъ. Любопытна здѣсь характеристика тогдашнихъ польскихъ епископовъ; изъ нея мы видимъ, что Петръ Тулицкій не искалъ этого мѣста, потому что ему уже обѣщано было Варминское княжество, что Янъ Тарновскій, былъ человекъ скупой, который копилъ деньги только для себя и для своихъ родственниковъ, что Фирлей, какъ человекъ молодой и проворный, могъ быть полезнымъ двору, что Іеронимъ Розражевскій, епископъ Куявскій, не могъ быть полезенъ, потому, что былъ старъ, что Перемышльскій Вавржинецъ Гослицкій, былъ пастырь благоразумный и общительный, но не пользовался большими милостями при дворѣ; что Кіевскій Христофоръ Казимерскій, человекъ «съ умною головою», что Гомолинскій Хелмскій епископъ, по кротости своего нрава даже и не думаетъ о высокомъ достоинствѣ, что наконецъ Лудкій Бернардъ Мацеіовскій давно уже водыхаетъ къ Кракову, что онъ кажется уже сложилъ что-то для двора въ родѣ задатка, и хотя благочестивыя, сестры милосердія приходятъ въ негодованіе отъ одной мысли о святокупствѣ, однако послѣ долгихъ между собою споровъ, при вѣщательствѣ Пенковскаго, стараго нищаго, изъявили свое согласіе на избраніе Мацеіовскаго.

«Wszystkie za tem <sup>1</sup>

«Swym Biernatem

«Niawzgarozajmy;

«Temu dajmy

<sup>1</sup> *Переводъ.* «Всѣ за нимъ, своего Берната презирать не надо, ему вручилъ Богъ краковскую паству для управленія. Онъ заслужилъ это своими добродѣтелями.



Trzodeę Bozka—  
 «W rząd Krakowską  
 «Dla cnot jego,  
 «Godzien tego.»

Не прошла поэту даромъ эта остроумная выходка, потому что Плоцкій епископъ, Войцехъ Барановскій, оскорбленный намекомъ, будто бы онъ еще Стефану Баторію внесъ сумму денегъ за краковское епископство, посадилъ поэта въ заключеніе, и взялъ у него обѣщаніе не писать съ тѣхъ поръ ничего, кромѣ вещей набожныхъ.

Католики на разновѣрцевъ, а разновѣрцы въ свою очередь на католиковъ писали разнаго рода сатирическія статьи, которыхъ невозможно причислить къ религіозной полемикѣ, потому что они единственно служатъ только выраженіемъ непристойнаго яда ненависти. Къ числу ихъ принадлежитъ брошюра на лютеранъ подъ заглавіемъ: *Посольство изъ дикихъ полей отъ Совизжала къ малодобродѣтельной дружинѣ Правдзица Нидрвеля* (1606 г.). Здѣсь выходятъ на сцену: Совизжалъ (Вертопрахъ) — воплощенный типъ человѣка, одураченнаго религіозными новостями и Мархольтъ выраженіе простаго, здраваго ума, который на все новое смотритъ окомъ серіознымъ и суровымъ. Мархольтъ, подобно тому, какъ и Альбертусъ, въ сатирическихъ листахъ сдѣлался лицомъ историческимъ. Первый разъ онъ явился въ *разговорахъ Соломона съ Мархольтомъ*, о которыхъ мы говорили въ эпоху Ягеллоновъ, и съ тѣхъ поръ нравится сердцу читателей польскихъ его деревенская, полугрубая, необразованная, но полная здравой истины рѣчь и фигура.

Рокосъ Зебржидовскихъ увѣковѣченъ во многихъ листахъ сатирическихъ, такъ равно какъ и на поляхъ Гузова; рокосане и приверженцы двора съ равнымъ остервененіемъ

боролись между собою какъ письменно, такъ и мечемъ. Злостны и грубы, но по большей части остроумны, сочиненія писанныя рокошанами. Нѣсколько такъ называемыхъ *Рокошовыхъ пьесей* недавно обнарудовалъ Мацеіовскій въ своей *Литературѣ*. Одна изъ нихъ подъ заглавіемъ *Votum Philopotesa, Правдзѣцкаю*, писанная приверженцемъ Стадницкихъ, жестоко колетъ Сигизмунда, и громко говоритъ о томъ, что его нужно выгнать изъ Польши; другая по просту совѣтуетъ королю бѣжать изъ Польши, вмѣстѣ съ преданными себѣ сенаторами, измѣна которыхъ уже открыта шляхтою, или же отправиться на покаяніе въ Лоретъ и Ченстохово. Другая подъ названіемъ *Rasquillus*, объявляя, что король уѣзжаетъ въ Швецію на *сельди*, угрожаетъ королевскимъ любимцамъ: Сигизмунду Гонзагѣ Мышковскому, Іерониму Гостомскому, Николаю Вольскому и Андрею Боболю; иной наконецъ листокъ направленъ противъ приверженца королевскаго Лежайскаго старосты Опалинскаго, въ видѣ надписи на верстовомъ столбѣ; онъ оканчивается такъ:

«Złosci swej skryte ziarno ziemia ożywiła <sup>1</sup>  
 «A mnie jako kłos rządny na wierzch wysadziła,  
 «Żebym przemijającym tak swiadczyło tobie:  
 «Cnota Opalinskiego ta w tym legła grobie;  
 «Sam żyje, lecz jeśli mu ztąd mieć swe dochody  
 «Trzy drzewna tu z powrozem stoja dla ugody.»

Отъ того же рокоша остался намъ латинскій діалогъ, помѣщенный въ древней рукописи у I. I. Крашевскаго, въ

<sup>1</sup> Переводъ. «Земля оживила открытое зерно своей злобы, а меня голосъ правительственный повѣстилъ на вершинѣ для того, чтобы всѣмъ проходящимъ я такъ говорилъ о тебѣ: добродѣтель Опалинскаго здѣсь сокрыта въ этомъ гробѣ; самъ онъ въ живыхъ, но если жить ему отъ этого пользу, то вотъ для него здѣсь три столба съ веревкою.»

формѣ *Литургіи* (*Dyalogus per modum Missae*); самою формою онъ оскорбляетъ святость вѣры, но съ другой стороны полонъ неподобнаго остроумія и юмора. Въ немъ дѣйствуютъ: король, канцлеръ Матвей Пстроконьскій, польская шляхта, рокошане, приверженцы королевскіе, или какъ авторъ ихъ называетъ льстецы королевскіе (*adulatores regni*) и іезуиты; литургійныя молитвы каждаго изъ нихъ послужили къ искусному примѣненію словъ литургіи, къ характеру лицъ и партій. Такимъ образомъ авторъ насмѣхается, надъ предпріятіями Сигизмунда противъ Москвы, представляетъ тѣ насилія, какія терпитъ шляхта отъ конфедератовъ, наконецъ въ полумракѣ выставляетъ скромныя, но многозначительныя лица іезуитовъ. По причинѣ формы, которая, какъ мы сказали, оскорбительна для святости вѣры, не въ состояніи будучи привести изъ нея больше отрывковъ, переведемъ для примѣра парафраза послѣдняго Евангелія.

«Въ началѣ было единовластительство у Ляховъ, и Ляхъ «былъ единовластителемъ, таково было начало Польши; «далъ корону императоръ Оттонъ и назвалъ королемъ «Болеслава Храбраго; законы и права далъ Казиміръ В., рас- «ширилъ границы земли, и созидалъ твердыни, и обогащалъ «народъ. Ягелло вмѣстѣ съ свободою подарилъ и Литовское «княжество. Сигизмундъ I лучше желалъ отдавать подъ за- «логъ замки, чѣмъ дратьсъ народа деньги, и увеличивать свои «владѣнія. Что сдѣлано добраго, то сдѣлано королями любимы- «ми отечествомъ. По немногомъ же времени былъ человекъ «посланъ отъ Бога, которому было имя Сигизмундъ, тотъ при- «шелъ въ Польшу изъ Швеціи, чтобы вѣнчали его королемъ «польскимъ и что же случилось. Плавалъ онъ въ Швецію, «и свои его не приняли, далъ имъ право жить при себѣ, и «назначилъ мѣсячное жалованье въ Данцигскомъ портѣ, «для тѣхъ которые родились отъ шведской крови. Черезъ

«него война пачалась съ Москвою, и жилъ онъ тамъ, какъ  
«бы два мѣсяца. И мы видѣли славу его возвращенія оттуда,  
«какъ славу Александра В., торжествующаго и радующагося  
«о покореніи міра.»

Въ томъ же родѣ и равнымъ же остроуміемъ запечатлѣны  
и другіе два листка, которые теперь у насъ подъ рукою,  
одинъ подъ заглавіемъ: *Псаломъ конфедератовъ*, другой  
съ надписью: *Объ истязаніи господина нашего Сигиз-  
мунда III (Passio Domini nostri Sigismundi III)* соста-  
вленный изъ примѣненія Евангелія св. Іоанна о страдані-  
яхъ Господнихъ.

Тѣмъ же рокошанскимъ духомъ запечатлѣно рокошанское  
произведеніе подъ заглавіемъ: *Зерцало правленія или без-  
порядокъ во время сейма 1606, представленное Ефре-  
момъ Правдзицкимъ*, которое въ рукописи было у Юшин-  
скаго. Авторъ, сокрытый подъ псевдонимомъ, бросаетъ  
острыя стрѣлы на короля, на короннаго подскарбія (казна-  
чей) на Опалинскаго, Жегоцкаго, Гниньскаго, Паца, свящ.  
Пѣкарскаго, придворнаго проповѣдника, а наиболѣе ядови-  
тыя на Матвея Пестроконьскаго, короннаго канцлера. Выпи-  
шемъ нѣсколько стиховъ изъ этого листка:

«Zamknął Kanclerz drzwi panskie zatarasił progi <sup>1</sup>  
«Niewnijdzie tam skrzywdzony, nietrafi ubogi  
«Lecz idzie wolną drogą głos pomsty do Nieba  
«Że Pan wojnę wymyslił, a narod bez chleba.  
«Swoim pismem obciążą Elertowe prassy  
«Chrzcząc obroną Ojczyzny niniejsze hałas.»

<sup>1</sup> *Переводъ.* Занкнулъ канцлеръ дверь государеву, завалилъ пороги,  
не войдетъ туда униженный, не попадетъ въ нее убогій, но голосъ о  
ищеніи неленно возносится къ небу, что государь выдумалъ войну, а  
народъ безъ хлѣба, сочиненіями своими завалилъ онъ станики Элерта,  
называя имѣвшія волновія, защитою отечества.»

Неуцрылся отъ сатиры и принасъ Войцехъ Барановскій (занявшій это мѣсто послѣ Бернарда Мацеіовскаго въ 1608). Безыменный авторъ въ своемъ латинскомъ сочиненіи подъ заглавіемъ: *Дружеское письмо къ сенаторамъ королевства, любителямъ отечественной свободы* (Epistola familiaris ad proceres regni, amicos patriae libertatis) безъ обиняковъ выставилъ всѣ публичные и частныя грѣшки примаса, нещадить іезуитовъ, и открываетъ много подробностей изъ жизни давно уже умершаго примаса Якова Уханьскаго.

Къ памятникамъ рокоша принадлежитъ еще сочиненіе Блажовскаго подъ заглавіемъ: *Переводчикъ Рокошоваго*, оправдывающее Сигизмунда III,—потому что послѣ пораженія рокошанъ подъ Гузовомъ, голосъ приверженцевъ королевскихъ смѣлѣе сталъ высказываться въ тогдашнихъ сочиненіяхъ. Стоитъ еще привести здѣсь такъ называемую *Письмъ послѣ Рокоша*, которую приводитъ Мацеіовскій. Выпишемъ изъ нея отрывокъ изображающій своеволія рокошанъ.

«Więc pod tej płaszczem swobody <sup>1</sup>  
 «Pa trzy łotrowstwo pogody  
 «Najeżdża, bierze, plondruję  
 «A żołnierzem się mianuje.  
 «Stadnicki djabeł wcielony,  
 «Puscił głosy na wsze strony,  
 «Że Pana z krolewstwa zrzuci—  
 «Krażąc, guszu, bołamuci.

<sup>1</sup> *Переводъ.* И такъ подъ предлогомъ свободы, буйство ждетъ погоды: наѣзжаетъ, беретъ, грабитъ и еще зоветъ себя солдатомъ.

Стадницкій, дьяволъ воплощенный, распустилъ голоса на всѣ стороны, что онъ короля свергнетъ съ престола, кружась на всѣ стороны, рычитъ, дурачить.

«Drudzy mu łeż pomagali  
 «Panu w kaszę narzucali;  
 «I braci skupili wiele,—  
 «Gniew, nienawiść broi smiele.  
  
 «Wołaj, woźny Jenerale,  
 «Rokosz huczny został w male,  
 «A ci, co króla sławili  
 «Po gębie się uderzyli.  
  
 «Jadem chcieli być królowi  
 «Senatorom wtoż dworowi,  
 «I na koscioł się rzucili,  
 «Lecz szyki bardzo zmylili.

Другой кто-то, важнымъ историческимъ образомъ написалъ оборону Сигизмунда III подъ заглавiемъ: *Человѣкъ по своей добродѣтели, доброжелательству и правдѣ.* (Ziemianin spotę, życzliwoscią, prawdą.) Авторъ вѣрнымъ взглядомъ, отыскивая начало зла, источникъ его видитъ не у престола, но у магнатовъ, обманывающихъ шляхту мнiмыми титулами равенства и братства (и то тогда только, когда хотятъ чего-нибудь чрезъ нихъ достигнуть) и которые обременные долгами, единственное средство къ спасенiю видятъ въ смутахъ республики. О другихъ магнатахъ, ревнующихъ будто бы о народной свободѣ, авторъ утверждаетъ, что усердiе ихъ происходитъ изъ безпокойнаго желанiя предводительствовать своими братьями и потому все дѣло рокоша, по его мнѣнiю, есть слѣдствiе личныхъ видовъ, прикрытыхъ желанiемъ общественного блага. Можно былобы

---

А другiе ему помогали, государя въ лицо упрекали, и собрали много братьевъ; гнѣвъ и ненависть слыло шумить.

Дукуй, главный генералъ, громкiй рокошъ развѣянъ, а тѣ, которые славили короля, сонинули свои рты.

Ядомъ хотѣли они быть для короля, тѣмъ же для сенаторовъ и двора, бросались и на церковь, но оружие имъ не вѣнзило.

кое-что и возразить противъ главной мысли автора, но вѣрность его отдѣльныхъ выводовъ волею или неволею мы должны признать.

Дѣла царства Сигизмунда III въ эту эпоху тѣсно были связаны съ дѣломъ іезуитовъ. Съѣзды Люблинскій и Сендомірскій требовали удаленія ихъ изъ Польши, или по крайней мѣрѣ лишенія ихъ огромной силы и богатства. На положенія Сендомірскаго съѣзда отвѣчалъ почтенный іезуитъ Петръ Скарга; но его сочиненіе подъ заглавіемъ: *Процессъ съ конфедераціею и Испытаніе Ордена Societatis Jesu* (какъ мы уже выше сказали) доказываетъ только то, что защитникъ человѣкъ добродушный, не подозрѣвалъ вреда, приносимаго обществомъ отечеству. Кромѣ Скарги въ защиту іезуитовъ, писали: Касперъ Савицкій, Касперъ Цихоцкій и Георгій Тышкевичъ, а нападали на нихъ Станиславъ Щигельскій, Симонъ Стеніушъ и Николай Зѣменцкій. Та и другая сторона издала нѣсколько брошюръ; то была борьба на жизнь и смерть, потому что дѣло шло о существованіи іезуитовъ въ Польшѣ, или объ ихъ удаленіи. Рѣшительный ударъ іезуитамъ должно было нанести сочиненіе подъ заглавіемъ: *Частныя увѣщанія обществу іезуитовъ* (*Monita privata Societatis Jesu 1614 г.*). Оно написано Вольшскимъ шляхтичемъ Іеронимомъ Заборовскимъ или, какъ нѣкоторые догадываются, княземъ Георгіемъ Збараскимъ. Авторъ знакомый съ духомъ іезуитскихъ установленій, представилъ ихъ въ формѣ предписаній и правилъ ордена, чтобы этимъ путемъ сдѣлать ихъ болѣе разительными для взоровъ своихъ соотечественниковъ. Въ этомъ сочиненіи, высказывающемъ много правды, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень натянутомъ и преувеличенномъ, есть однако нѣкоторыя правила заслуживающія нашего вниманія; и такъ:

Уставъ предписываетъ ордену прилагать всё старанія къ тому, чтобы снискать любовь и приверженность гражданъ: охотное исполненіе своихъ обязанностей, скромность и милосердіе располагають вообще народъ въ пользу ордена. Что же касается монарховъ и вельможъ, то уставъ велитъ окружать ихъ тонкою сѣтью вниманія, оказывать вліяніе на ихъ дошъ, женъ и дѣтей, а въ особенности на женщинъ; на крѣпкой нити держать ихъ совѣсть, льстить ихъ суетности, привѣтствовать ихъ стихами, и давать въ честь ихъ празднества всякой разъ, когда вельможа вступить въ стѣны ордена. Стараться о замѣщеніи должностей духовниковъ іезуитами, а въ сношеніяхъ съ протестантами принимать на себя видъ преслѣдуемой жертвы за дѣло католичества; ясно давать чувствовать, что орденъ іезуитовъ приносить отечеству болѣе пользы, чѣмъ всё другіе монашескіе ордена; вездѣ закрывать другія школы, кромѣ іезуитскихъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что при существованіи разныхъ школъ въ одномъ городѣ, по городамъ невозможно избѣжать замѣшательства. О снисканіи расположенія ордена богатыхъ вдовъ, уставъ предлагаетъ нѣсколько параграфовъ: совѣтуетъ часто посѣщать ихъ, стараться помѣстить при нихъ іезуита въ качествѣ духовника, который овладѣвъ совѣстію богатой вдовы, возбудитъ въ ней отвращеніе къ міру и его удовольствіямъ, а управление имуществами и доходами присвоитъ себѣ. Дѣтей, если они есть, располагать къ принятію орденскихъ одеждъ, а въ случаѣ сопротивленія стараться отнимать у нихъ имущество. Юношество и священниковъ, которые были бы нерасположены къ ордену, удалять изъ него и потомъ гнать всѣми силами, чтобы каждый изъ нихъ созналъ то, что спокойствія и счастья нѣтъ внѣ круга ордена. Весь этотъ уставъ могъ быть сообщаемъ только старѣйшинамъ и іезуитамъ уже ис-



пытаннымъ въ слѣпой ихъ привязанности къ ордену. А еслибы эти наставленія случайно попались въ руки чужихъ, нужно отказываться отъ нихъ, опровергая ихъ, и ссылаясь на свидѣтельства тѣхъ іезуитовъ, которые дѣйствительно о нихъ не знаютъ.

Эти *наставленія*, такъ хорошо соотвѣтствуютъ духу іезуитизма, что можно сомнѣваться въ ихъ поддѣльности. То несомнѣнно, что орденъ руководствовался подобными началами, которые быть можетъ не были записаны, или не попались въ руки непосвященныхъ. Цѣлая ватага іезуитовъ и ихъ приверженцевъ стала въ защиту своего ордена, оскорбленнаго этими *наставленіями*. Какъ сочиненія защитительныя, вниманія нашего заслуживаютъ: *Письмо* Познанскаго воеводы Яна Остророга къ своимъ дѣтямъ (1615); *Опроверженіе наставленій* іезуита Якова Гретсера (1618); *Спасительные совѣты* (*Monita salutaria*) *данныя безыменному сочинителю* іезуитомъ Томою Бембою (1615), и наконецъ пораженіе кальвинистовъ, въ той же формѣ въ какой оно было нанесено іезуитамъ, въ латинскомъ сочиненіи подъ заглавіемъ: *Monita Calvinistarum* etc. (Правила кальвинистовъ общественныя и частныя, общія и подробныя, собранныя изъ ихъ книгъ и постановковъ и объясненныя въ порядкѣ 1616).

Еще разъ мы должны воротиться къ указанному уже нами лицу Альбертуса по поводу брошюры въ стихахъ подъ заглавіемъ: *Альбертусъ возвращающійся съ войны*, изданной въ первый разъ 1596 г., а перепечатанной 1613 г. Это побѣдное возвращеніе богатыря Альбертуса подъ кровъ священнической изъ-подъ котораго онъ выѣхалъ съ такою пышностію. Онъ возвращается въ рыцарской одеждѣ, грубо привѣтствуетъ священника слѣдующими мирскими словами: «*Moja służba Waszmosci*» (вашъ слуга милостивый государь); священникъ не

понимаетъ ихъ и соблазняется тѣмъ, что въ его привѣтствіи онъ не упоминаетъ о Богѣ. Еще болѣе соблазняется честный приходскій священникъ тѣмъ, что Альбертусъ, развращенный военною жизнію хочетъ колокольню превратить въ конюшню для своего коня, хвалится своимъ грабежемъ и добычею, и какъ *spolia opima* своихъ богатырскихъ подвиговъ татарскій кистень хочетъ повѣсить въ костелѣ. Наконецъ даритъ священнику богатый колчанъ, который находитъ себѣ мѣсто во храмѣ и предназначается для храненія пропиль. Впрочемъ Альбертусъ все сильнѣе опечаливаетъ священника своими рассказами о грабительствѣ, какъ о дѣлѣ обыкновенномъ между солдатами, о томъ, какъ солдаты, видно изъ страха Божія, никогда не бываютъ въ костелѣ, и не одинъ изъ нихъ готовъ былъ бы ограбить всё принадлежности и богатства дома Божія; рѣдко услышишь псаломъ въ войскѣ, чаще всего пѣснь о Кипридѣ, или о росписанномъ кувшинѣ; и тотъ неминуемо подвергся бы насмѣшкамъ, кто бы по старопольскому обычаю запѣлъ пѣснь *Богородица*. Альбертусъ, читаемый обыкновенно подъ низкою кровлею рыцарской шляхты, имѣлъ цѣлю дѣйствовать на исправленіе нравовъ войска; кажется, впрочемъ, что съ этою именно цѣлю въ немъ нарочно преувеличивались недостатки войска, потому что нельзя вѣрить, чтобы рыцарство наше время Сигизмунда III дошло до такой крайней испорченности.

Характеристическимъ классомъ, можно сказать, язвою этой эпохи, было нищенство, выродившееся не изъ общественной нужды, которой у насъ не было, но изъ ослабленія общественнаго подчиненія, которое проникло во всё сословія. Безъименный авторъ, подъ псевдонимомъ Януарія Совиздралія (Januarius Sovizdralius) въ своемъ стихотвореніи подъ заглавіемъ: *Странствованіе нищихъ*, описывая ихъ разговоры, представляетъ намъ этотъ классъ

со всѣми его оттѣнками. Ложь, знаніе людскихъ слабостей, искусство въ мистическомъ чародѣйствѣ и гадательствѣ, наконецъ знакомство съ обычаями разныхъ странъ, составляли главный предметъ знаній нищенства; знаніе главныхъ праздниковъ въ каждомъ селѣ и мѣстечкѣ играетъ здѣсь также не послѣднюю роль. Здѣсь хорошо изображена характеристика нищихъ и фнзіономіи различныхъ областей государства, потому что иной народъ, инныя вѣрованія, инныя ярмарки и торжества, иной поэтому видъ обмана людей въ Гнѣзнѣ въ день св. Войцеха, иной въ Ярославлѣ въ день Успенія, иной въ Валахія, иной въ Кіевскихъ пещерахъ, а иной въ Луславицахъ при аріанскомъ Зборѣ. Не имѣя въ виду мысли болѣе возвышенной, *Странствованіе нищихъ*, изображаетъ намъ этотъ классъ и народъ, изъ нѣдръ котораго онъ выражается при недостаткѣ домашнихъ полицейскихъ установленій, обращаетъ вниманіе своихъ соотечественниковъ на этотъ грязный классъ, который подъ видомъ изуродованія и нужды, которые даютъ ему право на состраданіе, во зло употребляетъ ихъ довѣренность. Изображая мрачную сторону нашей общественности, авторъ съ тѣмъ вмѣстѣ высказываетъ и мысль утѣшительную, что у насъ болѣе нужно было ограничивать добродѣтель милосердія, чѣмъ побуждать къ вспоможенію ближнихъ.

Тамъ, гдѣ устныя диспуты и письменныя разсужденія богословскія не помогали іезуитамъ въ дѣлѣ убѣжденія мновѣрцевъ, тамъ они дѣйствовали противъ нихъ вооруженною рукою не только подученной ими городской черни, но и рукою собственныхъ воспитанниковъ; не рѣдко вызвали кровавыя и соблазнительныя сцены, изъ которыхъ въ правленіе Сигизмунда III мы укажемъ только на сожженіе храмовъ Моравскихъ братьевъ и лютеранскаго въ Познани 1614 и на разрушеніе лютеранской моделии въ Торнѣ;

эти событія вызвали нѣсколько летучихъ брошюръ, со стороны какъ іезуитовъ, такъ и лютеранъ. Іезуиты вдругъ послѣ своего насильственнаго поступка въ Познани издали два сочиненія: 1) *Краткое разсужденіе о еретическомъ Зборѣ въ Познани*: 2) *Новости изъ Познани о насильственномъ разореніи евангелическихъ Зборовъ* (1614). Протестанты въ свою очередь отвѣчали имъ двумя сочиненіями: однимъ на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Вдвойнѣ новая газета* (Zweierlei neue Zeitung (1614) и другимъ на языкѣ польскомъ: *Отвѣтъ на тридцать причинъ, по которымъ іезуиты силятся воспретить въ Познани построеніе протестантскихъ Соборовъ, или лучше сказать истребить евангелистовъ и поколебать состояніе шляхетское* (Respons na trzydziści przyczyn, któremi Jezuci budowania zborow w Poznaniu bronią, albo raczej Ewangeliki wyniszczyc i stan szlachecki podbić usiłują 1615). Не пропустили случая іезуиты окончательно оправдывать свой поступокъ, чему доказательство мы имѣемъ въ безымянномъ сочиненіи: *Защитеніе причины о недопущеніи построенія еретическаго Собора въ Познани* (Obrona Rozsądku o niedopuszczaniu budowania heretyckiego zboru w Poznaniu 1616 г.) и въ другомъ сочиненіи подъ названіемъ: *Отвѣтъ на новости изъ Познани, которыя одинъ искусный служитель разсѣялъ въ Пруссіи* (Replika na powiny z Poznania, które minister jeden trefny gozsiął po Prusiech) авторъ котораго былъ іезуитъ Касперъ Савицкій, неустрашимый поборникъ своего дѣла и авторъ другихъ статей, каковы: *Триплика на дуплику свящ. Тенебріона Нетопыря, министра Зборовской дружины*. *Триплика на дупликę хиѣдза Тенебріона Nietoperza министра зборовей дружины* 1625). *Наружное согласіе или лучше дѣйствительная распря между тѣми, ко-*

торые невинно называютъ себя евангелистами нашихъ временъ (Foremna zgoda, albo raczej istna wrzawa między temi, którzy się tychъ нашихъ czasowъ Евангеликами niewinnie nazywają 1616). Торуняне съ своей стороны, послѣ разоренія у нихъ храма, подали жалобу на сеймы шляхетства въ Сродзкѣ и Прошовицахъ и издали полатынѣ и повѣмечки: *Защиту правды* (Schutz-Rede der Wahrheit—Patrocionium veritatis) или *Письмо жителей Торна на сеймы Сродзкіе и Прошовицкіе къ сенаторамъ и польскому рыцарству противъ несправедливой, чудовищной рѣчи одного безыменнаго іезуита*; этотъ іезуитомъ былъ Войцехъ Росцишевскій, который вмѣстѣ съ Георгіемъ Тышкевичемъ выпустилъ множество различныхъ сочиненій на языкахъ польскомъ и латинскомъ, какъ-то, напримѣръ: *Новости изъ Торна о насильственномъ запрещеніи еретиками католическаго богослуженія и процессій* (1614); *Отвѣтъ на клеветы одного защитника Торунянъ противъ іезуитовъ* (Responsio ad calumnia qui patrociniam Torunensium contra Jesuitas suscepit 1615 г.). *Отвѣтъ на сочиненіе одного безыменнаго Торунца* (Responsio ad libellum famosum etc 1615 г.); *Защита іезуитскаго ученія противъ Торунскаго анонима* (Vindiciae doctrinae societatis Jesu, a calumniae patroni Torunensium anonimi, 1616 г.). Наконецъ еще одно: *Рѣчь къ Сенату и польскому рыцарству, въ которой опровергаются жалобы, поданныя Торунянами на сеймы Сродзкіе и Прошовицкіе противъ іезуитовъ* (Oratio ad senatum Equitesque Polonos in qua refuntuntur ea quae in conventu Prosoviensi ac Sredensi Torunenses Jesuitis obiecerunt).

Отъ этихъ соблазнительныхъ сценъ и разсужденій снова воротимся къ листкамъ политическаго содержанія, въ кото-

рыхъ шляхта, законодательница Польши, чаще всего виновница общественныхъ беспорядковъ и неустройствъ, и всегда первая ихъ жертва, протестовала противъ недостатковъ своего правительства, попросту въ порывахъ неправильно понятой свободы передавала бумагъ свои фантастическія, правительственные и административные помыслы, поражала клеветою все то, что въ отечественномъ управленіи противорѣчило личнымъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ или партій. Любовь къ общественному благу всегда служить отличительною чертою этихъ сочиненій, но на духъ этой любви, непремѣнно нужно смотрѣть относительно личнаго или политическаго положенія автора. Не въ состояніи будучи обнять все множество этихъ разнородныхъ листовъ, видѣнныхъ и описанныхъ уже прежде, или тѣхъ, которые вновь описалъ Мацеіовскій въ своей *Литературѣ*, листовъ, которыхъ, можно ручаться, и половины мы еще не знаемъ — ограничимся исчисленіемъ только болѣе замѣчательныхъ изъ нихъ.

Итакъ: изъ эпохи хотинскаго похода, когда Ходкевичъ съ такими напряженными усиліями совершалъ исполнское дѣло пораженія Турокъ, а король въ Львовѣ ссорился съ шляхтою за замедленіе народнаго ополченія, Янъ Дзвоновскій издалъ діалогъ въ стихахъ подъ заглавіемъ: *Необыкновенное движеніе или война русей* (Niepospolite ruszenie, albo gęsia wojna 1621 г.), дѣлая прииѣненіе къ тагъ называемой *войнѣ Кокоша*, свидѣтелемъ который былъ тотъ же Львовъ съ его окрестностями въ эпоху правленія Сигизмунда I. Грубый стиль и пошлые шутки этого произведенія носятъ на себѣ однако отпечатокъ безпристрастной истины, которую можно было говорить въ одной только Польшѣ. Другая брошюра той же эпохи, носящая заглавіе: *Наставленіе о Львовской конфедераціи, бывшей въ 1622 г.*

(О конфедерации Лвовской в году 1622 усзупионеј наука) была органомъ правительства. Авторъ довольно впрочемъ удачно, изобразивъ своеволие рыцарства и необузданность гражданской шляхты, открываетъ тайныя мысли Сигизмунда III, утверждая: «что корень зла скрывается въ излишней свободѣ, черезъ которую, пока сами они не ограничатъ на сейшѣ, сколько ихъ неучаствовало бы въ правленіи; имъ никогда не дойти до уничтоженія зла и до лучшаго быта въ будущемъ.» То были слова разительныя въ то время, и неудивительно поэтому, что народъ не питалъ сочувствія къ Сигизмунду III, что онъ съ недобѣрчивостію смотрѣлъ на его политику. Сочиненіе подъ заглавіемъ: *Wzглядъ на расходы воеводства и вѣль ево, при этомъ разныя средства, какъ предупредить это* (Okulary na rozchody w Koronie i z Korony, przy tem wrodki rózne jako temu zabieżeć, Варшава 1623 г.) отличается нѣсколькими вѣрными замѣчаніями по части тогдашней политической экономіи, и служитъ важнымъ источникомъ для исторіи финансовъ, промысловъ и торговли Польши, но вопреки своимъ положеніямъ о томъ, что упадокъ денежнаго курса происходитъ отъ торговой монополіи мѣщанъ, Нѣмцевъ и жидовъ, какъ истинный польскій шляхтичъ той эпохи, онъ вооружается противъ шляхты, которая принимается за торговлю. Безыменная брошюра подъ заглавіемъ. *о Стациі война съ богословомъ* (o Stacyi Żołnierz z Teologiem) есть не что иное какъ вариация на очень обыкновенную въ то время тему, жалобы на притѣсненія, какія терпитъ народъ отъ воиновъ; въ ней, въ защиту правъ народа и церкви, выступаетъ приходскій священникъ, который своевольнаго солдата напрасно старается обратить на путь религіи и гражданской умѣренности; грустная картина того, чѣмъ была польская шляхта, сѣвши на коня подѣ ви-

домъ рыцарства, и краснорѣчивое свидѣтельство о томъ, что благочестивый Сигизмундъ III не умѣлъ вдохнуть того же духа благочестія въ сердца своихъ подданныхъ, не смотря на самое усердное содѣйствіе іезуитовъ. Къ этому же времени относится подробно рассмотрѣнный нами *Gratis священническій*, изданный ученымъ академикомъ Яномъ Бросціемъ, въ борьбѣ Академіи съ іезуитами за Краковскія школы (1625 г.) и отвѣтъ на это сочиненіе іезуита Шембека подъ заглавіемъ: *Gratis наказанный* (по славянски) *въ школахъ іезуитскихъ*, намекъ на то наказаніе, которому по старанію іезуитовъ, на площади Краковѣ подвергся типографъ Янъ Петрковчикъ за изданіе *Gratis'a* Бросція. Своеволие войска, отправлявшагося въ Венгрію по дѣлу императора, противъ Бетлеама Габора, Седмиградскаго воеводы, которому Венгры поручили управленіе своего государства, и обиды, какія причиняло шляхтѣ войско, высланное Сигизмундомъ III, подали поводъ къ сѣзду той же шляхты въ Краковѣ, гдѣ въ храмѣ св. Франциска совѣтовались о средствахъ для обузданія своеволія. Это шумное совѣщаніе шляхты не правилось двору, по мысли котораго, нѣкто написалъ двѣ брошюры подъ заглавіемъ: *Придворный Пасквилистъ* (Paskwiliusz dworny), которыя обнародованы были П. Брашевскимъ въ Атенеѣ (Вильно 1846 г.). Въ первой изъ нихъ авторъ грозно возстаетъ противъ сѣздовъ шляхетскихъ, угрожая тѣмъ, что императоръ торжествуетъ надъ Венграми, и какъ бы стараясь внушить этимъ мысль, что Сигизмундъ III довольно силенъ для того, чтобы положить рѣшительный конецъ рокошамъ несогласной шляхты. Желая говорить подобнымъ образомъ, надо имѣть на своей сторонѣ дѣйствительную правду и силу, Сигизмундъ III не имѣлъ ни того, ни другаго; не удивительно поэтому, что онъ только раздражалъ умы, вмѣсто



того, чтобы их успокоить. Другой *Пасквилистъ* въ духѣ болѣе покойномъ, дерзко однако жалуется на шляхту, и по въ высшей степени недипломатическому разсчету, выказываетъ силы и приверженцевъ короля, какъ бы для того только чтобы одни уменьшить, а къ другимъ родить отвращеніе, упрекаетъ шляхту въ слабости и робости, какъ бы для того единственно, чтобы вызвать со стороны ея энергическія доказательства мужества, что еще не трудно было польской шляхтѣ. Оба эти пасквиля служатъ краснорѣчивомъ доказательствомъ политической неспособности Сигизмунда III, и его совершеннаго незнанія человѣческаго сердца. Въ отвѣтъ на эти два сочиненія, выставили ропотъ польскаго общества на неблагоприятность къ нему Сигизмунда. «Больно мнѣ, говорить оно терпѣть это отъ тѣхъ, которые черезъ меня вышли изъ праха, и помѣстились между князьями моего народа. Но неудивительно: ничто не старѣетъ такъ скоро, какъ память благодѣяній.» Въ слѣдъ за тѣмъ упрекаетъ Сигизмунда въ открытыхъ стремленіяхъ къ самовластію, по имени называетъ всѣхъ приверженцевъ двора, гордится нѣсколькими мужами, любящими Республику, а королю и его партіи нещадитъ горькихъ упрековъ. «По когтямъ, говорить, можно узнать льва, по разговорѣ человѣка, а по шалостямъ дурака... Угрожаете праздностію? Присоединитесь еще сами къ этому, и будетъ больше. Опасаетесь яда? Ненуженъ ядъ тому, кто послѣднимъ своимъ счастіемъ считаетъ любовь подданныхъ, и чванится тѣмъ, что онъ безопасно можетъ лечь на лонѣ каждаго изъ своихъ подданныхъ.» Въ томъ же саркастическомъ тонѣ написанъ и листокъ подъ заглавіемъ: *Коленопреклоненіе предъ государемъ Сигизмундомъ III обыкновеннаго чело-вѣка, притесняемаго за орты* \* (Suplikacya do Naj-

\* Четверть талера.

jasniejszego Zygmunta III od pospolitego człowieka dla ortów ucisnionego), который заключаетъ въ себѣ горькія жалобы на тогдашнюю плохую монету. Мы могли бы указать еще на нѣсколько полемико-религіозныхъ листовъ, которые по своему насмѣшливому тону сюда должны быть отнесены; но и то, что уже сказано нами, дастъ достаточное понятіе о брошюрной литературѣ въ правленіе Сигизмунда III.

Замѣчательно, что эта странная литература, столь богатая въ правленіе Сигизмунда III при Владиславѣ IV не представляетъ намъ почти ничего достойнаго вниманія, или народъ до того уже свылся съ недостатками своими и своего правленія, что не хотѣлъ уже и возставать противъ нихъ, или власть іезуитовъ заповѣдала молчаніе стоуственному голосу общественнаго мнѣнія, или что всего вѣроятнѣе, правленіе Владислава было болѣе въ духѣ народа, нежели правленіе его предшественника и его несчастнаго преемника. Кромѣ нѣсколькихъ религіозныхъ, не важныхъ листовъ, изъ политическихъ мы можемъ указать едва двѣ брошюры, недавно описанныя г. Мацеёвскимъ. Одна изъ нихъ подъ заглавіемъ: *Какую пользу извлекла Польша изъ Прусской войны съ Густавомъ* (Co za pożytki odniosła Polska z Pruskiej wojny z Gustawem 1634 г.) оправдываетъ эту войну, и доказываетъ, что польское рыцарство выучилось въ ней воинскому искусству; другая *Защита сподручниковъ ея к. величества* (Obrońca oberszterow J. Kr. Mości 1635 г.) защищаетъ войско отъ тѣхъ упрековъ, которые дѣлала ему шляхта; вная: *Разговоръ одного любителя отечества* (Dyskurs jednego miłośnika ojczyzny 1648) бѣдствія отечества приписываетъ наказанію небесъ за своеволіе того же воинства; еще одна подъ заглавіемъ: *Воинскій станъ* 1638 г. (Stacye żołnierskie) гремитъ противъ рыцарства за то же своеволіе. Но сколь ни далеки мы отъ

того, чтобы оправдывать своеволие польскихъ солдатъ, однако въ этихъ двухъ брошюрахъ мы не можемъ не замѣтить пристрастнаго голоса духовныхъ, которымъ, хотя они и владѣли огромными имуществами, не хотѣлось однакоже наравнѣ съ другими гражданами Польши нести бремя его правленія. Предъ лицомъ неотвратимыхъ потребностей отечества, когда каждый изъ его гражданъ готовъ былъ приносить все свое имущество на его алтарь, неприятно намъ читать декламации духовенства, направленныхъ противъ квартированія войска въ его помѣстьяхъ, цитаты изъ священнаго писанія и уставовъ нѣмецкихъ императоровъ о неприкосновенности церковныхъ имуществъ. Одна только извѣстная намъ брошюра временъ Владислава IV достойна нашего вниманія, она описана г. Мацеювскимъ: *Доказательство явного вреда, который терпитъ польское королевство отъ наплыва иностранной монеты особенно же Силезской* (Dowód jasnej szkody, którą ponosi królestwo Polskie z cudzoziemskich pieniędzy, osobliwie z Szląskiej monety 1645). Въ ней авторъ жалуется на то, что столь обширное и торговое королевство, какъ Польша, собственно говоря, еще до сихъ поръ не имѣетъ своей монетной пробы; сравниваетъ вѣсъ польской монеты съ иностранною, и находя, что вѣсъ иностранный меньше, показываетъ тѣ потери, какія несетъ отечество, принимая чужую монету въ мнимомъ, а не дѣйствительномъ ея достоинствѣ. «Талеры, онъ пишетъ, которые у насъ чеканятся не въ «большомъ количествѣ, едва выходятъ за порогъ монетнаго «двора, скупаются жидами и отправляются за море или въ «верхнюю Германію. Иностранные, незнакомые деньги при«шли у насъ въ такой безпорядокъ, что изъ мелкой монеты мы имѣемъ одни только крѣйцеры, грешли, пятакш, «тулачи, тройки, геллеры и проч., а изъ болѣе крупной одни

«только 15-ти копѣчные и голландскіе (lewkowe) талеры, монета государствъ и различныхъ монарховъ, у насъ почти неслыханныхъ. Что каждая изъ нихъ вѣситъ, не знаемъ; чья она, не знаемъ, такъ какъ будто бы мы во имя Божіе мы беремъ все, что даютъ намъ.»

Въ царствованіе Яна Казимира снова пробуждается этотъ безобразный шумъ брошюрной литературы. Вотъ наприимѣръ стихи подъ заглавіемъ: *Пробужденный Ляхъ и его жалобные вопли* (Lech wzbudzony i lament jego żaloszny 1649 г.) представляютъ намъ сатиру полную правды и желчи противъ упадка тѣхъ добродѣтелей, которыми цвѣло государство.

- «Swawola się rozrusła, krzywda ząb zostrzyła,
- «Plac szczerości prawdziwej potwarz zastąpiła,
- «Wstyd swe oczy utracił, niewola w wolności,
- «Prawu ręce obcięły niesprawiedliwości,
- «Pożytek sam jest w wadze, uczciwe szło w smieci
- «Cnota kąty podpiera łotr wysoko leci.
- «Bogactwa zbyły uszu, niema swych nog rada,
- «Siła cenę straciła wszędzie rządu zdrada;
- «Złość sis w szatę, ubrała niewinnej dobroci,
- «Zazdrość pyskiem jaszczurczym sprawę mądrym szpoci.
- «Sławie skrzydła zgorzały w ich gorącym winie,
- «Szczęście ich potępiło blaskiem złotej skrzynie.
- «Rozrodził się świat w złościach: nad dziadow ojcowe
- «Gorsi się coraz rodzą z was stokroć synowie!»

<sup>1</sup> *Переводъ.* Своеволіе увеличилось, обида остается безъ наказанія, иѣсто простодушной искренности заступила клевета, стыдъ потерянъ, рабство уничтожено, неправосудіе отняло руки у закона, вѣсить одну только пользу, честность пошла въ навозъ, добродѣтель причется въ углахъ, кошенникъ стоитъ высоко. Богатство стало глухо, совѣтъ лишился ногъ, сила потеряла значеніе, вездѣ править измѣна; зависть зѣвными жаломъ портать дѣла мудрыхъ, крылья ихъ славы сторкали въ горячемъ винѣ, счастье ихъ погубило блескъ золотыхъ сундуковъ. Разрослась злоба міра: отцы хуже дѣдовъ! а отъ васъ рождаются сыновья во сто разъ хуже васъ самихъ!

Другое забавно составленное стихотвореніе подъ заглавіемъ: *Кое что новое* (Сѳс noweго) съ риемованнымъ даже заглавіемъ и страннымъ эпиграфомъ: «Бѣто-то говорилъ съ кѣмъ-то о чемъ-то» — изображаетъ недостатки отечества и его грѣхи политическіе, представляетъ печальную картину Пилявицкаго сраженія, черными красками рисуетъ лице Радзеіовскаго, рассказываетъ исторію и слѣдствіе рокоша, не умалчиваетъ о нравахъ духовенства, углубляется въ тайны придворныя и не щадитъ іезуитовъ. Этотъ насмѣшливый и въ высшей степени справедливый листокъ оканчивается такъ:

«Mowcie со chcesie

«Temu przesyć nie możecie,

«Ze siła błaznow na swiecie.»

Risi.

(Говорите что хотите, отвергать вы не можете, что въ мірѣ сильны одни шуты).

Подобна предыдущей по заглавію, но гораздо ниже ея по достоинствамъ своего содержанія, слѣдующая брошюра: *Новости или дворъ заключающій въ себѣ различные лица и мозги* (Со noweго albo dworъ mający w sobie osoby i mozgi rozmaite) изданная неизвѣстнымъ авторомъ, сокрытымъ подъ псевдонимомъ *Mauryczego Trzyprzyskiego Radopatrzku Gładkotwardzkiego*; это собраніе анекдотовъ и рассказовъ, повидимому служащихъ для подражанія, а на самомъ дѣлѣ запечатлѣнныхъ ироніею. Въ подобномъ же ироническомъ духѣ капиталъ *Colloquium charitativum, или дружеская бесѣда Поляка реформата съ Мазуромъ, древнимъ католикомъ, о предметахъ свры* (rozmowa braterska Polaka Reformata z Mazurem, starymъ Katolikiem o rzeczachъ wiary 1652 г.). Довольно заглянуть на страницы исторіи, чтобы видѣть до какой степени дружественны были тогдашнія религіозныя бесѣды.

Той же или очень близкой эпохѣ принадлежало не печатное, ходившее въ рукописи по рукамъ, исполненное горькой правды, письмо Киріака Комоненька къ Смоленскому воеводѣ Филиппу Обуховичу. Неопѣненный своей простотой Комоненько, читатель и подражатель Мѣлешки, знаменитаго оратора временъ Сигизмунда III, дѣйствительно напоминаетъ намъ былыя времена Сигизмундовъ, когда шляхтичъ съ горькою истинною дерзалъ выступать передъ лицомъ сильныхъ. Это письмо дивно отражающееся отъ льстивыхъ произведеній эпохи іезуитизма, открываетъ въ авторѣ высшія познанія отечественныхъ интересовъ, которыя нарочно облечены имъ въ одежду простоты. Въ защиту Георгія Любомірскаго, знаменитаго противника и врага Яна Казимира, выступилъ кто-то съ стихотвореніемъ подъ заглавіемъ: *Свидѣтельства о невинности великаго польскаго сенатора* (Kamień świadectwa wielkiego w Koronie Polskiej senatora niewinności). Тогда какъ и теперь, лучше взглянувъ въ личность Любомірскаго, историки находятъ его менѣе виновнымъ, чѣмъ это казалось съ перваго взгляда; авторъ обращая свою рѣчь къ тогдашней предубѣжденной публикѣ, не довольно смѣло защищаетъ сторону своего героя; онъ называетъ его жертвою несчастія, но не осмѣливается коснуться высшихъ политическихъ побужденій, какія могли руководить дѣйствіями Любомірскаго.

Очеркъ брошюрной литературы въ эпоху Вазовъ мы окончимъ сочиненьемъ подъ заглавіемъ: *Закаленная броня древняго воина, вытопированная золотыми буквами* (Kirys hartowny starożytnego żołnierza złotemi wypolerowany słowy). Странная по своей формѣ, какъ и всѣ тогдашнія произведенія, брошюра эта поетъ слишкомъ обыкновенную уже пѣсню о своеволіи вонновъ, и въ этихъ

эпиграммахъ даетъ войску различныя странныя латинскія названія; приведемъ нѣсколько изъ нихъ: *своины своевольные* (żołnierze swawolni), *господа цѣлаю королевства* (panowie całego królestwa), *главные ревизоры церковныхъ и мушкетеровъ* (lustratorowie jeneralni dobr koscielnych), *новые монахи, живущіе на счетъ бѣдныхъ* (nowi zakonnicy, żyjący wspólnym kosztem biednych)—*нкогда называвшіеся конными, а теперь валовые и телачи, насильные обдиралы* (niegdyś zwani konni, teraz wolowi i cielęcy, żoldowi łupieżcy), *червь выродившійся изъ дерева и пожирający тоже дерево* (robactwo urodzone z drzewa i pożerające też drzewo) и т. д.

Вотъ и все о сатирическихъ листкахъ въ эпоху Вазовъ. Поочереди пройдемъ рядъ другихъ, цѣлю которыхъ было извѣщать публику о современныхъ событіяхъ политическихъ, въ родѣ нынѣшнихъ газетъ. Эти листки назывались общимъ именемъ *Новостей*; но при недостаточномъ сообщеніи государства, не имѣя возможности выходить періодически, они появлялись только по мѣрѣ накопленія важнѣйшихъ событій. О Янѣ Замоискомъ мы знаемъ, что онъ читалъ римскія газеты, которые получалъ по почтѣ, содержимой Монтелиупихомъ изъ Кракова чрезъ Седмиградское княжество въ Италію. Знаемъ, что во Франціи 1605 г. стала выходить первая газета подъ заглавіемъ: *Mercurie François*, но у насъ трудно было появиться какому-нибудь постоянному періодическому сочиненію, въ духѣ чисто политическомъ, хотя бы потому, что наша шляхта, раздѣленная на тысячи партій, никакъ не позволила бы долго устоять какому-нибудь органу одной партіи. Редакторъ ежеминутно вызываемый для борьбы письменной, а часто и вооруженной съ политическими противниками, не былъ

бы въ состояніи мирно выполнять свое назначеніе. Итакъ будемъ говорить объ отдѣльныхъ новостяхъ такъ, какъ они появлялись. Въ эпоху Ягеллоновъ мы упоминали объ обозной типографіи Лапчинскаго, которая обнародывала эдикты и военные бюллетени короля Стефана изъ Полоцка, Великихъ Лукъ и Пскова. Въ Богеміи и Германіи писали реляціи о военныхъ событіяхъ Польши; подъ Гданскомъ равномерно шла борьба письменная и ружейная, и множество брошюръ о войнахъ Стефана служатъ доказательствомъ съ какою заботливостію слѣдили сосѣди за дѣлами Польши. Въ эпоху Вазовъ первыя новости о событіяхъ польскихъ были также на языкѣ нѣмецкомъ: къ эпохѣ избранія Сигизмунда III относятъ такую газету подъ заглавіемъ: *Zeitung von der Wahl und Krönung des Königs Sigismund III* и другую подъ заглавіемъ: Новая польская газета (*Neue Zeitung aus Pohlen*). Въ годину несчастныхъ споровъ Сигизмунда съ народомъ, кромѣ сатирическихъ появлялись и газетныя реляціи о событіяхъ; къ числу послѣднихъ библиографы относятъ *Краткое описаніе Кольскаго звѣзда Яна Издбинскаго изъ Ручича* (*Krótkie opisanie zjazdu Kolskiego Jana Izdbinskiego z Ruzszca 1590*) когда примасъ Барнковскій собралъ въ Великой Польшѣ подъ городомъ Коломъ сенаторовъ и шляхту, оппозиціонную королю. Янушъ Отвиновскій обнародывалъ реляціи о походѣ на Молдавію подъ заглавіемъ: *Участь небезопасная, но счастливая войска е. к. в.* (*Powodzenie niebezpiecznego ale szczęśliwego wojska I. Kr. M. 1600*). Изъ Ливоніи, гдѣ Карлъ Ходкѣвичъ побѣдоносно велъ борьбу съ Судерманомъ, новости выходили полатынѣ: *Novae Livoniae* (1602 г.). Не менѣе того похожа на газету брошюра: *Посолъ на Краковскій сеймъ* (*Posel na sejm Krakowski 1603 г.*), въ которой Станиславъ



Витовскій, бывший на немъ, отдаеть отчетъ о событіяхъ сейма. Изъ той же эпохи есть у насъ *Новости турецкія французскія, польскія, иданскія* на языкѣ латинскомъ (Nova Turcica, Gallica, Polonica, Dantiscana); эта брошюра состоящая изъ 14 страницъ въ 4 долю листа уже по своей формѣ болѣе похожа на нынѣшнія газеты. Другія *Новости изъ Лифляндіи о счастливомъ пораженіи нанесеномъ Карлу князю Судерманскому, высокогороднымъ Яномъ Карломъ Ходкъвичемъ, великимъ гетманомъ Великою княжества Литовскаю* (Nowiny z Inflant o szczęśliwej porażce, która się stała nad Karoluszem Xięziem Sudermanskim przez Wielmożnego Jana Karola Chodkiewicza, Wielkiego Hetmana Wielkiego Xięztwa Litewskiego 1605) были читаны въ церквахъ по распоряженію Сигизмунда III. Дѣло Димитрія, Мнишка и вообще войны Сигизмунда III съ Москвою заняли перья нашихъ вѣстовщиковъ: здѣсь намъ остается указать на *Новости изъ Москвы о въездѣ царя Димитрія на царство* (Nowiny z Moskwy o wjeździe Cara Dymitra na Państwo 1608г.) стихотвореніе подъ заглавіемъ: *Посолъ изъ Москвы, котораго въ Литвѣ встрѣтилъ шляхтичъ польскій и распрашивалъ у него о новостяхъ* (Poseł z Moskwy, który przez Litwę idąc potkał go szlachcic Polski i pytał o nowiny 1608); подобныя же *Новости изъ Москвы* (1609) писаны вѣрнѣе сказать для приготовленія умовъ къ принятію въ царя Сигизмунда III, чѣмъ для сообщенія извѣстія о событіяхъ. Тѣмъ же газетнымъ духомъ запечатлѣна брошюра: *Военное предпріятіе его величества короля въ Москву, Богъ дастъ будетъ счастливо.* (Wyprawa wojenna króla Jego Mości do Moskwy da Pan Bóg szczęśliwa 1609 г.). Изъ лагеря подъ Смоленскомъ вышла реляція о переговорахъ Поляковъ съ Русскими подъ заглавіемъ: *Посольство*

къ *нетману, господамъ сенаторамъ и ко всему рыцарству, бывшему подъ Смоленскомъ отъ славнаго рыцарства изъ войска Димитрія.* (Posolstwo do Hetmana, do Panow Senatorow i do wszystkiego w obec Rycerstwa pod Smolenskiem będącego od sławnego Rycerstwa z wojska Dumitra и т. д. О штурмѣ и взятіи Смоленска писали Валтассаръ Озыминскій и Вавржинецъ Хлѣбовскій, соч. перваго такъ называемый *Забавный штурмъ* представляетъ сухую реляцію, другаго *Описание взятія Смоленска*, походитъ на болѣе повѣстическое исчисленіе, и по мѣстамъ переплетено стихами. *Новости о счастливромъ вступленіи на престолъ Московскій свѣтлѣйшаго Владислава, королевича Польскаго* (Nowiny o szczęśliwym postępowaniu na carstwo Moskiewskie Najjasn. Władysława Królewica Polskiego 1617), въ которыхъ описывается взятіе Дорогобужа; они заслуживаютъ вниманія по поводу заглавной гравюры, которую тщательно описалъ г. Мацеіовскій; въ томъ же 1617 г. вышли три реляціи въ стихахъ, а именно: *Выздв изъ Варшавы Владислава Польскаго королевича* (Wyjazd z Warszawy Władysława Królewica Polskiego), *Плачевная потеря Подольская* (szkoda Podolska орѣакана) и *Значекъ Татарскій* (Poszlak Tatarski). Въ ту пору когда грознее могущество Турціи угрожало Польшѣ, а испуганное войско медленно собиралось къ Хотину, чтобы вдохнуть мужество и разогнать паническій страхъ предъ грозною силою Османа, вышло сочиненіе подъ заглавіемъ: *Польскій шпіонъ изъ Турціи, который обозрѣвъ многіе предметы извѣщаетъ своихъ въ видѣ предостереженія имъ.* (Szpieg Polski z Turek, który wiele rzeczy przejrzałwszy, swoim na przestrogę oznajmuje). Авторъ этой брошюры комически изображаетъ грозное по видимому могущество Турокъ: доносить о пигмеяхъ, иду-

шихъ на Польшу, «которые бьются только съ журавлями, но вотъ ихъ послали на Польшу»; пугаетъ въ насѣшну что за войскомъ ихъ слѣдуетъ 12 паръ слоновъ, 8 паръ грифовъ, 14 паръ львовъ и 18 паръ чудовищъ (smoków) «изрыгающихъ ядовитый дымъ.» Нужно отдать справедливость мысли автора, при помощи которой онъ обратилъ въ шутку грозное могущество враговъ; хотинская война доказала, что не число побѣждаетъ, а опытность и мужество. О блестящихъ послѣдствіяхъ хотинской войны отдаетъ отчетъ брошюра подъ заглавіемъ: *Посолъ Валахъ изъ Польскаго стана* (Poseł Woloch z obozu Polskiego). Покушеніе Михаила Пѣкарскаго на жизнь Сигизмунда III вызвало брошюру подъ заглавіемъ: *Истинное и краткое описаніе, какъ Господь Богъ чудесно сохранилъ здравіе и жизнь Сигизмунда III* (Prawdziwe a krótkie opisanie jako Pan Bóg Zygmunta III cudownie przy zdrowiu i żywocie zachował); она содержитъ въ себѣ описаніе замысла Пѣкарскаго, ударъ сѣкирою, нанесенный королю при выходѣ изъ костела св. Яна въ Варшавѣ, допросъ убійцы, и приговоръ, обрекающій его на смерть.

Походъ Запорожскихъ казаковъ высланныхъ королемъ въ Богемію и ихъ военныя дѣйствія описаны въ листѣ подъ заглавіемъ: *Пораженіе Чеховъ и кальвинистовъ Лисовичиками* (Pogrom i porażka Czechow: Kalwinistów przez Lisowczyki), къ которому присоединена торжественная пѣснь въ честь предводителя казаковъ Лисовскаго. По поводу битвы гетмана Конепольскаго съ войскомъ Густава Судермана подъ Амертиномъ вышли двѣ реляціи: одна на языкѣ польскомъ подъ заглавіемъ: *Дѣло* (Rozprawa), другая на языкѣ латинскомъ: *Brevis relatio*. Описывали также торжественный въѣздъ въ Римъ Георгія Оссолинскаго, и цѣлый почти ходъ компаній Владислава IV въ Москву

(1633—1634) рассказанъ въ двухъ листахъ *Новостей*, вышедшихъ почти въ одно время. Немногое можно прибавить къ разряду отечественныхъ новостей въ эпоху Вазовъ: вельможи бывшіе на войнахъ, сеймахъ и съѣздахъ, имѣли обыкновеніе или сами для себя записывать дневники, или приказывали ихъ списывать другимъ. Такъ, напр. о Яковѣ Собѣскомъ мы знаемъ, что онъ въ Москвѣ писалъ дневникъ текущихъ событій, который навлекъ на него не милость королевича Владислава; онъ же велъ свой дневникъ подъ Хотиномъ, который впоследствии послужилъ ему матеріаломъ для прекраснаго латинскаго комментарія этой войны. Плоцкій епископъ Любекскій просилъ поэта Сарбѣвскаго, чтобы онъ присылалъ ему сеймовые дневники. Но всѣ эти мимолетныя замѣчанія, потерялись вмѣстѣ съ упадкомъ минутнаго интереса того событія, которое въ нихъ описано, или вошли въ составъ богѣе важныхъ памятниковъ и исторій, или наконецъ неизданные до сихъ поръ появятся впоследствии.

Такимъ то образомъ предки наши удовлетворяли потребности знать то, что непосредственно касалось ихъ отечества; съ другой стороны, слишкомъ уже тѣсно соединенныя съ жизнію Европы, они не могли не интересоваться новостями заграничными. По порядку исчислимъ здѣсь *новости, реляціи* и тому подобныя легкія сочиненія, которые извѣщали о современныхъ событіяхъ заграничныхъ. Въ этомъ родѣ мы можемъ указать на: *Дѣйствительное (sic) описаніе смерти Генриха III Валуа, короля французскаго* (Skuteczne opisanie smierci Henryka III Walezusza króla Francuzskiego Краковъ 1595 г.), которое отдавая отчетъ Полякамъ въ обстоятельствахъ трагической кончины этого монарха, было тѣмъ любопытнѣе въ этой странѣ, что Генрихъ, лично знакомый Полякамъ, оставилъ здѣсь не мало

приятныхъ и неприятныхъ воспоминаній; справедливо тогда говорили послѣ его смерти, что если бы блестящей западной коронѣ онъ предпочелъ мирное царствованіе надъ Поляками. извѣстными необузданностію своей свободы то не имѣлъ бы такого конца. Въ то же время: *Новости изъ Франціи о спасеніи города Парижа отъ осады короля Наварскаго* (Nowiny ze Francuoy o wybawieniu miasta Paryża od obleżenia Króla Nawarskiego Крак. 1590), изображая бѣдствія Франціи, указываютъ на вредныя послѣдствія религиозныхъ войскъ. И въ этомъ Польша могла гордиться своимъ превосходствомъ, потому что при всей невѣротерпимости Сигизмунда III, при всемъ фанатизмѣ іезуитовъ, въ ней не пролито ни капли крови по чисто-религиознымъ побужденіямъ; вопросы вѣры подъ Гузовомъ играли только второстепенную роль. Брошюрка подъ заглавіемъ: *Возобновленное прощаніе короля Наварскаго, которое далъ ему святой отецъ* (Pożegnanie odnowione Króla Nawarskiego które mu dał Ojciec Święty 1595 г.) рассказываетъ о возвращеніи Генриха IV на лоно римско-католической церкви, которое утвердило на главѣ его вѣнецъ французскій. Часто печатали у насъ частныя письма, получаемыя изъ-за границы, какъ, напр. письмо Венгерскаго ротмистра Георгія Бурканица къ Павлу Кошутскому о взятіи Агры (1596). Печатали также рапорты іезуитскихъ миссіи изъ другихъ частей свѣта къ ихъ европейскому начальству; въ этомъ родѣ вышло сочиненіе: *О распространеніи христіанской вѣры въ Америкѣ* (Краковъ 1603 г.). Это письмо изъ Филиппинскихъ острововъ отъ іезуита Франциска Ваэсъ къ генералу ордена, Клавдію Аквавива. Польскіе іезуиты, переводя это сочиненіе съ итальянскаго прибавили еще къ нему другое письмо о трудахъ іезуитскихъ миссіонеровъ въ Перу. Въ томъ же родѣ: *Извѣстныя ново-*

сти особенно съ новою міра изъ Японіи (Nowiny pewne ścianowicie z nowego świata z Japonii 1608 г.) о мученичествѣ шести японскихъ дворянъ за исповѣданіе христіанской вѣры; это письмо Лудовика Цертиера въ Римъ, переведенное на языкъ польскій и латинскій іезуитомъ Симономъ Высоцкимъ. Тотъ же Высоцкій переводилъ другое письмо іезуитовъ Яна Родриго и Матвея Рицци, японскихъ миссіонеровъ, къ генералу ордена, подъ заглавіемъ: *Новости или двухлѣтняя исторія Японіи и Китая, языческихъ странъ новою міра* (Nowiny albo dzieja dwóletnie z Japonu i Chiny krajów pogańskich nowego świata 1612 г.). Къ тогдашнимъ газетамъ принадлежитъ еще письмо подъ заглавіемъ: *Церемоніи и порядки коронованія Маріи Медичи королевы французской* (Ceremonie i porządek w koronowaniu Maryi de Medicis królowej Francuzskiej), къ которому еще было приложено *Извѣстіе о смерти Генриха IV* (Вильно 1610) и *Реляція о сраженіи и побѣдѣ императора надъ Чехами* (Relacya bitwy i zwycięzstwa Cesara nad Czechami (1620 г.), *Печальное низложеніе короля Фридриха съ Богемскаго престола* (Secess żalospny Króla Frydryka ze stolicy zasnej korony Czeskiej 1621) и много другихъ, исчислить которыя было бы невозможно. Всѣ они, запечатлѣнные личностію пишущихъ и убѣжденіями ихъ политической партіи, выходятъ изъ круга нынѣшнихъ газетъ, не доходя высоты значенія историческаго, и рѣдко заслуживаютъ вѣроятія по недостатку у пишущихъ средствъ, подробно знать весь ходъ дѣла.

Большею вѣроятностію, добросовѣстностію и высшимъ взглядомъ на вещи отличаются реляціи пословъ возвращающихся изъ заграничныхъ посольствъ и ихъ рѣчи, которыя часто были обнародываемы въ печати: потому что въ странѣ,

гдѣ власть управленія была въ рукахъ всей шляхты, посланникъ предъ всемъ шляхетскимъ сословіемъ долженъ былъ отдавать отчетъ въ томъ, какъ онъ исполнилъ данныя ему порученія. Въ этомъ родѣ есть у насъ Лѣвнёвельскаго *Описание посольства въ Швецію послѣ Сигизмунда III* (Opisanie poselstwa do Szwecyi po Zygmunda III Krakowъ 1588 г.) Луцкаго епископа Бернарда Мацеіовскаго *Рѣчь къ папѣ Григорію XIV—Акты* его же посольства отъ Павла V къ Сигизмунду III—и то и другое на языкѣ латинскомъ (1594 и 1605); есть у насъ отчетъ Павла Дзальнскаго о совершенномъ имъ посольствѣ въ Бельгію и Англію подъ заглавіемъ: *Меркурій Сарматскій* (Mercurius Sarmaticus) Г. Владиславъ Трембицкій нѣсколько лѣтъ тому назадъ издалъ дневникъ посольства Иліи Пѣльгржимовскаго къ в. к. Московскому, Борису Θεодоровичу, отъ Сигизмунда III. Есть отчеты другихъ посланниковъ въ Россію, какъ то: Николая Олесницкаго, и Александра Гонсѣвскаго и т. д. Изъ турецкихъ посольствъ извѣстна реляція Войцеха Пясечинскаго и громкое, потому что нѣсколько разъ описанное и воспѣтое Самуиломъ Твардовскимъ, посольство Христофора Збаравскаго. Не менѣ славное посольство Георгія Оссолинскаго къ папѣ Урбану VIII, было описано Петромъ Даниловичемъ старостою Парчевскимъ (1633 г.). Хелмскій епископъ, Янъ Линскій, въ печатномъ латинскомъ сочиненіи отдавалъ отчетъ въ своемъ посольствѣ къ Фердинанду III, когда онъ отправлялся за Цецилією Ренатою. Войцехъ Мясковскій, Львовскій подкоморій описывалъ свою дѣятельность при дворѣ турецкихъ султановъ Амурата и Ибрагима, при которыхъ онъ былъ посломъ въ Турціи въ 1640 и 1641 годахъ и т. д. Реляціи этого рода чрезвычайно занимали Поляковъ: потому что если король и государственные мужи, искали въ нихъ свѣдѣній о политическомъ состояніи

описанныхъ государствъ и о расположеніи заграничныхъ дворовъ къ Польшѣ, то мелкая шляхта, узнавала изъ нихъ о иностранныхъ государствахъ, и всегда раздражительная въ дѣлѣ проявленія своего величія, такъ сказать контролировала своихъ пословъ, не оскорбили ль они чѣмъ-нибудь своего достоинства? не пропустилиль какой-нибудь мелочной формальности, на которой по понятіямъ того времени основывалась честь одного государства въ отношеніи къ другому. Если кабинетъ требовалъ отъ пословъ дипломатическаго искусства, шляхта требовала непремѣнно, чтобы они окружали себя роскошью, и не теряли, какъ говорили, фантазіи; изъ этого вытекали огромныя издержки, которыя не разъ охотно несли сами послы для блага отечества; изъ этого выходило множество предварительныхъ споровъ о формальностяхъ приѣма, споровъ, которые не разъ запутывали успѣхъ самаго посольства.

Наконецъ намъ остается сказать еще о нѣсколькихъ автобіографіяхъ и запискахъ лицъ высшаго круга, которые занимали мѣсто, то въ избѣ сенаторовъ, то въ средѣ рыцарства, словомъ лицъ болѣе историческихъ. Нѣсколько остатковъ въ этомъ родѣ, какіе здѣсь будутъ разобраны нами, безъ сомнѣнія принадлежать къ драгоценнѣйшему наслѣдству нашему отъ временъ прошедшаго; потому что они проливаютъ свѣтъ то на политическія дѣла древнихъ эпохъ, то наконецъ на картину внутреннихъ дѣлъ и обычаевъ. Первымъ по времени памятникомъ этого рода, служить изданная К. П. Войцицкимъ *Этика или Изображеніе жизни Христофора Пльнѣжска* (въ Библіотекѣ древнихъ польскихъ писателей) ротмистра и царедворца королей Стефана и Сигизмунда III, памятникъ, написанный имъ же самимъ въ старости, рукою утружденною дѣлами общественными. Отличительною чертою и можно сказать недостаткомъ этого



прекраснаго памятника служить обыкновенная слабость старца, страсть чытать правоученія, для удовлетворенія которой Пѣнѣнжекъ охотно увлѣчается отъ предмета своего занимательнаго разказа; хотя съ другой стороны опять, насъ чрезвычайно плѣняютъ эти нравственныя правила жизни, почерпнутыя изъ собственнаго опыта и та прекрасная исповѣдь, которую мирно совершаетъ старикъ у предѣла своего поприща. Пѣнѣнжекъ свою автобіографію раздѣляетъ на три эпохи: на *вѣкъ отроческій* (молодость), *вѣкъ зрѣлый* (юношество) и наконецъ на третью эпоху подъ названіемъ: *супружество*, гдѣ онъ какъ человекъ уже пожилой, вспоминая прошедшее, и обозначая путь труда и добродѣтели настоящія минуты, готовится къ святому будущему. Пройдемъ вмѣстѣ съ Пѣнѣнжкомъ теченіе его жизни.

Смѣло, съ тѣмъ убѣжденіемъ совѣсти, какое даетъ человеку увѣренность, что минуты жизни не пропали даромъ, Пѣнѣнжекъ представляетъ свое прошедшее очамъ своихъ родичей, «и не скрываясь какъ обыкновенно дѣлаетъ скотъ «въ кустарникахъ ища себѣ пищи, но объясняя на каждомъ пунктѣ свои дѣла, подобно тому, какъ на театрѣ, для пользы своей и блага людей» онъ рассказываетъ о первоначальномъ своемъ воспитаніи въ іезуитскихъ школахъ: здѣсь изъ устъ благодарнаго воспитанника мы съ удовольствіемъ слышимъ о доброй сторонѣ плана іезуитской инструкціи. И дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношеніи Пѣнѣнжекъ былъ правъ, что перорачіи и диспутачіи у іезуитовъ могли поощрять охоту къ ученію, что въ комедіи какъ въ зеркалѣ юноша заблаговременно могъ видѣть пути человеческой жизни, что книги и картины, которыя давали мальчикамъ въ подарокъ могли поощрять ихъ, а соревнованіе, которое возбуждали іезуиты между своими воспитанниками, возносить

не только быстрые, но и слабѣйшіе умы. Жаль, что остальные черты воспитанія іезуитовъ выставлены не въ такомъ свѣтѣ; и хорошо впрочемъ, что Пенѣнжекъ не рисовалъ своей картины въ болѣе обширныхъ размѣрахъ; еслибы онъ взялся оправдывать іезуитовъ, то это пришлось бы ему не легко; а въ такомъ видѣ его краткія выраженія плѣняютъ насъ своимъ благородствомъ. «При такихъ забавахъ быстро «проходило въ школахъ время: недѣля казалась часомъ, и «однако всякой разъ для мысли было что-то новое, а этимъ «долженъ былъ изощряться умъ. Въ праздники, если удавалось одни пѣли, другіе занимались гимнастическими упражненіями, иные ѣздили верхомъ, а другіе для славы Божіей, принимали участіе въ Богослуженіи.» По происшествіи нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія у іезуитовъ, Пенѣнжекъ возвратился подъ домашнюю кровлю, его призвали къ благословенію матери. Потомъ взятъ былъ къ нему въ домъ какой-то духовный наставникъ, но онъ получивъ два прихода «лучше желалъ быть хозяиномъ, чѣмъ заниматься «службою.» По удаленіи перваго, найденъ былъ ему другой наставникъ Николай Витовскій, человекъ умный и краснорѣчивый, но неимѣющій такта. Безъ надзора Пенѣнжекъ гулялъ у себя дома. «Родители, прислуга, лошади, охота и «проч. вотъ что его занимало.» Въ Польшѣ, по удаленіи Генриха Валуа, продолжалось междуцарствіе; молодой Христофоръ, сопровождаемый своимъ наставникомъ Витовскимъ, отправился въ Краковъ на службу подъ знамена своего брата, Краковскаго подчашаго. Разгульную жизнь велъ Христофоръ въ Краковѣ! Витовскій окружилъ юношу веселыми собесѣдниками, утверждая, что это необходимо ему «для «пріобрѣтенія общительности.» Кухню снабдили всѣми припасами, погребъ самыми драгоценными напитками. Послѣ обѣда веселая дружина забавлялась игрою въ карты, шашки

и кости «на нѣсколькихъ столахъ», какъ выражается Пѣнѣжекъ; иногда снакали верхомъ или горячо принимались за сабли и тесаки «такъ что иной лишался уха, руки, ноги, а иногда и головы.» Быстро истощалось отповское состояніе. Витовскій обладалъ искусствомъ запасаться деньгами при помощи закладовъ и росписокъ. Любопытна здѣсь картина тогдашнихъ шулеровъ, какъ они играли, «выпрямляя карты, «складывая ихъ, заламывая, накладывая, подтасовывая и «подобными уловками кто какъ могъ идти наиболѣе дѣйствительно. Если же въ шаши или кости, то ихъ ложили во «скомъ, напускали ртутью кости, или ихъ сравнивали.» Такъ протекла жизнь Пѣнѣжка до 24 лѣтъ. Веселый наставникъ, опасаясь чтобы на него не сложили вину разоренія отповскаго состоянія, оставилъ его, поднося ему огромный счетъ на бумагѣ. «Я говорилъ, что писать не умѣю, но «тамъ есть черты расходовъ, а каждая черточка означаетъ «грошъ, каждый крестикъ 10 грошей, а каждый кружокъ— «злотый; считайте, вы умѣете писать, я писать не умѣю, и «въ бухгалтеры къ молокососамъ, вовсе не гожусь.» Расплатившись по этимъ безконечнымъ счетамъ, и не желая долѣе быть жертвою обмана, Пѣнѣжекъ окончилъ свое военное поприще и первую эпоху жизни, а другую эпоху: *юношество*, началъ при дворѣ короля Стефана. Подъ начальствомъ короля-героя, паредворецъ сдѣлался истиннымъ рыцаремъ и первое свое поприще началъ подъ Гданскомъ «исправностію, трезвостію и прилежаніемъ.» Немало нужно было усердія при дворѣ указанномъ выше: «каждый почти день, кромѣ воскресенья «надо было ѣздить на прогулки; то съ собаками, то съ соколами, то верхомъ, то пѣшкомъ, разливаться лавою для того, чтобы выгнать на плацъ звѣря.» Трудолюбивая жизнь была однако весела, не было зависти и злости при дворѣ Стефана, потому что «относительно

«была и награда», а заслуги государь цѣнилъ внимательнымъ взоромъ. Въ походѣ отъ Невеля къ Полоцку, Пѣнжекъ потерялъ свой драгоценный багажъ и коней, за что король вознаградилъ его. Подъ Великими Луками онъ сдѣланъ поручикомъ, отличился подъ Темрукою, и далъ возможность отличиться своимъ товарищамъ. Изъ-подъ Великихъ Лукъ его послали на Волынъ и Подолію. Пѣнжекъ сталъ лагеремъ въ Торчинѣ, а подъ Заславлемъ и въ Заторцахъ нанесъ Татарамъ жестокое пораженіе. Послѣ этого онъ ожидалъ щедрыхъ милостей Стефана Баторія, но въ это время король скончался. Былъ онъ потомъ на избраніи, какъ приверженецъ Сигизмунда III. Онъ первый принесъ вѣсть Аннѣ Ягелло о его избраніи, съ письмомъ къ королю отправился въ Швецію, и нашедши его въ Кольмарѣ, первый извѣстилъ его о пріятной новости. Вслѣдъ за тѣмъ получилъ чинъ придворнаго конюшаго, два староства, и сдѣлался ревностнымъ слугою королевскимъ. На коронацію онъ велъ военную свиту; но тутъ ему не повезло: на него напали приверженцы Максимилиана, отняли весь багажъ коней и прислугу; а когда пришлось ему вступитъ во владѣніе староствами, то оказалось, что сильные заговорщики уже подѣлились хлѣбомъ заслуженныхъ. Когда Пѣнжекъ явился съ жалобою, ему сказали: «Ты велъ государя, у него ищи и награды.» Не много обиженный Христофоръ цѣлыхъ нѣсколько страницъ своихъ записокъ посвящаетъ доказательству той мысли, что неудачная раздача староствъ, была первою причиною безпорядковъ. Между тѣмъ состояніе разстроенное военнымъ разгуломъ его юности, и потомъ обремененное долгами на издержки войны и придворной жизни, значительно уменьшилось; долги Христофора возрасли. Должно быть кутилъ онъ порядкомъ, если дошло до того, что для уплаты долговъ, онъ продалъ

13 деревень; остальную часть, огромного видно состоянія, отнял у него судебнымъ коварствомъ какой то его другъ, «сладкій, какъ хрѣнь», дошло почти до того, что на землѣ своихъ предковъ не было ему мѣста, гдѣ разсѣднать своего коня. Пѣнѣжекъ хотѣлъ отправиться на островъ Мальту, гдѣ его братъ, будучи кавалеромъ ордена, имѣлъ вліяніе, но невинно замѣшанный въ дѣло о убійствѣ какого-то Бенпановскаго, онъ долженъ былъ остаться въ отечествѣ, и поселился въ маломъ остаткѣ изъ отцовскаго достоянія, женившись на Урсулѣ Лежинской. Эту послѣднюю часть своей жизни, какъ и прилично было польскому гражданину, провелъ онъ дома, въ мелкихъ услугахъ гражданскихъ и въ занятіи хозяйствомъ. Съ любовію онъ изображаетъ эти занятія. Умѣренный и постоянный «съ любовію къ человѣчеству, съ снисходительностію къ своимъ «подданнымъ и съ приличнымъ обращеніемъ съ ними, въ «трудѣ проводилъ онъ свою жизнь, какъ то: пахая и удобряя землю, искапывая пруды, разводя стада рогатаго скота и овецъ, какъ можно болѣе (на этомъ основывается «процвѣтаніе помѣстій); также исправляя хмѣльники, и «разводя пчельники.» И Богъ благословилъ его потомствомъ. Утомленный жизнію, на селѣ онъ находитъ цѣлительное отдохновеніе для души и тѣла. Отъ полноты сердца онъ восклицаетъ въ сельскомъ уединеніи: «Здѣсь уже не мучитъ «меня придворная пышность, страсти, и высокіе расчеты «увеличить благосостояніе, уже не беспокоятъ меня новості, получаемыя изъ другихъ государствъ, сонъ не прерывается жадною придворною завистію, ни замыслами для «униженія своего ближняго, а жизнь хозяйственная усноковываетъ всѣ эти людскіе недостатки, и гонитъ прочь всѣ «расчитанныя оскорбленія менѣе необходимыя для человѣка.» Такъ Пѣнѣжекъ приготовляясь къ смерти, въ селѣ Лясохо-

въ 1608 года написалъ свою автобіографію, посвящая ее милостивымъ государямъ рыцарскаго сословія (т. е. шляхтѣ). И это посвященіе вѣрно; потому что самъ онъ былъ лучшимъ представителемъ польскаго шляхтича того времени; въ немъ проявляются недостатки, и достоинства этого класса. По этой причинѣ мы съ большею подробностію рассмотрѣли здѣсь автобіографію Пѣнѣнжа, любопытную, но еще мало извѣстную, по причинѣ недавняго ея напечатанія.

Въ этомъ отдѣлѣ автобіографій и записокъ мы помещаемъ только тѣ изъ нихъ, въ которыхъ сильнѣе выражается личность автора, а дѣла историческія стоятъ у насъ на второмъ планѣ. При такомъ устройствѣ общественности, какое имѣла прежняя Польша, трудно найти записки совсѣмъ отдѣленныя отъ историческаго интереса: потому что каждая самая незначительная личность принимала живое участіе въ дѣлахъ общественныхъ. Записки, въ тѣсномъ смыслѣ историческія, мы рассмотримъ ниже, говоря о источникахъ вспомогательныхъ для исторіи, а здѣсь мы даемъ мѣсто предметамъ болѣе личнымъ. Итакъ слѣдуя теченію времени, мы относимъ къ слѣдующему отдѣлу вновь обнародованный мемуаръ Жолкѣвскаго, потому что всѣ слова и дѣянія великаго гетмана имѣютъ историческое значеніе. Болѣе прилично, хотя и то не совсѣмъ, дать здѣсь мѣсто *Дневнику Януша Тышкевича* (Dyaryusz Janusza Tyszkiewicza), уполномоченнаго на сеймѣ 1625 г. для переговоровъ со Шведами. Этотъ дневникъ, обнародованный по рукописи Альбертранда Войцицкимъ въ *Библіотекѣ древнихъ писемъ Польши*, прямо относится къ памятникамъ частнымъ, составленнымъ изъ документовъ и писемъ. Авторъ начинается его открытіемъ сейма, и тутъ же приводитъ окружное посланіе Сигизмунда III къ сословіямъ государства. Въ

слѣдъ за тѣмъ выпиcываеъ нѣкоторыя мѣста изъ конституціи, далѣе протестъ земскихъ пословъ Приступая наконецъ къ своимъ переговорамъ съ Шведами, опять приводитъ свои письма къ королю, къ Литовскому подканцлеру Санѣгѣ, къ Любенскому, коронному подканцлеру, и отвѣты этихъ лицъ. И опять письма и опять отвѣты, лишь только мѣстами описаніе тѣхъ побужденій, которыя вызвали эти письма. Естественно, что этотъ способъ веденія дневника самый подробный; но гдѣ дѣло не касается важныхъ интересовъ историческихъ, тамъ подобная переписка, утрудяетъ читателя, и предметъ теряется въ безконечномъ многословіи.

Въ другой формѣ, и потому болѣе занимательно, *Описаніе* тѣхъ же переговоровъ съ Шведами, составленное другимъ уполномоченнымъ, *Хелмскимъ епископомъ, Яковомъ Задзикою*; здѣсь видѣнъ добросовѣстный человекъ и вмѣстѣ искусный дипломатъ. Искусно и жарко отстаивалъ Задзикъ дѣло Сигизмунда III, смѣло срывалъ маску съ хитрыхъ поступковъ Карла Судерманскаго — логически заключаая, что тѣ ущербы, которые король и государство понесли со стороны Шведовъ, требуютъ вознагражденія и удаленія шведскихъ войскъ изъ Польши. Попеременно приводя возраженія и отвѣты съ обеихъ сторонъ, Задзикъ до конца исчерпываетъ предметъ; жаль, что событіе, описанное съ такою подробностію, не имѣетъ большаго значенія въ исторіи, потому что переговоры эти, какъ извѣстно, кончились ни чѣмъ. Сигизмундъ удержалъ свои права, а потомокъ Карла Судерманскаго удержалъ за собою шведскій престолъ.

Прямѣе относится къ предмету настоящаго отдѣла, дневникъ Брестскаго воеводы Христофора Зѣновича о славныхъ спорахъ за Слуцкую княжну, которые происходили въ Вильнѣ между домами Радзивилловъ и Ходковичей подъ заглавіемъ:

*Трагедія или начало замѣтнаго упадка въ Литовскомъ княжествѣ* (Tragedya albo poczatek upadku znaczne-  
go w Kieztwie Litewskiém). Зѣновичъ, одинъ изъ комиссаровъ присланныхъ королемъ для прекращенія этого соблазнительнаго дѣла, соединенный кровными узами съ Ходкѣвичами, и связанный единствомъ вѣры съ Радзивилломъ, показалъ свое искусство, какъ миротворецъ и какъ историкъ этого дѣла. Въ простомъ незатѣйливомъ описаніи умѣлъ онъ схватить характеристическія черты и гордости Радзивилловъ и постоянства Ходкѣвичей, въ нѣкоторыхъ даже чертахъ описанію цѣлой Литвы, и отношенія другъ къ другу различныхъ вельможъ той или другой стороны. Одинъ изъ современныхъ писателей повѣстей, изъ содержанія трагедіи Зѣновича успѣлъ составить цѣлый историческій романъ, и нужно сознаться, что въ немъ лучше всего обрисованы тѣ характеры, которые начертаны по просту рукою Брестскаго воеводы.

Извѣстный Альбрехтъ Радзивиллъ, князь Олыцкій, канцлеръ Литовскаго княжества на латинскомъ языкѣ оставилъ намъ два чрезвычайно драгоценныя *Дневника* изъ эпохи царствованія троихъ государей изъ дома Вазовъ. Одинъ изъ нихъ, найденный въ Нѣсвижскомъ архивѣ, и переведенный на польскій языкъ г. Эдуардомъ Ботлубаемъ, носитъ заглавіе: *Сокращеніе* (Epitome), очевидно болѣе обширнаго историческаго труда, который не дошелъ до насъ; онъ обнимаетъ собою царствованіе Сигизмунда III, съ которымъ Радзивиллъ жилъ въ тѣсной дружбѣ. Не имѣя описанія чисто исторической, онъ составляетъ прекрасный матеріалъ для исторіи. Хорошо, хотя и пристрастно изображаетъ онъ рокошъ и дѣйствующія въ немъ лица: Зебржидовскаго, Бернарда Мацеіовскаго и Януша Радзивилла. Война съ Россією, а особенно пораженіе подъ Цеморою и Хотинская по-



бѣда описаны перомъ искуснымъ, хотя все-таки не много пристрастнымъ. Подробно описываетъ онъ покушеніе Пѣкарскаго на жизнь короля, чему онъ самъ былъ свидѣтелемъ. Картину тогдашней Германіи, Франціи и Рима читатель въ этомъ дневникѣ найдетъ изображенною вѣрнѣе, чѣмъ въ подобномъ же сочиненіи изъ той же эпохи Якова Собѣскаго. Далѣе занимаясь шведскою войною, въ которой онъ вмѣстѣ съ королемъ принималъ личное участіе, и гдѣ для полученія извѣстнаго рода военныхъ выгодъ, неоднократно приказывалъ жечь свои собственныя села,—Радзивиллъ едва намѣваетъ о позднѣйшихъ событіяхъ, нѣскольکو страницъ посвящаетъ описанію смерти Сигизмунда III, при которой самъ находился. И здѣсь мы встрѣчаемъ множество подробностей, повидному мелочныхъ, но вѣрно характеризующихъ лица и дѣйствія.

Какъ продолженіе предыдущаго, важенъ другой *Дневникъ* Радзивилла, изданный Эдуардомъ Рачинскимъ. Тамъ опять мы находимъ описаніе послѣднихъ минутъ Сигизмунда III, личность Урсулы Мейеринъ, Владислава IV, Цециліи Ренаты, смерть Владислава IV въ Меречѣ, лицо Яна Казимира, краткое описаніе театровъ при дворѣ королевскомъ, забавное соперничество въ любви стараго канцлера съ его молодымъ племянникомъ Янушемъ Радзивилломъ, и множество другихъ не важныхъ но любопытныхъ обстоятельствъ. Царедворецъ, вовсе о томъ не думая, часто однако въ Дневникахъ своихъ пополнялъ то, на что едва намекали важные историки.

Злополучныя времена Яна Казимира въ дневникахъ отразились лучше, чѣмъ въ тогдашней исторіи. Обзоръ ихъ начнемъ дневникомъ Стефана *Выдзти*, Гнѣзненскаго архіепископа, который носитъ заглавіемъ: *Описанія многихъ важныхъ событий, которыя происходили во время швед-*

*ской войны въ Польскомъ королевствѣ отъ 1655 до 1660 г.* (Opisanie wielu poważniejszych rzeczy, które się działy podczas wojny Szwedzkiej w Królestwie Polskiem od roku Panskiego 1655 do 1660) вновь изданныхъ К. В. Войцицкимъ. Авторъ занимающій важное политическое мѣсто и не чуждый таланта историческаго, предоставляя «лучше очиненному перу» историческое описаніе шведской войны, предполагаетъ себѣ изобразить дѣянія польской королевы Маріи Лудовики, дѣйствительно достойныя своего историка. Здѣсь мы видимъ Марію Лудовику въ Краковѣ, какъ она при первой вѣсти о вторженіи шведовъ, какъ прилично было христіанской героинѣ, возносить первую мысль свою къ небу, посѣщаетъ монастыри, раздаетъ милостыню бѣднымъ, молится, заботится о укрѣпленіи города, снабженіи его припасами, окружаетъ себя сенаторами. Послѣ пораженія подъ Опочномъ, будучи принуждена удалиться въ Силезію, полная мужества и вѣры въ Провидѣніе, она продаетъ, закладываетъ свои брилліанты, щедро рукою сыплетъ деньги войску, шлетъ подарки Хану татарскому. Высокую черту въ характерѣ королевы открываетъ авторъ въ то мгновеніе, когда присланный отъ сената воевода Познанскій, Янъ Лещинскій, вѣжливо, окольными путями донесъ ей, что единственнымъ средствомъ къ спасенію отечества, можетъ быть только отреченіе Яна Казимира отъ польской короны. «Король всѣми оставленъ, выгнанъ изъ польскихъ предѣловъ, войска поступили въ службу чужимъ, воеводства въ рукахъ непріятели, сердца и умы сыновъ коронныхъ разрознены, помощь отовсюду и нескора и невѣрна и едва ли возможна. Рассказавъ это обширно и важно (Лещинскій) не могъ дѣлать выводовъ, потому что скорбь и стыдъ ему этого не дозволили; ему нужно было покраснѣть при выводѣ столь непріятнаго слѣдствія, которое могло бы возму-

«тить, разсердить иной умъ и душу. Но королева пригото-  
«вивъ свое сердце ко всѣмъ ударахъ судьбы, показывала  
«видъ веселый, благосклонный, довѣрчивый, склонный къ  
«предложеніямъ всякаго рода, дала знакъ, ему чтобы онъ  
«окончилъ, и показала, что ничто не можетъ ни оскорбить ни  
«испугать ея.» Выслушавъ роковое извѣстіе она сказала: что  
король не побоятся никакой жертвы въ пользу отечества,  
но прибавила, что *нѣтъ ничего подь солнцемъ столь труд-  
ново до чего бы не могли дойти согласіе и отвана.*

И она рѣшилась вводить согласіе и слабая женщина—  
дать собою образецъ мужества доблестному рыцарству. Ея  
вліянію авторъ приписываетъ возвращеніе большей части  
войскъ подъ знамена законнаго монарха, и скорое возвра-  
щеніе Яна Казимира, которое оживило унылыя сердца.—«По-  
«просту, говорить Выджга, это прибытіе было какимъ-то ду-  
«хомъ, который оживилъ войска, потому что соединилъ и  
«лица, и сердца и совѣты.» А королева усердно дѣйствуетъ  
въ Силезіи: то она укрѣпляетъ бѣглую шляхту, то перего-  
варивается съ шведскими военачальниками и возвращаетъ  
нѣсколько занятыхъ ими городовъ, то посылаетъ дары въ  
Ченстохово, и окончательно преклоняетъ Крымскихъ Та-  
таръ на сторону Польши. Возвращается въ отечество, на  
пути подъ Хойницами получаетъ вѣсть о томъ, что Шведы  
уже не далеко; Чарнецкій, сопутствовавшій ей, спѣшитъ ее  
успокоить, но неустрашимая женщина говоритъ: «Вы повѣ-  
«жайте съ Божиимъ благословеніемъ, и будьте увѣрены, что  
«мы не легко сдадимся, я буду васъ ждать.»

Выджга беретъ сторону королевы, что она лучше трак-  
татами желала обязать Ракоцаго къ удаленію изъ Польши,  
чѣмъ видѣть его изгнаннымъ силою оружія, потому,  
какъ на примѣръ ея любви къ отечеству, указываетъ на до-  
бровольное согласіе отдать въ залогъ Австріи солянныя ко-

ни, съ которыхъ доходы шли на со́держаніе королевскаго стола; наконецъ въ доказательство ея политической дальновидности приводитъ то обстоятельство, что она не хотѣла согласиться на удаленіе изъ Варшавы французскаго посла, хотя Франція, помогая Шведамъ, явно обнаруживала свою непріязнь къ Польшѣ. Поистинѣ! потомство отдавая справедливость женской доблести королевы Маріи Лудовики, не можетъ признать вѣрными и безпристрастными ея дипломатическія виды. Переговоры о мирѣ съ Шведами и императоромъ и новыя похвалы королевѣ оканчиваютъ Дневникъ Выджги.

Еще лучше, чѣмъ въ этомъ памятникѣ, необыкновенный характеръ супруги Яна Казимира изображается въ ея *Письмахъ къ юношкѣ de Choisy*, которые отысканы г. Granier de la Marinière, а Ал. гр. Пржездѣцкимъ переведены съ французскаго на польскій языкъ. Это одинъ изъ лучшихъ памятниковъ, оставшихся отъ временъ покоренія Варшавы Шведами 1656 г., написанный съ достовѣрностію однимъ изъ героевъ этого достопамятнаго событія (Варшавская Библиотека 1851 г.). Разсмотримъ эти письма, обращая вниманіе на историческую личность сочинительницы.

Отъ 22 марта, писавши изъ Глогова въ Силезіи, Марія Лудовика своею женскою проницательностію угадываетъ, что Ракоцыи станетъ дѣйствовать за одно со Шведами, инстинктивно боится Хмѣльницкаго, съ дипломатическою опытностію описываетъ состояніе воюющихъ державъ, исчисляетъ войска и ихъ положенія съ вѣрностію военачальника, и при этихъ важныхъ предметахъ, находитъ еще время вспомнить о томъ какъ танцевалъ Замоискій въ королевскихъ палатахъ Парижа, доносить о его любви къ малюткѣ d'Arguien (будущей польской королевѣ Маріи Казимирѣ), ходатайствовать о какомъ-то поручикѣ французской коро-

левской гвардіи. Хладнокровно, естественно, какъ будто о какомъ-нибудь пиршествѣ рассказываетъ она объ осадѣ Варшавы, какъ смотрѣла она на пушечные выстрѣлы, какъ пушка наведенная ею не мало причиняла вреда въ рядахъ непріятельскихъ; рассказываетъ цѣлый планъ битвы безъ преувеличеннаго геройства, безъ страха, съ однимъ только гнѣвомъ, потому что думала она, что война сейчасъ кончится, такъ она *начала уже наскучать ей*. Какая возвышенность въ характерѣ, степенность въ поступкахъ и вмѣстѣ сколько пустоты! Сознавая цѣну всего того, что сдѣлала она для Польши, Марія дорожить своею популярностію, съ гордостію доноситъ о всѣхъ признакахъ того сочувствія, съ какими ее встрѣчаютъ, прекрасно изображаетъ воинственный характеръ Поляковъ и даже пускается въ стратегическія тонкости, что дивно идетъ къ лицу этой единственной женщины.

Разсмотримъ теперь записки другаго героя этого грустнаго, но вмѣстѣ великаго времени. Противопоставимъ личности доблестной женщины личность героя монаха, съ молитвою на устахъ, съ вѣрою въ сердцѣ, съ огнемъ въ глазахъ, держащаго въ рукѣ зажженный фтиль. Разсмотримъ дивныя записки священника Августина Кордецакаго подъ заглавіемъ: *Новая война гигантовъ противъ св. иконы Пречистой Дѣвы, писанной св. Лукою и помѣщенной на Ченстоховской горѣ* (Nova gigantomachia contra Sacram Imaginem Deiparae Virginis a S. Luca depietam et in Monte—Claro Czenstochoviensi... collocatam etc. Кракъ 1655 г.). Авторъ, проникнутый духомъ Божиимъ, рассказывая о чудесномъ отраженіи десяти тысячъ Шведовъ отъ слабо защищаемыхъ стѣнъ Ченстохова горстію монаховъ и испуганной шляхты—не выставляетъ себя на первомъ планѣ описанія, хотя это мѣсто собственно ему принадлежало. Въ тѣни, которой по скромности онъ закры-

вается, мы замѣчаемъ его однако, и съ удивленіемъ спрашиваемъ, какъ далась этому человѣку посѣдѣвшему въ стѣнахъ монастырскихъ, такая опытность воинская? это искусство въ переговорахъ со Шведами? эта вѣра въ спасеніе священнаго мѣста, невозможное по всѣмъ человѣческимъ расчетамъ? Простотою и вѣрою дышитъ Гигантомахія Кордецкаго, тою именно, которую отличались всѣ его дѣйствія въ Ченстоховѣ, какъ укрѣплялъ онъ духъ монаховъ и шляхты, когда съ полною самоувѣренностію договаривался со Шведами, когда на молитвѣ воздѣвалъ къ небу дрожащія руки. Съ простотою и хладнокровіемъ руководилъ онъ великимъ дѣломъ, просто и хладнокровно изображаетъ онъ въ своихъ запискахъ день за днемъ, событіе за событіемъ, подобно древнему лѣтописцу, который рассказываетъ о вещахъ давноминувшихъ, о дѣяніяхъ, которыя повидимому извѣстны ему только по преданію, а не по личному удостовѣренію. Каждая страница этихъ записокъ, какъ будто запечатлѣна стихомъ Псалмопѣвца: «Не намъ, не намъ Господи дай славу, но имени твоему.»

Нужно ли намъ рассказывать содержаніе Гигантомахіи? Бому не знакома прекрасная повѣсть Крашевскаго подъ заглавіемъ *Кордецкій*, и разборъ Гигантомахіи, составленный тѣмъ же авторомъ (Athenaeum 1847 г. Т. I.).

Оставимъ войны и великія историческія лица, и бросимъ взглядъ на мирную шляхту, на грубое лицо шляхтича того времени, рассмотримъ небольшія польскія записки, извѣстныя подъ заглавіемъ: *Лѣтописецъ или хроника различныхъ дѣлъ, событій давнихъ, и современныхъ моей жизни съ этой юдолей плача, Иоашима Брлича* (Latopisiec, albo kroniczka rożnych spraw i dziejow dawnych i terazniejszych z wieku i życia tego na tym padole płaczu) отъ 1620 до 1673 г., которыя въ новѣйшее время изда-

ны К. В. Войццимиъ (С.-Петербургъ 1853 г.). Эти записки содержатъ въ себѣ реляцію о родѣ автора, о немъ самомъ и о современныхъ ему событіяхъ въ Польшѣ или лучше на Украинѣ, въ его отечествѣ. Военную службу началъ онъ на 17 г. жизни, подъ начальствомъ гетмана Жолтѣвскаго, во время несчастнаго перемирія, которое послѣдній заключилъ съ Турками подъ Бушею, потомъ Ерличъ переписывалъ русскія дипломы въ Канцеляріи меньшей печати, подъ руководствомъ подканцлера Андрея Линскаго, въ слѣдъ за тѣмъ снова вступаетъ въ военную службу; подъ Хотинномъ раненный въ ногу, послѣ краткаго путешествія, поселяется наконецъ въ Ходорковѣ на Руси, женится, два раза теряетъ все свое состояніе отъ грабежа, еще разъ пробуетъ воинскаго счастья подъ знаменемъ Чарнецкаго, присутствуетъ при его кончинѣ, въ слѣдъ за тѣмъ переживъ двѣ жены и нѣсколько дѣтей, отправляется въ Кіевопечерскую лавру на богомолье, и тамъ пишетъ свои записки. Не много передаетъ онъ свѣдѣній о Хотинской войнѣ, болѣе за то свѣта проливаетъ на царствованіе Владислава IV, и на его намѣренія ударить на Турокъ для освобожденія Греціи—любимая мысль тогдашней дипломатіи, чему доказательствомъ служатъ оды Сарбѣвскаго. Но болѣе подробно говоритъ онъ о войнахъ съ казачествомъ, и неудивительно, потому что лучше другихъ зналъ ихъ, самъ былъ ихъ жертвою, и связанный съ Україною греческимъ исповѣданіемъ, польскій шляхтичъ родомъ, онъ наилучше могъ понимать духъ обоихъ народностей, ихъ понятій и потребностей. Впрочемъ въ запискахъ Ерлича, мы находимъ нѣсколько чертъ характеризующихъ историческія лица Конецпольскаго, Чарнецкаго, Хмѣльницкаго, Радзѣивскаго и Яна Казимира, къ которому онъ очевидно неблаговольтъ, называя его *Kazirokoj* (нарушителемъ спокойствія). Въ нихъ замѣчены также годы

мора, голода, саранчи и кончины знаменитѣйшихъ мужей отечества и т. д.; также стишки и пасквили, которые ходили по рукамъ, какъ на примѣръ русскую пѣсню о Николаѣ Потоцкомъ, *Отче нашъ* къ Яну Казимиру, стихотвореніе на смерть Гонсѣвскаго и т. д. Словомъ, дѣлитель послѣдняго изъ дома Вазовъ найдетъ у Ерлича не одну любопытную подробность; его записки, какъ ни сухо они написаны, достойны однакоже вниманія отечественнаго историка, какъ выраженіе взглядовъ и мнѣній тогдашней Украинской шляхты, типомъ которой можно назвать Ерлича.

Вънцомъ записокъ не только въ эпохѣ Вазовъ, но и во всей нашей Литературѣ служатъ *Записки Паска*. Авторъ ихъ подобно Ерличу былъ простой шляхтичъ, жилъ въ одно время съ Ерличемъ, также какъ послѣдній попросту записывалъ тѣ предметы, которые видѣлъ, въ которыхъ принималъ участіе, и записки Паска подобно запискамъ Ерлича, принадлежать въ половину эпохѣ Вазовъ и эпохѣ королей избирательныхъ. Онъ былъ простымъ рыцаремъ Польши, жизнь его легко представить въ немногихъ чертахъ: подъ предводительствомъ Чарнецкаго сражался онъ противъ Ракоцаго и Шведовъ, неразлучно почти отъ своего полководца, дѣлилъ съ нимъ счастье и несчастье. Былъ въ Даніи. Подъ конецъ правленія Яна Казимира жилъ въ деревнѣ Равскаго воеводства, исполняя должность уѣзднаго коморника, ѣздилъ на сеймы, два раза былъ предводителемъ дворянства на Равскихъ сеймахъ, пользовался любовью и уваженіемъ Яна Казимира и Яна III—вотъ и все содержаніе его жизни. Но когда онъ самъ станетъ рассказывать о себѣ, мы испытываемъ дивное очарованіе; потому что воинъ, царедворецъ, человекъ бывалый и полный фантазіи, какъ самъ онъ о себѣ говоритъ, человекъ обходительный, умѣющій рассказывать свои приключенія. Нѣтъ у него притязанія на



ученость и нравоученія, какъ у Прокѣпа Пѣвѣнжа, нѣтъ сухихъ описаній, какъ у Ерлича, видно только, что у него, хотя не искусное перо управляло языкомъ, разсказъ его простъ, живъ, нагляденъ, чудно передаетъ колоритъ своего вѣка и состоянія. Описываетъ ли онъ Данію и свои въ ней приключенія, или обозные пирушки, онъ въ нѣсколькихъ словахъ обрисовываетъ характеръ какого-нибудь воина, своего сослуживца, или картину какой-нибудь битвы, осады, или свои любовныя похождения, или разговоръ съ королемъ, все это у него такъ естественно, такъ правдоподобно, какъ будто бы самъ видишь, не только все то, что онъ разсказываетъ, но и самый ходъ событій. Записки Паска полны жизни, дѣйствуютъ на воображеніе, переносятъ насъ въ тѣ времена, въ кругъ тогдашнихъ шляхтичей, мужественныхъ, шумныхъ, своевольныхъ, благочестивыхъ, любящихъ пирушки, душою преданныхъ отечеству. Этотъ несравненный тонъ разсказа былъ поводомъ къ тому, что долго послѣ изданія записокъ Паска, ихъ считали искусственнымъ подложнымъ изображеніемъ временъ Яна Казимира; даже М. Вишневскій, необыкновенный знатокъ характера древней нашей литературы раздѣлялъ это мнѣніе, но теперь истинность ихъ неподлежитъ болѣе сомнѣнію. Одинъ ихъ списокъ найденъ былъ въ Познани, а другой въ С.-Петербургѣ, и публика могла убѣдиться, что они появились не въ наше время, но составляютъ дѣйствительный памятникъ временъ прошедшихъ. Пометивъ, тотъ, кто бы теперь могъ написать что-нибудь подобное, долженъ былъ бы гордиться своимъ трудомъ, а не сирывать его. Къ чему мистифицировать современниковъ? Мы признали бы несомнѣнность записокъ Паска, еслибы даже вѣлющій отъ нихъ духъ древности не говорилъ въ ихъ пользу. <sup>1</sup>

<sup>1</sup> Теперь сделано новое изданіе этой книги съ картинками гравированными тѣмъ же издателемъ.

Вотъ и все о запискахъ. Къ роду легкой литературы принадлежать еще *Романы и Повѣсти*; въ эпоху Ягеллоновъ мы указали нѣсколько произведеній, которые при обманѣ нѣкотораго рода могутъ носить это имя. Въ настоящую эпоху мы должны ограничиться краткимъ перечисленіемъ нѣсколькихъ произведеній этого рода: *Исторія о Маеллонъ и Фортунатъ*, написанная стихами или переведенная Андреемъ Дембовскимъ (Краковъ 1586 г.), была сигналомъ къ перенесенію на нашу почву западнаго рыцарскаго романа. Трудъ этотъ не имѣлъ большаго успѣха и не вызвалъ себѣ множества подражателей. Тотъ же Дембовскій перевелъ два другіе романа, какъ-то: *Исторію о греческомъ королѣ, и Измудру*. По наслышкѣ знаемъ объ *Исторіи о безобразной вдовѣ*, и о другой исторіи подъ заглавіемъ: *Бересоля*. Произведенія того же рода чисто вымышленныя (какъ напр. *Исторія о разрушеніи Трои*, изд. до 1589 г.) или религіозныя, какъ *Исторія о Юдиои, вдовѣ добродѣтельной* 1641 г., всегда однако запечатлѣны нравственною мыслию, хотя не имѣли еще и понятія объ изображеніи характеровъ въ повѣстяхъ. Къ романамъ мы причисляемъ еще (по недостатку другаго для нихъ мѣста) два страшно-фантастическія произведенія. Переводъ нѣмецкой книги *Eulenspiegel* (Зеркало совы) извѣстной подъ заглавіемъ: *Забавнаго и смѣшнаго пострѣла* (Sowizryzał krotofilny i smieszny), въ немъ описаны различныя продѣлки и фарсы героя. *Странствованіе Мацька изъ Ходавки, сына Курнета, брата Навлока, которое описалъ Копера на лошадиномъ пераментѣ*. (Peregrynacya Mackowa z Chodawki Kurpetowego syna, a Nawlokowego brata, którą opisał Kopera na kobyłim pargaminie); здѣсь богатырь обходитъ дивныя страны, гдѣ мосты построены изъ паутины, ворота изъ голеней комарей, подъемные мосты изъ тварога,

гдѣ жупаны носятъ изъ сыворотки, поясы изъ сахара и т. п. бредни, которые могли читаться только въ кругу самыхъ невзыскательныхъ читателей.—Вотъ все, что мы можемъ сказать о романѣ и повѣсти въ эпоху Вазовъ.

Западный романъ не могъ получить у насъ правъ гражданскихъ. Воинственный Полякъ, сражавшійся съ Турками и Татарами за цѣлость своей земли, за женъ и дѣтей—не могъ сильно сочувствовать приключеніямъ блуждающаго рыцаря, странствующаго по міру, ищущаго приключеній во имя дамы своихъ мыслей. Жены наши жили жизнію благочестивою и домашнею, они не могли быть героинями подобныхъ *исторій*. Романъ не имѣлъ еще той что теперь опоры для своего существованія. Среди дѣятельной жизни Поляковъ мало было времени для того, чтобы разыгралась въ нихъ фантазія, развились чувства, изострилось любопытство для слушанія повѣстей. Если шляхта собиралась въ братскій кружокъ, или подъ кровлею поселянина загорался огонекъ веселой вечера, не было нужды прибѣгать къ печатнымъ романамъ. Тамъ жизненные задачи сеймовъ, воспоминанія прошедшихъ битвъ, басня или домашняя болтовня—слишкомъ были достаточны для того, чтобы убить вечернее время. Мы не понимали романическихъ лицъ запада; романъ и повѣсть подобно тому, какъ теперь не обнимали собою всѣхъ вопросовъ искусства—или вопросовъ общественности.

Романъ въ Польшѣ былъ бы чуждъ всякаго интереса, а потому у насъ почти не было романа. Какъ онъ развился, какъ поглотилъ собою обычаи, исторію и римованную поэзію, мы покажемъ это, говоря о новой литературѣ.